ОРЛОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИМЕНИ В. В. ЛУКЬЯНОВА

ISSN 2713-2536

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
ОРЛОВСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ ИМЕНИ В. В. ЛУКЬЯНОВА

Электронный журнал

№ 2 (107) 2026 г.

Орёл
ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова
2026

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова [электронный ресурс]: электронный журнал Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова. – Электр. текстовые данные (3,57 Мб). – Орёл: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2026. – 1 компакт-диск: 12 см.

Журнал является периодическим электронным изданием, в котором публикуются результаты научных исследований ведущих ученых и молодых авторов по юридическим отраслям науки, а также передовому опыту борьбы с преступностью в России и за рубежом.

Минимальные системные требования: процессор Intel с частотой не менее 1,3 ГГц; ОЗУ 512 Мб; операц. система семейства Windows; Adobe Reader v. 4.0 и выше; дисковод; мышь.

Текстовое электронное издание.

© ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2026

Об издании – 1, 2, 3, 4, 5

Электронное издание создано
при использовании программного обеспечения:
Microsoft Word, Adobe Acrobat Reader.
Редакторы *С. В. Меркулов, Н. Н. Зайцева*

Дата выхода в свет: 13.07.2026
Объем издания: 3,57 Мб
Комплектация издания: 1 компакт-диск: 12 см
Тираж: 25 компакт-дисков
16+

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор).
Реестровая запись
от 14.08.2020 серия Эл № ФС 77-78909.
Распространяется бесплатно.

Учредитель:
Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В. В. Лукьянова»

Адрес редакции и издателя:
302027, Орёл, ул. Игнатова, 2.
Тел. 8 (4862) 41-09-66 доп. 4-05
E-mail: niirio.oryui@yandex.ru
https://орюи.мвд.рф

Об издании – 1, 2, 3, 4, 5

Журнал включен в Научную электронную библиотеку, в систему Российского индекса научного цитирования URL: http://www.elibrary.ru, в актуальную версию Единого государственного перечня научных изданий – «Белого списка» и в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученойстепени доктора наук в отрасли «Юридические науки» по специальностям:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.

ФГКОУ ВО «Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В. В. Лукьянова»

© Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 2026.

Об издании – 1, 2, 3, 4, 5

Редакционная коллегия:

Главный редактор – начальник
Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
кандидат юридических наук, доцент Д. Л. Проказин

Заместитель главного редактора – заместитель начальника
Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
по научной работе кандидат юридических наук, доцент Д. Ф. Флоря

Члены редакционной коллегии:
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
кандидат юридических наук, доцент Л. А. Алексеева;

профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени Макана Есбулатова,
доктор юридических наук, профессор А. А. Аубакирова;

профессор кафедры уголовного права
Юго-Западного государственного университета
доктор юридических наук, профессор А. Б. Баумштейн;

первый заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь
кандидат юридических наук, профессор А. В. Башан;

заместитель начальника кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России
кандидат юридических наук, доцент М. В. Баранчикова;

начальник центра организационного обеспечения научной деятельности
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
доктор юридических наук, доцент С. С. Безруков;

главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела
Московской академии Следственного комитета имени А. Я. Сухарева
доктор юридических наук, профессор В. Ф. Васюков;

профессор кафедры государственного и муниципального права
Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского
доктор юридических наук, профессор В. В. Головко;

заместитель начальника Белгородского юридического института
МВД России имени И. Д. Путилина по научной работе
доктор юридических наук, профессор О. А. Дизер;

профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии
доктор юридических наук, доцент И. А. Ефремова;

первый заместитель начальника Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор О. В. Зиборов;

начальник кафедры «Автомобильной подготовки» Академии МВД Республики Узбекистан
кандидат технических наук, профессор С. А. Калауов;

начальник кафедры теории государства и права Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор А. И. Клименко;

профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Новосибирского военного ордена Жукова института имени
генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
доктор юридических наук, доцент Н. Ю. Лебедев;

профессор кафедры теории государства и права Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя Заслуженный работник высшей школы,
почетный работник высшего профессионального образования,
доктор юридических наук, профессор В. П. Малахов;

профессор кафедры уголовно-процесуального права имени Н. В. Радутной
Российского государственного университета правосудия
доктор юридических наук, профессор Е. В. Марковичева;

профессор кафедры уголовного процесса
Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
доктор юридических наук, доцент К. В. Муравьев;

главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра № 5
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор В. В. Николюк;

профессор кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России
доктор юридических наук, профессор А. В. Никуленко;

начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных
кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор Р. Б. Осокин;

начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России
доктор юридических наук, профессор А. В. Победкин;

начальник кафедры уголовного процесса Орловского юридического
института МВД России имени В. В. Лукьянова
кандидат юридических наук, доцент Е. А. Семенов
(*ответственный секретарь*);

первый заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор О. И. Цоколова;

профессор кафедры организации правоохранительной и правозащитной деятельности
Тульского института (филиала) (РПА Минюста России)
ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России
доктор юридических наук, профессор Н. Г. Шурухнов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Теоретико-исторические правовые науки

Алексеева Л. А. «СТОИМОСТЬ» НАРУШЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ……..... 14

Дикова И. В. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ..…… 22

Мадышева А. А. МЕСТО ИДЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ……..……...……29

Фомичев А. А. ОБ ИНТЕГРАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ПРАВОПОРЯДОК……...…….. 36

Шалимова О. Н. ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В РОССИИ.…… 43

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Афонина Е. Г. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕТСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ……..... 52

Ахтанина Н. А. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ…..... 59

Беляева О. В. КОРРУПЦИЯ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА……..... 72

Губенков А. О. ПРЕЗУМПЦИЯ ВИНОВНОСТИ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ……..81

Гусев К. А. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СИСТЕМЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ..…..……..88

Жбанова С. А., Копыл Д. В. ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ……..... 96

Жуков В. Г. МОНИТОРИНГ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ ДЕСТРУКТИВНЫХ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ……... 105

Капустина Е. Г. РОЛЬ СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СИСТЕМ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ……. 114

Карнаухова Ю. А. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПОЗИТИВНЫХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРОЦЕДУР, РЕАЛИЗУЕМЫХ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ……..... 122

Легоцкий В. Н. ПРИМЕНЕНИЕ СРЕДСТВ ОГРАНИЧЕНИЯ ПОДВИЖНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ РЕШЕНИЙ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ВЫДВОРЕНИИ, ДЕПОРТАЦИИ, РЕАДМИССИИ….. 130

Матросова Л. Д., Ковалева Е. Г. СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ…..……... 137

Малышева Н. А., Булыжкин Д. А. СООТНОШЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ НОРМ В РЕГУЛИРОВАНИИ СКИДОК В СИСТЕМЕ ДОГОВОРНОГО ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ: ГЕНЕЗИС И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ……..…….147

Мельник С. В., Надтачаев П. В., Понтелеева М. А. РЕГУЛЯТИВНЫЕ ПЕСОЧНИЦЫ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ В СФЕРЕ ЦИФРОВЫХ ИННОВАЦИЙ…… 154

Мишина Ю. В., Юшина К. А. УЧАСТИЕ В ДОРОЖНОМ ДВИЖЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН КАК ФАКТОР ПОВЫШЕННОГО РИСКА ДЛЯ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ……..….163

Новичкова Е. Е., Сидорова М. В. ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ УНИФИКАЦИИ И КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ РЕГИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ..... 176

Шумилин В. П., Тимофеев В. В. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ИДЕНТИФИКАЦИИ И АУТЕНТИФИКАЦИИ ЛИЦА.....….…....184

Шумский В. В., Ткаченко В. В., Колениченко В. В. ПРЕСТУПНОСТЬ И ТЕРРОРИЗМ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ……...…….193

Уголовно-правовые науки

Бирюков С. Ю. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА……..... 201

Власова С. В., Наметкин Д. В. ОТМЕНА ПРИГОВОРОВ СУДАМИ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ С ПОСТАНОВЛЕНИЕМ НОВОГО АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРИГОВОРА: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ……..… 214

Дубоносов Е. С. ОФИЦИАЛЬНОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ КАК СПЕЦИАЛЬНАЯ ФОРМА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ……....….220

Зарубина К. А. КРИМИНАЛЬНЫЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗМ И КРИМИНАЛЬНОЕ УМЕНИЕ: К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ УРОВНЯ ПРЕСТУПНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ……..……..……..... 225

Корнеев С. А. РЕПРЕССИВНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ……231

Крылов А. А. ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ О ЮРИДИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ БЛАНКЕТНОГО ХАРАКТЕРА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ……..... 239

Крысина Т. Е. ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ЛЖЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИРМ-ОДНОДНЕВОК КАК СПОСОБА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НЕЗАКОННОГО ОБНАЛИЧИВАНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ……..... 248

Кузьмин Н. А., Завьялов И. А., Вихляев А. А. ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 282 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ..... 255

Медведева Т. В. ПРАВОНАРУШЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: ПРАВОВЫЕ РАМКИ И КЛАССИФИКАЦИЯ……..……... 263

Попова М. В. НЕОБХОДИМОСТЬ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ ДАННЫХ ДОСУДЕБНОГО ЭЛЕКТРОННОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА……..…… 272

Сидорова Е. З., Куровский В. М. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИОННЫМ УГРОЗАМ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ КАК МЕРА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ……..... 280

Сретенцев А. Н., Муравьева М. А. ПРИМЕНЕНИЕ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ……..……....289

Сучков А. И. ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ПРИМЕНЕНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОСМОТРА МЕСТА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ……... 296

Терехова Е. М., Смирнов И. М. ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ВОЗДУШНЫХ СУДОВ ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ……..... 303

Тимофеев С. В. «ЩИТ ИЗ МОЛЧАНИЯ»: РЕЖИМ НЕРАЗГЛАШЕНИЯ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ……..... 313

Тишков С. А., Малыхин И. В. К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С УЧАСТИЕМ ВИНОВНЫХ ЛИЦ, СКРЫВШИХСЯ С МЕСТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ… 322

Тучков А. Ю. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ……..…….. 331

Ушаков А. Ю., Мельникова Е. Ф., Чаплыгина В. Н. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТ В КОНТЕКСТЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ……..…….....340

Цинова М. В., Баранова Ю. В. СТАНОВЛЕНИЕ ОПЫТА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШЕННЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ……..... 348

Шаров Д. В. ПОНЯТИЕ ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИВОДСТВЕ……. 357

Швырков В. В., Андреева А. В. СНИЖЕНИЕ АКТУАЛЬНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СТ. 105.1 УПК РФ В УСЛОВИЯХ ГУМАНИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ПРИЧИНЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ……. 363

Шмендель С. М. ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ……...…. 373

Шуваева М. С., Морозова Н. В. КВАЛИФИКАЦИЯ И РАССЛЕДОВАНИЕ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ…….….. 381

Шурухнов Н. Г. ПРИЗНАКИ И ОСНОВАНИЯ ПРИЗНАНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЯ ЗЛОСТНЫМ УКЛОНЕНИЕМ ОТ ОТБЫВАНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ……..…… 389

Яшин В. Н. СТРАТЕГИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ И ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА……..... 398

Информация для авторов……..405

CONTENTS

Theoretical-historical legal sciences

Alekseeva L. A. «COST» OF VIOLATIONS OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS IN THE RUSSIAN FEDERATION……...…..… 14

Dikova I. V. STATE SOVEREIGNTY AND THE JUDICIARY..…...…….. 22

Madysheva A. A. THE PLACE OF IDEOLOGY IN THE MODERN RUSSIAN STATE..……. 29

Fomichev A. A. ON PERSONAL INTEGRATION INTO THE LEGAL SYSTEM……. 36

Shalimova O. N. HISTORICAL AND THEORETICAL FEATURES OF THE FORMATION OF THE MEDIATION INSTITUTE IN THE RUSSIA……..…….43

Public-law (state-legal) sciences

Afonina E. G. ACTUAL PROBLEMS OF ROAD SAFETY EDUCATION FOR CHILDREN...…..…….…… ……...….52

Akhtanina N. A. FEATURES OF THE FORMATION OF THE RUSSIAN FEDERATION'S MIGRATION POLICY: HISTORY AND MODERNITY……..……59

Belyaeva O. V. CORRUPTION AS A THREAT TO THE NATIONAL SECURITY OF THE STATE……... 72

Gubenkov A. O. ON THE ISSUE OF PARTIAL DECRIMINALIZATION OF BEATINGS…….81

Gusev K. A. FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE SYSTEM OF REGULATION OF MIGRATION PROCESSES……..…..... 88

Zhbanova S. A., Kopyl D. V. LEGAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS OF INTRODUCING ELECTRONIC DOCUMENT CIRCULATION INTO THE ACTIVITIES OF THE STATE AUTOMOBILE INSPECTORATE……... 96

Zhukov V. G. MONITORING OF THE INTERNET INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORK AS AN INDEPENDENT AREA OF POLICE ADMINISTRATIVE ACTIVITIES TO IDENTIFY DISTRUCTIVE YOUTH SUBCULTURES IN THE DIGITAL ENVIRONMENT……..…….105

Kapustina E. G. THE ROLE OF MODERN INTELLIGENT TRANSPORT SYSTEMS IN ROAD SAFETY……..... 114

Karnaukhova Yu. A. DIGITALIZATION OF POSITIVE ADMINISTRATIVE PROCEDURES IMPLEMENTED BY THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION……...122

Legotsky V. N. THE USE OF MOBILITY RESTRICTIONS IN THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION IN EXECUTION OF DECISIONS ON ADMINISTRATIVE EXPULSION, DEPORTATION, READMISSION…… ……..... 130

Matrosova L. D., Kovaleva E. G. CONTEMPORARY TRENDS IN THE APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: PROSPECTS AND CHALLENGES……..…137

Malysheva N. A., Bulyzhkin D. A. THE RATIO OF ADMINISTRATIVE AND CIVIL LAW NORMS IN THE REGULATING OF DISCOUNTS IN THE CONTRACTUAL PRICING SYSTEM: GENESIS AND CURRENT STATE……...…...…...147

Melnik S. V., Nadtchaev P. V., Ponteleeva M. A. REGULATORY SANDBOXES AS A TOOL FOR COMPETITIVENESS IN THE FIELD OF DIGITAL INNOVATION..154

Mishina Yu. V., Yushina K. A. PARTICIPATION OF FOREIGN CITIZENS IN ROAD TRAFFIC AS AN INCREASED RISK FACTOR FOR ROAD TRAFFIC SAFETY IN RUSSIA..…… 163

Novichkova E. E., Sidorova M. V. PROBLEMATIC ASPECTS OF UNIFICATION AND QUALITY OF PREPARATION OF REGIONAL LEGISLATION IN THE FIELD OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY..…….....176

Shumilin V. P., Timofeev V. V. INFORMATION TECHNOLOGIES FOR DIFFERENTIATION OF BIOMETRIC CHARACTERISTICS FOR FACIAL IDENTIFICATION AND AUTHENTICATION..…….....184

Shumsky V. V., Tkachenko V. V., Kolenichenko V. V. CRIME AND TERRORISM: THE RELATIONSHIP OF CONCEPTS..…….....193

Criminal Law Sciences

Biryukov S. Y. CRIMINALISTIC ASPECTS OF STUDYING THE PERSONALITY OF INDIVIDUAL PARTICIPANTS IN THE CRIMINAL PROCESS.....201

Vlasova S. V., Nametkin D. V. CANCELLATION OF SENTENCES BY APPELLATE COURTS WITH THE ISSUANCE OF A NEW APPEAL SENTENCE: PROCEDURAL GROUNDS AND PRACTICE OF APPLICATION……..… 214

Dubonosov E. S. OFFICIAL WARNING AS A SPECIAL FORM OF OPERATIONAL AND SEARCH PREVENTION……..……... 220

Zarubina K. A. CRIMINAL PROFESSIONALISM AND CRIMINAL SKILL: ON THE ISSUE OF DETERMINING THE LEVEL OF CRIMINAL QUALIFICATION…….. 225

Korneev S. A. THE REPRESSIVENESS OF CRIMINAL PROCEDURAL COERCION THROUGH THE PRISM OF CRIMINAL LEGAL IMPACT…… 231

Krylov A. A. DESCRIPTION OF MODERN CONCEPTS REGARDING BLANKET-TYPE LEGAL CONSTRUCTIONS IN CRIMINAL LAW……..239

Krysina T. E. SOME ASPECTS OF IDENTIFYING THE FRAUDULENT ACTIVITIES OF ONE-DAY FIRMS AS A WAY TO CARRY OUT ILLEGAL CASH WITHDRAWAL.…….....248

Kuzmin N. A., Zavyalov I. A., Vikhlyaev A. A. SELECTED ASPECTS OF OPERATIONAL AND SEARCH PREVENTION OF CRIMES PROVIDED FOR IN ARTICLE 282 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION……....255

Medvedeva T. V. EXTREMIST OFFENSES: LEGAL FRAMEWORK AND CLASSIFICATION……..……...…... 263

Popova M. V. THE NECESSITY OF CONCEPTUALING DATA PRIVACY IN PRE-TRIAL ELECTRONIC CRIMINAL PROCEEDINGS……..272

Sidorova E. Z., Kurovsky V. M. COUNTERING CORRUPTION THREATS IN THE FIELD OF MIGRATION AS A MEASURE TO ENSURE RUSSIA'S NATIONAL SECURITY..……..... 280

Sretencev A. N., MURAVYEVA M. A. APPLICATION OF AI SYSTEMS IN THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES: STATUS AND PROBLEMS OF LEGAL REGULATION…….....289

Suchkov A. I. LEGAL ASSESSMENT OF THE USE OF UNMANNED AERIAL VEHICLES IN THE INSPECTION OF THE SCENE OF A TRAFFIC ACCIDENT…..... 296

Terekhova E. M., Smirnov I. M. ISSUES OF MODERN PRACTICE OF USING UNMANNED AIRCRAFT DURING THE INSPECTION OF THE SCENE OF A TRAFFIC ACCIDENT……..... 303

Timofeev S. V. «A SHIELD OF SILENCE»: NON-DISCLOSURE AS A SYSTEMATIC ELEMENT OF OPERATIVE-SEARCH ACTIVITIES…….…….... 313

Tishkov S. A., Malykhin I. V. TO THE QUESTION OF CRIMINALISTIC CHARACTERIZATION OF ROAD TRAFFIC CRIMES INVOLVING PERPETRATORS LEFT THE CRIME SCENE ……....……322

Tuchkov A. Yu. OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES IN THE DIGITAL ENVIRON-MENT…….. 331

Ushakov A. Yu., Melnikova E. F., Chaplygina V. N. THE CURRENT STATE OF LEGAL REGULATION OF CRYPTOCURRENCIES IN THE CONTEXT OF CRIME INVESTIGATION……..…….....340

Tsinova M. V., Baranova Yu. V. DEVELOPING THE EXPERIENCE OF FOREIGN COUNTRIES IN PREVENTING AND COUNTERING CRIMES COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES……..348

Sharov D. V. ON THE CONCEPT OF LEGAL INTERESTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS……..…….…….. 357

Shvyrkov V. V., Andreeva A. V. DECREASE IN THE RELEVANCE OF THE APPLICATION OF ARTICLE 105.1 OF THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE IN THE CONTEXT OF THE HUMANIZATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS: CAUSES AND PROSPECTS ……..….....363

Schmendel S. M. DRIVING TO SUICIDE: QUALIFICATION ISSUES AND THE IMPACT OF DIGITALIZATION……...….373

Shuvaeva M. S., Morozova N. V. IATROGENIC CRIME QUALIFICATION AND INVESTIGATION: PROBLEMS, SOLUTION……...……381

Shurukhnov N. G. SIGNS AND GROUNDS FOR RECOGNIZING AN OFFENSE AS MALICIOUS EVASION FROM SERVING AN ADDITIONAL SENTENCE AS RESTRICTION OF FREEDOM.……...……...…….. 389

Yashin V. N. STRATEGY FOR THE REFORM AND FURTHER DEVELOPMENT OF CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION…….....398

Information for authors ……...405

Научная статья
УДК 242.7

«СТОИМОСТЬ» НАРУШЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Алексеева Лилия Алексеевна
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

Llllilia@mail.ru

Аннотация. В статье освещаются отдельные аспекты формирования и современного понимания прав человека; рассматриваются ключевые элементы правовой системы, обеспечивающие соблюдение этих прав. Подчеркивается значимость признания прав человека, анализируется роль государства в защите личности от произвола власти. Обращается внимание на нормы отечественного законодательства, регламентирующего право на свободу и личную неприкосновенность. Особое роль в статье отведена анализу теории и практики судебной оценки нарушения фундаментального права человека и гражданина – права на свободу и личную неприкосновенность. Обсуждаются проблемы судебной практики в области возмещения вреда лицам, пострадавшим от незаконного содержания под стражей. Акцентируется внимание на пренебрежительном отношении со стороны судебных органов к проблеме адекватного определения компенсации за незаконное содержание под стражей, а также указывается на необходимость совершенствования механизма определения размеров компенсаций с учетом позиций международных правозащитных инстанций и Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: права человека, возмещение вреда, судебная практика, право на свободу, право на личную неприкосновенность, содержание под стражей.

Для цитирования: Алексеева А. А. «Стоимость» нарушения прав и свобод человека и гражданина в российской федерации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 14–21.

«COST» OF VIOLATIONS OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Lilia A. Alekseeva
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Oryol, Russia

Llllilia@mail.ru

Annotation. This article highlights certain aspects of the development and contemporary understanding of human rights and examines key elements of the legal system that ensure respect for these rights. The importance of recognizing human rights is emphasized, and the role of the state in protecting individuals from arbitrary exercise of power is analyzed. Attention is drawn to the provisions of domestic legislation regulating the right to liberty and security of person. Particular attention is paid to the analysis

of the theory and practice of judicial assessment of violations of the fundamental human and civil right – the right to liberty and security of person. The article discusses the problems of judicial practice in the area of compensation for harm to individuals who have suffered from unlawful detention, highlighting the dismissive attitude of judicial authorities toward the problem of adequately determining compensation for unlawful detention, and highlighting the need to improve the mechanism for determining the amount of compensation, taking into account the positions of international human rights bodies and the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: human rights, compensation for harm, judicial practice, right to liberty, right to personal security, detention.

For citation: Alekseeva L. A., «The Cost» of Violation Human and Civil Rights and Freedoms in the Russian Federation // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 2(107). P. 14–21.

Права человека являются совокупностью фундаментальных норм и идеалов, гарантирующих каждому индивиду достойную жизнь и возможности для личностного роста вне зависимости от этнического происхождения, гендерной принадлежности, религиозных убеждений либо общественного положения. Эти права имеют важнейшее значение для построения справедливого демократического сообщества, укрепляя общественные отношения, содействуя культурному прогрессу и обеспечивая мирное сосуществование.

Идея прав человека зародилась еще в античные времена, когда философы впервые задумались о природе человеческой свободы и равенстве. Однако окончательно концепция сформировалась в эпоху Просвещения, став основой для современных деклараций и договоров, таких как, например, Всеобщая декларация прав человека ООН (Организация Объединенных Наций) (1948 год).

Античная философия внесла значительный вклад в развитие идей, касающихся прав человека, хотя самого понятия «права человека» тогда еще не существовало в современном понимании. Античные мыслители поднимали вопросы свободы, достоинства, равенства и справедливости, заложив тем самым основу будущих концепций прав человека.

Так, Платон в своих трудах уделял большое внимание вопросам справедливости и добродетели. Его диалоги («Государство», «Законы») отражают размышления о роли государства в защите гражданских прав. Само государство, по мнению Платона создается людьми «сообща, чтобы оказывать друг другу помощь» [1, с. 136].

Марк Туллий Цицерон в своем трактате «Об обязанностях» изложил идею естественного права, утверждая, что истинные законы основаны на божественном законе и естественной справедливости. Человеческие права, согласно Цицерону, вытекают из самой природы человека и должны охраняться обществом. Важный вывод, к которому приходит Цицерон, заключается в том, что каждый человек наделен природой правами, которые нельзя отменить никакими действиями власти [1, с. 192].

Пожалуй, самым значимым с точки зрения вклада в развитие теории прав человека стала эпоха Нового времени, выдающиеся мыслители которой сосредоточились на разработке теоретических обоснований для защиты прав личности, критически переосмысливая традиционные представления о государстве и власти. Эти идеи стали фундаментом для создания современных правовых систем и концепции прав человека.

Одним из основателей классической либеральной теории считается Джон Локк, который в своих работах «Два трактата о правительстве» и «Опыт о человеческом разумении» предлагает концепцию происхождения и функций государства, а централь-

ным элементом его взглядов становится понятие естественного права, включающего право на жизнь, свободу и собственность [2, с. 134].

Один из величайших гуманистов – Иммануил Кант (1724–1804 гг.) внес неоценимый вклад в философию прав человека, сформулировав категорический императив – этический принцип, в соответствии с которым любое действие должно быть таким, чтобы его правило могло применяться ко всем людям и становиться универсальным законом: «поступай так, чтобы максима твоего поступка могла бы стать общим законом». Именно учение Канта оказало огромное влияние на развитие современной концепции прав человека, оно подчеркнуло приоритет моральных требований над любыми утилитарными интересами или государственными целями. К числу идейных установок Канта можно отнести и такую, как «достоинство личности требует уважения и защиты» [3, с. 7].

Томас Джефферсон, вошедший в историю как один из отцов-основателей Соединенных Штатов Америки и автор Декларации независимости США, опираясь на идеи Локка и Монтескье, утверждал, что все люди созданы равными и наделены неотчуждаемыми правами на жизнь, свободу и стремление к счастью. Задача правительства – защищать права граждан, а нарушение этих прав дает народу право изменить или упразднить существующую власть.

Права человека в современном мире выступают в качестве основы обеспечения мира, справедливости и благополучия всех членов мирового сообщества, они призваны защищать достоинство и свободу каждого человека.

Закрепленный в законодательстве современный правовой статус человека в России соответствует всем требованиям международных стандартов, определяющих «ту планку (уровень) прав и свобод человека, которые должны быть реализованы в рамках национальной политики и законодательства» [4, с. 389]. Вместе с тем не только юридическое закрепление прав человека, но и создание реально действующего механизма по их обеспечению представляет собой самое убедительное свидетельство демократического, социального и правового характера государства. Не декларативный, а именно надежно функционирующий механизм защиты прав человека выступает в качестве щита для защиты индивидуальной свободы и ограничивают произвол властей. В государстве, где защищены права и свободы человека и гражданина, люди имеют возможность раскрыть свой потенциал, что в конечном итоге положительно сказывается на общем благосостоянии всего государства в целом.

Россия в статье 2 Основного закона провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, что, в свою очередь, предполагает активную их защиту со стороны государства. Признание и защита прав и свобод расширяют вовлеченность населения в государственное управление, укрепляют структуру гражданского общества, а также закладывают фундамент для стабильных политических траекторий как во внутригосударственном развитии, так и в международном общении. Четкая направленность на соблюдение общечеловеческих прав и свобод позволяет нивелировать разногласия в обществе и сформировать атмосферу взаимного доверия и партнерства. Действительно, в государствах с реальными гарантиями реализации свобод гораздо выше уровень доверия к власти, а вероятность возникновение широкомасштабных волнений и разрешения конфликтов деструктивным путем сводится практически на нет.

В массиве современных прав человека именно свобода и личная неприкосновенность считаются основополагающими, зафиксированными в международных правовых документах и конституциях большинства государств, в том числе России. Это право служит гарантией защиты физических лиц от произвольного вмешательства со стороны государства или частных структур в их личную жизнь и безопасность. К числу основных элементов, составляющих данное право, можно отнести следующие:

1. Право на свободу, которое подразумевает возможность свободно передвигаться, выбирать место проживания и образ жизни, заниматься законной деятельностью без необоснованного ограничения со стороны государственных органов. Государство обязано уважать личное пространство индивида и обеспечивать условия для свободного развития личности.

Так, Конституция Российской Федерации устанавливает, что никто не может быть подвергнут задержанию, аресту или заключению под стражу иначе как в порядке, установленном законом (ст. 22). Это свидетельствует о том, что свобода передвижения и выбора места жительства может быть ограничена только в исключительных случаях, которые предусмотрены законом.

2. Право на личную неприкосновенность предусматривает защиту человека от незаконного насилия, угроз и принуждения. Оно предполагает запрет на использование физической силы или оказание психологического давления на другого человека, за исключением случаев, когда это касается необходимой обороны или в случаях правомерного применения такой силы сотрудниками правоохранительных органов. Это право предполагает обеспечение законности деятельности правоохранительных органов, которая будет иметь место только при условии соблюдения ими норм как материального, так и процессуального права.

«Немаловажную роль в реализации прав и свобод играют специально создаваемые государством условия, которые охватываются общим понятием – гарантии. Институт гарантий напрямую связан со статусом личности и нацелен на достижение максимальной защищенности прав человека» [5, с. 106].

Одной из важнейших гарантий, направленных на обеспечение реализации прав, выступает право на судебную защиту, а также право на обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. Все это призвано оградить личность от произвола со стороны государства, гарантировать его права и свободы, уважение личного пространства.

Конституция РФ также подчеркивает важность защиты достоинства личности и недопустимости пыток, жестокого обращения или унижения человеческого достоинства (ст. 21).

Незаконное содержание под стражей нарушает сразу несколько основополагающих прав человека, установленных международным правом и внутренними законами большинства стран, включая Конституцию Российской Федерации, прежде всего, основополагающее фундаментальное право на свободу.

В ст. 53 Конституции закреплено, что каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. При этом «важнейшим способом детализации конституционных норм, позволяющих использовать их в правоприменении, являются законы» [6, с. 50]. В действующем законодательстве, безусловно, предусмотрена ответственность государства за нарушение права на свободу и личную неприкосновенность путем незаконного содержания под стражей. Эта ответственность проявляется в разных формах, среди которых наиболее значимыми являются правовые, моральные и финансовые обязательства перед лицами, незаконно находящимися в местах лишения свободы.

Однако данная сфера общественных отношений, несмотря на формальную законодательную урегулированность, характеризуется весьма неоднозначной правоприменительной практикой, что крайне негативно сказывается на состоянии законности в государстве, поскольку не выполняется требование ее единства, а также грубо нарушаются конституционные права граждан. Вместе с тем «потребность в защите прав и свобод личности возникает при их нарушении либо реальной угрозе нарушения,

а также связана с возмещением причиненного вреда в случаях, если невозможно было предотвратить их нарушение» [7, с. 166].

Согласно законодательству многих стран должностные лица, виновные в незаконном задержании или аресте, несут уголовную ответственность. Не является исключением в этом и Россия. Ст. 301 Уголовного кодекса РФ предусматривает наказание за заведомо незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей вплоть до лишения свободы сроком до пяти лет. Кроме того, существует ответственность за превышение полномочий, применение силы без достаточных оснований и нарушение процессуальных норм, что регулируется ст. 286 и 285 УК РФ соответственно.

Также лица, незаконно содержащиеся под стражей, имеют право подать иск о возмещении материального ущерба и компенсации морального вреда. Такие дела рассматриваются судами общей юрисдикции, и потерпевшим предоставляется возможность взыскать средства с государства либо конкретных должностных лиц, виновных в нарушении их прав. По решению суда государственные органы обязаны компенсировать материальные убытки и моральный вред, понесенные гражданами в результате незаконного содержания под стражей.

Размер материальной ответственности государства за незаконное содержание под стражей зависит от множества факторов, включая тяжесть нанесенного ущерба, продолжительность незаконного заключения, наличие физических и психических страданий, утрату заработка и потерю деловой репутации. Этот вопрос решается индивидуально в каждом конкретном деле и определяется решением суда. Однако отсутствие законодательно закрепленных критериев определения размера компенсации морального вреда ставит реализацию права человека в зависимость от усмотрения судебных органов, к которым в последние годы у граждан возникает все больше вопросов. Действительно, судебное решение выносится от имени государства и оно не должно зависеть от личного, субъективного мнения судьи.

Так, Определением Судебной коллегии по гражданским делам Пермского краевого суда по Делу № 33-14608-2019 (59RS0007-01-2019-003902-78) с государства была взыскана компенсация морального вреда в размере 1 400 000 рублей в пользу лица, находившегося в следственном изоляторе на протяжении 14 месяцев, и уголовное преследование в отношении которого было прекращено по реабилитирующему основанию. Как отмечено в самом судебном акте, «факт незаконного преследования свидетельствует о нарушении личных неимущественных прав, принадлежащих истцу от рождения: достоинства личности, честного и доброго имени, права не быть привлеченным к уголовной ответственности за преступления, которые не совершал»[1]. Таким образом, один день незаконного нахождения лица в местах лишения свободы судом был оценен в 3333 рубля.

Решением Свердловского районного суда г. Иркутска № 2-2649/2023 2-2649/2023~М-992/2023 М-992/2023 от 13 сентября 2023 г. по делу № 2-2649/2023 в пользу гражданина, который в результате судебной ошибки находился сверх положенного срока 46 дней в условиях исправительной колонии строгого режима, было взыскано 100 000 рублей. Таким образом, в данном деле один день незаконного нахождения лица в местах лишения свободы судом был оценен в 2173 рубля[2].

[1] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Пермского краевого суда по Делу № 33-14608-2019 (59RS0007-01-2019-003902-78). URL: https://судебныерешения.рф/47270912 (дата обращения: 26.02.2026).

[2] Решение № 2-2649/2023 2-2649/2023~М-992/2023 М-992/2023 от 13 сентября 2023 г. по делу № 2-2649/2023. URL: https://судебныерешения.рф/78329060 (дата обращения: 11.03.2026).

Дубовский районный суд своим Решением от 23 января 2024 года по делу № 2-19/2024 за незаконное содержание под стражей с 23 августа 2023 года по 13 сентября 2023 года присудил компенсацию морального вреда в размере 20 000 рублей, оценив таким образом один день лишения свободы в 909 рублей[1].

16 сентября 2022 года россияне были лишены возможности добиваться справедливости в Европейском суде по правам человека, поскольку Россия вышла из состава Совета Европы и, соответственно, из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека. Последствия влияние подобного шага на правовую систему еще предстоит оценить, однако опасения, что потеря доступа к Европейскому суду по правам человека «может усугубить ситуацию с защитой прав человека внутри страны», уже высказываются в юридической литературе [8, с. 111]. Однако, несмотря на прекращение сотрудничества, решения Европейского суда по правам человека, как представляется, должны служить ориентиром для правовой системы России, поскольку они основаны на фундаментальном акте по правам человека, лишенном какой-либо политической подоплеки.

При этом Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ в своем Определении № 78-КГ18-38 от 14.08.2018 приходит к выводу о том, что «компенсация в размере 2 000 руб. за сутки является разумной[2]». Аргументируя свое решение, Верховный Суд опирался на решения Европейского суда по правам человека, присудившего заявителям значительные суммы компенсации морального вреда – от 2000 € до 18 000 € (например, дело «Ананьев и другие против Российской Федерации» и «Щербаков против Российской Федерации»). Несмотря на то что «через обзоры судебной практики и определения в порядке надзора или кассации, Верховный Суд Российской Федерации формирует правовые позиции, которые служат ориентиром для нижестоящих судов» [9, с. 42], имеют место решения нижестоящих инстанций, существенным образом отличающиеся от правовых позиций Верховного Суда.

Так, решением Замоскворецкого районного суда г. Москвы № 2-2103/2019 от 26 июня 2019 года 509 дней незаконного содержания под стражей были оценены в 10 000 рублей, то есть один день лишения свободы суд оценил в 19 рублей 65 копеек[3].

Очевидно, что при принятии такого решения снова были нарушены права человека. В данном случае – право на справедливое судебное разбирательство, вытекающее из положений ст. 64 Конституции РФ.

Подводя итог, представляется возможным отметить, что незаконное содержание под стражей влечет серьезные последствия для государства, начиная от уголовной ответственности отдельных представителей власти и заканчивая потерей доверия внутри страны и на международной арене. Важнейшей задачей любого правового государства остается защита права каждого гражданина на свободу и личную неприкосновенность, поскольку именно это создает основу для стабильного и благополучного общества.

Определение размера компенсации морального вреда представляет собой сложный процесс, зависящий от индивидуальных особенностей случая. Обычно суды принимают во внимание степень нравственных и физических страданий, испытываемых истцом, характер нарушенных прав, длительность содержания под стражей и обстоятельства самого дела. Вместе с тем определение судами в ряде случаев размеров компенсации свидетельствует не о заинтересованности судов в защите прав человека, а о приоритетности интересов государства, нарушившего в лице своих государствен-

[1] Решение от 23.01.2024 по делу № 2-19/2024 (2-694/2023;) от 14.11.2023. URL: https://dub--vol.sudrf.ru (дата обращения: 14.03.2026).
[2] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Рос. Федерации от 14.08.2018 г. № 78-КГ18-38. URL: https://legalacts.ru/sud (дата обращения: 14.03.2026).
[3] Решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы № 2-2103/2019 от 26 июня 2019 г. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/zamoskvoreckij (дата обращения: 14.03.2026).

ных органов такие права. При серьезных нарушениях международные организации, такие как Европейский суд по правам человека, могут рассматривать жалобы пострадавших и признавать неправомерность действий властей, обязывая государство выплатить компенсацию. Подобные случаи известны и зафиксированы в практике ЕСПЧ (Европейский суд по правам человека), который регулярно рассматривает аналогичные ситуации. Однако выход России из состава Совета Европы фактически лишил лиц, чьи права были нарушены незаконным содержанием под стражей, права на независимое рассмотрение их дел, а главное – получения справедливых компенсаций морального вреда. В условиях недоверия к справедливости судебных решений представляется необходимым законодательно закрепить минимально и максимально возможные пределы компенсации морального вреда с тем, чтобы это «правило могло применяться ко всем людям и становиться универсальным законом».

1. История политических и правовых учений. Часть 1; Зарубежная политико-правовая мысль: Хрестоматия / Сост. В. В. Ячевский. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2000. С. 136.
2. Скрябина Т. О. Педагогические взгляды Джона Локка // Вестник Омского Государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. № 3(28), 2020. С. 134.
3. Юмашев Ю. М. Идеи И. Канта о международном праве и правах человека и их дальнейшее развитие в современную эпоху // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 6. С. 7.
4. Шайтуро В. М. Международные стандарты прав человека: общая характеристика // Актуальные проблемы правовых, экономических и гуманитарных наук. Материалы XIII Международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, магистрантов и студентов. В 2-х частях. Минск, 2023. С. 389–390.
5. Алексеева Л. А. Гарантии прав и свобод человека и гражданина как элемент механизма защиты // В сборнике: Актуальные проблемы государственно-правового строительства. Сборник научных статей. Орел, 2024. С. 105–109.
6. Гарашко А. Ю. Закон как средство конкретизации и реализации конституции // Международный журнал конституционного и государственного права. 2018. № 4. С. 49–54.
7. Петухова А. В. Возмещения вреда, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления: новое направление развития деликтных обязательств // Вестник нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2013. № 3–2. С. 163–166.
8. Поздина А. И., Чулкова А. Ю. Выход Российской Федерации из Совета Европы: правовые последствия // Моя профессиональная карьера. 2024. Т. 2 № 59. С. 110–115.
9. Алексеева Л. А. Толкование права как элемент правореализационной функции государства // Современное общество и право. 2025. № 3(76). С. 41–45.

1. Istoriya politicheskix i pravovy`x uchenij. Chast` 1; Zarubezhnaya politiko-pravovaya my`sl`: Xrestomatiya / Sost. V. V. Yachevskij. Voronezh: Izdatel`stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2000. S. 136.
2. Skryabina T. O. Pedagogicheskie vzglyady` Dzhona Lokka // Vestnik Omskogo Gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarny`e issledovaniya. № 3 (28), 2020. S. 134.
3. Yumashev Yu. M. Idei I. Kanta o mezhdunarodnom prave i pravax cheloveka i ix dal`nejshee razvitie v sovremennuyu e`poxu // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya. 2022. T. 18. № 6. S. 7.

4. Shajturo V. M. Mezhdunarodny`e standarty` prav cheloveka: obshhaya xarakteristika // Aktual`ny`e problemy` pravovy`x, e`konomicheskix i gumanitarny`x nauk. Materialy` XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii professorsko-prepodavatel`skogo sostava, aspirantov, magistrantov i studentov. V 2-x chastyax. Minsk, 2023. S. 389–390.
5. Alekseeva L. A. Garantii prav i svobod cheloveka i grazhdanina kak e`lement mexanizma zashhity` // V sbornike: Aktual`ny`e problemy` gosudarstvenno-pravovogo stroitel`stva. Sbornik nauchny`x statej. Oryol, 2024. S. 105–109.
6. Garashko A. Yu. Zakon kak sredstvo konkretizacii i realizacii konstitucii // Mezhdunarodny`j zhurnal konstitucionnogo i gosudarstvennogo prava. 2018. № 4. S. 49–54.
7. Petuxova A. V. Vozmeshheniya vreda, prichinennogo pravomerny`mi dejstviyami gosudarstvenny`x organov i organov mestnogo samoupravleniya: novoe napravlenie razvitiya deliktny`x obyazatel`stv // Vestnik nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo. 2013. № 3–2. S. 163–166.
8. Pozdina A. I., Chulkova A. Yu. Vy`xod Rossijskoj Federacii iz Soveta Evropy`: pravovy`e posledstviya // Moya professional`naya kar`era. 2024. T. 2 № 59. Stranicy: 110–15.
9. Alekseeva L. A. Tolkovanie prava kak e`lement pravorealizacionnoj funkcii gosudarstva // Sovremennoe obshhestvo i pravo. 2025. № 3(76). S. 41–45.

Информация об авторе

Лилия Алексеевна Алексеева. Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Lilia Al. Alekseeva. Professor of the Chair of state and legal disciplines, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 08.04.2026; одобрена после рецензирования 12.04.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was received in the editorial office on 08.04.2026; approved after review on 12.04.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 342.56

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ

Дикова Ирина Владимировна
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

irinadikowa@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется природа и специфические особенности государственного суверенитета. На основе проведенного анализа выделены ключевые характеристики суверенитета государственной власти и современные тенденции его развития; рассматриваются вопросы соотношения суверенитетов государственной и судебной власти. По итогам исследования автор приходит к выводам о расширении суверенитета судебной власти ввиду правовой сущности современного государства и о возникновении полицентричной формы власти, что, в свою очередь, порождает проблему их взаимоотношений.

Ключевые слова: власть, властеотношение, суверенитет, государственная власть, судебная власть, право.

Для цитирования: Дикова И. В. Государственный суверенитет и судебная власть // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 22–28.

STATE SOVEREIGNTY AND THE JUDICIARY

Irina D. Dikova.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

irinadikowa@yandex.ru

Annotation. This article examines the nature and specific features of state sovereignty. Basing on the analysis, the author identifies the key characteristics of the sovereignty of state power and modern trends in its development, and also considers the issues of the ratio of sovereignty of state and judicial power. According to the results of the study, the author comes to the conclusion about the expansion of the sovereignty of the judiciary in view of the legal essence of the modern state and the emergence of a polycentric form of power, which, in turn, gives rise to the problem of their relationship.

Keywords: power, power relations, sovereignty, state power, judiciary, law.

For citation: Dikova I. D. State sovereignty and the judiciary // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2026. № 2(107). P. 22–28.

Понятие суверенитета является характеристикой качества власти как социального феномена. Наиболее полно данное понятие разработано применительно к государственной власти, для которой оно обозначает:

– во-первых, верховенство как абсолютное главенство власти, что выражается в неподвластности ее иным властным структурам, отсутствии ограничений со стороны других властей, доминировании над ними, а также наличии прерогативы определять

собственную компетенцию, компетенцию и статус всех иных субъектов властной деятельности. Верховенство власти в структурном плане обозначает нахождение ее на вершине властной иерархии;

– во-вторых, исключительность власти, заключающуюся в отсутствии другой равнозначной ей власти. Действительно, в современном мире государство является единственной всеобъемлющей властной структурой по управлению обществом, устанавливающим единый для всех порядок путем самозаконодательства, то есть на основе создаваемых им самим правил. В настоящее время ему нет равной по силе влияния политической власти;

– в-третьих, независимость как свободу к абсолютно самостоятельному, ничем, кроме собственной воли, необусловленному принятию и претворению в жизнь решений по важнейшим вопросам жизнедеятельности общества. Основой независимости выступает специфическое положение государства как обособившейся от общества властной структуры по управлению последним. Именно дистанцированность государства от общества определяет особенности государственной власти и придает государству статус внешней силы (некого субъекта), способного конституировать общественные отношения, в которых оно само не участвует, руководствуясь собственной волей и действуя в собственном интересе. Подчинение же государственной власти нормам права приводит к утрате ею статуса третьей стороны и ограничивает ее суверенитет в части верховенства как состояния, при котором отсутствует подчинение чему-либо.

Для государственной власти суверенитет является важной атрибутивной характеристикой, поскольку определяет ее носителя – государство – в качестве политико-правового субъекта как внутри страны, так и за ее пределами, а ее источник – народ – как организованное этносоциальное, правовое единство, как коллективный субъект, реализующий общие интересы. Утрата или ограничение суверенитета для государственной власти обозначает невозможность ее самостоятельного осуществления либо существенное уменьшение ее властной способности воздействовать на население государства, определять направления экономического, социального и политического развития нации.

Государственный суверенитет имеет внешнюю и внутреннюю формы выражения. Первая обозначает независимость государства на международной арене по отношению к другим суверенным государствам, его способность самостоятельно, основываясь на собственной воле, решать все внутренние вопросы страны, вторая – верховенство государственной власти внутри страны как способность самостоятельного принятия и проведения в жизнь властных решений, значимых для всего народа.

Проведенный анализ научной литературы, посвященной вопросам суверенитета государственной власти, позволяет выделить ряд его отличительных свойств.

Суверенная государственная власть фундаментальна, поскольку ее действие распространяется на все общество, она определяет основные направления его развития, конституирует отношения, может проникать во все без исключения сферы жизнедеятельности социума; исключительна (единична) в силу отсутствия иной, равнозначной ей политической структуры по управлению обществом; верховна, поскольку занимает высшую ступень во властной иерархии, что позволяет ей принимать окончательные решения по вопросам общегосударственного значения; едина, так как осуществляется единым аппаратом; публична в силу адресованности своих велений всему населению государства; территориально организована, так как ее властное воздействие ограничено территорией государства.

Здесь следует отметить, что происходящие в современном мире процессы глобализации и связанное с ними появление наднациональных структур приводят к трансформации данного признака, поскольку властное воздействие таких структур преодолевает границы отдельных государств, распространяясь на территории нескольких гос-

ударств, в результате чего территория отдельно взятого национального государства перестает быть определяющим признаком суверенитета государственной власти.

Еще одним отличительным признаком суверенности государственной власти является легальная монополия на принуждение, придающая безусловный характер реализации установленного ею права. Однако императивность правил государственной власти как составляющая ее внутреннего суверенитета базируется не только на принуждении, представляющем собой внешнюю материализованную силу (армия, полиция, силовые структуры), но и на легитимности как значимом свойстве государственной власти, заключающемся в признании подчиненными ее права на властвование и согласии повиноваться ее распоряжениям в обмен на учет своих интересов.

Таким образом, согласие на подчинение является определяющей основой любой власти, оно может быть как добровольным в силу внутреннего принятия, так и вынужденным, когда подчинение есть результат оказываемого давления (подавления вопреки воле). Однако если первое означает для государственной власти стабильность и длительность существования, то второе, скорее, свидетельствует о ее внутренней слабости ввиду отсутствия согласия подвластных на подчинение. Основанная преимущественно на насильственном подчинении государственная власть требует для своего осуществления мобилизации большого количества ресурсов, что в конечном счете истощает общество, ради которого она существует и неизбежно приводит к упадку и разрушению самой государственной власти.

Признаки суверенитета государственной власти наиболее полно, на наш взгляд, отражены в определении Н. И. Грачева, указывающего, что «<…> государственный суверенитет выступает как признанная народом (легитимная), внешне непроизводная, постоянная, юридически неограниченная Верховная Власть государства, обладающая универсальными полномочиями на управление государством в целом и концентрирующая в своих руках монопольное право на принятие окончательных решений по всем важным вопросам общегосударственного (общенационального) значения» [1, с. 69].

Вместе с тем полагаем, что суверенитет не является характеристикой только государственной формы власти. В настоящее время существуют различные виды суверенитета: национальный суверенитет, народный суверенитет, суверенитет судебной власти.

Кроме того, особенностью суверенитета современной государственной власти выступает тот факт, что он более не является абсолютным (неограниченным) в силу его безусловной связанности с народом как государствообразующим элементом и народным суверенитетом, выступающим источником государственной власти, рассматриваемой на современном этапе развития социума как необходимое условие его существования, порождаемое и конституируемое самим социумом. А также в связи с увеличением роли правового регулятора жизни общества и реализацией концепции построения правового государства, в котором власть имеет ограничение в виде права.

Ограничение властного по своей природе государства средствами права неизбежно влечет за собой изменение структуры властеотношений между государством и судом как специфическим механизмом действия самого права по разрешению споров, постепенно освобождающимся от роли проводника государственной воли и трансформирующимся в суверенного носителя судебной власти как силы, способной на основании собственного суждения давать юридическую оценку властеотношений и разрешать конфликты как между государством и обществом так и межу самими властями.

Возрастающая роль судебной власти как самостоятельной структуры неизбежно порождает обширный перечень вопросов, связанных с научным обоснованием концепции современной судебной власти, о чем свидетельствует увеличение количества исследований в данной области [2; 3; 4; 5; 6; 7], а также ряд проблем социально-экономического, организационного, кадрового, материально-технического и иного ха-

рактера, для разрешения которых на государственном уровне на протяжении многих лет реализуется целый цикл федеральных целевых программ[1].

Общая картина развития властных отношений свидетельствует об их усложнении и возникновении полицентричной формы власти, что, в свою очередь, порождает проблему взаимоотношений суверенной государственной власти с иными параллельно существующими центрами власти, например судебной властью как институтом, претендующим на обладание собственным суверенитетом.

Становление судебной власти как самостоятельного властного института началось в нашей стране относительно недавно. Точкой отсчета в данном процессе можно считать принятие в 1991 году Верховным Советом РСФСР Постановления «О Концепции судебной реформы в РСФСР», где впервые говорилось о необходимости проведения судебной реформы как непременного условия функционирования демократического правового государства и об утверждении судебной власти в государственном механизме как самостоятельной влиятельной силы, независимой в своей деятельности от властей законодательной и исполнительной[2].

Изменения во взаимоотношениях государственной и судебной власти обусловлены целым рядом причин, являющихся следствием общемировых тенденций развития социума.

Наблюдающееся усиление влияния правосудия на жизнь общества, юридизация все большего количества отношений связаны, по нашему мнению, с общемировой тенденцией возрастания роли права как социального регулятора, что, в свою очередь, обусловлено ослабеванием таких общесоциальных регуляторов, как мораль и власть (прежде всего в ее государственной форме).

Государство как властный институт постепенно теряет свое значение единственного центра организации, управления обществом, тогда как развитие последнего свидетельствует о возможности генерирования им собственных отличных от государства систем самоуправления (становление института гражданского общества).

Кроме того, появление наднациональных структур неуклонно ведет к трансформации суверенитета национального государства, поскольку подрывает принцип верховенства его власти как внутри страны, так и за ее пределами.

Государственная власть в форме принуждения, ставившая свои интересы выше интересов индивидов, постепенно утрачивает свое значение в связи с изменением понимания самого государства как созданной обществом управленческой структуры, призванной максимально учитывать интересы каждого и оптимально сочетать их с общественными в целях общего благополучия. Что, безусловно, связано с воплощением идеи о постепенной трансформации формы государства из силового в правовое.

Снижение принудительной силы официального права также обусловлено падением приоритетной роли государства как сосредоточения публичных интересов в связи с развитием гражданского общества, наиболее полно отражающего разнообразные интересы все усложняющегося и дифференцирующегося социума.

Разрушение привычной иерархии как основы властного регулятора ведет к некоторой дезорганизации общества, что выражается в увеличении его конфликтности и обусловлено развитием основанной на равенстве демократии, при которой единый центр власти отсутствует.

---

[1] Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы»: постановление Правительства Рос. Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О Концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Указанные обстоятельства на фоне непрекращающегося усложнения общества и порождаемого им самим разнообразия ведут к поиску новой точки опоры для регулирования общественных отношений, которой в современном обществе становится право. Все это неизбежно приводит к возрастанию роли судебной власти как силы, способной определять, что есть право для каждого конкретного случая.

Таким образом, основанный на праве судебный способ утрачивает черты крайней необходимости и становится все более привычным (нормальным) способом управления общественными отношениями, причем в тех сферах, которые ранее не были предметом судебного регулирования. Если еще несколько лет тому назад распространенная в США традиция разрешать все споры при помощи суда вызывала у нас реакцию недоумения, то в настоящее время это становится привычным явлением.

Сказанное позволяет говорить о расширении властного пространства суда, которое происходит, во-первых, за счет увеличения количества категорий дел и подсудных субъектов, в число которых входит аппарат государственной власти в лице его органов и должностных лиц, решения которых утрачивают безусловную императивность ввиду появившейся возможности их оспаривания в суде, от правовой оценки которого зависит их реализация. Выступая в таком качестве, суд становится символической площадкой для разрешения конфликтов неравных субъектов: государства (властвующего) и человека (подвластного), на которой возможно обеспечить их формальное равенство путем установления и соблюдения определенной процедуры. В суде человек получает уникальную возможность предъявлять требования к власти по исполнению имеющихся у нее по отношению к нему обязательств, а власть, подчиненная праву, не может уклониться от исполнения указанных требований в случае признания их судом правомерными.

Во-вторых, за счет появления у суда права не применять закон, противоречащий норме высшего порядка – Конституции, и самостоятельно определять данное несоответствие. Что позволяет ученым говорить о новой роли суда как «негативного законодателя», способного исключить применение неправового закона и заставить законодателя внести изменения в закон с целью устранения его противоречия Конституции [8, с. 214].

Верховенство судебной власти выражается в том, что она указывает на необходимость изменения либо отмены закона как не соответствующего правовым ценностям высшего порядка, включая нормы международного права.

По мнению Л. Н. Завадской, «судебная власть действует одновременно в рамках закона и против закона, если они нарушаю свободу, правовые ценности и достоинство человека», поскольку «проистекает из господства права и на этом основании не может быть связана неправовым законом. Судебное правотворчество в процессе применения права есть фундамент его самостоятельности судебной власти» [9, с. 263].

Указанные обстоятельства существенно ограничивают принцип верховенства закона по отношению к судебной власти, которая получает право санкционировать применение того или иного закона, что, безусловно, связано с разрушением существовавшего ранее в правовой традиции тождества позитивного закона как установления государственной власти и права, понимаемого в настоящее время как социальный феномен, не сводимый к формальному государственному праву.

Кроме того, современное общество столкнулось с проблемным моментом действующего права – его консервирующая функция все больше не успевает за развитием постоянно меняющихся общественных отношений, а значит оно престает быть инструментом социальной консервации [8, с. 54], что приводит к усилению роли суда как института, способного адекватно случаю применить норму, содержание которой не успевает за развитием общественных отношений.

В этом случае именно суд выступает в роли властного субъекта, могущего оперативно устранить указанное противоречие между потерявшим свою актуальность законсервированным правилом и изменившейся реальностью, поскольку он применяет норму к конкретной жизненной ситуации, интерпретирует ее на основе собственного убеждения и выносит самостоятельное императивное суждение о праве. Приведенные тенденции свидетельствуют о снижении роли верховной власти и возрастании значения судебной власти, которая своими решениями подтверждает правомерность, законность и обоснованность решений и действий государственной власти, становясь таким образом специфическим дополнительным источником ее легитимности.

1. Грачев Н. И. Происхождение суверенитета: Верховная власть в мировоззрении и практике государственного строительства традиционного общества: монография. М.: ИКД «ЗерцалоМ», 2009. 320 с.
2. Воскобитова Л. А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 460 с.
3. Колоколов Н. А. Судебная власть как общеправовой феномен: дис. ... д-ра юрид. наук. Владимир, 2007. 438 с.
4. Герасимова А. А. Функции судебной власти в механизме современного российского государства: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 218 с.
5. Стребкова Е. Г. Принцип транспарентности судебной власти: конституционно-правовые вопросы: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 223 с.
6. Гук П. А. Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: общетеоретический анализ: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2012. 409 с.
7. Калинина Н. С. Правовые и организационные основы реализации судебной власти в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 204 с.
8. Гарапон Антуан. Хранитель обещаний: суд и демократия. М.: «NOTA BENE» Медиа Трейд Компания, 2004. 328 с.
9. Завадская Л. Н. Механизм реализации права. М.: Наука, 1992. 288 с.

1. Grachev N. I. Proisxozhdenie suvereniteta: Verxovnaya vlast` v mirovozzrenii i praktike gosudarstvennogo stroitel`stva tradicionnogo obshhestva: monografiya. M.: IKD «ZerczaloM», 2009. 320 s.
2. Voskobitova L. A. Mexanizm realizacii sudebnoj vlasti posredstvom ugolovnogo sudoproizvodstva: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2004. 460 s.
3. Kolokolov N. A. Sudebnaya vlast` kak obshhepravovoj fenomen: dis. ... d-ra yurid. nauk. Vladimir, 2007. 438 s.
4. Gerasimova A. A. Funkcii sudebnoj vlasti v mexanizme sovremennogo rossijskogo gosudarstva: dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2012. 218 s.
5. Strebkova E. G. Princip transparentnosti sudebnoj vlasti: konstitucionno-pravovy`e voprosy`: dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2012. 223 s.
6. Guk P. A. Sudebnaya praktika kak forma sudebnogo normotvorchestva v pravovoj sisteme Rossii: obshheteoreticheskij analiz: dis. ... d-ra. yurid. nauk. M., 2012. 409 s.
7. Kalinina N. S. Pravovy`e i organizacionny`e osnovy` realizacii sudebnoj vlasti v Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2014. 204 s.
8. Garapon Antuan. Xranitel` obeshhanij: sud i demokratiya. M.: «NOTA BENE» Media Trejd Kompaniya, 2004. 328 s.
9. Zavadskaya L. N. Mexanizm realizacii prava. M.: Nauka, 1992. 288 s.

Информация об авторе

Ирина Владимировна Дикова. Преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Irina D. Dikova. Teacher at the Chair of Civil Law Disciplines, Candidate of Sciences (Law).

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 15.05.2026; одобрена после рецензирования 19.05.2026; принята к публикации 13.07.2026.

The article was received in the editorial office on 15.05.2026; approved after review on 19.05.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 342.1

МЕСТО ИДЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Мадышева Анастасия Анатольевна
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

madyshevaanastasiya@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы существования и роли идеологии в современном Российском государстве, а также ее место в общественной структуре современного мира. Освещены исторические аспекты начала формирования корней российской идеологии. Всесторонне исследуется наличие противоречия законодательно закрепленного запрета на общегосударственную идеологию и ее фактическое формирование и состояние на территории Российской Федерации. Изучается ее возможное ценностное и идейное наполнение, а также основная проблематика внедрения, государственное поддержание современной российской идеологии, ее функции и цели в формировании современного гражданского общества.

Ключевые слова: идеология, государство, проблематика, общество, политическая партия, консерватизм.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя – профессора кафедры государственно-правовых дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова кандидата юридических наук, доцента Алексеевой Л. А.

Для цитирования: Мадышева А. А. Место идеологии в современном Российском государстве // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 29–35.

THE PLACE OF IDEOLOGY IN THE MODERN RUSSIAN STATE

Anastasia A. Madysheva
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

madyshevaanastasiya@mail.ru

Annotation. The article discusses the current issues of the existence and role of ideology in the modern Russian state, as well as its place in the social structure of the modern world. It highlights the historical aspects of the beginning of the formation of the roots of Russian ideology. The article comprehensively examines the contradiction between the legally established ban on a national ideology and its actual formation and state in the Russian Federation. It explores the possible values and ideological content of Russian ideology, as well as the main challenges in implementing and supporting it, and its functions and goals in creating a modern civil society.

Keywords: ideology, state, society, the problem, political party, conservatism.

Gratitude: The work was carried out with the support of the scientific supervisor – Professor of the Department of State-Legal Disciplines of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, Candidate

of Sciences (Law), Associate Professor Alekseeva L. A.

For citation: Madysheva A. A. The place of ideology in the modern Russian state // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanova. 2026. № 2(107). P. 29–35.

Идеология и ее место в государственной и общественной структуре современного мира являются одними из наиболее ключевых и обсуждаемых вопросов в фундаментальных политико-юридических дисциплинах. Если в середине прошлого века идеологическая деятельность государства во многих странах (например, государствах социалистического блока и СССР как главного их идеолога) рассматривалась как одна из наиболее важных его функций, то уже к концу второго тысячелетия любое упоминание данного термина начало приобретать негативную окраску, ассоциируясь в общественном и творческом сознании с тоталитарными системами, подавлением инакомыслия и навязыванием определенного, «правильного» мнения населению [1, с. 86–89]. Особенно ярко данная тенденция стала проявляться в период «перестройки», а также после провозглашения независимости бывшими советскими республиками, что проявлялось во множестве различных негативных публикаций, манифестах, митингах и привело в конечном итоге к юридическому закреплению запрета на принятие государственной идеологии в высшем законодательном акте страны – Конституции Российской Федерации. Это окончательно и, как тогда казалось, бесповоротно, утвердило деидеологизацию, оставляя руководство страны без возможности влиять на ценности и убеждения общества [2, с. 554].

В современной России вопрос идеологии приобретает дискуссионный и в некотором роде парадоксальный характер. Так, с одной стороны, отказ от государственной идеологии считается одним из главных достижений демократии и свободы, своеобразным символом новой эпохи, в которой каждый гражданин имеет право придерживаться тех идей и ценностей, которые он считает правильными [1, с. 87]. Более того, данная особенность все еще имеет законодательное закрепление в ст. 13 Конституции РФ, которая провозглашает идеологическое многообразие и запрет на установление какой-либо из них в качестве государственной или обязательной. Многие ученые-правоведы и исследователи (например, С. В. Хачанян) придерживаются мнения, что имеющийся запрет на провозглашение какой-либо идеологии в качестве обязательной является обоснованным и необходимым, а какие-либо государственные интересы не могут и не должны приводить к пересмотру указанной нормы [3, с. 62].

Однако, несмотря на это, начиная с середины 2000-х годов в официальных средствах массовой информации, а также в репликах и заявлениях высшего руководства страны начал формироваться отчетливый пласт идей и ценностей, которые фактически представляют собой зарождающуюся новую общероссийскую идеологию, ставящую перед собой цель объединять и направлять общество. Значимая часть научного сообщества считает, что данный процесс является не только закономерным следствием развития государства, но и критически необходимым для его эффективного функционирования. Так, И. П. Зиновьев, Ю. А. Колесников, В. Ю. Мельников в своих научных работах указывают на то, что идеология является неотъемлемым атрибутом любого государства, а построение общественных отношений без нее фактически невозможно [4, с. 196–200].

В связи с этим противоречием в российском научном сообществе возникает закономерный вопрос: есть ли в современном российском государстве идеология, какова ее роль и может ли она быть эффективной в условиях многонационального характера нашей страны и конституционного запрета на нее. Для полного понимания сути данного вопроса и его всестороннего рассмотрения необходимо обратиться к истории [5, с. 12].

Корни формируемой Российской идеологии можно найти еще в XV–XVI веках, в период формирования единого русского государства.

Так, наиболее ярким проявлением «национальной» идеи того времени является концепция «Москва – третий Рим», объединяющая население единым религиозным базисом и подчиненностью династии Рюриковичей, «потомкам императоров Ромеев». В конце концов данная концепция вылилась в формирование единого Российского государства, создание империи и трансформировалась в идеологию консерватизма, наиболее точно описанную Сергеем Уваровым в теории официальной народности. Данная теория основывалась на трех ключевых принципах: самодержавии как форме государственного правления, где вся власть в стране принадлежит абсолютному монарху; православии как единой религии, нравственном и духовном ориентире для жителей империи; народности как необходимости придерживаться собственных культурных ориентиров и традиций, отвергая новейшие западные идеи и ценности. Данная консервативная идеология навязывалась обществу и долгое время выступала в качестве государственной, однако к концу XIX века модернизация, развитие технологий и развал традиционного аграрного общества привели к внутренним противоречиям в России, вылившимся в формирование различных политических партий, придерживающихся кардинально противоположных идеологических теорий. Активная политизация общества и нежелание государственной власти реформировать сложившуюся систему привели к свержению монархии, гражданской войне и кардинальной смене идеологического курса страны [6, с. 106].

После захвата власти в стране большевиками была провозглашена полная отчужденность нового государства от культуры и ценностей Российской империи. Начало и середина 20-х годов XX века прошла в попытке создания независимого культурного базиса для формируемой идеологии, основываясь на «правильных» революционных ценностях. Происходили гонения на писателей, художников и иных деятелей царской России. Искоренялась любая память о подвигах и героях прошлого, чьи деяния могли напомнить о периоде угнетения народных масс. Однако уже в 30-е годы данный процесс был сведен на нет, а государственные деятели вновь начали использовать историческое прошлое России для создания преемственности истории, что позволяло объединять граждан СССР. Для формирования единого идеологического слоя использовался «культ героев» – выдающихся в истории личностей прошлого, описываемых в книгах, показываемых в фильмах и спектаклях, чьи подвиги должны были вдохновлять граждан и помогать воспринимать себя как часть единого культурного и социального пространства. Идеологическая преемственность наблюдалась и в других сферах, примером чему служит восстановление системы погон в Красной армии как символа общности военной истории и традиций.

В период расцвета Советского Союза коммунистическая идеология выполняла не только «направляющую» функцию для государства, но и создавала матрицу поведения и образ мысли граждан. На протяжении десятков лет данная идеология мотивировала целые поколения советских граждан на формирование основы государства социального равенства. Результатами этой работы стали масштабные инфраструктурные, научные и природные проекты, реализация некоторых из них в наше время является практически невозможной. Однако из-за отсутствия изменений в идеологических постулатах и постепенного обнищания населения произошел постепенный идеологический упадок, повлекший за собой крах всей советской системы.

Принятие Конституции Российской Федерации 1993 года и закрепление в ней фундаментальных принципов конституционного строя, а также прав и свобод человека сформировали ценностную основу для российского общества [7, с. 59]. При этом на протяжении большей части 90-х годов XX века либеральная часть элит страны начала активно пропагандировать и внедрять западную идеологию. Однако данный процесс

потерпел неудачу в связи с несовместимостью многих культурных ценностей и общественных устоев, а также экономическим кризисом, связанным с переходом от плановой к рыночной экономике. Разочарование народных масс либеральным прозападным правительством повлекло за собой переход власти к более консервативным политикам, которые и заложили основу тем ценностям и идеям, которые в настоящий момент культивируются в качестве фактической современной Российской идеологии.

Современная идеологическая система нашей страны формировалась поэтапно, отвечая на вызовы и события времени. Ее формирование пришлось на первое десятилетие XXI века, охарактеризовавшись централизацией власти, борьбой с бандитизмом и решением экономических проблем. Процесс развития молодого государства было решено проводить в соответствии с концепцией «суверенной демократии», где все аспекты государства и общества формируются исключительно гражданами, без участия интересов других стран. Начала формироваться одна из основополагающих идеологических концепций – «стабильности» государства как противопоставления периоду бандитизма и слабости федеральной власти в 90-е годы XX века. Однако имело место заимствование различных западных идеологических установок, особенно на культурном и социальном уровне.

Следующим, наиболее важным этапом в формировании современной Российской идеологии стал момент ухудшения отношений со странами Запада, вызванный присоединением Крымского полуострова, а также иными событиями, такими как массовые протесты либеральной оппозиции и события на Ближнем Востоке, которые показали необходимость в формировании единой идеологической базы для населения [8, с. 225]. Стали проявляться явные консервативные признаки, связанные с защитой и пропагандой «традиционных» ценностей и их противопоставление либеральной западной повестке, а также идея Русского мира, которая подразумевает общность всех русскоговорящих людей на планете [8, с. 228]. На данном этапе можно говорить о формировании осязаемой Российской идеологии, чьей основной целью выступает защита культурного и традиционного уклада и противопоставление его Западу [9, с. 641]. Наивысшим проявлением и доказательством этого является принятие поправок в Конституцию РФ в 2020 году, что закрепило продвигаемые идеологические ценности на законодательном уровне [10, с. 556–568].

Последний этап начался с инициации Россией специальной военной операции на Украине в 2022 году, а также последующим за этим разрывом экономических, социальных и культурных связей со всеми странами Запада. В данный момент Российская идеология подразумевает акцент на «автаркии», социальной мобилизации населения на борьбу с странами Запада, а также на борьбе с инакомыслием и защите продвигаемых государством идей и ценностей. Таким образом, можно смело утверждать, что идеологическая основа является стержнем современной российской политики, во многом влияющей на действия ее руководства. Стоит отметить, что государство в лице федеральных и региональных властей прививает указанные выше идеологические принципы, делая ставку на быстрые и простые методы навязывания и принуждения. Подобные решения развития идеологии влекут за собой полностью противоположные результаты, вызывая отторжение у большей части населения, тем самым расходуя множество ресурсов впустую. По мнению некоторых исследователей, формирующаяся идеология должна основываться на создании новой парадигмы жизни общества, при этом роль государства должна сводиться не к навязыванию «нужных» идей и принципов, а к культивированию и поддержке необходимых для ее восприятия гражданами условий, тем самым увеличивая ее жизнеспособность [11, с. 122–125].

Современная Российская идеология играет одну из наиболее важных ролей в формировании единой российской нации, создавая общую базу для скрепления между собой многонациональных народов страны. Прежде всего это делается за счет уста-

новления исторической преемственности современного государства с Российским царством, Российской империей и СССР, создавая образ великой страны с непрерывным и великим прошлым, где разные народы жили под руководством одной центральной власти на протяжении столетий, переживая вместе великие потрясения и преодолевая их плечом к плечу [12, с. 155–160].

Другой важной функцией Российской идеологии является консолидация общества и пропаганда ценностей, поддерживаемых государством. В первую очередь это патриотизм, культура и традиции разных народов и этносов страны, нравственные ориентиры. Так, В. Ю. Мельников считает, что именно данные ценности могут служить объединяющим население фактором, который приведет к формированию и достижению национальной идеи. Кроме того, благодаря государственной поддержке население страны становится менее восприимчивым к внешним факторам идеологического воздействия, тем самым повышая внутреннюю стабильность и обеспечивая национальную безопасность.

Несмотря на то что в настоящий момент большая часть населения России поддерживает нынешнюю политику государственной власти, разделяя ее идеи и ценности, сформировавшаяся на данный момент и поддерживаемая руководителями страны идеология влечет за собой те же риски, что и идеологические системы России прошлого. В случае отсутствия должной реакции на происходящие в мире изменения и жесткое подавление инакомыслия может появиться внутренняя напряженность, которая выльется в протестные движения и сепаратизм, ослабляя национальную безопасность. Кроме того, современная Российская идеология не несет в себе созидательной цели, что уменьшает ее привлекательность для населения и ставит под вопрос саму необходимость ее существования [9, с. 640–645].

Таким образом, несмотря на отсутствие консенсуса в научной среде и наличие законодательно закрепленного запрета на принятие и провозглашение государственной идеологии, фактически мы можем говорить о наличии в Российской Федерации целого ряда продвигаемых и поддерживаемых руководителями государства идей и принципов, выполняющих ее функции. Анализируя предпринимаемые властью шаги за последние 20 лет, можно четко выделить стадии становления и формирования новой «идеологии», которую можно назвать «Российский консерватизм». Данная идеология ставит перед собой задачу объединить население страны посредством создания условий, в которых каждый отдельный гражданин независимо от своей расы и национальности отождествляет себя с государством, сформировать историческую преемственность и убедить каждого человека в том, что он и другие граждане из любой точки мира объединены общей историей, ценностями и будущим, а совместное проживание в данном государстве позволяет наиболее эффективно решать те задачи и преодолевать вызовы, которые могут возникнуть на их пути [5, с. 11–17]. Место и роль сформированных идей и ценностей в структуре современного Российской Федерации нельзя переоценить, так как по факту они являются стержнем и духовной основой проводимой в настоящий момент государственной политики, без которых теряется ее логика и обоснование. Однако для ее дальнейшего развития и эффективного функционирование государству в лице ее руководителей стоит учитывать не только высказанные научным сообществом опасения и исторический опыт, но и геополитическую обстановку, адекватно реагируя и подстраивая идеологический базис под реалии нашего времени.

1. Усанов В. Е. Роль и значение идеологии по Конституции Российской Федерации // Образование и право. 2024. С. 86–89.
2. Кутафин О. Е. Российский конституционализм. М.: Норма, 2008. 554 с.
3. Хачанян С. В. Конституционные коллизии в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. Ростов на Дону, 2015.

4. Зиновьев И. П., Колесников Ю. А., Мельников В. Ю. Идеология как общественный и государственный институт // Социально-политические науки. 2016. С. 196–200.
5. Бредехин А. Л. Эволюция идеологических доминант современной России // Юридический вестник Самарского университета. 2023. С. 11–17.
6. Скляров С. А. идеологический фактор во внешней политике России: проблемы и перспективы // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. С. 100–113.
7. Алексеева Л. А., Гречихина Е. А. Соотношение духовно-нравственных ценностей и прав человека в действующем законодательстве // Культура народов в социальном пространстве и времени. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 59–64.
8. Боева О. М., Рожковский В. Б. Традиционные духовно-нравственные ценности в государственной идеологии современной России // Философия права. 2024. С. 225–228.
9. Мельников В. Ю. Необходимость формирования национальной идеи и правовой идеологии в обществе, государстве // Россия: тенденции и перспективы развития. 2017. С. 640–645.
10. Ишин А. В. Влияние «крымского фактора» на геополитические процессы в Черноморском регионе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. С. 556–568.
11. Руднева М. С. Необходимость и возможность существования идеологии в современной России // Наука без границ. 2017. С. 122–125.
12. Хаматова С. Х. К вопросу о соотношении идеологии и права в современной России // Государство и право. 2019. № 5. С. 155–160.

1. Usanov V. E. Rol` i znachenie ideologii po Konstitucii Rossijskoj Federacii // Obrazovanie i pravo. 2024. S. 86–89.
2. Kutafin O. E. Rossijskij konstitucionalizm // M.: Izdatel`stvo Norma, 2008. 554 s.
3. Xachanyan S. V. Konstitucionny`e kollizii v Rossijskoj Federacii.: dis. … kand. yurid. nauk. Rostov na Donu, 2015.
4. Zinov`ev I. P., Kolesnikov Yu. A., Mel`nikov V. Yu. Ideologiya kak obshhestvenny`j i gosudarstvenny`j institut // Social`no-politicheskie nauki. 2016. S. 196–200.
5. Bredexin A. L. E`volyuciya ideologicheskix dominant sovremennoj Rossii // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. 2023. S. 11–17.
6. Sklyarov S. A. ideologicheskij faktor vo vneshnej politike Rossii: problemy` i perspektivy` // Rossijskij social`no-gumanitarny`j zhurnal. 2023. S. 100–113.
7. Alekseeva L. A., Grechixina E. A. Sootnoshenie duxovno-nravstvenny`x cennostej i prav cheloveka v dejstvuyushhem zakonodatel`stve // V sbornike: Kul`tura narodov v social`nom prostranstve i vremeni. Sbornik materialov vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Irkutsk, 2024. S. 59–64.
8. Boeva O. M., Rozhkovskij V. B. Tradicionny`e duxovno-nravstvenny`e cennosti v gosudarstvennoj ideologii sovremennoj Rossii // Filosofiya prava. 2024. S. 225–228.
9. Mel`nikov V. Yu. Neobxodimost` formirovaniya nacional`noj idei i pravovoj ideologii v obshhestve, gosudarstve // Rossiya: tendencii i perspektivy` razvitiya. 2017. S. 640–645.
10. Ishin A. V. Vliyanie «kry`mskogo faktora» na geopoliticheskie processy` v Chernomorskom regione // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya: Politologiya. 2024. S. 556–568.
11. Rudneva M. S. Neobxodimost` i vozmozhnost` sushhestvovaniya ideologii v sovremennoj Rossii // Nauka bez granicz. 2017. S. 122–125.
12. Xamatova S. X. K voprosu o sootnoshenii ideologii i prava v sovremennoj Rossii // Gosudarstvo i pravo. 2019. № 5. S. 155–160.

Информация об авторе

Анастасия Анатольевна Мадышева. Адъюнкт.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302028, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Anastasia A. Madysheva. A postgraduare student.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302028, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 13.05.2025; одобрена после рецензирования 19.05.2026; принята к публикации 13.07.2026.

The article was received in the editorial office on 13.05.2025; approved after review on 19.05.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 340

ОБ ИНТЕГРАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ПРАВОПОРЯДОК

Фомичев Андрей Андреевич
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

andry2453@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос качественной связи субъекта права с правопорядком. Многообразие подходов к пониманию правопорядка данную связь увидеть не позволяет. Она обнаруживается только при определении правопорядка в качестве системы правоотношений, что подразумевает одновременную включенность моделей правомерного и противоправного поведения. Для обозначения качественной связи между субъектами права и правопорядком автором вводится термин «интеграция личности в правопорядок». На основе анализа моделей правового поведения и правосознания определяются три степени качественной связи субъектов права с правопорядком: высокая, средняя, низкая. Делается вывод о том, что субъекты права, которые характеризуются низкой степенью интеграции в правопорядок, требуют повышенного внимания и целенаправленного правовоспитательного и правопросветительного воздействия со стороны правоохранительных органов и институтов гражданского общества с целью усиления и завершения процесса их интеграции в правопорядок.

Ключевые слова: правопорядок, правоотношения, правовая интеграция, интеграция в правопорядок, правосознание, правовая культура, правомерное поведение, правовые знания.

Для цитирования: Фомичев А. А. Об интеграции личности в правопорядок // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 36–42.

ON INTEGRATION OF PERSONALITY INTO THE LEGAL SYSTEM

Andrey A. Fomichev
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

andry2453@yandex.ru

Annotation. The article discusses the issue of the qualitative connection between a subject of law and the legal order. The diversity of approaches to understanding the legal order does not allow us to see this connection. It can only be observed when the legal order is defined as a system of legal relations, which implies the simultaneous inclusion of models of legal and illegal behavior. To describe the qualitative connection between subjects of law and the legal order, the author introduces the term «integration of a personality into the legal order». Based on the analysis of models of legal behavior and legal consciousness, three degrees of the qualitative connection between subjects of law and the legal order are identified: high, medium, and low. It is concluded that legal entities that are characterized by a low degree of integration into the legal order require increased attention and targeted legal education and awareness-raising efforts from law enforcement agencies and civil society

institutions in order to strengthen and complete the process of their integration into the legal order.

Keywords: legal order, legal relations, legal integration, integration into the legal order, legal consciousness, legal culture, lawful behavior, legal knowledge.

For citation: Fomichev A. A. On integration of personality into the legal system // Scientific Bulletin of the V. V. Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 2(107). P. 36–42.

Правопорядок является одной из ключевых категорий юридической науки и практики. Его существование и функционирование, как правило, не вызывают сомнений. Часто путем дедукции из него выводятся юридические понятия, процессы, модели, явления. Он принимается за априорную данность, аксиоматическую предпосылку решения любой теоретической или прикладной проблемы юриспруденции. Отсюда вытекает его универсальная роль как выражения социальной необходимости [1, с. 54]. Вместе с тем следует признать невыясненным вопрос качественной связи личности с правопорядком.

Дело в том, что правопорядок является многоуровневой категорией. Помимо собственной сложности и глубины данного феномена, его понимание и рассмотрение обогащаются новыми подходами, возникающими из-за реформирования законодательства, современных вызовов и угроз, изменяющихся приоритетов в правоприменении [2, с. 7]. В классическом варианте он определяется как состояние упорядоченности общественных отношений, достигаемое посредством их правового регулирования и обеспечения исполнения законодательства [3, с. 130]. В упрощенном варианте правопорядок есть состояние организованности общественных отношений, основанное на праве и законности [4, с. 171]. Не менее значимо толкование правопорядка как состояния общественных отношений, при котором осуществляется законность, обеспечивается правомерное поведение, гарантируется реализация прав и обязанностей участников правоотношений [5, с. 522].

Надо сказать, что к настоящему времени правопорядок приобрел достаточно обширный перечень толкований и сегодня он может рассматриваться в качестве системы правовых отношений, охраняемых государством; результата законности; режима подчиненности субъектов права правовым предписаниям; формы реализации права и воплощения законности в реальных отношениях; состояния упорядоченности общественных отношений, основанных на праве; режима и результата соблюдения прав, свобод и обязанностей граждан [6, с. 420].

Каждый из указанных подходов к пониманию правопорядка определяет образ правовой действительности и самого права, взгляд на его функционирование и реализацию. При этом важно, что независимо от используемых подходов субъект права, а значит и личность выступают неотъемлемыми элементами правопорядка. Однако вместе с изменением используемого подхода преобразуются место, роль и соотношение данных феноменов (личности и правопорядка).

В нормативной модели правопорядка, в рамках которой он рассматривается в качестве идеальной конструкции взаимодействующих правовых актов и норм, личность (субъект права) заранее интегрирована в систему упорядоченных нормативных связей, действует в четком соответствии с ними и не выходит за пределы этой системы. Такая модель характеризует идеальный правопорядок, то есть желательный, но практически недостижимый. Она не предусматривает ни правонарушений, ни правонарушителей, ни их жертв. Иными словами, лица, которые совершают правонарушения или становятся их жертвами, оказываются за пределами правопорядка. Такая модель может быть пригодна для конструирования новых правовых актов и их интеграции в действующую нормативную систему. Однако она совершенно неприменима для опи-

сания системы существующих правоотношений, так как автоматически отсекает ее важнейшую часть (правонарушения, неправомерное поведение), для урегулирования и упорядочивания которой правопорядок и создается.

Указанное вполне применимо и к тем интерпретациям правопорядка, где он определяется как результат законности; состояние упорядоченности и организованности общественных отношений; режим подчиненности субъектов права правовым предписаниям; режим и результат соблюдения прав, свобод и обязанностей граждан. В данных интерпретациях правопорядка так же, как и в его нормативной модели, предполагается идеальное состояние общественных отношений, где отсутствуют правонарушения, правонарушители и их жертвы, а значит отсечена важнейшая часть правовой действительности (преступность, правонарушения), ради регулирования и противодействия которой право во многом и существует.

Так, совершение кражи влечет нарушение уголовного законодательства и права собственности лица, которому принадлежало похищенное имущество. В период времени, когда нарушен закон и субъективное право личности до наступления момента их восстановления (обнаружения преступника, привлечения его к ответственности, возвращения похищенного и возмещения ущерба), состояние общественных отношений характеризуется как неорганизованное и неупорядоченное. При этом права и свободы потерпевшего нарушены, а обязанность преступника (уважать и соблюдать права и свободы других лиц) – не обеспечена. Вполне очевидно, что законность, понимаемая как неукоснительное соблюдение и исполнение правовых актов и норм [7, с. 10], в данном случае отсутствует, так как преступник закон, а значит и режим законности нарушил. Следовательно, с точки зрения рассматриваемых подходов к пониманию правопорядка весь этот временной период, включая преступника вместе с его противоправными действиями и потерпевшего с принадлежащим ему, но похищенным имуществом, не охватывается правопорядком, выпадает из его полностью «упорядоченного», «организованного» и «исключительно правомерного» содержания. В таком случае находясь вне правового порядка, преступник и потерпевший должны утратить статус субъектов права и правоотношений. Все это вызывает существенные противоречия и демонстрирует несостоятельность рассматриваемых подходов к пониманию правопорядка.

Совершенно иная картина правопорядка возникает, когда в его рассмотрении внимание акцентируется не на идеальном состоянии законности, организованности и упорядоченности общественных отношений, а на собственно правовом характере отношений. Речь идет о понимании правопорядка в качестве системы правовых отношений. Признак системности в данном случае предполагает согласованность, взаимосвязь, взаимодействие и взаимодополнение правовых отношений. При этом правоотношение само по себе подразумевает правовую связь между субъектами права, возникающую по поводу взаимной реализации прав и обязанностей, которые, в свою очередь, вытекают из правовых актов и норм, а значит охраняются, защищаются и обеспечиваются государством.

Указанная интерпретация правопорядка сохраняет системность и последовательность в описании правового пространства и существующих в нем правовых отношений. Порядок здесь понимается не в качестве идеального состояния, где отсутствуют правонарушения, а как слаженность и согласованность между всеми правоотношениями. В данном случае правопорядок охватывает всех лиц, выступающих субъектами права, а также все правовые отношения, которые между ними возникают. Если совершается правонарушение, то правонарушитель не выбывает из правопорядка, а вступает в сферу административных или уголовных правоотношений, находясь при этом внутри правового порядка.

Важно, что в рассматриваемом подходе к пониманию правопорядка личность всегда интегрирована в него. То есть с момента рождения и до наступления смерти че-

ловек имеет статус субъекта права, правовых отношений и правового порядка независимо от поведения и совершаемых деяний. Он участвует в правоотношениях, реализуя свои права и обязанности, которые обеспечиваются государством.

Преимуществом рассматриваемого подхода к пониманию правопорядка является то, что он одинаково применим как для идеальной, так и для реальной модели правопорядка. В. М. Сырых по данному поводу справедливо отмечает, что правопорядок следует рассматривать не только в качестве нормативной системы или идеальной модели правоотношений, но и как объективное явление, отражающее общественную практику. Идеальная модель представляет собой теоретически сконструированную систему планируемых или желательных правоотношений. Такая система не учитывает множественные правонарушения, оставляет их за пределами правовой конструкции. Реальный же правопорядок значительно отличается от своей идеальной модели. В действительности юридические обязанности и субъективные права далеко не всегда должным образом соблюдаются и исполняются, а преступления, правонарушения и злоупотребления правом имеют весьма широкое распространение. В этой связи состояние правопорядка определяется всей совокупностью социальных действий (поведенческих актов), имеющих как правомерный, так и противоправный характер. Их соотношение обусловливает облик реального правопорядка [8, с. 515–516].

Статистические данные о количестве совершаемых правонарушений и, особенно, преступлений свидетельствуют о многочисленных нарушениях правопорядка в России. Так, в 2025 году было совершено 1 771 174 преступления. Ущерб от преступлений составил 767,8 млрд руб., 26,5 тыс. человек в результате преступной деятельности получили тяжкий вред. Почти половину всех зарегистрированных преступлений (49,8 %) составляют хищения чужого имущества: кражи – 453,3 тыс., мошенничества – 411,7 тыс., грабежи – 14,4 тыс., разбои – 2,5 тыс. Среди прочего выявлено 82,3 тыс. преступлений экономической направленности и 214,8 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков[1].

Указанных сведений вполне достаточно, чтобы увидеть широкую распространенность отрицательных явлений в действующем правопорядке Российской Федерации – прежде всего преступности. Она не выходит за пределы, а находится в рамках правопорядка, демонстрируя его качественное состояние. Преступность отражает общее количество преступлений, совершаемых на территории России. При этом преступления совершаются конкретными людьми, то есть субъектами права и правопорядка. Отсюда вытекает ряд вопросов: Какова качественная связь преступников (правонарушителей) с правопорядком? Имеет ли она какое-либо отличие от добропорядочных граждан, беспрекословно соблюдающих и исполняющих требования законодательства? Если да, то в чем эта разница заключается?

Формально обе категории субъектов права интегрированы в правопорядок и, несмотря на совершаемые ими деяния, они продолжают оставаться его неотъемлемой частью. Однако, с точки зрения качественного анализа, разница между добропорядочными гражданами и преступниками (правонарушителями) по отношению к правопорядку, безусловно, существует.

Во-первых, правомерное поведение демонстрирует знание правовых актов, правовых норм и вытекающих из них требований, адресованных субъектам права для их соблюдения и исполнения. Неправомерное поведение говорит об отсутствии таких знаний.

Во-вторых, правомерное поведение свидетельствует об убежденности личности в необходимости как самого права, так и соблюдения (исполнения) его требований. Неправомерное поведение говорит об отсутствии такой убежденности и понимания.

---

[1] Состояние преступности в России за январь–декабрь 2025 года: ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» Министерства внутренних дел Российской Федерации. М., 2026. С. 2–4.

В-третьих, правомерное поведение показывает готовность и стремление, то есть внутреннюю психологическую установку личности к соблюдению и исполнению правовых предписаний. Неправомерное поведение демонстрирует отсутствие такой установки или, более того, наличие противоправной психологической установки, выраженной в желании и стремлении нарушить закон.

В-четвертых, правомерное поведение свидетельствует об уважительном отношении личности к праву, правопорядку, другим людям, их правам и свободам, а также к обществу и его интересам в целом. Неправомерное поведение указывает на нигилистическое отношение к праву и неуважение к обществу.

В-пятых, правомерное поведение говорит об осознании личностью ценности права и тех ценностей, которые им охраняются; об усвоении человеком культурных смыслов, заложенных в праве; об усвоении лицом культурных практик, связанных с исполнением и соблюдением правовых предписаний. Неправомерное поведение демонстрирует отсутствие культурно-ценностного восприятия права или его целенаправленное отрицание.

Обобщая указанное, можно сказать о том, что лица, соблюдающие и исполняющие требования законодательства, обладают более развитым правосознанием и правовой культурой, в отличие от лиц, осуществляющих неправомерное поведение. Разница между указанными категориями субъектов права указывает на различную степень их интегрированности в правопорядок. Первые посредством развитого правового сознания, правовой культуры, наличия знаний, убеждений, стремлений к соблюдению и исполнению правовых требований гораздо глубже интегрированы в правопорядок, гармонично действуют внутри него в качестве органической части, ориентированной на положительные модели правоотношений. Вторые вследствие неразвитого правового сознания и правовой культуры не осознают ценностного и прикладного значения права, демонстрируют нигилистические установки, отрицают правовые требования или вовсе ориентированы на их систематическое нарушение. Очевидно, такие лица, хотя и продолжают оставаться внутри правопорядка, интегрированы в него крайне слабо, так как преобладающими в их поведении являются те правоотношения, которые возникают в результате нарушения прав и свобод других лиц или правовых норм, охраняющих публичные интересы и ценности.

Так, принимая во внимание вариативность в качественной связи личности с правопорядком, уже сейчас можно выделить несколько степеней рассматриваемой интеграции:

- высокая степень интеграции личности в правопорядок: субъект права обладает высоким уровнем знаний о праве и устройстве правовой системы государства, владеет информацией о правовых актах, регулирующих различные сферы общественных отношений, знает обязательные требования законодательства и модели правомерного поведения; субъекту права свойственны осознание ценности права и четкая ориентация на строгое соблюдение и исполнение закона; субъектом права усвоены исторические основы и культурные смыслы права, присущие национальной правовой системе и воспроизводимые данным субъектом в ежедневных практиках (соблюдение правил дорожного движения (далее – ПДД), общественного порядка, выбрасывание мусора в установленных местах и др.);
- средняя степень интеграции личности в правопорядок: субъект права обладает некоторыми знаниями о праве и устройстве правовой системы государства, имеет общее, нередко фрагментарное и искаженное представление об основных требованиях законодательства и обязательных моделях правомерного поведения (запрещено воровать, убивать, причинять вред здоровью, необходимо соблюдать ПДД и др.); субъект права интуитивно осознает значимость действующего законодательства, однако нередко оспаривает и отрицает ее; субъект права не обладает глубокой

убежденностью и ориентацией на строгое соблюдение и исполнение правовых предписаний, действует ситуативно, толкует законодательство в зависимости от своих интересов, периодически нарушает его;

- низкая степень интегрированности личности в правопорядок: субъект права не обладает или почти не обладает правовыми знаниями, не имеет представлений о ценности и значении права либо полностью их отрицает, нигилистически относится ко всем требованиям законодательства, интерпретирует малоизвестные ему правовые нормы исключительно в своих интересах; у субъекта права отсутствует убежденность и стремление к соблюдению и исполнению требований законодательства или присутствует антиправовая психологическая установка и ориентация на модели противоправного поведения (систематическое совершение хищений, употребление алкоголя в общественных местах, вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность и др.).

Указанная градация субъектов права не просто показывает их качественную связь с правопорядком, но и обозначает потенциально проблемную зону, то есть позволяет выделить тех лиц, которые требуют повышенного внимания и воздействия с целью усиления степени их интеграции в правопорядок. Это особенно актуально для правоохранительных органов, отвечающих за качественное состояние правопорядка.

Таким образом, чтобы исключить внутренние противоречия в содержании понятия «правопорядок», его необходимо определить в качестве системы правовых отношений. Такой подход позволяет рассматривать реальный правопорядок, включающий в себя не только правомерное, но и неправомерное поведение. Он также демонстрирует качественную связь субъектов права с правопорядком. Данную связь следует обозначить термином «интеграция личности в правопорядок», под которым понимается процесс и результат освоения субъектом права правовых знаний, формирования убежденности и стремления к неукоснительному соблюдению и исполнению требований законодательства.

Вариативность правомерного (неправомерного) поведения в зависимости от степени интеграции личности в правопорядок обусловливает трехчленную градацию субъектов права: с высокой, средней и низкой степенью интеграции. Последняя категория субъектов требует повышенного внимания и усиленного правовоспитательного, правопросветительного и иного воздействия с целью повышения качественных характеристик правопорядка, в том числе национального правопорядка Российской Федерации.

---

1. Безруков А. В. Формирование и функционирование конституционно-правового механизма обеспечения правопорядка органами публичной власти в России. М.: Юстицинформ, 2016. 288 с.
2. Агамагомедова С. А. Правопорядок: историко-правовое обоснование и современные уровни // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 4(47). С. 6–10.
3. Александров Н. Г. Социалистическая законность // Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. М., 1973.
4. Общая теория права и государства: учебник / Под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. 520 с.
5. Теория государства и права: курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М. 2004. 420 с.
6. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Изд. 2-е, доп. М.: ООО ИД «Право и государство», 2005. 544 с.
7. Афанасьев В. С. Обеспечение законности: вопросы теории и практики (по материалам органов внутренних дел): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1993. 40 с.

8. Проблемы теории государства и права: учебник / Под ред. В. М. Сырых. М.: Эксмо, 2008.

1. Bezrukov A. V. Formirovanie i funkcionirovanie konstitucionno-pravovogo mexanizma obespecheniya pravoporyadka organami publichnoj vlasti v Rossii. M.: Yusticinform, 2016. 288 s.
2. Agamagomedova S. A. Pravoporyadok: istoriko-pravovoe obosnovanie i sovremenny`e urovni // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2025. № 4(47). S. 6–10.
3. Aleksandrov N. G. Socialisticheskaya zakonnost` // Marksistsko-leninskaya obshhaya teoriya gosudarstva i prava. Socialisticheskoe pravo. M., 1973.
4. Obshhaya teoriya prava i gosudarstva: uchebnik / Pod red. V. V. Lazareva. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Yurist``, 2001. 520 s.
5. Teoriya gosudarstva i prava: kurs lekcij / Pod red. N. I. Matuzova i A. V. Mal`ko. 2-e izd., pererab. i dop. M. 2004. 420 s.
6. Bajtin M. I. Sushhnost` prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvux vekov). Izd. 2-e, dop. M.: OOO ID «Pravo i gosudarstvo», 2005. 544 s.
7. Afanas`ev V. S. Obespechenie zakonnosti: voprosy` teorii i praktiki (po materialam organov vnutrennix del): avtoref. dis. … d-ra yurid. nauk. M., 1993. 40 s.
8. Problemy` teorii gosudarstva i prava: uchebnik / Pod red. V. M. Sy`ry`x. M.: E`ksmo, 2008.

Информация об авторе

Андрей Андреевич Фомичев. Старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин, кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Andrey An. Fomichev. Senior Teacher at the Chair of Social Sciences and Humanitarian Disciplines, Candidate of Sciences (Law).
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 12.05.2026; одобрена после рецензирования 19.05.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was received in the editorial office on 12.05.2026; approved after review on 19.05.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 347.9; 811

ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В РОССИИ

Шалимова Ольга Николаевна
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

oly7788@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию становления и развития института медиации в России с учетом сущностных характеристик данной процедуры. Охватывается широкий спектр вопросов историко-теоретического характера, начиная от исторических предпосылок появления медиативных практик (древнерусские формы примирения, судебная практика XIX века, советской эпохи) и заканчивая современными тенденциями их правового закрепления и практической реализации, включая правовые коллизии, проблемы внедрения и адаптации практики, а также перспективы и направления развития института медиации в российском сообществе.

Ключевые слова: примирение, генезис формирования отечественного института медиации, сущностные характеристики медиации, медиативные практики, урегулирование споров, медиатор.

Для цитирования: Шалимова О. Н. Историко-теоретические особенности формирования института медиации в России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 43–51.

HISTORICAL AND THEORETICAL FEATURES OF THE FORMATION OF THE MEDIATION INSTITUTION IN RUSSIA

Olga N. Shalimova
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

oly7788@yandex.ru

Annotation. The article is devoted to the study of the formation and development of the institution of mediation in Russia, taking into account the essential characteristics of this procedure. It covers a wide range of historical and theoretical issues, from the historical prerequisites for the emergence of mediation practices (ancient Russian forms of reconciliation, judicial practice in the 19th century, and the Soviet era) to the current trends in their legal consolidation and practical implementation, including legal conflicts, challenges in implementing and adapting the practice, as well as the prospects and directions for the development of the institution of mediation in the Russian community.

Keywords: conciliation, genesis of the formation of the domestic mediation institution, essential characteristics of mediation, mediation practices, disputes resolution, mediator.

For citation: Shalimova O. N. Historical and theoretical features of the formation of the mediation institution in Russia // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 2(107). P. 43–51.

Рассматривая исторический аспект возникновения института медиации в России, прежде всего следует разобраться с понятийно-категориальным аппаратом. Согласно разным источникам, в частности Gramota.ru, термин «медиация»[1] имеет происхождение от латинского mediation, означающего «посредничество». Это понятие обозначает процесс привлечения независимой третьей стороны для содействия урегулированию конфликта между двумя сторонами. Актуализируя исторические корни медиации, следует подчеркнуть ее глубокую укорененность в человеческой истории.

В архаических обществах обычаи вроде примирительных процедур, компенсаций, кровной мести служили заменой привычной на сегодняшний день системы судопроизводства [1, с. 335], поскольку она тогда еще не была сформирована. Первоначально термин использовался в международном праве, подчеркивая роль посредников в мирных переговорах между государствами, хотя возник задолго до его современного варианта, обозначая «добрые услуги» и «ходатайство». Однако впоследствии значение расширилось и стало применяться в различных сферах гражданского и других видов права, в разрешении коммерческих и семейных конфликтов, охватывая разнообразные ситуации, требующие участия компетентного посредника для достижения взаимоприемлемого решения.

Прошлое явилось фундаментом для современных институтов справедливости, включая медиацию и концепцию восстановительного правосудия. Опыт предыдущих поколений, в том числе международный опыт, подкрепленный историческими событиями и сложившимися культурными традициями, демонстрирует преемственность по отношению к традиционным архаическим обрядовым практикам, сформировавшим основы, определяющие развитие медиативных технологий на сегодняшний день. Такие технологии фокусируются на отрицании карательных мер и восстановлении социальной гармонии в обществе, что указывает на универсальность, проявляющуюся в механизмах разрешения конфликтов посредством примирения и адаптации к современным культурным и юридическим условиям. Так, современные российские процессуальные нормы включают в себя элементы примирительных процедур, отражающих такой универсальный подход.

Развитие примирительных практик среди русского народа обусловлено рядом факторов, среди которых выделяются поликультурный характер общественной жизни, многообразие культурных проявлений и этнических традиций, существующих на фоне единой духовной парадигмы [2, с. 132], обуславливающей формирование специфической модели социального взаимодействия, основанной на механизмах согласованности и взаимопонимания.

В древнерусском сообществе существовали различные способы урегулирования конфликтов. Одним из наиболее важных и торжественных методов в Древней Руси считался ритуал целования креста[2] (упоминается начиная с XI века). Данный акт обладал двойственным значением. Одновременно выражал и глубокую религиозную приверженность, и выступал формой юридически обязывающего соглашения (30 % случаев урегулирования конфликтов между представителями высших сословий). Процедура сопровождалась произношением священных слов и заключалась в символическом принятии обязательств перед богом и обществом, гарантируя соблюдение достигнутых договоренностей сторонами конфликта. Несоблюдение сторонами достигнутых договоренностей приводило к серьезным последствиям, вооруженным конфликтам и изгнанию. Сейчас практика целования креста имеет скорее символическое и духовное значение, в повседневной юридической практике не используется.

---

[1] Медиация. URL: https://gramota.ru/meta/mediatsiya (дата обращения: 03.02.2026).

[2] 5 древнерусских способов примирения: как мирились после ссоры наши предки? URL: https://dzen.ru/a/ZrLbLHD-5hg4gA5U?ysclid=ml7qm0yr7e125333686 (дата обращения: 04.02.2026).

Средством разрешения серьезных разногласий и конфликтов, а также воспитания считался феномен побратимства [3, с. 32], представляющий собой современный славянский институт, подразумевавший установление неродственного братского союза (существовало и посестринство). Ретроспективное изучение историко-теоретических материалов позволяет утверждать, что данный феномен получил широкое распространение на территории Древней Руси начиная с IX столетия вплоть до начала XIX столетия (Е. А. Рубинштейн, Г. Мейн, М. Л. Лавриченко[1]). Изучение правовых «памятников» Древней Руси демонстрирует, что приблизительно в пятой части случаев, касающихся споров передачи наследства, лица, состоящие в отношениях побратимства, получали аналогичные права, сопоставимые с правами родных братьев. Кроме того, отмечается, что побратимство могло использоваться для налаживания международных отношений, например между монголом и русским. Ритуал накладывал одинаково серьезные обязанности на побратимов [4, с. 233].

К древнерусскому обычаю примирения сторон конфликта путем совместного ритуала, символически выражавшего согласие и завершение спора, относится термин «мировая чаша». Данный термин встречается в исследованиях А. Н. Афанасьева, Д. К. Зеленина[2] и др. Это обозначало своего рода официальное соглашение или договоренность, зафиксированные особыми обрядовыми действиями, среди которых важной частью была передача чаш или сосудов с напитком, символизировавшими единство и восстановление мира. Стороны собирались в присутствии свидетелей, старейшин или представителей власти (посредников, предшественников современных медиаторов). Совместное распитие напитка из одной чаши подчеркивало равенство сторон и желание восстановить мирные отношения. Ритуал сопровождался проговариванием и принятием условий договора, а также обязательством соблюдать озвученные договоренности. Мировая чаша служила инструментом поддержания порядка и разрешения споров в обществе Древней Руси, способствуя укреплению социальных связей и предотвращению эскалации конфликтов.

Анализ древнерусских юридических документов позволяет утверждать, что на территории Древней Руси значительную роль в урегулировании общественных разногласий играли старейшины или старосты – признанные лидеры местных сообществ, обладающие высоким социальным статусом. Например, во времена правления сына Владимира Мономаха в Новгороде существовал независимый от князя институт посадничества (альтернативное правосудие) во главе с посадником, а внутри судебной администрации имелись переговорщики-примирители [5, с. 154]. Летописные источники (Нестор «Повесть временных лет»[3]) подтверждают влияние совета старейшин на урегулирование различных общинных, княжеских споров и международных отношений. Дела решались по обычаю (особенно в период отсутствия письменного права) [6, с. 57], а случаи фиксации письменных форм в дальнейшем служили ориентиром при аналогичных обстоятельствах, воздействуя на развитие правового сознания и структуры правосудия, играя существенную роль в поддержании общественного порядка и стабильности в рамках традиционного уклада русской деревни.

В X веке большое значение при разрешении конфликтов все еще имело «самоуправство», «самосуд» или «кровная месть». Многие авторы отождествляют данные

---

[1] Историковедческое исследование. URL: https://igh.ru/system/dissertations/synopsis_pdfs/000/000/043/original/7394f21a8df776ace82e7ff29f86f9b6e41ebfb9.pdf?1633509946&ysclid=mlevugrlne969413436 (дата обращения: 09.02.2026).

[2] Из истории науки. URL: https://eo.iea.ras.ru/wp content/uploads/1978/06/eoarchive_1978_6_071_saburova.pdf (дата обращения: 09.02.2026).

[3] Суд старейшин: истоки судебной системы в древнеславянском обществе. URL:https://rapsinews.ru/historical_memory_publication/20241007/310303663.html?ysclid=mlewxg1mhc617069923 (дата обращения: 09.02.2026).

понятия (Н. В. Стус, Я. В. Танасейчук, П. Чоглоков, И. И. Дудаев, М. М. Омаров, О. П. Лавченко и др.), определяя их как намеренное причинение зла за прошлое с целью отплатить за причиненное зло[1] с учетом интересов семьи, родства, защиты жизни и имущества сородичей. Примерами самосуда могут выступать статьи русско-византийских договоров, например договор, принятый во времена княжения Олега в 911 году. Содержание договора содержит информацию о том, что, если кто убьет, тот на месте пусть сам и умрет.

На сегодняшний день данный обычай преобразовался из социально-межличностного регулятора баланса сил в «криминальную традицию» и определяется низким уровнем культуры и образования, национально-территориальным устройством, уровнем занятости, нестабильностью социально-экономических преобразований [7, с. 113] и т. д.

К обрядам примирения до XIX века можно отнести «обмен дарами», особенно популярный в разрешении семейных конфликтов, а также процедуру «откупа» – институт примирения и улаживания конфликта, впоследствии частично заменивший кровную месть, претерпевающую упадок в период возникновения феодализма [8, с. 145]. Так некая материальная компенсация могла остановить самосуд и выкупить свободу виновника. Нелегко было ввести процедуру откупа как альтернативу кровной мести, так как славяне вначале считали, что это путь к бесчестию.

Стоит отметить, что древнерусские письменные источники позволяют сделать вывод о том, что терминология, относящаяся к процедурам примирения и процессу проявления взаимного прощения, занимала всего около двух процентов объема языкового инвентаря эпохи.

В Древней Руси широко использовались мировые соглашения, которые назывались «полюбовными сказками» вплоть до XX века [9, с. 115], а институт примирения регламентируется уже в Русской правде[2], которую различные исследователи датируют по-разному, с существенными различиями в толкованиях, вероятнее 1113–1132 годы. Традиционным названием второй кодификации писаного русского права считается – Пространная редакция Русской Правды. В данных памятниках юридической мысли содержатся нормы и алгоритмы действий, направленные на формирование института примирения (как заплатить откуп, не прибегая к кровной мести). Например, подобную интерпретацию примирительных процедур можно встретить в договоре, заключенном одним из князей с немцами в 1230–1270 годы [10, с. 26], с требованием уплаты 10 гривен серебра за сохранение жизни.

Документальные памятники (Русская правда, Пространная редакция Русской Правды, Двинская уставная грамота[3], Псковская судная грамота[4], Белозерская уставная, грамота[5], Судебники 1497, 1550 годов, Соборное уложение 1649 года[6] и др.) позволяют говорить о значительной степени юридического закрепления норм примирения. До пятнадцати процентов положений древнего свода законов прямо связано с нормами

---

[1] Толковый словарь Ушакова. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/858990?ysclid=mley3u2cjm584056192 (дата обращения: 09.02.2026).

[2] Русская правда. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-4/14 (дата обращения: 10.02.2026).

[3] Двинская уставная грамота. URL: https://www.prosud35.ru/history/istoriya-razvitiya-russkikh-sudebnykh-dokumentov-chast-shestaya-0?ysclid=mlgae3stm978410734 (дата обращения: 10.02.2026).

[4] Псковская судная грамота. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pskovskaya-sudnaya-gramota/viewer (дата обращения: 10.02.2026).

[5] Белозерская уставная грамота как ранний этап развития уголовного права московского государства. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/belozerskaya-ustavnaya-gramota-kak-ranniy-etap-razvitiya-ugolovnogo-prava-moskovskogo-gosudarstva/viewer (дата обращения: 10.02.2026).

[6] Соборное уложение 1649 года. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/sobornoe-ulozhenie-1649-goda (дата обращения: 10.02.2026).

и правилами примирения сторон, регулирующими процедуры возмещения ущерба, компромиссов и заключения мировых договоров.

В петровский период примирение рассматривалось как обстоятельство, смягчающее наказание (Артикул воинский 1715 года, Патент о поединках и др.). Во времена правления Екатерины II по прототипу английского суда Справедливости были созданы Совестные суды[1] для крестьян, получивших свободу. Такие суды работали по принципу милосердия в рамках развития Просвещения в Российской империи. В современном обществе внедрение принципа милосердия в практику работы правоохранительных органов все еще остается крайне необходимым.

Впоследствии в ходе судебной реформы Совестные суды были заменены на мировые суды (1775 год) [10, с. 45]. Производство в совестных судах, несмотря на формальное следование государственным законам, фактически представляло собой процедуру примирительного характера. Главная цель такого судопроизводства заключалась в достижении соглашения между сторонами конфликта посредством убеждения их прийти к согласованному решению, основанному на принципе справедливости, соответствующем религиозно-нравственным ценностям эпохи [11, с. 47]. В российском правовом обществе наблюдается активное развитие законодательных норм и правовой доктрины, касающихся примирительных процедур. Так, о примирении упоминается в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, в 1864 году.

Модернизация института примирительных процедур требовала дальнейшего развития в советскую эпоху, которая внесла некоторые изменения, обусловленные процессом либерализации государства после осуждения сталинизма и принятия Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1964 года[2], установившего правила оформления и утверждения мировых соглашений. Однако вместе с тем советская практика существенно отличалась от предшествующей русской и международной традиций отсутствием обязанности суда активно содействовать началу переговорного процесса и достижению примирения сторон.

Значительные нововведения относительно примирительных процедур появились в Гражданском процессуальном кодексе 2003 года, сохранившего основы предыдущего регламента. Появляются нормы, обеспечивающие соблюдение конфиденциальности посредника медиатора, обязательства суда поощрять заключение мирового соглашения, включая итоговые договоренности после медиационного процесса, возможность отложения рассмотрения дела на период медиации сроком до двух месяцев, а также необходимость судьи проверять намерение сторон завершить дело мирным соглашением либо путем медиации. Медиация находит свое развитие в гражданско-процессуальном законодательстве, в решении международных споров, в цивилистическом процессе и т. д.

В настоящее время судебное примирение регламентируются Постановлением Пленума Верховного Суда РФ[3], устанавливающим цели, задачи, принципы, правовую основу, порядок проведения судебных примирений, а также требования к судебным примирителям и формирование их списка.

---

[1] Совестный суд. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/3588908?ysclid=mlgbptf9rt363430763 (дата обращения: 10.02.2026).

[2] Гражданский процессуальный кодекс РСФСР: утв. Верховным Советом РСФСР от 11 июня 1964 г. (ред. от 31.12.2002). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Об утверждении Регламента проведения судебного примирения: постановлением Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 31 октября 2019 г. № 41. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Процедура медиации регламентируется федеральным законом об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)[1], созданной для обеспечения правовых условий и разрешения спорных, конфликтных вопросов между сторонами с помощью посредника (медиатора). Данный закон определяет понятийно-категориальный аппарат, сферу и условия действия, предмет регулирования, принципы, сроки и порядок проведения процедуры медиации, ее конфиденциальность, выбор и назначение медиаторов, требования к ним и осуществления данного рода деятельности на профессиональной основе и т. д.

И судебное примирение, и медиация относятся к механизмам, направленным на мирное урегулирование споров или конфликтов, развитие партнерства, основывавного на принципе добровольности, конфиденциальности, нейтральности, беспристрастности и с участием независимого посредника. Исследования в области развития примирительных процедур в России были и остаются актуальными (Я. А. Шараева, С. Ю. Нарышкина, Т. Р. Гиззятов, Д. А. Курбанов, М. М. Бевова, А. Д. Носкова, Е. Л. Комбарова, Д. Р. Камбер, С. И. Герасимова, К. Н. Горшкова, С. С. Желонкин и др.).

В литературных источниках термины «судебное примирение» и «медиация» часто трактуются как синонимичные понятия. Однако важно учитывать, что между ними существуют различия, поскольку каждое понятие имеет свою специфику и применяется в разных правовых ситуациях.

Судебное примирение представляет собой процесс урегулирования спора непосредственно сторонами конфликта путем достижения взаимовыгодного соглашения. Судья может предложить сторонам заключить мировое соглашение, которое впоследствии утверждается судом и приобретает юридическую силу судебного решения. Судебный примиритель, кроме управления процессом, также дает рекомендации и разъяснения по законодательству для эффективного разрешения спора между сторонами. Некоторые зарубежные исследователи, например P. Kayser, называют судебного примирителя «активным медиатором». Следует подчеркнуть, что судебное примирение существенно отличается от медиации характером процессуальной природы, выступая публично-правовым институтом, обязательным условием которого считается инициирование производства в судебном порядке. Это обуславливает реализацию процедуры исключительно в рамках судопроизводства и территориально ограничивает ее пределами зданием суда. Таким образом, именно специфика формального статуса судебного примирения предопределяет закрепление законодательно установленных требований к квалификации лиц, осуществляющих данную процедуру, включая обязательное высшее юридическое образование и значительный профессиональный стаж в области права. Например, согласно статье 153.6 «Судебное примирение» Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации, судебным примирителем может быть судья в отставке или иной работник аппарата суда, не связанный с процессом. Данный подход обоснован объективной необходимостью установления повышенных стандартов к компетентности посредников, вовлеченных в разрешение судебных споров, ввиду прямой взаимосвязанности судебного примирения с функционированием судебной системы.

Медиация – это процедура альтернативного разрешения споров, осуществляемая с участием независимого посредника (медиатора), который помогает сторонам прийти к согласию. Медиатор не принимает решений, а лишь способствует конструктивному диалогу и выработке взаимоприемлемого компромисса. Медиация зарекомендовала се-

[1] Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

бя как новаторская форма урегулирования споров, позволяющая участникам самостоятельно определять весь ход процесса с выбора медиатора и заканчивая результатами переговоров, однако «закон о медиации и правоприменительное законодательство не предусматривают прямого запрета на подачу искового заявления в суд, даже если стороны согласовали обязательность процедуры медиации перед судебным разбирательством [12, с. 369]. Институт медиации является дополнительным способом урегулирования споров вне суда и одним из направлений посреднической деятельности [13, с. 152].

Характеристика медиации определяется ее универсальностью, выражающейся в применимости данного правового механизма ко всему спектру субъектного состава участников правовых отношений, включая как физических лиц, так и организации различной организационно-правовой формы. Особое значение приобретает сохранение конфиденциальности как основного принципа, обеспечивающего участникам разрешение возникающего спора вне публичной сферы и исключающего разглашение деталей конфликта третьим лицам. Данный аспект имеет принципиальные отличия от судебного рассмотрения дела, осуществляемого согласно принципам открытости и публичности, закрепленным в процессуальном законодательстве Российской Федерации.

Медиаторами могут быть специалисты с высшим образованием, прошедшие специальную подготовку в области медиации (подтверждается сертификатом). Федеральный закон № 193-ФЗ устанавливает общие квалификационные требования к медиаторам, но не предъявляет конкретных ограничений относительно специализации высшего образования. Согласно закону, любое высшее образование признается достаточным условием для занятия деятельностью медиатора. Следовательно, среди возможных может быть юридическое, экономическое, психологическое, социальное, философское, педагогическое и другие.

Таким образом, хотя «судебное примирение» и «медиация» связаны процедурой мирного урегулирования конфликтов, они имеют разные механизмы реализации и правовые последствия, а также принципиальное отличие между ними заключается в степени участия, роли и функциях привлеченного посредника. Процесс судебного примирения больше фокусируется на фактах, а процесс медиации – на людях и их коммуникации[1].

Судебная примирительная процедура и медиативная практика представляют собой самостоятельные, однако комплементарные инструменты миротворчества, не вступающие в противоречие друг с другом. Данные процессы позволяют субъектам конфликта достигнуть консенсуса вне рамок обязывающего судебного акта посредством процедур добровольного согласования позиций и выработки компромиссных договоренностей.

Рассмотрим преимущества института медиации над судебным примирением. Ключевой положительный фактор института медиации заключается в значительном снижении нагрузки на судебную систему, так как многие споры при разрешении не доходят до суда, сокращая тем самым количество исковых заявлений и нагрузку на судей. Стоит отметить, что медиативные процедуры проводятся быстрее, чем судебные заседания, а сама процедура обходится дешевле, чем судебная тяжба, снижая затраты государства на обеспечение функционирования судебной системы. Кроме того, разрешение споров без длительных юридических процессов помогает снизить психологическое напряжение у участников, улучшает качество социального взаимодействия и повышает доверие к правовой системе. Таким образом, внедрение и развитие института медиации

[1] Jean A. MIRIMANOFF. Médiation et conciliation: pour en finir avec un psychodrame familial // Exposé à la deuxième rencontre des ACBL du 12 Mai 2006 à Grange p. 4. URL: http://www.gemme.ch/rep_fichier/gemme_mediation_et_conciliation.pdf (дата обращения: 11.02.2026).

способствуют эффективной работе судебной системы страны, повышению уровня доверия населения к государству и улучшению общего климата социальной стабильности.

Рассмотрев историко-теоретические аспекты формирования института медиации в России, можно констатировать, что его эволюция отражает переход от традиционных архаических механизмов примирения к формализации в законодательстве и последующему установлению профессиональных стандартов медиации. Современный этап характеризуется ее институализацией, регулируемой Федеральным законом и социальным признанием государством как инструмента решения конфликтов и снижения нагрузки на судебную систему.

---

1. Таршева М. Н. Примирительные процедуры в отечественном уголовном процессе / М. Н. Таршева, Е. Ю. Семенов // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2024. Т. 34. № 3. С. 540–545.
2. Таршева М. Н. Становление института медиации в России и за рубежом / М. Н. Таршева, Н. Н. Толкунова // Антиномии. 2020. Т. 20. № 4. С. 124–142.
3. Радул О. С. Побратимство и посестринство как формы общественного воспитания у восточных славян VI-XIII веков // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2013. № 1(130). С. 32–36.
4. Соколов Р. А. К вопросу о возможности побратимства русских князей и монголов // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11. № 4. С. 230–235.
5. Марков С. М. Судебное право вечевой Новгородской республики XI–XIII вв.: история медиации в Древней Руси // Известия Иркутского государственного университета. 2016. Т. 18. С. 144–155.
6. Стус Н. В. От суда старейшин к суду присяжных // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2015. № 2(21). С. 57–67.
7. Танасейчук Я. В. Понятие кровной мести и история возникновения, трансформация и современное закрепление обычая кровной мести // Право: история, теория, практика. Санкт-Петербург: Свое издательство. 2017. С. 111–114.
8. Конев А. Н. Идеология разрешения конфликта по Русской Правде (XI-XII вв.) // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 4 (48). С. 142–148.
9. Карягина О. В. Примирение и посредничество в русской государственно правовой мысли в XI–XVI вв. // Философия права. 2011. № 6. С. 115–118.
10. Попаденко Е. В. Институт примирения в истории Российской уголовной юстиции (дореволюционный период) // Право: история и современность. 2021. № 3(16). С. 25–34.
11. Фомин А. А. Эволюция института примирительных процедур в России: история и современность // Наука. Общество. Государство. 2025. Т. 13. № 1(49). С. 44–51.
12. Гараев М. А. История примирительных процедур в России // Право и государство: теория и практика. 2023. № 12(228). С. 368–370.
13. Стерхов П. А. Медиация как инструмент альтернативного урегулирования споров в целях качественного обеспечения прав граждан // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 1(84). С. 149–153.

1. Tarsheva M. N. Primiritel`ny`e procedury` v otechestvennom ugolovnom processe / M. N. Tarsheva, E. Yu. Semenov // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya E`konomika i pravo. 2024. T. 34. № 3. S. 540–545.
2. Tarsheva M. N. Stanovlenie instituta mediacii v Rossii i za rubezhom / M. N. Tarsheva, N. N. Tolkunova // Antinomii. 2020. T. 20. № 4. S. 124–142.
3. Radul O. S. Pobratimstvo i posestrinstvo kak formy` obshhestvennogo vospitaniya

u vostochny`x slavyan VI-XIII vekov // Ucheny`e zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 1(130). S. 32–36.
4. Sokolov R. A. K voprosu o vozmozhnosti pobratimstva russkix knyazej i mongolov // Vestnik Russkoj xristianskoj gumanitarnoj akademii. 2010. T. 11. № 4. S. 230–235.
5. Markov S. M. Sudebnoe pravo vechevoj Novgorodskoj respubliki XI–XIII vv.: istoriya mediacii v Drevnej Rusi // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. T. 18. S. 144–155.
6. Stus N. V. Ot suda starejshin k sudu prisyazhny`x // Vestnik VGU. Seriya: Pravo. 2015. № 2(21). S. 57–67.
7. Tanasejchuk Ya. V. Ponyatie krovnoj mesti i istoriya vozniknoveniya, transformaciya i sovremennoe zakreplenie oby`chaya krovnoj mesti // Pravo: istoriya, teoriya, praktika. Sankt-Peterburg: Svoyo izdatel`stvo. 2017. S. 111–114.
8. Konev A. N. Ideologiya razresheniya konflikta po Russkoj Pravde (XI-XII vv.) // Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. 2018. № 4 (48). C. 142–148.
9. Karyagina O. V. Primirenie i posrednichestvo v russkoj gosudarstvenno pravovoj my`sli v XI-XVI vv. // Filosofiya prava. 2011. № 6. S. 115–118.
10. Popadenko E. V. Institut primireniya v istorii Rossijskoj ugolovnoj yusticii (dorevolyucionny`j period) // Pravo: istoriya i sovremennost`. 2021. № 3(16). S. 25–34.
11. Fomin A. A. E`volyuciya instituta primiritel`ny`x procedur v Rossii: istoriya i sovremennost` // Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo. 2025. T. 13. № 1(49). S. 44–51.
12. Garaev M. A. Istoriya primiritel`ny`x procedur v Rossii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 12(228). S. 368–370.
13. Sterxov P. A. Mediaciya kak instrument al`ternativnogo uregulirovaniya sporov v celyax kachestvennogo obespecheniya prav grazhdan // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 1(84). S. 149–153.

Информация об авторе

Ольга Николаевна Шалимова. Доцент кафедры иностранных и русского языков, кандидат педагогических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Olga N. Shalimova. Associate Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, Candidate of Pedagogical Sciences.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 14.05.2026; одобрена после рецензирования 19.05.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was received in the editorial office on 14.05.2026; approved after review on 19.05.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научная статья
УДК 342.5

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ[1] В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕТСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Афонина Евгения Григорьевна
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

Evg.afonina@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые моменты, с которыми сталкиваются сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних при организации профилактической работы по предупреждению детского дорожно-транспортного травматизма. Анализируются недостатки нормативного правового регулирования, межведомственного взаимодействия, а также низкая эффективность отдельных форм профилактики. Особое внимание уделяется проблемам правового воспитания несовершеннолетних участников дорожного движения, роли семьи и образовательных организаций в формировании культуры безопасного поведения. На основе изучения статистики дорожно-транспортных происшествий с участием детей и практики подразделений по делам несовершеннолетних предлагаются меры по совершенствованию профилактической деятельности, включая развитие цифровых технологий и усиление адресного подхода в работе с несовершеннолетними группами риска.

Ключевые слова: детский дорожно-транспортный травматизм, профилактика, Госавтоинспекция, подразделения по делам несовершеннолетних, несовершеннолетние, правовое воспитание.

Для цитирования: Афонина Е. Г. Актуальные проблемы деятельности подразделений по делам несовершеннолетних в сфере обеспечения детской безопасности в условиях дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 52–58.

CURRENT ISSUES IN THE ACTIVITIES OF JUVENILE AFFAIRS UNITS IN ENSURING CHILDREN'S SAFETY ON THE ROAD

Evgenia G. Afonina
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

Evg.afonina@mail.ru

Annotation. The article discusses the key issues faced by juvenile police officers in organizing preventive work to prevent child road traffic injuries. It analyzes the shortcomings of legal and regulatory framework, interagency cooperation, and the low effectiveness of certain forms of prevention. Special attention is paid to the problems of legal

[1] Далее – ПДН.

education of minor road users, the role of the family and educational organizations in shaping a culture of safe behavior. Based on the analysis of traffic accidents involving children and the practice of juvenile police officers, the article proposes measures to improve preventive activities, including the development of digital technologies and strengthening the targeted approach in working with risk groups of minors.

Keywords: child road traffic injuries, prevention, traffic police, juvenile affairs units, minors, legal education.

For citation: Afonina E. G. Current issues in the activities of juvenile affairs units in ensuring children's safety on the road // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 2(107). P. 52–58.

Проблема профилактики правонарушений несовершеннолетних на протяжении многих десятилетий остается одной из приоритетных сфер государственной политики РФ. Высокая социальная значимость данной области обусловлена тем, что противоправное поведение подростков влечет за собой не только угрозу общественной безопасности, но и формирует негативные тенденции в развитии общества, влияя тем самым на уровень преступности. Несовершеннолетние, находящиеся в трудной жизненной ситуации, при отсутствии своевременной помощи и надлежащего контроля со стороны семьи, образовательных организаций и государства оказываются в группе повышенного риска совершения противоправных деяний.

Подразделения по делам несовершеннолетних отчасти участвуют в деятельности по профилактике правонарушений в области дорожного движения, совершаемых несовершеннолетними или в отношении них.

Например, ПДН транспортной полиции проводятся оперативно-профилактические мероприятия, к осуществлению которых привлекаются сотрудники полиции, представители органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, общественности, а также работники транспортных предприятий. Комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав в рамках межведомственного взаимодействия разрабатываются памятки по профилактике детского травматизма для размещения ее на официальных сайтах органов и учреждений системы профилактики муниципальных образований. В целях формирования законопослушного и безопасного поведения несовершеннолетних особое внимание сотрудниками транспортной полиции уделяется взаимодействию с образовательными организациями. Так, сотрудниками линейных подразделений Управления на транспорте по Южному федеральному округу (далее – ЮФО) за 2025 год в общеобразовательных организациях проведено более 4 тыс. лекций, в том числе выездных мероприятий, акций, викторин и экскурсий на объектах железнодорожного транспорта; сотрудниками ПДН Управления на транспорте по Северо-Кавказскому федеральному округу – более 1,1 тыс. лекций и бесед[1]. Кроме того, совместно с образовательными организациями системы МВД России в целях совершенствования деятельности по организации профилактической работы разрабатываются видеофильмы по профилактике детского травматизма на объектах железнодорожного транспорта.

При предупреждении детского дорожно-транспортного травматизма следует акцентировать внимание на двух ключевых аспектах: обучение и воспитание [1, с. 54]. С целью стабилизации криминогенной обстановки в подростковой среде, совершенствования деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовер-

[1] О мерах по предупреждению детского травматизма, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на объектах транспортной инфраструктуры и при дорожно-транспортных происшествиях. URL: https://www.kdn-krd.ru/upload/files/1.5.postan-2022.pdf (дата обращения: 27.03.2026).

шеннолетних на объектах транспортной инфраструктуры сотрудниками линейных подразделений на транспорте регулярно проводятся рейдовые мероприятия на объектах железнодорожного транспорта на предмет выявления несовершеннолетних, находящихся без контроля взрослых лиц, совершающих правонарушения, а также взрослых лиц, совершающих противоправные действия в отношении несовершеннолетних, семей и детей, находящихся в социально опасном положении.

Особенно эффективная деятельность по предупреждению детского дорожно-транспортного травматизма видится в реализации полномочий Госавтоинспекции совместно с образовательными организациями [2, с. 25]. Среди факторов, влияющих на противоправность поведения подростков, можно выделить: непонимание и занятость родителей, неблагополучие в семье, безразличие учителей; желание привлечь к себе внимание, казаться взрослым; негативное влияние сверстников, буллинг; бравада, стремление повысить свой авторитет в глазах сверстников; негативное влияние интернета, социальных сетей и мессенджеров на сознание подростка. Одним из наиболее эффективных способов воздействия на детей и подростков остается активная пропаганда, формирование устойчивых правомерных знаний, умений и навыков. В целом пропаганда безопасности дорожного движения – одна из важнейших функций, осуществляемых подразделениями полиции [3, с. 93]. В документах, регулирующих работу правоохранительных органов, пропаганда безопасности дорожного движения определяется как целенаправленная деятельность, осуществляемая субъектами пропаганды, по распространению знаний, касающихся вопросов обеспечения безопасности дорожного движения, разъяснения законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, регламентирующих поведение участников дорожного движения[1].

При этом взаимодействие сотрудников Госавтоинспекции, занимающихся пропагандой безопасности дорожного движения, с представителями образовательных организаций в рамках создания необходимых для этой деятельности условий, планирования совместных мероприятий будет всячески способствовать формированию у несовершеннолетних высокого уровня установки на безопасность дорожного движения [4, с. 26]. Под установкой на безопасность дорожного движения у несовершеннолетних следует понимать целостное динамическое состояние их личности, определяемое внутренней готовностью, предрасположенностью осуществления безопасного поведения на дороге [5, с. 44].

В профилактической деятельности сотрудниками ПДН широко используются возможности средств массовой информации. Статистика говорит нам о том, что большинство правонарушений, совершаемых несовершеннолетними в области безопасности дорожного движения, являются дорожно-транспортными происшествиями, в которых участвовали двухколесные транспортные средства, такие как мопеды, мотоциклы и т. д. [6, с. 54]. Так, в средствах массовой информации освещаются профилактические материалы, опубликовываются выступления руководителей ПДН, в том числе и линейных, на тему профилактики правонарушений со стороны несовершеннолетних и предупреждения детского травматизма на объектах железнодорожного транспорта. На официальных сайтах размещаются статьи и другие материалы о проводимых профилактических мероприятиях на объектах транспорта, памятки о правилах безопасного поведения в период нахождения на вокзальных комплексах и в пути следования, а также последствиях за нарушения действующих правил. В целях предупреждения несчастных случаев на объектах транспортного комплекса среди несовершеннолетних, а также обеспечения безопасности пассажиров, в том числе групп несовершеннолетних, следующих железнодорожным транспортом, разрабатываются памятки «Безопасное путешествие» для размещения в пассажирских и электропоездах и в вокзальных комплексах «Движение жизнь, когда по правилам». Материал размещен на официальных сайтах органов в сфере образования для информирования, а также распространяется в формате памяток в ходе работы с несовершеннолетними и родителями (лицами, их заменяющи-

[1] Об организации работы Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД Российской Федерации по пропаганде безопасности дорожного движения: приказ МВД России от 2 декабря 2003 г. № 930. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ми). В этих же целях проводятся инструктажи при сопровождении пассажирских поездов. Планомерно реализуется работа по мониторингу социальных сетей и сети Интернет по выявлению фактов распространения запрещенной информации, склоняющей подростков к деструктивному поведению. Так, линейными подразделениями Управления на транспорте по ЮФО в 2021 году установлено 4 интернет-страницы в социальной сети «ВКонтакте», содержащие информацию суицидального характера, пропагандирующую употребление некурительного табачного изделия (снюс), что является нарушением требований законодательства о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию. На интернет-канале «Rawthang» выявлены видеоролики «зацепинга»[1]. Отдельное внимание уделяется сопровождению детей, следующих организованными группами в подвижном составе.

Однако эта деятельность имеет ряд несовершенств, которые мешают ее эффективности. Среди основных проблем можно определить, во-первых, несовершенство ведомственного приказа, регулирующего деятельность ПДН; во-вторых, наличие внешних факторов, которыми принято считать психологические особенности личности несовершеннолетних, правовой нигилизм и неосведомленность родителей подростков в вопросах безопасности дорожного движения, недостаточная межведомственная работа органов и учреждений, компетентных обеспечивать безопасность дорожного движения.

Положениями приказа МВД России № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации»[2], регламентирующего деятельность подразделений по делам несовершеннолетних, установлен круг лиц, в отношении которых должна проводиться профилактическая работа. При этом берутся во внимание только те несовершеннолетние, которые ранее уже привлекались к административной ответственности, характеризуются девиантным поведением или имеют предрасположенность к совершению правонарушений в силу ряда внешних обстоятельств (неблагополучие семьи, злоупотребление алкоголем или наркотиками). Видится, что данный круг несовершеннолетних, поведение которых требует профилактики, необходимо расширить, включив него в том числе и тех, которые характеризуются положительно и ранее не совершали противоправных поступков.

Подобное изменение положительно скажется не только на общей статистике правонарушений среди несовершеннолетних, но и окажет существенное влияние в вопросе обеспечения безопасности дорожного движения, так как:

– во-первых, дорожно-транспортные происшествия, где водителями выступают несовершеннолетние характеризуются высокой степенью тяжести последствий, что объясняется рядом обстоятельств, главным среди которых является неподготовленность и неопытность несовершеннолетних водителей к управлению транспортным средством на законных основаниях в большом транспортном потоке, отсутствие опыта при возникновении аварийной ситуации, а также знаний о порядке действий в этом случае. Там, где опытный водитель с большей вероятностью сможет избежать тяжких последствий с помощью быстроты своей реакции, несовершеннолетний не сможет принять быстро необходимые решения. Такие обстоятельства повышают риск большого количества смертей несовершеннолетних в дорожно-транспортных происшествиях;

– во-вторых, личность несовершеннолетнего ввиду постоянного формирования уязвима ко всем влияниям извне. Считается, что подросток, совершивший противоправное действие в возрасте до 16 лет, вряд ли сможет вернуться к нормальной жизни

[1] О мерах по предупреждению детского травматизма, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на объектах транспортной инфраструктуры и при дорожно-транспортных происшествиях. URL: https://www.kdn-krd.ru/upload/files/1.5.postan-2022.pdf (дата обращения: 27.03.2026).
[2] Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Рос. Федерации: приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[7, с. 82]. Он так и остается на пути преступного поведения, не имея возможности реабилитироваться в обществе.

Нельзя не согласиться с мнением некоторых ученых о том, что в процессе осуществления работы по профилактике детского дорожно-транспортного травматизма и пресечению нарушений правил дорожного движения несовершеннолетними сотрудники Госавтоинспекции нередко выявляют факты, когда родители невольно способствуют совершению правонарушений детьми. В свою очередь, данное обстоятельство указывает на значимость сферы взаимодействия, необходимость построения должного механизма координации усилий с целью накопления положительного опыта, определения основных направлений совместной деятельности [8, с. 129]. Видится, что родители должны в первую очередь формировать законопослушное поведение своих детей, а сотрудники ПДН осуществлять обеспечительную деятельность, то есть оказывать содействие в этом формировании личности подростка.

Поэтому предлагается внесение соответствующих изменений в приказ МВД России № 845, которые позволят инспекторам ПДН осуществлять свою работу со всеми категориями несовершеннолетних на стадии формирования личности подростка, не подвергнутого негативному влиянию, вследствие совершения им противоправных действий, а не только с теми, которые зарекомендовали себя с отрицательной стороны.

Как отмечено выше, основным сдерживающим фактором, который не позволяет несовершеннолетним совершать противоправные действия, являются родители. Родители играют основополагающую роль в воспитании ребенка, поэтому так важно, чтобы их правовая подготовка и осведомленность были достаточными для того, чтобы не позволить несовершеннолетнему совершать противоправные действия.

От того, насколько силен контроль родителей за детьми, будет зависеть уровень дорожно-транспортных происшествий и правонарушений в области безопасности дорожного движения с участием несовершеннолетних. Поэтому инспекторам ПДН необходимо осуществлять работу не только с несовершеннолетними, но и с их родителями.

Работа с ними должна представлять собой правовую пропаганду, направленную на формирование твердого представления и знания о том, что может совершить подросток, если станет водителем транспортного средства. Проводить подобную работу необходимо совместно с образовательными организациями, так как они в процессе своей деятельности гораздо больше взаимодействуют с родителями.

Организация подобных мероприятий не требует больших затрат, данному вопросу необходимо уделять небольшое количество времени, но на систематической основе. Например, во время проведения родительских собраний можно пригласить инспектора ПДН, который в течение нескольких минут разъяснит родителям необходимость ограничения доступа несовершеннолетних к транспортным средствам и расскажет о последствиях несоблюдения законодательных норм, а также сообщит о наступлении юридической ответственности в случае правонарушения.

Проводить профилактическую работу без установочных данных довольно трудно. Приказ МВД России № 845 содержит в себе перечень учетных документов, которые инспекторы ПДН обязаны вести. Они содержат в себе множество информации. Подобная информация позволяет проводить индивидуальную работу именно с теми несовершеннолетними, которые представляют наибольшую опасность для общества.

В контексте обеспечения безопасности дорожного движения это особенно важно, поэтому необходимо ввести в оборот ПДН новую учетную книгу, которая содержала бы в себе данные, необходимые для обеспечения безопасности дорожного движения, а именно: вид и марка транспортного средства, государственный регистрационный знак, личные данные несовершеннолетнего и его родителей, место учебы или работы, сведения о наличии или отсутствии у несовершеннолетнего водительского удостовере-

ния или данных о том, что он только проходит автомобильную подготовку, а также иные данные, имеющие значение для обеспечения безопасности дорожного движения.

Наличие такого учетного документа позволит ПДН эффективнее обеспечивать безопасность дорожного движения, имея информацию о том, кто из несовершеннолетних может иметь доступ к транспортному средству, позволит инспекторам уделять больше внимания именно таким несовершеннолетним, чтобы предупредить возможность дорожно-транспортных происшествий и правонарушений в области безопасности дорожного движения с их участием.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, необходимо подчеркнуть, что деятельность ПДН в области обеспечения безопасности дорожного движения малоэффективна в силу ряда обстоятельств, основным из которых является несовершенство Приказа МВД России № 845. Ввиду недостаточной регламентации деятельности ПДН в вопросах обеспечения безопасности дорожного движения и отсутствия возможности беспрепятственно работать с лицами, которые ранее не совершали противоправных действий, конечный результат работы снижается. В этой связи предложенные поправки в действующее законодательство, регламентирующее деятельность ПДН, позволят оптимизировать работу их сотрудников, а также достичь положительного результата в практической деятельности сотрудников полиции.

1. Афонина Е. Г. Совершенствование механизмов повышения уровня безопасности несовершеннолетних в условиях дорожного движения / Е. Г. Афонина, О. В. Шкеля // Профилактика детского дорожно-транспортного травматизма, передовые формы работы: материалы семинара-совещания сотрудников подразделений пропаганды безопасности дорожного движения ГИБДД МВД, ГУВД, УВД по субъектам Российской Федерации (в рамках V Межгосударственного слета юных инспекторов движения, 28.09–02.10.2010). Орел: ОрЮИ МВД России, 2010.
2. Афонина Е. Г. Компетенция Госавтоинспекции по предупреждению детского дорожно-транспортного травматизма в рамках взаимодействия с заинтересованными субъектами // Актуальные вопросы обеспечения безопасности дорожного движения: сборник статей научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2023.
3. Капустина Е. Г. Отдельные аспекты профилактики современных противоправных деликтов среди несовершеннолетних // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2024. № 4(22). С. 17–21.
4. Борисова С. Е. Правовое воспитание и психологические качества водителей транспортных средств // Юридическая психология. 2015. № 4. С. 25–28.
5. Кашкина Е. В. Положительные тенденции профилактики детского дорожно-транспортного травматизма в РФ // Административное и муниципальное право. 2008. № 5. С. 43–45.
6. Афонин В. В. Актуальные вопросы функционирования системы пропаганды безопасности дорожного движения в Российской Федерации // Публичная власть: реальность и перспективы: сб. науч. тр. по матер. ежегод. саратовских административно-правовых чтений (Междунар. науч.-практ. конф.) (Саратов, 28–29.09.2022) / Под ред. А. Ю. Соколова. Саратов, 2022.
7. Тимошенко С. Е. Личность несовершеннолетнего, совершившего преступление // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 2(26). С. 80–81.
8. Павлова Е. В. Взаимодействие органов внутренних дел с общественными формированиями в сфере профилактики правонарушений в области дорожного движения // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. № 4. 2024.

1. Afonina E. G. Sovershenstvovanie mexanizmov povy`sheniya urovnya bezopasnosti nesovershennoletnix v usloviyax dorozhnogo dvizheniya / E. G. Afonina, O. V. Shkelya // Profilaktika detskogo dorozhno-transportnogo travmatizma, peredovy`e formy` raboty`: materialy` seminara-soveshhaniya sotrudnikov podrazdelenij propagandy` bezopasnosti

dorozhnogo dvizheniya GIBDD MVD, GUVD, UVD po sub``ektam Rossijskoj Federacii (v ramkax V Mezhgosudarstvennogo slyota yuny`x inspektorov dvizheniya, 28.09–02.10.2010). Oryol: OrYuI MVD Rossii, 2010.
2. Afonina E. G. Kompetenciya Gosavtoinspekcii po preduprezhdeniyu detskogo dorozhno-transportnogo travmatizma v ramkax vzaimodejstviya s zainteresovanny`mi sub``ektami // Aktual`ny`e voprosy` obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: sbornik statej nauchno-prakticheskoj konferencii. Sankt-Peterburg, 2023.
3. Kapustina E. G. Otdel`ny`e aspekty` profilaktiki sovremenny`x protivopravny`x deliktov sredi nesovershennoletnix // Vestnik Tomskogo instituta povy`sheniya kvalifikacii rabotnikov FSIN Rossii. 2024. № 4(22). S. 17–21.
4. Borisova S. E. Pravovoe vospitanie i psixologicheskie kachestva voditelej transportny`x sredstv // Yuridicheskaya psixologiya. 2015. № 4. S. 25–28.
5. Kashkina E. V. Polozhitel`ny`e tendencii profilaktiki detskogo dorozhno-transportnogo travmatizma v RF // Administrativnoe i municipal`noe pravo. 2008. № 5. S. 43–45.
6. Afonin V. V. Aktual`ny`e voprosy` funkcionirovaniya sistemy` propagandy` bezopasnosti dorozhnogo dvizheniyav Rossijskoj Federacii // Publichnaya vlast`: real`nost` i perspektivy`: sb. nauch. tr. po mater. ezhegod. saratovskix administrativno-pravovy`x chtenij (Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.) (Saratov, 28–29.09.2022) / Pod red. A. Yu. Sokolova. Saratov, 2022.
7. Timoshenko S. E. Lichnost` nesovershennoletnego, sovershivshego prestuplenie // Psixopedagogika v pravooxranitel`ny`x organax. 2006. № 2(26). S. 80–81.
8. Pavlova E. V. Vzaimodejstvie organov vnutrennix del s obshhestvenny`mi formirovaniyami v sfere profilaktiki pravonarushenij v oblasti dorozhnogo dvizheniya // Vestnik Vserossijskogo instituta povy`sheniya kvalifikacii sotrudnikov Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii. № 4. 2024.

Информация об авторе

Евгения Григорьевна Афонина. Старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД, кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Evgenia G. Afonina. Senior Teacher of the Chair of Administrative Law and Administrative Activities of the Department of Internal Affairs, Candidate of Sciences (Law).

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russia, Orel, Ignatova St., 2.

Статья поступила в редакцию 08.04.2026; одобрена после рецензирования 15.05.2026; принята к публикации 13.07.2026.

The article was received in the editorial office on 08.04.2026; approved after review on 15.05.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 342.9

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ахтанина Наталья Анатольевна
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

akhtanina@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются исторические аспекты государственной миграционной политики России; актуальные проблемы и вызовы в сфере миграции; роль мигрантов в экономике и обществе; вопросы, связанные с оценкой эффективности существующих механизмов управления миграции и перспективы развития государственной миграционной политики Российской Федерации. Автором отмечается, что одной из главных задач для России является создание современного комплекса методов и приемов регулирования миграционных процессов, а также формирование сбалансированной и эффективной государственной политики, направленной на их правовое упорядочение.

Ключевые слова: правовая культура, миграционная политика, правомерное поведение, социальная адаптация, внешняя миграция, правовое регулирование, миграционное законодательство, незаконная миграция, иностранный работник, ответственность.

Для цитирования: Ахтанина Н. А. Особенности формирования миграционной политики российской федерации: история и современность // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 59–71.

FEATURES OF THE FORMATION OF THE RUSSIAN FEDERATION'S MIGRATION POLICY: HISTORY AND MODERNITY

Natalia A. Akhtanina
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

akhtanina@inbox.ru

Annotation. This article examines the historical aspects of Russia's state migration policy, current problems and challenges in the field of migration, the role of migrants in the economy and society, issues related to assessing the effectiveness of existing migration management mechanisms, and the prospects for developing the state migration policy of the Russian Federation. The author notes that one of the main tasks for Russia is to create a modern set of methods and techniques for regulating migration processes, as well as to form a balanced and effective state policy aimed at legalizing them.

Keywords: legal culture, migration policy, legal behavior, social adaptation, external migration, legal regulation, migration legislation, illegal migration, foreign employee, responsibility.

For citation: Akhtanina N. A. Features of the Formation of the Russian Federation's Migration Policy: History and Modernity // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute

of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 2(107). P. 59–71.

Для качественного и полноценного анализа института миграционной политики России необходимо обратиться к трудам ученых, анализирующих данную сферу и описывающих основные периоды становления и развития института. На основе изучения работ следующих авторов: О. Д. Воробьева, Л. Л. Рыбаковского, О. Л. Рыбаковского [1, с. 22], И. В. Ивахнюка [2, с. 115], Т. Ю. Шипицина, С. А. Меляева, П. Е. Замотиной [4], А. Р. Валиевой [5, с. 40], Н. С. Скребцова [6, с. 532], С. В. Попова [7] – мы пришли к выводу, что отдельные авторы выделяют разную периодизацию изучаемого института. При этом часть авторов разбирает сущность развития института с дореволюционного периода по настоящее время (А. Р. Валиева), другие же уделяют внимание развитию миграции с образования родоплеменных отношений по настоящее время (О. Д. Воробьева, Л. Л. Рыбаковский, О. Л. Рыбаковский), иные авторы (С. В. Попова, А. А. Яник, С. Ф. Карпова) рассматривают именно современное состояние института, принимая за основу нормативно-правовые базы, регулирующие миграционные отношения.

Представленные концепции демонстрируют нам множество взглядов на историю развития института, при этом необходимо отметить, что такая множественность существует не только из-за авторского подхода к анализу института, но и оснований периодизации.

Авторы умело совмещали не только исторический, но и экономический, политический, нормативно-правовой подходы к периодизации. Нельзя исключить взаимосвязь исторического преобразования института без экономической и политической составляющей, на основе которых создается и преобразуется действующая нормативно-правовая база, регулирующая миграционные отношения и показывающая перспективы развития института.

Для подтверждения вышеупомянутого мы проанализируем и представим основные моменты развития института.

Предпосылки к существованию нынешнего (действующего) института возникли во времена становления и развития Руси, переселение граждан и иностранцев было связано с захватническим духом того времени. Племена, и в частности их главенство, пытались утвердиться на определенной территории и увеличить границы своего государства для расширения сфер влияния и возможности получить новые титулы (император, король, князь, великий князь, князь Всея Руси, герцог, граф, виконт, барон, маркиз и т. д.). Конечно, нельзя полностью утверждать, что в описываемом периоде существовала миграция, поскольку отсутствовали четко сформулированные цели миграционной политики, да и самой миграционной политики не существовало, были лишь протомиграционные отношения.

Именно с конца XVII – начала XVIII века мы можем говорить о возникновении института миграционной политики и начала регулирования миграционных отношений. Российская империя на данном этапе своего развития представляла развитое государство с прорывными политическими и экономическими взглядами на дальнейшее развитие.

Как справедливо отмечает Е. В. Чумак, начать изучение государственного регулирования миграции наиболее целесообразно с 1649 года – времени утверждения Уложения (свода нормативных документов). Соборное уложение – исторический документ, имеющий институциональное отношение к регулированию процессов миграции. Прямо или косвенно вопросами миграции занимались и иные приказы Московского государства:

1. Разрядный приказ (со временем приобрел территориальный характер). Поместный приказ частично был связан с миграцией, поскольку раздавал и отбирал поместья, следил за их переходами между собственниками, что непосредственно создавало предпосылки для территориальной мобильности.

2. Посольский приказ. Играл существенную роль в иностранной торговле, но меньшую в контексте внутренних перемещений. Ведал не только международными отношениями, но и другими делами, имевшими тесную связь с ними.

3. «Приказ большого прихода» [8]. Дальнейшее развитие миграционная политика получила во времена великих преобразований первого императора Российской империи – Петра I. Связано данное обстоятельство с великими экономическими и военными преобразованиями первого русского императора. Правитель четко понимал экономическую и военную отсталость совей страны от западных держав и с этой целью посетил экономически и политические развитые европейские страны с целью анализа существующей модели правления для последующей интеграции административных механизмов управления в своей стране с учетом особенностей построения властных и общественных отношений. Для экономического развития на тот период времени необходимо было развивать военную и ремесленную сферы. Военная сфера означала возможность политического суверенитета на мировой арене: только сильная армия и флот могли обеспечить данную возможность. С целью модернизации и реформирования военного ремесла и уклада армии Петром I была инициирована специальная программа приглашения иностранных специалистов в российскую армию. Нормативное закрепление военной и трудовой миграции нашло отражение в Манифесте от 16 апреля 1702 г. «О вызове иностранцев в Россию, с обещанием им свободы вероисповедания»: иностранцам был предоставлен свободный приезд в Россию, они получали право поступать на государственную службу (военную или гражданскую), а также заниматься торговлей и промыслам [9].

Данное направление деятельности первого императора связано не только с военными преобразованиями, но и административными. Новые территории, которые Российская империя получила в результате военных успехов Петра I, необходимо было заселять российскими и иностранными гражданами для развития оборонных и промышленных объектов, освоения добычи необходимого сырья для металлургии и военной промышленности, создания товаров, участвующих в мировом экспорте и импорте, с целью изыскания денежных ресурсов на дальнейшие преобразования империи.

Согласимся с утверждением Е. В. Чумака, что «важным этапом развития миграционной политики стал Указ Петра I от 30 октября 1719 года, установивший, «чтобы никто без проезжих или прохожих писем из города в город и из села в село не ездил бы и не ходил, и каждый бы имел от начальников своих паспорт или пропускное письмо» [8].

А. С. Верещагин, Р. Х. Хайртдинов отмечают, что «важной частью административной реформы является Манифест от 30 июля 1720 г. «О допущении иностранцев к строению и размножению рудокопных заводов», согласно которому всем иностранным подданным было официально предоставлено право на горный промысел в России» [10].

Екатерина I, Петр II, Анна Иоанновна во времена своего правления не рассматривали миграционную политику в качестве важной составляющей развития Российской Империи. Они считали, что необходимо преобразовывать только ремесленную и административную деятельность дворянства. Именно миграционное переселение даже внутри своей страны крепостных не было распространено. Новые территории, которые были получены в результате правления обозначенных деятелей, не нуждались в переселение граждан. Территории в те времена были в частичном административном правлении приближенных к императорской семье дворян, имеющих в своем распоряжении тысячи

(сотни тысяч) крепостных крестьян. Дворянство в те времена не занималось своевременной переписью переселения своих крепостных, поэтому сложно установить черты миграционной политики трудовой миграции в обозначенном периоде. Поэтому дальнейшее развитие миграционная политика получила во времена правления Екатерины II.

Екатерина II как яркий приверженец петровских преобразований (реформ) понимала первые проблемы, которые появлялись в результате военной миграции зарубежных специалистов и европейских взглядов существующего дворянства. Одной из проблем военной миграции было нахождение на территории столицы Российской империи лиц, которые могли частично или полностью дестабилизировать взаимоотношения между дворянством и императорской семьей из-за участившихся случаев вмешательства европейских стран во внутренние дела нашей страны. Европейские страны через своих граждан, находившихся на территории нашей страны, активно настраивали местное дворянство на претендентские амбиции «нового императора» нашего государства с перспективой дальнейшего развала страны на мелкие административно-правовые единицы, не представляющие опасности для европейцев.

Во времена правления Екатерины II проблему миграции впервые в отечественной науке рассмотрел М. В. Ломоносов. В своей статье он перечислил основные причины, пути решения проблемы миграции в России, сделав вывод о неэффективности строгих властных решений в регулировании эмиграции, и предложил привлекать иностранных граждан для восполнения потерь населения [11, с. 565]. Г. Г. Писаревский отмечает, что «Указом Сенату 14 октября 1762 г. повелевалось «раз навсегда, и без дальнего доклада» по согласованию лишь с Коллегией иностранных дел принимать всех иностранцев, желающих поселиться в России, за исключением евреев. Далее Коллегия иностранных дел совместно с Сенатом разработала программу поддержки переселенцев и приняла 22 июля «Манифест о даруемых иностранным переселенцам правах и преимуществах». Для регулирования вопросов, связанных с даруемыми иностранным переселенцам правами и преимуществами, был создан специальный орган – Канцелярия опекунства иностранных граждан» [12, с. 384].

Данное направление имело множество причин, одной из которых считается необходимость реформирования промышленности в степные и малозаселенные районы Империи с целью урбанизации и населения вглубь страны и повышения численности населения. Уже в то время понимали важность повышения увеличения численности населения с целью стимулирования экономики, а именно возможность функционирования экономики страны за счет местного населения.

Говоря о развитии институтов управления миграцией, можно констатировать, что с середины XIX века принципиальных изменений в структуре органов и их функций не происходило, при этом изменения, которые имели место, продиктованы глобальными политическими процессами, в частности отменой Александром II крепостного права.

С целью стабилизации ситуации после отмены крепостного права, исходя из предложений министра внутренних дел, правительство 10 июля 1881 г. приняло «Временные правила о переселении крестьян на казенные земли». Однако они не решали реального масштаба проблем и не предусматривали финансовой помощи переселенцам со стороны государства [13, с. 350].

Также миграционная политика России конца XIX – начала XX века, ее нормативно-правового регулирование имеет две тенденции: формирование паспортной системы (закрепляла различия в правах и документирование отдельных групп населения в зависимости от сословия, рода занятий, имущественного положения и национальной принадлежности) и усиление роли паспортизации как инструмента, дающего возможность на переселение.

Первые интенсивные миграционные процессы в нашей стране произошли на рубеже конца XIX– начала XX века. Связано это с многочисленными потоками внутрироссийской миграции в целях обеспечения заселения территорий Сибири, Закавказья и Дальнего Востока. Данные территории на обозначенном рубеже были под угрозой захвата со стороны азиатских стран (Турция, Япония, Китай и т. д.). За относительно короткий промежуток времени было перемещено порядка 10 млн граждан из самых густозаселенных районов и городов центральной России.

Итоговые выводы данной политики мы можем найти в утверждении И. В. Ивахнюк: «На основе применения этих мер была достигнута главная цель переселенческой политики: увеличение численности и плотности населения в ряде регионов страны, введение в хозяйственный оборот природных ресурсов, создание экономического потенциала для дальнейшего развития регионов Российской Империи и дало стимул развитию этих регионов. Четко сформулированные концептуальные подходы к политике переселения позволили выстроить систему экономических и административных мер и инструментов их применения» [14, с. 116].

После революции 1917 года и в советский период проблема миграции в основном освещалась в рамках переселения населения и решения демографического кризиса. В первую очередь это было связано с защитой национальных интересов и обеспечением безопасности границ государства.

Первоначально в связи с тем, что границы СССР практически были закрыты для международной миграции, основные отечественные исследования посвящались внутренней миграции населения, роли миграции в формировании городского населения, государственному управлению миграционными процессами с целью формирования эффективной системы расселения.

В конце 70-х – начале 80-х гг. XX в. появляются работы, рассматривающие западные теории миграции, миграционную политику зарубежных стран. Однако наибольшую значимость эти исследования приобрели после распада Советского Союза, когда Россия «открыла границы» для международных мигрантов, что повлекло за собой необходимость разработки принципиально новых подходов и методов управления миграционными процессами.

Обоснованным представляется мнение Н. С. Скребцовой, что одними из самых глобальных в России принято считать миграционные процессы во времена Великой Отечественной войны. Многие оборонные комплексы были эвакуированы на восток и с ними внушительное количество человек.

Неоспоримо влияние распада СССР на институт миграции. Усложнившая миграционную обстановку в стране ситуация в начале 90-х гг. XX в. изменила условия въезда в Россию. Эти условия стали толчком для формирования внутренней системы миграции, на которую существенное влияние оказал распад СССР и вытекающее из него образование постсоветских государств» [6].

Несмотря на то что в основном работы советских авторов посвящались внутренней миграции населения и возможностям государственного управления миграционными процессами внутри страны, разработанные тогда понятия, методики до сих пор сохраняют свою актуальность. Многие выводы, научные подходы применяются в научных изысканиях нашего времени.

С распадом Советского Союза появились новые задачи в изучении миграции и миграционной политики. В 90-е гг. с изменением миграционной ситуации в России и включением страны в международный обмен переселенцами существенно изменилась и методология исследований миграции.

Таким образом, мы рассмотрели основные периоды развития миграционной политики на территории нашей страны с учетом особенностей экономического и админи-

стративного способа ее управления. На основе представленных нами данных предлагаем авторскую периодизацию генезиса института миграционной политики.

Институт имеет пять периодов: первый период – от момента образования племенных образований на территории будущего Российского государства до 1649 года (вступление в действие Соборного уложения (в данный период времени возникают протомиграционные административные механизмы)), второй период – с 1649 по 1917 год (возникновение первых кодифицированных актов, регулирующих миграционные отношения), третий период – с 1917 по 1945 год (устранение причин демографического кризиса в связи с последствиями Первой мировой войны), четвертый период – с 1945 по 1991 год (устранение причин демографического кризиса в связи с последствиями Великой Отечественной войны), пятый период – с 1991 года по настоящее время (устранение причин демографического кризиса в связи с распадом СССР и экономическим кризисом 2008 года, арабской весной и т. п.).

Анализ формирования миграционной политики, исторического опыта, а также научных исследований современности позволит выявить особенности реализации миграционной политики в интересах пограничной безопасности Российской Федерации и в дальнейшем выработать эффективные меры и механизмы политики регулирования миграционных процессов.

Обоснованным представляется перейти к анализу нормативно-правовых актов, регулировавших данную область в истории, для того чтобы выяснить, как меняется сущность отечественного подхода к пониманию эффективной модели миграционной политики.

Комплексное понимание сущности миграционной политики мы можем найти в трудах С. А. Авакьяна, И. Н. Барцица, Т. М. Регент, В. И. Буренко, А. Н. Жеребцова, Н. Н. Зинченко, В. Д. Самойлова, Л. В. Сморгунова и других ученых.

Упоминание такого количества ученых связано с тем, что в настоящее время в научном сообществе мы не сможем найти единого мнения относительно понимания сущности термина «миграционная политика». Многие ученые выделяют различные существенные признаки данного понятия, тем самым противоречат друг другу относительно общих черт, которые присущи данному понятию. Мы считаем, что необходимо выработать общую концепцию понятия миграционная политика с целью детального изучения проблемных моментов функционирования административного механизма регулирования миграционных отношений.

Термин «миграционная политика» является составным понятием от понятия «политика», одновременно являясь ее подвидом. Политика в общем понимании – это сложно структурированный механизм взаимодействия специализированных субъектов, оказывающих влияние на внутреннее устройство страны и внешнее взаимодействие с иностранными партнерами в целях поддержания существующего политического устройства и развития политической стабильности на международной арене.

Миграционная политика, исходя из вышеупомянутого понятия, является специфическим видом (формой) выражения политического взаимодействия специализированных субъектов с целью регулирования механизмов политической власти в интересах реализации наиболее значимых общественных потребностей. Общественными потребностями выступают:

- регулирование и стимулирование экономики страны путем привлечения иностранных граждан определенной профессии и специальности (в данном случае мы одновременно затрагиваем количественный и качественный показатель, поскольку специалисты могут быть приглашены для решения сложных задач в научной или трудовой сфере, а также для стимулирования рабочих (трудовых) отношений граждан нашей страны). Например, в области строительства необходимо нарастить темпы возведения стратегически важного объекта, для решения данной задачи инициируется

специализированная программа по привлечению иностранных специалистов определенной компетенции для строительства объектов повышенной сложности совместно с российскими специалистами. В процессе взаимодействия наши специалисты могут принять опыт зарубежных специалистов и выработать необходимый навык для строительства стратегически важного объекта. Тут отмечаем, что в целях секретности и безопасности иностранные рабочие не всегда могут принимать прямое участие в строительстве такого рода объекта;

- формирование действующей миграционной нормативной правовой базы и своевременной ее коррекции. Изучая основные нормативно-правовые акты, регулирующие данную сфере отношений и деятельности, мы установили, что государство в течение последних 25 лет активно занимается поиском наиболее эффективной модели регулирования механизмов миграционного разрешения проблем неконтролируемого процесса незаконного въезда мигрантов на территорию нашей страны. Данное обстоятельство негативно влияет на многие процессы взаимодействия граждан внутри нашей страны. Так, лица, незаконно прибывшие на территорию нашей страны, могут заниматься противоправной деятельностью либо заниматься теневой экономической деятельностью, быть участником трудовых отношений без заключения трудового контракта, что усложняет поиск работы для граждан, имеющих официальный статус гражданина. Данная категория лиц готова работать за минимальную оплату труда, что тормозит развитие привлекательности профессии и справедливой оплаты труда;
- поиск решения демографической проблемы страны, принимающей вынужденных переселенцев, беженцев, трудовых мигрантов. В последнее время, если обратиться к статистическим источникам Росстата, мы можем заметить, как меняется вектор развития уровня рождаемости в сторону спада и уровень смертности в сторону подъема. Данные показатели являются важнейшей составляющей для формирования долгосрочной перспективы развития страны как в экономическом, так в гражданском смысле. Для минимального обслуживания внутриэкономических процессов без угрозы санкций со стороны иных государств для нашей страны необходимо иметь численность населения около 300–350 млн человек; данные показатели возможно достичь путем предоставления гражданства иммигрирующим лицам, прошедшим процедуру сдачи специализированных экзаменов;
- обеспечение законности и правопорядка в отношениях между государством, мигрантами, организациями и принимающими обществами реализуется благодаря профилактике конфликтов между мигрантами и принимающими сообществами и их своевременному разрешению. Затрагивая вопрос административной деятельности государства, мы должны четко понимать, какие органы проводят административное регулирование данной сферы. Так, согласно пп. 33 п. 1 ст. 12 Федерального Закона «О полиции» от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ на полицию возлагаются обязанности в порядке, определяемом федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел и федеральным органом исполнительной власти, реализующим государственную политику в сфере миграции и осуществляющим правоприменительные функции, функции по контролю, надзору и оказанию государственных услуг в сфере миграции, участвовать в осуществлении контроля за соблюдением гражданами Российской Федерации и должностными лицами порядка регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, а также за соблюдением иностранными гражданами и лицами без гражданства порядка временного или постоянного проживания, временного пребывания в Российской Федерации, въезда в Российскую Федерацию, выезда из Российской Федерации и транзитного проезда через территорию Российской Федерации. Согласно мнению В. В. Петрушкина, «административная деятельность полиции в сфере миграции включает в себя ряд задач:

1. Разрешение вопросов, связанных с институтом гражданства Российской Федерации.

2. Осуществление деятельности, связанной с выдачей документов, удостоверяющих личность в том числе для выезда за территорию РФ.

4. Ведение регистрационного учета граждан по месту жительства и по месту пребывания.

5. Осуществление адресно-справочной работы.

6. Разрешение вопросов, связанных с приобретением гражданами специального статуса беженца, предоставлением временного убежища.

7. Осуществление регистрационной деятельности иностранных граждан и лиц без гражданства по месту жительства, а также их учет по месту пребывания.

8. Реализация задачи по оформлению приглашений на въезд на территорию РФ, а также виз, ведение соответствующего учета.

9. Осуществление деятельности, связанной с принятием решений о неразрешении въезда на территорию РФ в случаях наличия закрепленных в законодательстве оснований».

Развитие международных отношений и сотрудничества в сфере миграции. Миграция является не только внутренним вопросом регулирования перемещения людей особой категории (вынужденные переселенцы), но и мировой (беженцы). Изучая Федеральный закон от 19.02.1993 № 4528-1 «О беженцах», Конвенцию о статусе беженцев (Женева, 28 июля 1951 г.), мы обратили внимание, что Российская Федерация как участница мировых общественных отношений всегда выступает за реформирование международных стандартов в целях улучшения положения людей, пострадавших от боевых действий внутри их страны, политического гонения, религиозных гонений и т. д. Так, ярким примером мировой деятельности по оказанию помощи иностранным гражданам являются процессы по оказанию политической защиты бывших граждан Украины, пострадавших от смены политической элиты и гонения неонацистатами, которые начали внутри своей страны гражданскую войну и отправили вооруженные формирования на территории ДНР и ЛНР. Российская Федерация не только приняла людей, которым угрожала опасность жизни и здоровья, но и предприняла ряд государственных программ, направленных на предоставление временного места жительства, денежной единовременной помощи и денежного поддержания граждан, ускорения процесса получения паспорта гражданина РФ.

Рассмотрев общественные потребности, которые решаются при помощи миграционной политики, перейдем к рассмотрению задач и принципов миграционной политики (далее – МП).

Основные задачи миграционной политики (МП):

– защита прав и интересов мигрантов;

– развитие системы иммиграционного контроля;

– соблюдение государственных интересов при разработке и реализации МП;

– регулирование миграционных потоков с учетом социально-экономического развития и экологической обстановки в регионах, национальной совместимости, специфики психологии мигрантов и климатических особенностей мест расселения;

– создание условий для приема и размещения мигрантов, стимулирующих их активное участие в адаптации к существующему социально-экономическому положению.

Миграционная политика основывается на следующих принципах:

– стимулирование рационального территориального распределения потоков вынужденных переселенцев;

– недопустимость дискриминации мигрантов;

– личное участие вынужденных переселенцев в обустройстве на новом месте жительства при государственной поддержке;

– квотирование ежегодного приема беженцев и предоставления временного убежища;

– запрет высылки или принудительного возвращения беженцев в страны, откуда они прибыли, кроме случаев, предусмотренных законодательными актами или международными договорами РФ.

Таким образом, через рассмотрение общественной роли, задач и принципов миграционной политики мы раскрыли ее сущность и значение как для Российской Федерации, так и для других стран – участниц международных отношений. Привели примеры, доказывающие необходимость поддерживания миграционной политики на высоком уровне в целях защиты граждан, пострадавших по религиозным, политическим, военным причинам. Считаем необходимым продолжать политику оказания помощи гражданам бывших стран СССР и стран СНГ.

Любой политический процесс имеет проблемы и некоторые недостатки, которые возникают из-за нескольких причин:

- несовершенство нормативно-правовой базы;
- жесткая система регистрации приезжих по месту пребывания и многочисленные барьеры на пути получения российского гражданства;
- большой поток нелегальных мигрантов, пытающихся пересечь границы европейских стран (европейский миграционный кризис 2015 года);
- религиозные войны на территории Ближнего Востока;
- экономические и трудовые кризисы, происходящие в мировом сообществе;
- религиозные разночтения и др.

15 октября 2025 года Указом Президента Российской Федерации № 738 принята новая Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы, отражающая основные направления и приоритеты развития данной сферы.

Реализация миграционной политики в Российской Федерации является важным правовым инструментом, позволяющим эффективно решать демографические, социальные и экономические задачи России, что находит свое отражение в Указе Президента РФ от 31 октября 2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы», где указано на необходимость создания информационной инфраструктуры государственного управления в сфере миграции, обеспечивающей эффективное регулирование миграционных потоков и численности привлекаемых иностранных работников.

Следует отметить, что за период действия Концепции достигнуты определенные результаты, позволяющие судить о повышении прозрачности реализуемых государственных услуг с целью обеспечения должного контроля в сфере миграционных процессов.

О проделанной работе свидетельствует ряд нормативных правовых актов, направленных на урегулирование рассматриваемых вопросов, к которым следует отнести: Федеральный закон от 23.05.2025 № 121-ФЗ; Указ Президента Российской Федерации от 30 декабря 2024 г. № 1126; Постановление Правительства РФ от 26.12.2024 № 1899, Приказ МВД России от 05.09.2023 № 655 и другие.

Важно отметить, что в первую очередь любой нормативный правовой акт проверяется на предмет соответствия Конституции РФ, а потом уже иным Федеральным конституционным законам, Федеральным законам и т. д. Многие лица, причастные к незаконной миграции, детальным образом изучают последние изменения, происходящие в Российской Федерации, чтобы найти так называемую «лазейку», которая позволит им предлагать свои услуги лицам, которые не хотят официально проходить процедуру регистрации в специальном порядке у уполномоченных субъектов. Так, проблема незаконной миграции чаще всего присутствует при оформлении документов лиц, которые

хотят заниматься трудовой деятельностью на территории нашей страны из-за привлекательности трудовых условий и уровня заработной платы. Для решения данной проблемы МВД РФ усилило контроль за вновь прибывшими лицами и лицами, находящимися на территории РФ, проводятся постоянные проверочные мероприятия по выявлению лиц, незаконно прибывающих на территории нашей страны, и лиц, оказывающих им содействие.

Следующая проблема, которую мы затронем, – это участившиеся мировые миграционные кризисы. События, происходящие на территории многих стран, приводят к пагубным последствиям не только по экономическим причинам (любой гражданин, покидающий пределы своей страны, лишает ее экономической единицы / трудовой единицы), но и по мировым. Отрицательной мировой причиной является перегруженность отдельных стран по количеству лиц, прибывающих в нее для временного или постоянного жительства. Главным критерием, по которому граждане иностранного государства выбирают определенную страну, выступает количество льгот и денежных компенсаций, предназначенных для данной категории лиц. Так, многие беженцы сначала выбирали европейские страны из-за привлекательности получения пособий по безработице. Данная привлекательность для одной стороны является одновременно причиной экономического спада и роста недовольства граждан страны, принимающих беженцев. Обусловлено это тем, что европейские страны относительно небольшие (занимают незначительную часть территории суши), и тем, что лица, получающие пособия, теряют интерес к трудовой детальности. Льготные пособия полностью покрывают их минимальные потребности, и, как следствие, снижается уровень общего благосостояния граждан. Также многие исследователи отмечают, что данная категория граждан образует особую этническую территориальную единицу, где есть свои лидеры. Лидеры не всегда настроены положительно к решению страны, в которой они пребывают в случае принятия решений по расселению или снижению льготного пособия (количества денежных средств, получаемых данной категорией граждан). Например, обращаясь к официальным средствам массовой информации, мы можем увидеть следующую картину: «Толерантность и гостеприимство европейцев сыграло с ними злую шутку. Повсюду, куда добрались беженцы преимущественно с западной Украины – это примерно 1,5 млн человек, местное население жалуется на поведение гостей. Свидетельство тому – многочисленные ролики, которые выкладывают в Сеть европейцы. Беженцы их избивают, обворовывают, унижают, заставляют говорить на украинском языке, скандируют нацистские лозунги и всем своим видом показывают, что европейцы им должны. В Риме мужчина из Украины, которого приютила Европа, с криками «Я фашист» напал на пассажира подземки. Также беженец поднял руку на женщину – никто из мужчин, которые находились в этот момент в вагоне, не вступился за нее и не попытались задержать хулигана. Таких людей в соцсетях – сотни». Для решения данной проблемы стоит изменить риторику европейских стран, активно пропагандирующих и поддерживающих неонацистские настроения на территории современной Европы, данная поддержка не только усиливает факт миграционного напряжения, но и приводит к военным конфликтам. Только в случае искоренения поддержки такого рода настроений возможно улучшить положение миграционного кризиса на территории Европы.

Интеграция социальных связей между мигрантами и гражданами любой страны складываются специфически: часть граждан положительно относится к лицам, которые трудятся на благо принимающей страны (возводят различного роды объекты, обслуживают коммунальные объекты и иные).

Проблемой интеграции является: 1) отсутствие высокого показателя знания национального языка страны, в которую прибывают иммигранты; 2) различия в культурной принадлежности (обычаи, традиции); 3) предвзятость к их трудовой деятельности. Для решения данного рода проблем стоит уделить внимание не только процессу

обучения иммигрантов и беженцев, но и создать действительную пропагандистскую программу для своих граждан в целях улучшения взаимоотношений между людьми.

Таким образом, в рамках данного вопроса мы выделили и проанализировали основные проблемы, которые возникают в миграционной политике как Российской Федерации, так и других стран. Путем анализа проблем и информационных источников мы смогли предложить ряд решений, а именно: качественный контроль и легализация миграции. Необходимо разработать эффективные механизмы контроля за миграционными потоками, а также создать программы легализации для нелегальных мигрантов, что позволит им получить права и защиту. Осуществлять постоянный мониторинг проблем, возникающих в нормативно-правовой среде. Постоянный процесс обновления положений законодательства означает комплекс государственных программ по реформированию законодательства, регулирующего миграционные процессы с целью устранения противоречий и обеспечения правовой защиты мигрантов, беженцев. Необходимо изменять интеграционные программы для вновь прибывших граждан с целью устранения языковых барьеров, расширения культурного разнообразия страны и обмена культурными ценностями. Культурная и социальная интеграция позволить не только изменить общее представление о зарубежных гражданах, но и понять их незыблемые ценности, нарушать и ограничивать которые нельзя. Необходимо поддерживать международное сотрудничество по решению миграционных кризисов на территории Европы и Ближнего Востока с целью спада миграционных потоков в страны, не способные принять большое количество граждан из-за недостатка территории и экономической нестабильности экономики. Следует установить тесное сотрудничество с другими странами для обмена опытом, информацией и лучшими практиками в области миграционной политики.

Все эти меры могут способствовать более эффективному управлению миграционными процессами, улучшению условий жизни мигрантов, беженцев в Российской Федерации и минимизации негативных последствий для мирового общества в целом.

---

1. Воробьева О. Д. (д-р экон. наук) Миграционная политика России: история и современность / О. Д. Воробьева, Л. Л. Рыбаковский, О. Л. Рыбаковский; Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т социально-экономических проблем народонаселения Российской акад. наук. М.: Экон-Информ, 2016. 192 с.
2. Ивахнюк И. В. В чем причина неэффективности российской миграционной политики? – Ответ искать в истории // Миграция и социально-экономическое развитие. 2017. Т. 2, № 2. С. 113–120.
3. Шипицина Т. Ю. Исторические аспекты формирования миграционной политики в Российской Федерации // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-aspekty-formirovaniya-migratsionnoy-politiki-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 20.02.2026).
4. Меляева С. А., Замотина П. Е. Проблема миграции на Ближнем Востоке и ее воздействие на отдельные страны региона // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 190. URL:https://cyberleninka.ru/article/n/problema-migratsii-na-blizhnem-vostoke-i-eyo-vozdeystvie-na-otdelnye-strany-regiona (дата обращения: 06.03.2026).
5. Валиева А. Р. Историко-правовой анализ регулирования миграционных процессов в России // Современные научные исследования и инновации. 2019. № 5(97). С. 38–44.
6. Скребцова Н. С. Институт миграции в России: история и развитие // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. №. 6. С. 530–535.
7. Попова С. В., Яник А. А., Карпова С. Ф. Трансформация миграционной политики России: этапы, особенности, проблемы (1989–2023) // Административное и муниципальное право. 2023. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-

migratsionnoy-politiki-rossii-etapy-osobennosti-problemy-1989-2023 (дата обращения: 12.03.2026).
8. Чумак Е. В. Управление миграционными потоками в России: от царской России в современность // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2021. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-migratsionnymi-potokami-v-rossii-ot-tsarskoy-rossii-v-sovremennost (дата обращения: 17.03.2026).
9. Полное собрание законов Российской Империи Т. 4 (1700–1712), 1910 Апреля 1 Манифест. С. 192–194.
10. Верещагин А. С., Хайртдинов Р. Х. История российского предпринимательства: от истоков до начала XX века. учеб. пособие. Уфа: Изд-во УГНТУ, 2009. С. 89–90.
11. Ломоносов М. В. О размножении и сохранении российского народа. [Письмо к И. И. Шувалову от 1 ноября 1761 г.] / Сообщ. П. П. Пекарским // Русская старина, 1873, т. 8, № 10. С. 563–580.
12. Писаревский Г. Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (по неизданным архивным документам). М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1909. 438 с.
13. Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. 350 с.
14. Ивахнюк И. В. В чем причина неэффективности российской миграционной политики? - Ответ искать в истории // Миграция и социально-экономическое развитие. 2017. Т. 2, № 2. С. 113–120.
15. Бобылев В. В. Миграционная политика (сущность, структурное строение, основные типы) // Власть. 2009. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnaya-politika-suschnost-strukturnoe-stroenie-osnovnye-tipy (дата обращения: 17.03.2026).

1. Vorob`eva O. D. (d-r e`kon. nauk) Migracionnaya politika Rossii: istoriya i sovremennost` / O. D. Vorob`eva, L. L. Ry`bakovskij, O. L. Ry`bakovskij; Federal`noe gos. byudzhetnoe uchrezhdenie nauki In-t social`no-e`konomicheskix problem narodonaseleniya Rossijskoj akad. nauk. M.: E`kon-Inform, 2016. 192 s.
2. Ivaxnyuk I. V. V chem prichina nee`ffektivnosti rossijskoj migracionnoj politiki? – Otvet iskat` v istorii // Migraciya i social`no-e`konomicheskoe razvitie. 2017. T. 2, № 2. S. 113–120.
3. Shipicina T. Yu. Istoricheskie aspekty` formirovaniya migracionnoj politiki v Rossijskoj Federacii // Social`no-gumanitarny`e znaniya. 2014. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-aspekty-formirovaniya-migratsionnoy-politiki-v-rossiyskoy-federatsii (data obrashheniya: 20.02.2026).
4. Melyaeva S. A., Zamotina P. E. Problema migracii na Blizhnem Vostoke i ee vozdejstvie na otdel`ny`e strany` regiona // E`tnosocium i mezhnacional`naya kul`tura. 2024. № 190. URL:https://cyberleninka.ru/article/n/problema-migratsii-na-blizhnem-vostoke-i-eyo-vozdeystvie-na-otdelnye-strany-regiona (data obrashheniya: 06.03.2026).
5. Valieva A. R. Istoriko-pravovoj analiz regulirovaniya migracionny`x processov v Rossii // Sovremenny`e nauchny`e issledovaniya i innovacii. 2019. № 5(97). S. 38–44.
6. Ckrebczova N. S. Institut migracii v Rossii: istoriya i razvitie // Postsovetskie issledovaniya. 2020. T. 3. №. 6. S. 530–535.
7. Popova S. V., Yanik A. A., Karpova S. F. Transformaciya migracionnoj politiki Rossii: e`tapy`, osobennosti, problemy` (1989–2023) // Administrativnoe i municipal`noe pravo. 2023. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-migratsionnoy-politiki-rossii-etapy-osobennosti-problemy-1989-2023 (data obrashheniya: 12.03.2026).
8. Chumak E. V. Upravlenie migracionny`mi potokami v Rossii: ot czarskoj Rossii v sovremennost` // Medicina. Sociologiya. Filosofiya. Prikladny`e issledovaniya. 2021. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-migratsionnymi-potokami-v-rossii-ot-tsarskoy-rossii-v-sovremennost (data obrashheniya: 17.03.2026).
9. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii T. 4 (1700–1712), 1910 Aprelya 1

Manifest. S. 192–194.
10. Vereshhagin A. S., Xajrtdinov R. X. Istoriya rossijskogo predprinimatel`stva: ot istokov do nachala XX veka. ucheb. posobie. Ufa: Izd-vo UGNTU, 2009. S. 89–90.
11. Lomonosov M. V. O razmnozhenii i soxranenii rossijskogo naroda. [Pis`mo k I. I. Shuvalovu ot 1 noyabrya 1761 g.] / Soobshh. P. P. Pekarskim // Russkaya starina, 1873, t. 8, № 10. S. 563–580.
12. Pisarevskij G. G. Iz istorii inostrannoj kolonizacii v Rossii v XVIII v. (po neizdanny`m arxivny`m dokumentam). M.: Pechatnya A.I. Snegirevoj, 1909. 438 s.
13. Kaufman A. A. Pereselenie i kolonizaciya. SPb., 1905. 350 s.
14. Ivaxnyuk I. V. V chem prichina nee`ffektivnosti rossijskoj migracionnoj politiki? - Otvet iskat` v istorii // Migraciya i social`no-e`konomicheskoe razvitie. 2017. T. 2, № 2. S. 113–120.
15. Boby`lev V. V. Migracionnaya politika (sushhnost`, strukturnoe stroenie, osnovny`e tipy`) // Vlast`. 2009. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnaya-politika-suschnost-strukturnoe-stroenie-osnovnye-tipy (data obrashheniya: 17.03.2026).

Информация об авторе

Наталья Анатольевна Ахтанина. Старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД, кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Natalia A. Akhtanina. Senior Teacher at the Chair of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies, Candidate of Sciences (Law).

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 26.03.2026; одобрена после рецензирования 20.04.2026; принята к публикации 13.07.2026.

The article was received in the editorial office on 26.03.2026; approved after review on 20.04.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 343

КОРРУПЦИЯ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Беляева Ольга Васильевна
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

Julia18flash@yandex.ru

Аннотация. В научной статье исследуется коррупция как явление, которое в определенном объеме распространено во всех странах мира. Коррупция охватывает множество отраслей жизни, в том числе и сферу правопорядка. Здесь она наносит особенно большой вред, поскольку коррупция в полиции и других правоохранительных органах может привести к тому, что законы применяются неравномерно, что, в свою очередь, негативно сказывается на борьбе с преступностью и ухудшает качество жизни граждан. Зарубежный опыт борьбы с коррупцией имеет теоретическую и практическую ценность в связи с тем, что страны с наиболее развитой индустриальной сферой и более крепкой управленческой системой обладают более развитым механизмом противодействия коррупции в органах государственной власти. Рассматриваются различные профилактические меры, целью которых является борьба с коррупционными явлениями и формируется мнение о значимости решения данной проблемы на национальном и международном уровнях.

Ключевые слова: коррупция, законодательство, взяточничество, прозрачность, борьба с коррупцией, антикоррупционная политика.

Для цитирования: Беляева О. В. Коррупция как угроза национальной безопасности государства // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 72–80.

CORRUPTION AS A THREAT TO THE NATIONAL SECURITY OF THE STATE

Olga V. Belyaeva
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

Julia18flash@yandex.ru

Annotation. The scientific article considers corruption as a phenomenon that is widespread to a certain extent in all countries of the world. Corruption covers many branches of life, including the sphere of law and order. Here it is especially harmful, since corruption in the police and other law enforcement agencies can lead to the fact that laws are applied unevenly, which in turn affects the fight against crime negatively and worsens the life quality of citizens. Foreign experience in combating corruption has theoretical and practical value due to the fact that countries with the most developed industrial sphere and a stronger management system, respectively, have a more developed mechanism for combating corruption in government bodies. The article also discusses various preventive measures aimed at combating corruption and forms an opinion on the importance of solving this problem at the national and international levels.

Keywords: Corruption, legislation, bribery, transparency, anti-corruption, anti-corruption policy.

For citation: Belyaeva O. V. Corruption as a threat to the national security of the state // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2026. № 2(107). P. 72–80.

Коррупция в общемировых рамках воспринимается как социальное явление универсального характера. Так, данное понятие рассматривается как интернациональная проблема без четко определенных границ. При этом коррупционные замыслы свойственны всем государствам, ключевыми отличиями которых можно назвать масштабы и формы их проявления.

Причем проблемы, связанные с коррупцией, стремительно развиваются и сегодня уже представляют угрозу национальной безопасности государства. Однако это явление с его проблемами характерно не только для российского государства, но и для многих зарубежных государств. Представляется необходимым изучить зарубежный опыт противодействия коррупции, так как многие страны с этим злом успешно справляются, и его можно учесть в законодательстве российского государства. В целом в настоящее время в мире существуют две основные модели борьбы с коррупцией – вмешательства и эволюционная. Модель вмешательства строится на централизованной государственной политике, в которой центральная роль в обнаружении и подавлении коррупции принадлежит полиции, а также специально созданному государственному органу. В свою очередь, эволюционная модель основана на совершенствовании работы институтов. Данный подход основан на пропаганде определенных ценностей, которые, в свою очередь, являются основой современного общества. При этом возрастает влияние административного, экономического, торгового, гражданского и иного законодательства, равно как и правовых санкций.

Конец прошлого века ознаменовал эту проблему глобальной, потому коррупция стала довольно частым предметом обсуждения на конгрессах, инициированных Организацией Объединенных Наций (далее – ООН), целью которых является предупреждение преступности. Помимо этого, проблеме коррупции посвящаются различные семинары и конференции, проведение которых организовывается в том числе и на международной арене.

Соответственно, для организации мероприятий по борьбе с коррупцией были изданы необходимые для этого международные документы, а именно:

1) Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г.;

2) Конвенция экономического сотрудничества и развития по борьбе с подкупом должностных лиц иностранных государств при проведении международных деловых операций от 15 февраля 1999 г.;

3) Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г.;

4) Декларация ООН о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих организациях от 16 декабря 1996 г.;

5) Конвенция «Об уголовной ответственности за коррупцию» от 27 января 1999 г. и др.

Необходимо понимать, что коррупция с социологической точки зрения рассматривают в качестве социальной болезни и/или синдрома больного общества. Это яркий пример противоречия, возникающего между различными субъектами общества, т. е. целями, определенными членами какой-либо социальной организации и самой социальной организации [1, с. 14]. Определений коррупции существует огромное множество, поэтому остановимся на той обобщенной формулировке, указанной выше.

В 2024 году был проведен анализ за 2023 год, и на его основе можно выделить пятерки стран, в которых уровень коррупции высокий, срединный и низкий[1].

Наиболее коррумпированными странами являются Сомали, Судан, Афганистан, Ливия и Сирия (индекс коррупции составляет 89, 83, 82, 81 и 80 соответственно). Первое место занимает Сомали, у которой лидирующие позиции в данном рейтинге уже на протяжении нескольких лет. В этом государстве коррупция затрагивает все сферы жизни, став частью всей системы. Судан несколько лет назад был развивающимся и стабильным государством, но его экономика пришла к кризису из-за активного распространения коррупции.

Что касается стран, где наблюдается средний уровень коррупции, отметим следующее. Несмотря на то что коррупция там невысока, она все равно оказывает воздействие как на экономическую, так и на политическую жизнь общества. Свои места в рейтинге занимают Индия, Италия, Мексика, Бразилия, Турция, где коррупционный индекс составляет 40, 40, 38, 37, 37 соответственно.

Приведем несколько примеров государств, в которых преобладает низкий уровень коррупции: Швейцария, Финляндия и Новая Зеландия. Так, в Швейцарии для предотвращения коррупции организуются прозрачные проверки и аудиты на регулярной основе. В Финляндии население доверяет правительству, а государственные органы на основе жесткого законодательства, в свою очередь, реализуют активные меры в случае возникновения коррупционного явления. Государственные органы Новой Зеландии открыты к осуществлению публичного контроля, общественные деятели и бизнесмены контролируются строго.

Безусловно, профилактика является наилучшим способом для того, чтобы не допустить коррупцию в любом государстве. Так как коррупция стала международным явлением, выходя за национальные рамки, то встает вопрос не только о ее профилактике, но и о борьбе с ней. Рассмотрим на примерах различных стран, какие существуют меры по борьбе с коррупцией.

Так, вначале следует отметить, что способы борьбы с коррупцией не носят оригинального характера, но во многих странах сформирован свой комплекс мер, который либо подходит экономической и правовой системам, либо не совсем.

Если рассматривать практику антикоррупционной политики в таких странах, как Венесуэла и Филиппины, то там опыт, связанный с попытками игнорировать коррупцию, привносил негативные последствия (например, волнения в обществе и смена государственных лидеров на частой основе). Иначе говоря, считать ее частью всей государственной системы некорректно и ошибочно.

Например, китайское законодательство в сфере борьбы с коррупцией принято считать одним из самих жестких, в котором самое суровое наказание за подкуп – это смертная казнь. «Охота на тигров и мух» – это название антикоррупционной политики, задачей которой является вселять страх в людей за то, что они понесут довольно строгое наказание за свою продажность.

К тому же в Китае развита профилактика коррупционных явлений и создан кодекс, провозглашающий нормы поведения для чиновников. При этом наказания, которые применяются к коррупционерам, проработаны с точки зрения психологии [2].

Победа над коррупцией, вызванной значительной разницей в доходах между государственным и частным сектором, в Сингапуре – это результат законодательных изменений. Основной орган, чьи полномочия обширны, – это Бюро по расследованию случаев коррупции. Оно обладает правом без судебного решения реализовывать за-

[1] Что такое коррупция – определение, борьба с коррупцией. Блог Совкомбанка. URL: https://journal.sovcombank.ru/glossarii/a-ya-vot-vzyatok-ne-beru--korruptsiya--chto-eto-takoe-i-kak-s-nei-borotsya (дата обращения: 10.02.2026).

держку подозреваемых лиц, проникать в абсолютно любые помещения, а также проверять любую личную информацию граждан, подозреваемых в коррупции. Здесь важно понимать, что подобная практика применима для стран, чья протяженность примерно идентична с Австралией и где нет такого огромного размаха на регионы, например, как в России. При этом необходимо учитывать, что у стран своя специфика, поэтому требуется более полный анализ любой антикоррупционной политики, чтобы становилось понятно, что можно, а что нельзя применять в практике той или иной страны[1].

В Дании, как и в Китае и Австралии, минимальный уровень коррупции связан с хорошо выстроенной законодательной системой. В этом государстве, помимо Закона о коррупции, действует еще около 19 других законов, напрямую касающихся антикоррупционной политики.

Безусловно, фундаментом, способным сформировать антикоррупционную борьбу, всегда будет являться законодательство, максимально грамотно выстроенное для каждого государства. При этом следует обратить особое внимание на необычные способы борьбы с коррупцией, которые могут способствовать профилактике изучаемого явления.

Далее рассмотрим антикоррупционную работу во Франции, которая осуществляется достаточно продолжительное время. Первые шаги по борьбе с коррупцией предпринял Наполеон Бонапарт, который для искоренения мошеннических сговоров между должностными лицами и поставщиками впервые ввел систему государственных заказов.

Следует отметить, что Франция – первая из всех государств ратифицировала Конвенцию ООН «О борьбе с коррупцией» [2].

Сегодня во Франции идет разделение на «большую» и «малую» коррупцию. Многие французы считают, что у них в государстве коррупция практически отсутствует, а есть только незначительные злоупотребления в таких сферах, как образование, здравоохранение, коммунальное хозяйство, сфера лицензирования. В этой связи тему противодействия и борьбы с коррупцией в средствах массовой информации Франции практически не освещают.

Однако вся антикоррупционная деятельность во Франции основывается на уголовном и административном законодательстве. Основной упор делается на контроль финансирования политических партий и на предотвращение конфликтов интересов. При этом к коррупционным преступлениям относятся порядка 20 составов, например: взяточничество, мошенничество, неправомерное использование средств и собственности.

Законодательство Франции обязывает служащих ежегодно декларировать свои доходы в налоговой службе и обязательно публиковать свою декларацию в средствах массовой информации [3, с. 126]. Причем не только государственные служащие, но и руководители публичных организаций обязаны в начале и в конце исполнения своих полномочий подавать декларацию о доходах.

Одной из основных сфер коррупционных деяний, вызывающих озабоченность государства, является работа политических общественных объединений, в частности: незаконные способы привлечения средств на финансирование выборов, работу чиновников, от которых зависят политико-административные решения, взятки государственным служащим от предпринимателей в целях заключения подрядных контрактов на строительство и проведение общественных работ.

[1] Как борются с коррупцией в разных странах. Первый федеральный университет антикоррупционного просвещения. URL: https://fuap.ru/lib/mirovoy-opyt/kak-boryutsya-s-korruptsiey-v-raznykh-stranakh (дата обращения: 10.02.2026).

В этой связи во Франции введен ряд ограничений, связанных с финансированием избирательных кампаний. Сотрудникам дорожной полиции в целях предотвращения коррупции запрещено брать штраф на месте нарушения правил дорожного движения.

Во Франции организована государственная служба, в задачи которой входят: государственный контроль, проведение антикоррупционной экспертизы правовых актов, которые могут спровоцировать в системе государственной службы коррупцию.

Кроме того, ужесточен административный и финансовый контроли, проводимые Счетной палатой Франции в целях предотвращения нецелевого использования бюджетных средств. Хозяйствующие субъекты отдельно стимулируются Правительством, если они проводят внутренний аудит для предотвращения коррупционных деяний среди своих сотрудников [4, с. 31].

Также в целях противодействия коррупции в Министерстве юстиции Франции создана Центральная служба по борьбе с коррупцией.

Помимо государственных служб, в борьбе с коррупцией во Франции активное участие принимают институты гражданского общества, в частности общественные организации и движения, которые не только выявляют и разоблачают мошенничество, но и доводят факты коррупции до уголовного преследования [5, с. 29]. Следует отметить, что антикоррупционным общественным организациям дано право выступать гражданскими истцами в суде, например в уголовном процессе по фактам мошенничества и коррупции (Закон Франции от 04.12.2013 «О борьбе с уклонением от уплаты налогов»).

В Грузии известна практика 2008 года, которая напрямую связана с принципом прозрачности. Тогда властями было принято решение, что все бюрократические процессы могут и должны быть в прямом смысле прозрачны. Поэтому было организовано строительство стеклянного здания Министерства внутренних дел Грузии, в котором даже кабинеты никак и ничем не занавешены. В других грузинских регионах были построены прозрачные полицейские участки, что вызвало рост доверия населения к полиции. Не только архитектурные решения оказали свое положительное воздействие, но и такой способ борьбы с коррупцией, как метод «шоковой терапии», заключающийся в увольнении огромного числа государственных работников и найме новых сотрудников с повышением зарплаты в 2 и 3 раза.

К слову, в некоторых странах приветствуется взаимодействие с неравнодушным населением. В Казахстане, Голландии и Греции граждан мотивируют получением денежной награды за поимку коррупционеров, т. е. те, кто сообщит о случае взяточничества, могут получить вознаграждение, размер которого зависит от объема полученной взятки.

Например, в Казахстане сообщивший о коррупционном преступлении будет вознагражден 10 % от суммы взятки или ущерба после обвинительного решения суда. Максимальная сумма вознаграждения в 2020 году составила 10,6 млн тенге, или почти 1,3 млн рублей.

В Голландии премируют как добропорядочных чиновников, так и сообщивших о должностных злоупотреблениях коллег»[1].

В Греции проводится активная антикоррупционная кампания при помощи средств массовой информации.

Рассматривая вопросы, касающиеся коррупции, отметим, что вряд ли это можно было бы связать с творчеством. Оказывается, творческий подход возможен и в этой сфере. Это показывает опыт Чехии, Индии и Пакистана. Подобные профилактические

[1] Как борются с коррупцией в разных странах. Первый федеральный университет антикоррупционного просвещения. URL: https://fuap.ru/lib/mirovoy-opyt/kak-boryutsya-s-korruptsiey-v-raznykh-stranakh (дата обращения: 10.02.2026).

меры осуществляются через тематические экскурсии, конкурсы детских рисунков и даже выпуск специальных бумаг[1].

Например, проведение конкурсов на подобную тематику – это больше про воспитание поколения, которое придет на место уже действующих чиновников. При этом такая социальная реклама – это действительно интересный способ профилактики коррупции, позволяющий увидеть это явление глазами детей.

Опыт арабских стран показывает следующее. Коррупция и воровство – равные между собой слова. По этой причине наказание за взяточничество идентичное тому, если бы человек своровал. В некоторых странах Ближнего Востока чиновникам, которые были пойманы в процессе получения взятки, отрубают руку.

Рассмотрим антикоррупционную политику Королевства Швеции, которое по Индексу восприятия коррупции находится на 7-м месте из 180 стран[2]. Одно из важных условий достижения экономического благосостояния Швеции – это целенаправленная политика по борьбе с коррупцией и взяточничеством в сфере государственного управления. В государстве получение, как и дача взятки, является одним из самых тяжких преступлений.

Согласно законодательству Швеции, коррупция (взяточничество) подразделяется на подкуп в государственном секторе и в частном секторе. Максимальный срок наказания за преступление коррупционной направленности – 6 лет лишения свободы, например злоупотребление полномочиями или служебным положением. Как представляется, санкции за коррупционные деяния в Швеции не являются особо суровыми, в отличие других стран мира, и в частности Европы.

Особую роль в противодействии коррупции играет деятельность институтов гражданского общества и общественный контроль за деятельностью государственных служащих, чиновников и бизнесменов. Следует отметить и роль церкви в борьбе с коррупцией в Швеции. Так, церковь и общественное мнение превратили коррупцию в государстве в крайне редкое явление.

Основной упор в противодействии коррупции в Швеции власть делает на воспитание общества, в частности детей. Детям с малых лет прививают мировоззрение честности, уважение к взрослому, постоянному росту профессионализма, бережливости, ответственности, инициативности, святости устойчивых ценностей и неприкосновенности частной собственности. Причем профессиональный долг в государстве рассматривается как высшая ценность и задача нравственной жизни.

Гражданам постоянно внушается, что за все надо платить по своим счетам, что взятки не должны присутствовать в нормальной жизни человека.

Не остаются в стороне и средства массовой информации, которые незамедлительно предают огласки любые факты коррупции и взяточничества, причем, независимо от статуса и ранга злоупотребившего своим положением и полномочиями. Следует отметить, что информация по фактам коррупции, поступившая от средств массовой информации (далее – СМИ), является главным условием, чтобы правоохранительные органы начали расследование. При этом коммерсанты и чиновники гораздо больше опасаются средств массовой информации и журналистов, чем правоохранительных органов, так как потерять свою деловую и профессиональную репутации гораздо дороже, чем заплатить штраф.

С большим подозрением в Швеции относятся к любым чиновникам, бизнесменам и коммерсантам, которые в достаточно короткий срок разбогатели и у которых

---

[1] Необычные методы борьбы с коррупцией в мире. URL: https://life.akbars.ru/personal-finance/istorii/poymay-vzyatochnika-i-poluchi-nagradu (дата обращения: 12.02.2026).

[2] Уровень коррупции в мире 2024 рейтинг – obovsemuznai.ru. URL: https://obovsemuznai.ru/uroven-korrupcii-v-mire-2023-reiting (дата посещения: 15.02.2026).

расходы непомерно превышают доходы. Как итог, такого чиновника вынудят подать в отставку.

Бизнес-компании Швеции лидируют по соблюдению принципов Организации экономического сотрудничества и развития, а также документов, принятых ООН, в том числе Глобального договора [6, с. 67]. Данные принципы призваны бороться со всеми проявлениями коррупции, а именно: вымогательством, взяточничеством и мздоимством.

Актуальность проблемы коррупции и необходимость борьбы с нею ни у кого не вызывают сомнений не только в рамках конкретных государств, но и на международном уровне.

Чтобы было возможным бороться с коррупцией, необходимо применять комплекс мер. Здесь важно уделять внимание прозрачности процессов, так как именно наглядность позволяет вызвать здоровый страх перед наказанием, которое может последовать за вручение и получение взятки. Например, анализируя российский опыт, можно увидеть следующее. Согласно Указу Президента, любая организация обязуется размещать на своих сайтах подраздел, который называется «Противодействие коррупции»[1].

Чтобы добиться максимального эффекта от мер, принимаемых для противодействия коррупции, нужна именно профилактика, которая способна заложить в сознание граждан понимание опасности данного экономического и правового явления. Необходимо заниматься формированием открытых ведомственных организаций, а также совершенствованием уже имеющихся государственных структур [7, с. 132]. Актуально осуществлять работу с населением. Коррупционные темы должны оглашаться в СМИ, чтобы граждане разных стран понимали масштаб проблемы и не считали это явление нормальным и допустимым. Возможно, стоит обращать внимание на то, насколько объективны доходы государственных служащих, а также не возложено ли огромное количество обязанностей на них, что вызывает свои трения. Не стоит забывать про то, что нужен как адекватный и дозированный внутренний контроль государственных работников, так и их более детальный внешний контроль.

Опыт зарубежных стран в борьбе с коррупцией, безусловно, представляет интерес для российского законодательства. Несмотря на определенные национальные различия, комплекс мер по противодействую коррупции во всех странах в большинстве своем сводится к таким положениям, как ужесточение уголовной ответственности за коррупционные правонарушения; ограничения по финансированию избирательных кампаний; контроль за карьерными перемещениями государственных служащих; активное привлечение институтов гражданского общества и средств массовой информации к работе по противодействию коррупции; создание эффективного механизма защиты информаторов; повышение оплаты труда государственным служащим при одновременном установлении контроля за их доходами и расходами; ротация кадров в органах власти; введение практики инициативных проверок и неуклонная реализация принципа неотвратимости ответственности для лиц, совершивших коррупционные правонарушения.

Таким образом, коррупция представляет собой международную проблему, а это значит, что международное сотрудничество имеет жизненно важное значение в борьбе с ней. Отдельная страна может решать проблемы коррупции только в сотрудничестве с другими государствами и при содействии различных международных организаций. В этой связи меры, осуществляемые отдельными странами, должны координироваться международными организациями [8, с. 84].

---

[1] О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы: Указ Президента Рос. Федерации от 16 августа 2021 г. № 478. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Коррупция, в том числе и в международной практике, представляет собой весьма разнородное социальное явление, проникающее во все без исключения сферы общественной жизни: спорт, медицину, экономику, политику. И все без исключения страны современного мира на протяжении достаточно длительного времени пытаются предпринимать шаги по противодействию этому негативному явлению. Однако если в определенные периоды развития государственности коррупция воспринималась как сугубо внутригосударственное дело, то уже в XX веке стало очевидно, что коррупция – проблема планетарного масштаба, а значит и противодействовать ей необходимо сообща.

Таким образом, целесообразно подчеркнуть, что многие страны действительно заинтересованы в борьбе с коррупцией. Здесь важно объединять условия, не забывая о роли образования и осведомленности, прозрачности и открытости, а также международного сотрудничества для передачи опыта другим странами. Борьба с коррупцией способна повлиять на экономическое, политическое и правовое состояние государств.

1. Мишин Г. К. Коррупция: понятие, сущность, меры ограничения. М., 1991, 36 с.
2. Артемов В. Ю., Власов И. С., Голованова Н. А. и др. Уголовно-правовые меры по противодействию коррупции за рубежом: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. И. С. Власов. М., 2014. 432 с.
3. Трунцевский Ю. В., Олливьен М. «Малая» коррупция во Франции: понятие и способы социального контроля // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 4, июль-август. С. 125–130.
4. Комахин Б. Н. Противодействие коррупции в системе государственной службы европейских стран // Международное публичное и частное право. 2013. № 2. С. 29–33.
5. Цирин А. М., Матулис С. Н., Молчанова М. А. Социальный контроль как ключевой фактор противодействия коррупции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 4, июль-август. С. 24–42.
6. Шурыгин Ф. Ф. Антикоррупционная политика Королевства Швеция // Молодой ученый. 2018. № 34(220). С. 66–69.
7. Резер Т. М. Противодействие коррупции в социальной сфере: учеб.-метод. пособие / Т. М. Резер; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 144 с.
8. Иноземцев М. И., Каргалева О. А. Источники международно-правового регулированя борьбы с коррупцией // МГИМ (У) МИД России. 2015. № 10(82). С. 79–86.

1. Mishin G. K. Korrupciya: ponyatie, sushhnost`, mery` ogranicheniya. M., 1991, 36 s.
2. Artemov V. Yu., Vlasov I. S., Golovanova N. A. i dr. Ugolovno-pravovy`e mery` po protivodejstviyu korrupcii za rubezhom: sravnitel`no-pravovoe issledovanie / otv. red. I. S. Vlasov. M., 2014. 432 s.
3. Truncevskij Yu. V., Olliv`en M. «Malaya» korrupciya vo Francii: ponyatie i sposoby` social`nogo kontrolya // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya. 2017. № 4, iyul`-avgust. S. 125–130.
4. Komaxin B. N. Protivodejstvie korrupcii v sisteme gosudarstvennoj sluzhby` evropejskix stran // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2013. № 2. S. 29–33.
5. Cirin A. M., Matulis S. N., Molchanova M. A. Social`ny`j kontrol` kak klyuchevoj faktor protivodejstviya korrupcii // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya. 2017. № 4, iyul`-avgust. S. 24–42.
6. Shury`gin F. F. Antikorrupcionnaya politika Korolevstva Shveciya // Molodoj ucheny`j. 2018. № 34(220). S. 66–69.

7. Rezer T. M. Protivodejstvie korrupcii v social`noj sfere: ucheb.-metod. posobie / T. M. Rezer; M-vo obrazovaniya i nauki Ros. Federacii, Ural. feder. un-t. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2018. 144 s.
8. Inozemcev M. I., Kargaleva O. A. Istochniki mezhdunarodno-pravovogo regulirovanya bor`by` s korrupciej // MGIM (U) MID Rossii. 2015. № 10(82). S. 79–86.

Информация об авторе

Ольга Васильевна Беляева. Доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Olga V. Belyaeva. Assistant Professor of the Chair of State and Law Disciplines, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 19.03.2026; одобрена после рецензирования 20.04.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was received in the editorial office on 19.03.2026; approved after review on 20.04.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.

Научная статья
УДК 342.9

ПРЕЗУМПЦИЯ ВИНОВНОСТИ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ

Губенков Андрей Олегович
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

a.o.gubenkov@mail.ru

Аннотация. Предметом рассмотрения данной статьи является правило презумпции виновности, уникальность которого состоит в исключительном характере по отношению к конституционным нормам. Автор подробно анализирует сущность такой «презумпции виновности», подчеркивая, что она не означает объективного вменения, а представляет собой возложение на нарушителя обязанности доказать отсутствие своей вины. Приводится этимологический анализ термина «презумпция» и исследуется его применение в гражданском и административном праве. Дается характеристика презумпции виновности, рассматриваются случаи, в которых она применяется, а также особенности ее реализации. На основе обобщения положений законодательства и мнений ученых формулируются выводы по совершенствованию подходов к использованию правила презумпции виновности в административном праве. В этом контексте автор делает особый акцент на значение, которое приобретает принцип справедливости и соразмерности наказания, который должен лежать в основе юрисдикционной деятельности государственных органов.

Ключевые слова: административное правонарушение, доказывание, назначение наказания, презумпция виновности, производство по делам об административных правонарушениях.

Для цитирования: Губенков А. О. Презумпция виновности в административном праве // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 81–87.

PRESUMPTION OF GUILT IN ADMINISTRATIVE LAW

Andrey O. Gubenkov
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

a.o.gubenkov@mail.ru

Annotation. The subject of this article is the rule of the presumption of guilt, which is unique in that it is exceptional in relation to constitutional norms. The author analyzes in detail the essence of this «presumption of guilt», emphasizing that it does not mean objective imputation, but rather places the burden of proof on the offender to demonstrate that they are not guilty. The article also provides an etymological analysis of the term «presumption» and examines its application in civil and administrative law. The article provides a description of the presumption of guilt, examines the cases in which it is applied, and discusses the specifics of its implementation. Based on a synthesis of legal provisions and scholarly opinions, the article draws conclusions on improving approaches to the use of the presumption of guilt in administrative law. In this context, the author emphasizes

the importance of the principle of justice and proportionality of punishment, which should be the foundation of.

Keywords: administrative offense, proof, punishment, presumption of guilt, and proceedings on administrative offenses.

For citation: Gubenkov A. O. The presumption of guilt in administrative law // Scientific Bulletin of the V. V. Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 2(107). P. 81–87.

В настоящее время в Российской Федерации действует многоуровневая система правового регулирования, которой охвачены все сферы жизнедеятельности и протекающие в них процессы. Можно признать, что действующая система является эффективной, о чем свидетельствует уровень благополучия населения, наличие норм и правил, определяющих образ действий в той или иной ситуации, а также наличие механизмов воздействия, обеспечивающих соблюдение таких правил и при необходимости – применение мер ответственности в целях принудительного следования установленному порядку.

Учитывая негативные последствия, которые влечет за собой нарушение закрепленных требований, к их назначению необходим серьезный подход, основанный на детальном изучении всех обстоятельств инцидента, объективной оценки действий тех или иных субъектов правоотношений, а также выборе справедливого и соразмерного наказания в отношении нарушителя. В этой связи правовые основы осуществления юрисдикционной деятельности органами государственной власти заложены в Конституции Российской Федерации среди основных прав и свобод человека и гражданина.

Обратимся к статье 49 Конституции РФ, в соответствии с которой «каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в и установлена вступившим в силу решением суда». Отдельно акцентировано внимание на том, что лицо не должно доказывать свою невиновность в совершении вменяемого ему деяния, а также что неустранимые сомнения в виновности толкуются в пользу обвиняемого лица.

Как можно заметить, в приведенной норме Конституции РФ речь идет об обвиняемом, то есть участнике уголовного судопроизводства, что на первый взгляд сужает круг отраслей права, для которых применимо рассматриваемое правило. Однако в настоящее время сформировалась весьма однозначная позиция Конституционного Суда РФ, в соответствии с которой положения Конституции, касающиеся вопросов установления вины лица в содеянном и его привлечения к установленной ответственности, несмотря на упоминание в прямой постановке об уголовном производстве, распространяются и на другие правоотношения, в том числе урегулированные административным законодательством[1]. Это, по нашему мнению, вполне обоснованно, поскольку Конституция Российской Федерации, являющаяся основным законом нашего государства, устанавливает общие правила для всех отраслевых законодательных актов, требующих неукоснительного выполнения.

Подтверждение преемственности рассмотренной конституционной нормы, закрепленной в статье 49, находит свое отражение в законодательстве Российской Федерации об административных правонарушениях. Так, согласно ст. 1.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) бремя доказывания вины лица в совершении административно наказуемого деяния возлагается

[1] По делу о проверке конституционности статьи 15.33.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки У. М. Эркеновой: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 4 февраля 2019 г. № 8-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

на орган государственной власти и его уполномоченных должностных лиц, осуществляющих производство по делам об административных правонарушениях. До того момента, пока вина не доказана в установленном порядке и не определена решением уполномоченного субъекта, лицо считается невиновным. Как мы видим, рассмотренное положение КоАП РФ фактически целиком дублирует положение Конституции РФ, интерпретируя его с учетом предмета регулирования КоАП РФ.

Однако из данной нормы есть исключения, предусмотренные примечанием к ст. 1.5 КоАП РФ. Их суть заключается в том, что за отдельные виды нарушений бремя доказывания смещается с уполномоченных органов и должностных лиц на лиц, в отношении которых ведется производство[1].

Иными словами, такое исключение может быть истолковано как «презумпция виновности», которая, однако, не означает безвиновное привлечение к ответственности, т. е. объективное вменение.

Слово «презумпция» (лат. «praesumptio») согласно этимологическому аспекту принято понимать как «предположение». Соответственно, презумпция виновности понимается как возложение на нарушителя обязанности доказать отсутствие своей вины.

В российском праве презумпция вины наиболее распространена в гражданском законодательстве. Например, в соответствии с п. 2 ст. 1064 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) лицо, которое причинило вред, может быть освобождено от его возмещения, но для этого должно доказать свою невиновность[2].

Наряду с этим аналогичное правило применяется и в рамках ст. 1079 ГК РФ, которая определяет обязанность владельца источника повышенной опасности возместить вред, причиненный таковым источником, к которому относятся в первую очередь транспортные средства: автомобили, мотоциклы и прочие. Кроме того, развитие современных технологий не исключает возможность отнесения к данной категории объектов и средств индивидуальной мобильности, получивших широкое распространение и несущих определенные риски причинения вреда здоровью не только их пользователям, но и другим лицам. Аналогичное правило согласно ст. 1079 ГК РФ применяется и в отношении объектов, которые несут потенциальную опасность для окружающих: электростанций, мест хранения ядовитых веществ. Также применима презумпция вины и для некоторых видов деятельности, например строительство.

Кроме приведенных выше норм, в гражданском законодательстве презумпция вины установлена также в п. 2 ст. 401 ГК РФ, согласно которому отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство[3].

Таким образом, в гражданском праве презумпция вины применима в основном к вопросам, связанным с возмещением причиненного вреда, в то время как в рамках административного законодательства презумпция виновности состоит в доказывании непричастности лица к совершению нарушения и распространяется на административные правонарушения, входящие в следующие группы:

1. Нарушения в области дорожного движения (глава 12 КоАП РФ).
2. Нарушения в области благоустройства территории (глава 8 КоАП РФ).

Важнейшим признаком, который должен быть учтен при применении правила презумпции виновности по перечисленным нарушениям, является то, что нарушения, к которым оно применимо, совершены с использованием объектов повышенной опас-

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[2] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. от 8 июля 2021 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[3] Там же.

ности при наличии права собственности. В таких случаях к ответственности фактически привлекается собственник.

Вторым важным признаком является автоматическая фиксация таких нарушений специальными техническими средствами фотовидеофиксации. Следует подчеркнуть, что изложенное обуславливает ситуацию, в которой отношения, возникающие в сфере публичной власти по поводу установления виновного лица и привлечения его к установленной законом ответственности, переплетаются и во многом ориентируются на гражданско-правовые отношения собственности. Аналогичное утверждение может применяться и к другим нарушениям, в которых также задействуются отношения собственности (например, предусмотренным частями 3.1–3.4 ст. 8.2, главой 8 КоАП РФ). Возможно, это и послужило причиной применения в законодательстве об административных правонарушениях такого правила, характерного для цивилистики.

На наш взгляд, более подробного внимания для раскрытия заявленной темы статьи заслуживает рассмотрение презумпции виновности применительно к административным правонарушениям в области дорожного движения, зафиксированным в автоматическом режиме специальными техническими средствами. Наша точка зрения опирается на обширную практику, выработанную по данному направлению, что позволяет более качественно оценить всю ситуацию и выявить особенности применения правила, ставшего предметом данной статьи. Ведь только в 2024 году в автоматическом режиме в отношении собственников транспортных средств возбуждено 236 миллионов дел об административных правонарушениях в соответствующей сфере [1].

Презумпция вины применительно к нарушениям в области дорожного движения, соответственно, зафиксированным в автоматическом режиме, по сути своей установлена ст. 2.6.1 КоАП РФ[1], в которой прописаны определенные способы опровержения вины владельцем транспортного средства, если нарушение с использованием его предмета собственности фактически совершается другим лицом, однако, учитывая право собственности и наличие регистрационных данных о транспорте, в качестве виновника определяется собственник. В этой связи закреплена необходимость подтверждения факта использования транспортного средства в момент нарушения другим лицом. Это могут быть различные способы: договор купли-продажи, аренды, подтверждающие документы из государственных органов и учреждений о фактическом нахождении собственника в другом месте в момент совершения нарушения с использованием принадлежащего ему транспортного средства, объяснения и другие материалы [2].

Способ доказывания указанных обстоятельств уточняется положениями п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»[2].

Применение данного положения на практике происходит различными способами, имеющими множество вариантов предоставления соответствующих доказательств, которые оцениваются по совокупности всех обстоятельств в целях принятия объективного решения.

Так, например, владельцу автомобиля удалось оспорить свою вину в совершении зафиксированного нарушения, сославшись на то, что в материалах дела отсутству-

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 25 июня 2019 г. № 20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ют дорожные знаки, подтверждающие запрет на осуществление парковки. Таким образом, несмотря на то что автомобиль фактически использовался в момент нарушения другим лицом, первостепенное значение при обжаловании имела именно объективная сторона нарушения, а не субъект[1].

В качестве еще одного примера следует рассмотреть нарушения, совершенные на транспортных средствах, принадлежащих предприятиям или организациям, когда ими фактически управляли работники при исполнении своих профессиональных обязанностей. Учреждение, привлеченное к ответственности за повторный проезд на запрещающий сигнал светофора в качестве собственника транспортного средства, указало, что автомобилем управлял работник, который до этого не совершал подобные нарушения, соответственно, признак повторности не мог быть усмотрен. Постановление о привлечении юридического лица к ответственности как собственника транспортного средства было отменено[2].

Также можно привести пример, когда водитель автомобиля совершил нарушение Правил дорожного движения и данное нарушение было зафиксировано в автоматическом режиме, при этом собственником автомобиля данный водитель не являлся, в связи с чем постановление было вынесено в порядке ст. 2.6.1 КоАП РФ в отношении фактического собственника. Однако спустя несколько минут после первого нарушения данный водитель был остановлен сотрудниками дорожно-патрульной службы, в результате чего составлен административный материал уже за другое правонарушение. Указанный материал выступил доказательством непричастности собственника к вмененному ему нарушению, поскольку достоверно подтверждал управление автомобилем фактически другим лицом по тому же маршруту движения[3].

Как можно заметить, в приведенных примерах не были доказательствами невиновности собственника документы, непосредственно подтверждающие выбытие транспортного средства из пользования собственника в момент совершения нарушения, зафиксированного в автоматическом режиме. Данный факт устанавливался косвенными доказательствами.

В таком случае должно приниматься во внимание следующее: положения КоАП РФ предполагают необходимость оценки доказательств с позиции их достоверности и допустимости использования в рамках производства по делу об административном правонарушении [3; 4]. Важное значение имеет принцип относимости доказательства. Предоставленные материалы и доводы должны действительно отражать суть дела и находиться во взаимосвязи с рассматриваемым случаем, когда собственник транспортного средства привлечен в автоматическом режиме к ответственности, однако объективные факты подтверждают, что управляло данным транспортным средством другое лицо. На наш взгляд, важны ситуации, когда не просто имелась возможность управления транспортным средством другим лицом, например если оно вписано в страховой полис. Необходимо устанавливать реальную зависимость представленных доказательств с рассматриваемым делом.

Так, непосредственное отношение к предмету обжалования может быть установлено на основании договора аренды транспортного средства, что сейчас весьма широко реализуется при прокате автомобилей в рамках услуги «каршеринг». Использование автомобиля на основании мобильного приложения по сути своей осуществляется

[1] Постановление Верховного Суда Рос. Федерации от 14 апреля 2020 г. № 5-АД20-37. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[2] Постановление Верховного Суда Рос. Федерации от 3 февраля 2020 г. № 8-АД20-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[3] Постановление Верховного Суда Рос. Федерации от 21 ноября 2019 г. № 7-АД19-6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в рамках договора. Соответственно, имея возможность установления периода действия такого договора с точностью до минуты, можно установить и лицо. Однако, как показывает практика, организации, которые предоставляют услугу «каршеринга», не пользуются в основном такой опцией и возмещают убытки, понесенные в связи со штрафом, в рамках гражданско-правовых отношений [5].

В завершение рассмотрения презумпции виновности в административном праве отметим, что данная тема применительно к указанной отрасли права в научной и учебной литературе исследована недостаточно подробно, в отличие от гражданского права. Институт презумпции вины в чистом виде связывают с цивилистскими началами, поскольку в соответствии с законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях правило презумпции виновности распространяется в основе своей на собственников (владельцев) источников повышенной опасности. Как установлено в ходе проработки данной темы, рассматриваемая юридическая категория несет в себе переплетение отраслей, когда отношения, возникающие в сфере публичной власти по поводу установления виновного лица и привлечения его к установленной законом ответственности, переплетаются и во многом ориентируются на гражданско-правовые отношения собственности. Наиболее распространенным примером реализации правила презумпции виновности в административном праве являются нарушения в области дорожного движения, зафиксированные в автоматическом режиме специальными техническими устройствами. Нами рассмотрены материалы судебной практики, в результате удалось установить, что фактически доказательством невиновности собственника в совершении вмененного нарушения выступают косвенные обстоятельства в большинстве случаев, а не непосредственно документы, которые подтверждают факт выбытия транспортного средства из пользования в момент совершения нарушения, например договор купли-продажи автомобиля. Вместе с тем такие обстоятельства могут недобросовестно использоваться нарушителями, чтобы избежать ответственности. Изложенное в данной статье свидетельствует о необходимости продолжения работы и устранения возникающих пробелов в целях повышения эффективности административно-юрисдикционной деятельности, реализации принципа справедливости назначения наказания.

---

1. За год камеры зафиксировали 236 млн нарушений ПДД // Коммерсант. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7660158 (дата обращения: 20.04.2025).
2. Кисин В. Р., Попугаев М. Ю. Проблемные аспекты реализации принципов вины и презумпции невиновности в нормах законодательства об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2024. № 2. С. 43–49.
3. Хужин А. М., Одинокова А. В. О презумпции виновности в контексте повышенной юридической ответственности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4(64). С. 48–52.
4. Щеглов Р. П. Презумпция виновности и объективное вменение по делам об административных Правонарушениях, посягающих на общественный порядок на современном этапе развития административно-процессуальных отношений // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2023. № 2(66). С. 37–41.
5. Ненашев А. С. Проблемы презумпции вины при реализации административной ответственности в сфере дорожного движения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 12–4(51). С. 21–24.

1. Za god kamery` zafiksirovali 236 mln narushenij PDD // Kommersant. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7660158 (data obrashheniya: 20.04.2025).

2. Kisin V. R., Popugaev M. Yu. Problemny`e aspekty` realizacii principov viny` i prezumpcii nevinovnosti v normax zakonodatel`stva ob administrativny`x pravonarusheniyax // Administrativnoe pravo i process. 2024. № 2. S. 43–49.
3. Xuzhin A. M., Odinokova A. V. O prezumpcii vinovnosti v kontekste povy`shennoj yuridicheskoj otvetstvennosti // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2023. № 4(64). S. 48–52.
4. Shheglov R. P. Prezumpciya vinovnosti i ob``ektivnoe vmenenie po delam ob administrativny`x Pravonarusheniyax, posyagayushhix na obshhestvenny`j poryadok na sovremennom e`tape razvitiya administrativno-processual`ny`x otnoshenij // Vestnik Vserossijskogo instituta povy`sheniya kvalifikacii sotrudnikov Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii. 2023. № 2(66). S. 37–41.
5. Nenashev A. S. Problemy` prezumpcii viny` pri realizacii administrativnoj otvetstvennosti v sfere dorozhnogo dvizheniya // Mezhdunarodny`j zhurnal gumanitarny`x i estestvenny`x nauk. 2020. № 12–4(51). S. 21–24.

Информация об авторе

Андрей Олегович Губенков. Начальник кафедры, кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Andrey O. Gubenkov. Head of the Chair of Firearms Training and Activities of Internal Affairs Bodies under Special Conditions, Candidate of Sciences (Law).
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 12.03.2026; одобрена после рецензирования 20.04.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was received in the editorial office on 12.03.2026; approved after review on 20.04.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 314.7

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СИСТЕМЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Гусев Кирилл Александрович
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

Gusev3102@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается роль органов внутренних дел в системе правового регулирования миграции в контексте миграционных реформ. Основное внимание уделено институциональным изменениям, включая создание Службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан, которые позволили усилить контрольные и надзорные функции органов внутренних дел в сфере регулирования миграционных процессов. Автор осуществляет анализ основных законодательных мер, направленных на минимизацию незаконного въезда и пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации, рассуждает о роли органов внутренних дел в системе соблюдения правовых основ внешних миграционных процессов. Особое внимание уделяется их цифровизации, межведомственному взаимодействию и интеграции мигрантов в жизнедеятельность общества нашей страны.

Ключевые слова: миграционная политика, реформа, интеграция, цифровизация, миграционный контроль, иностранные граждане, выдворение, реестр, безопасность, режим пребывания.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя – начальника кафедры конституционного и муниципального права кандидата педагогических наук, доцента Харламова С. О.

Для цитирования: Гусев К. А. Особенности правового статуса органов внутренних дел в системе правового регулирования миграционных процесов // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 88–95.

FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF INTERNAL AFFAIRS BODIES IN THE SYSTEM OF REGULATION OF MIGRATION PROCESSES

Kirill A. Gusev
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Y. Kikot, Moscow, Russia

Gusev3102@gmail.com

Annotation. The article examines the role of internal affairs bodies in the system of legal regulation of migration in the context of migration reforms. The main focus is on institutional changes, including the creation of a service for citizenship and registration of foreign citizens, which has allowed for the strengthening of control and supervisory functions of internal affairs bodies in the field of migration regulation. The author provides an analysis of the main legislative measures aimed at minimizing the illegal entry and stay of foreign citizens in the Russian Federation, as well as the role of internal affairs bodies

in ensuring compliance with the legal framework for external migration processes. Special attention is given to their digitalization, interagency cooperation, and the integration of migrants into the life of society in our country.

Keywords: migration policy, reform, integration, digitalization, migration control, foreign citizens, deportation, register, security, and residence regime.

Gratitude: The work was carried out with the support of the scientific supervisor, the Head of the Chair of Constitutional and Municipal Law, Candidate of Sciences (Pedagogics), Associate Professor S. O. Kharlamov.

For citation: Gusev K. A., Features of the Legal Status of Internal Affairs Bodies in the System of Legal Regulation of Migration Processes // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2026. № 2(107). P. 88–95.

Актуализация миграционной политики Российской Федерации и трансформация угроз в сфере внешней трудовой миграции обуславливают необходимость совершенствования деятельности органов внутренних дел в данном направлении.

В свете новейших конституционных, миграционных и законодательных изменений 2024–2025 годах роль ОВД приобретает комплексный характер, сочетающий традиционные контрольные и надзорные функции с задачами по созданию гибкой и безопасной миграционной среды, отвечающей интересам государственной безопасности и экономического развития государства.

Реализация миграционной политики в Российской Федерации является важным правовым инструментом, позволяющим эффективно решать демографические и экономические задачи нашей страны. В 2024–2025 годах был принят ряд нормативно-правовых актов, направленных на урегулирование миграционных процессов. К ним можно отнести Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2024 г. № 1899, Федеральный закон от 23 мая 2025 г. № 121-ФЗ, Указ Президента Российской Федерации от 30 декабря 2024 г. № 1126 и другие.

В данной связи одним из направлений деятельности органов публичной власти в рамках работы по снижению угрозообразующих факторов миграционных потоков работы органов государственной власти сегодня является стимулирование иностранных граждан к изучению русского языка, знакомству с культурными традициями народов России и нормами поведения, приятыми в нашем обществе [1].

По общему правилу иностранный гражданин в целях получения разрешения на трудовую деятельность или проживание обязан подтвердить владение русским языком, знание российской истории и основ законодательства.

Удостоверяющими документами в данном случае выступают: документы об образовании, выданные российскими образовательными организациями или выданные до 1 сентября 1991 г. на территории бывшего СССР.

В случае отсутствия таких документов знания подтверждаются соответствующим сертификатом, для получения которого необходимо пройти экзамен по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации в форме тестирования в уполномоченных российских образовательных организациях.

Вместе с тем при обращении иностранных граждан, сдавших экзамен, за получением государственных услуг в сфере миграции территориальными органами МВД России фиксировался неуклонный рост случаев, когда иностранные граждане представляли указанный сертификат, но по сути русским языком не владели.

Всего за последние три года органами внутренних дел при предоставлении государственных услуг по выдаче разрешительных документов для проживания и осуществления трудовой деятельности, а также при рассмотрении вопросов гражданства

Российской Федерации выявлено порядка 14 тыс. фактов невладения русским языком иностранными гражданами, имеющими сертификаты.

В целях пресечения практики по незаконной выдаче иностранным гражданам, не владеющим русским языком, сертификатов в 2024 году территориальными органами МВД России обеспечено присутствие сотрудников органов внутренних дел в местах проведения экзаменов. В указанный период участие в сдаче экзаменов приняли около 300 тыс. иностранных граждан, из которых не смогли подтвердить знание русского языка почти четверть (23 %).

В допуске к экзамену до его начала в связи с явным незнанием русского языка отказано более 7 тыс. иностранным гражданам.

Принимаемые МВД России меры позволили пресечь противоправные действия со стороны недобросовестных посредников, уполномоченных проводить экзамены по русскому языку как иностранному, и пересмотреть подходы к существующей системе приема экзаменов у иностранных граждан для получения ими миграционных статусов в Российской Федерации.

Значимым вектором законодательной работы 2025 года стало укрепление конституционно-правовых основ регулирования миграционных процессов. Внесенные в Федеральный закон № 115-ФЗ изменения усилили роль органов внутренних дел в реализации принципа дифференцированного подхода к различным категориям мигрантов. Как подчеркивает в своих работах профессор А. С. Прудников [2, с. 17], «современная миграционная политика строится на строгом соответствии конституционным принципам защиты национальных интересов при обеспечении баланса прав человека и государственной безопасности».

Ключевым организационным нововведением, определяющим современную архитектуру миграционного контроля, стала институциональная реформа, инициированная Указом Президента Российской Федерации от 2 апреля 2025 г. № 205 «О совершенствовании государственного управления в сфере миграции». В соответствии с данным указом была проведена ликвидация Главного управления по вопросам миграции (ГУВМ) МВД России и создание на его базе Службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан. Данная реструктуризация, проведенная в соответствии с Указом Президента Российской Федерации, была направлена на оптимизацию функций и усиление роли именно гражданской составляющей – упрощения процедур для законопослушных мигрантов при одновременном ужесточении режима для нарушителей.

Новые нормативные положения предусматривают расширение полномочий территориальных органов МВД России по осуществлению мониторинга интеграционного потенциала иностранных граждан. В частности, введена обязательная оценка соблюдения мигрантами российских правовых и культурных норм, что позволяет говорить о формировании комплексной системы адаптации и интеграции иностранных граждан в правовое поле Российской Федерации.

В. Л. Казакова [3] в своих выступлениях акцентирует внимание на том, что «создание эффективного механизма противодействия незаконной миграции невозможно без развития системы предварительного отбора и последующего сопровождения иностранных граждан, желающих легально трудиться на территории нашей страны».

Особого внимания заслуживает анализ судебной практики 2024–2025 гг., демонстрирующий усиление роли органов внутренних дел в пресечении организованных форм незаконной миграции. Статистика свидетельствует о росте на 25 % количества возбужденных уголовных дел по ст. 322.1 УК РФ, при этом отмечается увеличение доли дел, связанных с пресечением деятельности транснациональных преступных групп.

Ряд экспертов отмечает, что в современной судебной практике наблюдается устойчивая тенденция к ужесточению санкций в отношении организации каналов неза-

конной миграции, что детерминировано общим курсом государственной политики на обеспечение миграционной безопасности.

Значимым направлением деятельности органов внутренних дел выступает развитие системы прогнозирования миграционных рисков. Внедрение автоматизированных систем анализа миграционной обстановки создает условия для осуществления мониторинга и риск-ориентированной оценки на основе методов многофакторного анализа, учитывающего социально-экономические индикаторы, криминогенную статистику и демографическую динамику.

Перспективы развития правового регулирования в данной области связаны с углублением цифровизации миграционного учета и оптимизацией механизмов межведомственного кооперирования. Формирование единой государственной информационной системы миграционного учета призвано обеспечить повышение транспарентности и уровня управляемости миграционных процессов на всех уровнях публичной власти.

Нелегальная миграция представляет собой одну из наиболее острых проблем современного мирового сообщества, а для Российской Федерации, являющейся одним из крупнейших миграционных центров Евразии, ее актуальность особенно высока. Массированные потоки иностранных граждан, въезжающих на территорию Российской Федерации с различными целями, создают объективные предпосылки для нарушения миграционного законодательства. В контексте данной статьи под нелегальной миграцией понимается въезд, выезд, пребывание и (или) осуществление трудовой деятельности иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории РФ с нарушением действующего законодательства Российской Федерации.

Правовые последствия нелегальной миграции сегодня достаточно многогранны: от роста теневой экономики и уклонении от уплаты налогов до обострения социальной напряженности и увеличения уровня преступности. В этой связи выработка эффективного комплекса правовых и организационных методов противодействия данному явлению является важнейшей задачей государства.

Организационные методы противодействия нелегальной миграции рассматриваются как совокупность приемов, способов и технологий управленческой деятельности, направленных на создание условий, предотвращающих въезд, пребывание и незаконную трудовую деятельность иностранных граждан на территории Российской Федерации, а также на выявление и устранение последствий таких нарушений [4]. Их особенность заключается в акценте на процессуальную, координирующую и обеспечивающую функции государства.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что центральным звеном в системе противодействия нелегальной миграции является Служба по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан МВД России. Именно это подразделение осуществляет ключевые организационно-распорядительные функции: выработку и реализацию государственной политики, нормативно-правовое регулирование, а также правоприменительную деятельность по федеральному государственному контролю (надзору) в сфере миграции [5].

Помимо МВД России, в процессе участвует широкий круг иных субъектов, что обуславливает необходимость тесного межведомственного взаимодействия:

– Федеральная служба безопасности Российской Федерации (далее – ФСБ России) – организация и осуществление пограничного контроля, борьба с организованными формами незаконной миграции;

– Федеральная налоговая служба Российской Федерации (далее – ФНС России) – осуществление контроля за уплатой налогов и сборов;

– Роструд – контроль за соблюдением трудового законодательства в отношении иностранной рабочей силы;

– Минздрав России – осуществление контроля за наличием медицинских сертификатов;

– Министерство иностранных дел Российской Федерации – консульский учет и взаимодействие с иностранными государствами.

Значимым событием стало также принятие Указом Президента Российской Федерации 15 октября 2025 г. № 738 новой Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы, отражающей основные направления и приоритеты развития данной сферы, одним из которых является противодействия нелегальной миграции.

Ключевой сложностью организационного аспекта данного направления является необходимость в постоянной координации действий вышеуказанных министерств и ведомств, имеющих различные цели, задачи и регламенты.

Организационные методы противодействия нелегальной миграции представлены следующими группами [6]:

1. Методы организационного проектирования и планирования:

разделение компетенций (нормативное закрепление функций и зон ответственности за каждым субъектом противодействия);

разработка и реализация целевых программ (создание государственных и ведомственных программ (национальных проектов), направленных на регулирование миграционных процессов с определением показателей эффективности их реализации);

планирование совместных оперативно-профилактических мероприятий (организация и проведение на системной основе таких мероприятий, как «Нелегал», «Мигрант», рейдов по местам концентрации иностранных граждан).

2. Методы организационного регулирования и координации:

межведомственное информационное взаимодействие (организация обмена информацией между МВД России, ФНС России, Федеральной службой судебных приставов Российской Федерации, ФСБ России и т. д.);

создание координационных органов (формирование межведомственных комиссий и рабочих групп на федеральном и региональном уровнях для выработки и согласования управленческих решений);

разработка административных регламентов (установление детальных пошаговых процедур для исполнения государственных функций, минимизирующих субъективизм и коррупционные риски).

3. Методы организационно-массовой работы и кадрового обеспечения:

профессиональная подготовка сотрудников (организация обучения и повышения квалификации для сотрудников территориальных органов по вопросам миграции, включая знание законодательства, межкультурной коммуникации и противодействия коррупции);

взаимодействие с институтами гражданского общества и работодателями (проведение разъяснительных семинаров, конференций, создание горячих линий для информирования иностранных граждан и бизнеса о миграционных правилах).

4. Методы контроля и оперативного реагирования:

формирование эффективной системы проведения проверочных мероприятий (проведение плановых и внеплановых проверок предприятий, использующих иностранную рабочую силу, на предмет соблюдения миграционного законодательства);

создание мобильных оперативных групп (формирование межведомственных мобильных групп для рейдов в местах неформальной занятости мигрантов).

Таким образом, организационные методы являются системообразующим элементом в борьбе с нелегальной миграцией, обеспечивая практическую реализацию правовых форм. Современная организационная структура в Российской Федерации характеризуется сложной многосубъектной системой, требующей постоянной координации.

Правовые методы противодействия нелегальной миграции представляют собой совокупность юридически закрепленных способов, средств и инструментов, применяемых государством и международными организациями для предотвращения, выявления, пресечения и привлечения к ответственности за деяния, связанные с незаконным перемещением и пребыванием иностранных граждан и лиц без гражданства на территории государства [7].

Эти методы реализуются через систему нормативно-правовых актов и обеспечивают правовую основу для деятельности органов государственной власти в сфере миграционного контроля. Они направлены на защиту национальной безопасности, установленного правопорядка, интересов рынка труда и социальной стабильности.

Правовые методы противодействия нелегальной миграции можно классифицировать на три основные группы:

1) методы профилактического (предупредительного) характера, направленные на недопущение нарушения требований миграционного законодательства:

визовый контроль (установление визового порядка въезда для иностранных граждан);

миграционный учет (уведомительный институт, предназначенный для фиксации места пребывания иностранного гражданина и одновременно являющийся ключевым инструментов контроля и надзора в сфере миграции);

организация пограничной службы (деятельность Пограничной службы ФСБ России по выявлению, документированию и разрешению фактов незаконного пересечения государственной границы);

правовое информирование и правовая пропаганда (информирование иностранных граждан и лиц без гражданства об их правовом статусе и юридических последствиях допускаемых нарушений).

2) методы регулятивного (разрешительно-контрольного) характера, направленные на легализацию пребывания и деятельности мигрантов:

выдача разрешительных документов (усложнение процедур оформления патентов на работу, разрешений на временное проживание, видов на жительство служит своего рода «фильтром», позволяющим снизить поток миграции, в том числе нелегальной); квотирование (установление ежегодных квот на выдачу разрешений на временное проживание и разрешений на осуществление трудовой деятельности, что позволяет регулировать миграционные поток и в интересах экономики);

ведение баз данных (формирование и использование единых межведомственныхбаз данных позволяет в оперативном режиме отслеживать перемещения и статус мигрантов).

3. Методы принудительного (карательного) характера:

административно-правовые методы (нормы главы 18 КоАП РФ призваны обеспечить контроль за соблюдением миграционного режима и применением мер административной ответственности как основного вида юридической ответственности за правонарушения в сфере миграции);

уголовно-правовые методы (предотвращение и преследование за наиболее тяжкие и организованные формы нелегальной миграции: незаконное пересечение Государственной границы (ст. 322 УК РФ), организация незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ): фиктивная постановка на миграционный учет иностранных граждан без предоставления).

Следует отметить, что на сегодня в Российской Федерации сформирована обширная система правовых методов противодействия нелегальной миграции, включающая профилактические, регулятивные и принудительные элементы и в целом соответствующая международным стандартам и современным вызовам. Однако эффективность реализации правовых методов нивелируется наличием системных администра-

тивных и социально-экономических проблем. Дальнейшее совершенствование противодействия нелегальной миграции должно быть направлено не только на ужесточение репрессивных мер, но и на создание гибкой, понятной и эффективной системы легализации миграционных потоков, устранение коррупционной составляющей и повсеместное внедрение цифровых технологий.

Противодействие нелегальной миграции является комплексной задачей, требующей целостного и системного подхода. Проведенный анализ демонстрирует, что Российская Федерация обладает развитой правовой базой и сложной организационной структурой для решения задач противодействия нелегальной миграции. Однако их потенциал реализуется не в полной мере вследствие наличия дисбаланса и отдельных проблем взаимодействия.

Повышение эффективности возможно только на пути интеграции правовых и организационных методов в единую управленческую модель. Перспективы развития видятся в первую очередь в последовательной тщательной кодификации законодательства, глубокой цифровой трансформации всех административных процессов, внедрении прогнозно-аналитических технологий и преодолении ведомственных барьеров. Подобная модель, основанная на принципах координации, прозрачности и ориентации на риск, может служить теоретической основой для дальнейшего совершенствования государственной миграционной политики Российской Федерации.

Таким образом, мы пришли к следующим выводам:

1) деятельность органов внутренних дел в системе правового регулирования миграционных процессов развивается в направлении создания сбалансированной системы, сочетающей меры административного воздействия с превентивными мероприятиями и современными цифровыми технологиями, что в полной мере соответствует стратегическим целям обеспечения национальной безопасности Российской Федерации;

2) в настоящее время в деятельности органов внутренних дел в сфере миграции наблюдается глубинная смена управленческой парадигмы – от полифункционального управления миграционными потоками в целом к стратегической фокусировке на предоставлении публичных услуг в сфере гражданства и легализации. Выделение сервисных функций в отдельную структуру позволяет подразделениям МВД, главным образом подразделениям по вопросам миграции территориальных органов, сконцентрироваться на силовой, контрольной и надзорной составляющих, что повышает эффективность противодействия нелегальной миграции.

---

1. Дутов П. О. О социальной и культурной адаптации иностранных граждан, прибывающих в Российскую Федерацию в целях реализации права на осуществление трудовой деятельности // Государственно-общественный характер реализации миграционной политики в Российской Федерации: сборник статей Всероссийской конференции, Москва, 13 апреля 2023 г. М.: Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 2023. С. 12–20. EDN AFETZU.
2. Прудников А. С. Конституционные основы миграционной политики Российской Федерации: баланс прав человека и национальной безопасности // Журнал российского права. 2024. № 12. С. 15–28.
3. Казакова В. Л. Новые механизмы миграционного контроля и интеграции иностранных граждан: выступления и интервью. Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/news/item/66372435 (дата обращения: 26.01.2026).
4. Артемьев А. В., Белозеров Б. П. Организационно-управленческие проблемы противодействия нелегальной миграции в современной России // Власть. 2023. № 2. С. 158–165.

5. Бирюзов А. А., Новиков Д. С. Незаконная миграция: пути правового противодействия // Символ науки. 2021. № 11. С. 68–71.
6. Рязанцев С. В., Ткаченко М. Ф. Миграционные вызовы и национальная безопасность России: монография. М.: Экон-Информ, 2022. 287 с.
7. Кисилева И. А. Административно-правовые средства противодействия нелегальной миграции в РФ // Административное право и процесс. 2023. № 5. С. 45–49.

1. Dutov P. O. O social`noj i kul`turnoj adaptacii inostranny`x grazhdan, priby`vayushhix v Rossijskuyu Federaciyu v celyax realizacii prava na osushhestvlenie trudovoj deyatel`nosti // Gosudarstvenno-obshhestvenny`j xarakter realizacii migracionnoj politiki v Rossijskoj Federacii: sbornik statej Vserossijskoj konferencii, Moskva, 13 aprelya 2023 g. M.: Rossijskij universitet druzhby` narodov imeni Patrisa Lumumby`, 2023. S. 12–20. EDN AFETZU.
2. Prudnikov A. S. Konstitucionny`e osnovy` migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii: balans prav cheloveka i nacional`noj bezopasnosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2024. № 12. S. 15–28.
3. Kazakova V. L. Novy`e mexanizmy` migracionnogo kontrolya i integracii inostranny`x grazhdan: vy`stupleniya i interv`yu. Oficial`ny`j sajt MVD Rossii. URL: https://mvd.rf/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/guvm/news/item/66372435 (data obrashheniya: 26.01.2026).
4. Artem`ev A. V., Belozerov B. P. Organizacionno-upravlencheskie problemy` protivodejstviya nelegal`noj migracii v sovremennoj Rossii // Vlast`. 2023. № 2. S. 158–165.
5. Biryuzov A. A., Novikov D. S. Nezakonnaya migraciya: puti pravovogo protivodejstviya // Simvol nauki. 2021. № 11. S. 68–71.
6. Ryazancev S. V., Tkachenko M. F. Migracionny`e vy`zovy` i nacional`naya bezopasnost` Rossii: monografiya. M.: E`kon-Inform, 2022. 287 s.
7. Kisileva I. A. Administrativno-pravovy`e sredstva protivodejstviya nelegal`noj migracii v RF // Administrativnoe pravo i process. 2023. № 5. S. 45–49.

Информация об авторе

Кирилл Александрович Гусев. Адъюнкт.
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя.
117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12.

Information about the author

Kirill A. Gusev. A postgraduate student.
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Y. Kikot.
117997, Russia, Moscow, Akademika Volgina Street, 12.

Статья поступила в редакцию 24.02.2026; одобрена после рецензирования 20.04.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was received in the editorial office on 24.02.2026; approved after review on 20.04.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 351.81

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ

Жбанова Светлана Александровна[1], Копыл Дмитрий Владимирович[2]
[1]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия
[2]Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия

[1]svetlanasamotina@mail.ru
[2]kopyl.kumvd@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается внедрение цифровых технологий в деятельность сотрудников Госавтоинспекции как один из механизмов обеспечения безопасности дорожного движения. Авторы акцентируют внимание на имеющихся проблемах использования цифрового документооборота и предлагают пути решения, а также подчеркивают необходимость внедрения цифровых технологий в деятельность Госавтоинспекции, которая, в свою очередь, требует всестороннего, комплексно продуманного подхода, охватывающего несколько ключевых направлений развития.

Ключевые слова: Госавтоинспекция, цифровизация, документооборот, нормативный акт, транспортное средство, киберугрозы.

Для цитирования: Жбанова С. А., Копыл Д. В. Правовые и организационные аспекты внедрения электронного документооборота в деятельность Госавтоинспекции // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 96–104.

LEGAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS OF THE INTRODUCTION OF ELECTRONIC DOCUMENT MANAGEMENT IN THE ACTIVITIES OF THE STATE TRAFFIC INSPECTORATE

Svetlana A. Zhbanova, Dmitry V. Kopyl
[1]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Oryol, Russia
[2]Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

[1]svetlanasamotina@mail.ru
[2]kopyl.kumvd@mail.ru

Annotation. The article examines the introduction of digital technologies into the activities of traffic police officers as one of the mechanisms for ensuring road safety. The authors focus on the existing problems with the use of digital document management and propose solutions, as well as emphasize the need to introduce digital technologies into the activities of the traffic police, which in turn requires a comprehensive and well-thought-out approach that covers several key areas of development.

Keywords: State Traffic Inspectorate, digitalization, document management, regulatory act, vehicle, cyber threats.

For citation: Zhbanova S. A., Kopyl D. V. Legal and organizational aspects of the introduction of electronic document management in the activities of the State Traffic

Inspectorate // Scientific Bulletin of the Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 2(107). P. 96–104.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью совершенствования механизмов обеспечения безопасности дорожного движения (далее – БДД) в современной России. За последнее десятилетие существенно возросла роль Госавтоинспекции, которая является ключевым звеном системы профилактики дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) и управления безопасностью на дорогах страны. Наряду с усилением административных мер контроля и надзора активно внедряются новые информационные технологии, направленные на цифровизацию процессов взаимодействия участников дорожного движения и органов власти.

Возникает необходимость новых подходов к системе БДД. Классическая модель «водитель – автомобиль – дорога – окружающая среда» объективно усложняется. Сегодня «человек» – это не только водитель, но и все участники движения, «транспорт» включает в себя не только автомобили, а все многообразие средств передвижения, в том числе и средства индивидуальной мобильности, а «дорога» рассматривается не столько как «полотно», а как сложноорганизованная подсистема с управляющими и обслуживающими структурами. Такое переосмысление сместило фокус со скорости и пропускной способности на безопасность, устойчивое развитие и ориентированную на человека транспортную среду.

БДД является ключевым фактором национальной безопасности, поскольку значительное количество ДТП оказывает негативное влияние на здоровье нации, экономику государства и социальную стабильность.

Вопросы обеспечения безопасности дорожного движения являются перманентно актуальными. Уровень БДД напрямую влияет на экономическую, демографическую, миграционную ситуацию и представляет собой неотъемлемую составную часть национальной безопасности Российской Федерации [1, с. 59].

В эпоху, когда информационные технологии стремительно развиваются и проникают во все уголки нашей жизни, наличие явления, такого как цифровизация, представляет собой отличительную черту современности. Особое внимание стоит уделить преобразованию, которое цифровизация привносит в сектор контрольно-надзорной деятельности, особенно когда речь заходит о безопасности дорожного движения [2, с. 42].

Развитие цифровых технологий охватывает и прочие отрасли, в том числе транспортную индустрию, где активно начинают использоваться электронные перевозочные документы. Появление такой документации было закреплено законодательством, в частности статьей 18.1 Федерального закона «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта»[1]. Данный шаг стал частью стратегии по переводу транспортного сектора на цифровые начала в контексте госпрограммы «Развитие транспортной системы» Российской Федерации [3, с. 75].

Цифровизация деятельности Госавтоинспекции представляет собой последовательный процесс трансформации административных процедур, направленный на повышение прозрачности, оперативности и технологической устойчивости системы обеспечения БДД. Исторически внедрение цифровых решений в практику Госавтоинспекции развивалось фрагментарно – начиная с локальной автоматизации учета транспортных средств и нарушений правил дорожного движения. Первоначальные проекты ограничивались созданием отдельных баз данных и применением программного обеспечения для обработки статистической информации. В этот период цифровые инструменты

[1] Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта: Федер. закон Рос. Федерации от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

выполняли исключительно вспомогательные функции и не оказывали принципиального влияния на организационные механизмы ведомства.

Качественный переход произошел в начале 2000-х годов, когда под воздействием общенациональной политики информатизации был инициирован ряд ведомственных инициатив по формированию централизованных информационных систем[1]. Запуск Единой автоматизированной информационной системы технического осмотра[2] (далее – ЕАИСТО), Государственной информационной системы о государственных и муниципальных платежах (далее – ГИС ГМП), а также интеграция данных с системой учета водительских удостоверений стали первыми шагами к созданию инфраструктуры межведомственного электронного взаимодействия. В это же время началась работа над стандартизацией форм электронных документов, регламентов их приема и передачи, что позволило постепенно отказываться от бумажных носителей в ряде административных процедур.

В свете недавних тенденций отмечается все большее и более активное применение цифровых технологий в контрольно-надзорных процедурах, которые осуществляет Госавтоинспекция. Это, в свою очередь, вносит существенные коррективы в процессы и методы проверки соблюдения установленных требований, делая их более эффективными. Стратегические направления цифровой трансформации на сегодняшний день определены государственной политикой и направлены на достижение высокой степени цифровой зрелости государственного управления и основных участников транспортной отрасли для оказания качественных государственных услуг населению, повышения качества транспортно-логистических услуг, развития бесшовных внутрироссийских и международных перевозок, обеспечения их безопасности и надежности, а также для снижения нагрузки на окружающую среду. Таким образом, ведение цифровых преобразований в области надзора за безопасностью дорожного движения способствует не только усовершенствованию контроля, но и повышению безопасности на дорогах, а также обеспечивает большую прозрачность и доступность информации для хозяйствующих субъектов и общества в целом [4, с. 553].

С введением федерального портала «Госуслуги» граждане получили возможность оформления государственных услуг, предоставляемых Госавтоинспекцией, в дистанционном режиме. Однако данное нововведение потребовало пересмотра прежних алгоритмов обработки обращений, формирования цифровых документов и, соответственно, защиты утечки персональных данных в процессе взаимодействия с внешними ведомствами и информационными ресурсами.

Цифровое водительское удостоверение представляет собой электронный аналог физического документа, отображаемый в мобильном приложении «ГосуслугиАвто». Данный формат сопровождается встроенными механизмами аутентификации, что позволяет инспектору Госавтоинспекции удостовериться в подлинности информации при помощи сканирования QR-кода или взаимодействия с едиными государственными информационными системами. Аналогичным образом реализуется цифровая форма свидетельства о регистрации транспортного средства (далее – СТС): данные о транспортном средстве и владельце доступны через тот же сервис и синхронизированы с федеральными базами данных МВД. С юридической точки зрения электронные версии

[1] Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации транспортной отрасли Рос. Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 21 декабря 2021 г. № 3744-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об утверждении положения о ведении единой автоматизированной информационной системы технического осмотра и об организации взаимодействия при ее использовании: постановление Правительства Рос. Федерации от 29 июля 2020 г. № 1134. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

водительских удостоверений и СТС в пределах установленного функционала признаются эквивалентными бумажным оригиналам, однако их использование ограничено рядом технических и правовых условий.

Механизм предъявления цифровых документов построен на принципе однократной авторизации пользователя в государственной системе, после чего доступ к информации возможен как в онлайн-, так и в офлайн-режиме.

Электронный полис обязательного страхования автогражданской ответственности[1] (далее – ОСАГО) стал одним из значимых элементов цифровизации документооборота в сфере транспорта. Его оформление и предъявление регулируются федеральным законодательством, предусматривающим возможность заключения договора страхования в электронной форме и хранения полиса в цифровом виде. Основное назначение электронного ОСАГО – упростить взаимодействие между страхователем, страховщиком и государственными органами, исключив необходимость в бумажном носителе, который ранее был обязательным при проверке документов инспектором Госавтоинспекции.

ЕАИСТО обеспечивает централизованный учет данных о проведении технического осмотра. Внесение сведений в ЕАИСТО является обязательным для всех операторов техосмотра. При проверке инспектор Госавтоинспекции получает доступ к информации о дате проведения осмотра, его результатах и выданной диагностической карте. Такая интеграция позволяет быстро выявлять поддельные документы, исключать эксплуатацию технически неисправных автомобилей и снижать уровень коррупционных рисков в сфере техосмотра. Тем не менее система периодически сталкивается с проблемами несвоевременного обновления данных и техническими сбоями, что снижает ее надежность в реальных условиях дорожного контроля.

ГИС ГМП служит платформой для учета, проверки и подтверждения факта оплаты различных государственных услуг и штрафов. Для Госавтоинспекции она особенно важна в части контроля оплаты административных штрафов за нарушения правил дорожного движения (далее – ПДД).

Технические сбои и киберугрозы, возникающие при практическом применении цифровых технологий, оказывают негативное влияние на функционирование электронных серверов и как следствие надлежащее исполнение должностных обязанностей сотрудников Госавтоинспекции. Технические сбои представляют собой одну из наиболее часто встречающихся проблем при работе с цифровыми документами. Основные причины таких сбоев включают перегрузку серверов центральных систем, недостаточную пропускную способность каналов связи, программные ошибки, а также несовместимость отдельных компонентов программного обеспечения. На практике это выражается в невозможности инспектора оперативно проверить электронный документ через ЕАИСТО, ГИС ГМП, Государственную информационную систему электронных перевозочных документов (ГИС ЭПД) или Систему межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ). В случаях отказа систем доступ к данным либо существенно замедляется, либо становится полностью невозможным. Для Госавтоинспекции это означает увеличение времени дорожных проверок, что создает очереди, вызывает недовольство граждан и снижает авторитет правоохранительных органов.

Также требуется законодательно закрепить алгоритм действий сотрудников Госавтоинспекции в случаях, когда водитель предъявляет электронный документ, но технические средства инспектора или мобильное приложение гражданина времен-

[1] Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств: Федер. закон Рос. Федерации от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

но недоступны из-за сбоя связи или технической неисправности. Отсутствие четкой инструкции может привести к непропорциональным мерам со стороны инспектора – вплоть до задержания транспортного средства или составления административного материала. В этой связи изменения в ПДД должны предусматривать переходные механизмы, например, возможность проверки данных о водителе и транспортном средстве по базе данных в отделении полиции в течение разумного времени без применения мер административного воздействия к водителю.

Успешное функционирование цифрового документооборота в сфере дорожного движения невозможно без формализации технических и юридических характеристик используемых электронных документов. На сегодняшний день отсутствует комплексная система нормативов, закрепляющая единые требования к структуре, реквизитам, форматам хранения и способам предъявления цифровых версий водительских удостоверений, свидетельств о регистрации транспортных средств, полисов ОСАГО и иных документов, подлежащих предъявлению сотрудникам Госавтоинспекции.

Отсутствие единообразия форматов ведет к разнородности практик, усложняет техническую интеграцию между ведомствами, снижает надежность верификации документов и провоцирует возникновение спорных ситуаций при взаимодействии граждан с инспекторами. Например, одни цифровые документы могут быть представлены в виде PDF-файла, другие – в виде визуального интерфейса в мобильном приложении, третьи – посредством QR-кода, ведущего к защищенному ресурсу с оригиналом записи. Такое многообразие подходов при отсутствии унифицированных правил создает предпосылки для субъективной оценки подлинности документа, что недопустимо в контексте обеспечения прав граждан.

Целесообразным представляется разработка и законодательное закрепление стандартизированных требований к следующим характеристикам цифровых документов:

• формат хранения: документ должен существовать в машиночитаемом формате, обеспечивающем его целостность, неделимость и сохранность. Предпочтительными являются форматы XML, JSON или иные, позволяющие встраивать метаданные и электронную подпись;

• обязательные реквизиты: в каждом документе должны присутствовать уникальные идентификаторы, дата и время создания, данные о владельце, органе, выдавшем документ, а также визуальные и/или криптографические элементы защиты.

В частности, должны быть внесены изменения в федеральные законы, регулирующие документооборот, а также ведомственные акты МВД, регламентирующие порядок проверки документов сотрудниками Госавтоинспекции.

Особое внимание следует уделить вопросам совместимости форматов с существующими государственными информационными системами. Унификация форматов должна опираться на действующие архитектурные стандарты, включая ГОСТ Р 7.0.97-2016 (электронные документы) и ГОСТ Р ИСО/МЭК 19794 (биометрические данные), а также учитывать перспективы трансграничного признания электронных документов в рамках евразийского и международного сотрудничества.

Необходимым условием внедрения унифицированных форматов является централизованная координация со стороны уполномоченного органа, например Минцифры России. В его компетенцию должно входить утверждение технических регламентов, контроль за соблюдением стандартов всеми ведомствами, а также обеспечение методической поддержки в процессе перехода к новым форматам.

Цифровизация процессов государственного управления, в том числе в деятельности Госавтоинспекции, требует не только изменений в правовом регулировании, но и серьезного технологического переоснащения сотрудников, непосредственно работающих в поле. Эффективная реализация цифрового документооборота невозможна

без технических средств, позволяющих инспекторам оперативно считывать, обрабатывать и проверять информацию из электронных документов, а также обеспечивать безопасность персональных данных граждан.

Процесс цифровой трансформации деятельности Госавтоинспекции невозможно рассматривать исключительно через призму технологий и нормативных актов. Решающую роль в ее успешной реализации играет человеческий фактор – уровень компетенций и готовность сотрудников к работе в новых цифровых условиях. Недостаточная цифровая грамотность или отсутствие единых стандартов обучения могут свести к минимуму эффект даже самых современных технических решений.

Сегодня в практике подготовки сотрудников Госавтоинспекции наблюдается значительная фрагментарность программ обучения. В отдельных регионах реализуются инициативы по обучению работе с мобильными устройствами, цифровыми платформами или новыми видами электронных документов, однако отсутствует централизованная система, обеспечивающая единый подход к формированию цифровых компетенций. В результате сотрудники могут существенно различаться по уровню владения технологиями, что создает неравномерность в качестве выполнения ими служебных обязанностей.

Ключевыми направлениями совершенствования подготовки кадров в условиях цифровизации должны стать:

✓ разработка единого федерального стандарта обучения. В учебные программы ведомственных образовательных учреждений МВД следует интегрировать специальные курсы, посвященные правовому регулированию цифрового документооборота; техническим особенностям работы с мобильными устройствами и специализированными приложениями; вопросам информационной безопасности, включая основы криптографии, правила обращения с конфиденциальной информацией и реагирование на инциденты утечки данных; навыкам использования биометрических и бесконтактных технологий (NFC, QR-коды и др.);

✓ регулярная переподготовка сотрудников. Поскольку цифровые технологии развиваются стремительно, знания и навыки быстро устаревают. В этой связи целесообразно внедрить систему обязательных курсов повышения квалификации не реже одного раза в два-три года. Такие курсы должны проводиться как в очном, так и в дистанционном формате, чтобы обеспечить доступность обучения для всех сотрудников, включая те регионы, где возможности командировок ограничены;

✓ практико-ориентированный подход. Теоретическая подготовка должна сочетаться с практическими тренингами. Инспекторы должны нарабатывать навыки использования цифровых устройств в условиях, максимально приближенных к реальной службе. Это включает моделирование дорожных ситуаций, предъявление различных цифровых документов, верификацию их подлинности, а также отработку действий в случае технических сбоев или подозрения на поддельный электронный документ;

✓ использование современных образовательных технологий. Важно внедрять интерактивные формы обучения – электронные тренажеры, симуляторы, обучающие видеоуроки. Такие методы не только повышают вовлеченность сотрудников в процесс обучения, но и позволяют отрабатывать навыки многократно без риска ошибочных действий при реальном исполнении служебных обязанностей;

✓ контроль качества обучения. Необходимо выстроить систему оценки знаний и навыков сотрудников. Аттестация по итогам учебных программ должна стать обязательным условием допуска к самостоятельной работе с цифровыми документами и информационными системами.

В современных условиях стремительного развития цифровых технологий традиционные способы защиты данных все чаще оказываются недостаточными для обеспечения целостности, подлинности и безопасности электронного документооборота.

Не менее значимой является проблема обеспечения кибербезопасности в условиях активной цифровизации. Расширение цифровых каналов взаимодействия и хранения данных неизбежно увеличивает уязвимость систем МВД к кибератакам и утечкам информации. Необходимо нормативное закрепление строгих требований к технической защите информации, включая использование сертифицированных отечественных программных решений, внедрение технологий криптографической защиты, а также обеспечение постоянного мониторинга угроз и инцидентов [5, с. 23]. Особенно это актуально для Госавтоинспекции, которая в рамках своей деятельности обрабатывает огромные массивы данных, имеющих высокую правовую значимость. Одними из наиболее перспективных направлений минимизации цифровых рисков становятся внедрение технологий блокчейна и систем двухфакторной аутентификации (2FA).

Блокчейн представляет собой распределенный реестр, в котором данные хранятся в виде цепочки блоков, связанных криптографически. Основное преимущество этой технологии заключается в высокой степени защищенности от изменений задним числом. Запись, однажды внесенная в блокчейн, практически не может быть удалена или подделана без обнаружения, что создает условия для формирования надежной базы данных с неизменяемой историей транзакций.

Однако внедрение блокчейна в деятельность Госавтоинспекции требует решения ряда вопросов. Среди них: обеспечение совместимости с действующими информационными системами; регулирование правового статуса данных, хранящихся в блокчейн-реестрах, в частности признание их доказательственной силы в судопроизводстве; определение моделей доступа и разграничение полномочий пользователей к различным слоям информации в распределенной сети; значительные финансовые затраты на разработку и внедрение инфраструктуры.

Тем не менее, учитывая мировой опыт (например, применение блокчейна в сфере регистрационных действий в Эстонии, Грузии, в проектах Европейского союза), мы считаем, что использование распределенных реестров для обеспечения прозрачности и подлинности данных в системе цифрового документооборота МВД России представляется перспективным направлением.

Не менее значимой мерой снижения цифровых рисков является широкое внедрение механизмов двухфакторной аутентификации при работе с электронными документами и сервисами Госавтоинспекции.

Суть 2FA заключается в том, что для подтверждения личности пользователя требуются два различных фактора: знание (например, пароль или персональный идентификационный номер (PIN-код)); обладание (например, мобильное устройство, токен, смарт-карта) или биометрический параметр (отпечаток пальца, распознавание лица).

Развитие современного мира невозможно без использования цифровых технологий, оказывающих значимое влияние на различные сферы социальной действительности. Современные государства самостоятельно формируют и реализуют национальную политику, связанную с внедрением цифровых технологий в отдельные общественные сферы [6, с. 52]. Ключевым элементом цифровизации в органах внутренних дел выступает масштабный переход к электронному документообороту и цифровому взаимодействию как между подразделениями, так и с гражданами и организациями [7, с. 278].

Подводя итог, можем отметить, что необходимость внедрения цифровых технологий в деятельность Госавтоинспекции требует всестороннего, комплексно продуманного подхода, охватывающего несколько ключевых направлений развития, а именно: разработка единых технических требований к цифровым документам; внедрение цифрового документооборота, предполагающего унификацию стандартов оформления электронных документов и разработку четких регламентов, обеспечивающих юридиче-

скую значимость цифровых удостоверений личности водителей, свидетельств регистрации транспортных средств.

1. Затолокин А. А. Современные вызовы безопасности дорожного движения и пути их преодоления // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2023. № 2(95). С. 59–66.
2. Сафонова Д. В. Цифровые технологии в обеспечении безопасности дорожного движения // Право. Общество. Государство: Сборник научных трудов студентов и аспирантов / Отв. ред. Е. В. Трофимов. Том 11. СПб.: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2020. С. 41–44.
3. Вермеенко Я. С. Современное состояние и перспективы развития ИСОД МВД России // Академическая мысль. 2021. № 3(16). С. 75–78.
4. Васильев В. А. Цифровизация контрольно-надзорной деятельности Госавтоинспекции МВД России // Молодой ученый. 2025. № 2(553). С. 177–179.
5. Козырев А. А., Яковлев А. С. Искусственный интеллект в деятельности правоохранительных органов: правовые и этические аспекты // Вопросы правоприменения. 2023. № 3.
6. Калюжный Ю. Н. Цифровые технологии как новые возможности обеспечения безопасности дорожного движения // Административное право и процесс, 2021, № 11. С. 52–54.
7. Никогосян Д. Е. Цифровизация государственного управления в сфере внутренних дел: правовые аспекты и перспективы развития // Молодой ученый. 2025. № 15(566). С. 278–280.

1. Zatolokin A. A. Sovremenny`e vy`zovy` bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya i puti ix preodoleniya // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2023. № 2(95). S. 59–66.
2. Safonova D. V. Cifrovy`e texnologii v obespechenii bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Pravo. Obshhestvo. Gosudarstvo: Sbornik nauchny`x trudov studentov i aspirantov / Otv. red. E. V. Trofimov. Tom 11. SPb.: Sankt-Peterburgskij institut (filial) VGUYu (RPA Minyusta Rossii), 2020. S. 41–44.
3. Vermeenko Ya. S. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy` razvitiya ISOD MVD Rossii // Akademicheskaya my`sl`. 2021. № 3(16). S. 75–78.
4. Vasil`ev V. A. Cifrovizaciya kontrol`no-nadzornoj deyatel`nosti Gosavtoinspekcii MVD Rossii // Molodoj ucheny`j. 2025. № 2(553). S. 177–179.
5. Kozy`rev A. A., Yakovlev A. S. Iskusstvenny`j intellekt v deyatel`nosti pravooxranitel`ny`x organov: pravovy`e i e`ticheskie aspekty` // Voprosy` pravoprimeneniya. 2023. № 3.
6. Kalyuzhny`j Yu. N. Cifrovy`e texnologii kak novy`e vozmozhnosti obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Administrativnoe pravo i process, 2021, № 11. S. 52–54.
7. Nikogosyan D. E. Cifrovizaciya gosudarstvennogo upravleniya v sfere vnutrennix del: pravovy`e aspekty` i perspektivy` razvitiya // Molodoj ucheny`j. 2025. № 15(566). S. 278–280.

Информация об авторах

Светлана Александровна Жбанова. Заместитель начальника кафедры организации деятельности Госавтоинспекции, кандидат экономических наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Дмитрий Владимирович Копыл. Доцент кафедры безопасности дорожного движения, кандидат исторических наук.
Краснодарский университет МВД России.
350005, Россия, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.

Information about the authors

Svetlana Al. Zhbanova. Deputy Head of the Chair of Organization of State Traffic Inspectorate, Candidate of Sciences (Economics). Associate Professor.
Lukyanov Orel Law Institute of Ministry of interior of Russia.
302027, Orel, Ignatova st., 2.

Dmitry V. Kopyl. Senior teacher at the Chair of Road Safety, Candidate of Sciences (History).
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
350005, Krasnodar, Yaroslavskaya str., 128.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 12.05.2026; одобрена после рецензирования 20.05.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was received in the editorial office on 12.05.2026; approved after review on 20.05.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 342.9

МОНИТОРИНГ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ ДЕСТРУКТИВНЫХ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Жуков Владислав Геннадьевич
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия

us-cs2222@inbox.ru

Аннотация. В статье исследуется мониторинг информационно-телекоммуникационной сети Интернет как самостоятельное направление административной деятельности полиции, направленное на выявление и противодействие деструктивным молодежным субкультурам в цифровой среде. Раскрывается актуальность проблемы, обусловленная широким распространением цифровых технологий и использованием интернет-пространства для вовлечения молодежи в противоправную и деструктивную деятельность. Автор анализирует понятие мониторинга как системного процесса наблюдения, сбора и анализа информации, обосновывает его отличие от контроля и надзора, а также определяет его правовую природу и место в системе административно-правовой деятельности органов внутренних дел. Особое внимание уделяется правовым и этическим аспектам мониторинга, включая требования законности, пропорциональности, конфиденциальности и защиты прав граждан. Рассматриваются цели, задачи, объекты и субъекты мониторинга, а также этапы его реализации в деятельности полиции. Характеризуются специфические особенности выявления деструктивных молодежных субкультур, функционирующих в закрытых цифровых сообществах и использующих скрытые формы коммуникации. В статье изучены применяемые методы и инструменты мониторинга, включая цифровые технологии, межведомственное взаимодействие и практику использования специализированного программного обеспечения, а также приводятся примеры регионального опыта и участия киберволонтеров. Выявляются существующие правовые и организационные проблемы, связанные с недостаточной регламентацией мониторинга, ограниченностью ресурсов и сложностями взаимодействия с цифровыми платформами. В заключение формулируются выводы о значении мониторинга как ключевого элемента профилактики правонарушений и обосновывается необходимость его дальнейшего совершенствования в целях обеспечения информационной безопасности личности, общества и государства.

Ключевые слова: мониторинг, деструктивные субкультуры, цифровая среда, информационно-телекоммуникационная сеть, контент, предупреждение правонарушений, административная деятельность полиции, киберволонтерство.

Для цитирования: Жуков В. Г. Мониторинг информационно-телекоммуникационной сети Интернет как самостоятельное направление административной деятельности полиции по выявлению деструктивных молодежных субкультур в цифровой среде // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 105–113.

MONITORING OF THE INTERNET INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORK AS AN INDEPENDENT AREA OF POLICE ADMINISTRATIVE ACTIVITIES TO IDENTIFY DISTRUCTIVE YOUTH SUBCULTURES IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Vladislav G. Zhukov
National Research Institute of the Ministry of Interior Affairs of Russia, Moscow, Russia

us-cs2222@inbox.ru

Annotation. The article examines the monitoring of the Internet information and telecommunications network as an independent area of police administrative activity aimed at identifying and countering destructive youth subcultures in the digital environment. The urgency of the problem is revealed, due to the widespread use of digital technologies and the use of the Internet space to involve young people in illegal and destructive activities. The author analyzes the concept of monitoring as a systemic process of monitoring, collecting and analyzing information, grounds its difference from control and supervision, and also defines its legal nature and place in the system of administrative and legal activities of internal affairs bodies. Special attention is paid to the legal and ethical aspects of monitoring, including the requirements of legality, proportionality, confidentiality and protection of citizens' rights. The objectives, objects and subjects of monitoring, as well as the stages of its implementation in police activities are considered. The article describes the specific features of identifying destructive youth subcultures operating in closed digital communities and using hidden forms of communication. The article analyzes the monitoring methods and tools used, including digital technologies, interagency cooperation and the practice of using specialized software, as well as provides examples of regional experience and the participation of cyber volunteers. The existing legal and organizational problems related to insufficient regulation of monitoring, limited resources and difficulties of interaction with digital platforms are identified. In conclusion, findings are drawn about the importance of monitoring as a key element of crime prevention and the need for its further improvement in order to ensure the information security of individuals, society and the state.

Keywords: monitoring, destructive subcultures, digital environment, information and telecommunication network, content, crime prevention, police administrative activities, cyber-terrorism.

For citation: Zhukov V. G. Monitoring Of The Internet Information And Telecommunication Network As An Independent Area Of Police Administrative Activities To Identify Distructive Youth Subcultures In The Digital Environment // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 2(107). P. 105–113.

Современный интернет стал неотъемлемой частью жизни общества, в том числе и молодежи. Он предоставляет широкие возможности для коммуникации, обмена информацией и самореализации. Однако наряду с позитивными аспектами интернет-пространство становится площадкой для распространения деструктивных идей и формирования молодежных субкультур, представляющих угрозу для безопасности личности, общества и государства. В связи с этим актуальной задачей становится мониторинг интернет-пространства в целях выявления и противодействия деструктивным молодежным субкультурам, а также разработка методов и инструментов мониторинга интернета, направленных на выявление таких субкультур, и рассмотрение правовых и этических аспектов данного процесса.

Еще И. Л. Бачило указывала, что в условиях цифровизации возрастает значение правового мониторинга как инструмента выявления угроз на ранних стадиях и обеспечения превентивного характера государственного управления [1, с. 15].

Согласно отчетам МВД России, в 2024 году несовершеннолетними было совершено 98 преступлений террористического характера и 97 преступлений экстремистской направленности, значительная часть которых связана с цифровым вовлечением через сеть Интернет [2, с. 123].

Мониторинг в широком смысле – это систематический процесс наблюдения, сбора, обработки и анализа информации с целью оценки состояния определенного объекта, явления или процесса и выявления динамики их изменений [3].

При этом в контексте деятельности органов внутренних дел, особенно в условиях цифровой среды, мониторинг приобретает особое значение как способ оперативного отслеживания информации, размещаемой в информационно-телекоммуникационных сетях, с целью предотвращения и выявления противоправной деятельности, включая деструктивное воздействие на молодежные субкультуры.

Кроме того, мониторинг является частью административно-правовой деятельности, поскольку направлен на контроль и надзор, а также на профилактику правонарушений.

Особое значение мониторинг приобретает в цифровой среде, где масштабы и скорость распространения информации требуют эффективных правовых механизмов для оперативного реагирования на угрозы, включая деструктивные молодежные субкультуры [4, с. 44].

В правовом поле мониторинг сети Интернет регулируется рядом федеральных законов, в том числе Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», которые устанавливают ограничения и требования к обработке информации, обеспечивают защиту прав пользователей и регулируют порядок доступа к информации[1].

Несмотря на наличие общего правового регулирования мониторинга информационно-телекоммуникационных сетей, действующее законодательство не формирует специального административно-процедурного режима осуществления мониторинга в деятельности полиции, ориентированного на профилактику и предупреждение вовлечения несовершеннолетних и молодежи в деструктивные молодежные субкультуры в цифровой среде.

Установленные нормы носят преимущественно контрольно-надзорный и информационно-правовой характер и не регламентируют в достаточной мере цели, пределы, процедуры и формы использования результатов цифрового мониторинга в рамках административной деятельности полиции.

К ключевым правовым аспектам мониторинга можно отнести:

– законность сбора и обработки информации (сбор и обработка информации должны осуществляться на законных основаниях с соблюдением требований законодательства о защите персональных данных);

– пропорциональность мер (применяемые меры должны быть соразмерны угрозе, которую представляют деструктивные субкультуры);

– конфиденциальность информации (информация, полученная в ходе мониторинга, должна храниться в конфиденциальности и использоваться только в законных целях);

[1] О персональных данных: Федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– ответственность за незаконные действия (лица, осуществляющие незаконный сбор и обработку информации, должны привлекаться к ответственности).

К основным этическим аспектам мониторинга относятся:

– соблюдение принципов гуманизма (необходимо учитывать права и интересы участников субкультур, особенно несовершеннолетних);

– прозрачность и подотчетность (процесс мониторинга должен быть прозрачным и подотчетным обществу);

– предотвращение дискриминации (необходимо избегать дискриминации по признакам расы, национальности, религии, политических взглядов и т. д).

Специфика мониторинга в отношении деструктивных молодежных субкультур

Мониторинг интернет-пространства в целях выявления деструктивных молодежных субкультур имеет ряд существенных отличий от традиционного цифрового надзора, направленного, например, на борьбу с экстремизмом, фейковыми новостями или киберпреступностью. Эти особенности связаны с тем, что деструктивные субкультуры [5, с. 35] не всегда прямо нарушают закон, но формируют установки, потенциально ведущие к противоправному поведению; функционируют в закрытых цифровых средах, чаще всего в мессенджерах (Telegram, Discord), в приватных чатах и под псевдонимами; активно используют визуальные и вербальные коды, распознать которые без спецподготовки крайне сложно (например, маскировка насилия под «эстетику боли», шифрованные символы «4:20», «Skoolshooters» и пр.); нацелены на эмоционально неустойчивую аудиторию – подростков, что требует деликатности и педагогической направленности в оценке и реагировании.

Таким образом, мониторинг этих сообществ требует не только технических решений, но и психолого-социокультурной экспертизы, умения распознавать скрытые формы девиантных установок.

Мониторинг информационно-телекоммуникационной сети Интернет представляет собой системную деятельность, включающую следующие элементы.

Целью мониторинга является своевременное выявление угроз, связанных с распространением деструктивных молодежных субкультур, и обеспечение принятия адекватных мер реагирования.

Задачи мониторинга включают: выявление деструктивных интернет-сообществ; установление лиц, вовлеченных в их деятельность; анализ содержания распространяемого контента; оценку степени общественной опасности; формирование информационной базы для последующего реагирования.

Объектом мониторинга являются информационные ресурсы и коммуникационные платформы (социальные сети, мессенджеры, интернет-сайты), содержащие признаки деструктивной активности.

Субъектами мониторинга выступают органы внутренних дел, включая специализированные подразделения по борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий, подразделения по делам несовершеннолетних, а также иные подразделения полиции, вовлеченные в профилактическую деятельность.

Мониторинг цифровой среды как административная деятельность реализуется посредством последовательности взаимосвязанных этапов [6, с. 345].

1. Выявление информации, содержащей признаки деструктивной активности, посредством анализа цифровых платформ.

2. Сбор и фиксация данных, включая сохранение цифровых следов, скриншотов, ссылок и иных доказательств.

3. Анализ информации, направленный на установление характера контента, структуры сообщества и круга вовлеченных лиц.

Его актуальность обусловлена трансформацией способов коммуникации и социализации молодежи, значительной долей противоправной активности в онлайн-среде и растущей угрозой цифровой радикализации несовершеннолетних.

Реализация мониторинга осуществляется с использованием комплекса взаимодополняющих методов и инструментов [7, с. 71].

Информационно-аналитические методы включают анализ контента, изучение коммуникационных связей, выявление закономерностей распространения информации.

Цифровые методы предполагают использование технологий анализа больших данных, инструментов открытой разведки (OSINT), специализированного программного обеспечения.

Организационные методы связаны с координацией деятельности различных подразделений полиции и взаимодействием с иными субъектами.

Следует отметить, что применение указанных методов должно осуществляться с соблюдением требований законодательства о защите информации и персональных данных.

К примеру, сотрудниками ряда территориальных органов МВД России по субъектам Российской Федерации в целях мониторинга используются сервисы компании «Сеуслаб». Так, комплекс «Поисковая система СЕУС» разрабатывался в тесном взаимодействии с сотрудниками полиции и специально адаптирован под нужны правоохранителей и предоставляет ряд уникальных возможностей, которых нет ни у одного аналога[1].

«Поисковая система «СЕУС» используется для оценки информационной обстановки, выявления и документирования фактов протестной деятельности, недостоверной информации, распространения идеологий экстремизма и терроризма, а также других социально опасных явлений в социальных сетях. Актуальными направлениями использования программы «Поисковая система СЕУС» в повседневной работе сотрудника полиции являются: детский и подростковый суицид; призывы к насилию; протестные настроения и протестный потенциал; организация несанкционированных митингов, пикетов; деструктивные направления; экстремистские материалы; оружие и изготовление самодельных взрывных устройств (СВУ); идеология терроризма (организация и финансирование терроризма, вербовка граждан); межнациональные и межконфессиональные отношения.

Заслуживает внимания опыт Центра противодействия экстремизму (ЦПЭ) ГУ МВД России по Челябинской области, по обращениям которых в 2023 году Роскомнадзором прекращен доступ к 730 ссылкам на интернет-ресурсы, содержащие экстремистские материалы (за первый месяц 2024 – к 75 ссылкам).

По результатам проверок сотрудниками полиции в органы прокуратуры направлены материалы для прекращения доступа к 18 потенциально опасным (деструктивным) интернет-ресурсам в 2023 году (в I квартале 2024 года – к 2 интернет-ресурсам)[2].

Другой пример: на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области выстроено устойчивое взаимодействие между органами внутренних дел и администрацией социальной сети «ВКонтакте». Совместными усилиями на постоянной основе выявляются проявления интернет-сообществ и пользователей, распространяющих противоправный контент, в том числе экстремистского характера. Выявленные группы и аккаунты блокируются в соответствии с установленной законодательной процедурой.

Учитывая высокую степень восприимчивости несовершеннолетних к радикальным идеологиям, ключевым направлением профилактики является своевременное выявление признаков деструктивного поведения. В этой связи представляет собой интересную практику реализации Соглашения о заключении между территориальными объ-

[1] Информационное письмо УМВД России по Ивановской области (исх. от 15.03.2024 № 1/5430).
[2] Информационное письмо ГУ МВД России по Челябинской области (исх. от 18.04.2024 № 1/4580).

единениями МВД и образовательных организаций субъектов Российской Федерации (например, соглашение между УМВД и Департаментом образования Ивановской области), в том числе на муниципальном уровне. В рамках данных соглашений осуществляется мониторинг признаков девиантного и деструктивного поведения (буллинг, склонность к насилию, участие в экстремистских сообществах, склонность к суициду и т. д.), а также проводятся регулярные профилактические мероприятия, включая единые дни профилактики в периодическом и дистанционном формате.

Одной из форм привлечения общества к процессам информационной безопасности является обращение к институту киберволонтеров. Большие обороты набирает реализация проекта «Медиаволонтеры» (или «Кибердружина). Примером эффективной региональной практики в данной сфере является опыт Республики Бурятия. В 2019 году на территории региона был реализован проект по привлечению добровольцев к мониторингу пространств с целью обнаружения и фиксации противоправного контента[1].

Киберволонтерство как форма гражданского участия демонстрирует высокую результативность, позволяя не только выявлять противоправный контент, но и продвигать позитивные ценности в цифровой среде. Рост качества отбора сигналов и включение волонтерских инициатив в федеральные программы подчеркивают их значимость [8, с. 146].

Следует отметить, что, несмотря на общее снижение количества анализируемых публикаций, наблюдается рост качества отбора контента, что свидетельствует о повышении квалификации волонтеров и развитии методической базы проекта. Крометого, начиная с конца 2023 года акцент в деятельности киберволонтеров был смещен в сторону активного размещения позитивного контента, направленного на формирование у молодежи альтернативных ценностных ориентиров.

Успешность кибермониторинга во многом определяется уровнем грамотности его участников. С этой целью функционирует Центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет (НЦПТИ) для системного обучения граждан. Программы включают изучение норм законодательства в сфере противодействия терроризму, экстремизму, а также иной противоправной информационной активности.

Настоящая подготовка позволяет воздействовать на объекты при помощи правовых эффектов, оказывая влияние на субъективное восприятие и эмоциональное воздействие. Тем самым выдвигаются предпосылки для формирования устойчивой культуры в сфере информационной безопасности.

Таким образом, мониторинг деструктивных молодежных субкультур – это важная задача, требующая комплексного подхода. Необходимо использовать современные технологии, совершенствовать методы анализа информации, соблюдать правовые и этические нормы, а также развивать международное сотрудничество. Только в этом случае можно эффективно противодействовать деструктивным явлениям в цифровой среде и обеспечить безопасность личности, общества и государства.

Несмотря на значимость мониторинга как направления административной деятельности, его реализация сопряжена с рядом проблем.

К числу основных относятся: недостаточная определенность правовых оснований осуществления мониторинга цифровой среды; отсутствие единых методик выявления и оценки деструктивных субкультур; ограниченность кадровых и технических ресурсов; сложности взаимодействия с владельцами цифровых платформ; трансграничный характер информационных ресурсов.

Огромный объем передаваемой через социальные сети и мессенджеры информации (только на «стенах» пользователей в среднем публикуется несколько сотен ты-

[1] Информационное письмо МВД по Республике Бурятия (исх. от 19.04.2024 № 31/397).

сяч сообщений в день) делает «ручной» мониторинг крайне трудозатратным и малоэффективным. В связи с этим необходимо решать вопрос о повсеместной закупке или скорейшей разработке доступного программного обеспечения, осуществляющего мониторинг открытого сегмента информационно-телекоммуникационной сети Интернет и анализ полученной информации[1].

Указанные проблемы снижают эффективность мониторинга и требуют комплексного решения на нормативном и организационном уровнях.

Однако вопрос мониторинга сети Интернет на сегодняшний день стоит достаточно остро, так как недостаточно регламентирован, а в некоторых субъектах не регламентирован вовсе порядок работы по организации мониторинга интернет-пространства, не определены подразделения, ответственные за проведения данного мероприятия[2].

Региональный опыт показывает высокую эффективность практик, основанных на межведомственном и гражданском партнерстве. Примеры таких моделей – сотрудничество МВД и администрации ВКонтакте, работа Центра противодействия экстремизму.

Острая потребность в унификации и правовой регламентации мониторинга ощущается на уровне субъектов Российской Федерации. В ряде регионов отсутствуют утвержденные порядки мониторинга, специализированные подразделения и стандартизированные методики выявления деструктивного контента.

Таким образом, мы пришли к следующим выводам.

1. Мониторинг информационно-телекоммуникационной сети Интернет является самостоятельным направлением административной деятельности полиции, выполняющим информационно-аналитическую и превентивную функции.

2. Мониторинг представляет собой системную деятельность, включающую совокупность субъектов, целей, задач и процедур реализации.

3. Эффективная реализация мониторинга невозможна без сочетания трех компонентов: нормативного правового регулирования; специализированного программного обеспечения; профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел (в области OSINT, киберпсихологии, цифровой криминалистики).

4. Действующая практика мониторинга характеризуется наличием существенных правовых и организационных проблем, требующих дальнейшего совершенствования.

5. Для развития данного направления работы необходимо совершенствование технологий мониторинга; разработка унифицированных методик оценки деструктивного контента; создание комплексных программ профилактики негативных информационных воздействий; развитие системы подготовки специалистов в области информационной безопасности.

Реализация предложенных рекомендаций будет способствовать повышению эффективности противодействия деструктивным молодежным субкультурам, защите психического здоровья и нравственного развития молодого поколения, обеспечению информационной безопасности личности, общества и государства.

---

1. Бачило И. Л. Глобальная информатизация – формирование новой среды правового регулирования // Право и информатизация общества. 2002. № 2002. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/globalnaya-informatizatsiya-formirovanie-novoy-sredy-pravovogo-regulirovaniya (дата обращения: 30.01.2026).

[1] Информационное письмо УМВД России по г. Севастополю (исх. от 19.04.2024 № 1/4147).
[2] Информационное письмо ГУ МВД России по Воронежской области (исх. от 06.03.2024 № 43/474).

2. Треушников И. А., Виноградова А. А. Преступления террористической и экстремистской направленности в России на современном этапе // Вестник Прикамского социального института. 2024. № 1(97). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-terroristicheskoy-i-ekstremistskoy-napravlennosti-v-rossii-na-sovremennom-etape (дата обращения: 30.01.2026).
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Оникс, 2019. 1024 с.
4. Арифханова С. Н. Деструктивные способы воздействия на молодежную аудиторию в сети интернет: монография. Warsaw: RS Global Sp. Z O. O., 2021. 166 с.
5. Белоусов А. В. Угрозы сети Интернет для несовершеннолетних пользователей: психологический анализ и профилактика: монография. М.: Проспект, 2021. 80 с.
6. Корельский В. М., Перевалов В. Д. Теория государства и права: учебник. М.: Норма, 2021. 456 с.
7. Долгова С. И. Отдельные аспекты организации деятельности органов внутренних дел государств – участников СНГ по противодействию вовлечению несовершеннолетних в деструктивные группы в сети Интернет // Административное право и процесс. 2021. № 6. С. 68–73.
8. Иванов М. В. Актуальные проблемы профилактики криминальной субкультуры среди несовершеннолетних // Актуальные вопросы совершенствования деятельности подразделений органов внутренних дел. М., 2025. С. 143–149.

1. Bachilo I. L. Global`naya informatizaciya – formirovanie novoj sredy` pravovogo regulirovaniya // Pravo i informatizaciya obshhestva. 2002. № 2002. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/globalnaya-informatizatsiya-formirovanie-novoy-sredy-pravovogo-regulirovaniya (data obrashheniya: 30.01.2026).
2. Treushnikov I. A., Vinogradova A. A. Prestupleniya terroristicheskoj i e`kstremistskoj napravlennosti v Rossii na sovremennom e`tape // Vestnik Prikamskogo social`nogo instituta. 2024. № 1(97). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-terroristicheskoy-i-ekstremistskoy-napravlennosti-v-rossii-na-sovremennom-etape (data obrashheniya: 30.01.2026).
3. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka. M.: Oniks, 2019. 1024 s.
4. Arifxanova S. N. Destruktivny`e sposoby` vozdejstviya na molodezhnuyu auditoriyu v seti internet: monografiya. Warsaw: RS Global Sp. Z O. O., 2021. 166 s.
5. Belousov A. V. Ugrozy` seti Internet dlya nesovershennoletnix pol`zovatelej: psixologicheskij analiz i profilaktika: monografiya. M.: Prospekt, 2021. 80 s.
6. Korel`skij V. M., Perevalov V. D. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. M.: Norma, 2021. 456 s.
7. Dolgova S. I. Otdel`ny`e aspekty` organizacii deyatel`nosti organov vnutrennix del gosudarstv – uchastnikov SNG po protivodejstviyu vovlecheniyu nesovershennoletnix v destruktivny`e gruppy` v seti Internet // Administrativnoe pravo i process. 2021. № 6. S. 68–73.
8. Ivanov M. V. Aktual`ny`e problemy` profilaktiki kriminal`noj subkul`tury` sredi nesovershennoletnix // Aktual`ny`e voprosy` sovershenstvovaniya deyatel`nosti podrazdelenij organov vnutrennix del. M., 2025. S. 143–149.

Информация об авторе

Владислав Геннадьевич Жуков. Старший научный сотрудник 1 отдела НИЦ № 4. Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России.
121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, 25.

Information about the author

Vladislav G. Zhukov. Senior Researcher 1 department of NRI of the Ministry of Interior of the Russian Federation № 4.

All-Russian Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation.

121069, Russia, Moscow, Povarskaya Str., 25.

Статья поступила в редакцию 21.04.2026; одобрена после рецензирования 20.05.2026; принята к публикации 13.07.2026.

The article was received in the editorial office on 21.04.2026; approved after review on 20.05.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 342.951

РОЛЬ СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СИСТЕМ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Капустина Елена Геннадьевна
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

elenka.kapustina@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию интеллектуальных транспортных систем в обеспечении безопасности дорожного движения, которые позволят повысить уровень его безопасности. Обращается внимание на механизмы внедрения новейших транспортных систем. Отмечается, что возможности использования разнообразных современных технических средств снизят деликтность нарушений и повысят уровень защищенности участников дорожного движения, а следовательно, обеспечат качественный пропускной поток транспортных средств, уменьшив нагрузку на дорожную инфраструктуру и устранив заторы и пробки. В завершение работы формулируется вывод, что качественные изменения в интеграции интеллектуальных транспортных систем упорядочат общественные отношения в сфере безопасности дорожного движения и позволят выстроить четкий механизм выявления, предупреждения, фиксации дорожно-транспортных происшествий и снижения тяжести их последствий.

Ключевые слова: интеллектуальные транспортные системы, безопасность дорожного движения, цифровизация процессов, дорожно-транспортные происшествия, автоматизированный мониторинг, дорожная инфраструктура.

Для цитирования: Капустина Е. Г. Роль современных интеллектуальных транспортных систем в обеспечении безопасности дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 114–121.

THE ROLE OF MODERN INTELLIGENT TRANSPORTATION SYSTEMS IN ENSURING ROAD SAFETY

Elena G. Kapustina
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

elenka.kapustina@rambler.ru

Annotation. The article is devoted to the study of intelligent transportation systems in ensuring road safety, which will allow to increase the level of safety in traffic. Attention is paid to the mechanisms of implementation of the latest transport systems. It is noted that the use of various modern technical means will reduce the severity of violations and increase the level of protection for road users, which will ensure a high-quality flow of vehicles, reduce the load on road infrastructure, and eliminate traffic jams and congestion. In conclusion, it is stated that the integration of intelligent transport systems will improve public relations in the field of road safety and create a clear mechanism for identifying, preventing, and recording traffic accidents.

Keywords: intelligent transportation systems, road safety, digitalization of processes, traffic accidents, automated monitoring, road infrastructure.

For citation: Kapustina E. G. The Role of Modern Intelligent Transportation Systems in Ensuring Road Safety // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 2(107). P. 114–121.

Современное развитие транспортной сферы демонстрирует беспрецедентный рост сложности дорожной среды, обусловленный стремительным увеличением транспортной мобильности населения, расширением автомобильного парка, ростом нагрузки на улично-дорожную сеть, обновлением водителей. Автомобильный транспорт стал ключевым элементом социальной, экономической и технологической инфраструктуры, однако его интенсивное использование неизбежно ведет к обострению проблемы безопасности дорожного движения.

В 2025 году в России было зарегистрировано 128 тыс. дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) (-3,1 % за аналогичный период прошлого года (АППГ)), в которых 158 тыс. человек получили ранения, 13,9 тыс. погибли[1]. Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что «…удалось хоть и незначительно, но улучшить ситуацию с безопасностью на дорогах с детским дорожно-транспортным травматизмом. И здесь следует отметить большую совместную работу сотрудников Госавтоинспекции, региональных и муниципальных властей, представителей автодорожного и транспортного хозяйств, строительного комплекса»[2]. Сегодня приоритет государственной политики заключается в защите жизни и здоровья участников дорожного движения.

В этих условиях особую значимость приобретает внедрение интеллектуальных транспортных технологий, рассматриваемых сегодня как стратегический инструмент модернизации транспортной отрасли. Интеллектуальные транспортные системы трансформируют традиционные подходы к управлению дорожным движением, обеспечивая возможность автоматизированного мониторинга, анализа данных в режиме реального времени, прогнозирования транспортных ситуаций, моделирования дорожных рисков, интеграции транспортной инфраструктуры в цифровую среду и создания высокоточного механизма контроля за соблюдением правил дорожного движения [1, с. 4].

Такие технологии позволяют формировать комплексную интеллектуальную транспортную среду, где взаимодействие человека, транспортного средства и инфраструктуры организовано с применением алгоритмов искусственного интеллекта, сенсорных систем, коммуникационных платформ и аналитических модулей.

Актуальность вопроса также усиливается курсом государства на технологическое развитие транспортной системы, что отражено в Концепции безопасной эксплуатации беспилотного транспорта[3], национальном проекте «Безопасные качественные дороги»[4] и нормативных актах, направленных на цифровизацию дорожного контроля. Особое значение имеет новая Стратегия повышения безопасности дорожного движения на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации

[1] Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения. URL: http://stat.gibdd.ru (дата обращения: 02.03.2026).

[2] Путин о задачах сотрудников ГАИ: это не только «ловля» на дорогах. URL: https://m.business-gazeta.ru/news/620235?ysclid=mioyb129js90206396 (дата обращения: 02.03.2026).

[3] Об утверждении Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 25 марта 2020 г. № 724-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Паспорт национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги»: утв. президиумом Совета при Президенте Рос. Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 15. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

№ 841[1], определяющая приоритет внедрения технических, технологических и инфраструктурных решений в том числе за счет снижения человеческого фактора как одного из принципов реализации государственной политики в области обеспечения безопасности дорожного движения и повсеместного внедрения передовых технологий, информатизации и цифровизации, развития и совершенствования системы фотовидеофиксации в качестве одного из ключевых направлений деятельности по повышению эффективности управления в области дорожного движения.

Современное состояние системы обеспечения безопасности дорожного движения в Российской Федерации характеризуется сложной структурой вызовов, в основе которых лежит стремительный рост транспортной мобильности, увеличение интенсивности транспортных потоков, изменение характера городской и пригородной застройки, существенное расширение автомобильного парка и переход к новым технологическим форматам управления дорожной инфраструктурой [2, с. 381]. Дорожная среда сегодня представляет собой высокодинамичную систему, где взаимодействуют транспортные средства, пешеходы, цифровые системы управления, элементы улично-дорожной инфраструктуры и комплекс организационно-правовых механизмов, обеспечивающих функционирование дорожного движения [3, с. 122]. Именно поэтому безопасность дорожного движения перестает быть исключительно технической задачей – она превращается в универсальную межинституциональную область, включающую правовое регулирование, стандарты технической готовности, интеллектуальные транспортные технологии, совершенствование навыков участников дорожного движения, медицинское обеспечение, экологические параметры и организационные методы управления.

За последние годы государственная политика в сфере снижения дорожного травматизма существенно изменилась и стала ориентироваться на внедрение цифровых технологий, систем мониторинга и интеллектуального управления транспортными потоками. Важным этапом развития стала ориентация на снижение роли человеческого фактора как ключевой причины дорожно-транспортных происшествий. Статистика стабильно показывает, что именно человеческие ошибки – невнимательность, нарушение правил, превышение скорости, управление транспортом в состоянии утомления или стресса – составляют львиную долю всех аварийных ситуаций.

В последние годы дорожная отрасль Российской Федерации активно внедряет инновационные технологии, направленные на повышение качества и безопасности транспортной инфраструктуры. Одним из ключевых направлений развития является цифровизация процессов проектирования, строительства и эксплуатации дорог. В рамках национального проекта «Безопасные качественные дороги»[2], рассчитанного до 2030 года, особое внимание уделяется внедрению интеллектуальных транспортных систем (далее – ИТС), которые позволяют оптимизировать управление дорожным движением и снизить аварийность. Глобальная цель ИТС заключается в мониторинге ситуации на дорогах городов, населенных пунктов и агломераций, улучшение экологии и безопасности, транспортных затрат и многое другое [4, с. 63]. Основными составляющими ИТС являются камеры видеонаблюдения, электронные средства фиксации правонарушений, таблоиды, технические устройства, средства оплаты сервисных услуг, умные светофоры, системы дистанционного управления потоками движения, освеще-

[1] Об утверждении Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Рос. Федерации от 14 ноября 2025 г. № 841. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[2] Об утверждении Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 25 марта 2020 г. № 724-р. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

ния, предотвращения пробок и заторов, что позволит снизить время нахождения в пути, вредные выбросы в атмосферу и количество ДТП.

Немаловажную роль играет процесс восприятия интеллектуальных транспортных систем, организация и обслуживание их функционирования. Успешное внедрение ИТС требует эффективного взаимодействия заинтересованных субъектов (рис. 1).

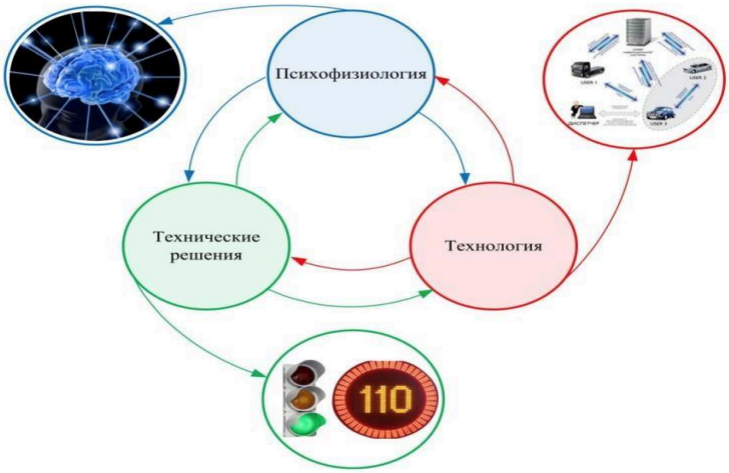

Рис. 1. Структура взаимодействия субъектов ИТС

Следует выделить несколько групп стейкхолдеров: это институты государственной власти (Минтранс, МВД России), такси, каршеринговые компании; транспортные операторы; разработчики и поставщики; пользователи (водители, пассажиры, пешеходы), где ключевую роль играет единый цент управления ИТС [5. с. 730].

На начальных этапах разработки и создания локальных проектов интеллектуальных транспортных систем наиболее важной задачей для обеспечения эффективного функционирования программы в течение всего жизненного цикла является точная оценка ожидаемой результативности, а также тщательный анализ капитальных и эксплуатационных затрат. Наиболее распространенный метод принятия решения заказчиком при разработке локального проекта интеллектуальных транспортных систем основывается на выборе проекта, который демонстрирует максимальную эффективность при минимальных затратах. Однако при рассмотрении опыта внедрения и эксплуатации ИТС в условиях быстро меняющейся технологической среды принятие решения на основе прежних решений и стандартных технических подходов часто приводит к созданию устаревающей системы, которая впоследствии оказывается непригодной для модернизации и дальнейшего развития [6, с. 36].

Оптимальный выбор заказчиком локального проекта ИТС, основанный на прогнозируемой эффективности и возможных изменениях влияния системы, а также учитывающий необходимость в будущих улучшениях и развитии рынка услуг, позволяет сформировать соответствующую финансовую и техническую стратегию в данной области.

Формирование матрицы индикаторов результативности, функциональной и физической архитектур для рассматриваемого локального проекта интеллектуальной транспортной системы должно выполняться последовательно. Правильно структурированная матрица показателей результативности позволяет наладить четкое взаимодействие между целями заказчика и условиями создания ИТС. Используя такую индивидуальную матрицу индикаторов, можно разработать условия для создания функциональной дорожной системы. В процессе разработки функциональной системы учитываются возможные режимы управления (стандартный, ситуационный и оперативный), зона влияния и требования к интеллектуальным системам.

Внедрение комплекса интеллектуальных транспортных систем требует глубокого понимания существующих технологических и технических решений в информационно-телекоммуникационной области. При этом интеллектуальные транспортные системы должны быть тесно связаны между собой и соответствовать принципу законности и защиты прав и свобод личности.

Вместе с тем внедрение ИТС влечет за собой ряд проблемных вопросов, например высокие финансовые вложения, которые могут позволить себе далеко не все субъекты Российской Федерации, а также существующая, подчас устаревшая инфраструктура в малых городах и в большинстве населенных пунктов, что затрудняет введение в эксплуатацию обновленного цифрового оборудования. Не стоит забывать и об отсутствии интернета, о случающихся технических сбоях систем в сложившихся реалиях, об отсутствии квалифицированных кадров по установке, ремонту и обслуживанию таких систем в регионах и муниципалитетах, которые смогут управлять инновационными технологиями.

Не менее важный вопрос касается конфиденциальности информации и утечки персональных данных участников дорожного движения, их перемещения, нахождения и мест наибольшей концентрации в определенные временные промежутки, часы-пик.

И заказчик, и пользователь ИТС участвуют в определении области влияния создаваемого проекта, что является важным этапом для принятия окончательного решения о внедрении системы. Заказчик устанавливает целевую и финансовую стратегию для проекта, тогда как пользователи ИТС формируют требования к технологической базе, поскольку именно они непосредственно взаимодействуют с управляющими параметрами, опираясь на свои цели и потребности. Для заказчика решающим фактором выступает максимальный эффект от внедрения системы, при этом не менее значимой является оценка стоимости (как капитальных, так и эксплуатационных затрат) на протяжении всего жизненного цикла ИТС [7, с. 118].

Структура ИТС, влияющая на оценку их эффективности, может быть разделена на три основных взаимосвязанных уровня. Первый уровень – это психофизиология, где оценивается влияние управляющих параметров на пользователей и их выполнение. Второй уровень связан с технологией, которая включает методы и способы получения, обработки данных и взаимодействия подсистем. Третий уровень относится к техническим решениям, представляющим собой средства выполнения задач на технологическом уровне.

Психофизиологический уровень пользователей разделяет восприятие информации на внешнее и внутреннее, при этом информация воспринимается через сенсорные каналы (зрение, слух, кинестетика) [8, с. 139]. Внешнее информирование связано с дорожной инфраструктурой и условиями движения, тогда как внутреннее информирование происходит через устройства внутри транспортного средства, играя вспомогательную роль.

Таким образом, эффективное внедрение локальных проектов интеллектуальных транспортных систем требует комплексного подхода, учитывающего не только текущие требования законодательства и реальности, но и долгосрочную возможность модернизации и адаптации к изменениям в технологической и социальной среде.

В то же время развитие интеллектуальных транспортных систем и внедрение элементов автономного управления открывают принципиально новый уровень предотвращения ДТП и снижения тяжести последствий. Как отмечают специалисты в области транспортной цифровизации, автоматизированные системы управления способны устранить значительную часть рисков за счет точного алгоритмического анализа дорожной обстановки, высокой скорости реакции и отсутствия эмоциональных и поведенческих отклонений, свойственных водителям.

Помимо технологических факторов, важной составляющей системы обеспечения безопасности дорожного движения остается организационный аспект. Он включает совершенствование работы Госавтоинспекции, развитие инфраструктурных объектов – особенно освещения, дорожной разметки, безопасности пешеходных переходов, модернизации дорожного покрытия, а также совершенствование медицинского и спасательного реагирования. Исследования показывают, что скорость прибытия аварийных служб находится в прямой зависимости от уровня смертности при ДТП, а наличие автоматизированных систем передачи сигнала о происшествии позволяет значительно сократить время прибытия и оказания помощи на месте. В этих условиях внедрение интеллектуальных транспортных систем становится возможностью создать не только превентивный механизм безопасности, но и оперативный – сокращающий время реагирования на аварийные ситуации.

Перспективы развития системы обеспечения безопасности дорожного движения нельзя рассматривать без учета мирового опыта, где используют технологии пятого поколения, наиболее успешные примеры в Индонезии, Китае, Испании, однако в России, приходится констатировать, только переходят с третьего на четвертый уровень ИТС [9, с. 127]. В крупных зарубежных мегаполисах создаются комплексные системы «умной мобильности», в которых используется синхронизированное управление трафиком, автоматическое выявление нарушений, интеллектуальное моделирование транспортных потоков, адаптивные прогнозные алгоритмы и комплексный анализ риск-факторов [10, с. 541]. Эти технологии постепенно становятся примером для заимствования и внедрения отдельных элементов подобной инфраструктуры в крупных городах Российской Федерации.

Таким образом, современная система обеспечения безопасности дорожного движения представляет собой сложную интегрированную структуру, в которой сочетаются правовые, организационные, транспортные, цифровые и социальные механизмы. Перспективы снижения дорожного травматизма напрямую связаны с развитием интеллектуальных транспортных систем, совершенствованием нормативной базы, формированием единой сети обмена данными между транспортными средствами и дорожной инфраструктурой, расширением использования автоматизированных средств контроля и постепенным внедрением инновационных технологий [11, с. 246]. В ближайшие десятилетия можно ожидать качественного изменения структуры дорожной безопасности, в центре которой будет находиться интеллектуальная транспортная среда, обеспечивающая предсказуемость, устойчивость и безопасность дорожного движения и существенно уменьшающая роль человеческого фактора как источника опасности. Высокий уровень автоматизации интеллектуальных транспортных систем дает возможность развития дорожной инфраструктуры, улучшения качества дорожного потока и достижения желаемых результатов по снижению количества лиц, погибших и пострадавших в дорожно-транспортных происшествиях.

---

1. Федюкин Ю. Внедрение интеллектуальных транспортных систем – ключевое направление технологического развития дорожного строительства // Автомобильные дороги. 2022. № 9(1090). С. 4–8.
2. Косачев В. В. Интеллектуальные системы безопасности для дорожного движения // Научный поиск курсантов. 2024. С. 381–382.
3. Давыдов М. В. Законодательные аспекты совершенствования профилактической работы в области безопасности дорожного движения // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования: сборник материалов XVIII Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Орел, 2024. С. 121–125.

4. Федотов А. Б. Формирование интеллектуальной транспортно-логистической системы материального обеспечения войск (сил) на основе применения автоматизированных транспортных систем // Стратегическая стабильность. 2025. № 1(110). С. 62–65.
5. Кузнецов С. А., Николаев В. А. Организационно-технические аспекты внедрения интеллектуальных транспортных систем в городских агломерациях // Экономика и управление. 2025. Т. 31. № 6. С. 728–737.
6. Анохов И. В., Торопов Н. Ю. Оценка эффективности сложных технических систем на примере интеллектуальных транспортных систем // Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. 2024. № 3(41). С. 34–52.
7. Ефанов Д. В., Михайлюта Е. М. Пашуков А. В. Технологические основы информационного сопряжения систем мониторинга искусственных сооружений автомобильных дорог с интеллектуальными транспортными системами // Мир транспорта. 2023. № 5(108). С. 116–125.
8. Гантимурова Ю. О. Применение системы интеллектуальной адаптации скорости для повышения безопасности дорожного движения // Современные технологии и научно-технический прогресс. 2025. № 12. С. 139–140.
9. Клюшин А. Ю. Способ совершенствования системы управления безопасностью дорожного движения с внедрением интеллектуальных транспортных систем // В сборнике: Транспорт. Экономика. Социальная сфера (Актуальные проблемы и их решения). Сборник статей XII Международной научно-практической конференции. Пенза, 2025. С. 126–129.
10. Баранов Л. А., Сидоренко В. Г., Логинова Л. Н. Подходы к моделированию пассажиропотоков в рамках функционирования интеллектуальной системы управления городскими рельсовыми транспортными системами // Автоматика на транспорте. № 4. 2021. С. 539–564.
11. Селезнева А. С. Организационно-правовые проблемы интеграции интеллектуальной транспортной системы в городскую систему жизнедеятельности // Проблемы экономики и юридической практики. № 5. 2021. С. 243–247.

1. Fedyukin Yu. Vnedrenie intellektual`ny`x transportny`x sistem – klyuchevoe napravlenie texnologicheskogo razvitiya dorozhnogo stroitel`stva // Avtomobil`ny`e dorogi. 2022. № 9(1090). S. 4–8.
2. Kosachev V. V. Intellektual`ny`e sistemy` bezopasnosti dlya dorozhnogo dvizheniya // Nauchny`j poisk kursantov. 2024. S. 381–382.
3. Davy`dov M. V. Zakonodatel`ny`e aspekty` sovershenstvovaniya profilakticheskoj raboty` v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Upravlenie deyatel`nost`yu po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: sostoyanie, problemy`, puti sovershenstvovaniya: sbornik materialov XVIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. V 2-x chastyax. Oryol, 2024. S. 121–125.
4. Fedotov A. B. Formirovanie intellektual`noj transportno-logisticheskoj sistemy` material`nogo obespecheniya vojsk (sil) na osnove primeneniya avtomatizirovanny`x transportny`x sistem // Strategicheskaya stabil`nost`. 2025. № 1(110). S. 62–65.
5. Kuzneczov S. A., Nikolaev V. A. Organizacionno-texnicheskie aspekty` vnedreniya intellektual`ny`x transportny`x sistem v gorodskix aglomeraciyax // E`konomika i upravlenie. 2025. T. 31. № 6. S. 728–737.
6. Anoxov I. V., Toropov N. Yu. Ocenka e`ffektivnosti slozhny`x texnicheskix sistem na primere intellektual`ny`x transportny`x sistem // Avtomobil`. Doroga. Infrastruktura. 2024. № 3(41). S. 34–52.
7. Efanov D. V., Mixajlyuta E. M. Pashukov A. V. Texnologicheskie osnovy` informacionnogo sopryazheniya sistem monitoringa iskusstvenny`x sooruzhenij

avtomobil`ny`x dorog s intellektual`ny`mi transportny`mi sistemami // Mir transporta. 2023. № 5(108). S. 116–125.
8. Gantimurova Yu. O. Primenenie sistemy` intellektual`noj adaptacii skorosti dlya povy`sheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Sovremenny`e texnologii i nauchno-texnicheskij progress. 2025. № 12. S. 139–140.
9. Klyushin A. Yu. Sposob sovershenstvovaniya sistemy` upravleniya bezopasnost`yu dorozhnogo dvizheniya s vnedreniem intellektual`ny`x transportny`x sistem // V sbornike: Transport. E`konomika. Social`naya sfera (Aktual`ny`e problemy` i ix resheniya). Sbornik statej XII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Penza, 2025. S. 126–129.
10. Baranov L. A., Sidorenko V. G., Loginova L. N. Podxody` k modelirovaniyu passazhiropotokov v ramkax funkcionirovaniya intellektual`noj sistemy` upravleniya gorodskimi rel`sovy`mi transportny`mi sistemami // Avtomatika na transporte. № 4. 2021. S. 539–564.
11. Selezneva A. S. Organizacionno-pravovy`e problemy` integracii intellektual`noj transportnoj sistemy` v gorodskuyu sistemu zhiznedeyatel`nosti // Problemy` e`konomiki i yuridicheskoj praktiki. № 5. 2021. S. 243–247.

Информация об авторе

Елена Геннадьевна Капустина. Доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД, кандидат педагогических наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Elena G. Kapustina. Assistant Professor of the Chair of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies, Candidate of Sciences (Pedagogics), Associate Professor.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 20.03.2026; одобрена после рецензирования 20.05.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was received in the editorial office on 20.03.2026; approved after review on 20.05.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 342.9

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПОЗИТИВНЫХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРОЦЕДУР, РЕАЛИЗУЕМЫХ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Карнаухова Юлия Александровна
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

karnauhova.2000@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается цифровизация позитивных административных процедур, осуществляемых органами внутренних дел Российской Федерации, как один из ключевых факторов эффективности управления и общественной безопасности. Анализируется электронный документооборот, системы межведомственного электронного взаимодействия и цифровые профили, их влияние на прозрачность и скорость решений. Отмечаются пробелы нормативного регулирования искусственного интеллекта и больших данных, риски вмешательства в частную жизнь. Подчеркиваются требования к кадровым компетенциям и кибербезопасности, необходимость унифицированной правовой базы межведомственного обмена.

Ключевые слова: цифровизация, органы внутренних дел, управление, искусственный интеллект, кибербезопасность, кадры.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя – Первого заместителя начальника Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктора юридических наук, профессора генерал-майора полиции Зиборова О. В.

Для цитирования: Карнаухова Ю. А. Цифровизация позитивных административных процедур, реализуемых органами внутренних дел Российской Федерации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 122–129.

DIGITALIZATION OF POSITIVE ADMINISTRATIVE PROCEDURES IMPLEMENTED BY THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Yulia A. Karnaukhova
Moscow Order of Honor University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. Y. Kikot., Moscow, Russia

karnauhova.2000@inbox.ru

Annotation. The article examines the digitalization of positive administrative procedures in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation as a key factor in the effectiveness of management and public safety. Electronic document management, interdepartmental electronic interaction systems, and digital profiles, as well as their impact on transparency and decision-making speed, are analyzed. Gaps in the regulatory framework for artificial intelligence and big data, as well as risks of privacy interference, are noted. The requirements for personnel competencies and cybersecurity,

as well as the need for a unified legal framework for interdepartmental exchange, are emphasized.

Keywords: digitalization, internal affairs agencies, management, artificial intelligence, cybersecurity, personnel.

Gratitude: The work was carried out with the support of the supervisor – First Deputy Chief of the Moscow Order of Honor University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. Y. Kikot., Doctor of Sciences (Law), Professor, Major General of Police Ziborov O. V.

For citation: Karnaukhova Y. A. Digitalization of positive administrative procedures implemented by the internal affairs bodies of the Russian Federation // Scientific Bulletin of the V. V. Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 2(107). P. 122–129.

Цифровизация в сфере государственного управления превратилась из адаптивной реакции на внешние изменения в фундаментальное требование. Подтверждение данного положения можно найти в нормативно-правовых актах, в частности, цифровизация в органах внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД) соответствует стратегическим задачам, обозначенным в Указе Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»[1], подчеркивая необходимость цифровой трансформации государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы, повышающего качество жизни граждан через технологические решения. В деятельности ОВД процесс цифровизации имеет важное значение в контексте реализации позитивных административных процедур, осуществляемых ОВД, где процедурная эффективность, точность, скорость принятия решений и системная прозрачность трансформируются из абстрактных оценочных категорий в конкретные нормативно-управленческие императивы.

Исследуя цифровизацию позитивных административных процедур, осуществляемых ОВД, важно понимать, что административная процедура – это регламентированный правовыми нормами порядок, последовательность совершения тех или иных действий, принятия решений органами исполнительной власти, их должностными лицами, иными субъектами административного права в целях реализации их прав и обязанностей, а также осуществления управленческих функций [1, с. 7].

Как отмечает К. В. Давыдов, именно институт административных процедур должен стать «точкой сборки» модернизированного российского административного права (шире – всего публичного права России), которое получит адекватные инструменты реагирования на кризисы и вызовы XXI века (включая проблему регламентации административного усмотрения, преодоления правовой неопределенности, повышения эффективности государственного управления и одновременно защиты прав граждан) [2, с. 439].

В связи с чем необходимо отметить, что современные угрозы и структурные осложнения, такие как рост информационных потоков, необходимость в четкой межведомственной координации и распространение киберпреступности в цифровой сфере, существенно изменили функциональные требования ОВД, которые стали стимулятором официального определения приоритетности цифровизации ОВД в рамках национальной политики управления, направленной на повышение стратегической гибкости,

[1] О национальных целях развития Рос. Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Рос. Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 20, ст. 2584.

функциональной совместимости и подотчетности учреждений общественной безопасности.

Одной из стратегических целей, заложенных в эти рамки, является создание единой цифровой платформы для ОВД. Это включает в себя объединение совместимых баз данных, введение в действие защищенных цифровых платформ для межведомственного обмена данными и систематическое применение алгоритмических инструментов при предоставлении государственных услуг, мониторинге и правоприменительной деятельности. Особое внимание уделяется сокращению задержек в циклах принятия решений, повышению отслеживаемости действий ОВД и расширению возможностей прогнозирования с помощью аналитики, основанной на данных.

Более того, переход к цифровой интеграции в ОВД не ограничивается технологической модернизацией, влекущей за собой структурную перестройку административных процессов, моделей распределения ресурсов и компетенций персонала. Значимой целью этих преобразований является формирование проактивной цифровой модели, в которой ОВД функционируют не как совокупность изолированных подразделений, а как взаимосвязанные элементы единой адаптивной системы управления.

Важно отметить, что цифровая трансформация ОВД – это не второстепенная инициатива, а системная перестройка управления государственным сектором в ответ на многомерные вызовы цифровой эры. Ее успех зависит от объединения законодательной поддержки, технологической инфраструктуры, межведомственной координации и институциональной адаптации, которые функционируют в рамках единой, безопасной и прозрачной цифровой структуры.

Одним из основных направлений цифровизации позитивных административных процедур, осуществляемых ОВД, является системный переход на электронный документооборот и создание полностью интегрированных цифровых каналов связи между внутренними подразделениями, а также внешними субъектами, такими как частные организации и отдельные граждане. Центральное место в этом обновлении инфраструктуры занимает оперативное внедрение Единой системы межведомственного электронного взаимодействия – платформы, которая обеспечивает автоматизированный обмен данными, процессуальное управление судебными апелляциями и структурированный надзор за административными функциями и расследованиями [3, с. 113]. Внедрение подобной системы позволяет сократить временные затраты по осуществлению позитивных административных процедур, реализовать принцип «единого окна», а также минимизировать вероятность утери данных при реализации позитивных административных процедур ОВД.

Одновременно активно разрабатывается внедрение цифровых профилей – стандартизированных структурированных хранилищ, объединяющих юридически значимую информацию о физических и юридических лицах. Подобные цифровые конструкции оптимизируют процедурную пропускную способность, сокращают задержки при принятии административных решений. Кроме того, внедрение отслеживаемости и подотчетности в системные рабочие процессы позволяет усилить противодействие коррупции и иным злоупотреблениям служебным положением. В настоящее время примером актуальности разработки и внедрения цифровых профилей служит в соответствии с Указом Президента РФ от 09.07.2025 № 467 «О государственном информационном ресурсе «Цифровой профиль иностранного гражданина»[1] создание Министерством внутренних дел Российской Федерации «Цифрового профиля иностранного гражданина».

[1] О государственном информационном ресурсе «Цифровой профиль иностранного гражданина»: Указ Президента Рос. Федерации от 9 июля 2025 г. № 467 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 28, ст. 4512.

Однако, несмотря на эти ощутимые достижения, ОВД по-прежнему сталкиваются с существенными трудностями при функциональном внедрении передовых цифровых систем. Существенный недостаток заключается в отсутствии согласованной терминологической базы, соответствующей международно признанным стандартам. Ключевые технологические понятия (искусственный интеллект, большие данные и др.) характеризуются противоречивым нормативным закреплением, а зачастую применяются в правовом поле без предварительного законодательного определения. Эта лексическая несогласованность порождает двусмысленность в толковании, которая, в свою очередь, способствует фрагментации законодательства и препятствует обеспечению соблюдения протоколов цифрового управления [4, с. 440].

Более того, сохраняются явные законодательные пробелы в отношении правового регулирования цифровых технологий, особенно в контексте операционных инструментов с поддержкой искусственного интеллекта. Хотя такие варианты использования, как алгоритмическое наблюдение, прогнозирующее моделирование угроз, судебно-медицинская аналитика и биометрическая идентификация, находятся на стадии предварительного рассмотрения, в настоящее время не существует всеобъемлющих правовых механизмов, обеспечивающих соответствие конституционным нормам, особенно тем, которые касаются защиты данных, неприкосновенности частной жизни и соразмерности государственного вмешательства. Подобное законодательное отставание представляет значительные риски как с точки зрения соблюдения законодательства, так и с точки зрения потенциальных нарушений гражданских прав и свобод.

Разработка правовых рамок, регулирующих цифровизацию позитивных административных процедур, реализуемых ОВД, должна быть скорректирована таким образом, чтобы отражать специфику работы, присущую именно их правовому статусу и компетенции. Подобное включает в себя систему процессуальных норм уголовного и административного права, а также соблюдение строгих протоколов информационной безопасности. Законодательная база должна исключать некритическое распространение автоматизированных процессов принятия решений, особенно в тех случаях, когда такие механизмы способны налагать ограничения на защищаемые Конституцией РФ права и свободы. Алгоритмическое управление в случае его внедрения должно быть подчинено строгим протоколам внешней проверки, включая положения о независимой проверке и доступных механизмах обжалования. При отсутствии такого контроля возникает реальная угроза как системного сбоя, так и институционализации управляемого алгоритмами произвола под видом процедурной легитимности [5, с. 119].

Помимо законодательной и процедурной корректировки, эффективность цифровизации позитивных административных процедур, осуществляемых ОВД, в решающей степени зависит от повышения квалификации персонала. В условиях интенсивной технологической интеграции сотрудники ОВД должны обладать не только фундаментальными юридическими знаниями, но и многогранными цифровыми компетенциями. К ним относятся: функциональная грамотность в области информационных технологий, понимание алгоритмической логики в средах обработки данных и ситуационная осведомленность. С конца 2023 года акцент в деятельности киберволонтеров был смещен в сторону активного размещения позитивного контента, направленного на каналы молодежи, формирующего альтернативные ценностные ориентиры в условиях угроз в киберпространстве. Соответственно, важным вектором остаются реформы в системе образования и профессиональной подготовки сотрудников ОВД. Необходимо осуществлять своевременную корректировку существующих и создание новых учебных программ, предполагающих внедрение прикладных модулей по кибербезопасности, цифровой криминалистике, а также правовому регулированию информационных систем.

Не менее важным является устранение уязвимостей в области кибербезопасности в условиях интенсивного развертывания цифровизации позитивных административных процедур, осуществляемых ОВД. Распространение коммуникационных интерфейсов и распределенных сред передачи данных приводит к пропорциональному увеличению риска несанкционированного доступа, утечки данных и системной компрометации. В ответ на это необходимо институционализировать кодифицированный режим технических гарантий, включающий обязательное использование сертифицированных отечественных программных платформ, развертывание надежных систем криптографической защиты и интеграцию механизмов обнаружения угроз в режиме реального времени. Непрерывный мониторинг информации об угрозах в сочетании с протоколами реагирования на инциденты, основанный на соблюдении нормативных требований, должен стать основой системы кибербезопасности.

Особое внимание регулирующих органов должно быть направлено на правовую кодификацию протоколов межведомственного обмена цифровыми данными при осуществлении ОВД позитивных административных процедур. Хотя в настоящее время существуют фрагментарные нормативные акты и подзаконные акты, значительная часть действующих механизмов по-прежнему находится на экспериментальном или предварительном этапе и функционирует без всестороннего юридического обоснования. Отсутствие стандартизированного законодательного акта, регулирующего цифровое взаимодействие между государственными учреждениями, увековечивает нормативную двусмысленность, препятствует процедурному единообразию и подвергает участников операций с данными абсолютному юридическому риску [6, с. 107].

Переход к цифровой модели государственного управления в системе ОВД представляет собой сложную в процедурном и структурном плане трансформацию. Этот процесс требует согласованных действий по нескольким направлениям: законодательной консолидации, последовательных и методологически выверенных концепций правоприменения, наращивания институционального потенциала и внедрения безопасных, совместимых технологий. Цифровое внедрение при осуществлении позитивных административных процедур не должно сводиться к простому средству бюрократического ускорения; напротив, оно должно быть строго выверено для соблюдения конституционных гарантий, соблюдения доктрины верховенства закона.

Таким образом, цифровизация позитивных административных процедур, осуществляемых ОВД, должна сочетать технологические инновации с правовыми гарантиями и контролируемостью алгоритмов. Приоритетом остаются права граждан, защита данных и прозрачность процедур. Комплексные изменения в законодательстве, подготовке кадров и защите инфраструктуры обеспечат устойчивое и доверительное развитие цифрового правопорядка.

В контексте правоохранительной деятельности цифровизация позитивных административных процедур, осуществляемых ОВД, приобретает особое значение. Административная процедура – это чрезвычайно важный элемент административного процесса, реализующегося в настоящее время в условиях российской действительности [7, с. 80]. Так, О. Ю. Разгон пишет, что «позитивные административные процедуры являются неотъемлемой частью административного процесса и занимают в нем особое место. Они определяют общий порядок деятельности органов управления, исходя из приоритета прав, свобод и законных интересов граждан» [8, с. 182].

Таким образом, их основное предназначение заключается в следующем:

1) легальное (законное) установление четкого и единообразного порядка совершения конкретных юридически значимых действий должностными лицами ОВД;

2) нормативное регулирование правонаделительной и правореализующей деятельности ОВД, направленной на удовлетворение законных интересов и реализацию прав граждан и организаций;

3) достижение легитимного и ожидаемого правового результата, который непосредственно связан с выполнением государственной функции по защите охраняемых законом ценностей, прав и свобод.

Перевод позитивных административных процедур, осуществляемых ОВД, в электронный формат укрепляет концепцию ОВД не только как силового, но и как сервисного органа, ориентированного на удовлетворение законных интересов граждан и организаций. Это меняет доктринальный взгляд на природу административных процедур, смещая акцент с властно-императивного на правонаделительный и сервисный характер. Подтверждение данного вывода можно проследить в процессе осуществления ОВД в условиях цифровизации таких позитивных административных процедур, как выдача справок о наличии (отсутствии) судимости, регистрационный учет, прием уведомлений о заключении трудовых договоров с иностранными гражданами, оформление паспортно-визовых документов, лицензионно-разрешительная деятельность.

Важно отметить, что позитивные административные процедуры, осуществляемые ОВД, характеризуются массовостью, высокой социальной значимостью и строгой формализованностью. В связи с этим их цифровизация преследует ряд взаимосвязанных целей:

– во-первых, перевод услуг в электронный формат снимает территориальные и временные детерминанты, позволяя инициировать и отслеживать процедуры дистанционно через Единый портал государственных услуг (ЕПГУ) и региональные интернет-сервисы;

– во-вторых, автоматизация простых операций (проверка данных, формирование документов, межведомственные запросы) сокращает сроки предоставления услуг и снижает степень субъективной детерминации административных процедур;

– в-третьих, создание единого цифрового следа каждой процедуры (от подачи заявления до выдачи результата) позволяет контролировать соблюдение регламентов, анализировать причины задержек и противодействовать коррупционным рискам;

– в-четвертых, интеграция информационных систем МВД с федеральными и региональными платформами (государственная автоматизированная система (ГАС) «Управление», Федеральной государственной информационной системы «Федеральный реестр государственных и муниципальных услуг (функций)», системы других ведомств) обеспечивает принцип «одного окна» и избавляет граждан от обязанности предоставлять документы, уже имеющиеся в базе данных.

Реализация обозначенных целей осуществляется через несколько ключевых направлений: создание и постоянное расширение функционала онлайн-заявлений на ЕПГУ и официальном сайте МВД России, введение электронной цифровой подписи для полноценного юридически значимого документооборота, внедрение ведомственных автоматизированных информационных систем (например, АИС «Паспорт», «Свод-мигрант», «Лицензионно-разрешительная работа»), которые обеспечивают сквозное прохождение процедуры внутри органа.

Значение цифровизации позитивных административных процедур, осуществляемых ОВД, носит системообразующий характер. Это не техническая модернизация, а глубокая институциональная реформа, затрагивающая правовые основы, управленческие практики, качество публичных услуг и взаимоотношения гражданина и государства. Успешная реализация этого процесса позволяет трансформировать ОВД в современный, открытый, технологичный и ориентированный на нужды людей институт, что является необходимым условием укрепления правопорядка и повышения доверия к власти в современной действительности. Ключевым вызовом остается обеспечение сбалансированности, при которой технологическая эффективность не будет достигаться в ущерб верховенству права, защите персональных данных и гарантиям прав человека.

Таким образом, можно констатировать, что цифровизация позитивных административных процедур, реализуемых ОВД, является необратимым и необходимым процессом, трансформирующим саму систему взаимодействия государства и общества в правоохранительной сфере. Из инструмента одностороннего властного воздействия ОВД эволюционируют в сторону гибкого правового регулирования и институциональной готовности самого ведомства к работе. Дальнейшее движение по этому пути видится в углубленной аналитической обработке данных для проактивного предоставления услуг, расширении использования искусственного интеллекта для поддержки принятия решений (с сохранением человеческого контроля) и создании единой платформы «умных» государственных услуг безопасности и правопорядка.

---

1. Ноздрачев А. Ф. Системная регламентация административной деятельности: отечественная доктрина и практика // Законодательство и экономика. 2011. № 8. С. 5–41.
2. Давыдов К. В. Административные процедуры – ключевой институт современного административного права России // Воронежская школа административного права: четверть века научного поиска (Юбилеи, конференции, форумы): Воронеж: Воронежский государственный университет, 2023. С. 439–461.
3. Добрынина Е. В., Новохватский А. М. Использование цифровых технологий при рассмотрении дел об административном правонарушении // Общество, право и ответственность в условиях цифровой экономики: Сборник материалов международной научно-практической конференции, Оренбург, 24–25 ноября 2022 года / Под редакцией Е. В. Мищенко, Т. В. Летуты. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2022. С. 113–121.
4. Курындин П. А. Цифровая трансформация административного судопроизводства: российский и зарубежный опыт // Научные труды. Российская академия юридических наук: Труды членов Российской академии юридических наук (РАЮН) и материалы XXIII Международной научно-практической конференции, Москва, 23–25 ноября 2022 года. М.: Издательская группа «Юрист», 2023. С. 439–442.
5. Соколов А. Ю. Правовая политика в области использования цифровых технологий в производстве по делам об административных правонарушениях // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 1(150). С. 118–124.
6. Курашова М. М. Цифровизация административно-процессуальной формы в Российской Федерации: анализ современного состояния // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2025. № 2(68). С. 106–111.
7. Курашова М. М. Анализ подходов к пониманию административно-правовой процедуры // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. 2024. № 6. С. 75–81.
8. Разгон О. Ю. Позитивные административные производства: понятие, признаки и место в системе административного процесса // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 1(54). С. 178–182.

1. Nozdrachev A. F. Sistemnaya reglamentaciya administrativnoj deyatel`nosti: otechestvennaya doktrina i praktika // Zakonodatel`stvo i e`konomika. 2011. № 8. S. 5–41.
2. Davy`dov K. V. Administrativny`e procedury` – klyuchevoj institut sovremennogo administrativnogo prava Rossii // Voronezhskaya shkola administrativnogo prava: chetvert` veka nauchnogo poiska (Yubilei, konferencii, forumy`): Voronezh: Voronezhskij gosudarstvenny`j universitet, 2023. S. 439–461.
3. Dobry`nina E. V., Novoxvatskij A. M. Ispol`zovanie cifrovy`x texnologij pri rassmotrenii del ob administrativnom pravonarushenii // Obshhestvo, pravo

i otvetstvennost` v usloviyax cifrovoj e`konomiki: Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Orenburg, 24–25 noyabrya 2022 goda / Pod redakciej E. V. Mishhenko, T. V. Letuty`. Orenburg: Orenburgskij gosudarstvenny`j universitet, 2022. S. 113–121.
4. Kury`ndin P. A. Cifrovaya transformaciya administrativnogo sudoproizvodstva: rossijskij i zarubezhny`j opy`t // Nauchny`e trudy`. Rossijskaya akademiya yuridicheskix nauk: Trudy` chlenov Rossijskoj akademii yuridicheskix nauk (RAYuN) i materialy` XXIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 23–25 noyabrya 2022 goda. M.: Izdatel`skaya gruppa «Yurist», 2023. S. 439–442.
5. Sokolov A. Yu. Pravovaya politika v oblasti ispol`zovaniya cifrovy`x texnologij v proizvodstve po delam ob administrativny`x pravonarusheniyax // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii. 2023. № 1(150). S. 118–124.
6. Kurashova M. M. Cifrovizaciya administrativno-processual`noj formy` v Rossijskoj Federacii: analiz sovremennogo sostoyaniya // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2025. № 2(68). S. 106–111.
7. Kurashova M. M. Analiz podxodov k ponimaniyu administrativno-pravovoj procedury` // Policiya i obshhestvo: problemy` i perspektivy` vzaimodejstviya. 2024. № 6. S. 75–81.
8. Razgon O. Yu. Pozitivny`e administrativny`e proizvodstva: ponyatie, priznaki i mesto v sisteme administrativnogo processa // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2024. № 1(54). S. 178–182.

Информация об авторе

Юлия Александровна Карнаухова. Адъюнкт.
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя.
117437, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Information about the author

Yulia A. Karnaukhova. A postgraduate student.
Moscow Order of Honor University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. Y. Kikot.
117437, Russia, Moscow, Academika Volgina Str., 12.

Статья поступила в редакцию 04.03.2026; одобрена после рецензирования 20.05.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was received in the editorial office on 04.03.2026; approved after review on 20.05.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 342.98

ПРИМЕНЕНИЕ СРЕДСТВ ОГРАНИЧЕНИЯ ПОДВИЖНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ РЕШЕНИЙ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ВЫДВОРЕНИИ, ДЕПОРТАЦИИ, РЕАДМИССИИ

Легоцкий Владимир Николаевич
Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, Брянск, Россия

vladimir02032@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются пробелы в законодательном регулировании применения сотрудниками полиции специальных средств ограничения подвижности (наручников) в ходе процедур административного выдворения, депортации и реадмиссии иностранных граждан и лиц без гражданства. Обосновывается необходимость внесения изменений в Федеральный закон «О полиции» в части наделения сотрудников полиции полномочиями по применению наручников в отношении выдворяемых или депортируемых иностранных граждан и лиц без гражданства в целях устранения правовой неопределенности и повышения эффективности деятельности органов внутренних дел.

Ключевые слова: полиция, специальные средства, средства ограничения подвижности (наручники), административное выдворение, депортация, реадмиссия, правовая регламентация, мера принуждения, иностранные граждане и лица без гражданства.

Для цитирования: Легоцкий В. Н. Применение средств ограничения подвижности в деятельности сотрудников органов внутренних дел: проблемы правового регулирования при исполнении решений об административном выдворении, депортации, реадмиссии // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 130–136.

THE USE OF MOBILITY RESTRICTIONS IN THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION IN EXECUTION OF DECISIONS ON ADMINISTRATIVE EXPULSION, DEPORTATION, READMISSION

Vladimir N. Legotsky
Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russia named after V. V. Lukyanov, Bryansk, Russia

vladimir02032@mail.ru

Annotation. The article analyzes the gaps in the legislative regulation of the use of special means of movement restriction by police officers during the procedures of administrative expulsion, deportation and readmission of foreign citizens and stateless persons. The article substantiates the need to amend the Federal Law «On the Police» in order to eliminate legal uncertainty and improve the efficiency of internal affairs bodies.

Keywords: police, special means, mobility restrictions (handcuffs), administrative expulsion, deportation, readmission, legal regulation, coercive measures, foreign citizens and stateless persons.

For citation: Legotsky V. N. The use of mobility restrictions in the activities of law enforcement officers: problems of legal regulation in execution of decisions on administrative expulsion, deportation, readmission // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2026. № 2(107). P. 130–136.

Федеральный закон РФ от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции») определяет правовые основы деятельности полиции в Российской Федерации. В соответствии со статьей 1 данного закона полиция предназначена в том числе для защиты прав и свобод человека и гражданина, противодействия преступности, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности[1]. Одной из сфер обеспечения правопорядка органов внутренних дел в современных условиях глобализации мирового пространства являются вопросы обеспечения миграционной безопасности и противодействия незаконной миграции.

Как отмечает К. А. Юшина, «степень миграционной опасности определяется исходя из количественных и качественных показателей противоправных проявлений миграционных процессов. Среди таких рисков можно выделить: рост межнациональных конфликтов, терроризм, экстремизм, коррупцию, общую социальную напряженность, военные конфликты, наркотизацию, криминализацию экономических отношений и др.»[2].

Полиция обладает широким кругом полномочий, связанных с миграционными процедурами: контроль и проверка документов, подтверждающих законность пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации, выявление нарушений миграционного законодательства; административно-юрисдикционные полномочия, включающие возбуждение административных дел, применение административного задержания и принятие решений о выдворении; а также обеспечение сопровождения и помещения иностранных граждан в специальные учреждения, исполнение мер по депортации в отношении иностранцев и лиц без гражданства.

Современное состояние и тенденции развития незаконной, противоправной миграции в Российской Федерации требуют выработки и принятия государственных мер противодействия ей, наличия эффективного механизма охраны общественных отношений в этой сфере [1, с. 17].

В связи с последними изменениями действующего законодательства[3] в части введения режима высылки для иностранных граждан сотрудники полиции наделены целым рядом полномочий, в том числе ст. 13 ФЗ «О полиции» дополнена п. 15.1 «полиция имеет право: доставлять иностранных граждан или лиц без гражданства, в отношении которых применяется режим высылки, то есть осуществлять их принудительное препровождение, в служебные помещения территориальных органов или подразделений полиции, в специальные учреждения либо в иные служебные помещения

[1] О полиции: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Юшина К. А. Миграционная политика России: этапы становления и современное состояние // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 136–143.

[3] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Рос. Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

в случаях, установленных пунктом 4 статьи 31.1 ФЗ РФ от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»[1].

Согласно п. 5 ст. 34 вышеуказанного закона, помещение в специальное учреждение иностранца, подвергнутого административному наказанию в виде принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, осуществляется федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел или его территориальными органами.

По меткому замечанию М. С. Игнашиной, «на этапах, связанных с перемещением мигрантов, подлежащих депортации, между различными организациями и учреждениями, а также при доставке их в пункты пропуска через Государственную границу Российской Федерации, высока вероятность побега иностранца от сопровождающих его полицейских, и как следствие – возникновение угрозы общественной безопасности, жизни и здоровью граждан» [2, с. 88].

В связи с чем важным элементом в выполнении задач полиции, связанных с препровождением в специальные помещения лиц, в отношении которых принято решение об административном выдворении, а также при исполнении решения о депортации, является применение мер государственного принуждения, регламентированных главой 5 ФЗ «О полиции», в частности специальных средств ограничения подвижности.

Как отмечают С. М. Струганов, А. Е. Мудрый, Э. Э. Кугно, «целесообразность использования средств ограничения подвижности обусловлена, во-первых, наличием угрозы совершения общественно опасных деяний задержанным лицом, во-вторых, возможным желанием скрыться от сотрудников, в-третьих, угрозой нападения на сотрудников или граждан, а также оказания сопротивления законным требованиям сотрудников полиции, в-четвертых, необходимостью оказания эмоционального воздействия на задержанное лицо для его психологического осознания сложившейся ситуации» [3, с. 37].

Наручники как вид специальных средств достаточно часто применяются в административной деятельности полиции. На вооружении МВД России наиболее распространенные на данный момент модели ручных браслетов БРС-1, БРС-2, БОС.

При рассмотрении эффективности правоприменительной деятельности справедливым представляется мнение Э. Х. Мамедова и А. И. Каплунова, считающих, что эффективность действий полиции по применению административного принуждения выражается в комплексе количественных и качественных показателей, главным (ключевым) из которых является законность их применения [4, с. 2].

В ч. 5 ст. 6 ФЗ «О полиции» закреплено положение, которое определяет законность применения сотрудником полиции мер принуждения, а именно: «Применение сотрудником полиции мер государственного принуждения для выполнения обязанностей и реализации прав полиции допустимо только в случаях, предусмотренных федеральным законом».

Следует согласиться с утверждением Е. А. Семенова, Е. Ю. Замуруевой, что «ограничение прав и свобод может быть оправдано публичными интересами, если они отвечают требованиям справедливости, являются пропорциональными, соразмерными и необходимыми для целей защиты конституционно значимых ценностей»[2].

---

[1] О правовом положении иностранных граждан в Рос. Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 25 июня 2025 г. № 115-ФЗ. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Семенов Е. А., Замуруева Е. Ю. Особенности применения мер пресечения в виде заключения под стражу в отношении иностранных граждан // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 278–287.

Существенной проблемой правоприменения при реализации процедур административного выдворения, депортации и реадмиссии выступает отсутствие детальной нормативной регламентации использования средств ограничения подвижности (наручников) в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства. Ни на федеральном, ни на ведомственном уровне не закреплена прямая норма, санкционирующая применение указанных специальных средств в ходе принудительного сопровождения, что порождает правовую неопределенность и объективные риски в деятельности уполномоченных субъектов.

И. И. Пустовойт отмечает, что «законность является ключевым принципом применения мер административного принуждения и требует строгого соблюдения правил, устанавливающих допустимость, основания и порядок ограничения прав и свобод граждан» [5, с. 129]. Поддерживая позицию И. И. Пустовойта, В. И. Шулежко утверждает, что «административные органы обязаны действовать в пределах предоставленных законодательством полномочий и в нормативно установленном порядке» [6, с. 175].

ФЗ «О полиции» относит наручники к специальным средствам и устанавливает общие основания и порядок их применения. В научной доктрине специальные средства характеризуются как промежуточное звено в системе полицейского принуждения, занимающее место между мерами физического воздействия и огнестрельным оружием.

Как справедливо отмечают А. А. Савостин и И. С. Трегубов, особенность специальных средств, выражающаяся в ограничении права на свободу и личную неприкосновенность, а также других личных прав, требует жесткой взаимосвязи законности их применения с обеспечением законодательно установленного порядка. Эта связь, по мнению авторов, является аксиомой (непременным фактом) в механизме административно-правового регулирования» [7, с. 117].

Статья 21 ФЗ «О полиции» определяет перечень оснований применения сотрудником полиции применения специальных средств. Пункт 6 данной статьи является ключевым для анализа рассматриваемой проблемы. Он предусматривает возможность применения наручников в следующих случаях: «для доставления в полицию, конвоирования и охраны лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления, лиц, в отношении которых применена мера пресечения в виде заключения под стражу, лиц, осужденных к лишению свободы, а также для пресечения попытки побега».

Критически важным является то, что в этом перечне отсутствует такое основание, как сопровождение иностранного гражданина, в отношении которого вынесено постановление об административном выдворении за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии.

Фактически сотрудник полиции, сопровождающий такого иностранца в специальное помещение для содержания иностранных граждан, формально лишен прямого законодательного права применить к нему наручники. Это происходит даже в случаях, когда есть реальные опасения, что иностранец может оказать сопротивление или совершить побег. Вся эта деятельность сопряжена с повышенными рисками, поскольку решения о выдворении и депортации носят принудительный характер и зачастую встречают активное сопротивление со стороны иностранных граждан.

Данный вопрос имеет прямое практическое значение и требует правого разрешения, поскольку согласно статистическим данным процедура принудительной высылки применяется достаточно активно.

Так, в первом полугодии 2025 года депортировано 2,8 тыс. иностранных граждан, что на 17,1 % превышает данный показатель прошлого года (2,4 тыс.)[1].

[1] Статистика и аналитика. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/65404870 (дата обращения: 10.01.2026).

Сложившаяся правовая ситуация порождает ряд серьезных проблем:

1. Отсутствие четкого правового основания для применения средств ограничения подвижности при сопровождении создает реальный риск самовольного ухода иностранного гражданина из-под охраны. Это ставит под угрозу выполнение судебного акта или решения должностного лица и дискредитирует деятельность органов власти.

2. Правовая неопределенность для сотрудника полиции. Сотрудник полиции оказывается в сложной ситуации. С одной стороны, он обязан обеспечить конвоирование и недопущение побега. С другой стороны, прямое законодательное разрешение на применение наручников в этой ситуации отсутствует. Это может повлечь как дисциплинарную, так и уголовную ответственность за превышение должностных полномочий в случае их применения (ст. 286 УК РФ).

Д. С. Милинчук подчеркивает, что «неопределенность содержания правовых норм влечет неоднозначное их понимание и, следовательно, неоднозначное применение, создает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и ведет к произволу, а значит – к нарушению конституционных принципов» [8, с. 117].

3. Несоответствие принципу правовой определенности. Законодательство не предоставляет полиции необходимых и адекватных правовых инструментов для эффективного выполнения возложенной на нее государственной функции.

4. Угроза общественной безопасности. Иностранный гражданин, совершивший самовольный уход, как правило, переходит на нелегальное положение, что потенциально повышает его криминогенность.

В условиях правовой неопределенности часто встречается практика, когда нормы закона о полиции толкуются расширительно. Фактическое сопровождение иностранца считают доставлением или конвоированием и полагают, что при этом можно использовать специальные средства. Но такое смешение понятий не решает вопроса отсутствия специального законодательства и является предметом научных споров. В результате исследования выявлен законодательный пробел в использовании мер принуждения к лицам, в отношении которых принято решение о выдворении, депортации или реадмисси.

Для устранения данной правовой коллизии, обеспечения единообразия правоприменительной практики и усиления гарантий законности действий сотрудников полиции представляется целесообразным внести изменение в ч. 1 ст. 21 ФЗ «О полиции».

Предлагается п. 6 ч. 1 ст. 21 ФЗ «О полиции» изложить в следующей редакции: «6) для доставления в полицию, конвоирования и охраны задержанных лиц, лиц, заключенных под стражу, осужденных к лишению свободы, лиц, подвергнутых административному наказанию в виде административного ареста, иностранных граждан и лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, депортации или реадмиссии, а также в целях пресечения попытки побега в случае оказания лицом сопротивления сотруднику полиции, причинения вреда окружающим или себе».

Таким образом, роль полиции в обеспечении миграционной безопасности выходит далеко за рамки простого контроля и заключается в реализации комплексных мер принуждения, направленных на принудительное исполнение решений о высылке иностранных граждан. Законное и регламентированное применение специальных средств является неотъемлемым элементом эффективного выполнения этой задачи. Устранение существующих правовых пробелов позволит не только повысить оперативную эффективность органов внутренних дел, но и укрепить режим законности,

обеспечив надежные гарантии как для сотрудников полиции, так и для лиц, в отношении которых применяются меры государственного принуждения.

1. Правонарушения в сфере миграции. Классификация. Доказательства. Производство: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / А. С. Прудников, Н. П. Маюров, Н. Д. Эриашвили [и др.]; под редакцией А. С. Прудникова. М.: ЮНИТИ, 2021. 159 с.
2. Игнашина М. С. Административно-правовое регулирование организации деятельности полиции при сопровождении иностранных граждан, подлежащих депортации за пределы России // Вопросы устойчивого развития общества. 2023. № 6.
3. Струганов С. М., Мудрый А. Е., Кугно Э. Э. Применение специальных средств ограничения подвижности в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Автономия личности. № 3(33). 2024.
4. Обеспечение законности применения полицией мер административного принуждения: монография / Э. Х. Мамедов, А. И. Каплунов; Санкт-Петербургский университет МВД России. Санкт Петербург: СПбУ МВД России, 2023.
5. Пустовойт И. И. Правовые вопросы реализации принципа обеспечения законности при применении мер административного принуждения // Общество: политика, экономика, право. 2013. № 4.
6. Шулежко В. И. Особенности реализации принципа обеспечения законности при применении мер административного принуждения // Законность и правопорядок в современном обществе: сб. мат. XXXVI Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск: ЦРНС, 2017.
7. Савостин А. А., Трегубов И. С. Правовое регулирование применения сотрудниками полиции специальных средств // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2019. № 2(50).
8. Милинчук Д. С. Правовая неопределенность в системе дефектов права // Государственно-правовые исследования. 2021. Вып. 4. С. 149–152.

1. Pravonarusheniya v sfere migracii. Klassifikaciya. Dokazatel`stva. Proizvodstvo: uchebnoe posobie dlya studentov vy`sshix uchebny`x zavedenij, obuchayushhixsya po napravleniyu podgotovki «Yurisprudenciya» / A. S. Prudnikov, N. P. Mayurov, N. D. E`riashvili [i dr.]; pod redakciej A. S. Prudnikova. M.: YuNITI, 2021. 159 s.
2. Ignashina M. S. Administrativno-pravovoe regulirovanie organizacii deyatel`nosti policii pri soprovozhdenii inostranny`x grazhdan, podlezhashhix deportacii za predely` Rossii // Voprosy` ustojchivogo razvitiya obshhestva. 2023. № 6.
3. Struganov S. M., Mudry`j A. E., Kugno E`. E`. Primenenie special`ny`x sredstv ogranicheniya podvizhnosti v professional`noj deyatel`nosti sotrudnikov organov vnutrennix del Rossijskoj Federacii // Avtonomiya lichnosti. № 3(33). 2024.
4. Obespechenie zakonnosti primeneniya policiej mer administrativnogo prinuzhdeniya: monografiya / E`. X. Mamedov, A. I. Kaplunov; Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii. Sankt Peterburg: SPbU MVD Rossii, 2023.
5. Pustovojt I. I. Pravovy`e voprosy` realizacii principa obespecheniya zakonnosti pri primenenii mer administrativnogo prinuzhdeniya // Obshhestvo: politika, e`konomika, pravo. 2013. № 4.
6. Shulezhko V. I. Osobennosti realizacii principa obespecheniya zakonnosti pri primenenii mer administrativnogo prinuzhdeniya // Zakonnost` i pravoporyadok v sovremennom obshhestve: sb. mat. XXXVI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / pod obshh. red. S. S. Chernova. Novosibirsk: CzRNS, 2017.

7. Savostin A. A., Tregubov I. S. Pravovoe regulirovanie primeneniya sotrudnikami policii special`ny`x sredstv // Vestnik Vserossijskogo instituta povy`sheniya kvalifikacii sotrudnikov Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii. 2019. № 2(50).
8. Milinchuk D. S. Pravovaya neopredelennost` v sisteme defektov prava // Gosudarstvenno-pravovy`e issledovaniya. 2021. Vy`p. 4. S. 149–152.

Информация об авторе

Владимир Николаевич Легоцкий. Начальник кафедры физической подготовки.
Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.
241050, Россия, г. Брянск, 2-й Советский пер., 2а.

Information about the author

Vladimir N. Legotsky. Head of the Chair of Physical Training
Bryansk Branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov.
241050, Bryansk, 2-y Sovetsky Lane, Bldg. 2a.

Статья поступила в редакцию 09.04.2026; одобрена после рецензирования 20.05.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was received in the editorial office on 09.04.2026; approved after review on 20.05.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 004

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ

Матросова Лидия Дмитриевна[1], Ковалева Екатерина Геннадьевна[2]
[1]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия
[2]Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия

[1]itdovd@gmail.com
[2]kovalevazchs@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи заключается в исследовании широких методов использования искусственного интеллекта. В работе рассматриваются современные подходы и технологии, используемые в исследовании актуальных тенденций в области применения искусственного интеллекта. Особое внимание уделено выявлению новых областей внедрения и оценке потенциальных рисков и преимуществ. Проводится анализ применения искусственного интеллекта в разработке автономных транспортных средств, медицинской диагностике, образовании и обучении. Статья содержит обзор существующих научных исследований в области применения искусственного интеллекта, а также рассматривает правовые аспекты данной проблемы, включая вопросы, связанные с урегулированием этических проблем, связанных с использованием персональных данных, регулирования технологических инноваций. В работе акцентируется внимание на текущем состоянии разработок в сфере искусственного интеллекта, потенциале для трансформации отраслей деятельности человека и минимизации негативных последствий. Тем самым представленный материал будет полезен для преподавателей и обучающихся, заинтересованных в научных исследованиях в области информационного права.

Ключевые слова: искусственный интеллект, информационные технологии, телекоммуникационные технологии, цифровизация, правоохранительные органы.

Для цитирования: Матросова Л. Д., Ковалева Е. Г. Современные тренды применения искусственного интеллекта: перспективы и проблемы // Научный вестник орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 138–146.

CONTEMPORARY TRENDS IN THE APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: PROSPECTS AND CHALLENGES

Lidiya D. Matrosova[1], Ekaterina G. Kovaleva[2]
[1]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
[2]Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin, Belgorod, Russia

[1]itdovd@gmail.com
[2]kovalevazchs@yandex.ru

Annotation. The purpose of this article is to explore the broad application of artificial intelligence. It examines modern approaches and technologies used to study current trends in the application of artificial intelligence. Particular attention is paid to identifying new areas of implementation and assessing potential risks and benefits. The author analyzes the application of artificial intelligence in the development of autonomous vehicles, medical diagnostics, education, and training. This article provides an overview of existing scientific research on the application of artificial intelligence and examines the legal aspects of this issue, including issues related to the resolution of ethical problems associated with the use of personal data and the regulation of technological innovation. The paper examines the current state of development in artificial intelligence, the potential for transforming human activities, and the mitigation of negative consequences. Therefore, the presented material will be useful for teachers and students who have conducted research in the field of information law.

Keywords: artificial intelligence, information technology, telecommunication technologies, digitalization, law enforcement agencies.

For citation: Matrosova L. D., Kovaleva E. G. Contemporary trends in the application of artificial intelligence: prospects and challenges // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 2(107). P. 137–146.

Современные технологии прочно вошли в жизнь каждого человека, ежедневно появляется что-то новое и усовершенствуется старое. Что же касается искусственного интеллекта (ИИ), то и он не стал исключением. К 2025 году можно заметить существенные улучшения и развитие в данной сфере. Поэтому достаточно актуальным вопросом в настоящее время является использование искусственного интеллекта в различных сферах деятельности человека, разрабатываются национальные стратегии. Так, к 2021 году более 30 стран провозгласили национальную стратегию по использованию искусственного интеллекта, в том числе и Российская Федерация. Так, на Всероссийском открытом уроке в Ярославле Президент В. В. Путин заявил, что лидерство в изучении искусственного интеллекта будет означать и полное фактическое доминирование в мире: «Тот, кто станет лидером в этой сфере, станет властелином мира!» [1, с. 34]. С ним нельзя не согласиться, ведь сейчас все построено на основании данных сфер деятельности, и в скором времени технологии заменят практически все в окружающем нас мире (Рис. 1).

Рис. 1. Использование ИИ на современном этапе

По мнению Н. А. Храмцовской, «удобно рассматривать ИИ как совокупность технологий, с использованием которых компьютерная система способна делать работу, для выполнения которой обычно требовались квалифицированные специалисты-люди» [2, с. 25].

Также стоит учесть тот факт, что искусственный интеллект будет формировать глобальную конкурентоспособность в ближайшие десятилетия, обещая предоставить ранним последователям значительное экономическое и стратегическое преимущество. До настоящего времени национальные правительства и региональные и межправительственные организации стремились разработать целенаправленную политику в области искусственного интеллекта, чтобы максимально использовать потенциал этой технологии, а также учитывать ее социальные и этические последствия. Рассмотрим ландшафт разработки политики в области ИИ и отслеживаемые усилия, предпринимаемые на местном, национальном и международном уровнях для содействия продвижению и технологий ИИ и управлению ими (Рис. 2).

Рис. 2. Рейтинг стран-лидеров по разработкам в сфере ИИ

На рисунке 2 показаны десять стран-лидеров по разработкам в сфере ИИ. К сожалению, Россия не входит в него. Однако присутствует стремление и большое рвение к этому. Заметна тенденция – страны избрали различные стратегии в отношении искусственного интеллекта. Общим является только то, что в области ИИ-технологий все хотят, если не лидировать, то хотя бы не отстать от других стран.

В настоящее время активно развиваются возможности генеративного искусственного интеллекта (GenAI), который представляет собой тип нейросетей, способный создавать совершенно новый, уникальный контент, это может быть и текст, и изображения, и код, и музыка или видео. Как отмечает С. А. Чеховская, «генеративный ИИ реализуется в ряде ИИ-продуктов: Stable Diffusion, который генерирует изображения на основе подсказок ключевых слов; GitHub Copilot, создатели которого утверждают, что он пишет до 40 % кодов для инженеров-программистов, использующих его. Предполагается, что процесс совершенствования технологии ИИ будет продолжаться. Лидерами в этой сфере в настоящее время являются США и Китай. Прогнозируется, что к 2026 году на Китай будет приходиться 8,9 % мировых инвестиций в ИИ» [3, с. 95].

Одной из проблем является недоверие многих людей искусственному интеллекту и современным технологиям в целом. Если посмотреть на график «Факторов, ограничивающих применение искусственного интеллекта в банках», то можно заметить, что причин вполне достаточно и каждая из них имеет место (Рис. 3).

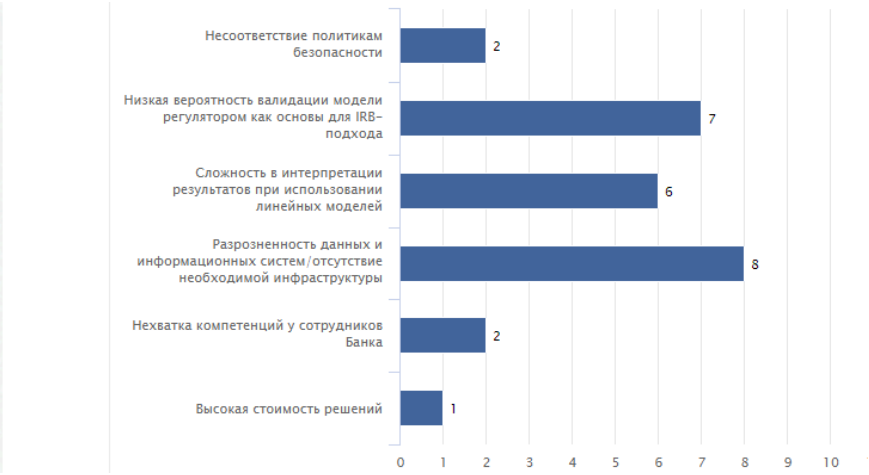

Рис. 3. Факторы, ограничивающие применение ИИ

Можно выделить три самых важных, по мнению многих стран, сферы, в которых нужна особая безопасность и защита той информации, которая там содержится. Этими сферами являются:

– инновации и технологии;

– национальная безопасность;

– регулирование промышленной индустрии.

Каждая из них важна по-своему, но их объединяет то, что именно в эти сферы пытаются внедрить различные технологии, в том числе и искусственного интеллекта.

На графике, изображенном на рисунке 4, прослеживается актуальность возможных областей применения решений на базе искусственного интеллекта. Также стоит сказать, что на данный момент в Российской Федерации, в отличие от США и других развитых стран, нет законодательной базы, созданной для регулирования отношений в сфере искусственного интеллекта (Рис. 4).

Рис. 4. Области применения ИИ с наибольшим потенциалом

Однако в 2021 году уже предусмотрены «регуляторные песочницы» – экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций, т. е. это такие правовые режимы с определенным подходом к регулированию деятельности в сфере данной отрасли со снятием лишних запретов. Как отмечает А. М. Волков, «регуляторные песоч-

ницы – важный инструмент правового обеспечения цифровой экономики, позволяющий найти баланс между требованием стабильности правовой среды и необходимостью адаптивного регулирования инноваций» [4, с. 19].

После публикации в 2017 году Канадой первой в мире национальной стратегии ИИ более 30 стран и регионов опубликовали аналогичный документ. Запуск глобального партнерства по ИИ и организация экономического сотрудничества развития были запущенны в 2020 году. Рассматривая научный базис искусственного интеллекта, необходимо отметить, что сеть экспертов по искусственному интеллекту способствовала межправительственным усилиям по работе в этом направлении. Выявляется тенденция роста озабоченности и интереса к ИИ.

Исследования и разработки имеют фундаментальное значение для прогресса ИИ. С тех пор как технология впервые захватила воображение ученых-компьютерщиков и математиков в 1950-х годах, ИИ превратился в крупную исследовательскую дисциплину со значительными коммерческими приложениями. За последние двадцать лет количество публикаций по ИИ резко возросло. Появление конференций ИИ и архивов препринтов расширило распространение научных исследований и научных коммуникаций. Крупные державы, включая Китай, Европейский союз и Соединенные Штаты, инвестируют значительные материальные средства в исследования ИИ. Глава научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) направлена на то, чтобы отразить прогресс в этой все более сложной и конкурентной области.

К тому же освещается технический прогресс и в различных областях ИИ, включая компьютерное зрение, язык, речь, изучение концепций и доказательство теорем. Он использует комбинацию количественных измерений, таких как общие критерии и призовые задачи, а также качественные выводы из научных работ, чтобы продемонстрировать развитие современных технологий искусственного интеллекта.

По мере того как искусственный интеллект становится все более значимым двигателем экономической деятельности, растет интерес со стороны людей, которые хотят понять его и получить необходимую квалификацию для работы в этой области. Как справедливо утверждает И. А. Филлипова, «в экономике это наиболее ярко проявится дальнейшим ростом уровня автоматизации производства и распространением модели «умного завода» (*smart factory*), обеспечивающей производство и управление сложными процессами без участия человека, когда искусственные интеллектуальные системы организуют сами себя» [5, с. 22].

В то же время растущий спрос на ИИ со стороны промышленности заставляет все больше научных исследователей уходить из академических кругов в частный сектор. Нами тоже в значительной мере исследованы тенденции в области навыков и обучения талантов ИИ с помощью различных образовательных платформ и институтов. Так, количество учебных курсов возрастает, соответственно, можно сделать вывод, что число специалистов в данной сфере также увеличивается. Растет спрос на обучение в сфере ИИ-технологий. И это неудивительно, ведь, как уже было сказано ранее, современные технологии, в том числе ИИ, развиваются с огромной скоростью и для того, чтобы этот процесс не останавливался, необходимо совершенствовать не только технологии, но и знания и умения.

Рассматривая области применения искусственного интеллекта, мы делаем выводы, что ИИ смещается в фазу прикладного применения. Вся наука переходит в практическую плоскость, более того, в ближайшее время начнется глобальное масштабирование этих технологий, внедрение их в реальную экономику, что приведет к очень большому росту валового внутреннего продукта. Именно это сможет являться точкой роста для экономики в ближайшие десять лет. ИИ не является отдельной наукой, ее нет, как и нет такой специализации, но применяется искусственный интеллект практически во всех сферах деятельности человека. Рассмотрим их:

– в медицине: так, например, появилось направление «телемедицина» и программы, подобные *mHealth* (от англ. *mobile health* – мобильное здравоохранение). Это использование мобильных технологий (смартфонов, планшетов, носимых датчиков, приложений) для поддержки здоровья, медицинской диагностики, мониторинга пациентов и профилактики заболеваний. Это направление электронной медицины (*eHealth*) для улучшения доступа к услугам и повышения эффективности лечения, охватывающее как фитнес, так и профессиональный медицинский мониторинг. Обмен медицинской информацией с помощью современных средств связи, будь то врачебные консультации пациентов на расстоянии, телеобучение, проведение операций в режиме онлайн или консилиумы и многое другое;

– в транспорте: в 2016 году представлен беспилотный 12-местный электрокар «Шатл». Его разрабатывали специалисты научно-исследовательского автомобильного и автомоторного института «НАМИ» при поддержке «Яндекса» и «КАМАЗа». Машина оснащена камерами видеонаблюдения и различными датчиками. Автомобиль самостоятельно прокладывает маршрут к точке назначения;

– в государственном управлении: разработка нейронной сети для поиска близких вопросов среди обращений. По сравнению с обычным поиском нейронная сеть опирается не только на конкретные слова, но и на более широкий контекст;

– в финансовых технологиях: искусственный интеллект способен предсказывать блокировку счета Федеральной налоговой службой (ФНС).

ИИ выступает как некая технологическая база для развития всех остальных отраслей.

Поэтому в будущем будет важно учесть некоторые особенности, например, в каких индустриях внедрение ИИ будет более востребовано, в какой области стоит развиваться, ведь специализации различаются между собой. Например, специалист в области искусственного интеллекта в сфере медицины будет отличаться от специалиста другого профиля. Должны быть факторы, непосредственно влияющие на эффективность предприятий, экономики и так далее, вследствие чего можно сказать, что ИИ носит прикладной характер. Нельзя не согласиться с мнением Н. Л. Тимохина, который считает, что «одним из наиболее развитых в плане цифровизации современной экономики является финансовый рынок. Отечественные банки и финансовые организации уже давно активно развивают финансовые технологии, одной из которых может стать искусственный интеллект, уже активно применяемый банковскими экосистемами (например, Сбером)» [6, с. 82].

Безусловно, использование и внедрение искусственного интеллекта влекут огромные риски, что значительно влияет на деятельность правоохранительных органов. Несмотря на положительные стороны использования искусственного интеллекта, существует и обратная сторона. Так, по нашему мнению, на первое место из главных рисков можно поставить кибербезопасность. Например, когда документы хранятся в сейфе в виде бумажного носителя, то нет причин для беспокойства, ведь все закрыто и находится в безопасности. Но, по мнению Р. А. Белевского, «постоянное развитие технологий и их внедрение в работу ОВД диктуют необходимость создания многоуровневой системы обеспечения информационной безопасности, а также ее регулярного совершенствования и модернизации»[1]. Другая ситуация, когда вся информация была оцифрована и отправлена в облачные инфраструктуры, некая организация выкрала информацию и требует, условно, миллион долларов за данные, без которых невозможна работа. Процесс оцифровки неумолим, мы переходим в цифровой формат, а бумажные

[1] Белевский Р. А. Перспективы развития системы информационной безопасности в органах внутренних дел // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 44–51.

носители уходят в прошлое. А так как это главный риск и главное опасение людей, то именно на это они будут готовы тратить огромные суммы, только чтобы сохранить свою информацию в целости и сохранности. Количество киберпреступлений будет расти, и затраты на противодействие этим преступлениям будут также расти. Как справедливо отмечает В. П. Шумилин, «залог успеха деятельности любых подразделений правоохранительной системы в большинстве своем зависит от степени систематизированности информации о совершенных в прошлом преступлениях, причастных к преступлениям лицах, средствах и формах их совершения, различных следах на месте преступления и объектах криминального характера, а также от возможности и умения сотрудника ОВД пользоваться подобными банками данных в своей повседневной деятельности для выявления, розыска и отождествления интересующих его явлений и объектов»[1].

Происходит глобальная роботизация, где также используется ИИ. Ведь если разобраться, то робот – это железный аппарат, которым должна управлять «умная программа». Внедрение таких технологий и приводит к эксплуатации искусственного интеллекта и необходимости его внедрения.

Следующим направлением использования является способность искусственного интеллекта создавать реалистичные фото. Этическая проблема из-за этой способности в том, что сейчас сложно определить, «фейк» перед вами или нет. И для того чтобы это стало более реально, появилась идея для создания специального кода, который будет прикреплен к фотографии, по которому можно будет определить, редактировалось ли фото или не редактировалось. Например, при доказательстве того или иного преступления специалист правоохранительных органов может посмотреть, проанализировать фото и сделать вывод: «Подвергалось ли оно какому-либо редактированию или нет». Однако и тут есть свои недочеты. Кто будет следить за этим кодом и кто будет наблюдать за этим стандартом? Это также является полем для различных манипуляций, что в том числе является этической проблемой, с которой нужно будет бороться. Можно сказать, что этические и юридические проблемы могут являться стопорами создания и развития данных технологий. Что касается способности распознавать объект в толпе, то данные технологии развиваются постоянно и постепенно. Это хорошо для совершенствования искусственного интеллекта и информационных технологий в целом. Однако это также является этической проблемой: нарушается наше личное пространство, право на частную жизнь, но есть и плюсы этого, так как уменьшается число преступлений. Так, по данным ФКУ МВД России «Главный информационно-аналитический центр», в 2024 году в России зафиксирован пик киберпреступности: зарегистрировано 765,4 тыс. IT-преступлений, что на 13,1 % больше, чем в 2023 году. Доля таких преступлений достигла 40 % от общего числа. Ущерб от дистанционных хищений за 2024 год составил около 168 млрд руб., а по оценкам банков – до 300 млрд руб. В следующем календарном году наблюдается сокращение числа киберпреступлений в России на 11,8 % до 675 тыс. По итогам 2025 года в России зафиксировано снижение числа киберпреступлений на 11,8 % по сравнению с 2024 годом[2]. Так, очевидно, что преступность, особенно это видно на примере киберпреступности, быстро адаптируется к изменяющимся условиям.

В качестве еще одной проблемы необходимо отметить резко растущие способности искусственного интеллекта понимать английский язык. Уже на данный момент можно сказать, что ИИ стал лучше понимать английский язык в сравнении с человеком.

---

[1] Шумилин В. П. Некоторые вопросы применения искусственного интеллекта в деятельности Госавтоинспекции / Шумилин В. П., Шумилина Н. Г. // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 232–243.

[2] Краткая характеристика состояния преступности в РФ. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677 (дата обращения: 30.01.2026).

Способность искусственного интеллекта понимать текст и отвечать на вопросы является не менее важным аспектом в его развитии. Искусственный интеллект читает текст, понимает его и отвечает на вопросы по данному тексту лучше, чем человек, что является революцией в сфере современных технологий и ИИ. Более того, нужно отметить, что это происходит более чем осознанно, то есть он осмысливает данный ему текст и отвечает обдуманно на вопросы, а не вырывая предложения из контекста.

ИИ способен обрабатывать визуальное изображение, данные и текст. Однако способности ИИ в этих сферах пока ограничены. Иногда робот в точности постановки вопроса может ошибаться, то есть не до конца понимает степень задаваемой проблемы, но технологии развиваются, и, скорее всего, в скором времени ИИ превысит способности человеческого мозга. В данной ситуации можно выделить еще одно осложнение. Если человеку не нужно будет думать, а за него это будет делать машина, то человечество может стать недееспособным через несколько десятков лет. На данный момент по креативу человек еще выигрывает.

По мере того, как инновации, основанные на искусственном интеллекте, все активнее проникают в нашу жизнь, этические проблемы приложений ИИ становятся все более очевидными и подлежат тщательному изучению. Как уже говорилось ранее, использование различных технологий ИИ может привести к непреднамеренным, но вредным последствиям, таким как вторжение в частную жизнь; дискриминация по половому признаку, расы/этнической принадлежности, сексуальной ориентации или гендерной идентичности; непрозрачное принятие решений и другие проблемы. Преодоление существующих этических проблем и создание ответственных, справедливых инноваций в области искусственного интеллекта до их внедрения никогда не было более важным. Как утверждает М. А. Бочанов, «правовое регулирование использования технологий искусственного интеллекта призвано создать четкие рамки для разработки и внедрения этих технологий с учетом особенностей образовательного процесса и интересов его участников» [7, с. 54].

Таким образом, в мире происходит сдвиг от теории к практике. В различных отраслях появляются и вводятся системы ИИ, которые упрощают работу и помогают в жизни человеку. Искусственный интеллект теперь может составлять текст, аудио и изображения в соответствии с достаточно высокими стандартами, чтобы людям было трудно различать синтетические и несинтетические результаты. Происходит скачок технологий видеонаблюдения, распознавания лиц, видеоанализа и идентификации голоса. Около 60 % рабочих мест в развитых экономиках подвержено влиянию ИИ, особенно это касается молодых специалистов без определенного опыта работы. Однако ИИ-модели остаются «черным ящиком» даже для разработчиков, что усложняет аудит и назначение ответственности за последствия. По мнению А. Ю. Чурикова, «разработка эффективных индикаторов риска совершения преступлений, которые действительно позволяли бы их выявлять, возможна комплексными, совместно работающими группами ученых и практиков на основе анализа правоприменительной практики с учетом таких особенностей данного вида преступлений, как высокий уровень их латентности и быстрое изменение способов и методов совершения» [8, с. 49].

Представляется верной позиция М. А. Лавнова, согласно которой «действительно, перспективы применения технологий ИИ в сфере уголовной юстиции сопряжены с высокой неопределенностью и рискогенностью, что предполагает возможность использования рискориентированного подхода, который позволит учесть возможные угрозы и перспективы, а также разработать механизм реагирования на подобные вызовы» [9, с. 128]. Поэтому, несомненно, что регулирование цифровых технологий в уголовном процессе, с одной стороны, должно обеспечивать интересы государства, а с другой – служить гарантией защиты прав и свобод граждан. Отсутствие четких пра-

вовых рамок и стандартов для использования искусственного интеллекта в уголовном процессе может привести к нарушению прав человека и правовых норм.

---

1. Левчаев П. А., Хезазна Б. Особенности стратегического финансового планирования деятельности предприятий в условиях цифровой экономики // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2023. № 22. С. 32–40.
2. Храмцовская Н. А. Искусственный интеллект и управление документами: основные риски // Делопроизводство. 2023. № 2. С. 24–31.
3. Государство, общество и личность: пути преодоления вызовов и угроз в информационной сфере: монография / Н. С. Волкова, А. А. Ефремов, С. М. Зырянов и др.; отв. ред. Л. К. Терещенко. М.: Инфотропик Медиа, 2024. 352 с.
4. Волков А. М. Регуляторные песочницы как инструмент цифровой экономики: российская и зарубежные модели // Право и бизнес. 2025. № 4. С. 19–25.
5. Филипова И. А. Искусственный интеллект и экологическое право: точки пересечения и развитие // Экологическое право. 2023. № 2. С. 19–22.
6. Тимохин Н. Л. Искусственный интеллект как основа цифровой экономики // Современное право. 2026. № 1. С. 80–84.
7. Бочанов М. А. Персональные данные и этика в эру искусственного интеллекта: правовые аспекты цифровизации образования // Современное право. 2025. № 6. С. 53–55.
8. Чурикова А. Ю. Применение искусственного интеллекта и индикаторов риска для противодействия киберпреступности // Российский следователь. 2024. № 5. С. 47–51.
9. Лавнов М. А., Спесивов Н. В. Риски и угрозы применения технологий искусственного интеллекта в правосудии по уголовным делам // Журнал российского права. 2025. № 8. С. 120–133.

1. Levchaev P. A., Xezazna B. Osobennosti strategicheskogo finansovogo planirovaniya deyatel`nosti predpriyatij v usloviyax cifrovoj e`konomiki // Buxgalterskij uchet v byudzhetny`x i nekommercheskix organizaciyax. 2023. № 22. S. 32–40.
2. Xramczovskaya N. A. Iskusstvenny`j intellekt i upravlenie dokumentami: osnovny`e riski // Deloproizvodstvo. 2023. № 2. S. 24–31.
3. Gosudarstvo, obshhestvo i lichnost`: puti preodoleniya vy`zovov i ugroz v informacionnoj sfere: monografiya / N. S. Volkova, A. A. Efremov, S. M. Zy`ryanov i dr.; otv. red. L. K. Tereshhenko. M.: Infotropik Media, 2024. 352 s.
4. Volkov A. M. Regulyatorny`e pesochnicy kak instrument cifrovoj e`konomiki: rossijskaya i zarubezhny`e modeli // Pravo i biznes. 2025. № 4. S. 19–25.
5. Filipova I. A. Iskusstvenny`j intellekt i e`kologicheskoe pravo: tochki peresecheniya i razvitie // E`kologicheskoe pravo. 2023. № 2. S. 19–22.
6. Timoxin N. L. Iskusstvenny`j intellekt kak osnova cifrovoj e`konomiki // Sovremennoe pravo. 2026. № 1. S. 80–84.
7. Bochanov M. A. Personal`ny`e danny`e i e`tika v e`ru iskusstvennogo intellekta: pravovy`e aspekty` cifrovizacii obrazovaniya // Sovremennoe pravo. 2025. № 6. S. 53–55.
8. Churikova A. Yu. Primenenie iskusstvennogo intellekta i indikatorov riska dlya protivodejstviya kiberprestupnosti // Rossijskij sledovatel`. 2024. № 5. S. 47–51.
9. Lavnov M. A., Spesivov N. V. Riski i ugrozy` primeneniya texnologij iskusstvennogo intellekta v pravosudii po ugolovny`m delam // Zhurnal rossijskogo prava. 2025. № 8. S. 120–133.

Информация об авторах

Лидия Дмитриевна Матросова. Начальник кафедры информационных технологий в деятельности органов внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Екатерина Геннадьевна Ковалева. Доцент кафедры информационно-компьютерных технологий в деятельности органов внутренних дел.

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина.

308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71.

Information about the authors

Lidya D. Matrosova. Head of the Chair of Information technologies in Ministry of Internal Affairs, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russia, Orel, Ignatova st., 2.

Ekaterina G. Kovaleva. Assistant Professor, Chair of Information and Computer Technologies in the Activities of Internal Affairs Bodies.

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin.

308024, Russia, Belgorod, Gorky st., 71.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 17.03.2026; одобрена после рецензирования 20.04.2026; принята к публикации 13.07.2026.

The article was received in the editorial office on 17.03.2026; approved after review on 20.04.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 342; 347

СООТНОШЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ НОРМ В РЕГУЛИРОВАНИИ СКИДОК В СИСТЕМЕ ДОГОВОРНОГО ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ: ГЕНЕЗИС И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Малышева Наталия Александровна[1], Булыжкин Даниил Александрович[2]
[1, 2]Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

[1]malyshna95@yandex.ru
[2]daniil577557@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется скидка как условие договора в гражданском праве Российской Федерации в контексте эволюции договорного ценообразования и влияния административно-правовых норм на регулирование указанного правового института. Рассматривается ее правовая природа, пределы допустимого применения, соотношение с принципом свободы договора и требованиями равенства условий публичных обязательств. Проанализированы диспозитивные нормы административного и гражданского законодательства с позиции доктрины и практика Верховного Суда РФ, включая случаи, когда предоставление скидки зависит от действий контрагента после заключения договора. Сформулирован вывод о законности и целесообразности использования скидки как механизма ценообразования в современном регулировании общественных отношений, сделано умозаключение о влиянии норм материального и процессуального административного права.

Ключевые слова: административные нормы, скидка, дифференциация цены, договорное условие, публичная оферта, диспозитивность, встречное предоставление, нарушение принципа равенства, автономия воли сторон.

Для цитирования: Малышева Н. А., Булыжкин Д. А. Соотношение административно и гражданско-правовых норм в регулировании скидок в системе договорного ценообразования: генезис и современное состояние // Научный вестник орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 147–153.

THE RATIO OF ADMINISTRATIVE AND CIVIL LAW NORMS IN THE REGULATING OF DISCOUNTS IN THE CONTRACTUAL PRICING SYSTEM: GENESIS AND CURRENT STATE

Natalia A. Malysheva[1], Daniil A. Bulyzhkin[2]
[1, 2]Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya, Moscow, Russia

[1]malyshna95@yandex.ru
[2]daniil577557@yandex.ru

Annotation. The article analyzes the discount as a contractual term in the civil law of the Russian Federation in the context of the evolution of contractual pricing and the influence of administrative legal norms on the regulation of the legal institution under consideration. It examines its legal nature, the limits of its permissible application, and its relationship with the principle of freedom of contract and the requirements of equality

of terms in public obligations. The article analyzes the dispositive norms of administrative and civil legislation from the perspective of doctrine, and the practice of the Supreme Court of the Russian Federation, including cases where the provision of a discount depends on the actions of the counterparty after the conclusion of the contract. The article concludes that the use of discounts as a pricing mechanism in modern regulation of social relations is legal and expedient, and draws conclusions about the influence of substantive and procedural administrative law.

Keywords: administrative regulations, discount, price differentiation, contractual condition, public offer, discretion, counter-provision, violation of the principle of equality, autonomy of the parties' will.

For citation: Malysheva N. A., Bulyzhkin D. A. The ratio of administrative and civil law norms in the regulating of discounts in the contractual pricing system: genesis and current state // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 2(107). P. 147–153.

Институт скидок в современном российском праве представляет собой уникальный правовой феномен, который невозможно однозначно отнести исключительно к частноправовому или к публично-правовому регулированию. В связи с этим его анализ требует особого межотраслевого подхода, выходящего за рамки традиционной дихотомии «частное – публичное право». Именно на стыке гражданского и административного права складываются правовые механизмы, с помощью которых возможно одновременно обеспечить как свободу предпринимательской деятельности, так и защиту публичных интересов. Ученые-административисты обращают внимание на значительный уровень влияния норм административного права на иные отрасли, в том числе и гражданское, отмечая при этом достаточный уровень органичного взаимодействия, учитывая, что административная норма первична в том случае, когда речь идет о необходимости урегулирования правоотношения на государственном уровне путем обращения в орган публичной власти [1, с. 94; 2, с. 48]. Полагаем обоснованным считать, что институт скидок, который в первую очередь рассматривается через призму гражданско-правовых норм, не является исключением, и нормы административного права также вовлечены в орбиту его регулирования.

По своей экономической сути скидка представляет собой один из инструментов маркетингового хода, в частности механизм уменьшения первоначально заявленной цены товара, работы или услуги. Одновременно с этим она является сложной юридической конструкцией, регулируемой нормами как гражданского, так и административного законодательства. С одной стороны, институт скидок выступает условием договора, которое формируется посредством выражения воли сторон, что обеспечивает гибкость рыночного обмена, а с другой стороны, данный феномен становится объектом публичного контроля, поскольку государство призвано гарантировать соблюдение прав и свобод граждан в том числе в потребительской сфере. Скидка выступает классическим примером межотраслевого правового института, в котором согласуются различные регулятивные механизмы. Его двойственная природа способствует установлению особого режима правоприменения, при котором частные интересы продавца сталкиваются с публично значимыми ограничениями. Достаточно часто недобросовестные участники рынка используют скидку лишь как средство привлечения клиентов, не обеспечивая при этом действительный (заявленный) процент снижения цены. В данном случае частноправовой механизм скидки превращается в инструмент злоупотребления правом, что вызывает необходимость активного вмешательства контрольных органов. Исследование данного феномена позволяет не только определить пределы договорной свободы, но и установить оптимальный баланс между рыночной гибкостью и объективной потребностью в государственном контроле.

Проблематика договорного ценообразования традиционно занимает центральное место в цивилистической науке, поскольку цена изначально рассматривалась и рассматри-

вается как ключевой элемент эквивалентности обязательства и выражение автономии воли сторон. Еще с появлением частной собственности вопросы эквивалентного обращения вещей становились предметом спора о признании договора куплей-продажей или меной. Авторы подразумевают размышления юриста III в. н. э. Павла о спорах сабиньянцев и прокульянцев о том, что передачу вещи другому лицу не за деньги, а за другую вещь нельзя категорически и безусловно не признавать куплей-продажей [3]. Подобные споры неслучайно занимают важное место среди юристов, поскольку размер цены непосредственно влияет на уменьшение количества средств у участников сделки. В условиях капиталистической экономики данный вопрос имеет принципиальное значение, поскольку от него зависит сохранение капитала.

В дореволюционной российской цивилистике цена договора понималась прежде всего как результат свободного соглашения контрагентов, допускающего отклонения от «обычной» стоимости при наличии экономически оправданных причин. Так, Г. Ф. Шершеневич подчеркивал, что гражданское право не связывает действительность договора с оценкой «справедливости» цены, предоставляя сторонам широкое усмотрение в ее формировании, если иное прямо не вытекает из закона или существа обязательства [4, с. 312–314]. Аналогичную позицию занимал К. П. Победоносцев, указывавший, что цена является выражением хозяйственного расчета сторон и не подлежит правовой оценке вне случаев злоупотребления правом либо нарушения публичных интересов [5, с. 457–459]. Следовательно, дореволюционная теория исходила из приоритета частной автономии, оставляя публичному вмешательству лишь компенсаторную роль.

В советский период, характеризующийся доминированием планово-распределительных начал, договорное ценообразование в значительной степени утратило диспозитивный характер. Цена подлежала централизованному регулированию, а любые формы ценовой дифференциации, включая скидки, рассматривались как исключение, допустимое лишь в пределах нормативно установленного ценообразования. Административно-правовые нормы вытеснили гражданско-правовые механизмы из сферы ценообразования. Однако переход к рыночной экономике и закрепление принципа свободы договора в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) обусловили возвращение гибких механизмов формирования цены, в рамках которых скидка получила устойчивое значение как инструмент адаптации договорных условий к экономическим и поведенческим факторам гражданского оборота[1].

Вместе с тем действующее российское законодательство не содержит легального определения понятия «скидка» и не устанавливает специальных правил ее предоставления, что предопределяет неопределенность правового режима данного явления и обусловливает научную дискуссию о его квалификации как условия договора. В доктрине справедливо отмечается, что скидка выступает не самостоятельным правовым институтом, а элементом механизма договорного ценообразования, используемым в целях стимулирования потребительского поведения и оптимизации коммерческих условий сделки [6, с. 143–145].

Особую актуальность указанная проблематика приобретает в сфере публичных договоров, прежде всего договоров розничной купли-продажи, где действует требование равенства условий для потребителей соответствующей категории. Это обстоятельство обусловливает необходимость комплексного анализа скидки с точки зрения ее соотношения с принципами равенства, добросовестности и недискриминации [7, с. 164–166].

Гражданско-правовая норма п. 2 ст. 426 ГК РФ формально ограничивает ценовую дифференциацию путем установления требования равенства, а административно-правовые нормы антимонопольного законодательства предоставляют государственные органам ин-

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

струменты для проверки соблюдения этого требования и применения мер принуждения в случае его нарушения.

Анализ положений статьи 424 ГК РФ позволяет сделать вывод о том, что стороны вправе изменять цену договора по соглашению либо в порядке, предусмотренном договором, что отражает диспозитивный характер данной нормы и корреспондирует с принципом свободы договора, закрепленным в статьях 1 и 421 ГК РФ. В этом контексте скидка может рассматриваться как договорный механизм изменения цены, основанный на автономии воли сторон и согласованном поведении контрагентов [6, с. 142–143]. Наличие диспозитивного регулирования подтверждает, что свобода договора является фундаментальным началом, обеспечивающим возможность гибкого и законного формирования условий ценообразования в гражданско-правовых отношениях, в свою очередь, нормы административного права устанавливают обязательные требования для всех участников рынка, которые не могут быть изменены соглашением сторон. Исключение составляют положения ст. 9 Федерального закона от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» (далее – Закон о платформенной экономике), которая определяет порядок определения скидки на товары оператором посреднической цифровой платформы[1]. Включение таких положений в текст закона было вызвано возможными злоупотреблениями со стороны операторов. Представляется, что с вступлением с 1 октября 2026 года данного Закона в силу отношения с цифровыми платформами обретут определенную упорядоченность и ясность.

Судебная практика Верховного Суда Российской Федерации последовательно подчеркивает приоритет договорной автономии сторон. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 указано, что суд не вправе произвольно изменять условия договора при отсутствии законных оснований, а диспозитивные нормы подлежат применению постольку, поскольку иное не установлено соглашением сторон[2]. Следовательно, скидка как условие уменьшения цены при наступлении определенных обстоятельств либо при выполнении контрагентом предусмотренных договором действий соответствует принципу свободы договора и диспозитивному характеру гражданско-правового регулирования.

Особого внимания заслуживает практика применения скидок в публичных договорах. Пункт 2 статьи 426 ГК РФ закрепляет требование равенства цены для потребителей соответствующей категории, что формально может рассматриваться как ограничение ценовой дифференциации. Однако в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 1(2017) разъяснено, что равенство условий публичного договора означает применение одинаковых правил ко всем потребителям, отвечающим заранее установленным и объективным критериям, при условии их недискриминационного характера и доведения до сведения неопределенного круга лиц[3]. Тем самым подтверждается, что скидки, предусмотренные условиями публичной оферты и распространяющиеся на всех потребителей соответствующей категории, не нарушают принцип равенства.

Антимонопольные органы нередко усматривают в практике дифференциации цен потенциальное ограничение конкуренции. Однако судебная практика исходит из того, что само по себе предоставление скидок не образует нарушения антимонопольно-

[1] Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации. Федер. закон Рос. Федерации от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 24 марта 2016 г. № 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1(2017): утв. Президиумом Верховного Суда Рос. Федерации 16 февраля 2017 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

го законодательства, если такие условия экономически обоснованы, применяются на равных основаниях и не направлены на дискриминацию контрагентов. Арбитражные суды подчеркивают, что оценка коммерческой целесообразности скидок относится к сфере договорной автономии сторон и не входит в компетенцию антимонопольных органов при отсутствии злоупотребления доминирующим положением. Административное законодательство прямо устанавливает запрет на использование скидок как инструмента создания дискриминационных условий, а федеральная антимонопольная служба (ФАС) наделена полномочиями по выдаче предписаний о прекращении нарушений, налагая при этом административные штрафы.

Особое место в правоприменительной практике занимают скидки, предоставляемые при условии совершения покупателем определенных действий после заключения договора. Типичным примером является продажа транспортных средств со скидкой при оформлении кредитного договора с соблюдением установленного срока его действия.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 разъяснено, что стороны вправе предусматривать сложные условия ценообразования, включая зависимость цены от поведения контрагента, при условии добровольного волеизъявления и отсутствия навязывания дополнительных услуг[1]. Подобные скидки квалифицируются как легитимная форма встречного предоставления и соответствуют диспозитивному регулированию цены. Административно-правовая оценка таких скидок состоит в контроле за тем, чтобы условие о скидке не заключалось в навязывании дополнительных услуг (ст. 14.8 КоАП РФ)[2].

В доктрине обоснованно подчеркивается, что скидка не образует самостоятельного гражданско-правового института, а является элементом договорного механизма формирования цены, подчиненного общим принципам обязательственного права. Использование скидок допустимо как в индивидуальных, так и в публичных договорах при соблюдении принципов добросовестности, равенства и недопустимости дискриминации. Нарушение закона либо злоупотребление правом возможно лишь в случаях использования скидки в целях обхода законодательства, ограничения конкуренции или навязывания экономически невыгодных условий. Нормы административного права представляют собой инструмент пресечения подобного рода злоупотреблений, предусматривая такие меры, как предписание о прекращении нарушения, административный штраф, а в отдельных случаях – дисквалификацию должностных лиц, тем самым осуществляя превентивную функцию, сдерживая потенциально недобросовестное поведение сторон.

Таким образом, анализ законодательства, доктрины и судебной практики позволяет сделать вывод о том, что скидка как условие договора представляет собой правомерный и легитимный инструмент изменения договорной цены, соответствующий принципам свободы договора и диспозитивности гражданско-правового регулирования и отвечающий потребностям современного гражданского оборота. Несмотря на отсутствие специального правового регулирования порядка установления и изменения скидок, наличие принципа свободы договора в совокупности с положениями антимонопольного законодательства позволяет в полной мере преодолеть существующие проблемы правового регулирования. Наличие специальных положений о предоставлении скидок на товар в Законе о платформенной экономике вызвано спецификой возникающих отношений с цифровыми платформами. По мнению авторов, такое точечное правовое регулирование позволяет добиться более эффективных результатов, поскольку в данном конкретном случае учитывается спе-

[1] О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 22 ноября 2016 г. № 54. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

цифика субъектов и характер возникающих правоотношений. Применение норм административного законодательства в совокупности с гражданско-правовыми механизмами обеспечивает функционирование публично-правовой среды, в которой возможно исключительно законное и добросовестное применение скидок как инструмента договорного ценообразования.

1. Костенников М.В., Куракин А. В., Адмиралова И.А. // Государство и право. 2025. № 2. С. 93–104.
2. Куракин А. В. // Полицейская и следственная деятельность. 2022. № 4. С. 47–58.
3. Перетерский И. С., Краснокутский В. А., Новицкий И. Б., Розенталь И. С., Флейшиц Е. А. Римское частное право. М.: Юриспруденция, 1999. URL: https://clck.ru/3RLMPT (дата обращения: 17.01.2026).
4. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 2: Обязательственное право. М.: Статут, 2016. 544 с.
5. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Часть третья: Договоры и обязательства. М.: Юрайт, 2019. 624 с.
6. Серветник А. А. Механизм гражданско-правового регулирования системы скидок // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 5(130). С. 142–147.
7. Шестакова О. В. Скидка как условие договора розничной купли-продажи // Юриспруденция, государство и право: актуальные вопросы и современные аспекты: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 25 сент. 2020 г.). Пенза: Наука и Просвещение, 2020. С. 164–166.

1. Kostennikov M.V., Kurakin A. V., Admiralova I.A. // Gosudarstvo i pravo. 2025. № 2. S. 93–104.
2. Kurakin A. V. // Policejskaya i sledstvennaya deyatel`nost`. 2022. № 4. S. 47–58.
3. Pereterskij I. S., Krasnokutskij V. A., Noviczkij I. B., Rozental` I. S., Flejshicz E. A. Rimskoe chastnoe pravo. M.: Yurisprudenciya, 1999. URL: https://clck.ru/3RLMPT (data obrashheniya: 17.01.2026).
4. Shershenevich G. F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. T. 2: Obyazatel`stvennoe pravo. M.: Statut, 2016. 544 s.
5. Pobedonoscev K. P. Kurs grazhdanskogo prava. Chast` tret`ya: Dogovory` i obyazatel`stva. M.: Yurajt, 2019. 624 s.
6. Servetnik A. A. Mexanizm grazhdansko-pravovogo regulirovaniya sistemy` skidok // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii. 2019. № 5 (130). S. 142–147.
7. Shestakova O. V. Skidka kak uslovie dogovora roznichnoj kupli-prodazhi // Yurisprudenciya, gosudarstvo i pravo: aktual`ny`e voprosy` i sovremenny`e aspekty`: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Penza, 25 sent. 2020 g.). Penza: Nauka i Prosveshhenie, 2020. S. 164–166.

Информация об авторах

Наталия Александровна Малышева. Доцент кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса, кандидат юридических наук.
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя.
117437, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Даниил Александрович Булыжкин. Курсант.
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя.
117437, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Information about the authors

Natalia A. Malysheva. Associate Professor of the Chair of Civil and Labor Law, Civil Procedure, Candidate of Sciences (Law).

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

117437, Russia, Moscow, Akademika Volgina Str., 12.

Daniil A. Bulyzhkin. Cadet.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

117437, Russia, Moscow, Akademika Volgina Str., 12.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 20.05.2026; одобрена после рецензирования 10.06.2026; принята к публикации 13.07.2026.

The article was received in the editorial office on 20.05.2026; approved after review on 10.06.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 34

РЕГУЛЯТИВНЫЕ ПЕСОЧНИЦЫ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ В СФЕРЕ ЦИФРОВЫХ ИННОВАЦИЙ

Мельник Сергей Васильевич[1], Надтачаев Павел Валерьевич[2], Понтелеева Мария Александровна[3]
[1, 3]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия
[2]Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

[1]m809sv@yandex.ru
[2]paveln77@mail.ru
[3]mariaponteleeva@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется институт экспериментальных правовых режимов как механизм преодоления отставания права от темпов цифровой трансформации. Особое внимание уделено выявленному дисбалансу полномочий на финансовом рынке, противоречию между гибкостью экспериментального регулирования и принципом правовой определенности, а также пробелам в механизме страхования ответственности и возмещения вреда. Предлагаются меры по совершенствованию законодательства, в частности: закрепление обязательного страхования гражданской ответственности, установление регламентированных сроков межведомственного взаимодействия и восстановление равенства полномочий организаций предпринимательского сообщества.

Ключевые слова: правовое регулирование, цифровые инновации, цифровая экономика, гибкое регулирование, цифровизация, межведомственное взаимодействие.

Для цитирования: Мельник С. В., Надтачаев П. В., Понтелеева М. А. Регулятивные песочницы как инструмент конкурентоспособности в сфере цифровых инноваций // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 154–162.

REGULATORY SANDBOXES AS A TOOL FOR COMPETITIVENESS IN THE FIELD OF DIGITAL INNOVATION

Sergei V. Melnik[1], Pavel V. Nadtachaev[2], Maria A. Ponteleeva[3]
[1, 3]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
[2]Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

[1]m809sv@yandex.ru
[2]paveln77@mail.ru
[3]mariaponteleeva@yandex.ru

Annotation. The article examines the institution of experimental legal regimes as a mechanism for overcoming the lag between the law and the pace of digital transformation. Special attention is paid to the identified imbalance of powers in the financial market, the contradiction between the flexibility of experimental regulation and the principle of legal certainty, as well as the gaps in the mechanism of liability insurance and compensation for damages. The article proposes measures to improve legislation, including the establishment of mandatory civil liability insurance, the regulation

of interdepartmental cooperation, and the restoration of equal powers for organizations in the business community.

Keywords: experimental legal regime, regulatory sandboxes, legal regulation, digital innovations, digital economy, flexible regulation, and digitalization, interagency interaction.

For citation: Melnik S. V., Nadtachaev P. V., Ponteleeva M. A. Regulatory sandboxes as a tool for competitiveness in the field of digital innovation // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 2(107). P. 154–162.

Экспериментальные правовые режимы или, как их еще называют, регуляторные песочницы все чаще становятся инструментом для внедрения инноваций, в том числе в цифровой среде. Государство через такие правовые механизмы предоставляет компаниям возможность временно работать в особых условиях, тестировать новые технологии и подходы, которые еще не вписаны в рамки стандартного законодательства.

Правовое регулирование общественных процессов во всех сферах деятельности выполняет ключевую функцию – подтверждение их законности. Это своего рода основа, придающая легитимность происходящим в обществе изменениям. В юридической науке не сложилось официального разграничения правового регулирования на «традиционное» и «экспериментальное» или, например, «жесткое» и «гибкое». Анализ трансформаций в общественных отношениях и того, как на эти изменения откликаются нормативные акты, дает понять: в последние годы подход к регулированию стал заметно более гибким. Конечно, подобные трансформации не затрагивают базовые законы, наприме, Конституцию Российской Федерации или федеральные законы. Речь идет, прежде всего, о подзаконных актах, таких как постановления Правительства Российской Федерации, которые быстрее реагируют на происходящие перемены.

Особую пластичность правовых норм можно наблюдать в тех секторах, где происходят стремительные технологические изменения, особенно в сфере цифровых технологий и инноваций. Это неудивительно – сам характер этого рынка предполагает мгновенное обновление.

Серьезный толчок цифровизации дало распространение пандемии в 2020 году. Мир оказался в условиях, когда переход к виртуальному взаимодействию стал необходимостью. Удаленка, онлайн-сервисы, цифровые платформы – все это в кратчайшие сроки стало частью повседневной реальности для миллионов людей.

В результате произошло не только переосмысление образа жизни, но и изменение экономических процессов в целом. Сложившаяся ситуация стала мощным стимулом для государства: органы публичной власти начали активно пересматривать подходы к правовому обеспечению цифровизации. Им пришлось адаптировать нормативную базу, чтобы не тормозить развитие, а, напротив, способствовать проникновению информационных технологий в различные сферы.

Между тем предпосылки к такого рода трансформациям возникли еще до пандемии. В 2017 году генеральный секретарь Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) Хосе Анхель Гурриа выделил одну из ключевых проблем цифровой экономики – отсутствие четких принципов ее правового регулирования. Он отметил, что правовые основы цифровизации стремительно устаревают. В той же речи Х. А. Гурриа предлагал искать новые формы регулирования, учитывая скорость технологических изменений и широту их применения в экономике [1, с. 82]. Среди прочего он выдвинул идею о необходимости создания «экспериментального пространства для законодательства» и рассматривал «саморегулирование отрасли» как возможные меры. По его мнению, это могло бы стать способом найти новый устойчивый баланс между «мягким юридическим вмешательством в регулирование цифровизации экономики и жестким юридическим вмешательством» [2, с. 27].

Таким образом, на фоне стремительных цифровых перемен правовая система все чаще демонстрирует гибкость, отодвигая традиционные жесткие рамки ради поиска адекватных инструментов регулирования, способных идти в ногу со временем.

Сегодня стремительное развитие цифровых технологий требует от правовой системы не просто адаптации, а перестройки подходов к регулированию. Гибкость становится необходимым условием, особенно в условиях, когда инновации появляются быстрее, чем нормы, способные их осмыслить. Одним из таких шагов в сторону гибкости стали «регуляторные песочницы» или, иначе говоря, экспериментальные правовые режимы. Этот механизм, заимствованный из международной практики и адаптированный под российские реалии, позволяет апробировать нововведения прежде, чем запускать их в полную силу. Суть проста: создать замкнутое нормативное пространство, где можно в безопасных условиях протестировать законодательные новации и технологические решения на практике – без риска навредить текущей правовой структуре или участникам рынка.

Только в 2020 году институт регуляторных песочниц получил полноценное юридическое оформление. Речь идет о ФЗ РФ № 258 «Об экспериментальных правовых режимах» (далее – закон об экспериментальных правовых режимах)[1]. Этот документ стал важной вехой: он впервые на уровне закона определил, какие сферы могут быть предметом экспериментального регулирования, кто может быть его участником, какие процедуры предполагаются для запуска, корректировки, мониторинга и завершения таких правовых режимов [3, с. 133]. Он также зафиксировал цели, которые преследуются подобными экспериментами: ускорение внедрения цифровых решений, снижение административной нагрузки, повышение эффективности регулирования быстро развивающихся отраслей.

Формирование института экспериментальных правовых режимов стало закономерной реакцией государства на растущую потребность в одновременной гибкости и правовой определенности. Это дает возможность не просто сопровождать цифровые трансформации, но и начинать управлять ими – на опережение.

Закон об экспериментальных правовых режимах стал основой для создания гибкой нормативной среды, где допускается апробация цифровых инноваций в условиях, близких к реальным, но вне жестких рамок действующего законодательства. Данный правовой инструмент фактически предоставляет разработчикам и организациям возможность временно «освободиться» от ограничений, предусмотренных регламентами, если те мешают тестированию новых технологий. Например, использование автономного транспорта, управляемого без участия водителя, в обычных условиях нарушает ряд нормативных положений. Однако в пределах специально установленного экспериментального режима такие действия вполне допускаются и становятся правомерными. Закон делает это возможным, определяя особый порядок для тестирования новых решений, которые еще не вписались в существующие правовые рамки.

Примечательно, что сферы, в которых допускается использование экспериментальных режимов, охватывают практически все ключевые отрасли экономики и общественного функционирования. Здесь и медицина, особенно в части телемедицины и технологий, связанных с обработкой персонализированных медицинских данных.

Не менее активно прорабатываются механизмы применения цифровых решений в фармацевтике. Также сюда входит транспортная отрасль, включая разработку и использование беспилотных воздушных судов, а также создание процедур аттестации операторов высокоавтоматизированных средств передвижения.

[1] Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций: Федер. закон Рос. Федерации от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Среди других направлений – аграрный сектор, финансовая сфера, онлайн-торговля, в том числе продажа товаров, услуг и выполнение работ через интернет. Немаловажную роль играет строительство, где цифровые технологии могут применяться на этапах проектирования, возведения, реконструкции или демонтажа зданий, а также при эксплуатации объектов капитального строительства. Такой подход расширяет возможности как частных компаний, так и государственных структур. Последние, кстати, не остаются в стороне – в экспериментальные модели включено оказание государственных услуг, осуществление надзорных функций и других полномочий как на федеральном, так и на муниципальном уровне. Промышленность как одна из движущих сил экономики также не игнорирует достижения научно-технического пргресса: цифровые инновации получают право на пилотное внедрение и в этой стратегии. При этом перечень направлений не ограничивается уже обозначенными – он открыт для изменений, которые могут быть внесены Правительством Российской Федерации.

Чтобы получить право участвовать в этом экспериментальном режиме, компания или предприниматель должны представить на рассмотрение государственным органам детально проработанную программу. В таком документе должно быть четко указано, о какой цифровой инициативе идет речь, в чем ее суть, как она работает, на каком этапе зрелости она находится. Описывается новизна бизнес-модели, ее потенциальные преимущества для отрасли или общества, а также целевые аудитории. Обязательная часть – оценка рисков, которые может нести внедрение, и инструменты, с помощью которых эти риски предполагается снижать. Это не формальность – от качества программы зависит, получит ли инициатива зеленый свет.

Если государство дает согласие, проект допускается к тестированию на срок, установленный в программе. Этот срок устанавливается индивидуально, но все зависит от юрисдикции: в разных странах это продолжительность варьируется от пары месяцев до нескольких лет. В Великобритании, Китае, Индии и Австралии речь, как правило, идет о 3–12 месяцах, тогда как в Объединенных Арабских Эмиратах присваивается срок до двух лет, а в России закон позволяет проводить эксперимент в течение пяти лет. Таким образом, российская модель предлагает довольно продолжительный диапазон, возможно, с оглядкой на сложность и масштабы некоторых технологических решений, нуждающихся в более глубокой и долгосрочной проверке.

Именно в таких условиях – пусть и временных – можно сделать практические выводы: стоит ли разработку масштабировать, адаптировать под существующее законодательство и в конечном итоге включать в перечень решений, поддерживаемых федеральным бюджетом. Именно целевая апробация дает государству реальную возможность избежать несвоевременного или неоправданного внедрения технологий, способных лишь создать нагрузку на экономику или вызвать социальные противоречия.

Примеры эффективности такой экспериментальной модели уже есть. Особенно заметна ее результативность в процессе внедрения систем цифровой маркировки, предназначенных для идентификации широкого круга товаров. Благодаря временным правовым режимам удалось быстро проверить, насколько такие системы удобны для бизнеса, эффективны в борьбе с контрафактом и приемлемы для потребителей. Именно через регуляторные песочницы можно застраховать экономику от техногенных ошибок: никакой теоретический расчет не способен так точно предсказать последствия внедрения, как живой эксперимент с реально работающей инновацией. Идея экспериментального правового режима все чаще обсуждается как возможный ответ на так называемый эффект отставания права от стремительно развивающихся технологий – явление, обусловленное как объективными, так и субъективными причинами. Суть проблемы заключается в том, что жизнь с ее технологической динамикой неизбежно опережает законодательные механизмы, не успевающие вовремя ответить на вызовы новой реальности. В этом контексте правовой режим рассматривается законодате-

лем как своеобразный «мост» между существующим регулированием и необходимостью адаптироваться к цифровому будущему.

Практика экспериментального регулирования противоречит принципу правовой определенности [4, с. 3]. Последняя же рассматривается как базовая характеристика правового государства, предполагающая устойчивость законодательства и предсказуемость его применения. В этом контексте возникает напряженность между стремлением к инновациям и необходимостью придерживаться фундаментальных правовых основ.

В то же время отказываться от экспериментального правового режима исключительно из-за подобных опасений – это значит упустить ключевые возможности. Ведь главная цель этих правовых механизмов – не только создать пространство для безопасной апробации новых технологий, но и выявить потенциальные угрозы, в том числе скрытые риски, связанные с дискриминацией. Тем самым законодатель старается сохранить баланс между двумя сторонами – свободой инноваций и защитой прав граждан. Именно в таком контексте правовой режим может рассматриваться не как подрыв устоев, а как промежуточная стратегия. Такая адаптивность позволяет нормативной системе не просто реагировать на изменения, а делать это постепенно и грамотно, учитывая многообразие факторов.

При этом важно понимать, что динамизм в регулировании не должен превращаться в безудержную гонку за инновациями, где оперативность и прагматизм вытесняют на второй план базовые права человека [5, с. 31]. Законодательство не может и не должно становиться заложником функциональности. Подлинная эффективность правовой системы проявляется там, где соблюдение принципа законности сочетается со способностью воспринимать реалии нового времени.

Вместе с тем экспериментальный правовой режим – это не «зона анархии», где разрешено все. Участие в таком режиме обычно означает выполнение обязательств, прописанных индивидуально, – в соответствии с Федеральным законом «Об экспериментальных правовых режимах». Этот закон не отменяет общую правовую систему, а, наоборот, вписывает эксперимент в легальное поле. Он устанавливает рамки, в которых допустим эксперимент, и пределы, за которые выходить нельзя. С одной стороны, такие режимы предоставляют участникам поле для инноваций – возможность протестировать нестандартные решения, не вписывающиеся в традиционные рамки законодательства. Но, с другой стороны, это совсем не означает, что действующее право перестает работать. Правила в таких ситуациях становятся гибкими, но не исчезают вовсе. Ответственность сохраняется, хотя и принимает иные, порой более сложные формы.

Если субъект, действующий в рамках режима, нарушает условия участия или, того хуже, наносит вред гражданам или юридическим лицам, к нему применяются стандартные механизмы правовой ответственности – гражданско-правовой, административной, а в отдельных случаях и уголовной. Единственное, что может измениться, – это толкование норм или, скажем, степень строгости при оценке правонарушения. Например, в спорной ситуации суд может учитывать новизну технологии или неясность нормативных требований, но это вовсе не освободит от последствий.

Немало вопросов возникает и вокруг обязанности страховать гражданскую ответственность субъектами режима. Закон позволяет предусматривать такую обязанность уже в самой программе (п. 4 ст. 5). Однако гражданское законодательство, в частности п. 1 ст. 935 Гражданского кодекса РФ, ясно указывает: случаи, в которых страхование обязательно, могут быть установлены только федеральным законом[1]. Таким образом, передача права введения страховой обязанности правительству или Банку России означает смещение нормативных границ в сторону исполнительной власти,

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): Федер. закон Рос. Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

что потенциально ослабляет правовую определенность и принцип правовой предсказуемости [6, с. 200].

Если уполномоченные органы, ответственные за согласование эксперимента, допустят ошибки, последствия могут лечь и на них. Речь идет о пределах их компетенции и добросовестности при предоставлении разрешений и надзорных действий. Закон, в частности ст. 10 упомянутого Федерального закона № 258-ФЗ, предусматривает механизм выхода из экспериментального режима, если он ведет к неприемлемым рискам. Это, в свою очередь, также юридическое действие, влекущее за собой определенные последствия.

Что касается общего направления развития правового регулирования, то в России, как и во многих других странах, наблюдается поступательное внедрение экспериментальных правовых режимов, особенно в связи с цифровыми технологиями. Такой путь предполагает определенную последовательность: сначала обозначается сфера будущего эксперимента, затем добровольно формируется круг участников, устанавливаются сроки и границы проведения. Далее следует обязательная оценка результатов, и только после нее принимается решение о том, стоит ли внедрять масштабное традиционное регулирование или нет.

Безусловно, подобный формат несет в себе как выигрыши, так и риски. Но главный его плюс в том, что даже негативные последствия, выявленные на этапе опытного применения, значительно проще устранить, чем бороться с ними, когда технология уже массово проникает в жизнь общества. И в этом очевидное преимущество экспериментального подхода в условиях стремительных технологических перемен.

Сложившееся на сегодняшний день регуляторное окно, призванное обеспечить функционирование экспериментального правового режима, содержит ряд норм, которые, по всей видимости, не способствуют его эффективной реализации, а напротив, создают определенные риски, способные снизить практическую ценность эксперимента.

В соответствии с базовыми положениями Закона об экспериментальных правовых режимах, организация предпринимательского сообщества обладает теми же полномочиями, что и уполномоченный, и регулирующий органы. Предполагалось, что участие всех трех сторон – на равных – будет гарантировать сбалансированный подход к разработке, ведению и контролю за правовыми экспериментами. Однако в направлении финансового рынка сложилась иная ситуация, при которой Банк России, совмещающий в этом случае функции и уполномоченного, и регулирующего органа, фактически действует единолично, получив тем самым исключительное право влиять на ключевые решения.

Так, роль иных участников, прежде задуманных в качестве равноправных, оказалась усеченной. Это особенно заметно при решении вопроса о целесообразности запуска конкретного экспериментального режима и внесения корректив в действующую нормативную среду. На практике Банк России, получив преимущества в силу институционального положения, сосредотачивает в своих руках контроль над всей процедурой – от согласования до оценки результатов. Механизм, который должен был функционировать как система сдержек и противовесов, деградировал до модели монопольного управления.

Такое отклонение нарушает концепцию равенства и взаимного контроля, которая изначально лежала в основе Закона об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций (ЭПР). Законодатель задумывал модель, в которой каждая из трех сторон обладает правом голоса и возможностью повлиять на ход эксперимента. Однако действующая практика участия Банка России в проектах финансового направления полностью разменивает эту идею на одностороннее администрирование.

Следствием подобного дисбаланса становится угроза блокировки альтернативных инициатив, не совпадающих с позициями Банка России, что ставит под сомнение открытость и эффективность экспериментов в данной сфере. Кроме того, возникает поле

для возможных злоупотреблений, прежде всего за счет непрозрачных процедур отбора участников, недостатка обязательного мониторинга и отсутствия обязанности компенсировать возможный ущерб от рисков, неизбежных в условиях правового тестирования.

Для исправления выявленных пробелов необходима основательная переработка механизмов, заложенных в подзаконных актах. В частности, стоит пересмотреть логику рассмотрения инициатив, сделав этот процесс максимально прозрачным. В программе любого экспериментального режима должно четко быть прописано, с какой регулярностью проводится мониторинг, чтобы обеспечить надлежащий контроль за его реализацией. Также необходимо законодательное закрепление обязанности субъектов страховать гражданскую ответственность, чтобы компенсировать возможный вред третьим лицам.

Кроме того, следовало бы установить конкретный срок – не более двух рабочих дней – в течение которого уполномоченный орган обязан передать одобренную заявку в организацию предпринимательского сообщества, регулирующий орган и высшие исполнительные органы соответствующего субъекта РФ [7, с. 51]. И, наконец, следует устранить правовой дисбаланс, приведя полномочия организации предпринимательского сообщества в рамках финансового рынка в точное соответствие с теми, что определены законом.

Экспериментальные правовые режимы в последние годы становятся все более заметным элементом правового ландшафта, особенно в контексте стремительно развивающихся технологий и новых бизнес-моделей. Гибкость, которую они предоставляют, позволяет реагировать на вызовы современной экономики, при этом не разрушая действующую нормативную систему.

Перспектива развития таких режимов напрямую связана с тем, как быстро меняются общественные и технологические реалии. Чем больше появляется технологий, выходящих за рамки стандартного регулирования, тем очевиднее становится потребность в инструментах, способных быстро и ответственно подстроиться под новую реальность. Особенно перспективно в этом смысле выглядит сфера искусственного интеллекта, блокчейна и беспилотного транспорта. Эти технологии требуют постоянного взаимодействия не только с бизнесом, но и с органами правоприменения, чтобы гарантировать как эффективность, так и соблюдение прав граждан.

Но не обошлось и без сложностей. Одна из них – это неопределенность правового статуса всех участников режима. Степень защиты прав потребителей в таких условиях порой оказывается ниже, чем в стандартном нормативно-правовом поле. Кроме того, возникает необходимость в установлении четких критериев, по которым оценивается успешность эксперимента и определяются последующие действия: отмена, продление или внесение изменений в основное законодательство. При этом важно помнить, что вводимые режимы не должны становиться лазейкой для обхода тех норм, которые защищают общественные интересы.

Экспериментальные правовые режимы представляют собой не просто инструмент временной корректировки нормы, а полноценную площадку для правового развития. Это возможность видеть, как должна трансформироваться система, чтобы оставаться актуальной. В этом контексте они уже сейчас приобретают значение своеобразной лаборатории будущего, где государство учится быть не только арбитром, но и соучастником прогресса.

---

1. Алипова К. А. Особенности перехода от традиционного правового регулирования к экспериментальному в области цифровых технологий // Молодой ученый. 2022. № 39(434). С. 81–84.
2. Лапин А. В. Развитие национальной инновационной системы как обязательное условие технологических изменений и роста производства // Административное и муниципальное право. 2018. № 4. С. 26–41.

3. Завьялова Е. Б., Крыканов Д. К., Патрунина К. К. 2019. «Механизм регуляторных песочниц для внедрения цифровых инноваций: опыт внедрения экспериментальных правовых режимов на национальном и наднациональном уровне». Право и управление. XXI век. С. 130–138.
4. Дербышева Е. А. Принцип правовой определенности: понятие, аспекты, место в системе принципов права: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2020. 238 с.
5. Черешнева И. А. Экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций: к вопросу об обеспечении правовой определенности // Право и политика. 2023. № 12. С. 27–34.
6. Залоило М. В., Пашенцев Д. А. Национальный правопорядок России в условиях цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. № 2. С. 196–209.
7. Тарасенко О. А. Экспериментальный правовой режим – полигон для инноваций и регулирования // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2023. № 1. С. 40–55.

1. Alipova K. A. Osobennosti perexoda ot tradicionnogo pravovogo regulirovaniya k e`ksperimental`nomu v oblasti cifrovy`x texnologij // Molodoj ucheny`j. 2022. № 39(434). S. 81–84.
2. Lapin A. V. Razvitie nacional`noj innovacionnoj sistemy` kak obyazatel`noe uslovie texnologicheskix izmenenij i rosta proizvodstva // Administrativnoe i municipal`noe pravo. 2018. № 4. S. 26–41.
3. Zav`yalova E. B., Kry`kanov D. K., Patrunina K. K. 2019. «Mexanizm regulyatorny`x pesochnicz dlya vnedreniya cifrovy`x innovacij: opy`t vnedreniya e`ksperimental`ny`x pravovy`x rezhimov na nacional`nom i nadnacional`nom urovne». Pravo i upravlenie. XXI vek. C. 130–138.
4. Derby`sheva E. A. Princip pravovoj opredelennosti: ponyatie, aspekty`, mesto v sisteme principov prava: dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2020. 238 s.
5. Chereshneva I. A. E`ksperimental`ny`j pravovoj rezhim v sfere cifrovy`x innovacij: k voprosu ob obespechenii pravovoj opredelennosti // Pravo i politika. 2023. № 12. S. 27–34.
6. Zaloilo M. V., Pashencev D. A. Nacional`ny`j pravoporyadok Rossii v usloviyax cifrovizacii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2019. № 2. S. 196–209.
7. Tarasenko O. A. E`ksperimental`ny`j pravovoj rezhim – poligon dlya innovacij i regulirovaniya // Vestnik SPbGU. Seriya 14. Pravo. 2023. № 1. S. 40–55.

Информация об авторах

Сергей Васильевич Мельник. Профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин, кандидат юридический наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Павел Валерьевич Надтачаев. Заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент.
Уфимский юридический институт МВД России.
450103, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.

Мария Александровна Понтелеева. Курсант.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the authors

Sergey V. Melnik. Professor of the Chair of Civil Law Disciplines, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Pavel V. Nadtchaev. Deputy Head of the Chair of Civil Law Disciplines, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
450103, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Muksinova Str., 2.

Maria Al. Ponteleeva. Cadet.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 18.05.2026; одобрена после рецензирования 10.06.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was received in the editorial office on 18.05.2026; approved after review on 10.06.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 342.951

УЧАСТИЕ В ДОРОЖНОМ ДВИЖЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН КАК ФАКТОР ПОВЫШЕННОГО РИСКА ДЛЯ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Мишина Юлия Вячеславовна[1], Юшина Кристина Александровна[2]
[1, 2]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

[1]ukkazluka@mail.ru
[2]kristina_alexandrovna77@mail.ru

Аннотация. В статье проводится корреляционный анализ статистических показателей дорожно-транспортных происшествий с участием иностранных граждан и динамики конкретных национальных миграционных потоков. Выделяются основные причины и условия, обуславливающие рост происшествий с участием иностранных граждан. Выявляются пробелы и коллизии нормативно-правового регулирования допуска к участию в дорожном движении иностранных граждан и порядка прекращения права управления транспортными средствами. Рассматриваются требования, касающиеся допуска иностранных граждан к участию в дорожном движении в качестве водителей транспортных средств на территории Российской Федерации с учетом их текущего правового статуса. Вносятся предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: иностранные граждане, водители-мигранты, участники дорожного движения, безопасность дорожного движения, дорожно-транспортные происшествия, высокая аварийность.

Для цитирования: Мишина Ю. В., Юшина К. А. Участие в дорожном движении иностранных граждан как фактор повышенного риска для дорожно-транспортной безопасности России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 163–175.

PARTICIPATION OF FOREIGN CITIZENS IN ROAD TRAFFIC AS AN INCREASED RISK FACTOR FOR ROAD TRAFFIC SAFETY IN RUSSIA

[1]Yulia V. Mishina, [2]Kristina A. Yushina
[1, 2]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

[1]ukkazluka@mail.ru
[2]kristina_alexandrovna77@mail.ru

Annotation. The article provides a correlation analysis of statistical indicators of road traffic accidents involving foreign citizens and the dynamics of specific national migration flows. The main reasons and conditions that determine the growth of incidents involving foreign citizens are highlighted. Gaps and conflicts of regulation of the admission of foreign citizens to participate in road traffic and the procedure for terminating the right to drive vehicles are revealed. Requirements concerning the admission of foreign citizens to participate in road traffic as drivers of vehicles

on the territory of the Russian Federation, taking into account their current legal status, are being considered. Proposals are made to improve the current legislation.

Keywords: foreign citizens, migrant drivers, road users, road safety, road traffic accidents, high accident rate.

For citation: Mishina Yu. V., Yushina K. A. Participation of foreign citizens in road traffic as an increased risk factor for road transport safety in Russia // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 2(107). P. 163–175.

В условиях современной действительности миграционные процессы занимают важное место в системе любого правового государства, задавая определенные векторы формирования политики, направленной на их нормативное регулирование[1].

В результате происходящих миграционных процессов международного характера на территорию Российской Федерации прибывает значительное количество иностранных граждан и лиц без гражданства с различными целями: работа, учеба, личная цель, туризм, предоставление временного убежища и др. Так, только в 2024 году, по данным Росстата, в Российскую Федерацию прибыло 799 817 человек, из которых 670 436 – представители государств – участников Содружества Независимых Государств (СНГ)[2].

Занимая определенное миграционным законодательством правовое положение и частично интегрируясь в российское общество, иностранные граждане и лица без гражданства выступают участниками существующих общественных отношений, в том числе и в области дорожного движения.

С 2021 года в России фиксировалось увеличение количества правонарушений в области дорожного движения, совершаемых иностранными гражданами, наблюдался рост дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) по их вине. В этой связи согласно Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации иностранные граждане, участвующие в дорожном движении, были выделены в отдельную группу риска[3].

Статистика показывает, что чаще всего участниками ДТП становились водители – граждане Узбекистана, Киргизии, Таджикистана. Чуть реже – Армении, Азербайджана, Беларуси, Казахстана и Туркменистана (см. таблица 1).

[1] Строева О. А. К вопросу о порядке пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2023. № 1(94). С. 86–95.

[2] Доклад «Социально-экономическое положение России 2024 год»: URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2024.pdf (дата обращения: 02.04.2026).

[3] Об утверждении Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Рос. Федерации от 14 ноября 2025 г. № 841. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таблица 1

Основные показатели аварийности с участием водителей – иностранных граждан (наибольшие показатели)[1]

Государства	Количество ДТП			Погибло, человек			Ранено, человек			Коэффициент виновности		
	2022	2023	2024	2022	2023	2024	2022	2023	2024	2022	2023	2024
Республика Узбекистан	1330	1514	1373	107	173	150	1804	2014	1837	67,3	65	65,4
Киргизская Республика	1282	1284	1194	62	52	77	1638	1642	1492	63,2	61,8	62,3
Республика Таджикистан	993	1188	1040	109	88	95	1281	1627	1420	64,7	66,2	64,7
Республика Армения	376	331	303	50	52	36	515	442	394	63,7	65,5	61,2
Азербайджанская Республика	284	326	300	22	34	19	379	426	416	67	64,2	60,1
Республика Беларусь	261	299	309	44	49	60	339	407	361	48,4	51,3	49,8
Республика Казахстан	177	203	206	29	29	39	246	317	308	56,5	51,5	59,7
Туркменистан	69	85	212	0	6	17	63	111	279	61,6	70,8	72,6

Однако количество лиц, прибывших из государств, указанных в таблице, и пребывающих на территории России, существенно разнится. Так, по данным Росстата и по показателям международной миграции в 2024 году с государствами – участниками СНГ, количество прибывших из Узбекистана составило 118 204 человек, Киргизии – 117 400, Таджикистана – 190 511, Армении – 67 578, Азербайджана – 23 257, Беларуси – 19 952, Казахстана – 63 819, Туркменистана – 25 772[2]. В таких условиях относительные показатели аварийности с участием водителей – иностранных граждан выглядят иначе. Например, удельный вес ДТП, в которых фигурировали граждане Таджикистана (из расчета на 1000 прибывших в Россию в 2024 году), составил 5,4. Тот же показатель для граждан Азербайджана составил уже 12,8. То есть фактически граждане Азербайджана в 2,3 раза чаще становились участниками ДТП.

Традиционно концентрация таких происшествий связана с субъектами, в которых фиксируется большая активность мигрантов: Москва, Московская область, Санкт-Петербург.

Как отмечают аналитики, большинство ДТП с участием иностранных граждан происходит по их же вине [1]. Так, в 2024 году доля происшествий по вине водителей – представителей Туркменистана от общего количества ДТП с их участием составила 72,6 %, Узбекистана – 65,4 %, Таджикистана – 64,7 %. Обратный эффект зафиксирован только в авариях с участием граждан Республики Беларусь: коэффициент виновности в таких происшествиях в 2022 году составил 48,4 %, в 2024 году – 49,8 %.

При этом опрос, проведенный компанией «РосМигрант» среди мигрантов, задействованных в сфере автомобильных перевозок, показал, что только 89 % опрошенных понимают правила дорожного движения, знаки и разметку в России; 10 % респон-

[1] Таблица подготовлена на основании аналитических обзоров состояния безопасности дорожного движения за 2022–2024 годы: URL: https://нцбдд.мвд.рф/ресурсы/аналитические-обзоры-состояния-безопасно (дата обращения: 02.04.2026).

[2] Доклад «Социально-экономическое положение России 2024 год»: URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2024.pdf (дата обращения: 02.04.2026).

дентов ответили, что в целом понимают, но иногда испытывают трудности; 1 % опрошенных указал на наличие значительных трудностей в понимании действующих в России правил дорожного движения (далее – ПДД)[1].

Несмотря на то что ДТП всегда является следствием несоблюдения правил, действующих в области дорожного движения, причины нарушений ПДД иностранными гражданами неоднозначны. В их числе: различия в правилах дорожного движения и условиях получения допуска к управлению транспортными средствами в разных странах; специфика организации дорожного движения конкретного региона и слабое ориентирование на местности; стиль и культура вождения; пробелы в механизме привлечения к административной ответственности за нарушение ПДД, позволяющие избежать наказания за совершенное правонарушение; превалирование личных, чаще всего экономических целей над интересами общества в части соблюдения требований безопасности дорожного движения.

Так, одной из основных причин ДТП по вине водителей является несоответствие скорости конкретным условиям движения. Выбирая скоростной режим в дорожной ситуации, водитель должен ориентироваться не только на состояние покрытия, метеорологические условия и технические характеристики своего автомобиля, но и на имеющиеся ограничения, установленные для конкретной дороги. Между тем диапазон разрешенных скоростей в разных странах отличается. Так, в России разрешенная скорость движения в населенных пунктах не более 60 км/ч, а в Узбекистане – не более 70 км/ч (за исключением городов Нукус и Ташкент, областных и районных центров)[2]. Предельная допустимая скорость на автомагистралях (для легковых автомобилей): в России – не более 110 км/ч, в Белоруссии – 120 км/ч[3], в Казахстане – 140 км/ч. На других дорогах в России и Белоруссии – не более 90 км/ч, тогда как в Казахстане – не более 100 км/ч[4].

Следует признать, что наличие расхождений в допустимом диапазоне скоростей не является основной причиной его нарушения иностранными гражданами.

Специфика фиксации фактов превышения разрешенного скоростного порога предполагает активное использование технических комплексов фотовидеофиксации, работающих в автоматическом режиме [2]. При этом постановление о назначении административного наказания выносится в отношении собственника транспортного средства. Получение информации о владельце автомобиля, зарегистрированного в другом государстве, возможно в рамках международного обмена данными, однако соглашения о взаимном предоставлении таких сведений в большинстве случаев просто отсутствуют. Государство пытается разрешить ситуацию, организуя информационный обмен между Госавтоинспекцией и таможенными органами Российской Федерации. Однако эффективность представленного алгоритма пока остается под вопросом, в том числе по причине недостаточности сведений об иностранном транспорте (для целей Госавтоинспекции) в базах данных таможенных органов. Как следствие, иностранные граждане

---

[1] За рулем мигрант: статистика ДТП с водителями-иностранцами за первое полугодие 2025 года: URL: https://www.kolesa.ru/news/za-rulem-migrant-statistika-dtp-s-voditeliami-inostrancami-za-pervoe-polugodie-2025-goda (дата обращения: 02.04.2026).

[2] Правила дорожного движения Республики Узбекистан: URL: https://yhxx.uz/ru/menu/zakony-ob-pdd (дата обращения: 02.04.2026).

[3] О мерах по повышению безопасности дорожного движения: Указ Президента Республики Беларусь от 28 ноября 2005 г. № 551: URL: https://yhxx.uz/ru/menu/zakony-ob-pdd (дата обращения: 02.04.2026).

[4] Об утверждении Правил дорожного движения, Основных положений по допуску транспортных средств к эксплуатации, перечня оперативных и специальных служб, транспорт которых подлежит оборудованию специальными световыми и звуковыми сигналами и окраске по специал.: приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 30 июня 2023 года № 534: URL: https://zakon.uchet.kz/rus/docs/V2300033003 (дата обращения: 02.04.2026).

(за исключением граждан Республики Беларусь), передвигающиеся по территории России на личном транспорте с нарушением скоростного режима, оказываются в серой зоне. Более того, само по себе установление сведений о владельце автомобиля и вынесение в отношении него постановления не гарантируют исполнения назначенного наказания. По данным МВД России, только за 7 месяцев 2025 года в отношении владельцев указанных транспортных средств было вынесено 359,6 тыс. постановлений о наложении административного штрафа (+51,5 %). Из них исполнено всего 47,2 %. То есть 52,8 % нарушителей фактически избежали наказания[1]. При этом количество постановлений, вынесенных с применением специальных технических средств, выросло на 76,2 %, а процент их исполнения снизился с 50,6 % до 37,3 %. Возможность выехать из страны в срок, отведенный на добровольную оплату назначенного штрафа, привела к возникновению явления, получившего неофициальное название «штраф-туризм», когда водители из других стран нарушают правила, не опасаясь последствий, так как покидают страну до наступления срока оплаты. Подобная ситуация нашла разрешение в законодательстве Республики Беларусь. В случае нарушения иностранным гражданином скоростного режима, зафиксированного специальными техническими средствами, у водителя изымается водительское удостоверение до момента исполнения административного взыскания[2].

По данным статистики, в 2024 году 19,2 % от всех нарушений в области дорожного движения, допущенных иностранными гражданами, совершены пешеходами, пассажирами и иными лицами, участвующими в дорожном движении [3]. Причем в контексте ДТП речь чаще всего идет о пользователях средств индивидуальной мобильности. Электросамокаты, гибридные модели велосипедов стали привычными элементами городской среды. «Отвоевывая» территорию для движения у пешеходов и создавая аварийные ситуации на тротуарах, пользователи этих устройств легко перемещаются на проезжую часть, становясь внезапной, нередко непрогнозируемой опасностью для водителей транспортных средств. С учетом того, что такой вид транспорта активно используется компаниями, оказывающими услуги по доставке продуктов питания и товаров для дома, а в указанной сфере активно работают мигранты, риск ДТП повышается. При этом предпосылки для противоправного поведения создаются не только наличием прямой зависимости между заработком курьера и скоростью доставки, но и определенными сложностями фиксации правонарушений такого рода и привлечения виновных лиц к ответственности. В рассматриваемом контексте стоит обратить внимание и на то обстоятельство, что в отдельных случаях положения национального законодательства других стран (при общей схожести базовых норм, регулирующих порядок движения пешеходов и иных участников дорожного движения) требуют действовать в идентичных дорожных ситуациях противоположным образом. Например, п. 24.6 ПДД Российской Федерации во всех случаях совмещенного с пешеходами движения велосипедистов и лиц, использующих для передвижения средства индивидуальной мобильности, предоставляет пешеходам приоритет[3]. Тогда как п. 24.7 ПДД Кыргызской Республики при наличии аналогичных условий предписывает пешеходам уступать дорогу и велосипедистам, и пользователям средств индивидуальной мобильности[4].

---

[1] О внесении изменений в статью 32.2 Кодекса Рос. Федерации об административных правонарушениях. Проект № 159827: URL: https://regulation.gov.ru/projects/159827 (дата обращения: 02.04.2026).

[2] П. 4 ст. 8.9 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 92-З: URL: https://zpod.by/wp-content/uploads/2021/06/hk2100092_1611262800.pdf?ysclid=mnr8lm1xwh737813870 (дата обращения: 02.04.2026).

[3] О Правилах дорожного движения: постановление Правительства Рос. Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Правила дорожного движения: постановление Правительства Кыргызской Республики от 4 августа 1999 г. № 421. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/33664/edition/1242753/ru (дата обращения: 02.04.2026).

Как показывает практика, ДТП могут быть обусловлены не только нарушением правил дорожного движения, но и состоянием здоровья водителя. Важно обратить внимание и на то, что критерии допуска к управлению транспортными средствами в России и других государствах могут не совпадать. Более того, вопрос процедуры допуска к управлению автомобильным транспортом лиц, страдающих одним и тем же заболеванием, тоже может решаться по-разному. Например, в России умственная отсталость любой степени является медицинским противопоказанием к управлению транспортным средством[1], тогда как в Узбекистане умственная отсталость всех степеней – противопоказание к управлению только транспортными средствами категории C, D, CE, DE, трамваями и троллейбусами. Легкая степень умственной отсталости не является препятствием к получению водительского удостоверения категорий A, B, BE[2].

В числе медицинских противопоказаний, внесенных в России в соответствующий перечень, – эпилепсия. Однако, несмотря на наличие прямого противопоказания для получения допуска к управлению транспортными средствами, ДТП по вине водителя, у которого начался приступ заболевания, – не редкость. Так, в Приморском крае приступ эпилепсии случился у водителя внедорожника. В результате транспортное средство въехало в остановку маршрутного транспорта, сбив по пути двух пешеходов[3]. В Пермском крае сразу шесть человек, переходившие проезжую часть по пешеходному переходу, были сбиты водителем, больным эпилепсией[4]. Аналогичный случай привел к трагедии в Казахстане. Водитель, потерявший сознание во время эпиприпадка, совершил наезд на шестерых детей, четверо из которых от травм скончались[5].

Важно отметить, что в Российской Федерации прокурор, действуя в целях защиты интересов общества и государства в области дорожного движения, в пределах своей компетенции может обратиться в суд с административным исковым заявлением о досрочном прекращении права управления у лица, страдающего эпилепсией, либо имеющего иные противопоказания к управлению транспортными средствами. В ситуации, когда такое заболевание выявлено в России у иностранного гражданина, имеющего национальное водительское удостоверение, применение обозначенного правового механизма фактически невозможно, поскольку решение о предоставлении рассматриваемого права было принято на основании национальных норм другого государства и, соответственно, может быть изменено только в рамках его правового поля.

На текущий момент в рамках международного взаимодействия возможно разрешение вопроса исполнения решения о лишении права управления транспортным средством в стране проживания водителя – иностранного гражданина – только если обозначенное лишение соответствующего права – вид наказания за административное право-

---

[1] Перечень медицинских противопоказаний к управлению транспортным средством: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 12 апреля 2025 г. № 892-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О дорожном движении: Закон Республики Узбекистан от 19 января 2024 г. № ЗРУ-900. URL: https://nrm.uz/contentf?doc=743752_perechen_medicinskih_protivopokazaniy_k_upravleniyu_transportnymi_sredstvami_(prilojenie_k_zakonu_ruz_ot_19_01_2024_g_n_zru-900)&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana (дата обращения: 02.04.2026).

[3] Названа причина, по которой водитель внедорожника сбил людей в Приморье: URL: https://ria.ru/20230505/dtp-1869824000.html (дата обращения: 02.04.2026).

[4] Больные эпилепсией свободно разъезжают по дорогам России: URL: https://auto.rambler.ru/roadaccidents/40777025/?utm_content=auto_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 02.04.2026).

[5] Приступ эпилепсии привел к трагедии в Бестереке: водитель выступил в суде. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/pristup-epilepsii-privel-tragedii-bestereke-voditel-587625 (дата обращения: 02.04.2026).

нарушение [4]. Однако даже в таком случае речь идет только об Азербайджане, Армении, Белоруссии, Грузии, Казахстане, Киргизии, Молдавии и Таджикистане[1].

Как справедливо отмечает П. В. Голубоцких, миграционные риски в области безопасности дорожного движения связаны с участием иностранных граждан в сфере дорожного движения, в том числе в качестве водителей, в том числе общественного транспорта [6, с. 146]. Безопасность дорожного движения является специфической сферой общественных отношений, требующей не только динамичной законодательной коррекции, но и продуктивных методов, направленных на предупреждение ДТП и снижение тяжести их последствий. В то же время Российская Федерация – правовое государство, в котором иностранные граждане и лица без гражданства пользуются правами и несут обязанности наравне с его гражданами, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации [5].

В целях сдерживания объективно существующих миграционных рисков в области безопасности дорожного движения в рамках проводимой в Российской Федерации миграционной политики на законодательном уровне разработаны и реализуются различные ограничительные и уведомительные правовые механизмы, призванные обеспечить максимальную эффективность для конкретной категории иностранных граждан – водителей.

Всех иностранных граждан, участвующих в дорожном движении на территории Российской Федерации в качестве водителей транспортных средств, условно можно разделить на две большие категории: лица, использующие автомототранспорт в личных целях (независимо от того, является данное лицо собственником транспортного средства или нет), и лица, осуществляющие трудовую деятельность в качестве водителей.

Иностранные граждане, входящие в первую категорию, могут временно пребывать, временно или постоянно проживать на территории Российской Федерации, находиться в нашей стране в целях получения временного убежища или для получения гражданства, осуществлять транзитный проезд через территорию страны и др.

Исходя из имеющегося правового статуса, вырисовывается круг нормативно закрепленных требований к участию иностранного гражданина в дорожном движении в качестве водителя.

Если иностранный граждан, управляющий транспортным средством, не имеет гражданства Российской Федерации (далее – гражданства РФ) или вида на жительство и является временно пребывающим в Российской Федерации либо туристом, он вправе управлять транспортным средством на основании действительного национального водительского удостоверения (или международного) при условии его соответствия Конвенции о дорожном движении (заключена в г. Вене 08.11.1968) [6].

При приеме иностранного гражданина в гражданство РФ получение им вида на жительство, дающего право постоянно проживать в Российской Федерации в контексте обеспечения дорожной безопасности, введено обязательное требование о замене водительского удостоверения иностранного образца на российское водительское удостоверение[2]. В таком случае срок замены водительского удостоверения – один год с даты изменения правового статуса. Таким образом, иностранный гражданин признается законно управляющим транспортным средством на территории России на основании документа, выданного другим государством еще целый год. Важно отметить, что тре-

[1] Конвенция о взаимном признании и исполнении решений по делам об административных нарушениях правил дорожного движения (Москва, 28 марта 1997 года): URL: https://conventions.ru /int/10492/?ysclid=mnra7o4q72451051220 (дата обращения: 02.04.2026).

[2] О внесении изменений в статьи 25 и 26 Федерального закона «О безопасности дорожного движения»: Федер. закон Рос. Федерации от 10 июля 2023 г. № 313-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

бования о замене водительского удостоверения в указанных случаях не распространяются на документы, выданные в Республике Беларусь[1].

Непосредственно выдача иностранным гражданам национальных водительских удостоверений на основании иностранных водительских удостоверений осуществляется:

1) после проведения теоретического экзамена:

– гражданам государств, законодательство которых закрепляет использование русского языка в качестве официального (Киргизии, Казахстана, Абхазии, Южной Осетии), имеющим иностранные водительские удостоверения, подтверждающие право на управление транспортными средствами всех категорий и подкатегорий, выданные компетентными органами этих государств;

– гражданам иных государств и лицам без гражданства, имеющим иностранные национальные водительские удостоверения, подтверждающие право на управление транспортными средствами категорий «M», «A», «B», «BE» и подкатегорий «A1» и «B1».

2) без сдачи экзаменов:

– гражданам Республики Беларусь, имеющим национальные водительские удостоверения, подтверждающие право на управление транспортными средствами всех категорий и подкатегорий и выданные в Республике Беларусь;

– сотрудникам дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств в Российской Федерации и членам их семей, сотрудникам международных организаций и их представительств, аккредитованных при Министерстве иностранных дел Российской Федерации, и членам их семей, имеющим дипломатические, консульские, служебные карточки или удостоверения, выданные указанным Министерством;

3) после освоения основной программы профессионального обучения с последующей сдачей теоретического и практического экзаменов лицам, не указанным в пунктах 1 и 2, имеющим иностранные национальные водительские удостоверения, подтверждающие право на управление транспортными средствами категорий «C», «D», «CE» и «DE» и подкатегорий «C1E» и «D1E»[2].

Введение подобных требований было обусловлено необходимостью государственного реагирования на систематические, а в ряде случаев еще и резонансные случаи совершения ДТП неопытными водителями, управляющими пассажирским транспортом, из числа лиц, в недалеком прошлом получивших гражданство Российской Федерации и заменивших национальное водительское удостоверение на российское без сдачи экзаменов.

Так, например, в мае 2024 года в Санкт-Петербурге К, бывший гражданин Республики Таджикистан, сменивший гражданство на российское, управляя автобусом, при прохождении им поворота не справился с управлением. В результате транспортное средство снесло многотонные якоря, установленные у стен Военно-морского музея, выехало на полосу, предназначенную для встречного движения, протаранило два автомобиля, пробило гранитную ограду и упало в реку. Вследствие происшествия погибли семь человек»[3]. При расследовании инцидента было установлено, что К. в 2022 году

[1] О безопасности дорожного движения: Федер. закон Рос. Федерации от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[2] Там же.
[3] Жизнь умерла: выживший в утонувшем автобусе петербуржец год спустя рассказал о трагедии. URL: https://spb.mk.ru/social/2025/05/10/zhizn-umerla-vyzhivshiy-v-utonuvshem-avtobuse-peterburzhec-god-spustya-rasskazal-o-tragedii.html (дата обращения: 02.04.2026).

получил российское гражданство и заменил водительское удостоверение иностранного образца на национальное без сдачи экзамена.

Необходимо учитывать, что иностранные граждане, привлекаемые к осуществлению трудовой деятельности в качестве водителя, в зависимости от страны гражданской принадлежности, существующих двухсторонних соглашений между Российской Федерацией и страной гражданской принадлежности лица должны соответствовать определенным требованиям.

Так, по общему правилу, если иностранный гражданин прибывает в нашу страну для осуществления трудовой деятельности в порядке, не требующем получения визы, он обязан оформить патент, встать на миграционный учет в течение 7 дней (за исключением иностранных граждан, прибывающих в Российскую Федерацию из Республики Таджикистан, Республики Казахстан, Республики Узбекистан, Киргизии и Белоруссии), пройти в 30-дневный срок с даты въезда обязательную дактилоскопическую регистрацию и фотографирование[1]. При этом требование об обязательном получении патента не распространяется на страны, входящие в Европейский экономический союз (Республика Армения, Киргизия, Республика Казахстан, Белоруссия).

Патент не оформляется в отношении иностранных граждан, которые:

– имеют разрешение на временное проживание, вид на жительство;

– учатся по очной форме обучения в российских учебных заведениях высшего образования;

– имеют действующую визу.

Обращает на себя внимание тот факт, что в отдельных субъектах Российской Федерации на региональном уровне введен запрет на привлечение иностранных граждан в качестве водителей такси и общественного транспорта. В числе таких субъектов Калининградская, Калужская, Магаданская, Тюменская, Тульская, Челябинская, Ленинградская, Курская, Костромская и Нижегородская области, Краснодарский и Хабаровский края, Ханты-Мансийский автономный округ[2]. Введение подобного запрета обусловлено необходимостью обеспечения дорожной безопасности, а также снижения межэтнической напряженности, которая может возникнуть при совершении дорожно-транспортных происшествий иностранными гражданами, являющимися водителями легкового или маршрутного такси.

На федеральном уровне полного запрета на привлечение иностранных граждан к трудовой деятельности в качестве водителей легкового или маршрутного такси не предусмотрено, что обусловлено рядом факторов.

Во-первых, в некоторых регионах страны в сфере перевозок наблюдается дефицит кадров. Например, в г. Санкт-Петербурге складывается ситуация, согласно которой в сфере пассажирских перевозок объективно имеется нехватка водителей в 25 %. Отсюда, как отмечают эксперты, запрет мигрантам работать в транспортной отрасли может повлечь за собой ее обрушение[3].

Во-вторых, с 1 марта 2026 года вступил в силу закон, предусматривающий требования по локализации к автомобилям, которые вносятся в региональный реестр легкового такси[4]. Для включения автомобиля в региональный реестр легковых такси нуж-

---

[1] О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Больше 10 российских регионов запретили мигрантам работать в такси и маршрутках. URL: https://66.ru/news/society/272384/?ysclid=mnrydh6m9394230952 (дата обращения: 02.04.2026).

[3] Депутаты Петербурга выступили против запрета мигрантам работать на транспорте. URL: https://www.vedomosti.ru/strana/northwestern/news/2024/10/14/1068597-deputati-peterburga-vistupili (дата обращения: 02.04.2026).

[4] О внесении изменений в статьи 9 и 10 Федерального закона «Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Российской Федерации, о внесении изменений в отдельные законодательные

но выполнить одно из следующих требований: совокупное количество баллов локализации соответствует совокупному количеству баллов, установленному Правительством Российской Федерации для госзакупок, указанный автомобиль произведен в рамках специального инвестконтракта, заключенного в период с 1 марта 2022 года по 1 марта 2025 года.

Последствием такого нововведения является нехватка водителей, которая приводит к востребованности иностранных граждан в этой сфере деятельности.

Исследуя вопросы миграции, в том числе трудовой, Т. Б. Смашникова отмечает, что Российская Федерация нуждается в притоке мигрантов [8]. В создавшихся условиях полностью исключить иностранных граждан из сферы пассажирских перевозок не представляется возможным, ввиду чего требуется дальнейшая проработка правового механизма их допуска к указанному виду деятельности, а также совершенствование имеющихся форм правового контроля за законностью их пребывания (проживания) на территории Российской Федерации.

С учетом того, что имеется тенденция по увеличению количества дорожно-транспортных происшествий, совершенных по вине иностранных водителей, в том числе влекущих за собой причинение вреда жизни и здоровью участников дорожного движения, представляется целесообразным совершенствование миграционного законодательства, устанавливающего механизмы контроля в отношении иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации.

Одним из элементов механизмов контроля, применяемого в отношении иностранных граждан, является неразрешение въезда в Российскую Федерацию, регламентированное статьей 25.10 Федерального закона от 15 августа 1996 года № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (далее – ФЗ № 114-ФЗ от 15 августа 1996 года)[1]. Законодатель предусматривает два варианта реализации этого механизма:

1) диспозитивный вариант (возможность принятия решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию при наличии оснований, предусмотренных статьей 26 ФЗ № 114-ФЗ от 15 августа 1996 года);

2) императивный вариант (обязательность принятия решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию при наличии оснований, предусмотренных частью первой статьи 27 ФЗ № 114-ФЗ от 15 августа 1996 года).

Одним из оснований для применения диспозитивного варианта является неоднократное (два и более раза) привлечение в течение трех лет иностранного гражданина или лица без гражданства к административной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации за совершение административного правонарушения на территории Российской Федерации. Здесь законодатель не конкретизирует составы правонарушений, которые могут совершаться иностранным гражданином за этот период.

При реализации императивного варианта законодатель в числе прочих обозначает такое основание, как:

– принятие компетентным органом в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства решения о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации;

акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»: Федер. закон Рос. Федерации от 23 мая 2025 г. № 116-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[1] О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: Федер. закон Рос. Федерации от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– неоднократное (два и более раза) привлечение в течение одного года иностранного гражданина или лица без гражданства к административной ответственности за совершение административного правонарушения, связанного с посягательством на общественный порядок и общественную безопасность либо с нарушением режима пребывания (проживания) иностранных граждан или лиц без гражданства в Российской Федерации или порядка осуществления ими трудовой деятельности на территории Российской Федерации.

Примечательно, что имеющиеся конструкции позволяют использовать в большей степени только диспозитивный вариант в отношении иностранных граждан, совершающих ДТП, влекущих за собой привлечение их к административной ответственности с последующим принятием решения о неразрешении въезда.

Наряду с этим представляется более эффективным использование императивного варианта, заключающегося в обязательном принятии решения о неразрешении въезда в Российскую Федерацию с учетом несоблюдения иностранным гражданином требований в области безопасности дорожного движения. В этой связи считаем необходимым дополнить пункт 11 ст. 27 ФЗ № 114-ФЗ от 15 августа 1996 года, включив в него совершение иностранным гражданином правонарушений в области дорожного движения, влекущих лишение специального права управления транспортным средством. Такое изменение позволит повысить безопасность дорожного движения и предупредить совершение иностранными гражданами новых административных правонарушений этого вида.

Таким образом, проведенный корреляционный анализ статистических показателей дорожно-транспортных происшествий с участием иностранных граждан, исходя из динамического характера миграционных процессов, причин и условий, способствующих несоблюдению иностранными гражданами требований в области безопасности дорожного движения, а также российского законодательства, показал, что иностранные граждане представляют угрозу для обеспечения дорожно-транспортной безопасности. Ввиду чего требуется дальнейшее совершенствование нормативной правовой базы в части контроля за законностью пребывания и проживания иностранных граждан в нашей стране, а также допуска иностранных граждан для участия в дорожном движении в качестве водителей.

---

1. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2024 году. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России». 2025. 148 с.
2. Майоров В. И., Денисенко В. В. Проблемы регулирования превышения установленной скорости движения: российский и зарубежный опыт // Безопасность дорожного движения. 2022. № 4. С. 19–25.
3. Баканов К. С., Ляхов П. В., Исаев М. М. и др. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2024 году: информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России». 2025. 108 с.
4. Брюхнов А. А., Журавлев В. В., Кутякин С. А. К вопросу об исполнении наказания, связанного с лишением иностранных граждан специального права на управление транспортными средствами // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 3(90). С. 197–202.
5. Голубоцких П. В. Общественная опасность преступлений в сфере безопасности дорожного движения, совершаемых мигрантами // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2(106). С. 142–149.
6. Гордеева А. Д. О применении некоторых мер административного принуждения в отношении иностранных граждан за административные правонарушения в области дорожного движения // Административное право и процесс. 2021. № 2. С. 29–34.

7. Ревнов Б. А. О правомерности использования иностранного водительского удостоверения лицами, постоянно проживающими на территории Российской Федерации // Юридическая мысль. 2022. № 1(125). С. 92–113.
8. Смашникова Т. Б. К вопросу о неразрешении въезда иностранцам в Российскую Федерацию // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2023. Т. 23. № 3. С. 93–100.

1. Dorozhno-transportnaya avarijnost` v Rossijskoj Federacii v 2024 godu. Informacionno-analiticheskij obzor. M.: FKU «NCz BDD MVD Rossii». 2025. 148 s.
2. Majorov V. I., Denisenko V. V. Problemy` regulirovaniya prevy`sheniya ustanovlennoj skorosti dvizheniya: rossijskij i zarubezhny`j opy`t // Bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya. 2022. № 4. S. 19–25.
3. Bakanov K. S., Lyaxov P. V., Isaev M. M. i dr. Pravoprimenitel`naya deyatel`nost` v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v 2024 godu: informacionno-analiticheskij obzor. M.: FKU «NCz BDD MVD Rossii». 2025. 108 s.
4. Bryuxnov A. A., Zhuravlev V. V., Kutyakin S. A. K voprosu ob ispolnenii nakazaniya, svyazannogo s lisheniem inostranny`x grazhdan special`nogo prava na upravlenie transportny`mi sredstvami // Yurist``-Pravoved``. 2019. № 3(90). S. 197–202.
5. Goluboczkix P. V. Obshhestvennaya opasnost` prestuplenij v sfere bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya, sovershaemy`x migrantami // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2025. № 2(106). S. 142–149.
6. Gordeeva A. D. O primenenii nekotory`x mer administrativnogo prinuzhdeniya v otnoshenii inostranny`x grazhdan za administrativny`e pravonarusheniya v oblasti dorozhnogo dvizheniya // Administrativnoe pravo i process. 2021. № 2. S. 29–34.
7. Revnov B. A. O pravomernosti ispol`zovaniya inostrannogo voditel`skogo udostovereniya liczami, postoyanno prozhivayushhimi na territorii Rossijskoj Federacii // Yuridicheskaya my`sl`. 2022. № 1(125). S. 92–113.
8. Smashnikova T. B. K voprosu o nerazreshenii v``ezda inostranczam v Rossijskuyu Federaciyu // Vestnik Yuzhno-Ural`skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2023. T. 23. № 3. S. 93–100.

Информация об авторах

Юлия Вячеславовна Мишина. Старший преподаватель кафедры специальной подготовки.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Кристина Александровна Юшина. Преподаватель кафедры специальной подготовки.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the authors

Yulia V. Mishina. Senior Lecturer of the Chair of Special Education.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Kristina A. Yushina. Lecturer of the Chair of Special Education.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 10.04.2026; одобрена после рецензирования 15.05.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was received in the editorial office on 10.04.2026; approved after review on 15.05.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 342.9

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ УНИФИКАЦИИ И КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ РЕГИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Новичкова Елена Евгеньевна[1], Сидорова Маргарита Владимировна[2]
[1]Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия
[2]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, г. Орел, Россия

[1]elena.novichkova.64@mail.ru
[2]margo48057@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме системных противоречий в региональном законодательстве об административных правонарушениях, которое, согласно Конституции РФ, призвано учитывать местные особенности. На основе анализа научной литературы и сравнительного исследования нормативных правовых актов различных субъектов РФ авторами выявляются ключевые дисбалансы, подрывающие единство правового пространства. К ним относятся: неоднородность структуры правового поля, нарушения принципов юридической техники при конструировании правовых норм и непоследовательное использование юридической терминологии. Акцентируется внимание на недостатках, угрожающих не только принципу правовой определенности, но и единообразию в защите прав граждан. Обосновывается авторская позиция о необходимости гармонизации регионального законодательства, и в качестве решения предлагается не упразднение регионального законодательства, а его глубокая систематизация на основе унификации терминологии, пересмотра предмета регулирования с передачей универсальных норм на федеральный уровень.

Ключевые слова: правотворчество, законы субъектов РФ, региональное законодательство, административная ответственность, конструкция правовой нормы, коллизии, унификация, терминология.

Для цитирования: Новичкова Е. Е., Сидорова М. В. Проблемные аспекты унификации и качества подготовки регионального законодательства в сфере административной ответственности // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 176–183.

PROBLEMATIC ASPECTS OF UNIFICATION AND QUALITY OF PREPARATION OF REGIONAL LEGISLATION IN THE FIELD OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY

Elena E. Novichkova[1], Margarita V. Sidorova[2]
[1]East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia
[2]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

[1]elena.novichkova.64@mail.ru
[2]margo48057@yandex.ru

Annotation. The article is devoted to the urgent problem of systemic contradictions in the regional legislation on administrative offenses, which, according to the Constitution of the Russian Federation, is intended to take into account local specifics. Based on the analysis of scientific literature and a comparative study of regulatory legal acts of various constituent entities of the Russian Federation, the authors identify key imbalances that undermine the unity of the legal space. These include heterogeneity of the legal field structure, violations of the principles of legal technique in the construction of legal norms, and inconsistent use of legal terminology. The article focuses on the shortcomings that threaten not only the principle of legal certainty, but also the uniformity in protecting citizens' rights. The author's position on the need to harmonize regional legislation is substantiated, and the solution proposed is not the abolition of regional legislation, but its deep systematization based on the unification of terminology and the revision of preconditions.

Keywords: lawmaking, laws of the constituent entities of the Russian Federation, regional legislation, administrative liability, legal norm construction, conflicts, unification, terminology.

For citation: Novichkova E. E., Sidorova M. V. Problematic Aspects of Unification and Quality of Preparation of Regional Legislation in the Field of Administrative Responsibility // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2026. № 2(107). P. 176–183.

Конституция Российской Федерации определила разграничение предметов ведения и полномочий между государственными органами и органами местного самоуправления. Статья 76 Конституции России наделяет регионы правом принимать законы в сферах, отнесенных к совместному ведению с федеральными властями. При этом данные законы не могут противоречить федеральному законодательству.

Законотворческая деятельность субъектов Российской Федерации начала активно развиваться с момента принятия Конституции РФ, что было обусловлено многолетней тенденцией к распаду правовой системы государства, формированию «лоскутных» правовых образований, о чем справедливо отмечает Н. С. Соколова. Автор в диссертационном исследовании обращает внимание на значительные проблемы в формировании общего правового пространства регионального законодательства, которые наблюдаются на протяжении многих лет и не устранены до настоящего времени, что оказывает негативное воздействие на соблюдение принципов защиты прав и свобод граждан страны и их реализацию. По мнению Н. С. Соколовой, «огромный массив нормативных правовых актов субъектов Федерации свидетельствует о невысоком качестве их подготовки, дублировании федерального законодательства, низкой квалификацией лиц, осуществляющих правотворческую деятельность» [1, с. 15].

В ранее опубликованных трудах уже поднимались вопросы несовершенства правотворческой деятельности субъектов РФ, была обозначена необходимость унификации структуры региональных нормативных актов, изменения структуры и порядка формирования регионального правового поля, а также упразднения законодательства субъектов РФ и внесения норм, имеющих единый юридический смысл в федеральные нормативные правовые акты [2, с. 581].

Заметим, что региональное законодательство призвано регулировать общественные отношения по тем вопросам, которые не урегулированы нормами федерального уровня. Законы и иные нормативные акты субъектов РФ не могут противоречить федеральным законам и иным нормативным актам (п. 5 ст. 76 Конституции РФ). Следовательно, региональное законодательство направлено на решение вопросов с учетом региональных особенностей территории, которые не решены вышестоящими по юридической силе нормативными правовыми актами.

Обращаясь к результатам нормотворческой деятельности, следует отметить несколько основных противоречий, нашедших отражение в нормативных правовых актах субъектов РФ, формирующих административно-правовой контент, включающих общественные отношения в сфере обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, на которые стоит обратить внимание.

Структура административно-деликтного правового поля. В формировании регионального законодательства наблюдается различие форм законодательных актов.

В ряде регионов был принят кодифицированный подход к регулированию административных отношений, что выразилось в создании специализированных кодексов. Однако даже их названия не унифицированы: некоторые регионы (например, Тюменская и Волгоградская области) используют термин «об административной ответственности», а другие (Республика Саха (Якутия), Москва) – «об административных правонарушениях». При этом название документа не носит унифицированного характера (об ответственности, о правонарушениях). В иных регионах законодательство разрозненное, состоит из различных законов и иных нормативных актов, зачастую радикально отличающихся по своей структуре. В качестве примера можно привести наиболее распространенную норму, предусматривающую ответственность за нарушение тишины и покоя граждан, которая содержится в законодательствах всех без исключения субъектов РФ. Закон Орловской области от 5 мая 2017 года № 2102-ОЗ регулирует общественные отношения, связанные с обеспечением тишины и покоя граждан, при этом действие закона не распространяется на правоотношения, возникшие при проведении аварийных и иных работ, поддерживающих жизнеобеспечение граждан и организаций. Закон устанавливает перечень действий, нарушающих тишину и покой, периоды времени и объекты, на которых не допускается нарушение. Ответственность же за нарушение вышеперечисленных требований регламентирована одной статьей иного закона – от 6 июня 2013 года № 1490-ОЗ. Аналогичное соотношение законов можно наблюдать в Московской области, Республике Крым, Республике Адыгея, один из которых устанавливает запреты, иной – ответственность.

Закон Иркутской области от 12 ноября 2007 года № 107-оз объединяет и обстоятельства, при которых административное правонарушение считается совершенным, и ответственность. Закон включает шесть составов (нарушение тишины и покоя в ночное время (ч. 1 ст. 3), в дневное время (ч. 1(1) ст. 3), в выходные и праздничные дня (ч. 1(2) ст. 3), в вечернее и ночное время при проведении погрузочных, строительных и иных работ (ч. 1 (3) ст. 3), с использованием звуковоспроизводящих аппаратур и звукоусиливающих технических средств (ч. 1 (4) ст. 3) и повторное совершение всех вышеперечисленных правонарушений (ст. 2). По аналогичному пути пошли законодатели большинства регионов, регулируя единым правовым актом и общественные отношения, определяя запреты и ограничения, и ответственность.

На отсутствие единого подхода в названиях документов обращает внимание С. Н. Клепиков, по мнению которого «в названии закона должна быть указана комплексная или тематическая направленность, первое предпочтительнее, так как дает возможность, не изменяя название закона, вносить в него изменения и дополнять» [3, с. 54].

Конструкция правовых норм. Законодатели субъектов РФ при разработке проектов нормативных правовых актов зачастую допускают значительные недостатки, нарушающие единство подходов конструирования правовых норм. К вопросам низкого качества нормативных актов, принимаемых законодателями субъектов РФ, неоднократно обращались авторы научных работ. Так, А. В. Руденко, опираясь на положения Конституционного Суда РФ, позиций Верховного Суда РФ, а также анализируя действующее региональное законодательство, приходит к выводу о нарушении принципа правовой определенности законодателями субъектов РФ при принятии законов об администра-

тивной ответственности. Автор обращает внимание на обязательность соблюдения данного принципа и приходит к выводу о необходимости выработки общих подходов при разработке нормативных правовых актов регионами, а также новых механизмов законотворческой техники, которые позволят соблюдать все принципы права [4, с. 72].

В Законе Орловской области «Об ответственности за административные правонарушения», например, законодатель при конструировании правовой нормы разделил ее на два самостоятельных состава, каждый из которых имеет свою санкцию. Так, ст. 8.2 Закона «Нарушение схемы размещения нестационарных торговых объектов» включает два состава без разграничения по частям: «нарушение утвержденной схемы размещения нестационарных торговых объектов на земельных участках, в зданиях, строениях, сооружениях», которая обеспечена санкциями – наложение административного штрафа на граждан, должностных и юридических лиц; и здесь же «повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного абзацем первым настоящей статьи», также имеющая санкцию – наложение административного штрафа на граждан, должностных лиц и юридических лиц. По такой же модели сконструированы части 3.7.1, 3.7.2, 3.9 закона, которые содержат ответственность за повторное совершение административного правонарушения, указанного в первой части статьи. Логично было бы предположить, что по такой модели выстаивается весь закон, но, обратившись к ст. 9.6, мы видим, чтоон включает две части, одна из которых закрепляет ответственность за «Неисполнение или нарушение решений Антитеррористической комиссии <…>», вторая – за «Повторное в течение года совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи».

Закон Республики Крым закрепляет ответственность за нарушение тишины и покоя и включает четыре состава, два из которых образуются с учетом времени совершения и дней (выходные праздничные), обстоятельства третьего состава сформулированы как «повторное совершение административного правонарушения» по отношению к первой и второй частям статьи, четвертый состав – «те же действия, совершенные лицом, которое в течение года подвергалось административному наказанию за совершение правонарушения, предусмотренного частью третьей». Следовательно, объективная сторона правонарушения конструктивно соотносится с третьей частью статьи и предусматривает ответственность за неоднократное совершение правонарушения. Остается неясным момент, с которого начинает течь срок «в течение года». Полагаем, законодатель подошел к вопросу исходя из нормы КоАП РФ, устанавливающей срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию (ст. 4.6 КоАП РФ), но статьей КоАП РФ четко закреплены временные границы, относительно которых можно установить повторность совершения деяния как квалифицирующий признак.

Заметим, что подобные коллизии допускаются в законах иных субъектов РФ.

Применение терминов и определений. Как показывают исследования в области отечественной правовой системы, состояние юридической терминологии в российской правовой системе оставляет желать лучшего. В качестве основных причин этой ситуации эксперты называют слабую проработку понятийного аппарата права и недостаточную аккуратность законодателя в его применении [5, с. 34]. Согласно положениям Закона Республики Адыгея, повторное совершение административного правонарушения следует исчислять «со дня наложения административного наказания», при этом КоАП РФ не содержит подобного словосочетания, «наложение» применяется к конкретному виду административного наказания – «наложение административного штрафа», «наложение ареста». Наказание в КоАП РФ применяется в сочетании со словом «назначение» (гл. 4 КоАП РФ Назначение административного наказания).

В Законе Иркутской области от 8 июня 2010 г. № 38-ОЗ используется термин «дети», при этом ст. 2 данного закона раскрывает понятие следующим образом: «Дети

– это лица, не достигшие 18 лет, находящиеся на территории Иркутской области». Обращаясь к общим положениям российского законодательства, подчеркнем, что возрастные категории граждан определены Гражданским Кодексом РФ такими понятиями, как «малолетний» (лицо до 14 лет) и «несовершеннолетний» (лицо до 18 лет). Федеральным законом от 24.07.1998 № 124-ФЗ закреплено понятие «ребенок» (лицо, не достигшее возраста 18 лет), однако первая статья закона гласит, что данные понятия используются для целей непосредственно данного Федерального закона. Исходя из определения термина, предложенного в законе Иркутской области, «дети» – это несовершеннолетние лица, находящиеся исключительно на территории субъекта РФ. Аналогичный подход использован в законодательстве Республики Тыва. Статья 2.5 Кодекса об административных правонарушениях Республики Тыва устанавливает ответственность за нарушение правил, направленных на защиту детей от вредного воздействия на их физическое и нравственное развитие. При этом сама статья определяет, что к детям в данном случае относятся лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста.

Законодатели Орловской области включили в закон от 6 июня 2013 года № 1490-ОЗ оба термина – статья 3.1 звучит как «посягательство на права и здоровье несовершеннолетних», диспозиция же следующей статьи 3.2 – «несоблюдение требований к обеспечению мер по содействию физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию детей». Определения понятия «дети» закон не содержит.

Справедливо заметить, что КоАП РФ также наряду с применением в нормах термина «несовершеннолетние» использует термин «дети» без объяснения, к какой возрастной категории относятся данные лица. Как справедливо отмечает А. В. Белинчук, «отсутствие четко закрепленного понятия может привести к нарушениям прав человека при квалификации правонарушений и привлечении к административной ответственности» [6].

О жизнеспособности регионального законодательства бытуют два мнения, в принципе оба имеющие право на существование при выполнении определенных условий. Например, Ф. С. Сосенков утверждает право субъектов РФ на законотворчество и существование регионального законодательства, однако, как отмечает автор, реализация его должна осуществляться с учетом региональных особенностей – государственно-политических, экономических, социально-духовных, национальных и иных своеобразий субъектов [7, с. 107].

Невозможно также не согласиться с мнением доктора юридических наук, профессора А. П. Шергина, утверждающего, что «двухуровневое регулирование административной ответственности подрывает единство правового статуса» [8, с. 171].

Заметим, что в правотворчестве законодательных органов были предприняты попытки изменений формирования двухуровневого законодательства в части административной ответственности. Депутатами Государственной Думы РФ в 2023 году был внесен на рассмотрение Проект закона № 299053-8 «О соблюдении тишины и покоя граждан в Российской Федерации и о внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации», целью которого явилось создание единых правовых норм, обязательных для граждан и организаций по всей стране в части обеспечения тишины и покоя, а также дополнение КоАП РФ в части ответственности за совершение таких правонарушений, который, пройдя стадии предварительного рассмотрения и рассмотрения в первом чтении, был отклонен 16 сентября 2025 года. Возможно, следует изучить причины, по которым данный проект не был принят, и попытаться повторно предложить модель исключения из регионального законодательства общих для всех субъектов РФ норм и внесения их в федеральное административно-деликтное законодательство.

В связи с чем следует предложить следующее:

1. Необходимо пересмотреть формирование регионального законодательства в части унификации, исключив применение различных по смыслу и конструктивному построению терминов, определений, названий документов.

2. Обеспечить соответствие юридической терминологии в проектах актов субъектов РФ общепринятым в федеральном законодательстве терминам и определениям.

3. Обеспечить единообразие в законодательстве через унификацию юридического языка.

4. Обязать законодательные органы субъектов РФ разрабатывать и принимать нормы с учетом региональных особенностей. Нормы, предусматривающие административную ответственность и не отражающие специфику региона, вынести на федеральный уровень (например, как нарушение тишины), включив их КоАП РФ.

Таким образом, можно говорить о том, что процесс унификации современного законодательства непрост в целом и в сфере административной ответственности в частности, что свидетельствует о сложности его оперативного реформирования. Полагаем, что для повышения качества регионального законодательства, обеспечения единообразия правоприменения и защиты прав граждан необходима системная работа по унификации и четкому распределению нормотворческих полномочий между центром и регионами, основанная на принципе субсидиарности.

---

1. Соколова Н. П. Правотворческая деятельность субъектов Российской Федерации: развитие и совершенствование: специальность 12.00.01: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Соколова Наталья Севировна. Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. Москва, 2003. 53 с.
2. Новичкова Е. Е. Нормотворчество субъектов Российской Федерации в области административной ответственности // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21 марта 2025 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. С. 546–581.
3. Клепиков С. Н., Административная ответственность в субъектах Российской Федерации: монография / Центральный филиал Российской академии правосудия. Воронеж: Научная книга, 2006. 141 с. URL: https://law.vsu.ru /structure/admlaw/personal/books/klepikov_monography.pdf (дата обращения: 15.02.2026).
4. Руденко А. В. Соблюдение правовой определенности в законодательстве субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях в решениях Верховного Суда Российской Федерации // Lex Russica. 2018. № 6(139). С. 7281. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/soblyudenie-pravovoy-opredelennosti-v-zakonodatelstve-subektov-rossiyskoy-federatsii-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah-v (дата обращения: 22.01.2026).
5. Кагерманов, Абу-Салих С. Роль юридической терминологии в современном законодательстве // Право и практика. 2020. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-yuridicheskoy-terminologii-v-sovremennom-zakonodatelstve (дата обращения: 03.02.2026).
6. Белинчук А. В. Проблемы квалификации административных правонарушений по объективным признакам // Инновационная наука. 2024. № 11-2-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-administrativnyh-pravonarusheniy-po-obektivnym-priznakam (дата обращения: 04.02.2026).
7. Сосенков Ф. С. Своеобразие правотворчества субъектов Российской Федерации // Научные проблемы водного транспорта. 2008. № 24. URL: https://cyberleninka.ru /article/n/svoeobrazie-pravotvorchestva-subektov-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 02.02.2026).

8. Шергин А. П. Административно-деликтное законодательство России: состояние, проблемы, перспективы // Административное право и административный процесс: актуальные проблемы. М.: Юристъ, 2004.

1. Sokolova N. P. Pravotvorcheskaya deyatel`nost` sub``ektov Rossijskoj Federacii: razvitie i sovershenstvovanie: special`nost` 12.00.01: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora yuridicheskix nauk / Sokolova Natal`ya Sevirovna. Ros. akad. gos. sluzhby` pri Prezidente RF. Moskva, 2003. 53 s.
2. Novichkova E. E. Normotvorchestvo sub``ektov Rossijskoj Federacii v oblasti administrativnoj otvetstvennosti // Aktual`ny`e problemy` administrativnogo i administrativno-processual`nogo prava (Sorokinskie chteniya): sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Sankt-Peterburg, 21 marta 2025 goda. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD RF, 2025. S. 546–581.
3. Klepikov S. N., Administrativnaya otvetstvennost` v sub``ektax Rossijskoj Federacii: monografiya / Central`ny`j filial Rossijskoj akademii pravosudiya. Voronezh: Nauchnaya kniga, 2006. 141 s. URL: https://law.vsu.ru/structure/admlaw/personal/books/klepikov_monography.pdf (data obrashheniya: 15.02.2026).
4. Rudenko A. V. Soblyudenie pravovoj opredelennosti v zakonodatel`stve sub``ektov Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax v resheniyax Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii // Lex Russica. 2018. № 6(139). S. 72–81. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/soblyudenie-pravovoy-opredelennosti-v-zakonodatelstve-subektov-rossiyskoy-federatsii-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah-v (data obrashheniya: 22.01.2026).
5. Kagermanov, Abu-Salix S. Rol` yuridicheskoj terminologii v sovremennom zakonodatel`stve // Pravo i praktika. 2020. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-yuridicheskoy-terminologii-v-sovremennom-zakonodatelstve (data obrashheniya: 03.02.2026).
6. Belinchuk A. V. Problemy` kvalifikacii administrativny`x pravonarushenij po ob``ektivny`m priznakam // Innovacionnaya nauka. 2024. № 11-2-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-administrativnyh-pravonarusheniy-po-obektivnym-priznakam (data obrashheniya: 04.02.2026).
7. Sosenkov F. S. Svoeobrazie pravotvorchestva sub``ektov Rossijskoj Federacii // Nauchny`e problemy` vodnogo transporta. 2008. № 24. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/svoeobrazie-pravotvorchestva-subektov-rossiyskoy-federatsii (data obrashheniya: 02.02.2026).
8. Shergin A. P. Administrativno-deliktnoe zakonodatel`stvo Rossii: sostoyanie, problemy`, perspektivy` // Administrativnoe pravo i administrativny`j process: aktual`ny`e problemy`. M.: Yurist``, 2004.

Информация об авторах

Елена Евгеньевна Новичкова, доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД.

Восточно-Сибирский институт МВД России.

664074, г. Иркутская область, Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

Маргарита Владимировна Сидорова, доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД, кандидат педагогических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

302027, Орловская область, Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Information about the authors

Elena E. Novichkova, Associate Professor of the Chair of Administrative Law and Administrative Activities of the Interior Ministry.
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
664074, Irkutsk, Lermontov Str., 110.

Margarita V. Sidorova, Associate Professor of the Chair of Administrative Law and Administrative Activities of the Interior Ministry, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatov str., 2.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 08.05.2026; одобрена после рецензирования 15.05.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was received in the editorial office on 08.05.2026; approved after review on 15.05.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 004:414.38

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ИДЕНТИФИКАЦИИ И АУТЕНТИФИКАЦИИ ЛИЦА

Шумилин Владимир Петрович[1], Тимофеев Виктор Владимирович[2]
[1]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия
[2]Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

[1]itdovd@gmail.com
[2]v.v.timofeev@bk.ru

Аннотация. На сегодняшний день биометрия охватывает широкий спектр различных сфер жизнедеятельности. Она достаточно часто используется для осуществления идентификации и аутентификации различных физических лиц. Прежде всего, это необходимо для минимизации рисков неправомерного доступа к информации, требующей определенного уровня защиты. Помимо этого, использование биометрических характеристик также актуально при осуществлении профессиональной деятельности правоохранительных органов. В статье проанализированы особенности биометрической идентификации и аутентификации на основе статических и динамических характеристик.

Ключевые слова: биометрические характеристики, идентификация, аутентификация, распознавание лица, физиологические особенности.

Для цитирования: Шумилин В. П., Тимофеев В. В. Информационные технологии дифференциации биометрических характеристик идентификации и аутентификации лица // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 184–193.

INFORMATION TECHNOLOGIES FOR DIFFERENTIATION OF BIOMETRIC CHARACTERISTICS FOR FACIAL IDENTIFICATION AND AUTHENTICATION

Vladimir P. Shumilin[1], Viktor V. Timofeev[2]
[1]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
[2]Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

[1]itdovd@gmail.com
[2]v.v.timofeev@bk.ru

Annotation. Today, biometrics encompasses a wide range of diverse areas of life. It is often used to identify and authenticate individuals. This is primarily necessary to minimize the risk of unauthorized access to information requiring a certain level of protection. Furthermore, the use of biometric characteristics is also relevant in the professional activities of law enforcement agencies. This article analyzes the specifics of biometric identification and authentication based on static and dynamic characteristics.

Keywords: biometric characteristics, identification, authentication, facial recognition, physiological features.

For citation: Shumilin V. P., Timofeev V. V. Information technologies for differentiation of biometric characteristics for facial identification and authentication // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2026. № 2(107). P. 184–193.

Правовая основа, регламентирующая порядок обращения с биометрическими характеристиками, находит свое распространение как на внутреннем, так и на внешнем уровне. Перед тем как перейти к рассмотрению отдельных биометрических характеристик, необходимо уяснить, что они обладают чувствительными признаками, свидетельствующими об исключительности их применения. Данные признаки базируются на индивидуальности лица, что исключает возможность как такового «плагиата».

Р. А. Белевский пишет об индивидуальных идентифицирующих (поисковых) признаках лица (по методу словесного портрета) [1, с. 62]. Помимо всего этого, биометрические характеристики принадлежат человеку с момента формирования эмбриона во внутриутробном развитии плода. Именно на данном этапе выстраивается генетическая основа человека. Несомненно, в процессе своего взросления люди подвержены ряду физиологических изменений. На их особенности, несомненно, влияет наследственность и изменчивость. Помимо этого, существенное влияние оказывает пол ввиду дифференцированного физиологического развития. Процесс изменения биометрических характеристик протекает на протяжении всего периода жизни. Наряду с физиологическими особенностями видоизменяются также и психологические. Это объясняется сменой психологической обстановки в разные периоды жизни.

На сегодняшний день биометрические характеристики классифицируются с точки зрения статики и динамики их существования [2, с. 227]. Для более полного понимания следует уточнить, что к статическим относятся физиологические особенности лица. В большинстве своем они являются неизменными, что объясняет их именование. Динамические же рассматриваются в контексте поведенческих реакций, влияющих на формирование идентифицирующих особенностей.

Для начала рассмотрим статические характеристики и определим специфику их использования для идентификации человека с точки зрения раскрытия преступлений. Как отмечает Л. Д. Матросова, деятельность по выявлению, раскрытию и предварительному расследованию преступлений, совершенных с использованием современных информационных технологий, имеет свои особенности [3, с. 247].

Список статических характеристик следует начать с возможности идентификации лица по отпечатку пальца [4]. На современном этапе развития общества данный способ является часто встречаемым, что объясняется удобством использования. Отпечаток пальца является уникальным для каждого человека. Он содержит в себе определенное строение папиллярных линий и узоров, создающих уникальный рисунок. Современные мобильные устройства предусматривают возможность установления код-пароля путем прикладывания отпечатка пальца к сенсорному экрану для воспроизводства аутентификации. Помимо этого, многие производители в момент создания мобильного устройства заблаговременно делают сенсорный тачпад на корпусе технического средства, упрощающего возможность осуществления защиты информации, содержащейся на данном носителе.

Помимо этого, идентификация лица по отпечатку пальца находит широкое применение в криминалистике с последующим ее использованием в практической деятельности правоохранительных органов. В ходе проверки сообщений о преступлении и осмотра места происшествия путем использования дактилоскопического порошка сотрудниками упомянутых служб во взаимодействии со специалистами экспертно-криминалистических центров может быть получен ряд образцов папиллярных узоров, оставленных преступным лицом. С целью осуществления дальнейшего расследования

и изобличения виновного уполномоченному лицу необходимо направить изъятые образцы в специализированное учреждение для осуществления дактилоскопической экспертизы.

Также важно отметить, что полученные образцы заносятся в официальную базу данных МВД России, посредством чего правоохранительным органам удается сохранить информацию об идентифицируемом лице.

Следующим по популяризации способом идентификации лица с точки зрения статических характеристик является распознание на основе фото и видео [5, с. 170]. Данный способ достаточно часто отождествляют с возможностью считывания радужной оболочки или сетчатки глаза. Он реализуется посредством определения значимых точек путем использования автоматизированных систем, которые в конечном итоге позволяют установить физиологическое и психологическое состояние лица. Данный способ также имеет широкое распространение в правоохранительной деятельности. Его использование позволяет составить портрет разыскиваемого лица с целью установления его дальнейшего местонахождения. Помимо этого, наиболее встречаемым способом распознавания лица является использование камер видеонаблюдения. Условия современной жизни привели к тому, что каждый жилой дом, офисное здание, магазины и иные сооружения оснащены автоматизированной системой защиты. Также с недавних пор видеокамеры нашли свое применение в подразделениях Госавтоинспекции с целью отслеживания происшествий, происходящих ввиду нарушения правил дорожного движения.

Сам процесс распознавания лица с камер видеонаблюдения состоит из нескольких основных этапов, а именно [6]:

1. Получение изображения.
2. Обработка изображения.
3. Обнаружение лица.
4. Распознавание лица.

Анализируя первую и вторую стадию работы с изображением, важно отметить, что они базируются на использовании камеры высокого разрешения с интернет-протоколом. В процессе обработки необходимо преобразовать изображение в оттенки серого, что облегчит работу, связанную с дальнейшим улучшением качества. Это обосновывается тем, что в изображении с градациями данного оттенка каждый пиксель является скалярным, что свидетельствует о 8-битном формате [7]. В ходе реализации третьего этапа автоматизированная система извлекает геометрические элементы из лица, чтобы определить их идентифицирующие свойства.

Тройку самых распространенных способов идентификации лица путем использования биометрических характеристик закрывает распознавание человека по лицу [6]. Этап работы автоматизированной системы достаточно схож с предыдущим способом идентификации. Реализация осуществляется с использованием математических инструментов, в рамках которых выявляются наиболее значимые точки, позволяющие осуществить процесс аутентификации. Данный способ имеет широкое распространение в контексте средства защиты информации, находящейся на электронном носителе. Мобильные устройства в качестве код-пароля используют технологию биометрической аутентификации с распознаванием лица (*Face-ID)*, разработанную компанией Apple, позволяющую ограничить доступ к пользованию техническим средствам. Помимо этого, данный способ является актуальным в рамках использования карточной системы обслуживания. При оплате товаров путем применения контрольно-кассовой техники появилась возможность осуществить договор купли-продажи при помощи опции «оплата улыбкой». Похожий механизм защиты также задействован при осуществлении входа в различные социальные сети, а также в сервисы дистанционного обслуживания клиента. Наряду с указанными примерами также необходимо упомянуть о возможности

аутентификации лица с помощью домофонов, снабженных камерой видеонаблюдения, посредством которой существует возможность идентификации лица посредством сохранения определенной дистанции, обеспечивающей безопасность.

Менее распространенным способом идентификации лица является использование венозного рисунка ладоней и кистей [8, с. 120]. В повседневной жизни он встречается довольно редко, но, несмотря на это, продолжает оставаться одним из наиболее эффективных. Кроме всего прочего, он в меньшей мере подвержен различным вмешательствам. Процесс идентификации по венозному рисунку ладоней и кистей осуществляется посредством реализации 2 основных этапов. На первом этапе происходит создание шаблона, сопровождающееся фильтрацией полученного изображения. Она, в свою очередь, сопровождается контрастируемым выделением изображения венозного рисунка, с помощью которых снижаются различные шумы и блики. Для этого находят свое применение маски шума, позволяющие улучшить качество изображения. В ходе дальнейшей работы с изображением производится выделение линий вен с целью определения значимых точек, пригодных для идентификации. В рамках второго этапа данного способа происходит сравнительное исследование полученного венозного рисунка с ранее зарегистрированным образцом, помещенным на хранение в базу данных.

Помимо изложенного, в рамках исследования данного способа идентификации также необходимо рассмотреть возможность его практической реализации. На сегодняшний день существуют два метода получения изображения вен ладони. Первый подразумевает под собой использование инфракрасных лучей, позволяющих разграничить венозные линии. Он предполагает детальное изучение физиологических особенностей конкретного человека, посредством чего итоговое изображение получается более детализированным. Второй метод не требует таких усложненных механизмов получения идентифицирующего изображения и подразумевает под собой использование средств отражения. В процессе его реализации все компоненты устройства располагаются на одной плоскости, что обуславливает отсутствие необходимости помещения кисти внутрь устройства. Это также оказывает огромное влияние на психологическую составляющую, тем самым нормализируя работу кровообращения. Несмотря на положительные перспективы использования второго метода идентификации, в практической деятельности он не отвечает гарантиям отсутствия посторонних вмешательств в полученный результат.

Анализируя вышеизложенную информацию, считаем возможным перейти к рассмотрению динамических характеристик биометрической идентификации.

Самым распространенным способом идентификации лица в контексте данного вида биометрических характеристик является распознавание лица по голосу [9, с. 75]. Его особенность заключается в анализе индивидуализирующих характеристик речи, обусловленных физиологическими особенностями и развившимися психологическими особенностями. Процесс работы с особенностями голоса реализуется посредством осуществления пяти основных этапов. Первый этап представляет собой аудиоввод воспроизводимой информации. Зачастую он записывается путем использования дополнительной аппаратуры, например микрофона. Затем следует этап предварительной обработки полученного сигнала. Он заключается в удалении шума и нормализации громкости, посредством чего улучшается качество воспроизведения. Данный этап является самым значимым, так как именно он лежит в основе всей последующей работы с полученной информацией. В рамках третьего этапа происходит непосредственное извлечение полученного сигнала. С его помощью происходит выявление наиболее значимых характеристик, позволяющих идентифицировать физиологические и психологические особенности. Анализируются такие показатели, как тон, высота тона, частота. В последующем полученный результат сравнивается с уже известными образцами,

хранящимися в базе данных. На заключительном этапе осуществляется языковая обработка посредством преобразования полученного образца в текст, позволяющий определить контекст изложенного.

Следующим динамическим способом идентификации является распознавание лица по походке [10]. Она, в свою очередь, представляет собой совокупность индивидуальных особенностей, позволяющих определить манеру пешего передвижения конкретного физического лица. В ее основе лежат определенные поведенческие реакции человека, обусловленные процессом социализации. Помимо этого, важно понимать, что особенности передвижения могут складываться ввиду наличия различных хронических заболеваний, оказывающих воздействие на опорно-двигательную и психологическую системы организма. К числу наглядно демонстрирующих примеров изложенной информации относится болезнь Паркинсона. Наряду с различными заболеваниями существенное влияние на манеру передвижения влияет состояние осанки того или иного лица. Как можно заметить, в обыденной жизни достаточно часто встречаются пожилые люди, особенности передвижения которых сводятся к образованию сутулости и замедлению длины и темпа производимого шага. Таким образом, данная информация позволяет говорить об изменчивости данных биометрических характеристик по мере взросления и дальнейшего развития. Несмотря на это, они являются исключительными абсолютно для каждого живого существа. Стоит упомянуть также, что данный биометрический показатель позволяет идентифицировать лицо дистанционно – от места его нахождения. Зачастую это происходит путем использования камер видеонаблюдения. Для этого в автоматизированной системе наличествуют специализированные наборы фрагментов изображений, которые в своей совокупности помогают выявить особенности движения. Так, к числу одних из распространенных относится набор данных CASIO–B. В качестве своей составляющей он имеет около 14 000 образов манеры пешего движения 124 испытуемых [11]. Данные образцы рассматриваются в контексте дифференциации радиуса и угла принимаемой позы. В связи с развитием информационно-технической оснащенности городов и широким использованием различных гаджетов и средств идентификация лица по признакам походки, выявленным в ходе просмотра камер видеонаблюдения, является одним из самых эффективных способов. Это также подтверждается развитием программы «Умный город» и ряда иных тождественных программ. Также важно уточнить, что наряду с занимаемой позой к идентифицирующим характеристикам походки относятся бинарные силуэты и траектория точек фигуры. Под бинарными силуэтами подразумевается воспроизводимая энергия в момент осуществления движения. Ее изучение осуществляется путем воспроизведения многоракурсного дискриминантного анализа.

Заключительным способом идентификации лица в рамках данного исследования является использование динамических особенностей письма [12]. Важно отметить, что тенденции развития современного общества предопределяют использование цифрового (электронного) формата общения. Таким образом, такой биометрический показатель, как письмо, интерпретируется в контексте двух дифференцируемых способов идентификации: в обычном понимании в контексте признаков письма, нашедших свое отражение на бумажном носителе или ином материальном объекте; в контексте цифрового формата ввода информации, осуществляемого посредством использования различных технических средств. Особый вклад в развитие данного способа идентификации внесли ученые-криминалисты, изучающие особенности технико-криминалистического исследования почерка. Важно отметить, что в криминалистике существуют как частные, так и общие индивидуализирующие особенности письма. К числу основных относятся [13, с. 20]:

1. Признаки почерка, характеризующие пространственную ориентацию и размещение движений в рукописи.

2. Признаки, характеризующие степень и характер сформированности письменно-двигательного навыка.

3. Признаки, характеризующие структуру движений по их траектории.

Частные признаки, в свою очередь, отражают индивидуальные особенности написания, передающие стиль и характер движения руки. Наряду с этим также анализируется словарный запас идентифицируемого лица, позволяющий сделать вывод об уровне его образования [14].

Рассматривая особенности написания текста путем использования различных электронных систем, отметим, что здесь в большей мере анализируется предшествующий процесс работы с клавиатурой, используемой для ввода печатного текста. Данный способ позволяет определить пользователя по динамике нажатий клавиш. Она, в свою очередь, характеризуется такими особенностями, как время нажатий, паузы между нажатиями, а также способ отпускания клавиш. Благодаря современным цифровым технологиям появилась возможность аутентификации лица по силе нажатия на клавиши и траектории движения рук над клавиатурой [15]. На первый взгляд это кажется достаточно инновационным ввиду сложности добывания такого вида информации. Однако стоит сказать, что данное направление продолжает развиваться, о чем свидетельствует факт создания специальной умной клавиатуры, облегчающей доступ к выявлению индивидуализирующих признаков. Наряду с этим активно продолжает развиваться изучение дополнительных методов идентификации данным способом. Активно рассматривается вопрос, связанный с выявлением особенностей клавиатурного почерка посредством изучения виброакустических шумов. Основным требованием, предъявляемым при работе с векторами, позволяющими идентифицировать пользователя, является устойчивость. Также важно отметить, что наряду с анализируемой деятельностью работы с клавиатурой можно прибегнуть к анализу динамических характеристик при работе с манипулятором «мышь». Они, в свою очередь, позволяют установить особенности пользователя в соответствии со временем удержания кнопок нажатыми, интервалом между нажатиями, а также скоростью движения и траекторией манипулятора. Подытоживая изложенную информацию, представляется возможным говорить о том, что рассмотренный способ является эффективным ввиду возможности бесперебойного мониторинга исследуемых особенностей, что обеспечивает удобство при дистанционной работе. Помимо этого, ежедневное использование электронных средств в повседневной жизни упрощает процедуру доступа к подобной информации. Важно понимать, что динамичность индивидуализирующих признаков при работе с клавиатурой и манипулятором «мышь» дифференцируется в зависимости от физического и психологического состояния пользователя в момент осуществления подобной деятельности.

Таким образом, изучив способы идентификации лиц по биометрическим характеристикам, следует упомянуть, что в основе их классификации лежит деление показателей на статические (физиологические) и динамические (поведенческие). К числу статических характеристик относятся:

1. Идентификация лица по отпечаткам пальцев.
2. Распознавание путем использования фото- или видеоизображений.
3. Идентификация по лицу.
4. Выявление особенностей венозного рисунка.

В качестве динамических характеристик в рамках данного исследования были рассмотрены следующие:

1. Идентификация лица по голосу.
2. Распознавание по походке.

3. Выявление особенностей письма и почерка в контексте обычного его понимания, а также при использовании электронных средств ввода печатного текста (компьютерный почерк).

---

1. Белевский Р. А. Особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых личным сыском, в условиях использования информационного пространства сети интернет // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2021. № 1(86). С. 60–66.
2. Ворона В. А., Костенко В. О. Биометрические технологии идентификации в системах контроля и управления доступом // Computational nanotechnology. 2016. № 3. С. 224–241.
3. Таршева М. Н. Матросова Л. Д. Проблемные вопросы раскрытия и расследования преступлений в сфере информационных технологий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 242–249.
4. Гуреева О. В. Биометрическая идентификация по отпечаткам пальцев. Технология FingerChip // Компоненты и Технологии. 2007. № 69.
5. Фролова Е. Ю., Кошлыкова Ю. А. Идентификация человека по биометрическим данным: обзор современных технологий // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 3. С. 167–174.
6. Малыгин М. А. Обнаружение и распознавание лиц человека на изображениях с камер видеонаблюдения // Столыпинский вестник. 2023. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obnaruzhenie-i-raspoznavanie-lits-cheloveka-na-izobrazheniyah-s-kamer-videonablyudeniya (дата обращения: 19.02.2026).
7. Барашко Е. Н., Мазуренко С. О., Шадрин А. А. Современные решения идентификации человека. Распознавание лиц // The Scientific Heritage. 2019. № 42-1(42). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-resheniya-identifikatsii-cheloveka-raspoznavanie-lits (дата обращения: 19.02.2026).
8. Шатов Д. В., Барсуков С. С. Криминалистическая идентификация по венозному рисунку кистей К // ЮП. 2022. № 1(100). С. 117–122.
9. Частикова В. А., Жерлицын С. А., Войлова Д. О. Нейросетевая система биометрической идентификации личности по голосу // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 4: Естественно-математические и технические науки. 2023. № 1(316). С. 70–79.
10. Казанцева А. Г. Идентификация человека по походке с использованием носимых сенсоров. Обзор исследований // МСиМ. 2013. № 2(28). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/identifikatsiya-cheloveka-po-pohodke-s-ispolzovaniem-nosimyh-sensorov-obzor-issledovaniy (дата обращения: 20.02.2026).
11. Соколова А. И., Конушин А. С. Методы идентификации человека по походке в видео // Труды ИСП РАН. 2019. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metody-identifikatsii-cheloveka-po-pohodke-v-video (дата обращения: 20.02.2026).
12. Попов В. В., Серго С. В. К вопросу о возможностях идентификации по почерку // ЮП. 2022. № 2(101). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vozmozhnostyah-identifikatsii-po-pocherku (дата обращения: 20.02.2026).
13. Бреусова Е. И. Проявление свойств почерка в системе письма // Известия ВГПУ. 2012. № 2. С. 19–22.
14. Прокуров Е. В. Экспериментальная разработка вероятностно-статистического метода оценки частных признаков почерка // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 1(20). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/eksperimentalnaya-razrabotka-veroyatnostno-statisticheskogo-metoda-otsenki-chastnyh-priznakov-pocherka (дата обращения: 21.02.2026).

15. Аюпова А. Р., Якупов А. Р., Шабалкина А. А. Аутентификация по клавиатурному почерку: выгоды и проблемы использования // МНИЖ. 2017. № 12-5(66). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/autentifikatsiya-po-klaviaturnomu-pocherku-vygody-i-problemy-ispolzovaniya (дата обращения: 21.02.2026).

1. Belevskij R. A. Osobennosti provedeniya operativno-rozy`skny`x meropriyatij, osushhestvlyaemy`x lichny`m sy`skom, v usloviyax ispol`zovaniya informacionnogo prostranstva seti internet // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2021. № 1(86). S. 60–66.
2. Vorona V. A., Kostenko V. O. Biometricheskie texnologii identifikacii v sistemax kontrolya i upravleniya dostupom // Computational nanotechnology. 2016. № 3. S. 224–241.
3. Tarsheva M. N. Matrosova L. D. Problemny`e voprosy` raskry`tiya i rassledovaniya prestuplenij v sfere informacionny`x texnologij // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2024. № 4(101). S. 242–249.
4. Gureeva O. V. Biometricheskaya identifikaciya po otpechatkam pal`cev. Texnologiya FingerChip // Komponenty` i Texnologii. 2007. № 69.
5. Frolova E. Yu., Koshly`kova Yu. A. Identifikaciya cheloveka po biometricheskim danny`m: obzor sovremenny`x texnologij // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2022. № 3. S. 167–174.
6. Maly`gin M. A. Obnaruzhenie i raspoznavanie licz cheloveka na izobrazheniyax s kamer videonablyudeniya // Stoly`pinskij vestnik. 2023. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obnaruzhenie-i-raspoznavanie-lits-cheloveka-na-izobrazheniyah-s-kamer-videonablyudeniya (data obrashheniya: 19.02.2026).
7. Barashko E. N., Mazurenko S. O., Shadrin A. A. Sovremenny`e resheniya identifikacii cheloveka. Raspoznavanie licz // The Scientific Heritage. 2019. № 42-1(42). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-resheniya-identifikatsii-cheloveka-raspoznavanie-lits (data obrashheniya: 19.02.2026).
8. Shatov D. V., Barsukov S. S. Kriminalisticheskaya identifikaciya po venoznomu risunku kistej K // YuP. 2022. № 1(100). S. 117–122.
9. Chastikova V. A., Zherlicyn S. A., Vojlova D. O. Nejrosetevaya sistema biometricheskoj identifikacii lichnosti po golosu // Vestnik Ady`gejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Estestvenno-matematicheskie i texnicheskie nauki. 2023. № 1(316). S. 70–79.
10. Kazanceva A. G. Identifikaciya cheloveka po poxodke s ispol`zovaniem nosimy`x sensorov. Obzor issledovanij // MSiM. 2013. № 2(28). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/identifikatsiya-cheloveka-po-pohodke-s-ispolzovaniem-nosimyh-sensorov-obzor-issledovaniy (data obrashheniya: 20.02.2026).
11. Sokolova A. I., Konushin A. S. Metody` identifikacii cheloveka po poxodke v video // Trudy` ISP RAN. 2019. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metody-identifikatsii-cheloveka-po-pohodke-v-video (data obrashheniya: 20.02.2026).
12. Popov V. V., Sergo S. V. K voprosu o vozmozhnostyax identifikacii po pocherku // YuP. 2022. № 2(101). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vozmozhnostyah-identifikatsii-po-pocherku (data obrashheniya: 20.02.2026).
13. Breusova E. I. Proyavlenie svojstv pocherka v sisteme pis`ma // Izvestiya VGPU. 2012. № 2. S. 19–22.
14. Prokurov E. V. E`ksperimental`naya razrabotka veroyatnostno-statisticheskogo metoda ocenki chastny`x priznakov pocherka // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2012. № 1(20). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/eksperimentalnaya-razrabotka-veroyatnostno-statisticheskogo-metoda-otsenki-chastnyh-priznakov-pocherka (data obrashheniya: 21.02.2026).

15. Ayupova A. R., Yakupov A. R., Shabalkina A. A. Autentifikaciya po klaviaturnomu pocherku: vy`gody` i problemy` ispol`zovaniya // MNIZh. 2017. № 12-5(66). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/autentifikatsiya-po-klaviaturnomu-pocherku-vygody-i-problemy-ispolzovaniya (data obrashheniya: 21.02.2026).

Информация об авторах

Владимир Петрович Шумилин. Доцент кафедры информационных технологий в деятельности органов внутренних дел, кандидат педагогических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Виктор Владимирович Тимофеев. Доцент кафедры информатики и специальной техники, кандидат технических наук, доцент.
Барнаульский юридический институт МВД России.
656038, Россия, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49.

Information about the authors

Vladimir P. Shumilin. Associate Professor of the Chair of Information Technologies in the Activities of Internal Affairs Bodies, Candidate of Sciences (Pedagogy).
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatov str., 2.

Viktor V. Timofeev. Associate Professor, Chair of Computer Science and Advanced Technology, PhD in Engineering, Associate Professor.
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
656038, Russia, Barnaul, Chkalov str., 49.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 20.03.2026; одобрена после рецензирования 20.04.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was received in the editorial office on 20.03.2026; approved after review on 20.04.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 343.97

ПРЕСТУПНОСТЬ И ТЕРРОРИЗМ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Шумский Виктор Васильевич[1], Ткаченко Владимир Васильевич[2], Колениченко Василий Васильевич[3]
[1, 2, 3]Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия

[1]shumskvic121968@yandex.ru
[2]tkachenkovlad@yandex.ru
[3]koleni4enko77@mail.ru

Аннотация. В статье акцентируется внимание на сущности и значимости первостепенных задач по пресечению террористических актов или действий, создающих непосредственную угрозу их осуществления. Исходя из наиболее часто применяемых террористами форм и методов совершения террористических актов, авторы акцентируют внимание на комплексе приоритетных элементов и задач, реализация которых необходима на практике. Терроризм – сложное криминологическое явление, которое можно рассматривать как форму преступности. Терроризм обязательно включает насилие как реальное деяние. Террористические группы имеют более высокую идеологическую мотивацию, в отличие от организованных преступных группировок, они обычно стремятся к изменению политической системы. Террористы стремятся заручиться поддержкой общественности, так как одной из основных их целей является получение поддержки ради достижения своих целей.

Ключевые слова: преступления экстремистской и террористической направленности, противодействие терроризму, террорист, заложник, рецидивист, криминальный террор, преступная деятельность.

Для цитирования: Шумский В. В., Ткаченко В. В., Колениченко В. В. Преступность и терроризм: соотношение понятий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 193–200.

CRIME AND TERRORISM: THE RELATIONSHIP OF CONCEPTS

Viktor V. Shumskiy[1], Vladimir V. Tkachenko[2], Vasily V. Kolenichenko[3]
[1, 2, 3]Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Interior of Russia, Belgorod, Russia

[1]shumskvic121968@yandex.ru
[2]tkachenkovlad@yandex.ru
[3]koleni4enko77@mail.ru

Annotation. the article focuses on the essence and significance of the primary tasks of preventing terrorist acts or actions that pose a direct threat to their implementation. Based on the most commonly used forms and methods of terrorist acts, the article highlights a set of priority elements and tasks that need to be addressed in practice. Terrorism is a complex criminological phenomenon that can be viewed as a form of crime. Terrorism necessarily involves violence as a real act. Terrorist groups have a higher level of ideological motivation,

and unlike organized crime groups, they usually seek to change the political system. Terrorists seek to gain public support, as one of their primary goals is to gain support in order to achieve their objectives.

Keywords: crimes of extremist and terrorist nature, countering terrorism, terrorist, hostage, recidivist, criminal terror, criminal activity.

For citation: Shumsky V. V., Tkachenko V. V., Kolenichenko V. V. Crime and terrorism: the relationship of concepts // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2026. № 2(107). P. 193–200.

Анализ оперативной обстановки за последние годы свидетельствует, что деятельность организованных преступных формирований все более приобретает, наряду с бандитской, и террористическую направленность нередко политического характера.

В то же время отмечается и резкая активизация террористических групп с уголовной направленностью. Преступность террористического характера – это совокупность преступлений, уголовно-правовые нормы которых содержат признаки терроризма [1].

Элементы уголовного терроризма носят и заказные убийства банкиров и крупных предпринимателей, случаи похищения людей, взятия их в качестве заложников.

Угрожающий рост фактора вооруженности организованной криминальной среды, ее все более ужесточающаяся дерзость и организованность в достижении преступных целей вызывают обоснованную тревогу органов государственной власти и управления, деловых кругов и простых граждан.

В 2025 году в России зарегистрировано 5920 преступлений террористического характера (+59,4 %) и 2241 преступление экстремистской направленности (+30,4 %), из них направлено в суд 2712 уголовных дел по преступлениям террористического характера, 1965 – экстремистской направленности. Выявлено лиц, совершивших преступления такого рода, – 2173 и 1704 соответственно[1].

Уголовный террор, если его не пресечь, способен разрушить нормальные процессы перехода к рынку, стать препятствием к нормальной деятельности управленческих, банковских и предпринимательских структур.

В. В. Витюк определяет террористическую преступность как вид преступности, который представляет собой совокупность преступлений, уголовно-правовые нормы о составах которых содержат уголовно-правовые признаки, соответственно, экстремизма или терроризма [2, с. 58].

Активация вооруженных сопротивлений сотрудникам правоохранительных органов, междоусобные разборки преступных группировок за сферы влияния, в ходе которых нередко погибают и получают ранения случайные граждане, утвердившаяся практика вооруженного захвата заложников – все это требует проведения углубленного комплексного анализа преступности, выявления ее направляющих и профилактических мер, скоординированного взаимодействия всей системы правоохранительных органов.

Действия террористов обычно преследуют цель – запугать местные власти, администрацию конкретных учреждений (организаций), представителей общественных организаций, политических деятелей, предпринимателей, бизнесменов и т. п., вселить в них неуверенность и замешательство. Доведение угроз может осуществляться по телефону, в почтовых отправлениях и другими способами.

Одним из решающих факторов в создании организационного механизма в области борьбы с терроризмом явилась необходимость повышения оперативности в реаги-

[1] Состояние преступности в России за 2025 год. URL: https://media.mvd.ru/reports/item/77848182 (дата обращения: 04.02.2026).

ровании на возникающие террористические угрозы. При этом значительно повысились требования к руководителям спецслужб и правоохранительных органов в принятии решений на использование сил и средств по пресечению террористических актов в режиме реального времени [3, с. 11].

Практика показывает, что террористы часто захватывают заложников в помещениях различных учреждений и организаций, жилищах граждан. Требования, которые они выдвигают, как правило, сводятся к получению разрешения со стороны органов внутренних дел беспрепятственно покинуть место обнаружения.

Ранее законодатель указывал, что причиняемый вред должен быть вынужденным. Если обратиться к словарю С. И. Ожегова, мы увидим, что «вынужденный» – значит вызванный какими-нибудь обстоятельствами, совершаемый не по своей воле [4, с. 112]. Однако в данном случае слово «вынужденный» не совсем уместно, поскольку вред, причиняемый при ликвидации террористов или проведении иных мероприятий контртеррористической направленности, является результатом осознанной деятельности человека.

Заложниками могут оказаться состоятельные лица или их родственники и дети, захваченные преступниками с целью получения крупного денежного выкупа или права на распоряжение имуществом потерпевших (недвижимость, дача, автомобиль) в обмен на их освобождение.

Криминальному террору подвергаются и судебные органы: не только судьи, но и в первую очередь потерпевшие и свидетели по уголовным делам. Их силой и угрозой лишения жизни заставляют менять показания, отказываться от обвинения. В итоге от уголовной ответственности и наказания освобождаются наиболее опасные преступники. Если подобная тенденция получит развитие, криминальные элементы могут добиться настоящего паралича ряда структур судебной власти, сделают невозможным нормальное отправление правосудия.

Вопросам обеспечения национальной безопасности нашей страны, проблемам квалификации преступлений террористической направленности и их видам, а также совершенствованию уголовной политики и законодательства в сфере противодействия терроризму свои научные работы в последнее время посвятили С. А. Алимпиев, Н. К. Розикова [5], Е. Ю. Антонова [6], Я. Н. Ермолович, С. В. Криштопов [7], О. Д. Жук [8], О. А. Зайцев [9], А. Н. Курдуков [10], И. А. Треушников, А. А. Виноградова [11] и др.

Обращение к понятию «форма преступной деятельности», принятому в криминологии, вызвано тем, что терроризм – это не один какой-либо вид преступлений. Это понятие применяют, говоря о рецидивной преступности, преступности несовершеннолетних, преступности гастролеров. И рецидивисты, и несовершеннолетние правонарушители, и гастролеры могут совершать различные преступления. Объединяют их либо особенности личности, либо особенности поведения и преступного образа жизни.

Каждой из названных форм преступной деятельности соответствуют особенности организации и тактики борьбы с нею.

Имеет место распространение угроз диверсионными актами при захвате и угоне самолетов, убийством заложников в местах лишения свободы.

Терроризм – сложное криминологическое явление, которое можно рассматривать как форму преступности, и это предполагает специальное его изучение. Какие могут быть совершены конкретные деяния в акциях террора для борьбы с самим терроризмом, значения не имеет. Каждый из видов преступлений – локальное явление, значение которого нацеливает на поиск виновных, их идентификацию, доказывание вины, квалификацию и определение меры ответственности.

Терроризм по определенным признакам обязательно включает насилие (как реальное деяние, так и угрозу его совершения).

Субъективным же отличием от всех преступлений, которые совершаются при террористических действиях, является умысел на устрашение с целью подавления воли людей, демонстрации силы, подавления попыток к сопротивлению определенным силам.

И здесь выявляется важнейший критерий, отличающий терроризм от других форм преступности: он чаще всего используется преступными органами и одиночками по политическим мотивам.

Эти мотивы, зачастую не осознаются непосредственными исполнителями: убийцами, грабителями, поджигателями, насильниками. Мотивы терроризма руководят главным образом организаторами преступных действий и реализуются подчас в последовательно осуществляемых акциях: от пропаганды расовой ненависти, вражды на митингах до создания организации боевиков и развязывания вооруженной борьбы.

Как видно, терроризм предполагает разделение функций между вдохновителями (идеологами), организаторами и исполнителями, а в итоге является стратегическим методом достижения поставленных целей.

Террористические группы имеют более высокую идеологическую мотивацию. Организованные преступные группировки стремятся завладеть большей долей как законных, так и незаконных рынков и, как правило, не выступают в поддержку той или иной идеологической системы. Террористические группы, в отличие от организованных преступных группировок, обычно в большей степени стремятся к изменению политической системы.

Представ перед судом, террористы, как правило, признают совершенные ими действия, хотя отказываются признать их как преступления и используют суд в качестве форума для пропаганды своих политических взглядов. Члены организованных преступных группировок, как правило, используют любую возможность для собственной защиты и пытаются приуменьшить степень своего участия в преступлениях. Террористические группы стремятся заручиться поддержкой своих политических целей как можно большей части населения. Организованные преступные группировки менее заинтересованы в этом. Поэтому, если террористы, как правило, стремятся, чтобы их деятельность как можно более широко освещалась в средствах массовой информации, организованные преступные группировки, наоборот, пытаются избежать такого освещения. Террористы, как и правительства, стремятся заручиться поддержкой общественности, поскольку одной из главных их целей является получение поддержки ради достижения своих целей. Организованные преступные группировки стремятся не привлекать внимания населения, поскольку их целям в большей степени отвечает такое положение, при котором их деятельность как можно глубже скрывается от общественности. Кроме того, террористы менее разборчивы, чем организованные преступные группировки, в том, кто является жертвами их деятельности. Что касается организованных преступных группировок, то в своей деятельности они проводят более четкое различие между мотивами их деятельности и жертвами их преступных деяний, в отличие от террористических группировок, которые ради достижения своих целей часто бывают неразборчивы в средствах. Если на какой-либо конкретной территории борьба между организованными преступными группировками очень часто приобретает характер вооруженной борьбы между ними, между соперничающими террористическими организациями это происходит редко. Однако террористические группировки склонны устранять более умеренные соперничающие политические организации, которые преследуют аналогичные цели для того, чтобы стать единственным выразителем отстаиваемых ими принципов. Однако очень часто существует разделение деятельности между более умеренными организациями, выступающими в виде подставных организаций, и террористическими группировками, действующими у них за спиной.

При том, что средства и цели преступных и террористических организаций совершенно различны, в настоящее время все больше проявляется тенденция к их слиянию, которая может стать необратимой.

Важно понимать, что такое терроризм и чем он отличается от обычного хулиганства. Эту тему обсудили в апреле 2025 года на форуме «Доброе слово», который состоялся в Белгородском областном центре молодежных инициатив. Его темой стало противодействие идеологии экстремизма и терроризма среди молодых людей. В событии приняли участие более 100 студентов колледжей и вузов, сотрудники силовых структур, лекторы регионального отделения Российского общества «Знание» и сотрудники центра информационной безопасности и психологической помощи. Они поговорили о юридической ответственности за правонарушения и преступления экстремистской и террористической направленности и их опасности для молодежи и современного мира. Были приведены примеры террористической деятельности на территории Белгородской области.

Так, 3 февраля 2025 года в Старом Осколе были арестованы трое молодых людей по подозрению в поджоге релейного шкафа на железнодорожной станции. Они согласились на это дело за деньги, но теперь им грозит от 12 до 20 лет лишения свободы по обвинению в терроризме.

4 апреля 2025 года было заведено уголовное дело о пропаганде терроризма в отношении 20-летнего воронежца. Он опубликовал в телеграмм-канале видеопоздравление Главному управлению разведки Минобороны Украины, снятое рядом с российской военной частью. Также следствие подозревает его в публичных призывах к терроризму.

6 апреля 2025 года в Подмосковье силовики задержали 21-летнего жителя Орловской области за публичные призывы к сотрудничеству с вооруженными силами Украины (ВСУ). Как сообщила пресс-служба Управления федеральной службы безопасности (ФСБ) по Москве и Московской области, он вел телеграмм-канал, в котором размещал видеоконтент с пропагандой терроризма. Возбуждено уголовное дело.

К сожалению, такие новости появляются почти ежедневно. Молодые люди не всегда осознают, какие последствия могут повлечь за собой подобные «подвиги». Во-первых, такие действия часто опасны для окружающих и террористы наносят вред своей стране, а в итоге – своим родным и близким. Во-вторых, вместо обещанного вознаграждения исполнители в большинстве случаев получают вполне конкретный срок лишения свободы.

Директор ФСБ, председатель Национального антитеррористического комитета Александр Бортников на заседании комитета сообщил, что за последние три года в России было задержано более 2,5 тысячи молодых людей, подпавших под влияние украинских неонацистов, международных террористических организаций и движений, таких как «Колумбайн» и «Маньяки. Культ убийств». С начала этого года предотвращено 47 преступлений террористической направленности, подготовку которых осуществляли лица указанной категории. Большинство из них были подростками.

О том, что такое терроризм и экстремизм, шла речь на заключительной встрече в рамках форума «Доброе слово». Эксперты из Центра информационной безопасности, сотрудники уголовного розыска УМВД России по Белгородской области, Белгородского государственного технологического университета имени В. Г. Шухова и прокуратуры рассказали студентам о правилах поведения при терактах, о различиях между национализмом, фашизмом, нацизмом и неонацизмом, об ответственности за онлайн-преступления, на конкретных примерах показали, как распознавать опасный контент в интернете и противостоять манипуляциям и о других важных вещах. К сожалению, такие беседы в последнее время не теряют своей актуальности.

Форум стал важной образовательной площадкой, где молодежь получила практические знания о безопасном поведении в современном мире. Организаторы отметили высокий уровень вовлеченности участников и их заинтересованность в защите своих цифровых прав. Полученные знания помогут студентам критически оценивать информацию и избегать опасных ситуаций в реальной жизни и онлайн-пространстве.

Проведение таких просветительских мероприятий особенно актуально в текущих условиях, когда молодежь становится основной мишенью для различных манипулятивных технологий. Организаторы планируют сделать форум ежегодным и расширить круг обсуждаемых тем, включив вопросы медиаграмотности и психологической устойчивости к деструктивному влиянию.

---

1. Криминология: учебник для вузов / Под общ. ред. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2005. 912 с.
2. Витюк В. В. Понятие и общая характеристика террористической и экстремистской преступности в Российской Федерации // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2022. № 4(15). С. 57–68.
3. Медведева Т. В. Сущность и значение первоочередных мер по пресечению террористического акта или действий, создающих непосредственную угрозу его совершения // Проблемы правоохранительной деятельности. 2022. № 4. С. 10–13.
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 3-е изд. Москва, 1996. 928 с.
5. Алимпиев С. А., Розикова Н. К. Ответственность за преступления террористической направленности по уголовному законодательству России и зарубежных стран // Правоохранительные органы: теория и практика. 2022. № 2(43). С. 69–72.
6. Антонова Е. Ю. Преступления террористической направленности в эпоху цифровизации: формы деятельности и меры по противодействию // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1, № 1. С. 251–269.
7. Ермолович Я. Н., Криштопов С. В. Соотношение и разграничение понятий «преступления террористической направленности» и «преступления экстремистской направленности» // Российский следователь. 2022. № 3. С. 37–41.
8. Жук О. Д. Об усилении уголовной ответственности за преступления диверсионной и террористической направленности // Законодательство. 2023. № 2. С. 59–64.
9. Зайцев О. А. Законодательное регулирование уголовной ответственности за преступления террористической и экстремистской направленности // Вестник «Государство и право». 2024. № 1(40). С. 65–70.
10. Курдуков А. Н. Новеллы законодательства об ответственности за преступления террористической направленности, совершаемые ненасильственными способами // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 1-2-1. С. 360–367.
11. Треушников И. А., Виноградова А. А. Преступления террористической и экстремистской направленности в России на современном этапе // Вестник Прикамского социального института. 2024. № 1(97). С. 79–82.

1. Kriminologiya: uchebnik dlya vuzov / Pod obshh. red. A. I. Dolgovoj. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Norma, 2005. 912 s.
2. Vityuk V. V. Ponyatie i obshhaya xarakteristika terroristicheskoj i e`kstremistskoj prestupnosti v Rossijskoj Federacii // Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putej soobshheniya: Gumanitarny`e issledovaniya. 2022. № 4(15). S. 57–68.

3. Medvedeva T. V. Sushhnost` i znachenie pervoocheredny`x mer po presecheniyu terroristicheskogo akta ili dejstvij, sozdayushhix neposredstvennuyu ugrozu ego soversheniya // Problemy` pravooxranitel`noj deyatel`nosti. 2022. № 4. S. 10–13.
4. Ozhegov S. I. Tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka. 3-e izd. Moskva, 1996. 928 s.
5. Alimpiev S. A., Rozikova N. K. Otvetstvennost` za prestupleniya terroristicheskoj napravlennosti po ugolovnomu zakonodatel`stvu Rossii i zarubezhny`x stran // Pravooxranitel`ny`e organy`: teoriya i praktika. 2022. № 2(43). S. 69–72.
6. Antonova E. Yu. Prestupleniya terroristicheskoj napravlennosti v e`poxu cifrovizacii: formy` deyatel`nosti i mery` po protivodejstviyu // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. T. 1, № 1. S. 251–269.
7. Ermolovich Ya. N., Krishtopov S. V. Sootnoshenie i razgranichenie ponyatij «prestupleniya terroristicheskoj napravlennosti» i «prestupleniya e`kstremistskoj napravlennosti» // Rossijskij sledovatel`. 2022. № 3. S. 37–41.
8. Zhuk O. D. Ob usilenii ugolovnoj otvetstvennosti za prestupleniya diversionnoj i terroristicheskoj napravlennosti // Zakonodatel`stvo. 2023. № 2. S. 59–64.
9. Zajcev O. A. Zakonodatel`noe regulirovanie ugolovnoj otvetstvennosti za prestupleniya terroristicheskoj i e`kstremistskoj napravlennosti // Vestnik «Gosudarstvo i pravo». 2024. № 1(40). S. 65–70.
10. Kurdukov A. N. Novelly` zakonodatel`stva ob otvetstvennosti za prestupleniya terroristicheskoj napravlennosti, sovershaemy`e nenasil`stvenny`mi sposobami // Voprosy` rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2023. T. 13, № 1-2-1. S. 360–367.
11. Treushnikov I. A., Vinogradova A. A. Prestupleniya terroristicheskoj i e`kstremistskoj napravlennosti v Rossii na sovremennom e`tape // Vestnik Prikamskogo social`nogo instituta. 2024. № 1(97). S. 79–82.

Информация об авторах

Виктор Васильевич Шумский. Старший преподаватель кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел.
Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина.
308024 г. Белгород, ул. Горького, 71.

Владимир Васильевич Ткаченко. Доцент кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел, кандидат экономических наук, доцент.
Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина.
308024 г. Белгород, ул. Горького, 71.

Василий Васильевич Колениченко. Старший преподаватель кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел.
Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина.
308024 г. Белгород, ул. Горького, 71.

Information about the authors

Viktor V. Shumskiy. Senior lecturer of the Chair of Management and Administrative Activities.
Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia.
308024, Russia, Belgorod, Gorkiy Str., 71.

Vladimir V. Tkachenko. Associate professor of the Chair of Management and Administrative Activities, Candidate of Sciences (Economics), associate professor.
Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia.
308024, Russia, Belgorod, Gorkiy Str., 71.

Vasily V. Kolenichenko. Senior lecturer of the Chair of Management and Administrative Activities.
Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia.
308024, Russia, Belgorod, Gorkiy Str., 71.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 10.04.2026; одобрена после рецензирования 15.05.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was received in the editorial office on 10.04.2026; approved after review on 15.05.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научная статья
УДК 343.14

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Бирюков Святослав Юрьевич
ФГАОУ ВО Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

Bir.slav@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности криминалистического изучения личностных характеристик широкого круга участников уголовного процесса: не только тех лиц, которые оказались втянуты в орбиту уголовного судопроизводства в силу их непосредственной связи с расследуемым преступным деянием и обладающие значимыми сведениями о существенных для расследования обстоятельствах, но также и тех лиц, участие которых инициируется следователем из собственных побуждений и усмотрения. Автор стремится определить ключевые направления криминалистического исследования личности как основных, так и факультативных участников процессуальных действий, при этом учитывается их функциональная специфика в рамках конкретного следственного действия, что способствует обоснованному принятию решений о целесообразности вовлечения конкретных лиц в процесс расследования.

Ключевые слова: предварительное расследование, изучение личности, психологические реакции, участник уголовного процесса, следственное действие, следственная ситуация.

Для цитирования: Бирюков С. Ю. Особые аспекты криминалистического изучения личности отдельных участников уголовного процесса // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 201–213.

CRIMINALISTIC ASPECTS OF STUDYING THE PERSONALITY OF INDIVIDUAL PARTICIPANTS IN THE CRIMINAL PROCESS

Svyatoslav Yu. Biryukov
Volgograd State University, Volgograd, Russia

Bir.slav@yandex.ru

Annotation. The article discusses the features of the forensic study of the personal characteristics of a wide range of participants in the criminal process: not only those individuals who have been drawn into the orbit of criminal proceedings due to their direct involvement in the criminal act under investigation and who possess significant information about the circumstances relevant to the investigation, but also those individuals whose participation is initiated by the investigator on their own initiative and discretion. The author seeks to identify the key areas of forensic research on the identity of both the main and the optional participants in procedural actions, taking into account their functional

specificity within a specific investigative action, which contributes to the informed decision-making process regarding the involvement of specific individuals in the investigation.

Keywords: preliminary investigation, personality study, psychological reactions, participant in the criminal process, investigative action, investigative situation.

For citation: Biryukov S. Y. Certain aspects of the criminalistic study of the personality of individual participants in the criminal process // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 2(107). P. 201–213.

Глубокий анализ личности участников уголовного судопроизводства представляет собой один из основополагающих факторов, предопределяющих эффективность проводимого расследования, влияющих не только на полноту установления фактических обстоятельств дела, но и на динамику всего следственного процесса. Данная закономерность обусловлена фундаментальным принципом взаимосвязи между индивидуальными характеристиками человека и спецификой его поведенческих проявлений.

В криминалистической практике неоднократно подтверждалось наличие устойчивой взаимозависимости между психологическим портретом правонарушителя и ключевыми особенностями совершаемых им общественно опасных действий. Это касается как выбора конкретной модели преступного поведения, так и самого механизма реализации преступного замысла. В структуре преступного деяния находят отражение многочисленные аспекты личности виновного: уровень интеллектуального развития и профессиональная подготовка, физические возможности и психоэмоциональные особенности, включая степень импульсивности и склонность к жестокости, садизму и пр.

Немаловажным фактором при формировании преступником стратегии совершения преступления выступают также индивидуальные характеристики объекта посягательства. В зависимости от категории преступления определяющими могут стать такие характеристики потенциального потерпевшего, как половозрастные особенности, физическое состояние, интеллектуальный уровень, социальный статус и жизненный опыт. Каждое преступление происходит не в вакууме, а в реальных жизненных условиях со своими особенностями. Время, место, люди, оказавшиеся рядом, их реакции и поведение, в т. ч. психологические реакции, – все это складывается в единую картину, которую можно назвать обстановкой преступления [1, с. 63].

Процесс исследования связан с тем, как по-разному преступники взаимодействуют с окружающими их обстоятельствами. Такое взаимодействие многое говорит об их характере и особенностях мышления. Кто-то действует импульсивно, используя сложившуюся ситуацию как есть. Другие проявляют терпение и расчетливость – выжидают, когда обстановка станет максимально благоприятной для реализации их преступных планов. А есть такие, кто не полагается на случай: они целенаправленно создают нужные им условия, адаптируя обстоятельства в свою пользу.

В ходе осуществления производства по делу в процесс расследования вовлекается огромное количество лиц, которые не имеют непосредственного отношения к расследуемому уголовно наказуемому деянию. Помимо очевидных фигур – подозреваемых и потерпевших – появляются свидетели, понятые, переводчики, педагоги, психологи, различные специалисты и эксперты. И каждый из них привносит в расследование частичку себя – свой характер, опыт, профессиональные навыки. Эти человеческие факторы напрямую определяют, насколько быстро и точно удастся восстановить полную картину произошедшего преступления.

В контексте ситуационного подхода к расследованию в содержание следственной ситуации, помимо фактической информации о сущностных аспектах расследуемого преступного деяния, которая составляет фундаментальную основу самого следственного процесса, входят и иные особенности той обстановки, в которой формиру-

ются и планируются к реализации решения субъекта расследования по ее трансформации в более благоприятную для следствия. А такого рода контекст представляет собой сложный комплекс различных факторов, оказывающих непосредственное влияние на траекторию трансформации следственной ситуации, куда, по справедливому замечанию отдельных ученых, входит комплекс сведений о психологических портретах всех вовлеченных в производство по делу лиц – от подозреваемого и обвиняемого до потерпевшего и свидетелей. Здесь важно понимание не только индивидуальных характеристик каждого участника, но и сложной системы межличностных связей, которая формируется в ходе всего процесса, осуществляемого на досудебных стадиях; важно учитывать, как те или иные лица, вовлеченные в уголовное судопроизводство, воспринимают само расследуемое происшествие, какие эмоции испытывают по отношению к следователю и как относятся к необходимости личного участия в процессуальных действиях [2, с. 91].

Однако представляется более правильным учитывать психологическую и социальную характеристику лиц, способных оказывать как негативное, так и позитивное воздействие на участников процесса, имея собственный интерес в разрешении дела по существу [3, с. 47; 2, с. 38]. В содержание такого влияния попадают родственные и дружеские взаимоотношения фигурантов дела, а также представители различных заинтересованных организаций и властных структур [2, с. 181]. Иначе говоря, весь комплекс составляющих элементов следственной ситуации формирует фундамент для принятия тактических решений на протяжении всего процесса расследования. Каждая личность, втянутая в орбиту уголовного процесса, начиная от очевидцев преступных событий и заканчивая обвиняемыми лицами, становится своеобразным «полем» для применения всего имеющегося в распоряжении субъекта расследования тактического арсенала [4, с. 94].

Результативность подобного воздействия целиком и полностью определяется тем, насколько глубоко лицо, ведущее расследование, сумело проникнуть в психологическую сущность каждого участника уголовного процесса, разгадать его внутренние побуждения, выявить наиболее уязвимые точки и правильно понять характерные черты личности. Поверхностное знакомство с людьми, задействованными в производстве, делает невозможным построение эффективной линии ведения следствия. Вот почему информация о психологическом облике всех фигурантов дела превращается в краеугольный камень любой следственной ситуации. Этот живой, непредсказуемый элемент нередко становится той самой решающей силой, которая позволяет докопаться до истины происшедшего и вынести справедливое решение, определяющее дальнейшую судьбу уголовного дела.

Криминалистическое изучение личности людей, вовлеченных в уголовное судопроизводство, в зависимости от их процессуального положения и роли имеет некоторые особенности, проявляющиеся в направлении и задачах такого исследования, используемой методологии, а также источников сведений значимых для следствия. Криминалистическое познание личности потенциального преступника может развиваться задолго до того, как станет известно его истинное имя. Работу следователя можно представить как сбор мозаики – фрагмент за фрагментом собирается портрет неизвестного по тем его следам, которые запечатлились как на месте совершения им преступного деяния, так и в памяти людей, которые наблюдали его в тот или иной момент его деятельности по подготовке, совершению уголовно наказуемого деяния или сокрытию его следов. Эта предварительная картина становится фундаментом для построения версий субъектом расследования, а также определения направлений его деятельности по установлению и задержанию лица, причастного к совершению преступного деяния. Ключевыми источниками таких данных выступают материалы тех процессуальных

действий, которые проведены на первоначальном этапе производства по уголовному делу, а также данные различного вида учетов, в т. ч. криминалистических.

Когда подозреваемый установлен, процесс изучения его личности сопряжен с множеством препятствий. Главная проблема – острый дефицит времени, имеющегося в распоряжении лица, ведущего расследование, поскольку в правоприменительной следственной практике основной задачей (и не без основания) считается поиск именно доказательственной информации причастности лица к расследуемому событию. И субъекту расследования приходится искусно использовать такого рода доказательственную информацию, анализируя ее и в контексте получения сведений о личности подозреваемого (обвиняемого). Одним из основных, но не единственным источником вышеуказанных сведений является допрос подозреваемого [5, с. 96]. Наряду с ним значимые сведения о личности лица, подозреваемого в совершении общественно опасного деяния можно получить в ходе непосредственного задержания преступника с поличным. Здесь в качестве источников рассматриваемой информации будут выступать сотрудники оперативных подразделений, которые наблюдали реакцию подозреваемого в момент изобличения – его слова, поведение, эмоциональное состояние – все это является важными аспектами, характеризующими личность последнего. Дополнительный материал для анализа личности указанного участника уголовного процесса дает обыск, осмотр мест его пребывания и трудовой деятельности, опрос знакомых и коллег, а также итоги оперативно-розыскной деятельности (ОРД).

В этой связи представляются наиболее информативными случаи, когда лицо ранее находилось под наблюдением правоохранительных органов [6, с. 92]. В таких ситуациях оперативная и криминалистическая составляющие изучения личности органично переплетаются, создавая более полную картину для следствия. Сбор сведений о личности подозреваемого в процессе его допроса фактически начинается с выяснения личных данных допрашиваемого лица, указанных в соответствующих графах протокола данного следственного действия. В случае же имевшего место задержания лица по подозрению в совершении преступления и надлежащим образом оформленного указанная информация уже имеется в распоряжении следствия и субъект расследования в ходе допроса имеет возможность дополнить эти данные при заполнении раздела протокола, касающегося дополнительных сведений о допрашиваемом лице. Очевидно, что объем такой информации определяется лицом, ведущим расследование с учетом специфики конкретного дела.

В юридической литературе, в частности, подчеркивалась важность детального изучения семейного положения подозреваемого лица, отдельных вопросов его профессиональной деятельности и других аспектов частной жизни допрашиваемого [7, с. 160]. Данные, собранные субъектом расследования заблаговременно из различных источников и в ходе предварительной беседы при оформлении бланка соответствующего процессуального документа, немедленно находят применение в выборе тактических приемов предстоящего допроса. Здесь представляется важным подчеркнуть, что демонстрация субъектом расследования детального знания обстоятельств жизни подозреваемого часто выступает мощным тактическим инструментом воздействия на него, стимулируя последнего к предоставлению если не достоверной, то менее искаженной информации [8, с. 15].

Особенности изучения личностных характеристик лица, обвиняемого в совершении преступления, обусловлены, с одной стороны, его ключевой ролью в уголовном судопроизводстве, а с другой – широким спектром наделенных законодателем полномочий по защите от предъявленного обвинения. Спектр данных о субъективных качествах указанного участника уголовного процесса, востребованных следственными органами для доказательства его участия в инкриминируемом уголовно наказуемом деянии, определения направления расследования и выборе тех или иных тактических при-

емов при проведении определенных процессуальных действий, отличается значительной глубиной и охватывает полный перечень криминалистически значимых сведений, характеризующих личность конкретного человека, могущих оказать влияние на результативность как конкретных следственных действий, так и хода всего расследования. Первостепенную важность при этом приобретает анализ криминального поведенческого паттерна и предшествующего противоправного опыта лица, привлеченного к уголовной ответственности.

Указанные сведения, дополненные психологическим портретом обвиняемого, должны применяться для формирования доверительных отношений последнего с лицом, ведущим расследование, а также сведения к минимуму возможности возникновения конфликтов, способных привести к его отказу от сотрудничества со следствием [9, с. 20]. Такого рода последствия, очевидно, негативны для субъекта расследования, так как фактически лишают его ценнейшего информационного ресурса – самого обвиняемого. Осуществляя сбор и оценку информации о личностных качествах рассматриваемого участника уголовного процесса, считаем необходимым выявлять и учитывать его положительные личностные проявления, что очень важно для осуществления беспристрастного анализа указанного набора индивидуальных особенностей обвиняемого.

Здесь представляется целесообразным кратко остановиться на специфике изучения личностных особенностей тех обвиняемых по уголовным дела, местонахождение которых органам предварительного расследования неизвестно. Подобная форма противодействия правоохранительным органам в их деятельности по достижению задач уголовного судопроизводства не нова и встречается при осуществлении производства по разным категориям уголовных дел, поэтому универсальные тактические подходы к ее нейтрализации обладают некоей универсальностью в применении.

Поверхностное изучение личности подозреваемых и обвиняемых становится одним из ключевых факторов, которые, с одной стороны, затрудняют правоохранительным органам их розыск, а с другой – облегчают этим участникам процесса их сокрытие от следствия. Это порождает стратегические просчеты при выборе субъектом расследования конкретных обеспечительных мер надлежащего поведения вышеназванных участников судопроизводства и ведет к серьезным ошибкам в выборе предупредительных мер в отношении других лиц, вовлеченных в процесс расследования, например в качестве свидетелей или потерпевших.

Теория оперативно-розыскной деятельности показывает и исследует взаимообусловленности личности лица, совершившего уголовно-наказуемое деяние, с его поведенческими реакциями, возрастными параметрами и криминальной субкультурной принадлежностью [10, с. 18]. Осуществление результативного розыска предполагает получение обширного информационного массива о скрывающемся, куда входят: медицинские показатели, жизненный уклад, социальные связи, финансовые ресурсы, наличие несовершеннолетних и иных зависимых от него лиц, профессиональную квалификацию, географию проживания, наличие родственников и знакомых. Располагая этими данными, можно определить оптимальную тактику розыска такого лица [11, с. 17; 12, с. 212].

Изучение в криминалистическом аспекте личности лица, которому преступлением причинен какой-либо вред, в т. ч. и в ходе производства отдельных процессуальных действий с его участием, выполняет двойную функцию: с одной стороны, способствует воссозданию полноценной картины расследуемого события, с другой – создает фундамент для эффективного применения конкретных тактических приемов, направленных на установление с ним доверительных отношений, побуждение к даче полных и достоверных показаний, а также на активное содействие при производстве следственных действий.

Судебно-следственная практика свидетельствует, что зачастую именно индивидуальные особенности жертвы преступления – ее половозрастные характеристики, текущее физическое и эмоционально-психическое состояние, степень образованности и интеллектуального развития, жизненный уклад и модели поведения в конкретных обстоятельствах, социальное окружение и другие факторы – становятся определяющими в преступном поведении правонарушителя; они могут в той или иной степени предопределить выбор самой жертвы, места и времени совершения уголовно наказуемого деяния, способов его осуществления и последующего сокрытия следов, а также линию поведения подозреваемого в ходе проведения следствия.

В отдельных случаях само уголовно наказуемое деяние является результатом долговременных взаимоотношений преступника и его жертвы. В таких и подобных обстоятельствах в целях определения природы взаимоотношений указанных лиц субъект расследования обязан подвергнуть личность потерпевшего столь же тщательному анализу, что и личность обвиняемого, задействуя при этом все законные способы получения необходимых сведений и соответствующие методики их обработки.

Первоочередного внимания заслуживает диагностика психоэмоционального состояния потерпевшего, сформировавшегося в результате криминального воздействия. Наряду с психологическими аспектами принимаются во внимание личностные характеристики лица, которые формируют отношение потерпевшего к расследуемому делу, например: стремление утаить собственное неблаговидное поведение, преувеличить или, напротив, занизить размер причиненного ущерба, а также побудительные мотивы такого отношения. Особого рассмотрения требует выявление качеств, существенных для объективной оценки потерпевшего в качестве источника доказательственной информации.

В рамках производства по уголовному делу криминалистическое изучение личности человека, свидетеля, который обладает сведениями, имеющие значение для установления всех обстоятельств расследуемого деяния и который вызван для дачи показаний, представляет собой деликатную и в тоже время более узкую задачу. Субъекту расследования крайне важно составить психологический портрет человека, который станет ключевым звеном в цепочке доказательств виновности другого лица. И здесь первоочередная задача заключается в том, чтобы найти подход к свидетелю, наладить с ним доверительные отношения. Одновременно следователю необходимо понять, насколько этот человек способен точно воспринимать происходящее вокруг и достоверно передавать имеющуюся у него информацию. При этом лицо, ведущее расследование, анализирует целый спектр личностных характеристик последнего: остроту восприятия, качество памяти, ясность мышления, способность четко формулировать мысли. В этой связи учитываются и возрастные особенности, образование, жизненный опыт и профессиональные навыки рассматриваемого участника уголовного процесса.

Особое внимание уделяется выявлению внутренней готовности такого человека к сотрудничеству с правоохранительными органами. Важно не только увидеть или пробудить в нем нежелание говорить правду, но и понять, что движет свидетелем – страх, корысть или иные мотивы. Основным инструментом познания личности свидетеля, который имеется в распоряжении субъекта расследования, служит предварительная беседа и сам процесс допроса. Параллельно ведется пристальное наблюдение за реакциями и поведенческими особенностями допрашиваемого. В сложных ситуациях может быть назначена судебная психологическая экспертиза для разрешения вопроса о способности свидетеля адекватно воспринимать действительность и воспроизводить информацию об этом.

В то время как подозреваемый (обвиняемый) с одной стороны и потерпевший с другой вовлекаются в уголовное судопроизводство в связи с их непосредственной связью с совершенным и расследуемым уголовно наказуемым деянием, а свидетели

привлекаются в процесс предварительного и судебного следствия благодаря располагаемой ими информацией о криминалистически значимых обстоятельствах, существует еще одна категория участников, которых субъект расследования привлекает по собственной инициативе и усмотрению. Доктрина уголовно-процессуального права дифференцирует всех участников уголовного судопроизводства применительно к производству того или иного процессуального действия на обязательных и факультативных. Например, участие понятых в производстве предъявления для опознания является обязательным, их отсутствие в ходе проведения данного следственного действия будет означать недопустимость соответствующего протокола как доказательства по уголовному делу. В случае же производства освидетельствования понятые – факультативные участники, так как субъект расследования может применить дополнительные так называемые технические средства фиксации, заменив ими понятых.

Когда закон оставляет решение о виде и количестве участников того или иного процессуального действия на усмотрение субъекта расследования, возникает необходимость принятия взвешенного тактического решения. Именно от грамотного выбора таких факультативных участников во многом зависит эффективность проводимых следственных действий и качество получаемых результатов. Здесь важно учесть все нюансы конкретной следственной ситуации, проанализировать потенциальные риски и преимущества привлечения дополнительных участников, чтобы обеспечить максимальную процессуальную эффективность планируемого действия.

Анализ проведенных исследований в области криминалистической тактики дает основание говорить, что тактические особенности привлечения дополнительных лиц к следственным действиям долгое время оставались на периферии научного знания. Как правило, этот вопрос поднимался фрагментарно при рассмотрении организационных аспектов конкретных процессуальных действий, при этом он ограничивался общими рекомендациями, связанными с реализацией законодательных предписаний, в частности о необходимости ознакомления данных участников с их правами и обязанностями под руководством следователя. Вместе с тем в криминалистике существует несколько исследований, где присутствует достаточно полный анализ критериев отбора факультативных участников следственный действий [13, с. 59].

Между тем данная проблематика нуждается в более пристальном изучении. Хотя указанные лица формально относятся к категории факультативных участников, их роль в конкретном следственном действии отнюдь не является второстепенной. Каждый из них выполняет специфические функции различного масштаба – порой незначительные по объему, однако неизменно существенные для достижения целей этого действия в частности и расследования вообще. Неграмотный отбор любого участника, включая даже понятых, способен привести к тактическим просчетам, которые могут существенно снизить эффективность процессуального действия или полностью нивелировать его результаты.

Практическая значимость данной проблемы очевидна. Проводившиеся ранее исследования выявили недостаточное внимание правоприменителя к процессу привлечения такого рода дополнительных участников. В качестве оправдания указываются объективные препятствия: лимит времени, ограниченность выбора кандидатур и пр. Делегируя задачи по подбору понятых, переводчиков и иных участников сотрудникам правоохранительных органов, общественным помощникам или практикантам, что вполне допустимо законодательством с процессуальной точки зрения, лица, ведущие расследование, зачастую не дают им четких критериев для отбора, которые бы в полной мере соответствовали специфике решения предстоящих задач.

Основой грамотного решения данной задачи служит тщательное изучение личностных характеристик каждого потенциального участника следственного действия. Его индивидуальные качества должны гарантировать успешное выполнение возложен-

ных процессуальных обязанностей, соответствовать тактическим замыслам субъекта расследования и способствовать созданию благоприятной психологической обстановки в ходе следственного действия. При отборе участника субъекту расследования представляется целесообразным ориентироваться на идеальную модель, включающую необходимые характеристики понятого, переводчика, педагога и других специалистов. Одновременно следует принимать во внимание специфику конкретной ситуации, в которой предстоит действовать данному участнику уголовного процесса: расположение места и временные рамки проведения следственного действия, возможные неблагоприятные внешние факторы, психологические особенности остальных участников. Именно через призму этих критериев должна оцениваться каждая кандидатура и определяться глубина изучения личности потенциального участника.

Думается необходимым определить базовые критерии личностного характера, которым должны соответствовать привлекаемые к участию в конкретном следственном действии все так называемые дополнительные участники независимо от процессуального статуса последних и уготовленной им роли.

Ключевым требованием является незаинтересованность лица в результатах проводимого производства по делу. При этом важно проанализировать не только возможные связи лица с основными заинтересованными участниками процесса, но и более широкий спектр факторов, влияющих на качество предполагаемых к выполнению этим человеком процессуальных функций. Например, лицо, отрицательно относящееся к представителям правоохранительных органов, вряд ли будет утруждать себя добросовестным выполнением своих процессуальных обязанностей; или испытываемые чувства «солидарности» с заинтересованными участниками процесса: этнической, корпоративной, профессиональной, религиозной и пр. – неизбежно скажется на его беспристрастности.

Следующим базовым критерием выступают интеллектуальные способности участника, которые должны гарантировать полноценное осознание как целей и содержания возложенной на него миссии, так и хода и результатов проведенного следственного действия. Далее важна готовность человека к четкому и неукоснительному следованию указаниям лица, ведущего расследование; способность действовать в рамках установленных требований. Еще одним критерием является психологическая уравновешенность и выдержка участника, поскольку зачастую в ходе производства процессуальных действий возникают моменты, требующие от лиц, в них участвующих, самообладания. Кроме того, важно, чтобы физическое состояние человека соответствовало тем задачам, для выполнения которых он привлечен к участию в следственном действии. И последнее: необременительность участия лица в следственном действии в том числе и с точки зрения временных затрат; здесь важно учесть личные обстоятельства потенциальных участников. Это могут быть семейные обязанности по уходу за детьми или больными родственниками, невозможность отлучиться в определенные часы, ранее запланированные дела. Предварительное выяснение подобной информации поможет избежать срыва намеченного следственного действия.

Проанализируем специфику отбора факультативных участников для производства следственных действий, опираясь на индивидуальные характеристики и психологические особенности кандидата.

В российском уголовно-процессуальном праве институт понятых занимает особое место. Согласно положениям закона понятым может выступать исключительно совершеннолетний гражданин, который не имеет личной заинтересованности в результатах проводимого расследования. Законодатель установил четкие ограничения: такое лицо не должно быть участником процесса по конкретному уголовному делу или состоять в родственных отношениях с кем-либо из них. Кроме того, понятым не может быть сотрудник следственного или оперативно-розыскного подразделения.

С практической точки зрения отбор понятых представляет собой более ответственную задачу. Ключевое значение имеют психофизические особенности человека – способность адекватно воспринимать происходящее, понимать суть и процессуального действия. Необходимо, чтобы у лица нормально функционировали органы чувств и имелся достаточный интеллектуальный уровень для осмысления наблюдаемых процессов.

В определенных ситуациях представляется правильным привлекать граждан, имеющих специальную подготовку, в соответствующей сфере деятельности. Очевидно, что следственный осмотр персональной электронно-вычислительной машины (ПЭВМ) целесообразно пригласить человека, разбирающегося в компьютерной технике. Указанный участник уголовного процесса призван засвидетельствовать не только формальные обстоятельства проведения следственного действия – место, время, состав участников, но и его процессуальное содержание, методы выполнения, полученные результаты, с тем чтобы в случае необходимости он смог дать более исчерпывающие показания о порядке, ходе, содержании и результатах такого процессуального действия и адекватности составленного при этом протокола. Кроме того, специфика отдельных следственных действий (например, освидетельствование) предполагает дополнительный критерий, которым должен соответствовать понятой – гендерная принадлежность участников.

Вопрос допуска переводчика в процесс уголовного судопроизводства далеко не так прост, как может показаться на первый взгляд. Отечественный законодатель четко определяет: перед допуском к работе необходимо тщательно проверить уровень языковых компетенций кандидата. Однако практика показывает, что этого недостаточно. Судебно-следственная практика недвусмысленно указывает, что профессиональное мастерство переводчика проявляется не только в беглом владении требуемыми языками. Ключевое значение имеет его погруженность в конкретную предметную область: экономика и финансы, IT-сфера, технология производства, капитальное строительство, автотранспорт – каждая сфера требует знания специфической лексики и понимания нюансов профессионального жаргона. Кроме того, переводчик является тем «звеном», которое может существенно усложнить или способствовать субъекту расследования установление доверительных отношений с допрашиваемым [14, с. 51]. В связи с чем особую роль в принятии решения о допуске конкретного человека в качестве переводчика играет его культурологическая подготовка: знание менталитета, традиций, социальных установок представителей различных национальностей превращает механический перевод в полноценное межкультурное взаимодействие, что во многом не только облегчает коммуникацию, но и создает доверительную обстановку, столь необходимую для эффективного производства процессуальных действий с лицом, не владеющим языком уголовного судопроизводства.

При выборе педагога или психолога для сопровождения допроса несовершеннолетнего лица ведущему расследование необходимо тщательно проанализировать несколько ключевых факторов. В первую очередь требуется оценить компетентность этого специалиста: насколько глубоко он разбирается в возрастных психологических особенностях детей и подростков, способен ли понять внутренний мир, мотивы и ценностные установки конкретного допрашиваемого.

Особое внимание следует уделить характеру взаимоотношений между привлекаемым педагогом (психологом) и несовершеннолетним. Принципиальным моментом становится степень доверия и уважения, которыми пользуется педагог или психолог у ребенка. Однако судебно-следственная практика показывает, что в определенных обстоятельствах более эффективным может оказаться участие незнакомого подростку специалиста, способного обеспечить необходимую психологическую дистанцию. При выборе педагога (психолога) в отдельных случаях нельзя игнорировать такие ха-

рактеристики, как гендерная принадлежность и возрастная категория приглашаемого специалиста. Эти факторы могут существенно повлиять на готовность несовершеннолетнего к откровенному диалогу и сотрудничеству. Роль, отведенная законодателем педагогу (психологу) в уголовном судопроизводстве, предполагает отбор соответствующего специалиста во многом с учетом психологического портрета конкретного несовершеннолетнего.

Когда речь заходит о привлечении специалиста к участию в следственном действии, недостаточно ограничиться лишь стандартными требованиями, которые были рассмотрены ранее. Здесь крайне важно тщательно изучить уровень компетентности кандидата: какова его специализация и уровень подготовки, где именно и как долго он практикует в своей предметной области. Особое внимание следует уделить практическому опыту специалиста – участвовал ли он прежде в подобных мероприятиях подобного рода, сталкивался ли с аналогичными задачами ранее. Этот момент может стать решающим фактором при выборе наиболее подходящего специалиста, способного качественно выполнить поставленные перед ним задачи в ходе следственного действия.

Кроме обязательных и факультативных участников уголовного процесса, в следственных действиях субъект расследования может задействовать лиц, функции которых заключаются в обеспечении осуществления необходимых процессов, составляющих существо соответствующего следственного действия. Законодатель не дает определения данным участникам, хотя и учитывает их в уголовно-процессуальных нормах, регламентирующих производство соответствующего следственного действия (например, ч. 4 ст. 193 УПК). Судебно-следственная практика называет таких лиц статистами. Как правило, указанные участники привлекаются для обеспечения процедуры опознания живых людей, проверки показаний на месте, как правило, по фактам преступлений против личности и отдельных видов опытных действий в рамках следственного эксперимента.

Опознание представляет собой особую процедуру, где отбор участников осуществляется преимущественно по критериям внешнего сходства [15, с. 18; 16, с. 22; 17, с. 102]. Важно подчеркнуть, что, кроме похожей внешности, статисты должны отвечать общим процессуальным требованиям, о которых говорилось ранее, дабы свести к минимуму возможность срыва данного следственного действия. Это тем более важно, что законодатель категорически запрещает повторять его с одним и тем же опознаваемым и опознающим.

При осуществлении проверки показаний на месте отбор данных участников осуществляется, как правило, по критериям антропометрического сходства с потерпевшим. Что касается следственного эксперимента, то для него отбор участников производится с учетом характера предстоящих им действий (за исключением случаев безальтернативного участия того или иного участника уголовного процесса). Эти действия могут требовать владения специальными профессиональными умениями (к примеру, управление конкретным видом транспорта или техническим устройством) или определенных физических параметров (например, при выяснении видимости человека определенного роста с конкретной точки) и прочее. Во всех случаях отбор вспомогательных участников требует скрупулезного подхода для обеспечения максимально точного воспроизведения параметров исследуемого события, явления или действия с участием человека.

Подводя итоги, можно констатировать, что исследование личностных характеристик факультативных участников планируемого того или иного следственного действия представляет собой недолгий, но и довольно непростой процесс. С одной стороны, субъекту расследования приходится охватывать весьма обширный спектр информации – от базовых социально-демографических данных до психологических особенностей и физических параметров претендента. А с другой – тотальный анализ личности

заменяется своеобразной «точечной» выборкой: выявляются только те характеристики, которые действительно важны для конкретной ситуации. Благодаря такому подходу процедура изучения не превращается в длительное мероприятие, отнимающее у следствия драгоценное время.

В основе лежит относительно простая экспресс-диагностика, построенная на сочетании живого общения с претендентом и внимательного наблюдения за его поведением. Эти два метода работают синхронно, дополняя друг друга. При возникновении необходимости в процесс включается верификация документальных данных: дипломов об образовании, справок о квалификации, медицинских заключений и тому подобного. Удобство заключается в том, что подобные документы обычно находятся непосредственно у их обладателей, поэтому отпадает нужда в специальных запросах через различные инстанции.

---

1. Криминалистика: учебник / Отв. ред. Н. П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005.
2. Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия: Монография. (Под ред. проф. Н. П. Яблокова). М., Калининград, университет – Калининград, 1997.
3. Пантелеев И. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. В кн.: Криминалистика. Под ред. И. Ф. Пантелеева, Н. А. Спивакова. М., 1993.
4. Харламова Н. Д., Бадиков Д. А. Тактические аспекты применения приемов психологического воздействия при производстве допроса и очной ставки // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2019. № 2(79). С. 92–95.
5. Чаплыгина В. Н., Морозова Н. В. Совершенствование практики производства допроса лиц, обладающих свидетельским иммунитетом // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 2(43). С. 94–96.
6. Овчинский С. С. Оперативно-розыскная информация: монография / С. С. Овчинский; под ред. А. С. Овчинского, В. С. Овчинского. 2-е изд., доп. М.: ИНФРА-М, 2024. 415 с.
7. Сидоров В. Е. Начальный этап расследования: организация, взаимодействие, тактика / В. Е. Сидоров. М.: Рос. право, 1992. 172 с.
8. Богинский В. Е. Рефлексивное управление при допросе: учеб. пособие. Харьков: Харьк. юрид. ин-т, 1983. 41 с.
9. Новикова Е. А., Чаплыгина В. Н. Условия психологического воздействия в сфере уголовно-процессуальных отношений: общие черты и особенности // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 3. С. 19–25.
10. Большаков А. П. Разыскная деятельность следователя: учебное пособие / А. П. Большаков; М-во внутренних дел Российской Федерации, Волгоградская акад.; под ред. А. А. Закатова. Волгоград: ВА МВД РФ, 2009 (Волгоград: ООП ВА МВД России). 42 с.
11. Лапин Е. С. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по юридическим направлениям / Е. С. Лапин. 9-е издание, переработанное и дополненное. М.: Издательство Юрайт, 2025. 465 с.
12. Предварительное следствие: учебник для курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России по специальности «Юриспруденция» / Е. Н. Арестова, В. В. Артемова, В. И. Батюк [и др.]. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 783 с.

13. Зеленский В. Д. Организация расследования преступлений: основные положения: серия Библиотека криминалиста / В. Д. Зеленский. М.: Издательский дом «Юрлитинформ», 2025. 160 с.
14. Чаплыгина В. Н. Участие переводчика в производстве допроса иностранного гражданина при расследовании преступлений в области дорожного движения // Безопасность дорожного движения. 2023. № 2. С. 50–53.
15. Шувалова А. М. Тактика предъявления для опознания: учебное пособие / А. М. Шувалова. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, 2022. 56 с.
16. Трифонова К. А. Организация и производство предъявления для опознания / К. А. Трифонова, С. Ю. Бирюков, Д. Г. Скориков. Волгоград: Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. 68 с.
17. Морозова Н. В. Актуальные проблемы производства предъявления для опознания в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство: правовое, криминалистическое, оперативно-розыскное обеспечение. Сборник статей XXII Международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае». Барнаул, 2024. С. 100–104.

1. Kriminalistika: uchebnik / Otv. red. N. P. Yablokov. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Yurist``, 2005.
2. Volcheczkaya T. S. Kriminalisticheskaya situalogiya: Monografiya. (Pod red. prof. N. P. Yablokova). M., Kaliningrad, universitet – Kaliningrad, 1997.
3. Panteleev I. F. Kriminalisticheskaya xarakteristika prestuplenij. V kn.: Kriminalistika. Pod red. I. F. Panteleeva, H. A. Spivakova. M., 1993.
4. Xarlamova N. D., Badikov D. A. Takticheskie aspekty` primeneniya priemov psixologicheskogo vozdejstviya pri proizvodstve doprosa i ochnoj stavki // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2019. № 2(79). S. 92–95.
5. Chaply`gina V. N., Morozova N. V. Sovershenstvovanie praktiki proizvodstva doprosa licz, obladayushhix svidetel`skim immunitetom // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novy`e gumanitarny`e issledovaniya. 2015. № 2(43). S. 94–96.
6. Ovchinskij S. S. Operativno-rozy`sknaya informaciya: monografiya / S. S. Ovchinskij; pod red. A. S. Ovchinskogo, V. S. Ovchinskogo. 2-e izd., dop. M.: INFRA-M, 2024. 415 s.
7. Sidorov V. E. Nachal`ny`j e`tap rassledovaniya: organizaciya, vzaimodejstvie, taktika / V. E. Sidorov. M.: Ros. pravo, 1992. 172 s.
8. Boginskij V. E. Refleksivnoe upravlenie pri doprose: ucheb. posobie. Xar`kov: Xar`k. yurid. in-t, 1983. 41 s.
9. Novikova E. A., Chaply`gina V. N. Usloviya psixologicheskogo vozdejstviya v sfere ugolovno-processual`ny`x otnoshenij: obshhie cherty` i osobennosti // Problemy` pravooxranitel`noj deyatel`nosti. 2017. № 3. S. 19–25.
10. Bol`shakov A. P. Razy`sknaya deyatel`nost` sledovatelya: uchebnoe posobie / A. P. Bol`shakov; M-vo vnutrennix del Rossijskoj Federacii, Volgogradskaya akad.; pod red. A. A. Zakatova. Volgograd: VA MVD RF, 2009 (Volgograd: OOP VA MVD Rossii). 42 s.
11. Lapin E. S. Teoriya operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti: uchebnik dlya studentov vy`sshix uchebny`x zavedenij, obuchayushhixsya po yuridicheskim napravleniyam / E. S. Lapin. 9-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. M.: Izdatel`stvo Yurajt, 2025. 465 s.
12. Predvaritel`noe sledstvie: uchebnik dlya kursantov i slushatelej obrazovatel`ny`x uchrezhdenij vy`sshego professional`nogo obrazovaniya MVD Rossii po special`nosti «Yurisprudenciya» / E. N. Arestova, V. V. Artemova, V. I. Batyuk [i dr.]. Moskva: YuNITI-DANA, 2017. 783 s.

13. Zelenskij V. D. Organizaciya rassledovaniya prestuplenij: osnovny`e polozheniya: seriya Biblioteka kriminalista / V. D. Zelenskij. M.: Izdatel`skij dom «Yurlitinform», 2025. 160 s.
14. Chaply`gina V. N. Uchastie perevodchika v proizvodstve doprosa inostrannogo grazhdanina pri rassledovanii prestuplenij v oblasti dorozhnogo dvizheniya // Bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya. 2023. № 2. S. 50–53.
15. Shuvalova A. M. Taktika pred``yavleniya dlya opoznaniya: uchebnoe posobie / A. M. Shuvalova. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskaya akademiya Sledstvennogo komiteta, 2022. 56 s.
16. Trifonova K. A. Organizaciya i proizvodstvo pred``yavleniya dlya opoznaniya / K. A. Trifonova, S. Yu. Biryukov, D. G. Skorikov. Volgograd: Volgogradskaya akademiya Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii, 2023. 68 s.
17. Morozova N. V. Aktual`ny`e problemy` proizvodstva pred``yavleniya dlya opoznaniya v ugolovnom sudoproizvodstve // Ugolovnoe sudoproizvodstvo: pravovoe, kriminalisticheskoe, operativno-rozy`sknoe obespechenie. Sbornik statej XXII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Ugolovno-processual`ny`e i kriminalisticheskie chteniya na Altae». Barnaul, 2024. S. 100–104.

Информация об авторе

Святослав Юрьевич Бирюков. Доцент кафедры уголовного права и процесса, кандидат юридических наук, доцент.
ФГАОУ ВО Волгоградский государственный университет.
400062, Россия, г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Information about the author

Svyatoslav Yu. Biryukov. Associate Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.
Volgograd State University.
400062, Russia, Volgograd, Universitetskiy Ave., 100.

Статья поступила в редакцию 08.04.2026; одобрена после рецензирования 15.05.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was received in the editorial office on 08.04.2026; approved after review on 15.05.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 343.1

ОТМЕНА ПРИГОВОРОВ СУДАМИ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ С ПОСТАНОВЛЕНИЕМ НОВОГО АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПРИГОВОРА: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Власова Светлана Владимировна[1], Наметкин Денис Валерьевич[2]
[1, 2]Приволжский филиал Университета правосудия имени В. М. Лебедева, Нижний Новгород, Россия

[1]vlasovasvetla@yandex.ru
[2]nametkindv@mail.ru

Аннотация. В контексте современного российского уголовного процесса институт отмены приговоров апелляционными судами с постановлением нового решения предстает мощным инструментом активного исправления судебных ошибок, позволяющим переходить от формальной проверки к глубокому юридико-фактическому анализу материалов дела в соответствии с положениями главы 45.1 УПК РФ. Авторы детально разбирают основания, закрепленные в ст. 389.15 УПК РФ, выделяя несоответствие выводов обстоятельствам, существенные процессуальные нарушения, неправильное применение норм УК РФ и несоразмерность наказания, подчеркивая их роль в обеспечении оперативности правосудия и минимизации затратных циклов разбирательств. Такой подход, несомненно, усиливает процессуальные гарантии, однако выявляет риски субъективных оценок существенности дефектов. Подчеркивается юридико-фактическая роль апелляции в обеспечении оперативного правосудия.

Ключевые слова: апелляционная инстанция, апелляционный приговор, суд, судебные ошибки, основания отмены приговора.

Для цитирования: Власова С. В., Наметкин Д. В. Отмена приговоров судами апелляционной инстанции с постановлением нового апелляционного приговора: процессуальные основания и практика применения // Научный вестник Орловского института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 214–219.

CANCELLATION OF SENTENCES BY APPELLATE COURTS WITH THE ISSUANCE OF A NEW APPEAL SENTENCE: PROCEDURAL GROUNDS AND PRACTICE OF APPLICATION

Svetlana V. Vlasova[1], Denis V. Nametkin[2]
[1, 2]Volga Region Branch of the V. M. Lebedev University of Justice, Nizhniy Novgorod, Russia

[1]vlasovasvetla@yandex.ru
[2]nametkindv@mail.ru

Annotation. In the context of modern Russian criminal procedure, the institution of overturning sentences by appellate courts with a new ruling represents a powerful tool for actively correcting judicial errors, enabling a transition from formal review to a thorough legal and factual analysis of case materials in accordance with the provisions of Chapter 45.1 of the Russian Criminal Procedure Code. The authors examine in detail the grounds set forth

in Article 389.15 of the Russian Criminal Procedure Code, highlighting inconsistencies in conclusions based on the circumstances, significant procedural violations, incorrect application of the provisions of the Criminal Code, and disproportionate punishment, emphasizing their role in ensuring the speedy administration of justice and minimizing costly trial cycles. This approach undoubtedly strengthens procedural guarantees, but also exposes the risk of subjective assessments of the significance of defects. The legal and factual role of appeals in ensuring prompt justice is emphasized.

Keywords: appellate court, appellate verdict, court, miscarriages of justice, grounds for overturning the verdict.

For citation: Vlasova S. V., Nametkin D. V., Cancellation of sentences by appellate courts with the issuance of a new appeal sentence: procedural grounds and practice of application // Scientific Bulletin of the Orel Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 2(107). P. 214–219.

В контексте эволюционирующего российского уголовного процесса апелляционное производство предстает не просто механизмом контроля, но инструментом активного формирования справедливого приговора, где отмена решений первой инстанции с постановлением нового апелляционного приговора воплощает принцип оперативного правосудия [8, с. 301]. Данный феномен, укорененный в главе 45.1 УПК РФ, позволяет судам второй инстанции преодолевать формализм нижестоящих судов, переходя от пассивной проверки к юридико-фактическому переосмыслению дела, что особенно актуально в условиях растущей загруженности судебной системы и необходимости минимизировать процессуальные циклы. Подобный подход, безусловно, усиливает гарантии прав обвиняемых, поскольку апелляция, исследуя доказательства непосредственно (ст. 389.7 УПК РФ), устраняет риски необоснованных осуждений, одновременно экономя ресурсы государства на повторные разбирательства [2, с. 549].

Традиционно обсуждается проблема пересмотра решений мировых судей в квалифицированном составе [4, с. 20].

Генезис института отмены с постановлением нового приговора восходит к досудебной реформе 2001–2013 годов, когда традиционная кассационная модель, фокусировавшаяся на юридической легитимности, уступила место апелляционной, вдохновленной европейскими стандартами [6, с. 131]. Федеральный закон № 433-ФЗ от 29.12.2010 ввел ст. 389.15 УПК РФ, детализирующую основания отмены: несоответствие выводов фактам, существенные процессуальные нарушения, ошибки в применении УК РФ и несправедливость наказания. Введение статей 389.15 и 389.20 УПК РФ радикально преобразило парадигму: апелляционный суд получил императивное полномочие не только констатировать ошибки первой инстанции, но и завершить производство новым приговором, если фактические обстоятельства дела полностью исследованы и не требуют дополнительного собирания доказательств. Такой подход, безусловно, коррелирует с европейскими стандартами разумного срока судопроизводства (ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ)). В научной литературе подчеркивается, что подобная эволюция отражает переход от континентальной модели строгой иерархии инстанций к более гибридной, где апелляция интегрирует элементы пересмотра по существу [1; 7].

Основания отмены и их аналитическое разграничение

Переходя к детальному разбору оснований отмены приговора, установленных ст. 389.15 УПК РФ, следует выделить четыре ключевых категории, каждая из которых служит триггером для постановления нового решения. Первое и наиболее распространенное основание – несоответствие выводов суда первой инстанции фактическим обстоятельствам дела, установленным тем же судом. В типичном сценарии суд первой инстанции квалифицирует действия обвиняемого как разбой (ст. 162 УК РФ), ссылаясь

на наличие группы лиц, однако апелляционный суд, проанализировав протоколы допросов и видеозаписи, констатирует отсутствие предварительного сговора, переквалифицируя содеянное на грабеж (ст. 161 УК РФ) и постановляя новый приговор с существенно смягченным наказанием. Здесь проявляется сущность юридико-фактической проверки: апелляция не просто фиксирует логический разрыв в мотивировке, но устраняет его путем непосредственного исследования тех же материалов, опираясь на принцип ст. 271 УПК РФ о полноте и всесторонности оценки доказательств.

Анализируя судебную практику, можно утверждать, что данное основание доминирует в делах средней и тяжкой категории, где противоречия возникают из-за субъективной интерпретации умысла или причинно-следственных связей. Например, апелляционным приговором от 21 апреля 2022 года отменен приговор Аркадакского районного суда Саратовской области от 17 февраля 2022 года в отношении П. А. В., осужденного по ч. 1 ст. 115 УК РФ, ч. 1 ст. 119 УК РФ с применением ч. 2 ст. 69 УК РФ к 1 году 3 месяцам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Основанием к отмене приговора явились допущенные судом нарушения требований ст. 307 УПК РФ, поскольку, описывая обстоятельства совершения П. А. В. преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 115 УК РФ, суд указал, что П. А. В. умышленно нанес С. С. А. два удара рукой в область левой надбровной части лица, причинив ей утолщение и деформацию верхнего века левого глаза, а также рубцы на верхнем веке левого глаза и у наружного угла левого глаза, являющиеся следствием заживления ушибленных ран, которые причинили легкий вред здоровью. Между тем, согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, легкий вред здоровью С. С. А. вызвали ушибленные раны верхнего века левого глаза, а не утолщение и деформация верхнего века левого глаза, а также рубцы на верхнем веке левого глаза и у наружного угла левого глаза, в причинении которых П.А.В. был признан виновным приговором суда. Повреждения в виде рубцов явились следствием заживления ушибленных ран.

По результатам апелляционного рассмотрения уголовного дела П. А. А. был осужден по ч. 1 ст. 115 УК РФ, ч. 1 ст. 119 УК РФ с применением ч. 2 ст. 69 УК РФ к 1 году 3 месяцам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима[1].

Постановления Пленума ВС РФ подчеркивают обязанность апелляционного суда детально обосновывать расхождения, ссылаясь на конкретные листы дела, что предотвращает произвол и обеспечивает предсказуемость практики. Статистические данные Судебного департамента при ВС РФ за 2024–2025 годы свидетельствуют о росте таких отмен на 12 %, что иллюстрирует системный характер проблемы и необходимость унификации подходов[2].

Второе основание – существенное нарушение требований уголовно-процессуального закона – требует дифференцированного подхода, поскольку «существенность» оценивается по гипотетическому критерию: могло ли нарушение повлиять на исход дела? Так, апелляционным приговором от 12 апреля 2022 года отменен приговор Вахитовского районного суда города Казани от 21 февраля 2022 года в отношении Р. М. В. по ч. 1 ст. 157 УК РФ и постановлен новый обвинительный приговор. Причиной отмены решения суда первой инстанции стало то, что в описательно-мотивировочной части приговора суд не указал место совершения преступления, форму вины, мотивы, цели и последствия преступления[3].

---

[1] Материалы уголовного дела № 1-4/2022 (1-105/2021), архив Аркадакского районного суда Саратовской области, 2022.

[2] Статистика Верховного Суда Российской Федерации: главные цифры первого полугодия 2024 г. (13 августа 2024 г.). URL: https://vsrf.ru/press_center/mass_media/33843 (дата обращения: 12.01.2026).

[3] Материалы уголовного дела № 22-2465/2022, архив Вахитовского районного суда г. Казани, 2022.

Или к примеру, апелляционным приговором от 26 апреля 2022 года отменен приговор Ново-Савиновского районного суда города Казани от 25 ноября 2021 года в отношении А. М. Ш. по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ и постановлен новый обвинительный приговор. Причиной отмены решения суда первой инстанции стало то, что в тексте приговора, находящегося в материалах дела, копии которого были вручены сторонам, имеются расхождения с оглашенным приговором, касающиеся решения вопросов, перечисленных в ч. 1 ст. 299 УПК РФ[1].

В обзорах практики ВС РФ отмечается, что нарушения состязательности (ст. 15 УПК РФ), такие как непредоставление потерпевшему равных возможностей по исследованию доказательств или несоблюдение разумных сроков (ст. 6.1 УПК РФ), часто разрешаются именно новым приговором, если дефект устраним без возврата дела. Такой тезис подтверждается ведущими процессуалистами в своих научных трудах, где подчеркивается компенсаторная роль апелляции в восстановлении баланса процессуальных прав [2, с. 550]. Практика 2025 года показывает рост таких отмен на 10–15 % в делах о наркотиках (ст. 228 УК РФ), где часто игнорируются вопросы добровольной сдачи[2].

Третье основание, неправильное применение уголовного закона, охватывает как квалификационные ошибки, так и пробелы в индивидуализации наказания. Предположим, суд первой инстанции назначает наказание по рецидиву (ст. 68 УК РФ), не учтя амнистию, аннулирующую предыдущее осуждение; апелляция исправляет ошибку, применяя правила ст. 62 УК РФ (примирение сторон), и постановляет новый приговор в пределах предъявленного обвинения. Приведем конкретный пример: апелляционным приговором от 31 января 2022 года отменен приговор Красноармейского городского суда Саратовской области от 3 ноября 2021 года в отношении Г. Д. С., осужденного по трем эпизодам преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ с применением ч. 2 ст. 69 УК РФ к 2 годам 6 месяцам лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

Судебная коллегия согласилась с доводами апелляционного представления о необоснованной переквалификации действий осужденного с оконченных составов преступлений на покушение, указав при этом, что Г. Д. С. тайно произвел хищение безналичных денежных средств с банковских счетов потерпевших, фактически завладев ими и распорядившись по своему усмотрению путем обналичивания их в банкоматах, приобретения продуктов питания, а также оплаты баланса мобильного телефона.

Апелляционным приговором Г. Д. С. был осужден по трем эпизодам преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ с применением ч. 3 ст. 69 УК РФ к 3 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима[3]. Важное ограничение: апелляционный суд не вправе ухудшать положение осужденного (non reformatioin pejus), за исключением случаев инициативы прокурора, что охраняет принцип презумпции невиновности [5, с. 330]. Практика 2025 года демонстрирует частое применение этого основания в экономических преступлениях, где ошибочная квалификация на особо крупный размер приводит к оправданию при доказанном отсутствии ущерба.

---

[1] Материалы уголовного дела № 22-2336/2022, архив Ново-Савиновского районного суда г. Казани, 2022.

[2] Арстанова А. Доводы защиты, не нашедшие ответа в обвинительном приговоре суда, должны лечь в основу оправдания в апелляционной инстанции (3 декабря 2025 г.). URL: https://fparf.ru/news/law-chambers/dovody-zashchity-ne-nashedshie-otveta-v-obvinitelnom-prigovore-suda-dolzhny-lech-v-osnovu-opravdaniya (дата обращения: 24.01.2026).

[3] Материалы уголовного дела № 1-139/2021, архив Красноармейского городского суда Саратовской области, 2022. URL: https://krasnoarmeisky--sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=175518964&case_uid=2f04961e-c828-44ec-9b27-66df9897f833&delo_id=1540006 (дата обращения: 24.01.2026).

Четвертое основание – несправедливость приговора – фокусируется на соразмерности наказания личности, тяжести содеянного и смягчающих обстоятельствах. Чрезмерная суровость при наличии раскаяния, положительной характеристики или компенсации вреда (ст. 61–64 УК РФ) позволяет апелляции смягчить или заменить наказание новым решением, опираясь на судебную статистику аналогов [3, с. 69]. Верховный Суд в разъяснениях акцентирует комплексный подход: сравнение с типичными приговорами по аналогичным статьям, что обеспечивает единообразие.

Процессуальные особенности постановления нового приговора таковы, так как механизм постановления нового апелляционного приговора детализирован в ст. 389.20 УПК РФ, предусматривающей варианты: оправдание, осуждение в пределах обвинения или изменение без отмены. После установления основания отмены суд переходит к исследованию по существу: заслушивает прения сторон, последнее слово обвиняемого (ст. 389.14 УПК РФ), приобщает новые доказательства при необходимости. Мотивировка постановления (определения) обязана быть исчерпывающей с указанием расхождений с первой инстанцией, что делает его преюдициальным для нижестоящих судов. В практике апелляционные суды в 35–45 % случаев отмен (по данным за 2024 год) останавливаются на новом приговоре, особенно в делах о преступлениях средней тяжести, где доказательственная база устойчива[1].

В заключение хотелось бы отметить, что институт апелляционного производства, состоящий в отмене решения (приговора) суда первой инстанции с постановлением нового апелляционного приговора, укрепляет легитимность уголовного процесса, требуя дальнейшей унификации для верховенства права.

1. Брянский В. Ю. Апелляционное производство в уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. 189 с.
2. Власова С. В., Шерстнев В. Б. К вопросу об апелляционном приговоре // Право и государство: теория и практика. 2025. № 6. С. 548–551.
3. Килина И. В. Недопустимость поворота к худшему при повторном рассмотрении уголовного дела после отмены приговора или иного решения судом вышестоящей инстанции // Мир юридической науки. 2017. № 12. С. 68–72.
4. Лантух Н. В. Современная законодательная регламентация института подсудности уголовных дел // Российский следователь. 2025. № 1. С. 19–23.
5. Попов В. П. Поворот к худшему в суде апелляционной инстанции // Science Time. 2014. № 7(7). С. 329–335.
6. Пронина М. П. Проблемы реформирования институтов апелляции и кассации // Вестник РУК. 2018. № 4. С. 130–135.
7. Тришина Н. Т. Юридико-фактическая проверка приговора в апелляционном производстве: дис. …канд. юрид наук. Саратов, 2012. 243 с.
8. Уголовный процесс. Судебные стадии и производства: учебник. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2018. 523 с.

1. Bryanskij V. Yu. Apellyacionnoe proizvodstvo v ugolovnom sudoproizvodstve: dis. … kand. yurid. nauk. M., 2006. 189 s.
2. Vlasova S. V., Sherstnev V. B. K voprosu ob apellyacionnom prigovore // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2025. № 6. S. 548–551.
3. Kilina I. V. Nedopustimost` povorota k xudshemu pri povtornom rassmotrenii ugolovnogo dela posle otmeny` prigovora ili inogo resheniya sudom vy`shestoyashhej instancii // Mir yuridicheskoj nauki. 2017. № 12. S. 68–72.

[1] Статистика Верховного Суда Российской Федерации: главные цифры первого полугодия 2024 г. (13 августа 2024 г.). URL: https://vsrf.ru/press_center/mass_media/33843 (дата обращения: 12.01.2026).

4. Lantux N. V. Sovremennaya zakonodatel`naya reglamentaciya instituta podsudnosti ugolovny`x del // Rossijskij sledovatel`. 2025. № 1. S. 19–23.
5. Popov V. P. Povorot k xudshemu v sude apellyacionnoj instancii // Science Time. 2014. № 7(7). S. 329–335.
6. Pronina M. P. Problemy` reformirovaniya institutov apellyacii i kassacii // Vestnik RUK. 2018. № 4. S. 130–135.
7. Trishina N. T. Yuridiko-fakticheskaya proverka prigovora v apellyacionnom proizvodstve: dis. …kand. yurid nauk. Saratov, 2012. 243 s.
8. Ugolovny`j process. Sudebny`e stadii i proizvodstva: uchebnik. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2018. 523 s.

Информация об авторах

Светлана Владимировна Власова. Доцент кафедры уголовно-процессуального права, кандидат юридических наук, доцент.
Приволжский филиал Университета правосудия имени В. М. Лебедева.
603022, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 17 А.

Денис Валерьевич Наметкин. Доцент кафедры уголовно-процессуального права, кандидат юридических наук, доцент.
Приволжский филиал Университета правосудия имени В. М. Лебедева.
603022, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 17 А.

Information about the authors

Svetlana V. Vlasova. Assistant professor at the Chair of Criminal Procedure Law, candidate of Sciences (Law), associate professor.
Volga Region Branch of the V. M. Lebedev University of Justice.
603022, Russia, Nizhniy Novgorod, Gagarin Ave., 17A.

Denis V. Nametkin. Assistant professor at the Chair of Criminal Procedure Law, candidate of Sciences (Law), associate professor.
Volga Region Branch of the V. M. Lebedev University of Justice.
603022, Russia, Nizhniy Novgorod, Gagarin Ave., 17A.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 09.04.2026; одобрена после рецензирования 15.05.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was received in the editorial office on 09.04.2026; approved after review on 15.05.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 343.85

ОФИЦИАЛЬНОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ КАК СПЕЦИАЛЬНАЯ ФОРМА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ

Дубоносов Евгений Серафимович
Тульский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции» (РПА Минюста России), Тула, Россия

Dubonosov1@ yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается возможность применения официального предостережения в деятельности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в качестве специальной формы индивидуального профилактического воздействия на лиц, детерминирующих условия для совершения преступлений. Для совершенствования профилактической работы предлагается использование оперативного контроля за специальным контингентом лиц и информационное обеспечение данного процесса с целью устранения условий, формирующих негативные свойства личности на ранних стадиях и дальнейшего развития их криминальной активности для совершения преступлений.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, специальная профилактика, оперативные подразделения, официальное предостережение, индивидуальное профилактическое воздействие.

Для цитирования: Дубоносов Е. С. Официальное предостережение как специальная форма оперативно-розыскной профилактики // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 220–224.

OFFICIAL WARNING AS A SPECIAL FORM OF OPERATIONAL AND SEARCH PREVENTION

Evgeny S. Dubonosov
Tula Branch of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Tula, Russia.

Dubonosov1@ yandex.ru

Annotation. The article discusses the possibility of using official warnings in the activities of law enforcement agencies as a special form of individual preventive influence on individuals who create conditions for committing crimes. To improve preventive work, it is proposed to use operational control over a specific group of individuals and provide information support for this process in order to eliminate the conditions that form negative personality traits at an early stage and further develop their criminal activity for committing crimes.

Keywords: operational and investigative activities, special prevention, operational units, official warnings, individual preventive measures.

For citation: Dubonosov E. S. Official warning as a special form of operational and search prevention // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. 2(107). P. 220–224.

Российским законодательством с целью недопущения условий для совершения административных правонарушений и преступлений и недопустимости продолжения антиобщественного поведения продолжительное время предусматривается применение федеральными органами исполнительной власти такой формы профилактического воздействия на лиц, как официальное предостережение, имеющее базовое нормативное регулирование.

Анализ института официального предостережения в литературе основывается на выделении данной формы как административно-процессуальной деятельности процедурного характера, не носящей юрисдикционный характер [1, с. 158], регулируемой п. 12. ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции». Признавая правильным такой подход, все же следует отметить, что другие авторы предлагают расширение возможностей применения предостережения уполномоченными субъектами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность [2, с. 165–167], что является более правильным для раскрытия потенциала данной формы профилактической деятельности. На наш взгляд, сведение официального предостережения к административно-процессуальной процедуре ограничивает деятельность оперативных подразделений по профилактике преступлений и может ее ограничивать только функциями, обеспечивающими оперативно-проверочную работу по соблюдению административно-правовых режимов [3, с. 81–83].

Система индивидуального превентивного воздействия на лиц продолжительное время применяется в сфере ОРД, несмотря на то, что в ст. 2 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) среди задач данной деятельности отсутствует закрепление профилактики преступлений. Официальное предостережение входит в единую систему оперативного контроля и профилактического воздействия на лиц, детерминирующих криминальные факторы. В литературе данная деятельность относится к организационно-тактической форме оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) – оперативно-розыскной профилактике [4, с. 479].

В настоящее время вынесение официального предупреждения по устранению условий совершения преступлений регламентируется подзаконными нормативными актами различных ведомств, правомочных осуществлять ОРД: МВД, ФСБ.

Возможность реализации данной формы профилактики во многом обусловлена: особенностью описательной диспозиции отдельных уголовно-правовых норм, имеющих превентивную направленность; субъектами, её осуществления; применяемыми ими силами, средствами и проводимыми оперативно-розыскными мероприятиями. Специальное профилактическое воздействие при вынесении предостережения направлено на устранение возможных неблагоприятных условий формирования личности, коррекции ее поведения, могущих создать условия для совершения преступлений небольшой и средней тяжести.

Вполне очевидно, что официальное предостережение может применяться по нормам Особенной части УК РФ, имеющим двойную превенцию. Однако его реализация существенно ограничивается относительно оперативных подразделений с учетом того, что ими оперативно-розыскное обеспечение (далее – ОРО) на ранней стадии профилактики основывается на уголовно-процессуальной подследственности (п. 2, 3 ч. 2 ст. 151 УПК РФ) и осуществляется в соответствии с организационной основой оперативного обслуживания. Например, вынесение официального предостережения оперативными подразделениями ФСБ (п. «г», ч. 1 ст. 13) осуществляется по преступлениям, отнесенным законодательством к их ведению.

Ранее возможность ограничительного применения официального предостережения в работах других авторов обосновывалась особенностью отдельных деяний, отно-

сящихся к органам государственной безопасности, и уголовно-правовой характеристикой предостережения, которое предшествуют возбуждению уголовного дела, относящегося к их подследственности [5, с. 121].

Исторический анализ показывает, что предостережение не является новеллой современного законодательства и ранее имело правовую основу в деятельности оперативных подразделений в качестве меры индивидуального профилактического воздействия, которая предусматривалась Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25.12. 1972 г. № 3707-VIII «О мерах применения органами государственной безопасности предостережения как меры профилактического воздействия». Отметим, что за период 1973–1974 гг. органами госбезопасности было объявлено 981 предостережение, а его применение существенно повлияло на снижение количества привлеченных к уголовной ответственности из числа ранее профилактируемых лиц [6].

Официальным основанием предостережения о недопустимости действий, создающих угрозу для совершения преступлений, являются достаточные и предварительно подтвержденные оперативные данные. При этом вынесению предшествует выявление контингента лиц, которые проявляют высокую степень криминальной активности на ранних стадиях совершения преступлений. Изучение особенностей их антиобщественного поведения включает негласную проверку их связей; установление контрольно-профилактического наблюдения за ними и осуществление оперативного документирования их действий.

Предостережение направляется (вручается) в случаях: а) конкретных действий физического лица, проявляющихся (словесно, письменно или иным образом) намерений совершить определенное преступление при отсутствии признаков приготовления преступления или покушения на преступление; б) деяний, образующих приготовление к преступлениям небольшой и средней тяжести при отсутствии признаков покушения.

Соответственно, особенность контингента и признаки составов преступлений, по которым оно выносится, следует рассматривать в качестве индивидуальной формы специальной профилактики, осуществляемой оперативно-розыскными органами. Рассматриваемая форма, основанная на активных оперативных действиях по выявлению лиц или их локализации с целью недопущения совершения ими более тяжких преступлений.

Сведения об объявленном органами внутренних дел официальном предостережении концентрируются в Сервере обеспечения охраны общественного порядка на базе Единой системе информационно – аналитического обеспечения МВД России. Вместе с тем, в литературе отмечается, что с 2019 по 2021 г. не было вынесено ни одного официального предостережения в отношении лиц, состоящих на профилактическом учете [7, с. 277]. Во многом это объясняется тем, что профилактический учет предназначен для обеспечения субъектов профилактики правонарушений и соответственно не ориентирован на контроль предостережений вынесенных руководителями оперативных подразделений в отношении лиц, создающих условия для совершения преступлений небольшой и средней тяжести. Полагаем, что интеграция всей информации о данных лицах может концентрироваться на уровне ИЦ (информационный центр) УМВД субъектов РФ посредством ведения по фамильным картотекам или автоматизированных банков данных.

В информационную основу специального индивидуального предостережения должны быть положены результаты оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), которые отражаются в материалах дел оперативного учета (ст. 10 ФЗ об ОРД) для решения задачи по предупреждению преступлений (ч. 1 ст. 2 ФЗ об ОРД).

Поводом постановки лиц на учет может служить не только гласная официальная информация по вынесенным оперативными подразделениями официальным предостережениям, но и легализированная конфиденциальная информация, поступившая из территориальных органов, в чьи обязанности входит оперативный контроль и оперативно-розыскное обеспечение предупреждения преступлений.

По своей сущности вынесенное предостережение является официальным индивидуальным указанием, оформляемым по утвержденной форме и направленным на изменение гражданином модели своей деятельности. В нем излагается информация, указывающая на конкретные действия лица, полученная в результате оперативного документирования и проверки фактических данных с использованием оперативно-розыскных мероприятий.

Следует отметить, что отсутствие контроля и юридической ответственности за неисполнение требований, содержащихся в предостережении, может снижать потенциальные возможности профилактического воздействия на лиц, создающих условия для совершения преступлений. За нарушение и неисполнение властных предписаний, изложенных в нём, в зависимости от правового статуса правонарушителя возможно наступление дисциплинарной и административной ответственности. В рассматриваемом аспекте представляет интерес авторов, предлагающих дополнения ч. 1 ст. 63 УК РФ и предусмотреть неисполнение официального предостережения в качестве обстоятельства, отягощающего наказание.

Предостережение имеет не только целевую направленность и предупредительный характер при отсутствии оснований привлечения к уголовной ответственности, но в правоприменительной практике может являться документом прокурорского надзора при реагировании на соблюдение законности и прав человека. В процессе реализации судебного контроля незаконно вынесенное предостережение может являться основанием для его отмены в судебном порядке.

Подводя итог, следует сделать вывод, что такая форма оперативно-розыскной профилактики, как вынесение официального предостережения руководителями органов, осуществляющих ОРД, основанная на комплексе правовых полномочий, позволяет использовать индивидуальное ситуационное предостережение для устранения условий совершения преступлений.

Многофункциональность оперативных подразделений позволяет им применять силы, средства, осуществлять ОРМ в процессе ОРО и автономно использовать официальное предостережение в качестве специальной формы оперативно-розыскной профилактики на ранней стадии угрозы совершения преступлений небольшой и средней тяжести.

Информационной основой вынесения официального предостережения являются сведения, полученные в процессе осуществления оперативного контроля за контингентом лиц с формирующимися криминальными свойствами для индивидуального воздействия на них или локализации развития противоправных действий с их стороны.

---

1. Редкоус В. М. О совершенствовании правовой основы деятельности органов внутренних дел об объявлении официальных предостережений // Закон и право. 2020. С. 157–159.
2. Рукавишников Г. А. К вопросу об использовании официального предостережения в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Вестник ВИПК МВД России. 2023. № 1(65). С. 159–167.
3. Дубоносов Е. С., Титова Н. В. Система правоотношений в сфере оперативно-розыскной деятельности: монография. Тула ТИ ВГУЮ (РПА Минюста России). 2026. 101 с.
4. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. М., 2017. 795 с.
5. Савинский А. В. О предостережении как мере индивидуальной специально-криминологической профилактики // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 5. С. 117–126.

6. Записка № 2743-А от 31 октября 1975 г. КГБ СССР в ЦК КПСС «О некоторых итогах предупредительно-профилактической работы органов госбезопасности».
6. Гайдуков А. П., Щеглов А. И. Предостережение как средство профилактики правонарушений: опыт применения в Российской Федерации и Республике Беларусь. 2021. № 4(57). С. 274–278.
7. Бондаренко М. В. Институт официального предостережения как форма профилактического воздействия, применяемая органами исполнительной власти // Криминологический журнал. 2021. С. 71–74.

1. Redkous V. M. O sovershenstvovanii pravovoj osnovy` deyatel`nosti organov vnutrennix del ob ob``yavlenii oficial`ny`x predosterezhenij // Zakon i pravo. 2020. S. 157–159.
2. Rukavishnikov G. A. K voprosu ob ispol`zovanii oficial`nogo predosterezheniya v operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti organov vnutrennix del // Vestnik VIPK MVD Rossii. 2023. № 1(65). S. 159–167.
3. Dubonosov E. S., Titova N. V. Sistema pravootnoshenij v sfere operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti: monografiya. Tula TI VGUYu (RPA Minyusta Rossii). 2026. 101 s.
4. Teoriya operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti: uchebnik / pod red. K. K. Goryainova, V. S. Ovchinskogo, G. K. Sinilova. M., 2017. 795 s.
5. Savinskij A. V. O predosterezhenii kak mere individual`noj special`no-kriminologicheskoj profilaktiki // Sibirskie ugolovno-processual`ny`e i kriminalisticheskie chteniya. 2016. № 5. S. 117–126.
6. Zapiska № 2743-A ot 31 oktyabrya 1975 g. KGB SSSR v CzK KPSS «O nekotory`x itogax predupreditel`no-profilakticheskoj raboty` organov gosbezopasnosti».
6. Gajdukov A. P., Shheglov A. I. Predosterezhenie kak sredstvo profilaktiki pravonarushenij: opy`t primeneniya v Rossijskoj Federacii i Respublike Belarus`. 2021. № 4(57). S. 274–278.
7. Bondarenko M. V. Institut oficial`nogo predosterezheniya kak forma profilakticheskogo vozdejstviya, primenyaemaya organami ispolnitel`noj vlasti // Kriminologicheskij zhurnal. 2021. S. 71–74.

Информация об авторе

Евгений Серафимович Дубоносов. Профессор кафедры уголовного права и процесса, доктор юридических наук, профессор.
Тульский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции» (РПА Минюста России).
300026, Россия, г. Тула, проспект Ленина, 104.

Information about the author

Evgeny S. Dubonosov. Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure, Doctor of Sciencs (Law), Professor.
Tula Branch of the All-Russian State University of Justice (ARSUJ).
300026, Russia, Tula, Lenin Avenue, 104.

Статья поступила в редакцию 06.04.2026; одобрена после рецензирования 15.05.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was received in the editorial office on 06.04.2026; approved after review on 15.05.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 343

КРИМИНАЛЬНЫЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗМ И КРИМИНАЛЬНОЕ УМЕНИЕ: К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ УРОВНЯ ПРЕСТУПНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

Зарубина Кристина Александровна
Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

kris1996z@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются различия между понятиями «криминальное умение» и «криминальный профессионализм» с целью уточнения критериев профессионализации преступной деятельности. Рассматриваются особенности мотивации, среды формирования и структурных характеристик криминального поведения преступника-профессионала. Результаты исследования позволяют выявлять признаки становления «карьеры» профессионального преступника и применять их при квалификации преступлений, а также при разработке адресных профилактических мер.

Ключевые слова: криминальный профессионализм, преступник-профессионал, криминальное умение, криминальные навыки, закон, криминальное поведение, преступность.

Для цитирования: Зарубина К. А. Криминальный профессионализм и криминальное умение: к вопросу об определении уровня преступной квалификации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 225–230.

CRIMINAL PROFESSIONALISM AND CRIMINAL SKILL: ON THE ISSUE OF DETERMINING THE LEVEL OF CRIMINAL QUALIFICATION

Kristina Al. Zarubina
South-West State University, Kursk, Russia

kris1996z@mail.ru

Annotation. The article analyzes the differences between the concepts of «criminal skill» and «criminal professionalism» in order to clarify the criteria for professionalization of criminal activity. The features of motivation, the environment of formation and structural characteristics of criminal behavior of a professional criminal are considered. The results of the study make it possible to identify signs of the formation of a «career» of a professional criminal and apply them in the qualification of crimes, as well as the development of targeted preventive measures.

Keywords: criminal professionalism, professional criminal, criminal ability, criminal skills, law, criminal behavior, criminality.

For citation: Zarubina K. A. Criminal professionalism and criminal skill: on the issue of determining the level of criminal qualification // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. 2(107). P. 225–230.

Современная криминальная среда характеризуется значительным усложнением и диверсификацией преступной деятельности. Появление новых усложненных преступных «схем», нацеленных на постоянное извлечение прибыли за счет совершения преступлений, распространение в профессиональной криминальной среде киберпреступности, активное проникновение организованной преступности в профессиональную и многое другое создают необходимость детального анализа факторов, определяющих в современности уровень криминальной подготовки и квалификации наиболее опасных представителей преступной среды – преступников-профессионалов. В этих условиях становится особенно важным разграничение понятий «криминальное умение» и «криминальный профессионализм», нередко свободно трактуемых и частично отождествляемых современными криминологами, но в реальности отражающих различную степень осознанности, системности и целенаправленности противоправной деятельности.

Разграничение этих понятий имеет важное как теоретическое, так и практическое значение. С точки зрения криминологической науки, оно позволяет глубже понять структуру преступного поведения, выявить закономерности «выстраивания» криминальной карьеры и определить «критерии профессионализации» в преступной среде. С практической точки зрения, определение границы между криминальным умением и профессионализмом необходимо для правильной квалификации преступлений с учетом уровня криминальной подготовки личности конкретного преступника и разработки профилактических мероприятий, направленных на предупреждение преступной активности в зависимости от наличия или отсутствия в их деятельности проявлений криминального профессионализма. Кроме того, уточнение границ данных понятий будет способствовать выявлению правоохранительными органами на ранней стадии «диагностики» потенциально «профессионализирующихся» преступников с целью применения к ним более эффективных стратегий индивидуального профилактического воздействия и их ресоциализации.

Таким образом, определение границы между «криминальным умением» и «криминальным профессионализмом» представляет собой актуальную и востребованную задачу современной криминологии, способствующую развитию теории и практики предупреждения профессиональной преступности, а также повышению уровня подготовки правоохранителей в соответствующей сфере.

Цель настоящего исследования – выявить различия содержания понятий «криминальные умения» и «криминальный профессионализм» для определения критериев обладания преступником криминальным профессионализмом в условиях современного развития профессиональной преступной среды.

В исследовании применялся комплекс обще- и частнонаучных методов, обеспечивающих всесторонний анализ указанной проблемы. Методы анализа и синтеза позволили обобщить существующие представления о понятиях «криминальное умение» и «криминальный профессионализм» и раскрыть содержание указанных понятий. Сравнительный метод исследования использовался для сопоставления применения преступниками отдельных криминальных умений с проявлениями криминального профессионализма. Метод систематизации применялся для разработки критериев обладания преступником криминальным профессионализмом.

В современной криминологической науке понятие «криминальные умения» рассматривается с разных точек зрения. Отдельные исследователи соотносят криминальный профессионализм и криминальные умения как часть и целое, отмечая, что одним из обязательных признаков профессиональной преступной деятельности является как раз наличие у лица специфических умений в указанной сфере [1, с. 94–97]. Другие – верно отмечают, что специализация преступников на совершении тождественных и однородных преступлений неминуемо ведет к росту криминальных умений, однако прямого тождества между наличием таких умений у преступника и отнесением данного

лица к «категории» преступников-профессионалов не приводят [2, с. 3]. При этом некоторые исследователи, развивая данную мысль, справедливо указывают, что криминальные умения посредством многократного повторения доводятся до автоматизма и перерастают в преступные навыки, которые, в свою очередь, могут превратиться в привычку [3, с. 146–151].

В связи с этим уместно указать, что в зарубежном законодательстве уже давно используется такое понятие, как «привычный преступник», отождествляемое с лицами, совершающими преступления «по привычке»[1]. При этом, соглашаясь с мнением отдельных современных криминологов, определим, что в отечественной терминологии таких преступников именуют как раз профессиональными [4, с. 222–229], т. е. в указанной триаде «умения-навыки-привычка», достигших наивысшей степени устойчивости общественно опасной деятельности. Однако установив отсутствие абсолютного тождества между криминальными умениями и криминальным профессионализмом, подчеркнем, что по-прежнему актуален вопрос о детализации отличий.

Во-первых, различие между криминальным умением и профессионализмом проявляется по характеру совершения преступлений. Умение носит ситуативный и эпизодический характер. Оно проявляется в отдельных действиях. Чаще всего умение связано с решением конкретной задачи, например взлом замка при совершении кражи из жилого помещения. Криминальный профессионализм, отождествляемый с ведением тождественной и (или) однородной по направленности преступной деятельности «по привычке» с целью получения постоянного дохода, напротив, характеризуется систематичностью, поскольку в этом случае преступник действует с учетом долговременного плана, заранее оценивает риски, прогнозирует последствия своих действий и, как следствие, формирует устойчивые привычки совершения преступлений [5, с. 312].

Во-вторых, мотивация субъекта, обладающего только криминальным умением, чаще ситуативна. Преступные действия в данном случае совершаются под влиянием конкретной ситуации, эмоционального импульса или случайного стечения обстоятельств. Профессиональный преступник, напротив, руководствуется внутренне выстроенной мотивацией и стратегическим расчетом [6, с. 30]. Кроме того, рассматривая внутреннюю структуру мотивации данных «категорий» преступников, отметим, что, если криминальное умение «отвечает» на вопрос «как» совершить действие (преступник знает приемы, инструменты и методы), то криминальный профессионализм, равный в данном аспекте «привычке», предполагает понимание «зачем», поскольку именно преступник-профессионал заранее планирует действия, учитывает вероятные препятствия, строит стратегию ухода от уголовной ответственности и управляет последствиями своих действий. Также укажем, что для преступника, обладающего криминальным умением, преступление остается инструментом для достижения конкретной цели (например, материальной или эмоциональной), профессионализм же включает криминальные действия в систему ценностей личности, превращая преступную деятельность в часть самоидентификации и социальной роли. Это означает, что профессиональный преступник действует не только ради выгоды, но и ради признания, статуса и сохранения своего профессионального «мастерства» в криминальной среде.

И, наконец, различия между содержанием данных понятий определяются по среде формирования. Так, криминальное умение может формироваться в одиночку и часто не связано с криминальной субкультурой. Человек может научиться взлому, мошенничеству или другим навыкам из случайного опыта, литературы или наблюдения. Криминальный профессионализм, как правило, формируется в преступной среде «профессионалов», при этом членство в такой среде обеспечивает не только техническое со-

[1] Уголовный кодекс ФРГ. М.: Юридический колледж МГУ. 1996. С. 130; Уголовное право США: Сборник нормативных актов. М.: Изд-во УДН. 1986. С. 94.

вершенство, но и адаптацию к системе ценностей и правил, принятых среди профессиональных преступников [7, с. 60]. В продолжение укажем, что важным аспектом, дополняющим разграничение данных понятий, является различие в степени социальной интегрированности преступника. Лицо, обладающее лишь криминальным умением, нередко действует изолированно, не вовлечено в устойчивые криминальные связи, а значит, редко обладает доступом к теневым ресурсам, необходимым для систематического извлечения дохода из противоправной деятельности. Профессиональный же преступник, напротив, включен в функционально организованную преступную среду, располагает сетью сообщников, каналами сбыта, информационными и техническими ресурсами, что позволяет ему осуществлять преступления на качественно ином уровне. Такая интеграция не только формирует возможности, но и закрепляет в сознании субъекта устойчивую криминальную идентичность, включающую принятие норм и ритуалов преступного сообщества и осознанное воспроизводство криминальной роли [8, с. 185–189].

Не менее значимым критерием также выступает уровень рефлексивного контроля и операциональной дисциплины. «Обладатель» отдельного криминального умения, как правило, действует ограниченно рамками непосредственного задания и редко прогнозирует долгосрочные последствия своей активности. В противоположность этому профессиональный преступник демонстрирует высокий уровень самоконтроля, способность к рациональному регулированию поведения, а также приверженность внутреннему «кодексу» действий, обеспечивающему минимизацию рисков. Именно сочетание технических навыков с устойчивой стратегической ориентацией и внутренней нормативной системой отличает профессионализм как качественно самостоятельную категорию.

И, наконец, следует также учитывать, что криминальный профессионализм предполагает не только наличие развитых навыков преступной деятельности, но и способность к адаптации в меняющихся условиях. Профессиональные преступники демонстрируют гибкость в реагировании на усиление правоохранительного контроля, технологические изменения, появление новых преступных возможностей. В отличие от лиц, обладающих единичными умениями, такие субъекты, по справедливому замечанию отдельных исследователей, способны модифицировать свои способы действий, интегрировать инновационные преступные технологии, включая цифровые инструменты и сложные схемы противоправного обогащения [1, с. 94–97]. Это свидетельствует о том, что криминальный профессионализм – динамическая характеристика, выражающаяся в умении поддерживать и развивать криминологически значимые компетенции.

Исходя из этого, для оценки наличия у субъекта признаков криминального профессионализма целесообразно выделить систему критериев, позволяющих разграничивать «профессионалов» и лиц, обладающих лишь отдельными криминальными умениями. К таким критериям относятся:

- систематичность и устойчивость преступной деятельности, выраженная в повторяемости однородных и (или) тождественных преступлений и превращении противоправного поведения в образ жизни;
- наличие сформированной криминальной мотивации, ориентированной не на единичную выгоду, а на долговременное извлечение дохода и укрепление статуса в профессиональной преступной среде;
- глубокая интеграция в криминальную субкультуру и преступную среду «профессионалов», позволяющая получить доступ к ресурсам криминального сообщества и вследствие этого обеспечить неуязвимость к уголовному преследованию;
- сложившаяся криминальная идентичность, включающая ценностное принятие преступной деятельности, внутреннее оправдание своих действий и закрепление криминальной роли в структуре личности;

• операциональная и стратегическая компетентность, выражающаяся в умении планировать, прогнозировать последствия, минимизировать риски, адаптироваться к изменениям правоприменительной среды и использовать новые технологии преступной деятельности.

Выделение указанных критериев позволяет не только укрепить теоретические основания отечественной криминологии, но и расширить инструментарий практической диагностики профессиональной преступности. Это создает условия для более точной квалификации деяний, совершенствования индивидуальных профилактических программ и разработки эффективных стратегий противодействия профессиональной преступности в современных условиях усложняющейся профессиональной криминальной среды.

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что понятия «криминальное умение» и «криминальный профессионализм» представляют собой не тождественные, а принципиально различающиеся криминологические категории, отражающие разные уровни сформированности преступной деятельности. Криминальное умение является исходной, самой низкой ступенью криминальной подготовки и представляет собой способность применить определенный технический прием в конкретной ситуации. Эта стадия обладает эпизодическим, несистемным характером, не предполагающим устойчивой мотивации, стратегичности и закрепленности в структуре личности. Следующей ступенью выступают криминальные навыки, формирующиеся на основе многократного повторения умений. Навык отличается автоматизированностью, стабильностью и повышенной эффективностью применения. По мере их развития возможен переход к третьей стадии – криминальной привычке, предполагающей устойчивое включение противоправной активности в повседневную модель поведения субъекта. Именно на этой стадии преступное действие перестает быть ситуативным и становится частью внутренней поведенческой схемы, что отражает глубокий уровень криминальной деформации и приближает индивида к статусу профессионального преступника. Криминальный профессионализм как высшая степень данной триады представляет собой комплексное явление, сочетающее устойчивые преступные привычки, сложившуюся криминальную идентичность, интеграцию в профессиональную преступную среду и способность к стратегическому, рационально организованному воспроизводству преступной деятельности на постоянной основе.

---

1. Тулегенов В. В. Киберпреступность как форма выражения криминального профессионализма // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 2(33). С. 94–97.
2. Гукасян А. П. Криминологическая характеристика и предупреждение специального рецидива преступлений в Республике Армения: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.08. М., 2008. 260 с.
3. Яковлев А. Д. Криминологическая характеристика личности преступника в РФ на современном этапе // Мировая наука. 2021. № 11(56). С. 146–151.
4. Воронин Ю. А., Дмитриева А. А., Кухтина Т. В. Система противодействия профессиональной преступности в России: уголовно-правовые аспекты // Виктимология. 2025. № 2. С. 222–229.
5. Гилинский Я. И. Девиантология (4-е изд., испр. и доп.). М.: Алетейя, 2021. 602 с.
6. Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Личность преступника. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 364 с.
7. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений (2-е изд., перераб. и доп.). М.: Юристъ, 1999. 302 с.
8. Карачаев А. Р. Криминологические аспекты противодействия организованной преступности в условиях цифровизации // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15, № 5. С. 185–189.

1. Tulegenov V. V. Kiberprestupnost` kak forma vy`razheniya kriminal`nogo professionalizma // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. 2014. № 2(33). S. 94–97.
2. Gukasyan A. P. Kriminologicheskaya xarakteristika i preduprezhdenie special`nogo recidiva prestuplenij v Respublike Armeniya: dissertaciya ... kandidata yuridicheskix nauk: 12.00.08. M., 2008. 260 s.
3. Yakovlev A. D. Kriminologicheskaya xarakteristika lichnosti prestupnika v RF na sovremennom e`tape // Mirovaya nauka. 2021. № 11(56). S. 146–151.
4. Voronin Yu. A., Dmitrieva A. A., Kuxtina T. V. Sistema protivodejstviya professional`noj prestupnosti v Rossii: ugolovno-pravovy`e aspekty` // Viktimologiya. 2025. № 2. S. 222–229.
5. Gilinskij Ya. I. Deviantologiya (4-e izd., ispr. i dop.). M.: Aletejya, 2021. 602 s.
6. Antonyan Yu. M., Kudryavcev V. N., E`minov V. E. Lichnost` prestupnika. SPb.: Yuridicheskij centr Press, 2004. 364 s.
7. Kudryavcev V. N. Obshhaya teoriya kvalifikacii prestuplenij (2-e izd., pererab. i dop.). M.: Yurist``, 1999. 302 s.
8. Karachaev A. R. Kriminologicheskie aspekty` protivodejstviya organizovannoj prestupnosti v usloviyax cifrovizacii // Probely` v rossijskom zakonodatel`stve. 2022. T. 15, № 5. S. 185–189.

Информация об авторе

Кристина Александровна Зарубина. Доцент кафедры теории и истории государства и права, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук.
Юго-Западный государственный университет.
305040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94.

Information about the author

Kristina A. Zarubina. Associate Professor of the Chair of Theory and History of State and Law, Candidate of Sciences (Law), Candidate of Sciences (History).
Southwest State University.
305040, Russia, Kursk, 50 years of October Str., 94.

Статья поступила в редакцию 08.04.2026; одобрена после рецензирования 15.05.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was received in the editorial office on 08.04.2026; approved after review on 15.05.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 343.1

РЕПРЕССИВНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Корнеев Сергей Александрович
Академия ФСИН России, Рязань, Россия

Kornei_lam@mail.ru@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению и обоснованию социально-правовых критериев разграничения уголовно-процессуального и уголовно-правового воздействия, осуществляемых от имени государства в отношении лица, (предположительно) нарушившего уголовно-правовой запрет. Анализ норм действующего законодательства, доктринальных источников и материалов судебной практики позволил прийти к выводу о наличии в современной правоприменительной действительности устойчивой тенденции к полному либо частичному сближению мер процессуального принуждения с мерами уголовно-правового воздействия, включая уголовное наказание. Делается вывод о том, что признание мер пресечения формой реализации уголовно-процессуальной либо уголовной ответственности создает риск двойного привлечения лица к юридической ответственности за одно и то же деяние, причем на досудебной стадии – без установления вины в предусмотренном законом порядке.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная ответственность, меры пресечения, уголовно-правовое воздействие, наказание, презумпция невиновности.

Для цитирования: Корнеев С. А. Репрессивность уголовно-процессуального принуждения сквозь призму уголовно-правового воздействия // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 231–238.

THE REPRESSIVENESS OF CRIMINAL PROCEDURAL COERCION THROUGH THE PRISM OF CRIMINAL LEGAL IMPACT

Sergey A. Korneev
Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russia

Kornei_lam@mail.ru@mail.ru

Annotation. The article is devoted to the identification and substantiation of socio-legal criteria for distinguishing between criminal procedural and criminal legal effects carried out on behalf of the state in relation to a person who (allegedly) violated a criminal prohibition. An analysis of the norms of current legislation, doctrinal sources and materials of judicial practice led to the conclusion that there is a stable tendency in modern law enforcement reality towards a complete or partial convergence of measures of procedural coercion with measures of criminal legal influence, including criminal punishment. It is concluded that the recognition of preventive measures as a form of implementation of criminal procedural or criminal liability creates the risk of double bringing a person to legal responsibility for the same act, and at the pre-trial stage – without establishing guilt in accordance with the procedure provided for by law.

Keywords: criminal procedural responsibility, preventive measures, criminal legal impact, punishment, presumption of innocence.

For citation: Korneev S. A. The repressiveness of criminal procedural coercion through the prism of criminal legal impact // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 2(107). P. 231–238.

Современная практика применения мер пресечения характеризуется существенным усилением их фактического воздействия на правовое положение лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Использование таких мер, как заключение под стражу (ст. 108 УПК РФ), домашний арест (ст. 107 УПК РФ) и запрет определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ), нередко сопровождается длительными и интенсивными ограничениями прав и свобод, сопоставимыми по своему объему с последствиями уголовного наказания. В этих условиях меры пресечения приобретают выраженный репрессивный потенциал, выходящий за рамки их традиционного процессуального назначения.

Несмотря на формальное разграничение мер пресечения и уголовного наказания по целям и правовой природе, фактические последствия их применения ставят вопрос о допустимости подобного воздействия до вынесения обвинительного приговора суда. Недооценка репрессивного эффекта мер пресечения затрудняет реализацию принципов презумпции невиновности, справедливости и юридической определенности. В связи с этим возникает необходимость уголовно-правовой оценки репрессивного потенциала мер пресечения и определения пределов допустимого ограничения прав личности на досудебной стадии.

Категория «мера» является одной из базовых для уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права, поскольку именно через нее выражается объем и интенсивность государственного принуждения, применяемых к лицу в связи с нарушением правовых запретов. В уголовно-процессуальном законодательстве термин «мера» используется для обозначения средств принудительного воздействия, применяемых к лицу, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, с целью обеспечения надлежащего хода уголовного судопроизводства (разд. IV УПК РФ), а также для характеристики способов обеспечения безопасности участников процесса (ч. 3 ст. 11 УПК РФ) и совокупности действий, необходимых для реализации функции уголовного преследования (ст. 21 УПК РФ).

В уголовном праве категория «мера» наполняется иным, более репрессивным содержанием. Здесь она используется для обозначения форм реализации уголовно-правового воздействия, применяемого к лицу, нарушившему уголовно-правовой запрет, включая уголовное наказание и иные меры уголовно-правового характера (ст. 2, 6, 7, 43, 90–92 УК РФ).

Уголовно-исполнительное законодательство, в свою очередь, оперирует категорией меры применительно к обеспечению режима исполнения наказания, безопасности осужденных и персонала учреждений, а также в качестве родового понятия для поощрений и взысканий, применяемых в процессе отбывания наказания (ст. 13, 57, 59, 86 УИК РФ). Таким образом, уже на уровне нормативного материала прослеживается универсальный характер категории меры, используемой для обозначения различных форм и объемов государственного принуждения.

Доктринальное осмысление категории «мера» невозможно без обращения к ее философскому и лексическому значению. Как указывал Гегель, мера представляет собой категорию, выражающую диалектическое единство качественных и количественных характеристик явления, позволяя фиксировать предел допустимого изменения объекта без утраты его сущностных свойств [1, с. 281]. В этом смысле мера высту-

пает не просто как количественный показатель, а как «качественное количество», определяющее границы допустимого воздействия.

С учетом изложенного категория «мера» в уголовно-правовом смысле должна рассматриваться как концепт, выражающий установленный законом объем и интенсивность принудительного воздействия, применяемого государством в зависимости от характера правонарушения, стадии правоприменения и правового статуса лица. Такое воздействие может измеряться в различных эквивалентах – денежном (залог, штраф), временном (часы, дни, месяцы лишения свободы) либо в виде комплекса ограничений определенных прав и свобод. Именно через категорию меры становится возможным сопоставление уголовно-правового и уголовно-процессуального принуждения, а также выявление случаев, когда процессуальные средства по своему фактическому содержанию приближаются к мерам уголовно-правового воздействия. Это обстоятельство имеет принципиальное значение для оценки репрессивного потенциала мер пресечения и определения допустимых границ их применения до вынесения обвинительного приговора суда.

Принципиальное значение для разграничения уголовно-правового и уголовно-процессуального воздействия имеет вопрос о целях применения мер государственного принуждения. Именно целевая направленность позволяет определить допустимые пределы ограничения прав и свобод личности и избежать отождествления различных по своей природе правовых институтов. В уголовно-правовой доктрине цели наказания традиционно рассматриваются как нормативно закрепленный ориентир, определяющий содержание и пределы репрессивного воздействия государства на лицо, признанное виновным в совершении преступления [2, с. 32].

Согласно ст. 43 УК РФ уголовное наказание назначается в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденного, а также предупреждения совершения новых преступлений. Указанные цели образуют системное единство и предполагают реализацию уголовной ответственности исключительно после установления виновности лица вступившим в законную силу обвинительным приговором суда. Именно этот момент выступает юридической границей допустимости карательного воздействия в уголовном праве.

Иные меры уголовно-правового характера, предусмотренные уголовным законом, также обладают определенной целевой направленностью. Так, принудительные меры медицинского характера применяются в целях излечения либо улучшения психического состояния лица и предупреждения совершения им новых деяний (ст. 98 УК РФ), а принудительные меры воспитательного воздействия ориентированы на коррекцию поведения несовершеннолетнего и предотвращение повторной преступности (ст. 90 УК РФ). Несмотря на отсутствие карательного элемента в классическом понимании, данные меры также реализуются в рамках уголовно-правовых отношений и предполагают существенное ограничение прав лица, но лишь при наличии установленных законом оснований.

Конечный же результат, преследуемый мерами пресечения, на законодательном уровне сформулирован фрагментарно и не образуют единой концепции. Уголовно-процессуальный закон прямо указывает лишь на цели отдельных мер процессуального принуждения. Так, залог применяется для обеспечения явки подозреваемого или обвиняемого, предупреждения совершения им новых преступлений и пресечения действий, препятствующих производству по уголовному делу (ст. 106 УПК РФ). Иные меры процессуального принуждения призваны обеспечить установленный порядок уголовного судопроизводства и исполнение приговора суда (ст. 111 УПК РФ).

Недостаточная определенность законодательных формулировок обусловила появление в доктрине различных, нередко расширительных трактовок целей мер пресечения. Так, отдельные авторы связывают их применение с обеспечением личного участия подозреваемого или обвиняемого в уголовном процессе, реализацией в отношении него своеобразного «процессуального наказания», а также с возмещением причиненного преступ-

лением вреда [3, с. 16]. Другие исследователи отождествляют цели мер пресечения с задачами уголовно-процессуального права в целом либо рассматривают их как разновидность мер безопасности, направленных на нейтрализацию опасности, исходящей от лица, подозреваемого в совершении преступления [4, с. 105]. Более же справедливой и обоснованной видится позиция авторов, которые, учитывая превентивный потенциал мер уголовно-процессуального принуждения, полагают, что преследуемый ими конечный результат сводится к обеспечению надлежащего поведения лица, предположительно нарушившего уголовно-правовой запрет [5, с. 120]. Данный подход в наибольшей степени коррелирует как с логикой уголовно-процессуального закона, так и с лексическим значением самого термина «пресечение», под которым понимается прекращение, остановка или предотвращение развития нежелательного поведения [6, с. 585].

Разграничение уголовно-правового и уголовно-процессуального принуждения также находит свое выражение в плоскости основания и условий их реализации. Так, мера уголовно-правового воздействия назначается на основании констатации в деянии лица всех признаков состава преступления (ст. 8 УК РФ) и коррелирует с такими юридическими фактами, как характер и степень общественной опасности, личность виновного, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенной меры государственного принуждения на исправление осужденного и условия жизни его семьи (ст. 60 УК РФ). В соответствии же с нормами уголовно-процессуального законодательства основанием избрания меры пресечения являются достоверные сведения, подтверждающие возможность уклонения лица, предположительно нарушившего уголовно-правовой запрет, от специализированных органов государственной власти, пролонгации преступной деятельности, оказания давления на участников процесса либо иного воспрепятствования производству по уголовному делу (ст. 97 УПК РФ). Стоит отметить, что данные сведения носят исключительно прогностический характер и не находятся в корреляции с установлением вины лица в инкриминируемом деянии.

Данная позиция последовательно находит свое отражение в разъяснениях Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации. В частности, подчеркивается, что избрание меры пресечения не может основываться на предположениях, не подтвержденных исследованными в судебном заседании материалами, а также на абстрактных ссылках на тяжесть обвинения. В противном случае соответствующее судебное решение подлежит отмене как необоснованное[1]. Показательным в этом отношении является апелляционное определение Верховного Суда Республики Дагестан, которым было отменено постановление районного суда о продлении срока содержания под стражей. Апелляционная инстанция указала, что представленные следствием доводы не подтверждены конкретными доказательствами и носят *голословный* характер, в связи с чем не могут служить основанием для сохранения наиболее строгой меры пресечения[2].

Несмотря на нормативно закрепленные требования, в правоприменительной практике нередко происходит подмена уголовно-процессуальных оснований избрания меры пресечения уголовно-правовыми критериями. В качестве аргументов, обосновывающих необходимость применения или продления заключения под стражу, суды используют ссылки на характер и степень общественной опасности инкриминируемого

[1] О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Дагестан № 22К-2888/2023 от 30 декабря 2023 г. по уголовному делу № 3/2-709/2023 // Архив Верховного Суда Республики Дагестан. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ldto7HUYiexv (дата обращения: 09.02.2026).

деяния, фактически заимствуя логику назначения наказания[1]. Такая аргументация, по справедливому замечанию ряда авторов, выходит за пределы уголовно-процессуального регулирования и трансформирует меру пресечения в инструмент предварительного карательного воздействия [2, с. 11].

Следовательно, ключевая доктринальная проблема заключается не в самой возможности ограничения прав и свобод лица до вынесения приговора суда, а в использовании при избрании мер пресечения критериев, присущих уголовной ответственности. Подмена прогностических оснований уголовно-процессуального принуждения ретроспективной оценкой общественной опасности деяния разрушает принцип презумпции невиновности и формирует репрессивный потенциал мер пресечения, выходящий за рамки их процессуального назначения.

Репрессивный потенциал мер пресечения проявляется, прежде всего, в фактическом объеме лишений и ограничений прав и свобод, которые испытывает лицо в период их применения. Несмотря на формальное разграничение мер пресечения и уголовного наказания, исходя из их социально-правовой природы, содержание наиболее строгих процессуальных мер объективно сближает их с карательными формами уголовно-правового воздействия.

Обязанность подозреваемого или обвиняемого находиться в определенном жилом помещении, сопряженная с запретами на выход из него, общение с определенными лицами и использование средств связи (ст. 107 УПК РФ), по своему содержанию означает принудительную изоляцию от общества. Аналогичный эффект достигается и при избрании запрета определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ), если он существенно ограничивает свободу передвижения и социальную активность лица – то есть ограничиваются регламентируемые Конституцией права на свободу и личную неприкосновенность2. Рассматривая подобные обременения через призму уголовно-правового воздействия, мы видим, как прослеживается явная тождественность с лишениями и ограничениями, испытываемыми лицом, нарушившем уголовно-правовой запрет, в рамках реализации наказания в виде ограничения свободы (ст. 53 УК РФ), условного осуждения (ст. 73), условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ).

Подобная тождественность имеет место при сопоставлении заключения под стражу и лишения свободы. Соразмерность указанных мер государственного принуждения определяется нормами уголовного законодательства в части исчисления время содержания под стражей в срок назначенного наказания (ст. 72 УК РФ). Законодательное признание необходимости такого зачета свидетельствует о том, что государство фактически учитывает репрессивный характер процессуального принуждения, реализуемого до вынесения приговора. Более того, судебная практика Верховного Суда Российской Федерации последовательно исходит из того, что ошибки в исчислении срока наказания с учетом времени пребывания лица под мерой пресечения являются существенными нарушениями уголовного закона и влекут отмену или изменение приговора[3].

Именно совокупность указанных обстоятельств позволила ряду авторов сделать вывод о тождественности объема государственного принуждения, реализуемого в рамках

---

[1] Постановление от 20 августа 2025 г. по уголовному делу № 3/1-0159/2025. Архив Останкинского районного суда (г. Москва). URL: https://sudact.ru/regular/doc/uMctj3XfnjQj (дата обращения: 10.02.2026).

[2] По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А. Т. Федина: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 6 декабря 2011 г. № 27-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Кассационное определение Верховного Суда Рос. Федерации по уголовному делу от 5 декабря 2024 г. № 36-УД24-12-К2. Официальный сайт Верховного Суда Рос. Федерации. URL: https://vsrf.ru/lk /practice/stor_pdf/2428284 (дата обращения: 03.02.2026).

мер пресечения и уголовного наказания, и отказаться от их социально-правового разграничения, признав меры пресечения самостоятельной формой реализации уголовной ответственности [7, с. 32]. В развитие данной позиции в литературе высказывается мнение о том, что сам процесс избрания меры пресечения, а равно ее изменение на более строгую представляет собой проявление уголовно-процессуальной ответственности [8, с. 40].

В качестве аргументов в пользу такого подхода авторы указывают на наличие в процедуре избрания меры пресечения карательного потенциала [2, с. 11], элемента порицания [9, с. 60] и даже признаков субъективного вменения, выражающегося в оценке поведения подозреваемого или обвиняемого как заслуживающего применения более строгого государственного принуждения [10, с. 134]. Тем самым меры пресечения фактически начинают рассматриваться как реакция государства на совершенное деяние, а не как средство предотвращения возможного будущего противоправного поведения.

Представляется, однако, что подобная интерпретация противоречит как буквальному смыслу уголовно-процессуального закона, так и конституционным принципам уголовного судопроизводства. Меры пресечения применяются в отношении лица, чья виновность не установлена вступившим в законную силу приговором суда, и потому не могут рассматриваться в качестве формы реализации уголовной ответственности без нарушения принципа презумпции невиновности[1].

В то же время отрицание карательного характера мер пресечения на формальном уровне не устраняет проблему их фактического репрессивного воздействия. Именно разрыв между юридической конструкцией и реальными последствиями применения мер пресечения формирует их репрессивный потенциал. В условиях, когда наиболее строгие меры пресечения применяются широко и зачастую на длительный срок, процессуальное принуждение начинает выполнять функции, близкие к функциям уголовного наказания, не будучи при этом встроенным в систему гарантий уголовной ответственности.

Таким образом, репрессивный потенциал мер пресечения обусловлен не их формально-правовым статусом, а фактическим объемом и интенсивностью ограничений прав и свобод личности. Игнорирование данного обстоятельства приводит к стиранию границ между уголовно-процессуальным и уголовно-правовым воздействием и создает риск подмены наказания процессуальными средствами на досудебной стадии.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в современной практике применения мер пресечения имеет место устойчивая тенденция к расширению их репрессивного потенциала. Формально оставаясь институтом уголовно-процессуального права, меры пресечения по своему фактическому содержанию все чаще отождествляются с мерами уголовно-правового воздействия. Такое сближение проявляется как в объеме ограничений прав и свобод личности, так и в аргументации, используемой судами при избрании и продлении мер пресечения.

Подмена уголовно-процессуальных критериев уголовно-правовыми приводит к стиранию границ между различными формами государственного принуждения и ставит под угрозу реализацию принципа презумпции невиновности. Признание меры пресечения формой реализации уголовной ответственности означало бы допустимость двойного привлечения лица к ответственности за одно и то же деяние, причем на досудебной стадии – без установления виновности в предусмотренном законом порядке.

В этих условиях представляется необходимым рассматривать репрессивный потенциал мер пресечения как самостоятельную уголовно-правовую проблему, требующую учета при формировании судебной практики и совершенствовании законодатель-

[1] Апелляционное постановление Амурского областного суда от 21 июня 2018 г. по уголовному делу № 22-К1051/2018. Архив Амурского областного суда. URL: https://sudact.ru/regular/doc/dDGRzC17PBbq (дата обращения: 27.01.2026).

ства. Допустимые пределы ограничения прав личности до вынесения обвинительного приговора должны определяться не абстрактными соображениями общественной опасности деяния, а строгим соблюдением прогностических оснований и принципа соразмерности процессуального принуждения. Только при таком подходе возможно сохранение баланса между задачами уголовного судопроизводства и фундаментальными гарантиями прав человека.

---

1. Современный философский словарь / под. ред. В. Е. Комарова. Бишкек, 1996. 608 с.
2. Корнуков В. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. 136 с.
3. Михайлов В. А. Меры пресечения в советском уголовном судопроизводстве. М., 1991. 189 с.
4. Петрухин И. Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М., 1989. 252 с.
5. Вершинина С. И. О совершенствовании института мер пресечения, предусмотренного главой 13 УПК РФ // Журнал Российского права. 2017. № 6. С. 115–125.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2010. 874 с.
7. Муравьев К. В. Применение мер пресечения как процессуальный этап реализации уголовной ответственности // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 1(9). С. 27–35.
8. Чечина Н. А., Элькинд П. С. Об уголовно-процессуальной и гражданской процессуальной ответственности // Советское государство и право. 1973. № 9. С. 33–41.
9. Ветрова Г. Н. Уголовно-процессуальная ответственность. М., 1986. 111 с.
10. Галдин М. В. Изменение обвиняемому меры пресечения на более строгую как реализация уголовно-процессуальной ответственности // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 2. С. 131–136.

1. Sovremenny`j filosofskij slovar` / pod. red. V. E. Komarova. Bishkek, 1996. 608 s.
2. Kornukov V. M. Mery` processual`nogo prinuzhdeniya v ugolovnom sudoproizvodstve. Saratov, 1978. 136 s.
3. Mixajlov V. A. Mery` presecheniya v sovetskom ugolovnom sudoproizvodstve. M., 1991. 189 s.
4. Petruxin I. L. Neprikosnovennost` lichnosti i prinuzhdenie v ugolovnom processe. M., 1989. 252 s.
5. Vershinina S. I. O sovershenstvovanii instituta mer presecheniya, predusmotrennogo glavoj 13 UPK RF // Zhurnal Rossijskogo prava. 2017. № 6. S. 115–125.
6. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka: 80 000 slov i frazeologicheskix vy`razhenij. 4-e izd., dop. M.: OOO «A TEMP», 2010. 874 s.
7. Murav`ev K. V. Primenenie mer presecheniya kak processual`ny`j e`tap realizacii ugolovnoj otvetstvennosti // Sibirskie ugolovno-processual`ny`e i kriminalisticheskie chteniya. 2016. № 1(9). S. 27–35.
8. Chechina N. A., E`l`kind P. S. Ob ugolovno-processual`noj i grazhdanskoj processual`noj otvetstvennosti // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1973. № 9. S. 33–41.
9. Vetrova G. N. Ugolovno-processual`naya otvetstvennost`. M., 1986. 111 s.
10. Galdin M. V. Izmenenie obvinyaemomu mery` presecheniya na bolee stroguyu kak realizaciya ugolovno-processual`noj otvetstvennosti // Sudebnaya vlast` i ugolovny`j process. 2016. № 2. S. 131–136.

Информация об авторе

Сергей Александрович Корнеев. Доцент кафедры уголовного права юридического факультета, кандидат юридических наук.

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний.

390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1.

Information about the author

Sergey A. Korneev. Associate Professor of the Chair of Criminal Law, Faculty of Law, Candidate of Sciences (Law).

Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service.

390000, Russia, Ryazan, Sennaya Str., 1.

Статья поступила в редакцию 08.05.2026; одобрена после рецензирования 20.05.2026; принята к публикации 13.07.2026.

The article was received in the editorial office on 08.05.2026; approved after review on 20.05.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 343.2/.7

ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ О ЮРИДИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ БЛАНКЕТНОГО ХАРАКТЕРА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Крылов Александр Артемович
Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

aakrylov0@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются юридические конструкции бланкетного характера в уголовном праве Российской Федерации как способ изложения уголовно-правовых норм, обеспечивающий их системность, лаконичность и адаптивность к изменяющемуся межотраслевому регулированию. Автор поднимает проблемы применения норм с такими конструкциями и определяет методологические ориентиры их исследования. Рассмотрены доктринальные подходы к пониманию бланкетности, включая как широкую, так и узконормативную интерпретации. Также проведено разграничение бланкетных и отсылочных конструкций и их соотношение с судебным толкованием. Проанализированы открытые и закрытые бланкетные диспозиции, выявлены проблемы правовой неопределенности, терминологической несогласованности и конкуренции нормативных источников. Отдельно рассмотрены вопросы действия уголовного закона во времени при изменении бланкетных источников. Сформулированы ключевые направления дальнейших исследований юридических конструкций бланкетного характера. В заключение автор приходит к выводу, что необходимо формирование единой теоретической модели применения юридических конструкций бланкетного характера в целях обеспечения правовой определенности и единообразия уголовно-правового регулирования.

Ключевые слова: бланкетная диспозиция, отсылочная норма, межотраслевые связи, правовая определенность, толкование права, источники права, обратная сила уголовного закона.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя – профессора кафедры уголовного и уголовно-процессуального права и правоохранительной деятельности Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации доктора юридических наук Нуделя С. Л.

Для цитирования: Крылов А. А. Характеристика современных концепций о юридических конструкциях бланкетного характера в уголовном праве // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 239–247.

DESCRIPTION OF MODERN CONCEPTS REGARDING BLANKET-TYPE LEGAL CONSTRUCTIONS IN CRIMINAL LAW

Aleksandr A. Krylov
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

aakrylov0@gmail.com

Annotation. The article analyzes blanket-type legal constructions in the criminal law of the Russian Federation as a method of presenting criminal law norms that ensures their systemic nature, conciseness, and adaptability to changing cross-sectoral regulation. The author raises the problems of applying norms with such constructions and defines methodological guidelines for their study. Doctrinal approaches to understanding blanket provisions are examined, including both broad and narrowly normative interpretations. A distinction is also drawn between blanket and reference constructions, as well as their relationship with judicial interpretation. Open and closed blanket dispositions are analyzed; the problems of legal uncertainty, terminological inconsistency, and competition of normative sources are identified. The article separately addresses the operation of criminal law over time when blanket sources are amended. Key directions for further research on blanket-type legal constructions are formulated. A conclusion is made that it is necessary to develop a unified theoretical model for the application of blanket-type legal constructions in order to ensure legal certainty and uniformity of criminal law regulation.

Keywords: blanket disposition, reference norm, cross-sectoral links, legal certainty, interpretation of law, sources of law, retroactive effect of criminal law.

Gratitude: the work was made with the support of the scientific supervisor – Professor of the Chair of Criminal Law, Criminal Procedure Law and Law Enforcement Activities at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences S. L. Nudel.

For citation: Krylov A. A. Description of Modern Concepts Regarding Blanket-Type Legal Constructions in Criminal Law // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanova. 2026. № 2(107). P. 239–247.

Активное применение законодателем юридических конструкций бланкетного характера как способа изложения уголовно-правовой нормы представляется возможным объяснить рядом прагматических целей: во-первых, стремлением обеспечить лаконичность и внутреннюю системность текста уголовного закона; во-вторых, придать ему необходимую гибкость, позволяющую учитывать динамику отраслевого законодательства и сохранять актуальность уголовно-правовых норм без их постоянного пересмотра.

Вместе с тем существенным отличием уголовного права от других отраслей являются его задачи – охрана круга особо значимых общественных отношений. В этом контексте юридические конструкции бланкетного характера выступают инструментом, обеспечивающим эффективную уголовно-правовую охрану уже урегулированных иными отраслями общественных отношений, позволяя учитывать их нормативное содержание без дублирования и избыточной детализации в тексте уголовного закона. Это обстоятельство обусловливает включение в УК РФ нормативных категорий из иных отраслей права, в результате чего содержание различных составляющих диспозиции уголовно-правовой нормы определяется положениями иноотраслевых нормативных правовых актов [1, с. 16]. Обращение законодателя к категориям, заимствованным из иных отраслей, не является случайным: оно отражает межотраслевой характер современного уголовного права и объективную необходимость учитывать нормы, регулирующие смежные сферы общественных отношений.

Исходя из этого, конструкции бланкетного характера – явление закономерное и оправданное. Оно продиктовано сложным характером системы российского законодательства, в которой УК РФ занимает особое место. Использование универсальной терминологии обеспечивает слаженное функционирование единого правового механизма, состоящего из регулятивного (иноотраслевого) и охранительного (уголовно-правового) элементов. Посягательство на отношения, урегулированные иными отрас-

лями права, получает уголовно-правовую оценку именно через механизм бланкетных конструкций, что позволяет интегрировать регулятивные и охранительные элементы в единую систему. Поэтому изучение юридических конструкций бланкетного характера позволяет глубже понять, каким образом обеспечивается согласованность уголовного законодательства с нормативными правовыми актами иных отраслей права.

Анализ многочисленных юридических конструкций бланкетного характера показывает, что бланкетность представляет собой сквозной признак уголовно-правового регулирования, свойственный нормам как Особенной, так и Общей частей УК РФ. Поэтому наиболее исчерпывающей представляется дефиниция, предложенная И. А. Михайловым, определяющим бланкетную норму как «норму уголовного закона (примечание автора: не только норму о преступлении), в которой один или несколько ее структурных элементов содержат признаки (признак), не уяснимые без обращения к законам или иным нормативным правовым актам иных отраслей права» [2, с. 9]. Распространение данного определения на положения Общей части УК РФ подтверждается, в частности, закреплением нового основания освобождения от уголовной ответственности для военнослужащих (ст. 78^1 УК РФ), где законодатель оперирует понятиями «период мобилизации», «период военного положения» и «военное время», содержание которых раскрывается в нормативных актах иных отраслей права.

В то же время узконормативный подход, ограничивающий проявление бланкетности диспозициями составов преступлений, также не может считаться полностью ошибочным, поскольку частное понимание применения бланкетных конструкций не противоречит более широкому определению, а лишь конкретизирует его применительно к статьям Особенной части УК РФ. Такое определение дает Л. Р. Клебанов: «Бланкетность в уголовном праве проявляется в необходимости ссылки на нормы иной отраслевой принадлежности, в которых устанавливаются или конкретизируются признаки преступления» [3, с. 78].

Элементы бланкетности отражают исключительно межотраслевую связь уголовного законодательства с другими источниками права. Тем не менее в литературе нередко встречаются попытки отождествить бланкетные и отсылочные конструкции, под которыми понимаются формы построения уголовно-правовой нормы, когда признаки ее структурных элементов толкуются через иные уголовно-правовые положения, либо рассматривать их в одном ряду с толкованием отдельных признаков преступлений в судебной практике [4, с. 4].

Природа подобных сравнений понятна, поскольку бланкетные нормы роднит с отсылочными необходимость обращаться к иным правовым положениям (пусть и той же отраслевой принадлежности) для конкретизации юридических признаков охранительных отношений, а результаты судебной практики позволяют сформулировать легальное толкование составных элементов нормы, которым впоследствии руководствуется правоприменитель при рассмотрении аналогичных дел.

Ключевое различие между бланкетными и отсылочными нормами заключается в юридической природе источников, раскрывающих содержание их признаков, а также в целевом назначении данных юридических конструкций. Если отсылочный признак направлен на обеспечение терминологическое единства в пределах уголовного закона, то бланкетная конструкция отражает объективно существующую межотраслевую связь [5, с. 601]. Следовательно, содержание бланкетного признака может изменяться независимо от внесения поправок в УК РФ, в то время как толкование отсылочного признака остается в рамках сугубо уголовно-правового поля.

Как и источник, раскрывающий смысл бланкетного признака, судебная практика может придавать некоторым элементам правовой нормы конкретное значение через механизм толкования. Однако, в отличие от толкования, данного судебной практикой, содержание бланкетного признака не зависит от усмотрения правоприменителя,

что является принципиальным основанием для их разграничения. Кроме того, природа бланкетного основания всегда носит нормативный, то есть обязательный, характер, в то время как результаты судебной практики лишены такого признака.

В теории предложено множество классификаций юридических конструкций бланкетного характера. Многие из них позволяют выявить существенные противоречия в способах конструирования уголовно-правовых норм. Так, например, Н. В. Иванов проводит дифференциацию бланкетных диспозиций на открытые и закрытые [6, с. 304].

Открытые диспозиции предполагают конкретизацию источника, определяющего значение бланкетного признака. Наглядным примером является диспозиция нормы о преступлении, предусмотренном ст. 264 УК РФ (Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств). В ней законодатель дает недвусмысленное указание на правовой акт, в котором раскрывается характеристика объективной стороны данного преступления[1]. Обязательным условием для конструирования открытых диспозиций является наличие регламентации соответствующих отношений.

Закрытые диспозиции, напротив, не содержат явного указания на источник, раскрывающий бланкетный признак. Таким образом, при квалификации важно решить вопрос о наличии в применяемой статье бланкетного элемента, что бывает не всегда просто, но исключительно важно для соблюдения принципа законности.

В качестве примера закрытой диспозиции Д. В. Голенко приводит ст. 105 УК РФ (Убийство) [7, с. 15], в рамках которой существенное значение имеет момент наступления смерти, определяемый ст. 66 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[2].

Отсутствие в диспозиции статьи прямой ссылки на конкретный нормативный акт порождает риск судебной ошибки, обусловленный возможностью неограниченного толкования признака, объективно требующего бланкетной конкретизации.

Кроме того, следствием закрытых диспозиций является проблема терминологической несогласованности в тех случаях, когда элемент нормы, нуждающийся в бланкетной конкретизации, используется в Особенной части несколько раз, но отсылка к источнику употреблена законодателем лишь единожды либо в одном случае признак определен через примечание, а в другом случае соответствующее указание отсутствует и признак может пониматься не только как бланкетный, но и как отсылочный (ст. 205.1–205.3)[3]. Иными словами, возможна конкуренция между бланкетной и отсылочной конкретизацией.

Указанные противоречия могут быть устранены посредством унификации содержания соответствующего признака для всех статей Особенной части, либо путем его единообразного толкования – через примечание в УК РФ, либо путем прямой отсылки к конкретному нормативному акту иной отрасли права.

Развивая данную тему, следует согласиться с В. С. Устиновым, который считает, что в случае применения в уголовном законе правовых категорий, определения которых закреплены в иных отраслях законодательства, их толкование также должно строго соответствовать данным дефинициям. Недопустимо различное понимание идентичных правовых категорий и терминов в уголовном и иных отраслях права, поскольку подобная практика подрывает единство законодательной техники и нарушает межотраслевой принцип правовой определенности [8, с. 207].

---

[1] О Правилах дорожного движения: постановление Правительства Рос. Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Фдерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Вместе с тем даже одинаковое понимание правовых категорий не исключает несовершенства положений законодательства, составляющего бланкетную основу, что сказывается на качестве уголовного закона. Так, ст. 171.2 УК РФ (Незаконная организация и проведение азартных игр) предусматривает, в частности, уголовную ответственность за организацию и (или) проведение азартных игр с использованием игрового оборудования вне игорной зоны. Игровое оборудование определяется соответствующим федеральным законом как устройства или приспособления, используемые для проведения азартных игр. Подобное расплывчатое определение в регулятивном законодательстве порождает правовую неопределенность, которая влияет на квалификацию преступления, предоставляя правоприменителю возможность произвольного толкования.

Хотя сам принцип правовой определенности прямо не установлен ни в УК РФ, ни даже в Конституции РФ, о наличии и содержании данного правового начала можно судить исходя из смысла ст. 3 УК РФ (Принцип законности), в которой говорится, что преступность и наказуемость деяния могут устанавливаться только уголовным законом. На этот счет Конституционный Суд РФ высказался следующим образом: «Принцип правовой определенности, обязывающий федерального законодателя формулировать уголовно-правовые предписания с достаточной степенью четкости, позволяющей лицу сообразовывать с ними свое поведение – как дозволенное, так и запрещенное – и предвидеть вызываемые им последствия, не исключает введения в уголовный закон юридических конструкций бланкетного характера, которые для уяснения используемых в нем терминов и понятий требуют обращения к нормативному материалу иных правовых актов»[1].

Следует также определиться с тем, какими правовыми качествами должен обладать источник, к которому отсылает бланкетная норма, чтобы ее можно было признать таковой. Относясь к исключительной компетенции федерального уровня, уголовное законодательство не исключает возможность бланкетной отсылки к отраслям, конкретизированным на уровне законодательств субъектов и муниципальных образований РФ. В частности, Пленум Верховного Суда РФ указывает на то, что «при рассмотрении уголовных дел о налоговых преступлениях (статьи 198, 199, 199^1 и 199^2 УК РФ) судам следует <…> учитывать, что в Российской Федерации установлены следующие виды налогов и сборов: федеральные налоги и сборы, налоги субъектов РФ и местные налоги и сборы <…>»[2]. Поэтому при квалификации преступлений с бланкетной диспозицией важно принимать во внимание не только федеральное, но и региональное законодательство и муниципальные правовые акты, поскольку содержание последних также может иметь уголовно-правовое значение.

Вместе с тем уголовное законодательство содержит и отсылки не только к законодательству различных уровней, но и к подзаконным актам, конкретизирующим содержание обязательных правил поведения. Классическим примером служит ст. 264 УК РФ (Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств), которая предусматривает обращение к Правилам дорожного движения Российской Федерации, утвержденным постановлением Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090, поскольку именно в них раскрыто содержание обязанностей участников дорожного движения. Таким образом, бланкетные конструкции в уголовном праве могут

---

[1] По делу о проверке конституционности положения статьи 226^1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Республики Казахстан О. Е. Недашковского и С. П. Яковлева: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 16 июля 2015 г. № 22-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 26 ноября 2019 г. № 48. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

отсылать не только к иноотраслевому законодательству, но и к подзаконному регулированию. Однако при обращении к подзаконным актам важно учитывать специфику их юридической природы: бланкетные конструкции здесь требуют более высокой степени определенности и конкретизации по сравнению с отсылками к законам, что обусловлено меньшей юридической силой подзаконных актов. Указанное требование корреспондирует закрепленному в актах Правительства РФ подходу, согласно которому федеральные органы исполнительной власти вправе реализовывать свои полномочия исключительно в пределах, установленных законодательством, что исключает их самостоятельное формирование на уровне подзаконного регулирования.

Более того, в УК РФ есть нормы, отсылающие к нормам международного права (договорам, конвенциям, решениям Организации Объединенных Наций (ООН) и другим источникам международного права, ратифицированным РФ), юридическая сила которых, по мнению В. С. Комиссарова, «в отличие от всех иных бланкетных норм, выше, нежели сила внутреннего уголовного закона» [9, с. 554]. На это же косвенно указывают ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и ст. 1 УК РФ.

Практическим выводом из такой иерархии является недопустимость придания при конструировании уголовно-правовой нормы иного понимания используемым категориям в том числе посредством разъяснений Пленума или примечаний к статьям Особенной части.

В действующем уголовном законодательстве используются категории, понимание которых по большей части соответствует международным правовым актам и не вызывают существенных расхождений. Примером служит термин «геноцид» из ст. 357 УК РФ (Геноцид), содержание которого в значительной мере унифицировано в международном праве и отличается высокой степенью нормативной определенности. Вместе с тем в уголовном законодательстве присутствуют и такие конструкции, толкование которых в международных источниках может существенно различаться.

Е. Д. Ветошкина указывает на проблему расхождений в толковании понятий, используемых в УК РФ, и их трактовке в международных источниках. В качестве примера она анализирует термин «агрессия» из ст. 353 УК РФ (Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны), содержание которого в различных международных актах раскрывается по-разному[1]. Автор полагает, что данная проблема должна решаться в пользу того источника, на конкретизацию которого изначально была ориентирована рассматриваемая статья [10, с. 65].

Кроме того, представляется сомнительным возведение этого подхода в статус универсального правила ввиду того, что первоначальная трактовка понятия может подвергаться существенному пересмотру в рамках международного диалога и находить отражение в новых актах. Более целесообразным решением было бы прямое указание на актуальный источник непосредственно в тексте самих норм, отсылающих к международным актам.

Особый интерес в применении юридических конструкций бланкетного характера традиционно вызывает вопрос о применении обратной силы уголовного закона. Восполняя данный пробел, правоприменитель вынужден обращаться к расширительному толкованию ст. 10 УК РФ (Обратная сила уголовного закона), поскольку прямого

[1] Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси от 8 августа 1945 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. М., 1955. С. 165–172; Определение агрессии: резолюция 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 дек. 1974 г. // Действующее международное право. Т. 2. М.: Московский независимый институт международного права, 1997. С. 199–202; Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // Бюллетень международных договоров. 2001. № 12. С. 3–87. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

указания на порядок действий при изменении бланкетного источника в условиях стабильности диспозиции нормы уголовного закона не существует.

Буквальное прочтение ст. 10 УК РФ позволяет заключить, что обратную силу порождают исключительно изменения, вносимые непосредственно в уголовное законодательство. К тому же смягчение ответственности может быть обусловлено и трансформациями иного рода. Учитывая, что обратная сила нового закона применяется в отношении конкретных деяний, обоснованной представляется позиция Ю. И. Ляпунова о том, что признание уголовного закона смягчающим наказание зависит не только от структуры санкций и тяжести предусмотренных в них наказаний, но и от содержательного анализа диспозиций соотносимых правовых норм, которые могут иметь бланкетную природу [11, с. 26].

Кроме того, Ю. Ю. Соковых указывает на способность бланкетных источников не только раскрывать значение признаков, закрепленных в УК РФ, но и фактически определять содержание отдельных элементов состава преступления, тем самым устанавливая преступность деяний, хотя и в рамках неразрывной связи с уголовным законом [12, с. 197]. Правовая квалификация в подобных случаях предполагает осуществление двойной юридической оценки: во-первых, определения юридической природы бланкетных признаков через обращение к нормативному материалу смежных отраслей права и, во-вторых, синтезирующего вывода о соответствии всей совокупности признаков (как бланкетных, так и прямых) элементам конкретного состава преступления [13, с. 132]. Дополнительно отметим, что за последние годы имел место прецедент и прямого уголовно-правового регулирования, осуществляемого вне рамок УК РФ[1].

Приведенные суждения в совокупности показывают, что уголовным законом, смягчающим наказание в смысле ст. 10 УК РФ, надлежит считать любой новый акт, который предоставляет правоприменителю возможность назначить виновному менее строгое наказание либо вовсе освободить от ответственности независимо от того, является ли основанием для этого прямое смягчение санкции в УК РФ или изменение юридической оценки деяния в том числе за счет реформации бланкетных источников, проводимой как в рамках федерального, так и регионального законодательства. Аналогичной позиции придерживается Конституционный Суд РФ[2].

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать следующие выводы относительно современных концепций о юридических конструкциях бланкетного характера:

1. Наиболее правильным из существующих подходов к интерпретации бланкетных конструкций является экстраполяция этого способа конструирования норм как на Общую, так и на Особенную части УК РФ.

2. Бланкетные признаки имеют исключительно межотраслевую природу, поэтому к конструкциям бланкетного характера нельзя относить способы конструирования нормы, предполагающие наличие в ее элементах признаков, раскрываемых в ином положении УК РФ или разъясняемых в толкованиях судов.

3. Следствием наличия закрытых диспозиций иногда является проблема терминологической несогласованности между отдельными нормами Особенной части УК РФ.

---

[1] Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции: Федер. закон Рос. Федерации от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Определение об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 3, статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации от 10 июля 2003 г. // Вестник Конституционного Суда Рос. Федерации. 2003. № 5. С. 92.

4. Бланкетный источник может отсылать не только к законам, но и к подзаконным актам при условии, что необходимость обращения к последним прямо обозначена в УК РФ.

Таким образом, единственным решением, которое позволит обеспечить надлежащий уровень правовой определенности и единообразия уголовно-правового регулирования, является разработка универсальной теоретической модели применения юридических конструкций бланкетного характера в уголовном праве, учитывающей специфику взаимодействия уголовного права с другими отраслями.

---

1. Ибрагимов М. А. Нормативные акты иных отраслей права как источники уголовного права / М. А. Ибрагимов, К. В. Ображиев. Ставрополь: Сервисшкола, 2005. 95 с. (Серия «Борьба с преступностью: вчера, сегодня, завтра»).
2. Михайлов И. А. Бланкетные нормы в уголовном законе и их применение органами внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 23 с.
3. Клебанов Л. Р. Бланкетность уголовно-правовых норм и защита культурных ценностей // Журнал российского права. 2009. № 9. С. 78–88.
4. Пшипий Р. М. Характер бланкетности диспозиций в нормах статей главы 22 УК РФ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 7. С. 184–190.
5. Иванов Н. В. Бланкетная форма конструирования в уголовном праве / Н. В. Иванов, Н. И. Пикуров // Юридическая техника. 2013. № 7. Ч. 2. С. 597–603.
6. Иванов Н. В. Теория и практика применения бланкетных норм права (на примере уголовного законодательства) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 2(13). С. 303–305.
7. Голенко Д. В. Бланкетность диспозиций статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 4(78). С. 13–17.
8. Устинов В. С. Техника конструирования дефиниций в уголовном законодательстве // Законодательная техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сборник статей: в 2 т. / Под ред. профессора В. М. Баранова. Н. Новгород, 2001. Т. 2. С. 206–213.
9. Комиссаров В. С. Уголовное право России. Особенная часть. Второй полутом: учебник для вузов / В. С. Комиссаров, Н. Ф. Кузнецова, И. М. Тяжкова. М.: Зерцало-М, 2005. 600 с.
10. Ветошкина Е. Д. Бланкетность норм, предусматривающих ответственность за преступления против мира // Право и общество. 2025. № 1(18). С. 64–66.
11. Ляпунов Ю. И. Действие новых норм Особенной части уголовного законодательства во времени // Социалистическая законность. 1983. № 9. С. 26.
12. Соковых Ю. Ю. Информатизация квалификации преступлений: теоретико-правовые аспекты. М.: ИКАР, 1998. 197 с.
13. Лопашенко Н. А. О бланкетных диспозициях применительно к преступлениям в сфере экономической деятельности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XII Международной научно-практической конференции (29–30 января 2015 г.). М., 2015.

1. Ibragimov M. A. Normativny`e akty` iny`x otraslej prava kak istochniki ugolovnogo prava / M. A. Ibragimov, K. V. Obrazhiev. Stavropol`: Servisshkola, 2005. 95 s. (Seriya «Bor`ba s prestupnost`yu: vchera, segodnya, zavtra»).
2. Mixajlov I. A. Blanketny`e normy` v ugolovnom zakone i ix primenenie organami vnutrennix del: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2009. 23 s.

3. Klebanov L. R. Blanketnost` ugolovno-pravovy`x norm i zashhita kul`turny`x cennostej // Zhurnal rossijskogo prava. 2009. № 9. S. 78–88.
4. Pshipij R. M. Xarakter blanketnosti dispozicij v normax statej glavy` 22 UK RF // Gumanitarny`e, social`no-e`konomicheskie i obshhestvenny`e nauki. 2014. № 7. S. 184–190.
5. Ivanov N. V. Blanketnaya forma konstruirovaniya v ugolovnom prave / N. V. Ivanov, N. I. Pikurov // Yuridicheskaya texnika. 2013. № 7. Ch. 2. S. 597–603.
6. Ivanov N. V. Teoriya i praktika primeneniya blanketny`x norm prava (na primere ugolovnogo zakonodatel`stva) // Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2010. № 2(13). S. 303–305.
7. Golenko D. V. Blanketnost` dispozicij statej Osobennoj chasti Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Vestnik Universiteta prokuratury` Rossijskoj Federacii. 2020. № 4(78). S. 13–17.
8. Ustinov V. S. Texnika konstruirovaniya definicij v ugolovnom zakonodatel`stve // Zakonodatel`naya texnika sovremennoj Rossii: sostoyanie, problemy`, sovershenstvovanie: Sbornik statej: v 2 t. / Pod red. professora V. M. Baranova. N. Novgorod, 2001. T. 2. S. 206–213.
9. Komissarov V. S. Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast`. Vtoroj polutom: uchebnik dlya vuzov / V. S. Komissarov, N. F. Kuzneczova, I. M. Tyazhkova. M.: Zerczalo-M, 2005. 600 s. ISBN 5-94373-106-7.
10. Vetoshkina E. D. Blanketnost` norm, predusmatrivayushhix otvetstvennost` za prestupleniya protiv mira // Pravo i obshhestvo. 2025. № 1(18). S. 64–66.
11. Lyapunov Yu. I. Dejstvie novy`x norm Osobennoj chasti ugolovnogo zakonodatel`stva vo vremeni // Socialisticheskaya zakonnost`. 1983. № 9. S. 26.
12. Sokovy`x Yu. Yu. Informatizaciya kvalifikacii prestuplenij: teoretiko-pravovy`e aspekty`. M.: IKAR, 1998. 197 s.
13. Lopashenko N. A. O blanketny`x dispoziciyax primenitel`no k prestupleniyam v sfere e`konomicheskoj deyatel`nosti // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy` XII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (29–30 yanvarya 2015 g.). M., 2015.

Информация об авторе

Александр Артемович Крылов. Аспирант.
Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.
117218, Москва, Большая Черемушкинская улица, д. 34.

Information about the author

Alexander A. Krylov. Postgraduate Student.
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.
117218, Moscow, Bolshaya Cheremushkinskaya Str., 34.

Статья поступила в редакцию 08.05.2026; одобрена после рецензирования 20.05.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was received in the editorial office on 08.05.2026; approved after review on 20.05.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 343.979

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ЛЖЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИРМ-ОДНОДНЕВОК КАК СПОСОБА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НЕЗАКОННОГО ОБНАЛИЧИВАНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Крысина Татьяна Евгениевна
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, г. Орел, Россия

tatyana.krysina.02@mail.ru

Аннотация. В представленной статье рассматривается понятие «незаконное обналичивание денежных средств», включая исследование его сущностных характеристик, детальное изучение причин возникновения и последствий для правовой и экономической сфер. Особое внимание уделяется выявлению типовых схем осуществления незаконного обналичивания через призму лжепредпринимательской деятельности фирм-однодневок. В условиях рыночной конкуренции хозяйствующие субъекты ориентированы на оптимизацию прибыли за счет снижения издержек. В банковском секторе данная тенденция проявляется в распространении услуг по обналичиванию денежных средств, оказываемых организациями с ограниченным уставным капиталом. Подобная деятельность, будучи экономически выгодной и востребованной в криминальной среде, создает потенциальные угрозы для экономической стабильности государства.

Ключевые слова: незаконное обналичивание, незаконная банковская деятельность, фирмы-однодневки, выявление и раскрытие кредитно-финансовых преступлений, оперативно-розыскные мероприятия.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя – профессора кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова доктора юридических наук, профессора Васюкова В. Ф.

Для цитирования: Крысина Т. Е. Отдельные аспекты выявления и раскрытия лжедеятельности фирм-однодневок как способа осуществления незаконного обналичивания денежных средств // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 248–254.

SOME ASPECTS OF IDENTIFYING THE FRAUDULENT ACTIVITIES OF ONE-DAY FIRMS AS A WAY TO CARRY OUT ILLEGAL CASH WITHDRAWAL

Tatyana E. Krysina
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

tatyana.krysina.02@mail.ru

Annotation. The presented article examines the concept of «illegal cash withdrawal», including a study of its essential characteristics, a detailed examination of the causes and consequences for the legal and economic spheres. Special attention is paid to identifying typical schemes for carrying out illegal cash withdrawal through the lens of the false

entrepreneurial activities of one-day firms. In the context of market competition, business entities are focused on optimizing profits by reducing costs. In the banking sector, this trend manifests itself in the proliferation of cash withdrawal services provided by organizations with limited authorized capital. Such activities, being economically profitable and in demand in the criminal environment, pose potential threats to the economic stability of the state.

Keywords: illegal cash withdrawal, illegal banking activities, shell companies, identification and disclosure of credit and financial crimes, and operational and investigative measures.

Gratitude: The work was carried out with the support of the scientific supervisor, Professor of the Chair of Criminalistics and Preliminary Investigation at Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, Doctor of Law, Professor Vasyukov V. F.

For citation: Krysin T. E. Some aspects of identifying the fraudulent activities of one-day firms as a way to carry out illegal cash withdrawal // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2026. № 2(107). P. 248–254.

В условиях погони хозяйствующих субъектов за значительной долей доходов, как показывает практика, наблюдается тенденция к возрастанию уровня криминальной активности. Исследование текущих оперативных данных, характеризующих состояние кредитно-финансового сектора, свидетельствует о сохраняющемся и даже усиливающемся внимании к структурам, осуществляющим функции финансового посредничества. В современном правовом пространстве хозяйствующие субъекты, осуществляющие противоправную деятельность в банковской сфере, систематически развивают и внедряют как ранее известные, так и инновационные преступные механизмы обналичивания и транзита денежных средств. Примечательно, что подобные финансовые схемы сохраняют значительный спрос среди руководящего состава юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, стремящихся легализовать неучтенные денежные потоки с целью минимизации налоговых обязательств [1, с. 98].

В рамках рассматриваемой проблемы необходимо подчеркнуть, что в ходе XXVIII Петербургского международного экономического форума, состоявшегося в июне 2025 года, заместитель руководителя Федеральной службы по финансовому мониторингу (далее – Росфинмониторинг) Г. В. Бобрышева предоставила детальный анализ функционирования российской системы противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, акцентируя внимание на ее роли в сокращении масштабов теневой экономики. Вице-глава Службы подчеркнула, что в последние годы наблюдаются существенные трансформации в структуре теневого сегмента экономики. Ранее данный сектор преимущественно формировался за счет так называемых фирм-однодневок; однако в настоящее время отмечается рост участия физических лиц, включающих молодое поколение и миграционные группы[1].

В свете сказанного становится очевидным, что одной из приоритетных функций для сотрудников оперативных подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – ЭБ и ПК МВД России) в контексте выявления и раскрытия противоправных действий в банковской сфере является систематическое документирование фактов фиктивной хозяйственной деятельности, организуемой посредством фирм-однодневок. Следовательно, данные юридические лица используются в целях обналичивания и последующего транзита денежных средств, что представляет собой сложный механизм преступ-

[1] Федеральная служба по финансовому мониторингу: официальный сайт. URL: https://www.fedsfm.ru /releases/8845 (дата обращения: 11.01.2026).

лений, совершаемых в кредитно-финансовой сфере. С практической точки зрения необходимо отметить, что борьба с рассматриваемой группой преступлений сталкивается с серьезными трудностями, что связано прежде всего с отсутствием в российском законодательстве четких определений таких понятий, как «незаконное обналичивание денежных средств» и «фирма-однодневка». Кроме того, сложность выявления и раскрытия экономических преступлений, включая противоправные действия в банковской деятельности, усугубляется недостатком комплексных методологических рекомендаций, например по проведению комплекса гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) и последующего документирования полученных результатов [2, с. 65].

Как уже было отмечено выше, одной из основных целей представленного исследования является комплексное рассмотрение разнообразных научных взглядов на понятие «незаконное обналичивание денежных средств». Таким образом, сформулированное в процессе проведенного анализа определение способствует сотрудникам оперативных подразделений ЭБ и ПК МВД России эффективнее распознавать основные признаки данного противоправного деяния.

В работе А. А. Адамова подчеркивается, что процесс обналичивания денежных средств зачастую осуществляется с нарушением действующих законов и представляет собой экономическую практику, которая противоречит правовым нормам и наносит значительный вред общественным интересам. Исследователь указывает, что такие незаконные действия, направленные на сокрытие налоговой базы и получение наличных, не отражаемых в официальной бухгалтерии, совершаются как предприятиями, так и индивидуальными предпринимателями [3, с. 58].

В юридической и научной доктринальной литературе встречается расширенная трактовка понятия незаконного обналичивания денежных средств, предложенная И. Н. Соловьевым. Согласно данной концепции, описываемое явление представляет собой совокупность действий, которые формально не противоречат требованиям российского законодательства, однако по своей сути заключаются в многократном переводе безналичных денежных сумм через цепочку юридических лиц, осуществляемом по заранее разработанному и строго регламентированному алгоритму. Как констатирует И. Н. Соловьев, такой механизм обеспечивает последующее получение наличных денежных средств, принадлежащих определенным заинтересованным субъектам. Таким образом, описанный механизм имеет ключевое значение не только для сокрытия сведений о реальных владельцах денежных средств в наличной форме, но и для маскировки лиц, участвующих в разработке и реализации функционирования механизмов, обеспечивающих перевод денежных средств из безналичного оборота в наличный [4, с. 10].

При рассмотрении представленных определений становится очевидной их объединяющая характеристика: лица, вовлеченные в незаконные банковские операции, совместно с заинтересованными хозяйствующими субъектами принимают существенные меры для придания своим противоправным действиям видимости законности. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что отсутствие единого и четко сформулированного толкования понятия «незаконное обналичивание денежных средств» создает значительные сложности в практической деятельности сотрудников оперативных подразделений ЭБ и ПК МВД России, а также следственных органов [5, с. 94].

Подытоживая, отметим, что, учитывая проведенный анализ различных точек зрения и выявленные недостатки в существующих подходах, представляется необходимым разработать комплексное определение, которое бы полно и всесторонне отражало сущность процесса незаконного обналичивания денежных средств:

✓ умышленно совершаемая противоправная деятельность, осуществляемая с использованием расчетных счетов подконтрольных фирм-однодневок и индивидуальных предпринимателей, действующих без необходимой регистрации либо без соот-

ветствующей лицензии на ведение банковской деятельности или совершение банковских операций;

✓ данная деятельность заключается в переводе безналичных денежных средств заказчика в наличную форму посредством законно функционирующих кредитно-финансовых учреждений с оформлением документов, создающих видимость легитимных операций;

✓ основной целью таких действий является передача заказчику наличных средств и получение за это дохода в виде процента от суммы незаконно обналиченных денежных средств.

Нельзя не отметить, что в схемах обналичивания денежных средств ключевая роль отводится фирмам-однодневкам, которые могут выполнять различные функции: принимать безналичные платежи, осуществлять транзит денежных потоков (при этом привлекая значительное количество подобных организаций), аккумулировать средства и выдавать наличные деньги. Прибыль, извлекаемая этими компаниями, напрямую зависит от объемов обналичиваемых сумм и представляет собой основной источник неучтенных наличных денежных ресурсов.

Следовательно, факт использования фирм-однодневок подтверждается с практической точки зрения. Так, в 2025 году в ходе совместных мероприятий, проведенных сотрудниками Управления экономической безопасности и противодействия коррупции Главного управления МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области при участии специалистов Росфинмониторинга, была выявлена и пресечена незаконная банковская деятельность. Установлено, что злоумышленники осуществляли незаконное предоставление услуг по переводу безналичных денежных средств в наличные денежные средства. В соответствии с версией правоохранительных органов доход от реализации незаконных банковских операций превышает сумму в 24,5 миллиона рублей. Стоит отметить, что денежные средства первоначально поступали на счета лиц, находящихся под контролем соучастников преступления, после чего обналичивались посредством фирм-однодневок на основе фиктивных документов и передавались клиентам с удержанием комиссии в размере 2,5 % от суммы сделки. В ходе проведения обысков по местам жительства подозреваемых, а также в офисе сотрудниками полиции были выявлены и изъяты документы, электронные носители информации, денежные средства и черновые записи учета, обладающие значением доказательств по делу[1].

Следует подчеркнуть, что деятельность фирм-однодневок преимущественно носит фиктивный характер и не связана с реальным ведением хозяйственной деятельности. Следовательно, юридические лица данного типа не проводят реальные операции, а лишь имитируют их с помощью поддельных документов, касающихся юридических, финансовых и других аспектов. В результате такой фиктивной деятельности отсутствует появление налогооблагаемых объектов, например: продаж товаров, выполнение работ или оказание услуг, а также не формируются имущественные права, прибыль, доходы, расходы и прочие показатели, которые закон требует учитывать для налогообложения [6, с. 35].

В действующем законодательстве отсутствуют четкие и однозначные определения понятия «фирма-однодневка». По оценке И. Н. Соловьева, в схемах обналичивания денежных средств ключевая роль отводится так называемым фирмам-однодневкам, которые на различных этапах реализации таких схем выполняют разнообразные функции: прием безналичных платежей, транзит денежных потоков (при этом может быть задей-

[1] Полиция Петербурга разоблачила теневых банкиров, чей криминальный доход превысил 24,5 млн рублей: МВД Медиа. 2025. URL: https://mvdmedia.ru/-news/operativnye-novosti/politsiya-peterburga-razoblachila-tenevykh-bankirov-chey-krimina-lnyy-dokhod-prevysil-24-5-mln-rubley (дата обращения: 12.01.2026).

ствовано большое количество подобных субъектов), накопление средств и непосредственная выдача наличных. Объем выручки, аккумулируемой этими фирмами, тесно коррелирует с размерами обналичиваемых сумм и выступает основным источником незарегистрированных наличных денежных средств, значительная доля которых направляется на финансирование коррупционных практик различного характера [7, с. 13].

Согласно позиции Т. Г. Валласка, который рассматривает фирмы-однодневки как юридические лица, созданные без реального замысла вести бизнес и не обладающие подлинной независимостью, как правило, такие компании не подают налоговые декларации и оформляются по адресам, где регистрируется множество организаций [8, с. 115].

Важно отметить, что Федеральная налоговая служба России (ФНС России) обращает внимание на определенные критерии, позволяющие распознавать компании, которые созданы не для истинного ведения бизнеса, а для осуществления незаконных банковских операций по обналичиванию денежных средств. Такие критерии бывают как явными, так и скрытыми.

Таким образом, рассмотрим явные признаки компаний-однодневок, знание о которых поможет сотрудникам оперативных подразделений ЭБ и ПК России в кратчайшие сроки и более эффективно выявлять и раскрывать данную категорию преступлений:

- ✓ компания не ведет фактическую финансово-хозяйственную деятельность: нет ни работников, ни офисных помещений, ни производственных ресурсов;
- ✓ открытие фирмы занимает меньше месяца с момента принятия решения о начале реализации деятельности;
- ✓ налоговая отчетность подается при отсутствии реальных финансовых операций или при крайне низкой хозяйственной деятельности;
- ✓ участие в операции с большими финансовыми объемами при отсутствии необходимой организационной базы для их эффективного проведения;
- ✓ взаимосвязь между контрагентами отсутствует, поскольку они представляют разнообразные регионы и обладают различной направленностью деятельности;
- ✓ учредитель и одновременно руководитель фирмы-однодневки формально указан с минимальной заработной платой, однако реальные выплаты ему не производятся (согласно предоставленной справке о доходах его доходы существенно занижены и не соответствуют фактическому положению дел);
- ✓ учредитель (руководитель) организации является массовым регистратором, то есть на его имя может быть зарегистрировано сразу несколько десятков фирм-однодневок.

Из сказанного ранее следует, что одним из ключевых направлений деятельности сотрудников оперативных подразделений ЭБ и ПК МВД России является выявление и отслеживание действий организаторов схем по обналичиванию средств через призму осуществления законной банковской деятельности. Особое внимание уделяется выявлению попыток скрыть свою противоправную деятельность и замаскировать признаки сомнительных операций при помощи реализации форм-однодневок.

Необходимо обратить внимание на то, что чаще всего фирмы-однодневки регистрируются людьми с низким уровнем дохода, получающими за это небольшое вознаграждение. После оформления юридического лица и открытия счетов в банке эти лица оформляют доверенности, позволяющие управлять деятельностью компании и распоряжаться ее денежными средствами. Следовательно, доверенности выдают либо самим организаторам незаконных операций, либо их сообщникам, что способствует осуществлению неправомерных банковских действий. В наши дни наблюдается устойчивая практика, когда фирмы-однодневки регистрируются на родственников или знакомых тех, кто непосредственно вовлеченн в незаконные банковские операции. Речь идет о том, что такая схема позволяет быстро оформлять первичные бухгалтерские докумен-

ты, корректировать уставные сведения, а также осуществлять открытие и закрытие расчетных счетов и ликвидацию юридических лиц.

Нередки случаи, когда фирмы-однодневки регистрируются в одних регионах России, в то время как их реальная деятельность разворачивается в других. Стоит отметить, что такая стратегия применяется с целью уменьшения внимания и контроля со стороны налоговых и правоохранительных органов в отношении совершения незаконных банковских операций. Практика показывает, что фирмы-однодневки, управляемые лицами, замешанными в незаконных банковских операциях, функционируют обычно от одного до двух лет. По истечении этого срока их либо закрывают, либо принимают иные меры по прекращению деятельности. Часто формальными учредителями и руководителями таких «однодневок» становятся малообеспеченные люди, которые получают за это небольшое вознаграждение. В результате документы на эти фирмы оформляются на граждан, не подозревающих о происходящем, поскольку они потеряли паспорта и не уведомили вовремя правоохранительные органы.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что в юридической практике ощущается необходимость введения официальных терминов, описывающих феномены «незаконного обналичивания денежных средств» и использования для реализации данной незаконной деятельности фирм-однодневок. В целях повышения эффективности работы оперативных подразделений ЭБ и ПК МВД России необходимо не только совершенствовать существующие рекомендации реализации ОРМ и документирования полученных результатов, но и создавать принципиально новые подходы к изучению подобных преступлений. Таким образом, комплексная методика выявления и раскрытия экономических преступлений выступает как своевременный и адекватный ответ правоохранительных органов вызовам, связанным с наиболее опасными и социально значимыми формами преступного поведения в современном обществе.

---

1. Поляков Н. В. Документирование лжеэкономической деятельности фирм-однодневок, используемых для осуществления // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2017. № 1(26). С. 98–104.
2. Поляков Н. В. К вопросу о необходимости закрепления понятия незаконного обналичивания денежных средств для успешного раскрытия и расследования преступлений, возбужденных по статье 172 УК РФ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 1(84). С. 64–71.
3. Адамов А. А. Понятие и содержание незаконного «обналичивания» денежных средств в РФ // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2012. № 2(102). С. 58–63.
4. Соловьев И. Н. О некоторых мерах противодействия обналичиванию денежных средств // Налоговая политика и практика. 2011. № 3(99). С. 10–15.
5. Поляков Н. В. К вопросу о субъекте незаконной банковской деятельности // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2017. № 17-1. С. 140–141.
6. Ляскало А. Н. Проблемы применения уголовного закона об ответственности за незаконную банковскую деятельность // Деньги и кредит. 2015. № 2. С. 34–39.
7. Валласк Т. Г. Актуальные вопросы государственного противодействия созданию и незаконной деятельности фирм-однодневок // Криминалистъ. 2012. № 1(10). С. 115–120.
8. Данилова Н. А. Общая типовая программа исследования события с признаками незаконной банковской деятельности // Криминалистъ. 2008. № 2. С. 61–66.

1. Polyakov N. V. Dokumentirovanie lzhee`konomicheskoj deyatel`nosti firm-odnodnevok, ispol`zuemy`x dlya osushhestvleniya // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 1(26). S. 98–104.
2. Polyakov N. V. K voprosu o neobxodimosti zakrepleniya ponyatiya nezakonnogo obnalichivaniya denezhny`x sredstv dlya uspeshnogo raskry`tiya i rassledovaniya prestuplenij, vozbuzhdenny`x po stat`e 172 UK RF // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 1(84). S. 64–71.
3. Adamov A. A. Ponyatie i soderzhanie nezakonnogo «obnalichivaniya» denezhny`x sredstv v RF // Ucheny`e zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social`nogo universiteta. 2012. № 2(102). S. 58–63.
4. Solov`ev I. N. O nekotory`x merax protivodejstviya obnalichivaniyu denezhny`x sredstv // Nalogovaya politika i praktika. 2011. № 3(99). S. 10–15.
5. Polyakov N. V. K voprosu o sub``ekte nezakonnoj bankovskoj deyatel`nosti // Aktual`ny`e problemy` bor`by` s prestupleniyami i iny`mi pravonarusheniyami. 2017. № 17-1. S. 140–141.
6. Lyaskalo A. N. Problemy` primeneniya ugolovnogo zakona ob otvetstvennosti za nezakonnuyu bankovskuyu deyatel`nost` // Den`gi i kredit. 2015. № 2. S. 34–39.
7. Vallask T. G. Aktual`ny`e voprosy` gosudarstvennogo protivodejstviya sozdaniyu i nezakonnoj deyatel`nosti firm-odnodnevok // Kriminalist``. 2012. № 1(10). S. 115–120.
8. Danilova N. A. Obshhaya tipovaya programma issledovaniya soby`tiya s priznakami nezakonnoj bankovskoj deyatel`nosti // Kriminalist``. 2008. № 2. S. 61–66.

Информация об авторе

Татьяна Евгениевна Крысина, адъюнкт.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, г. Орел.
302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Tatyana E. Krysina. Postgraduate student.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 15.05.2026; одобрена после рецензирования 20.05.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was received in the editorial office on 15.05.2026; approved after review on 20.05.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 343.3+343.851+343.985.5

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 282 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кузьмин Николай Александрович[1], Завьялов Иван Александрович[2], Вихляев Александр Александрович[3]

[1]Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[2]Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
[3]Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

[1] kyzminn80@mail.ru
[2] zavyalovivan@yandex.ru
[3] vih.alexander2011@mail.ru

Аннотация. Противодействие экстремистской деятельности религиозных объединений в условиях современных реалий требует комплексного применения сил, средств и методов, имеющихся в арсенале правоохранительных органов. Особое место в противодействии экстремистским угрозам занимает профилактика преступлений экстремистской направленности, осуществляемая оперативными подразделениями органов внутренних дел.

В 2025 году вступили в силу изменения уголовного законодательства, согласно которым даны новые трактовки положений статьи 282 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за преступления, разжигающие ненависть, вражду на религиозной почве и унижающие человеческое достоинство.

Настоящее исследование направлено на осмысление уголовно-правовых инноваций в контексте их применения в оперативно-розыскной профилактике преступлений экстремистской направленности среди религиозных объединений и определение векторов дальнейшего развития оперативно-розыскной науки в условиях модернизации уголовно-правовой политики.

Ключевые слова: экстремистская деятельность, религиозные объединения, оперативно-розыскная профилактика, преюдиция, специальный рецидив.

Для цитирования: Кузьмин Н. А., Завьялов И. А., Вихляев А. А. Отдельные аспекты оперативно-розыскной профилактики преступлений, предусмотренных ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 255–262.

SELECTED ASPECTS OF OPERATIONAL AND SEARCH PREVENTION OF CRIMES PROVIDED FOR IN ARTICLE 282 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Nikolai A. Kuzmin[1], Ivan A. Zavyalov[2], Alexander A. Vikhlyaev[3]

[1, 2]St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

[3] Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya, Moscow, Russia

[1]kyzminn80@mail.ru
[2]zavyalovivan@yandex.ru
[3]vih.alexander2011@mail.ru

Annotation. Counteracting extremist activities of religious associations in the context of modern realities requires the comprehensive use of forces, means and methods available in the arsenal of law enforcement agencies. A special place in counteracting extremist threats is occupied by the prevention of extremist crimes carried out by operational units of the internal affairs bodies.

In 2025, amendments to the criminal legislation came into force, according to which new interpretations of the provisions of Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation were given, which provides for criminal liability for crimes inciting hatred, enmity on religious grounds and degrading human dignity.

This study is aimed at understanding criminal law innovations in the context of their application in operative and detective prevention of extremist crimes among religious associations and determining the vectors of further development of operative and detective science in the context of the modernization of criminal law policy.

Keywords: extremist activity, religious associations, operative and detective prevention, prejudice, special recidivism.

For citation: Kuzmin N. A., Zavyalov I. A., Vikhlyaev A. A. Certain aspects of operative and detective prevention of crimes provided in Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2026. № 2(107). P. 255–262.

На протяжении последних лет в Российской Федерации отмечается рост различных преступлений экстремистской направленности, совершаемых на религиозной почве или с участием последователей религиозных объединений. Противоправная деятельность религиозных объединений сопровождается не только злоупотреблениями свободы совести и вероисповедания, распространением религиозного экстремизма, совершением криминальных действий религиозного характера, деструктивно влияющих на духовно-нравственную жизнь общества, но и нередко заключается в совершении иных общественно опасных деяний, объектами преступной деятельности которых выступают жизнь и здоровье человека, конституционные права граждан, общественный порядок, безопасность и суверенитет государства.

По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации[1] за 2024 год рост преступлений экстремистской направленности религиозного характера был отмечен более чем в 30 субъектах Российской Федерации, большинство из которых было выявлено в республике Дагестан – 24 (+33,3 %), Пермском – 26 (+333,3 %) и Хабаровском – 21 (+133,3 %) краях, в Московской области – 27 (+17,4 %) и в Санкт-Петербурге – 20 (+100 %).

Также отмечается рост выявленных преступлений по ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)[2], предусматривающей уголовную ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства

[1] Официальный сайт МВД России. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics (дата обращения: 15.12.2025).
[2] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 182-ФЗ. Доступ из справ. -правовой системы «Гарант».

(по данным за 2024 год количество таких преступлений возросло на 48,8 %), и по ст. 282.3 УК РФ (за отчетный период было выявлено фактов финансирования экстремистской деятельности на 13 % больше в сравнении с показателями предыдущего года).

Использование возможностей сети Интернет для распространения деструктивной религиозной идеологии создает благоприятную почву для целенаправленной вербовки новых последователей, координации их действий при планировании и осуществлении экстремистской деятельности. Наиболее распространенными формами таких коммуникаций выступают использование мессенджеров с возможностями шифрования данных (Telegram, Signal), социальных сетей и публичных форумов, распространение цифровых копий экстремистских материалов, в том числе оффлайн-подкастов и прямых онлайн-трансляций (стримов) для осуществления так называемых дистанционных проповедей.

Так, в июне 2024 года была пресечена деятельность оккультной организации Елены Суликовой[1], которая в сети Интернет не только осуществляла распространение экстремистской литературы, содержащей призывы к насильственным действиям в отношении священнослужителей, но и разместила на видеохостинге YouTube в своем подкасте видеоматериалы «Дьявол внутри религии!», содержащие высказывания, унижающие религиозные чувства верующих. Действия Е. Суликовой были квалифицированы по п. «а» ч. 2 ст. 282 и ч. 1 ст. 148 УК РФ.

Дистанционные формы осуществления проповедей, направленных на разжигание межконфессиональной розни, в сети Интернет используются религиозными объединениями, исповедующими и распространяющими радикальную форму ислама – салафизм.

Большое влияние на территории Северного Кавказа и среди мигрантов, выходцев из Центральной Азии, имеют международные экстремистские религиозные объединения – Ат-такфир Валь-Хиджра, Нурджулар, Джамаат Таблиги и Хизб ут-Тахрир аль-Ислами, – последователи которых нередко принимают участие в терактах, диверсионных операциях и иных преступлениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность на территории нашей страны. В частности, последователи указанных экстремистских религиозных объединений были задержаны в различных субъектах Российской Федерации, а факты распространения экстремистских материалов и дистанционных проповедей изобличались в местах лишения свободы и в мигрантской среде (на мобильных устройствах, в молельных домах, квартирах и пр.).

В феврале 2024 года в Татарстане был задержан лидер и члены ячейки Хизб ут-Тахрир аль-Ислами, которые на протяжении трех лет осуществляли вербовку новых последователей, обеспечивали финансирование экстремисткой деятельности организации и ее отдельных ячеек в Набережных Челнах и Елабуге, распространяли материалы экстремистского содержания[2].

Как можно отметить, экстремистская деятельность религиозных объединений имеет в основе своей гибридный характер и выражается не только в религиозно-экстремистских проявлениях, но и сочетает в себе черты политического и криминального экстремизма, направленные на разжигание межконфессиональной розни, межэтнической вражды и унижение человеческого достоинства.

Наравне с мерами уголовного характера в отношении лиц, совершающих правонарушения экстремистской направленности, применяются меры административного воздействия. Так, в период с 2022 по 2024 гг. по ст. 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), предусматривающей юри-

[1] Следствие нашло заговор от потомственной ведьмы. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6747050 (дата обращения: 18.12.2025).

[2] Силовики задержали лидеров и членов террористической организации. URL: https://lenta.ru/news/2024/02/05/siloviki-zaderzhali-liderov-i-chlenov-terroristicheskoy-organizatsii (дата обращения: 18.12.2025).

дическую ответственность за нарушение законодательства о свободе совести, вероисповедания и о религиозных объединениях, привлечено к административной ответственности 599 правонарушителей, из которых 205 религиозных объединений. По ст. 20.3.1 КоАП РФ привлечено к административной ответственности 6 религиозных объединений[1].

Практика деятельности оперативных подразделений показывает, что применение административной ответственности как элемента оперативно-розыскной профилактики является эффективным инструментом противодействия преступлениям, предусмотренным ст. 282 УК РФ.

Такой правоприменительной практике во многом способствует содержание норм действующего законодательства. Так, в 2025 году вступил в законную силу Федеральный закон[2], предусматривающий новые условия наступления уголовной ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства.

Так, ч. 1 ст. 282 УК РФ была дополнена положениями, касающимися обстоятельств преступления, среди которых предусмотрены: совершение преступления лицом, ранее подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние либо имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного статьями 282, 280 и 282.4 УК РФ, а также действия, сопряженные с оправданием или пропагандой применения насилия либо угрозы его применения в процессе осуществления общественно опасного деяния, охватываемого диспозицией настоящей статьи УК РФ.

Под аналогичным деянием в контексте административной множественности законодатель предусматривает публичные действия лица, за которые ранее оно привлекалось к административной ответственности по ст. 20.3.1 КоАП РФ за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, при условии, если в отношении этого лица вступило в законную силу решение суда и оно совершило повторные действия в течение одного года с момента назначения ему административного наказания. Таким образом, законодателем в данном аспекте реализуется преюдиционный порядок привлечения к уголовной ответственности.

Между тем, интерес представляет второе условие наступления уголовной ответственности по ст. 282 УК РФ, согласно которому лицо должно иметь судимость за совершение преступления, предусмотренного данной статьей или статьями 280 и 282.4 УК РФ.

В отличие от административной преюдиции, данное правовое явление не нашло единого понимания среди ученых. Одни авторы именуют его «уголовной преюдицией» [1, с. 36], другие – усматривают в нем принципиально новую форму множественности [2, с. 78]. Мы склоняемся к мнению ученых, отмечающих эту правовую форму как «специальный рецидив» [3, с. 47].

Наличие судимости за совершение однородных преступлений экстремистской направленности, прямо перечисленных в диспозиции статьи, как квалифицирующий признака преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, по нашему мнению, позволит более детально подходить к квалификации указанного состава, расширит возможности оперативно-розыскной профилактики и усилит превентивную составляющую по аналогии с административной преюдицией.

Федеральный закон «Об основах системы профилактики»[3] предусматривает широкий спектр мер профилактического воздействия, которые могут быть применены

---

[1] Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/index.php?id (дата обращения: 19.12.2025).

[2] О внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 24 июня 2025 г. № 173-ФЗ. Доступ из справ. -правовой системы «Гарант».

[3] Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ. Доступ из справ. -правовой системы «Гарант».

к объекту профилактики, в числе которых профилактический учет, специальный профилактический надзор, официальное предостережение, представление и пр.

Органами внутренних дел осуществляются практически все формы профилактического воздействия, наиболее распространенной из которых является профилактический учет. Правоприменительная практика показывает, что данный вид учета осуществляется в отношении широкого круга объектов профилактики – как в отношении отдельных граждан, так и различных объединений. Уже сейчас успешно функционирует институт профилактики лиц, ранее привлекавшихся к юридической ответственности за совершение административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, ведутся электронные реестры таких лиц.

Наряду с этим, подразделения по противодействию экстремизму на местах активно пользуются возможностями института административной ответственности и иными мерами административного характера (институтом представления, официального предостережения, профилактического учета) для недопущения совершения преступлений экстремистской направленности на территориях обслуживания.

Общественно опасное деяние, уголовная ответственность за которое предусмотрена ст. 282 УК РФ, образует один из самых распространенных составов преступления экстремистской направленности, совершаемых последователями религиозных объединений.

Новелла, предусматривающая специальный рецидив в контексте квалификации деяния по признакам рассматриваемого состава преступления, также, по нашему мнению, имеет важное значение для осуществления профилактики экстремизма в современных условиях, что подтверждается приведенными ранее данными статистики.

Судимость выступает в качестве квалифицирующего признака деяния, предусмотренного п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ. Отметим, что, согласно ст. 86 УК РФ, лицо, осужденное за совершение преступления, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу до момента погашения или снятия судимости. Такая судимость в соответствии с УК РФ учитывается при рецидиве преступлений, назначении наказания и влечет за собой иные правовые последствия в случаях и в порядке, которые установлены федеральным законодательством, что позволяет в контексте рассматриваемой статьи считать такую форму множественности – специальным рецидивом.

Не менее актуальным, по нашему мнению, выглядит положение, дополнившее п. «б» ч. 1 ст. 282 УК РФ, согласно которому уголовно-наказуемыми признаются действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в том числе с использованием средств массовой инфор¬мации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, сопряженные с оправданием или пропагандой применения насилия либо угрозы его применения.

Мы полагаем, что дополнение Уголовного кодекса Российской Федерации положениями данного содержания заставит по-новому взглянуть на возможности оперативно-розыскного мониторинга информационно-телекоммуникационного пространства, в том числе сети Интернет.

Так, в процессе его осуществления можно будет проводить: изучение сетевых ресурсов, связанных с деятельностью религиозных объединений, совершающих преступления, предусмотренные ст. 282 УК РФ; наблюдение за закрытыми для общего доступа местами сетевого общения лиц, представляющих оперативный интерес; автоматизированный поиск сетевых ресурсов, содержащих информацию, запрещенную или ограниченную к распространению, включая сведения, имеющие признаки межконфессиональной ненависти либо вражды, унижения человеческого достоинства в религиозной сфере [4, с. 54].

Отметим, что рассматриваемая уголовно-правовая новелла, прямо определившая, за какие противоправные действия в информационно-телекоммуникационном пространстве лицо будет подлежать уголовной ответственности, расширяет для оперативных подразделений возможности поиска, документирования обстоятельств противоправного поведения, содержащего признаки общественно опасного деяния, осуществления общей и индивидуальной превенции преступлений, предусмотренных ст. 282, 280 и 282.4 УК РФ.

Между тем, дополнение ч. 2 ст. 282 УК РФ положениями относительно новых для данной нормы форм соучастия – группы лиц и группы лиц по предварительному сговору – также дает возможность осуществления комплексной оперативно-розыскной профилактики, позволяя осуществлять непосредственное наблюдение за деятельностью малых религиозных объединений и стихийных групп, в отношении членов которых имеются основания полагать о подготовке ими и совершении общественно опасных деяний, предусмотренных указанной статьей Уголовного кодекса.

Исследование показало, что рассмотренные уголовно-правовые новеллы имеют высокую значимость для оперативно-розыскной деятельности. Фактическое расширение признаков объективной стороны преступлений, связанных с возбуждением ненависти либо вражды, а равно унижением человеческого достоинства, раскрыло новые возможности для осуществления оперативно-розыскного противодействия преступлениям экстремистской направленности, совершаемым религиозными объединениями, как с использованием сил и средств оперативно-розыскной деятельности, так и посредством имплементации в оперативно-розыскную профилактику методик административно-преюдиционного контроля, института административной ответственности и профилактического мониторинга.

---

1. Антонова Е. Ю. Теория опасного состояния личности и ее влияние на современное уголовное законотворчество: постановка проблемы // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 4. С. 354.
2. Сипягина М. Н. Судимость как квалифицирующий признак состава преступления в современном уголовном законодательстве // Журнал правовых и экономических исследований. 2017. № 1. С. 78.
3. Корнеева А. В. Уголовная и административная преюдиция – возврат к теории опасного состояния личности? // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2023. № 1. С. 47.
4. Вихляев А. А. Особенности реализации оперативными подразделениями поиска по открытым источникам и осуществления иных мер по оперативно-разыскному мониторингу экстремистской деятельности религиозных объединений в информационно-телекоммуникационном пространстве // Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности: взаимодействие науки, нормотворчества и практики: Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 19 июня 2024 года. М.: Московский университет МВД РФ имени В. Я. Кикотя, 2024. С. 54.
5. Флоря Д. Ф., Рудов Д. Н. Молодежный экстремизм: криминологический портрет личности преступника // Современное общество и право. 2024. № 1(68). С. 124–131.
6. Мирошниченко Д. В. О месте уголовной преюдиции в системе правовых преюдиций // Евразийская адвокатура. 2017. № 2(27). С. 36.
7. Поддубный И. В., Флоря Д. Ф. Некоторые особенности раскрытия преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2023. № 2(95). С. 259–266.

8. Сущенко С. А. Представление результатов оперативно-разыскной деятельности: современное состояние и проблемы // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 471–476.

1. Antonova E. Yu. Teoriya opasnogo sostoyaniya lichnosti i ee vliyanie na sovremennoe ugolovnoe zakonotvorchestvo: postanovka problemy` // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2023. T. 17. № 4. S. 354.
2. Sipyagina M. N. Sudimost` kak kvalificiruyushhij priznak sostava prestupleniya v sovremennom ugolovnom zakonodatel`stve // Zhurnal pravovy`x i e`konomicheskix issledovanij. 2017. № 1. S. 78.
3. Korneeva A. V. Ugolovnaya i administrativnaya preyudiciya – vozvrat k teorii opasnogo sostoyaniya lichnosti? // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke. 2023. № 1. S. 47.
4. Vixlyaev A. A. Osobennosti realizacii operativny`mi podrazdeleniyami poiska po otkry`ty`m istochnikam i osushhestvleniya iny`x mer po operativno-razy`sknomu monitoringu e`kstremistskoj deyatel`nosti religiozny`x ob``edinenij v informacionno-telekommunikacionnom prostranstve // Voprosy` sovershenstvovaniya pravooxranitel`noj deyatel`nosti: vzaimodejstvie nauki, normotvorchestva i praktiki: Sbornik nauchny`x trudov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 19 iyunya 2024 goda. M.: Moskovskij universitet MVD RF imeni V. Ya. Kikotya, 2024. S. 54.
5. Florya D. F., Rudov D. N. Molodezhny`j e`kstremizm: kriminologicheskij portret lichnosti prestupnika // Sovremennoe obshhestvo i pravo. 2024. № 1(68). S. 124–131.
6. Miroshnichenko D. V. O meste ugolovnoj preyudicii v sisteme pravovy`x preyudicij // Evrazijskaya advokatura. 2017. № 2(27). S. 36.
7. Poddubny`j I. V., Florya D. F. Nekotory`e osobennosti raskry`tiya prestuplenij, sovershaemy`x s ispol`zovaniem informacionno- telekommunikacionny`x texnologij // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2023. № 2(95). S. 259–266.
8. Sushhenko S. A. Predstavlenie rezul`tatov operativno-razy`sknoj deyatel`nosti: sovremennoe sostoyanie i problemy` // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2025. № 4(105). S. 471–476.

Информация об авторах

Николай Александрович Кузьмин. Ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы, доктор юридических наук, профессор.

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации.
190000, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 96.

Иван Александрович Завьялов. Ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы, доктор юридических наук, доцент.

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации.
190000, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 96.

Александр Александрович Вихляев. Адъюнкт.
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя.
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Information about the authors

Nikolai A. Kuzmin. Leading Researcher of the Research Laboratory of the Faculty of Training Scientific and Pedagogical Personnel and Organization of Research Work, Doctor of Sciences (Law), Professor.

St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

190000, St. Petersburg, 96 Moika Embankment.

Ivan A. Zavyalov. Leading Researcher of the Research Laboratory of the Faculty of Training Scientific and Pedagogical Personnel and Organization of Research Work, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor.

St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

190000, St. Petersburg, Moika River Embankment, 96.

Alexander A. Vikhlyaev. Postgraduare student.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya.

117997, Moscow, Akademika Volgina Str., 12.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors contributed equally to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 09.04.2026; одобрена после рецензирования 15.05.2026; принята к публикации 13.07.2026.

The article was received in the editorial office on 09.024.2026; approved after review on 15.05.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 343.3

ПРАВОНАРУШЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: ПРАВОВЫЕ РАМКИ И КЛАССИФИКАЦИЯ

Медведева Татьяна Викторовна
Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия

Taniavbel@yandex.ru

Аннотация. В условиях глобализации и усиления миграционных потоков проблема экстремистской деятельности иностранных граждан на территории Российской Федерации приобретает особую актуальность. Экстремизм, проявляемый иностранными лицами, имеет специфические характеристики, обусловленные транснациональным характером современных угроз, использованием международных коммуникационных сетей и особенностями правового статуса нерезидентов. Статья посвящена систематизации и анализу видов правонарушений экстремистской направленности, совершаемых иностранными гражданами в России, а также выявлению их особенностей и тенденций. Эффективное противодействие правонарушениям экстремистской направленности требует комплексного подхода, включающего в себя совершенствование правовой базы, укрепление межведомственного и международного взаимодействия, усиление профилактической работы с иностранными гражданами, направленной на их интеграцию и недопущение радикализации.

Ключевые слова: экстремизм, иностранные граждане, миграция, экстремистская деятельность, национальная безопасность, административные правонарушения, административная ответственность, пропаганда, символика.

Для цитирования: Медведева Т. В. Правонарушения экстремистской направленности: правовые рамки и классификация // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 263–271.

EXTREMIST OFFENSES: LEGAL FRAMEWORK AND CLASSIFICATION

Tatyana V. Medvedeva
Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Belgorod, Russia

Taniavbel@yandex.ru

Annotation. In the context of globalization and increased migration flows, the problem of extremist activities by foreign citizens in the Russian Federation has become particularly relevant. Extremism by foreign individuals has specific characteristics due to the transnational nature of modern threats, the use of international communication networks, and the legal status of non-residents. This article aims to systematize and analyze the types of extremist offenses committed by foreign citizens in Russia, as well as identify their specific features and trends. The conclusion is made that effective counteraction to extremist offenses requires a comprehensive approach that includes improving the legal

framework, strengthening interdepartmental and international cooperation, and intensifying preventive work with foreign citizens aimed at their integration and preventing radicalization.

Keywords: extremism, foreign citizens, migration, extremist activities, national security, administrative offenses, administrative liability, propaganda, symbols.

For citation: Medvedeva T. V. Extremist-oriented offenses: legal frameworks and classification // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2026. № 2(107). P. 263–271.

Человечество на современном этапе столкнулось с новыми вызовами, масштаб и опасность которых ранее не были столь очевидны. Одним из наиболее опасных феноменов XXI века стал экстремизм, эволюционировавший в универсальный инструмент радикальных сил для насильственного разрешения политических, религиозных и социальных противоречий. Его проявления, которые принимают открытые и жестокие формы, угрожают основам гражданского мира и стабильности, а процессы глобализации трансформируют локальные конфликты в угрозы международной безопасности.

В современных условиях экстремизм утратил четкую географическую, этническую или конфессиональную принадлежность, превратившись в транснациональную идеологию насилия. Он представляет собой прямую опасность для национальной безопасности любого государства. Трагический опыт многих стран, переживших последствия деятельности экстремистских групп, демонстрирует всю глубину угрозы, нависшей над фундаментальными ценностями правового общества.

Понятие экстремизм происходит от латинского (extremus – крайний) – приверженность крайним взглядам и в особенности мерам (обычно в политике). Среди таких мер можно отметить организацию беспорядков, гражданское неповиновение, террористические акции, методы партизанской войны. Наиболее радикально настроенные экстремисты часто отрицают в принципе какие-либо компромиссы, переговоры, соглашения. Росту экстремизма обычно способствуют социально-экономические кризисы, резкое падение жизненного уровня основной массы населения. В таких ситуациях крайние меры могут стать для некоторых лиц и организаций единственной возможностью реально повлиять на ситуацию, особенно если складывается революционная ситуация или государство охвачено длительной гражданской войной – можно говорить о «вынужденном экстремизме» [1, с. 65].

Экстремистские акты можно определить более точно, опираясь на два основных критерия: они не только используются в качестве прямого способа достижения политических, идеологических и социальных целей, но и являются инструментом публичности и устрашения, а также они направлены на то, чтобы причинить вред не непосредственному противнику, а другим людям[1].

Первая цель экстремистских актов – не непосредственный физический вред, а их психологическое воздействие с точки зрения привлечения общественного внимания и подрыва авторитета государства в обеспечении безопасности своих граждан.

Современный период социально-политического развития общества характеризуется глубоким кризисом в области идеологии, нарушением духовного единства различных слоев и групп общества. В связи с этим возникают различные идеологические течения, развивающие и распространяющие, в том числе и в Российской Федерации, идеи экстремизма. Приходится констатировать, что на данный момент в России все еще сохраняются условия для вовлечения в экстремистскую деятельность отдельных слоев населения: граждан, потерявших идеологическую ориентацию и социальную опору;

[1] О противодействии экстремистской деятельности: Федер. закон Рос. Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

лиц, поддающихся внушению; современной молодежи, которая не имеет достаточного образования и жизненного опыта. Эти лица могут быть использованы в основном для организации и проведения несогласованных публичных мероприятий (включая протестные акции), массовых беспорядков, а также подготовки подпавших под влияние лиц к совершению террористических актов. В связи с этим крайне важной является проблема установления механизма и степени влияния идеологии экстремизма на детей и молодежь, особенно через средства массовой информации и информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, в целях обучения и подготовки из них террористов-одиночек [2, с. 55]. Следует констатировать, что современный экстремизм отличается идеологическими установками, содержательная основа которых уже не носит столь ярко выраженный, как раньше, религиозный оттенок. Анализируя экстремизм как самобытное деструктивное явление, можно констатировать, что общим для всех его проявлений остается глобальная угроза безопасности человечеству.

Независимо от конкретной формы проявления, сущность экстремизма всегда связана с насилием, причинением страданий и тактикой устрашения. Его ключевая особенность как идеологии и практики заключается в целенаправленном воздействии на общественное сознание с целью вызвать состояние подавленности, атмосферу страха и паники, что используется для достижения политических или иных целей. Сложность противодействия этому явлению усугубляется тем, что экстремистская идеология представляет собой сложную систему разнородных взглядов, а ее носители – это представители определенных социокультурных групп, чьи преступные убеждения формируются под влиянием специфических причин, мотиваций и механизмов самооправдания. Для осмысления столь многогранного феномена, включающего разнообразные доктрины и методы действий, уже недостаточно ограничиваться лишь общими теоретическими рассуждениями.

В современных условиях идеологи экстремизма активно используют разнообразные инструменты для легитимации и укрепления своих деструктивных доктрин, стремясь представить их в качестве системы убеждений. В этом процессе особая, амбивалентная роль отводится религии. Радикалы, опираясь на искаженные трактовки, эксплуатируют религиозные догматы для идеологического обоснования террора, прикрываясь ложно интерпретированными сакральными понятиями с целью оправдания преступлений. Важно понимать, что подлинный ислам, например, предполагает не механическое следование тексту, а глубокое осмысление его смыслов. Однако приверженцы экстремистских взглядов сознательно выхватывают из таких фундаментальных концепций, как джихад, шахидат, такфир или газават, лишь те аспекты, которые служат призывом к конфронтации с теми, кого они произвольно объявляют «врагами веры» [3, с. 248].

В современном мире носителями экстремизма и терроризма являются молодые люди, часто социально дезориентированные, лишенные перспектив экономического, культурного развития и возможности политической карьеры. В работе с ними важно использование различных средств, методов, форм противодействия идеологии экстремизма. Здесь существенна опора на этнические, религиозные и культурные ценности, имеющие нравственно-гуманистический, общечеловеческий смысл. Российская Федерация, как и другие государства, выстраивает комплексную систему противодействия этому злу. Помимо уголовной ответственности за наиболее тяжкие деяния, ключевую превентивную и регулятивную роль играет административное законодательство. Оно призвано пресекать и наказывать действия, создающие питательную среду для экстремизма, на ранней стадии, до их перерастания в преступления [4].

В последние годы в России наблюдается рост различного рода экстремистских проявлений, что вызывает обоснованные и серьезные опасения как у граждан, так и со стороны правоохранительных органов. За осуществление экстремистской деятельности граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без граж-

данства несут ответственность в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Эскалация экстремистских проявлений и усложнение методов деятельности деструктивных групп в России формируют запрос на качественное изменение подходов со стороны правоохранительной системы. Это, в свою очередь, актуализирует необходимость укрепления роли и повышения вовлеченности институтов гражданского общества в профилактическую работу.

На расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации Президент России В. В. Путин отметил, что комплексная, системная, современная, можно сказать, умная и гибкая работа необходима в борьбе с экстремизмом. За последний год количество преступлений экстремистской направленности, к сожалению, выросло. Задача МВД – жестко пресекать любые проявления русофобии, ксенофобии, религиозной вражды, расширять профилактическую работу в этой сфере, оперативно выявлять тех, кто стремится раскачать ситуацию в России, в нашем обществе [5].

Противодействие экстремизму требует комплексного правового подхода, в котором административная ответственность играет ключевую роль наряду с уголовной. Она выступает необходимым инструментом, обеспечивающим оперативное реагирование на противоправные деяния для их немедленного пресечения и профилактики. Благодаря своей процедурной гибкости институт административной ответственности позволяет государству эффективно и в кратчайшие сроки достигать правовых целей. Многие проявления экстремизма не достигают той степени общественной опасности, которая необходима для уголовного преследования [6, с. 136]. В таких ситуациях, когда действия носят экстремистский характер, но не образуют состав преступления, вступают в силу именно меры административно-правового воздействия. Административное правонарушение экстремистской направленности – это противоправное, виновное действие (бездействие), посягающее на общественные отношения, гарантирующие государственную и общественную безопасность, равенство прав и свобод человека, но не достигшее в силу малозначительности или иных признаков степени общественной опасности, характерной для преступления. Ключевым отличием от уголовных преступлений является степень общественной опасности. Административные проступки, даже экстремистской окраски, рассматриваются как менее опасные. Субъектами таких правонарушений могут быть как граждане Российской Федерации, так и иностранные граждане, лица без гражданства, должностные лица и юридические лица. Для иностранцев часто дополнительным последствием становится административное выдворение за пределы Российской Федерации [7, с. 176].

Прежде чем начать обсуждение конкретных административных правонарушений, хотелось бы отметить, что административную ответственность несут граждане, достигшие 16 лет. Ответственность за такие правонарушения установлена Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. Рассмотрим виды административных правонарушений экстремистской направленности (классификация по объекту посягательства).

К первой группе относятся правонарушения, связанные с пропагандой и публичной демонстрацией экстремистской символики и атрибутики.

Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещен федеральными законами, регулируется статьей 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, что влечет штрафы, обязательные работы или арест до 15 суток с конфискацией предметов. Хотелось бы обратить внимание,

что ответственность включает как само демонстрирование, так и изготовление и сбыт такой атрибутики в целях пропаганды[1].

Статья 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» дает нам определение, что такое символика экстремистской организации – символика, описание которой содержится в учредительных документах организации, в отношении которой по основаниям, предусмотренным указанным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности[2].

Производство и распространение экстремистских материалов регулируются статьей 20.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, то есть массовое распространение экстремистских материалов, включенных в опубликованный федеральный список экстремистских материалов, иных экстремистских материалов, указанных в пункте 3 статьи 1 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», либо их производство или хранение в целях массового распространения. Пункт 3 статьи 1 указанного закона также дает нам определение экстремистских материалов – предназначенные для распространения либо публичного демонстрирования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, выступления, изображения руководителей групп, организаций или движений, признанных преступными в соответствии с приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Нюрнбергского трибунала), выступления, изображения руководителей организаций, сотрудничавших с указанными группами, организациями или движениями, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

К другой группе относятся правонарушения, связанные с публичными призывами, действиями и распространением информации – это самая обширная группа, затрагивающая сферу публичных коммуникаций и интернет-пространства.

Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 20.3.1 КоАП РФ). Ответственность наступает за призывы, адресованные неопределенному кругу лиц, в том числе в интернете.

Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства регулируются статьей 20.3.1 КоАП РФ. Если такие действия совершаются публично (в том числе в интернете), они влекут штраф, обязательные работы или арест для граждан, а для юридических лиц – более крупные штрафы[3]. В настоящее время эти деяния чаще квалифицируются по уголовной статье, но могут образовывать административный состав при отсутствии отягчающих признаков (например, отсутствие угрозы насилия, публичности).

Распространение владельцем аудиовизуального сервиса информации, содержащей публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, материа-

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[2] О противодействии экстремистской деятельности: Федер. закон Рос. Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

лов, публично оправдывающих терроризм, или других материалов, призывающих к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности (ст. 13.37.1 КоАП РФ).

Неисполнение обязанностей по удалению или ограничению доступа к информации, признанной экстремистской, возлагается на владельцев сайтов, хостинг-провайдеров, операторов связи.

Дела об административных правонарушениях экстремистской направленности рассматриваются в суде. В некоторых случаях суды используют в качестве доказательств не заключение эксперта, а предварительное исследование, проведенное по инициативе сотрудников полиции или ФСБ России, выявивших факт распространения экстремистских материалов.

Типичными санкциями по данным статьям являются значительные административные штрафы (для граждан – до 1 млн руб. или пятикратный размер причиненного ущерба, для юридических лиц – до 5 млн руб.), административный арест (до 15 суток), дисквалификация (для должностных лиц) или приостановление деятельности (для организаций и ресурсов). Важно отметить, что для эффективного применения мер необходимо наличие четких доказательств, подтверждающих факт совершения правонарушения.

Отметим, что важно понимать грань между административным правонарушением и уголовным преступлением. Основной критерий различия – характер и степень общественной опасности. Например, единичное распространение экстремистского материала может повлечь административный штраф (ст. 20.29 КоАП), а его систематическое производство в крупных масштабах или организация деятельности экстремистского сообщества – уже уголовное преступление (ст. 282.1 УК РФ). Также при повторном совершении правонарушения, предусмотренного ст. 20.3 КоАП, лицом, уже привлекавшимся к административной ответственности, может квалифицироваться как преступление по статье 282.4 УК РФ.

Из выступления главы МВД Российской Федерации Владимира Колокольцева на заседании комитета Госдумы по безопасности и противодействию коррупции следует, что количество зарегистрированных МВД Российской Федерации преступлений экстремистской направленности в стране в 2025 году выросло на 20 %. Выявляются противоправные деяния на ранней стадии, в том числе инициируется блокировка информации в сети Интернет. Колокольцев также отметил, что реализация системных мер, включая законодательство, позволила не допустить крупных конфликтов и беспорядков на почве национальной и религиозной вражды[1].

Заместитель секретаря Совета безопасности Российской Федерации Александр Гребенкин говорит, что в структуре преступлений экстремистского характера преобладают уголовные дела за возбуждение ненависти или вражды и унижение человеческого достоинства, а также за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности[2].

В контексте актуальности рассматриваемой темы, представляется целесообразным обратиться к судебной практике по делам, связанным с производством и распространением экстремистских материалов (ст. 20.29 КоАП РФ). Решение мирового судьи одного из участков г. Екатеринбурга в отношении гражданина Кыргызстана. В ходе проверки миграционного законодательства в его съемной квартире были обнаружены печатные брошюры и USB-накопители с видеозаписями, которые были включены в Федеральный список экстремистских материалов (религиозные тексты, признанные

[1] Выступление. Совбез России. URL: http://www.scrf. gov.ru/news/speeches/3797 (дата обращения: 30.03.2025).
[2] МВД в 2025 году зарегистрировало на 20 % больше экстремистских преступлений. URL: https://tass.ru/proisshestviya/26495445 (дата обращения: 26.03.2026).

судами как призывающие к вражде). Гражданин объяснил, что привез их для личного пользования и изучения. Однако суд квалифицировал хранение с целью распространения (исходя из большого количества копий) как правонарушение. Ему был назначен крупный административный штраф с последующим принудительным выдворением как лицу, совершившему правонарушение, посягающее на общественный порядок [8].

Рассмотрим следующий пример, касающийся демонстрации нацистской атрибутики (ст. 20.3 КоАП РФ). Постановление по делу об административном правонарушении в отношении гражданина Молдовы, находившегося в Российской Федерации по работе (г. Санкт-Петербург). Он разместил в своем публичном профиле в Instagram фотографию с нанесенной на одежду символикой, сходной до степени смешения с нацистской свастикой. На жалобы пользователей администрация социальной сети не отреагировала. Правоохранительные органы Российской Федерации составили протокол. Суд признал его виновным и назначил наказание в виде административного ареста на 15 суток с последующим аннулированием разрешения на работу и выдворением [8].

Как следует из судебных практик, к иностранным гражданам часто применяются дополнительные меры к основному наказанию: принудительное выдворение (депортация) и запрет на въезд в Российскую Федерацию на длительный срок (часто 5–10 лет или бессрочно). Подавляющее большинство дел, особенно по ст. 280 и 282 УК РФ, связано с деятельностью в социальных сетях и мессенджерах, что стирает границы. Значительная часть дел против иностранцев связана с религиозным экстремизмом (салафизм, хизбут-тахрировская идеология), а не с этническим национализмом. А также существует проблема доказывания субъективной стороны (знал ли обвиняемый о запрете материалов, имел ли умысел на возбуждение вражды) и экспертизы (лингвистическая, религиоведческая), которая является основным доказательством. Адвокаты часто пытаются оспорить выводы экспертов.

Нельзя не отметить, что важным инструментом в борьбе с экстремизмом стало законодательное регулирование интернет-пространства. Актуальные вызовы в сфере противодействия экстремизму обуславливают необходимость разработки государством новых профилактических механизмов. Одной из таких мер, вступивших в силу с 2025 года, стало установление административных штрафов за целенаправленные действия по поиску и распространению в интернете материалов экстремистского характера, а также за применение специальных средств (например, VPN-сервисов) для обхода блокировок и получения доступа к запрещенной информации (ст. 13.53 КоАП РФ). Правовые нормы фиксируют ответственность за ознакомление с контентом, включенным Министерством юстиции Российской Федерации в федеральный список экстремистских материалов, независимо от его формата (текстового, аудио- или видеоряда). Данная законодательная новелла существенно усиливает потенциал правоохранительных органов в части предупреждения и нейтрализации идеологических основ экстремистской деятельности.

Председатель комитета Госдумы по информационной политике, информационным технологиям и связи Сергей Боярский отмечает, что закон предусматривает наказание за намеренный поиск и использование экстремистских материалов, которые находятся в списке Минюста. По его словам, этот перечень насчитывает около 5,5 тыс. материалов. Боярский подчеркивает, что новые меры не предполагают наложение штрафов за использование VPN для доступа к социальным сетям Instagram и Facebook (принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской организацией; деятельность на территории Российской Федерации запрещена)[1].

[1] Интерфакс. URL: https://www.interfax-russia.ru/main/zakon-o-shtrafah-za-poisk-v-internete ekstremistskih-materialov-i-reklamu-vpn-odobren-sovfedom (дата обращения: 12.04.2026).

В заключение необходимо отметить, что экстремизм обладает тотально разрушительным потенциалом для современного общества. Демократическое государство в ответ обязано выработать жесткую и последовательную политику противодействия любым проявлениям этой идеологии. Наряду с другими мерами, особая роль принадлежит административно-правовым нормам. Административная ответственность – это эффективный и прагматичный механизм защиты устойчивости государственного управления, что напрямую влияет на сохранение основ конституционного строя и общественного порядка.

Система административных правонарушений экстремистской направленности выступает важнейшим элементом правового «буфера» между допустимым поведением и уголовно наказуемым экстремизмом. Она выполняет превентивную функцию, позволяя пресекать опасные деяния на ранней стадии, ограничивать распространение деструктивной идеологии и привлекать к ответственности как распространителей, так и тех, кто создает для этого инфраструктуру.

Эффективность противодействия экстремизму зависит не только от жесткости санкций, но и от четкости правовых формулировок, непредвзятой судебной практики и постоянного диалога между государством, правозащитными институтами и обществом. Только комплексный подход, сочетающий правовые меры с социальной и воспитательной работой, может противостоять этой транснациональной угрозе, сохраняя при этом фундаментальные демократические ценности.

---

1. Ерыгин А. А. Организационно-правовые основы противодействия религиозному экстремизму в Российской Федерации: учебное пособие. Белгород: БелЮИ МВД России имени И. Д. Путилина, 2021. 87 с.
2. Атаев Р. А. Взаимодействие органов внутренних дел со средствами массовой информации и общественными объединениями в сфере противодействия экстремизму / Р. А. Атаев, В. В. Шанько, А. И. Воскобоев // Юристъ-Правоведъ. 2018. № 4(87). С. 54-58. EDN YWGJOH.
3. Медведева Т. В. Классификация экстремистских проявлений в современном обществе // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2. С. 237–244.
4. Петров М. И. Административная ответственность за правонарушения экстремистской направленности: проблемы квалификации // Журнал российского права. 2021. № 5.
5. Расширенное заседание коллегии МВД России // Президент России: сайт http://kremlin.ru/events/president/transcripts/76408 (дата обращения: 04.03.2026).
6. Соколов А. Ю. Административная ответственность в Российской Федерации: учеб. пособие // Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия». 2014. 148 с.
7. Мирошников И. А. К вопросу об административно-правовых мерах противодействия экстремизму // Публичная власть в современной России: реальность и перспективы: сб. науч. тр. по матер. междунар. науч.-практ. конф. (г. Саратов, 8 июня 2023 г.) Саратов. 2023. С. 175–178.
8. Административные правонарушения // Судебная статистика РФ: официальный сайт. 2023. URL: https://stat.апи-пресс.рф/stats/adm/t/31/s/80 (дата обращения: 06.03.2026).

1. Ery`gin A. A. Organizacionno-pravovy`e osnovy` protivodejstviya religioznomu e`kstremizmu v Rossijskoj Federacii: uchebnoe posobie. Belgorod: BelYuI MVD Rossii imeni I. D. Putilina, 2021. 87 s.

2. Ataev R. A. Vzaimodejstvie organov vnutrennix del so sredstvami massovoj informacii i obshhestvenny`mi ob``edineniyami v sfere protivodejstviya e`kstremizmu / R. A. Ataev, V. V. Shan`ko, A. I. Voskoboev // Yurist``-Pravoved``. 2018. № 4(87). S. 54–58. EDN YWGJOH.
3. Medvedeva T. V. Klassifikaciya e`kstremistskix proyavlenij v sovremennom obshhestve // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2025. № 2. S. 237–244.
4. Petrov M. I. Administrativnaya otvetstvennost` za pravonarusheniya e`kstremistskoj napravlennosti: problemy` kvalifikacii // Zhurnal rossijskogo prava. 2021. № 5.
5. Rasshirennoe zasedanie kollegii MVD Rossii // Prezident Rossii: sajt http://kremlin.ru/events/president/transcripts/76408 (data obrashheniya: 04.03.2026).
6. Sokolov A. Yu. Administrativnaya otvetstvennost` v Rossijskoj Federacii: ucheb. posobie // Izd-vo FGBOU VPO «Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya». 2014. 148 s.
7. Miroshnikov I. A. K voprosu ob administrativno-pravovy`x merax protivodejstviya e`kstremizmu // Publichnaya vlast` v sovremennoj Rossii: real`nost` i perspektivy`: sb. nauch. tr. po mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Saratov, 8 iyunya 2023 g.) Saratov. 2023. S. 175–178.
8. Administrativny`e pravonarusheniya // Sudebnaya statistika RF: oficial`ny`j sajt. 2023. URL: https://stat.api-press.rf/stats/adm/t/31/s/80 (data obrashheniya: 06.03.2026).

Информация об авторе

Татьяна Викторовна Медведева. Старший преподаватель кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел.

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина.

308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, д. 71.

Information about the author

Tatyana V. Medvedeva. Senior Lecturer at the Chair of Management and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies.

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia.

308024, Russia, Belgorod, Gorky Str., 71.

Статья поступила в редакцию 28.05.2026; одобрена после рецензирования 10.06.2026; принята к публикации 13.07.2026.

The article was received in the editorial office on 28.05.2026; approved after review on 10.06.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 343.13

НЕОБХОДИМОСТЬ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ ДАННЫХ ДОСУДЕБНОГО ЭЛЕКТРОННОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Попова Маргарита Витальевна
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

lysak0508@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию конфиденциальности досудебного производства как системного правового явления в условиях цифровой трансформации уголовного судопроизводства. На основе анализа институционального, функционального и гарантийного доктринальных подходов автором синтезировано определение конфиденциальности, раскрывающее ее дуалистическую природу, обеспечивающую баланс публичных интересов объективного расследования и частных прав личности на неприкосновенность частной жизни. Выделены сущностные характеристики института, отличающие его от смежных правовых категорий. Обоснована необходимость концептуального пересмотра механизмов защиты информации в связи с рисками цифровизации, требующими разработки специального нормативного регулирования и безопасной инфраструктуры электронного уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: электронное уголовное судопроизводство, конфиденциальная информация, защита публичных интересов, защита частных интересов.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя – начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России доктора юридических наук, доцента Латыпова В. С.

Для цитирования: Попова М. В. Необходимость концептуализации конфиденциальности данных досудебного электронного уголовного судопроизводства // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 272–279.

THE NECESSITY OF CONCEPTUALING DATA PRIVACY IN PRE-TRIAL ELECTRONIC CRIMINAL PROCEEDINGS

Margarita V. Popova
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

lysak0508@gmail.com

Annotation. The article is devoted to the study of the confidentiality of pre-trial proceedings as a systemic legal phenomenon in the context of the digital transformation of criminal proceedings. Based on the analysis of institutional, functional and guarantee doctrinal approaches, the author synthesized the definition of confidentiality, revealing its dualistic nature, providing a balance between the public interests of an objective investigation and the individual's private rights to privacy. The essential characteristics of the institute that distinguish it from related legal categories are highlighted. The need

for a conceptual revision of information protection mechanisms in connection with the risks of digitalization, requiring the development of special regulatory regulation and a safe infrastructure for electronic criminal proceedings, has been substantiated.

Keywords: electronic criminal proceedings, confidential information, protection of public interests, protection of private interests.

Gratitude: the work was carried out with the support of the supervisor – the Head of the Chair of Criminal Procedure at the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor Latypov V. S.

For citation: Popova M. V. The necessity of conceptualing data privacy in pre-trial electronic criminal proceedings // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 2(107). P. 272–279.

Процесс глобальной цифровизации порождает новые риски для уголовно-процессуальных институтов, которые способны привести как к нарушению прав и законных интересов участников судопроизводства, так и к дестабилизации системы уголовного процесса в целом.

Разработанные к текущему моменту доктринальные положения, нормативные предписания, регулирующие порядок защиты публичных и частных интересов в обеспечении конфиденциальности досудебного производства, не являются совершенными в отношении традиционного (бумажного) формата ведения производства по уголовному делу. Что же касается расследования в области цифрового пространства, для обеспечения должного уровня противостояния его специфическим рискам требуется пересмотр концептуальных основ конфиденциальности в целях усиления ее ресурсной устойчивости окружающей среде в виде электронного уголовного судопроизводства.

Для выявления сущностных характеристик конфиденциальности как самостоятельного правового явления необходимо абстрагироваться от влияния современных информационно-технологических форматов. В доктрине уголовно-процессуального права сформировалось несколько подходов к пониманию данной категории, среди которых наибольшее значение для настоящего исследования имеют институциональный, функциональный и гарантийный. Указанные подходы в наибольшей степени отражают отраслевую специфику предмета познания, поскольку объединены общей направленностью на реализацию задач уголовного судопроизводства.

В институциональном понимании конфиденциальность представляет собой комплексный правовой институт, формируемый совокупностью норм уголовно-процессуального и уголовного законодательства, правовых позиций высших судебных органов Российской Федерации, а также предписаний ведомственных нормативных актов, обязательных для исполнения органами предварительного расследования. Являясь институтом уголовно-процессуального права, конфиденциальность опосредует сферу правоотношений, возникающих, изменяющихся и прекращающихся по поводу защиты информации с ограниченным доступом, которая и выступает объектом данных правоотношений. Нормативная основа рассматриваемого правового института устанавливается ст. 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[1] (далее – УПК РФ) «Недопустимость разглашения данных предварительного расследования», содержащей условия и отношения, однако не ограничивается исключительно данной нормой. Как представляется, совокупность принципов уголовного судопроизводства, направленных на защиту сферы частной жизни участника судопроизводства от вмешательства со стороны правоохранительных органов, например право на тайну переписки

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

(ст. 13 УПК РФ), допускающее его ограничение исключительно по судебной санкции, дополняют институт конфиденциальности данных досудебного производства и одновременно указывают на дуалистическую (частно-публичную) природу института при преобладании публичного императива. Существенное значение для понимания института конфиденциальности имеет его интерпретация в правоприменительной практике судов, раскрывающая особенности реализации нормативных предписаний при разрешении конкретных уголовных дел. Судебная статистика наказаний по уголовным статьям демонстрирует, что за период с января по декабрь 2024 года за разглашение данных предварительного расследования по статье 310 Уголовного кодекса Российской Федерации[1] (далее – УК РФ) был осужден лишь один человек[2], что вместе с тем не умаляет значения данного института.

Позиция Конституционного суда Российской Федерации подтверждает значение института конфиденциальности для охраны как публичных, так и частных интересов. В Определении № 1246-О от 29.05.2025 отмечается следующее: «Необоснованное предание огласке данных предварительного расследования может не только привести к нарушению прав и законных интересов граждан (в том числе участников уголовного процесса, информация о частной жизни, которых, личной и семейной тайне в той или иной степени неизбежно отражается в материалах предварительного расследования), но и серьезно осложнить само производство по уголовному делу, в том числе повлечь утрату собранных по делу доказательств, создать условия для уничтожения доказательств подозреваемым или обвиняемым, позволить им скрыться от следствия и суда, воспрепятствовать производству по уголовному делу»[3].

Высшим судебным органом также подчеркивается тот факт, что предписание недопустимости распространения сведений, находящихся в материалах уголовного дела, также не является препятствием для защиты чести, достоинства и доброго имени, если разглашение не соответствующих действительности или порочащих честь другого человека данных совершено исключительно с намерением причинения вреда данному лицу[4].

Институт конфиденциальности информации, находящейся в спектре материалов уголовного дела, дополняется положениями о порядке соблюдения конституционных прав граждан на тайну частной жизни, личную и семейную тайну, врачебную и банковскую тайну, регулируемых общеобязательными правилами, очерченными ст. 165 УПК РФ, закрепляющей необходимость предварительного судебного контроля на предмет обоснованности и мотивированности вторжения государства в сферу личной жизни, и Пленумом Верховного суда Российской Федерации в Постановлении № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (ст. 165 УПК РФ)», уточняющим ее предписания в отношении различного вида тайн[5].

На ведомственном уровне вопросам защиты информации посвящена, в частности, Инструкция по делопроизводству в органах внутренних дел Российской

---

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Судебная статистика РФ. URL: https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения 14.02.2025).

[3] Определение Конституционного суда Российской Федерации № 1246-О от 29 мая 2025 г. URL: https://advokatzsp.ru/wp-content/uploads/2025/06/opredelenie-ks-rf-ot-29.05.2025-goda.pdf (дата обращения 14.02.2025).

[4] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 марта 2023 г. № 675-О. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-30032023-n-675-o (дата обращения 14.02.2025).

[5] О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 1 июня 2017 г. № 19 // Рос. газ. 2017. № 125.

Федерации[1], которая, в свою очередь, очерчивает лишь общие рамки работы с документами в бумажной и электронной форме, включающая процессы их подготовки, обработки, использования и хранения.

Институциональный подход находит свое отражение и в доктрине уголовно-процессуального права. Например, А. П. Липинский [1] затрагивает тему конфиденциальности через дефиницию разглашения данных предварительного расследования. Автор приходит к сущности последнего как любого распространения информации, которая должна была храниться в тайне и не подлежать распространению. В своей диссертации он вводит категорию недопустимости разглашения, под которой понимает запрет передачи данных, полученных в ходе досудебного производства несколькими путями: путем производства процессуальных и следственных действий в рамках расследования преступления и уясненных из материалов проверки и уголовного дела. Стоит согласиться с А. П. Липинским в части обязательности аспекта угрозы уголовной ответственности, поскольку именно фактор наказания указывает на процессуальную, то есть юридическую детерминацию запрета, что, в свою очередь, очерчивает границу между конфиденциальностью и тайной. Понимание тайны в контексте уголовно-процессуального законодательства наиболее удачно, на наш взгляд, выражено в подходе В. Е. Евсеенко [2], которая предлагает не отождествлять тайну с понятием специфической совокупности информации, а понимать ее как определенное условие использования этой информации, то есть некий режим обращения.

Интерпретация конфиденциальности с точки зрения комплекса заложенных в ее смысл задач находит отражение в функциональном подходе. Так, в соответствии со ст. 6 УПК РФ основным назначением уголовного судопроизводства выступает защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, потому любые избираемые в ходе расследования методы и средства в обязательном порядке должны соответствовать глубинному замыслу процесса и отвечать требованиям всестороннего обеспечения прав личности. В контексте достижения целей уголовного процесса конфиденциальность становится правовым режимом, то есть некоторым условием действия участников уголовного судопроизводства. Такой позиции придерживаются, в частности, Е. С. Лапин[2], Н. В. Жарко и Д. Э. Киселев [3]. Притом, если Е. С. Лапин рассматривает конфиденциальность как режим, общеобязательный для всего замысла уголовного процесса, то коллектив авторов Н. В. Жарко и Д. Э. Киселев – применительно к процессу обеспечения безопасности участников, нуждающихся в дополнительных мерах защиты со стороны государства как условия их участия в расследовании уголовного дела.

Ряд ученых, к числу которых относятся И. В. Смолькова [4], С. В. Зуев [5], С. В. Корнакова [6], В. С. Черкасов [7] рассматривают конфиденциальность как гарантийную систему юридических средств, отвечающих запросу реализации законных интересов лиц, участвующих в производстве по делу (заключающихся, прежде всего, в их безопасности) и в то же время направленных на придание свойств максимальной объективности процесса и результатов расследования дела. Так, сущность гарантийного подхода структурно частично объединяет в себе черты двух предыдущих, ориентируя процесс сохранения в тайне информации на гармонизацию общественного и личного интереса.

---

[1] Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Росийской Федерации: приказ МВД России от 2 сентября 2024 г. № 515. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Лапин Е. С. О принципе конфиденциальности в российском уголовном судопроизводстве. Журнал «Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук» 2017. № 4–6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-printsipe-konfidentsialnosti-v-rossiyskom-ugolovnom-sudoproizvodstve (дата обращения: 14.02.2026).

Проведенный анализ доктринальных источников, представленный трудами И. В. Смольковой, С. В. Зуева, Е. С. Лапина и других ученых, позволяет констатировать наличие трех основных подходов к пониманию конфиденциальности досудебного производства. Однако ни один из этих подходов в отдельности не исчерпывает всей сложности исследуемого феномена. Институциональный подход фиксирует нормативную совокупность, но не раскрывает динамику. Функциональный подход описывает режим и условия, но оставляет в тени гарантийную природу. Гарантийный подход, в свою очередь, акцентирует цель, но не всегда детализирует механизмы ее достижения.

В связи с этим представляется обоснованным предложить авторское определение, синтезирующее достоинства всех трех подходов. Конфиденциальность досудебного производства по уголовным делам представляет собой комплексный уголовно-процессуальный институт, устанавливающий особый правовой режим ограничения доступа и недопустимости разглашения сведений, полученных в ходе производства по уголовному делу. Сущность данного института раскрывается в его дуалистической гарантийной функции, направленной, с одной стороны, на обеспечение публичных интересов объективного расследования и достижения назначения уголовного судопроизводства, а с другой – на защиту частных интересов участников процесса, включая право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

Данное определение позволяет перейти к выделению сущностных характеристик конфиденциальности, отличающих ее от смежных правовых категорий, таких как банковская, врачебная, коммерческая и государственная тайна, а также от института персональных данных.

В первую очередь конфиденциальность как правовая гарантия возникает исключительно по властно-публичной инициативе, что обусловливает императивно-публичный характер данной правовой конструкции. Придание сведениям свойства конфиденциальности и установление соответствующего правового режима их охраны требует волеизъявления государства в лице законодателя и последующей реализации предписаний правоприменителем. Указанные действия осуществляются прежде всего в публичных интересах общества и государства и по своей сущности не зависят от частной воли конкретного лица, хотя их результатом может являться и защита интересов отдельного участника судопроизводства. Данное обстоятельство выступает сущностным отличием конфиденциальности от смежных правовых институтов, имеющих частноправовую природу.

Во-вторых, реализация гарантии конфиденциальности происходит посредством применения формально определенных процессуальных форм, которые предписаны в положениях законодательства, предписаниях Пленума Верховного суда Российской Федерации, Конституционного суда Российской Федерации, инструкциях и иных указаниях ведомственного характера. Конкретные юридические процедуры находят отражения в регламентации процессуальных и следственных действий, начиная от уведомления о недопустимости разглашения данных путем отобрания подписки и заканчивая возможностью наложения ареста на почтово-телеграфные отправления. Юридическую силу и государственный авторитет запрета на распространение конфиденциальных данных упрочивает юридическая санкция в форме самой строгой в рамках российского законодательства степени ответственности – уголовной. Тем не менее Е. В. Лаврушко справедливо делает акцент на диспозитивности конструкции ст. 161 УПК РФ, выраженной в предоставлении лицу, осуществляющему уголовное преследование, возможности самостоятельно определять относимость информации, находящейся в материалах дела, к числу конфиденциальной [8, с. 154].

В-третьих, объект защиты в режиме конфиденциальности отличен от аналогичных режимов, имеющих статическую природу (коммерческой, банковской, государственной и иных видов тайн, а также защиты персональных данных), объем которых относительно стабилен. Спектр сведений, которые становятся конфиденциальными

в силу их включения в данные досудебного производства по уголовному делу, постоянно изменяется в условиях наращивания следователем (дознавателей) при содействии других участников процесса информационной базы по мере производства по уголовному делу. Приведенное обстоятельство свидетельствует о том, что объект защиты в системе конфиденциальности данных досудебного производства формируется и изменяется по мере развития уголовно-процессуальных отношений.

В-четвертых, конфиденциальность имеет ограничительный характер правового воздействия. Замысел режима сводится к легальному ограничению общего принципа транспарентности судопроизводства, имеющего внешнеполагаемую цель обеспечения безопасности информации от несанкционированного распространения.

Пятая сущностная характеристика института конфиденциальности проистекает из его роли в обеспечении баланса частных и публичных начал уголовного процесса. Функционально данный институт призван решать двуединую задачу: с одной стороны, гарантировать объективность расследования, защищая доказательственную базу от искажения и несанкционированного вмешательства извне; с другой стороны, обеспечивать неприкосновенность частной жизни участников судопроизводства, оберегая ставшие известными в ходе дела персональные и семейные тайны. В этом отношении синтез частного и публичного начала представляет собой уникальную правовую природу института конфиденциальности, основывающуюся на интегративной функции обеспечения баланса интересов.

Резюмировав произведенный анализ, представляется возможным сформулировать вывод о правовой сущности конфиденциальности досудебного производства по уголовным делам, которая представляет собой системное правовое явление, выраженное в комплексном уголовно-процессуальном институте, сущность которого заключается в установлении особого правового режима ограничения доступа и распространения сведений, полученных в ходе всего досудебного производства. Специфика этого режима раскрывается в его дуалистической гарантийной направленности, обеспечивающей, с одной стороны, реализацию публичного интереса в эффективном и объективном расследовании, а с другой стороны, защиту частных интересов личности, включая право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

В отличие от существующих в доктрине подходов, рассматривающих конфиденциальность преимущественно как совокупность норм, правовой режим или систему гарантий, предложенная концепция синтезирует их достоинства и позволяет раскрыть интегративную природу данного института, объединяющего публичные и частные начала уголовного судопроизводства.

Полученные выводы образуют теоретический фундамент, позволяющий перейти к анализу трансформации данного института под влиянием цифровизации. Именно динамический характер объекта защиты и необходимость сохранения баланса интересов в условиях многократного расширения каналов распространения информации, присущего электронной среде, предопределяют потребность в разработке новых правовых и организационно-технических механизмов защиты.

Как было обозначено в начале статьи, адаптация конфиденциальности к реалиям цифрового судопроизводства в первую очередь должна быть ориентирована на риски. Последние представляют собой в основном угрозы правового, организационного и техногенного характера. Представляется, что правовые риски должны быть нивелированы посредством разработки специального нормативного регулирования электронного уголовного судопроизводства, которое, в свою очередь, должно быть нацелено на устранение двух других групп угроз. Решение же вопросов организационного характера, в частности проблемы неравенства в аутентификации участников уголовного процесса в системе электронного документооборота, невозможно без создания специализированной безопасной инфраструктуры с самостоятельной системой доступа, то есть без устра-

нения технологических угроз. Таким образом, концептуализация конфиденциальности данных досудебного электронного уголовного судопроизводства требует системного подхода.

В наиболее общем виде дефиниция должна быть дополнена уточняющими положениями о видовых характеристиках правового режима защиты информации, конкретизирующих существо налагаемых ограничений. Рассматриваемые изменения в научной мысли должны закономерно поспособствовать реформированию уголовно-процессуального законодательства, к примеру в форме дополнения УПК РФ отдельной статьей 161.1, посвященной процедурным вопросам обеспечения конфиденциальности информации, в том числе и в ходе электронного производства по уголовному делу.

Статья 161[1]. Особенности обеспечения конфиденциальности при производстве по уголовному делу в электронной форме

1. При производстве по уголовному делу в электронной форме обеспечение конфиденциальности данных предварительного расследования осуществляется посредством функционирования государственной автоматизированной системы уголовного судопроизводства, обеспечивающей: разграничение прав доступа участников уголовного судопроизводства к материалам уголовного дела в электронной форме; фиксацию всех действий с электронными материалами уголовного дела (просмотр, копирование, изменение) в автоматическом режиме; защиту от несанкционированного копирования и распространения материалов уголовного дела.

2. Следователь, дознаватель при ознакомлении участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела в электронной форме обязаны:

1) разъяснить порядок работы с электронными материалами и ответственность за нарушение конфиденциальности;

2) обеспечить доступ к материалам дела с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи либо иного способа аутентификации, гарантирующего идентификацию лица;

3) предупредить о недопустимости передачи третьим лицам учетных данных для доступа к системе и материалов уголовного дела.

3. Копирование и распространение материалов уголовного дела в электронной форме, а также передача третьим лицам учетных данных для доступа к государственной автоматизированной системе уголовного судопроизводства, если это повлекло разглашение данных предварительного расследования, влекут ответственность в соответствии со ст. 310 УК РФ.

4. Положения настоящей статьи не ограничивают право участников уголовного судопроизводства на получение копий материалов уголовного дела в порядке, установленном настоящим Кодексом, а также право на защиту чести, достоинства и доброго имени в случае распространения не соответствующих действительности сведений.

---

1. Липинский А. П. Обеспечение недопустимости разглашения данных досудебного производства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 2023. С. 17–18.
2. Евсеенко В. Е. Тайна в досудебных стадиях уголовного процесса: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 31 с.
3. Жарко Н. В., Киселев Д. Э. Обеспечение конфиденциальности сведений о лице как мера безопасности, применяемая в отношении свидетелей и потерпевших при производстве допроса // Вестник Могилевского института МВД. 2022. № 1(5) С. 48–52.
4. Смолькова И. В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе: дис. … д-ра. юрид. наук. М., 1998. 404 с.

5. Правовые и организационно-технологические гарантии уголовного судопроизводства: монография / под ред. докт. юрид. наук Зуева С. В. М.: Юрлитинформ, 2025. 312 с.
6. Корнакова С. В. Тайна, конфиденциальная информация и конфиденциальность в контексте защиты информации о частной жизни участников уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 11. С. 81–90.
7. Черкасов В. С. Проблема обеспечения режима тайны электронной информации при уголовном преследовании // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 2(29). С. 122–127.
8. Лаврушко Е. А., Обеспечение конфиденциальности и неприкосновенности частной жизни в уголовном процессе: сравнительно-правовой анализ на примере Российской Федерации и Республики Казахстан // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 10(167). С. 149–156.

1. Lipinskij A. P. Obespechenie nedopustimosti razglasheniya danny`x dosudebnogo proizvodstva: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Izhevsk, 2023. S. 17–18.
2. Evseenko V. E. Tajna v dosudebny`x stadiyax ugolovnogo processa: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2016. 31 s.
3. Zharko N. V., Kiselev D. E`. Obespechenie konfidencial`nosti svedenij o lice kak mera bezopasnosti, primenyaemaya v otnoshenii svidetelej i poterpevshix pri proizvodstve doprosa // Vestnik Mogilevskogo instituta MVD. 2022. № 1(5) S. 48–52.
4. Smol`kova I. V. Problemy` oxranyaemoj zakonom tajny` v ugolovnom processe: dis. … d-ra. yurid. nauk. M., 1998. 404 s.
5. Pravovy`e i organizacionno-texnologicheskie garantii ugolovnogo sudoproizvodstva: monografiya / pod red. dokt. yurid. nauk Zueva S. V. M.: Yurlitinform, 2025. 312 s.
6. Kornakova S. V. Tajna, konfidencial`naya informaciya i konfidencial`nost` v kontekste zashhity` informacii o chastnoj zhizni uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2025. № 11. S. 81–90.
7. Cherkasov V. S. Problema obespecheniya rezhima tajny` e`lektronnoj informacii pri ugolovnom presledovanii // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2021. № 2(29). S. 122–127.
8. Lavrushko E. A., Obespechenie konfidencial`nosti i neprikosnovennosti chastnoj zhizni v ugolovnom processe: sravnitel`no-pravovoj analiz na primere Rossijskoj Federacii i Respubliki Kazaxstan // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2024. № 10(167). S. 149–156.

Информация об авторе

Маргарита Витальевна Попова. Адъюнкт.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Margarita V. Popova. Postgraduare student.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 20.05.2026; одобрена после рецензирования 15.05.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was received in the editorial office on 20.05.2026; approved after review on 15.05.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 343

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИОННЫМ УГРОЗАМ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ КАК МЕРА ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Сидорова Екатерина Закариевна[1], Куровский Владимир Михайлович[2]
[1, 2]Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия

[1] ketrik6@mail.ru
[2] vladimir_kurovskiy@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается противодействие коррупции в миграционной сфере как важнейший элемент обеспечения национальной безопасности России. Анализируются ключевые коррупционные риски на этапах миграционного процесса, их связь с ростом нелегальной миграции и смежными угрозами в том числе на примере зарубежного опыта. Особое внимание уделено анализу статистики преступлений коррупционной направленности, совершаемых должностными лицами органов внутренних дел, которая демонстрирует тревожную динамику, несмотря на общий курс на ужесточение контроля за данной сферой общественных отношений. В контексте новой Концепции государственной миграционной политики на 2026–2030 годы оцениваются основные стратегические меры: цифровизация услуг в сфере миграции, биометрический учет мигрантов и ужесточение ответственности за правонарушения, допускаемые в данной сфере. Делается вывод о том, что только технологических и запретительных мер недостаточно. Для эффективной борьбы с коррупцией и достижения целей миграционной политики необходим комплексный подход, включающий системную профилактику, повышение прозрачности предоставляемых государственных услуг, усиление внутреннего контроля за правомерностью действий должностных лиц и формирование нетерпимости общества к коррупции в целом.

Ключевые слова: коррупционные угрозы, нелегальная миграция, криминологическая характеристика, латентность коррупции, противодействие коррупции.

Для цитирования: Сидорова Е. З., Куровский В. М. Противодействие коррупционным угрозам в сфере миграции как мера обеспечения национальной безопасности России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 280–288.

COUNTERING CORRUPTION THREATS IN THE FIELD OF MIGRATION AS A MEASURE TO ENSURE RUSSIA'S NATIONAL SECURITY

Ekaterina Z. Sidorova[1], Vladimir M. Kurovsky[2]
[1, 2]East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia

[1] ketrik6@mail.ru
[2] vladimir_kurovskiy@mail.ru

Annotation. The article examines the fight against corruption in the migration sphere as an essential element of ensuring Russia's national security. The key corruption risks at the stages of the migration process are analyzed, their connection with the growth of illegal

migration and related threats, including using the example of foreign experience. Special attention is paid to the analysis of statistics on corruption-related crimes committed by officials of the internal affairs bodies, which demonstrates an alarming trend, despite the general policy of tightening control over this area of public relations. In the context of the new Concept of the state Migration Policy for 2026–2030, the main strategic measures are evaluated: digitalization of migration services, biometric registration of migrants and tougher responsibility for offenses committed in this area. It is concluded that technological and prohibitive measures alone are not enough. In order to effectively combat corruption and achieve the goals of migration policy, an integrated approach is needed, including systemic prevention, increasing the transparency of public services provided, strengthening internal control over the legality of officials' actions, and fostering public intolerance towards corruption in general.

Keywords: corruption threats, illegal migration, criminological characteristics, corruption latency, anti-corruption.

For citation: Sidorova E. Z., Kurovsky V. M. Countering corruption threats in the field of migration as a measure to ensure Russia's national security // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanova. 2026. № 2(107). P. 280–288.

В условиях глобализации и усиления миграционных потоков эффективное управление миграционными процессами является важным фактором обеспечения национальной безопасности, социально-экономической стабильности и правопорядка любого государства. Однако сама сфера миграции, характеризующаяся высокой сложностью административных процедур, значительными властными полномочиями должностных лиц и уязвимостью правового и социального положения мигрантов, представляет собой зону для коррупционных проявлений.

Проблематике и опасности коррупции посвящены различные научные исследования [1, с. 42; 2, с. 124]. Особого внимания заслуживает изучение вопросов противодействия и профилактики коррупционных проявлений именно в миграционной сфере, которая может находить свое выражение на различных этапах миграционного процесса – от получения виз и разрешений на въезд, прохождения пограничного контроля, легализации статуса пребывания и трудоустройства до решения вопросов гражданства. При этом коррупционные ситуации не только подрывают авторитет государственных институтов и наносят значительный экономический ущерб, но и напрямую способствуют росту нелегальной миграции, проявлению экстремистских и террористических угроз, совершению тяжких преступлений, создавая реальные угрозы для общественных отношений во всех сферах уголовно-правовой охраны.

Актуальность выбранной темы не вызывает сомнений: вопросы миграционной безопасности страны поднимаются и рассматриваются на уровне государственных органов власти. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным на коллегии МВД России по итогам 2024 года был обозначен вектор на ужесточение контроля за миграционной сферой общественных отношений и цифровизацию процессов, связанных с реализацией правового статуса иностранных граждан[1]. Принятая обновленная Концепция государственной миграционной политики на 2026–2030 гг. подчеркивает неотложность решения проблем, целью которой является обеспечение баланса между

[1] Владимир Путин призвал принять новую концепцию миграционной политики в 2025 году. URL: https://expert.ru/news/vladimir-putin-prizval-prinyat-novuyu-kontseptsiyu-migratsionnoy-politiki-v-2025-godu (дата обращения: 21.01.2026).

потребностями экономики в трудовых ресурсах, защитой национальной безопасности и социальной стабильностью[1].

В условиях геополитической напряженности и современных вызовов, связанных с обеспечением безопасности и сохранением культурной идентичности, государство демонстрирует готовность к решительным действиям. Переход к электронной авторизации миграционных процессов, борьба с нелегальной миграцией и создание реестра контролируемых лиц – это шаги, направленные на повышение эффективности миграционного контроля и снижение рисков, связанных с неконтролируемым притоком иностранной рабочей силы.

Однако эффективность новой миграционной политики будет зависеть не только от законодательных нововведений, но и от эффективности их реализации. Важно, чтобы новые механизмы были не только строгими, но и справедливыми, чтобы они не создавали необоснованных препятствий для законопослушных мигрантов, вносящих вклад в российскую экономику и культуру. При этом эффективность миграционной политики неразрывно связана с борьбой против коррупции, способной негативно отразиться на обеспечении порядка в этой сфере. Коррупционные проявления приводят к искажению целей миграционной политики, порождают угрозы для национальной безопасности страны и создают условия для недобросовестной конкуренции на рынке труда. Государство, осознавая значимость решения данного вопроса, активно внедряет цифровые технологии в процессы миграционного учета и контроля, а также принимает жесткие меры по пресечению коррупционных проявлений. Эти шаги направлены на то, чтобы обеспечить прозрачность миграционных процедур, исключить возможности для злоупотреблений и укрепить доверие общества к миграционной политике государства.

Новая Концепция государственной миграционной политики на 2026–2030 гг. предлагает ряд действий, напрямую нацеленных на снижение этих рисков:

1) цифровизация процессов миграционного учета и контроля: внедрение биометрического учета, так называемого цифрового профиля мигранта и цифровых административных процедур, таких как патенты и разрешения, призвано минимизировать личный контакт государственного служащего с мигрантами и субъективный критерий принятия управленческих решений, снижая тем самым коррупционные риски в данной сфере;

2) ужесточение ответственности как в отношении самих мигрантов, нарушающих миграционное законодательство, так и должностных лиц, ответственных за реализацию положений данной отрасли законодательства;

3) контроль за привлечением низкоквалифицированных мигрантов на конкретные рабочие места к конкретным работодателям, что снизит риски незаконности их пребывания на территории Российской Федерации и усложнит возможности коррупционных проявлений при фиктивной занятости мигрантов.

Несмотря на строгость мер, применяемых в сфере миграционного законодательства, государство по-прежнему стремится к совершенствованию данной сферы общественных отношений, в частности: государство способствует возвращению наших соотечественников на Родину и привлечению к труду квалифицированных иностранцев. Правоведы подчеркивают, что миграция как социальное явление оказывает большое влияние на формирование трудовых отношений [3, с. 3]. Однако препятствует законности реализации мер в сфере миграции в том числе такое явление, как коррупция.

Коррупция – это ключевое препятствие на пути реализации миграционной политики. Цифровизация и жесткий контроль за данной сферой необходимы, однако государство не должно ограничиваться только этими мерами.

---

[1] О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026–2030 годы: Указ Президента Рос. Федерации от 15 ноября 2025 г. № 738. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Необходимо отметить, что вопросы коррупционных рисков в сфере миграции освещаются не только органами власти, но и российскими и зарубежными правоведами. Так, М. И. Суховецкий поднимал вопросы существующих подходов к противодействию коррупции в сфере регулирования миграционных отношений, указывая, в частности, на существующие коррупционные риски в правоохранительной деятельности [4, с. 25]. Е. В. Михайлова, В. Е. Хазова обращают внимание на пробелы правового регулирования в сфере миграции, избыток отсылочных норм, широту дискреционных полномочий должностных лиц органов государственной власти [5, с. 98].

Зарубежные исследователи также говорят об актуальности вопроса противодействия коррупции в миграционной сфере, в связи с чем изучается влияние коррупционных факторов на доступ мигрантов к административным услугам и в целом исследуются вопросы регулирования миграционных отношений, а также существующие в данной области административные барьеры. Зарубежные ученые, занимающиеся данной проблематикой, предлагают механизмы снижения коррупционных рисков в миграционной политике. Например, в Великобритании особое внимание уделяется вопросам противодействия коррупционных угроз, возникающих при решении должностными лицами вопроса въезда в страну иностранных лиц – приверженцев экстремистских и террористических организаций. В таких ситуациях, подчеркивают исследователи, помимо развития самой коррупции, возникают риски совершения указанными лицами террористических актов. При этом за получение той или иной материальной выгоды государственные служащие оформляют лицам, являющимся приверженцами экстремистских и террористических взглядов и нуждающимся при этом в убежище, вид на жительство[1].

В США коррупция в миграционной сфере проявляется в злоупотреблениях при выдаче виз, особенно рабочих и инвестиционных, а также в подделке различных документов для мигрантов. Распространены случаи, когда юридические фирмы, специализирующиеся на иммиграционном праве, предлагают «гарантированное» получение визы за дополнительную плату, что часто является формой вымогательства и обмана[2].

В странах Европейского союза проблема коррупции также нередко связана с фактами нелегальной миграции и торговли людьми. Организованные преступные группы обогащаются на отчаянном положении мигрантов, предлагая им нелегальные способы пересечения Государственной границы и последующее трудоустройство в теневом секторе экономики. Существенным фактором, способствующим данной деятельности, является коррупционное поведение должностных лиц, выражающееся в преднамеренном бездействии при выявлении нарушений либо в активном содействии противоправным действиям[3].

Анализ зарубежного опыта показывает, что наиболее эффективными мерами борьбы с коррупцией в миграционной сфере являются повышение прозрачности и подотчетности государственных органов, автоматизация процессов оказания административных услуг, усиление контроля за соблюдением законодательства и ужесточение санкций за коррупционные правонарушения. Важным фактором является также развитие международного сотрудничества в сфере обмена информацией и опытом борьбы с коррупцией в миграционных процессах.

Кроме того, необходимо проводить образовательные и информационные кампании среди мигрантов и населения в целом, направленные на повышение осведомленно-

---

[1] Corruption, Human Trafficking and UK borders (Part One). URL: https://www.compas.ox.ac.uk/article/corruption-human-trafficking-and-uk-borders-part-one (дата обращения: 21.01.2026).

[2] В США задержана группа мошенников, подделывающих визы. URL: https://www.rbc.ru/society/17/11/2004/5703c4b29a7947dde8e0c951 (дата обращения: 21.01.2026).

[3] Corruption and Bribery at the Border: Strategies of Survival and Adaptation between People Smugglers and Border Enforcement. URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/00027162241245504 (дата обращения: 21.01.2026).

сти о рисках коррупции и способах ее предотвращения. Важно создать атмосферу нетерпимости к коррупции, когда люди не боятся сообщать о фактах коррупции и уверены в том, что их сообщения будут рассмотрены и приняты меры.

Если говорить об этимологических основах такого явления, как коррупция, то в узком смысле под данным термином понимаются уголовно наказуемые деяния, связанные с подкупом должностных лиц, а в широком смысле – системная дисфункция власти, разрушающая доверие к институтам государства [6, с. 393]. Юридическое описание признаков данного явления также представлено в Федеральном законе от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», который объединяет оба подхода к пониманию сущности коррупции[1]. При этом эффективная борьба с коррупцией требует не только наказания виновных, осужденных по соответствующей статье Уголовного кодекса России (далее по тексту – УК РФ)[2], но и активной профилактики таких явлений, как непотизм и фаворитизм, даже если такие действия формально соответствуют действующему законодательству.

Если говорить о понятии коррупционной преступности именно в сфере миграции, то можно под данным явлением понимать злоупотребление должностными полномочиями, коммерческий подкуп, дачу или получение взятки, а также иные незаконные действия, совершаемые с целью получения личной выгоды или выгоды для третьих лиц, при этом данные действия должностных лиц связаны с решением вопросов въезда, пребывания, трудовой деятельности и иных аспектов правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства на территории России. В качестве иллюстрации к указанному определению можно привести пример из судебной практики: 28 декабря 2023 года Кировский районный суд города Иркутска исследовал уголовное дело № 1-393/2023, в котором фигурировала Т. М. И. Ей инкриминировалось нарушение пунктов «а, в» части 2 статьи 322.1 УК РФ (организация нелегального нахождения иностранных граждан в России) и пунктов «а, в» части 5 статьи 290 УК РФ (получение взятки). Согласно обвинению, Т. М. И., занимая должность начальника организационно-методического отдела в Управлении по вопросам миграции ГУ МВД России по Иркутской области, руководила деятельностью организованной группы, обеспечивавшей незаконное пребывание иностранных граждан. Кроме того, ей вменялось получение денежных средств через посредника в качестве взяток за совершение противоправных действий, связанных с использованием ее служебного положения, в значительном и крупном размере, а также за действия в интересах взяткодателя, обусловленные ее должностными обязанностями[3].

Если говорить о статистических показателях, характеризующих проблему коррупции в миграционной сфере, следует отметить, что за 2024 год в российские суды были направлены 124 дела о коррупции в сфере миграции[4]. При этом официальные статистические сведения о лицах, совершивших преступления в миграционной сфере,

---

[1] О противодействии коррупции: Федер. закон Рос. Федерации от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Приговор Кировского районного суда г. Иркутска от 28 декабря 2023 года по делу № 1-393/2023. URL: https://kirovsky--irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=496346433&case_uid=7cf53cbe-0ab1-4e9e-b24b-3aeb413b899f&delo_id=1540006 (дата обращения: 21.01.2026).

[4] В РФ в 2024 году в суд направили 124 дела о коррупции в сфере миграции. URL: https://tass.ru/obschestvo/23528367 (дата обращения: 21.01.2026).

свидетельствуют об увеличении числа преступлений коррупционной направленности, совершаемых должностными лицами органов внутренних дел (см. таблицу 1)[1].

Таблица 1

Количество выявленных лиц, совершивших преступления в сфере миграции, занимающих должности в органах внутренних дел Российской Федерации, за 2020–2024 гг.

год	2020	2021	2022	2023	2024
Количество сотрудников ОВД, совершивших организацию незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ)	12	6	11	7	27
темп прироста, %	-	*-50,0 %*	*+83,3*	*-36,4*	*+285,7 %*
Количество сотрудников ОВД, совершивших фиктивную регистрацию граждан (ст. 322.2 УК РФ)	0	4	4	1	4
темп прироста, %	-	-	*0*	*-75,0*	*+300,0*
Количество сотрудников ОВД, совершивших фиктивную постановку на учет иностранных граждан (ст. 322.3 УК РФ)	1	3	3	6	3
темп прироста, %	-	*+200,0*	*0*	*+100,0*	*-50,0*

Так, с 2020 года число преступлений, связанных с организацией незаконной миграции по ст. 322.1 УК РФ, увеличилось к 2024 году более чем в 2 раза с 12 до 27, а преступлений, связанных с фиктивной постановкой на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства, – с 1 до 3.

Рост числа преступлений в миграционной сфере с коррупционным признаком, совершаемых должностными лицами органов внутренних дел, вызывает серьезную озабоченность с точки зрения правоприменительной практики и эффективности антикоррупционных мер. Согласно официальным статистическим данным, начиная с 2020 года фиксируется устойчивое увеличение числа преступлений, связанных с организацией незаконной миграции по статье 322.1 УК РФ. В частности, число зарегистрированных эпизодов таких преступлений выросло с 12 в 2020 году до 27 в 2024 году, что более чем в два раза превышает исходный показатель.

Параллельно наблюдается тенденция к росту преступлений, связанных с фиктивной постановкой на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства. Количество выявленных эпизодов таких деяний увеличилось с 1 в 2020 году до 3 в 2024 году. Эти данные свидетельствуют о растущем использовании миграционных процедур в коррупционных целях, что подрывает законность и прозрачность миграционного контроля.

Вместо ожидаемого снижения уровня правонарушений в данной сфере наблюдается количественный рост рассматриваемых деяний. Этот рост происходит на фоне общего ужесточения государственной политики в области миграционного контроля и повышенного внимания правоохранительных органов к данной сфере. Другими словами, выявленная тенденция указывает на наличие проблем и коррупционных рисков

[1] Состояние преступности: сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://мвд.рф/folder/101762 (дата обращения: 21.01.2026).

внутри системы, ответственной за контроль миграционных процессов, и, как следствие, на необходимость усиления контроля за деятельностью должностных лиц органов внутренних дел и совершенствования механизмов профилактики и расследования преступлений коррупционной направленности в миграционной сфере. Повышение квалификации кадров, внедрение современных инструментов мониторинга, а также развитие систем выявления скрытых коррупционных схем способны сократить негативные последствия, отражающиеся на миграционной безопасности и доверии общества к правоохранительным органам.

Однако нельзя не отметить, что коррупционные преступления в миграционной сфере характеризуются высокой латентностью и являются сложным социально-криминологическим явлением с рядом специфических особенностей. Коррумпированная скрытость обуславливается обоюдной заинтересованностью сторон в сокрытии факта коррупционной сделки, страхом потерпевших (участников миграционных процессов) испытать негативные последствия в виде депортации, а также сложностью доказывания таких преступлений.

Данная категория преступлений связана с осуществлением миграционных процедур и услуг, которые обладают высоким уровнем коррупционных рисков, таких как постановка на миграционный учет, получение разрешений на работу и проживание, прохождение медицинских комиссий и т. д. Основные коррупционные схемы включают дачу и получение взяток, злоупотребление служебным положением сотрудниками миграционных служб, мошенничество и фиктивное оформление документов. Часто такие преступления совершаются с применением административного ресурса.

В завершение подчеркнем, что в научной литературе преступность, в том числе коррупционная, рассматривается как наиболее серьезная современная криминальная угроза национальной безопасности государства [7, с. 255]. Именно поэтому можно обоснованно говорить о том, что в современных условиях борьба с коррупцией в миграционной сфере является важнейшим условием обеспечения национальной безопасности и эффективности государственной политики. Опасность коррупционных правонарушений заключается в том, что они не только подрывают правопорядок, но и напрямую способствуют росту нелегальной миграции и связанных с ней угроз. Правоведы подчеркивают, что нелегальности трудовой миграции, выступающей угрожающей силой в отношении национальной безопасности Российской Федерации, способствуют именно коррупционные риски [8, с. 18].

Несмотря на принимаемые меры, включая цифровизацию контроля за миграционными процессами и ужесточение ответственности за допускаемые правонарушения в данной сфере, официальная статистика указывает на сохраняющуюся негативную динамику и высокую латентность таких преступлений. Это свидетельствует о системном характере проблемы, требующей комплексного подхода для своего разрешения.

Таким образом, для успешной реализации миграционной политики государству необходимо сочетать технологические нововведения, применяемые в данной области, с усилением внутреннего контроля за правомерностью действий должностных лиц, повышением прозрачности оказываемых государственных услуг в сфере миграции формированием атмосферы нетерпимости к коррупции. Только многоуровневый стратегический курс позволит минимизировать коррупционные риски в миграционной сфере, обеспечив баланс между потребностями экономики в трудовых ресурсах иностранных граждан и защитой государственных национальных интересов.

---

1. Вородюхин С. Е. Коррупция как социальное явление и меры борьбы с ней // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2020. № 4. С. 42–47.

2. Баранчикова М. В., Кирюхина Ю. В. Коррупция как угроза безопасности современному обществу: уголовно-правовой и социологический аспекты // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 124–131.
3. Савченко Е. С. Трудовая занятость и миграция в России: состояние, проблемы, пути решения // АПК: экономика, управление. 2025. № 2. С. 3–9.
4. Суховецкий М. И. Теоретико-правовые подходы к противодействию коррупции в сфере регулирования миграционных отношений // Миграционное право. 2023. № 2. С. 24–27.
5. Михайлова Е. В., Хазова В. Е. Коррупционный фактор в миграционной политике Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 2. С. 97–102.
6. Майстренко Г. А. Понятие, социально-правовая сущность и причины коррупции в российском государстве // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 6–1. С. 392–399.
7. Сидорова Е. З. Характеристика некоторых преступлений коррупционной направленности, совершаемых работниками образования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 1(104). С. 256–268.
8. Артемьева И. В., Асеев Д. В. Нелегальная трудовая миграция как угроза национальной безопасности и выработка мер по ее преодолению // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2025. Т. 18, № 1. С. 18–25.

1. Vorodyuxin S. E. Korrupciya kak social`noe yavlenie i mery` bor`by` s nej // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina. 2020. № 4. S. 42–47.
2. Baranchikova M. V., Kiryuxina Yu. V. Korrupciya kak ugroza bezopasnosti sovremennomu obshhestvu: ugolovno-pravovoj i sociologicheskij aspekty` // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2024. № 2(99). S. 124–131.
3. Savchenko E. S. Trudovaya zanyatost` i migraciya v Rossii: sostoyanie, problemy`, puti resheniya // APK: e`konomika, upravlenie. 2025. № 2. S. 3–9.
4. Suxoveczkij M. I. Teoretiko-pravovy`e podxody` k protivodejstviyu korrupcii v sfere regulirovaniya migracionny`x otnoshenij // Migracionnoe pravo. 2023. № 2. S. 24–27.
5. Mixajlova E. V., Xazova V. E. Korrupcionny`j faktor v migracionnoj politike Rossijskoj Federacii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 2. S. 97–102.
6. Majstrenko G. A. Ponyatie, social`no-pravovaya sushhnost` i prichiny` korrupcii v rossijskom gosudarstve // Voprosy` rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2023. T. 13. № 6–1. S. 392–399.
7. Sidorova E. Z. Xarakteristika nekotory`x prestuplenij korrupcionnoj napravlennosti, sovershaemy`x rabotnikami obrazovaniya // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 1(104). S. 256–268.
8. Artem`eva I. V., Aseev D. V. Nelegal`naya trudovaya migraciya kak ugroza nacional`noj bezopasnosti i vy`rabotka mer po ee preodoleniyu // Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Sociologiya. E`konomika. Politika. 2025. T. 18, № 1. S. 18–25.

Информация об авторах

Екатерина Закариевна Сидорова. Заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии, кандидат юридических наук, доцент.

Восточно-Сибирский институт МВД России.

664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

Владимир Михайлович Куровский. Старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии.
Восточно-Сибирский институт МВД России.
664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

Information about the authors

Ekaterina Z. Sidorova. Deputy Head of the Chair of Criminal Law and Criminology, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
664074, Russia, Irkutsk, Lermontov Str., 110.

Vladimir M. Kurovsky. Senior lecturer at the Chair of Criminal Law and Criminology.
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
664074, Russia, Irkutsk, Lermontov Str., 110.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 27.03.2026; одобрена после рецензирования 15.04.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was received in the editorial office on 27.03.2026; approved after review on 15.04.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 343.98

ПРИМЕНЕНИЕ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Сретенцев Андрей Николаевич[1], Муравьева Марина Александровна
[1]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия
[2]ФГКУ «ВНИИ МВД России»

[1]tarkatanalien@yandex.ru
[2]Liza1309@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние регулирования вопросов использования искусственного интеллекта (далее – ИИ) в правоохранительной деятельности. Приводятся результаты анализа нормативных источников международного и национального уровня. Делается вывод о том, что в Российской Федерации нормативная база, регламентирующая вопросы внедрения ИИ, на данный момент представлена в основном документами стратегического планирования. На основе проведенного исследования автором сформулирован вывод о необходимости принятия законодательного акта федерального уровня, в котором будет урегулирован круг базовых вопросов, связанных с созданием и внедрением ИИ. Также отмечается необходимость отраслевого регулирования создания и использования систем ИИ в деятельности правоохранительных органов, что позволит устранить пробельность в вопросах обучения специализированных систем ИИ; требований к данным, используемым для их обучения; в вопросах о допустимости использования открытых моделей ИИ для решения отдельных задач в деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовое регулирование, нормативно-правовой акт, экспериментальный правовой режим, проблемы регулирования искусственного интеллекта.

Для цитирования: Сретенцев А. Н., Муравьева М. А. Применение систем искусственного интеллекта в деятельности органов внутренних дел: состояние и проблемы правового регулирования // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 289–295.

APPLICATION OF AI SYSTEMS IN THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES: STATUS AND PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Andrey N. Sretentsev[1], Marina Al. Muravyeva[2]
[1]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia
[2]«NRI of the Ministry of Interior of Russia»

[1]tarkatanalien@yandex.ru
[2]Liza1309@mail.ru

Annotation. This article examines the current state of regulation of artificial intelligence (hereinafter referred to as AI) in law enforcement. It presents an analysis

of international and national regulatory sources. It concludes that in the Russian Federation the regulatory framework governing AI implementation is currently represented primarily by strategic planning documents. The author draws conclusions based on the conducted research that it is necessary to adopt federal legislation that would regulate a range of fundamental issues related to the creation and implementation of AI. The author also notes the need for industry-specific regulation of the creation and use of AI systems in law enforcement, which would address gaps in the training of specialized AI systems, requirements for the data used for their training, and the admissibility of using open AI models to solve specific law enforcement tasks.

Keywords: artificial intelligence, legal regulation, normative legal act, experimental legal regime, problems of artificial intelligence regulation.

For citation: Sretentsev A. N., Muravyeva M. A. Application of AI systems in the activities of internal affairs bodies: state and problems of legal regulation // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2026. № 2(107). P. 289–295.

Вопросы правового регулирования использования искусственного интеллекта в борьбе с преступностью тесно связаны с общим правовым регулированием указанной технологии, в первую очередь с нормативно закрепленными принципами его внедрения. Следует отметить, что в настоящее время регламентация применения ИИ в различных областях науки и техники находится на относительно раннем этапе становления.

В связи с этим достаточно интересен международный опыт регулирования ИИ. К числу международных НПА фундаментального характера, затрагивающих в том числе и вопросы ИИ, можно отнести Окинавскую хартию глобального информационного общества[1], принятую 22 июля 2000 года и подписанную представителями «Большой восьмерки» (*G8*), в том числе и Россией (в настоящее время свое участие прекратила). Хартия не затрагивает вопросы, связанные с ИИ напрямую, однако закрепляет необходимость формирования нормативной базы для оптимизации глобальных сетей и сокращения разрыва в цифровых технологиях.

Позднее на международном уровне были приняты первые документы, которые более точечно регулируют отдельные вопросы использования систем ИИ. В целом для зарубежных стран характерен так называемый «мягкий» подход к регулированию данной технологий. Большинство документов, посвященных ИИ, были приняты в последние десять лет, и они, как правило, носят рекомендательный характер. Вот список некоторых из них:

1) межправительственный стандарт по искусственному интеллекту «Рекомендации по искусственному интеллекту» Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). 36 стран – членов ОЭСР, а также Аргентина, Бразилия, Колумбия, Коста-Рика, Перу и Румыния подписали принципы ОЭСР по ИИ в 2019 году[2];

2) рекомендации об этических аспектах ИИ, которые приняты в 2021 году Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО)[3]. Документ предполагает добровольное применение его положений участниками. Существенное внимание уделяется вопросам безопасности и защищенности человека при взаимодействии с ИИ, подконтрольности данных систем человеку, про-

[1] Окинавская хартия глобального информационного общества (принята на о. Окинава 22.07.2000) // Дипломатический вестник. 2000. № 8. С. 51–56.

[2] 42 страны одобрили переработанную Рекомендацию Совета по искусственному интеллекту. URL: https://globalcentre.hse.ru/news/276245330.html (дата обращения: 28.06.2025).

[3] Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455_rus (дата обращения: 30.06.2025).

зрачности и объяснимости результатов, полученных с помощью технологий, а также соблюдения прав человека при их внедрении. В целом в указанном документе четко прослеживается риск-ориентированный подход к данной технологии.

Помимо этого, существует целый ряд стандартов, связанных с ИИ, в том числе международных. Примером могут служить технические стандарты, регламенты, рекомендации, подготовленные Международной организацией по стандартизации (ISO). Стандарты данной организации содержат передовой научно-технический опыт различных стран [1, с. 80].

Интересен опыт национального регулирования искусственного интеллекта в странах-лидерах указанной технологической области (Китай, США, Европейские страны), который уже достаточно подробно освящен в научной литературе [2, с. 54–65], [3, с. 46–73] [4, с. 48–56], [5, с. 59–100], [6, с. 52–63], [7, с. 72–80], в связи с чем в данной статье более тщательно рассмотрен не будет.

Переходя к рассмотрению вопроса о национальном правовом регулировании в Российской Федерации, следует отметить тот факт, что анализ заявлений представителей публичной власти свидетельствует о том, что развитие и внедрение технологий ИИ определены в качестве одного из приоритетов государственного развития. К числу документов стратегического характера в данной сфере можно отнести:

1) «Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»[1], определяющую цели и задачи развития ИИ в нашей стране на ближайшую перспективу;

2) Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»[2], устанавливающий цифровую трансформацию государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы как одну из основных целей;

3) Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»[3], который определяет внедрение ИИ как одно из основных направлений развития российских информационных и коммуникационных технологий.

Помимо указанных документов стратегического характера, основу правового регулирования ИИ в РФ составляют следующие документы:

1) Указ Президента Российской Федерации от 18.06.2024 № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий»[4]. Пункт 25 раздела 2 данного нормативного правового акта содержит перечень сквозных технологий, в числе которых отмечены технологии искусственного интеллекта в отраслях экономики, социальной сферы (включая сферу общественной безопасности) и в органах публичной власти;

2) Федеральный закон от 02.07.2021 № 331-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием

---

[1] О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 10 ноября 2019 г. № 490. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Рос. Федерации от 7 мая 2024 г. № 309. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента Рос. Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий: Указ Президента Рос. Федерации от 18 июня 2024 г. № 529. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»[1];

3) Приказ Минэкономразвития России от 02.07.2021 № 407 «Об утверждении отдельных методик расчета показателей федерального проекта «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика РФ»[2];

4) Приказ Министерства экономического развития РФ от 29.06.2021 № 392 «Об утверждении критериев определения принадлежности проектов к проектам в сфере искусственного интеллекта»[3].

Также в настоящее время действует множество Национальных стандартов Российской Федерации, касающихся применения ИИ в различных областях (медицине, связи, образовании, беспилотном транспорте и т. д.)[4].

Еще один инструмент, который служит цели внедрения наиболее эффективных технологий ИИ на территории РФ, – экспериментальные правовые режимы. Постановление Правительства РФ от 28.10.2020 № 1750 «Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций» устанавливает, что экспериментальные правовые режимы могут быть распространены на следующие технологии: обработка естественного языка, распознавание и синтез речи; компьютерное зрение, машинные рекомендации и поддержка принятия решений, а также ряд иных направлений[5].

В настоящее время на территории РФ функционирует более 10 экспериментальных правовых режимов, большая часть из которых регулирует применение отдельных технологии ИИ. Примером может служить режим, установленный Федеральным законом «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве» и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» от 24.04.2020 № 123-ФЗ[6]. В число задач данного экспериментального правового режима входят:

1) создание благоприятных правовых условий развития технологий искусственного интеллекта;

---

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»: Федер. закон Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 331-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об утверждении отдельных методик расчета показателей федерального проекта «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: приказ Минэкономразвития России от 2 июля 2021 г. № 407. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Об утверждении критериев определения принадлежности проектов к проектам в сфере искусственного интеллекта: Приказ Минэкономразвития России от 29 июня 2021 г. № 392. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Росстандарт. Стандарты и регламенты. URL: https://www.rst.gov.ru/portal/gost/home/standarts/aista%20ndarts?ysclid=meh4o0xrmf620044538 (дата обращения: 04.07.2025).

[5] Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций: Постановление Правительства Рос. Федерации от 28 октября 2020 г. № 1750. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[6] О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федер. закон Рос. Федерации от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2) апробация технологий искусственного интеллекта и результатов его применения в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве;

3) оценка эффективности и результативности установления специального регулирования по результатам установления экспериментального правового режима.

Помимо этого, на территории РФ действует ряд рекомендательных норм. К примеру, Кодекс этики в сфере ИИ (принят 26.10.2021) представляет собой инструмент «мягкого» права, который ориентирован на добровольное применение всеми участниками отношений, возникающих в процессе создания, обучения и использования систем ИИ.

Довольно интересным в контексте определения современного состояния правового регулирования ИИ является мнение Е. И. Галяшиной, Е. А. Антоняна, К. М. Богатырева которые отмечают, что «путь развития правового регулирования должен пройти следующие этапы:

– введение экспериментальных правовых режимов (разработанных по результатам аналитической работы и научных исследований);

– разработка стандартов, учитывающих особенности и возможности упомянутых технологий;

– создание этических кодексов, содержащих взвешенную консолидированную позицию общества» [8, с. 33].

Как видно из приведенного выше анализа, правовое регулирование в нашей стране уже преодолело данные этапы. Однако представляется, что указанные этапы охватывают лишь начальный этап становления правовой базы и не являются конечной точкой формирования правового фундамента. На наш взгляд, в настоящее время необходимо принятие всеобъемлющего законодательного акта (пакета актов) федерального уровня, а также соответствующее отраслевое правовое регулирование.

В настоящее время в РФ разрабатывается законопроект «О регулировании систем ИИ», в котором предлагается разрешить широкий круг вопросов, начиная с нормативного закрепления ключевых понятий в области ИИ и заканчивая вопросами ответственности за вред, причиненный системами ИИ[1]. Также предлагается разделение систем на группы по уровню риска и установление требований об обязательной государственной регистрации и сертификации систем с высоким уровнем риска (в том числе используемых в правоохранительной сфере).

Правовое регулирование отраслевого применения ИИ в настоящее время носит фрагментарный характер, что во многом справедливо и для правоохранительной сферы.

Одними из немногих ведомственных нормативно-правовых актов, в которых упоминается ИИ, являются распоряжения МВД. К примеру, в распоряжении МВД России № 1/37 (ред. от 30.06.2022) «Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2022–2024 годы»[2] в качестве одной из задач была определена ликвидация имеющихся отставаний по вопросам применения технологий искусственного интеллекта. К конкретным направлениям работы указанным документом относились проекты, предусматривающие использование и (или) разработку технологий, основанных на использовании искусственного интеллекта (компьютерное зрение, обработка естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальная

[1] Интеллектуальный запрос на регулирование. Рабочая группа подготовила законопроект об искусственном интеллекте. URL: https://www.rbc.ru/newspaper/2025/04/11/67f7dc399a79477fdd97bf30 (дата обращения: 13.04.2025).

[2] Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2022–2024 годы: распоряжение МВД России от 11 января 2022 г. № 1/37 (ред. от 30.06.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

поддержка принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта и создание дата-сетов).

Вместе с тем представляется, что в регламентации отдельных вопросов применения систем ИИ в деятельности правоохранительных органов на данный момент присутствует некоторая пробельность, для устранения которой требуются дополнительные меры. В частности, нуждаются в нормативном закреплении регламенты обучения специализированных систем ИИ; процедуры формирования наборов данных для обучения таких систем; урегулирование вопроса о допустимости использования открытых моделей ИИ для решения отдельных задач в деятельности правоохранительных органов.

1. Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта 2-е изд., обновл. и доп. Н. Новгород: ФГАОУ ВПО «ННГУ имени Н. И. Лобачевского», 2022. 275 с.
2. Филипова И. А. Искусственный интеллект: европейский подход к регулированию // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 2. С. 54–65.
3. Филипова И. А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт Китая // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Т. 2. № 1. С. 46–73.
4. Собенин А. А. Искусственный интеллект в уголовной юстиции Российской Федерации и Китайской Народной Республики: важность государственно-правового регулирования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 1. С. 48–56.
5. Марченко А. Ю. Правовой анализ новейшего законодательства ЕС о применении технологий искусственного интеллекта: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Марченко Анна Юрьевна. Москва, 2022. 208 с.
6. Мартынова Е. А. Комментарий к Рамочной конвенции Совета Европы об искусственном интеллекте, правах человека, демократии и верховенстве права / Е. А. Мартынова, С. П. Сушков, А. П. Евсеев, Д. Д. Штодина // Журнал ВШЭ по международному праву. 2024. Т. 2. № 3. С. 52–63.
7. Харитонова Ю. С. Правовое регулирование применения технологии искусственного интеллекта в военном деле: опыт России и Китая // Журнал прикладных исследований. 2021. № 1. С. 72–80.
8. Галяшина Е. И. Защита от злоупотребления искусственным интеллектом и нейротехнологиями в аспекте медиабезопасности: монография / Е. И. Галяшина, Е. А. Антонян, К. М. Богатырев; под. ред. Е. И. Галяшина. М.: Проспект, 2025. 272 с.

1. Filipova I. A. Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta 2-e izd., obnovl. i dop. N. Novgorod: FGAOU VPO «NNGU imeni N. I. Lobachevskogo», 2022. 275 s.
2. Filipova I. A. Iskusstvenny`j intellekt: evropejskij podxod k regulirovaniyu // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya. 2023. T. 19. № 2. S. 54–65.
3. Filipova I. A. Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta: opy`t Kitaya // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. T. 2. № 1. S. 46–73.
4. Sobenin A. A. Iskusstvenny`j intellekt v ugolovnoj yusticii Rossijskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki: vazhnost` gosudarstvenno-pravovogo regulirovaniya // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA). 2024. № 1. S. 48–56.
5. Marchenko A. Yu. Pravovoj analiz novejshego zakonodatel`stva ES o primenenii texnologij iskusstvennogo intellekta: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.10 / Marchenko Anna Yur`evna. Moskva, 2022. 208 s.
6. Marty`nova E. A. Kommentarij k Ramochnoj konvencii Soveta Evropy` ob iskusstvennom intellekte, pravax cheloveka, demokratii i verxovenstve prava /

E. A. Marty`nova, S. P. Sushkov, A. P. Evseev, D. D. Shtodina // Zhurnal VShE` po mezhdunarodnomu pravu. 2024. T. 2. № 3. S. 52–63.
7. Xaritonova Yu. S. Pravovoe regulirovanie primeneniya texnologii iskusstvennogo intellekta v voennom dele: opy`t Rossii i Kitaya // Zhurnal prikladny`x issledovanij. 2021. № 1. S. 72–80.
8. Galyashina E. I. Zashhita ot zloupotrebleniya iskusstvenny`m intellektom i nejrotexnologiyami v aspekte mediabezopasnosti: monografiya / E. I. Galyashina, E. A. Antonyan, K. M. Bogaty`rev; pod. red. E. I. Galyashina. M.: Prospekt, 2025. 272 s.

Информация об авторах

Андрей Николаевич Сретенцев. Профессор кафедры криминалистики и предварительного расследования в органах внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Марина Александровна Муравьева. Научный сотрудник 3 отдела НИЦ № 4.
ФГКУ «ВНИИ МВД России».
121069, Россия, Москва, ул. Поварская, 25.

Information about the authors

Andrey N. Sretentsev. Professor of the Department of Criminalistics and Preliminary Investigation in Internal Affairs, Candidate of sciences (Law), Associate Professor.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Marina Al. Muravyeva. Researcher at Department 3 of Research Center № 4.
«NRI of the Ministry of Interior of Russia».
121069, Russia, Moscow, Povarskaya Str., 25.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 18.05.2026; одобрена после рецензирования 10.06.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was received in the editorial office on 18.05.2026; approved after review on 10.06.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 343.985.7

ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ПРИМЕНЕНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОСМОТРА МЕСТА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ

Сучков Андрей Игоревич
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия

andr2892@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются правовые и организационные аспекты применения беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) при осмотре места дорожно-транспортного происшествия. Анализируется действующее законодательство, регламентирующее использование БПЛА в воздушном пространстве, а также проблематика определения правового статуса оператора беспилотного воздушного судна. Обосновывается необходимость внедрения БПЛА в деятельность органов внутренних дел, включая подготовку специализированных кадров и разработку ведомственных нормативных актов.

Ключевые слова: беспилотный летательный аппарат, осмотр места происшествия, дорожно-транспортное происшествие, правовое регулирование, оператор БПЛА, подготовка кадров.

Для цитирования: Сучков А. И. Правовая оценка применения беспилотных летательных аппаратов при производстве осмотра места дорожно-транспортного происшествия // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 296–302.

LEGAL ASSESSMENT OF THE USE OF UNMANNED AERIAL VEHICLES IN THE INSPECTION OF THE SCENE OF A TRAFFIC ACCIDENT

Andrei Ig. Suchkov
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

andr2892@mail.ru

Annotation. The article examines the legal and organizational aspects of the use of unmanned aerial vehicles (UAVs) when inspecting the scene of a traffic accident. The current legislation regulating the use of UAVs in airspace, as well as the problem of determining the legal status of an unmanned aircraft operator, is analyzed. The need to introduce UAVs into the activities of internal affairs bodies is justified, including the training of specialized personnel and the development of departmental regulations.

Keywords: unmanned aerial vehicle, inspection of the scene, traffic accident, legal regulation, UAV operator, personnel training.

For citation: Suchkov A. I. Legal assessment of the use of unmanned aerial vehicles in the inspection of the scene of a traffic accident // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanova. 2026. № 2(107). P. 296–302.

Современный этап развития технологий предопределил активное внедрение достижений в области автоматизации и дистанционного зондирования в практическую деятельность правоохранительных органов. Беспилотные летательные аппараты (далее – БПЛА) выступают одним из наиболее перспективных инструментов фиксации обстановки на месте происшествия, позволяя оперативно получать высококачественные фото- и видеоматериалы, в том числе с труднодоступных участков. Особую значимость применение БПЛА приобретает при осмотре места дорожно-транспортного происшествия (далее – ДТП), где масштабность территории, сложность дорожной обстановки и необходимость точного документирования следовой картины требуют использования современных технических средств [1, с. 105]. Как справедливо отмечают Е. В. Прокофьева, Р. А. Мерзликин и В. А. Гаужаева, современное развитие криминалистической техники позволяет решать проблемы осмотра места ДТП с помощью беспилотных летательных аппаратов, которые дают возможность зафиксировать обстановку происшествия единым кадром, обеспечивая объективную и полную картину произошедшего [2, с. 305]. Как отмечает А. В. Легчилкин, применение БПЛА при фотосъемке позволяет запечатлеть место происшествия с высоты, охватить объекты в их совокупности, зафиксировать расположение следов, предметов и неподвижных ориентиров местности, находящихся на значительном расстоянии друг от друга [3, с. 286].

Вместе с тем правовая регламентация использования беспилотных воздушных судов (далее – БВС) в деятельности органов внутренних дел остается фрагментарной. Отсутствие четкого понятийного аппарата, неопределенность статуса оператора БПЛА, а также необходимость интеграции в существующую систему воздушного движения порождают вопросы, требующие безотлагательного разрешения. В настоящей статье предпринята попытка комплексного анализа правовых условий применения БПЛА при осмотре места ДТП, а также выработки предложений по совершенствованию нормативного регулирования и подготовки кадров для данной сферы.

Основополагающим нормативным актом, регулирующим отношения в сфере использования воздушного пространства, является Воздушный кодекс Российской Федерации, который содержит как общие нормы, распространяющиеся на все воздушные суда, так и специальные положения, касающиеся беспилотных аппаратов [2, с. 145]. Вместе с тем, как справедливо отмечает Д. А. Полетыкина, многие нормы Воздушного кодекса ориентированы на пилотируемую авиацию, что создает сложности в правоприменительной практике [2, с. 146].

Детализация требований к использованию БПЛА осуществляется на уровне ведомственных актов. В частности, порядок использования воздушного пространства регламентируется Федеральными авиационными правилами (ФАП), а требования к подготовке и выполнению полетов – ФАП-128. Особое значение имеют Правила учета беспилотных гражданских воздушных судов с максимальной взлетной массой от 0,25 килограмма до 30 килограммов, ввезенных в Российскую Федерацию или произведенных в Российской Федерации, утвержденные постановлением Правительства РФ от 25 мая 2019 г. № 658.

Несмотря на наличие указанных нормативных актов, правовое регулирование применения БПЛА в узкоспециализированных сферах, в том числе в деятельности органов внутренних дел, остается недостаточно разработанным. Отсутствие единого понятийного аппарата, разграничения статуса БПЛА как технического средства и воздушного судна, а также неопределенность правового положения оператора существенно затрудняют внедрение беспилотных технологий в следственную практику [3, с. 67].

Интеграция БПЛА в деятельность специалистов-криминалистов и сотрудников Госавтоинспекции МВД России требует не только технического оснащения,

но и формирования четкой правовой основы. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом РФ осмотр места происшествия (ст. 176–177) является неотложным следственным действием, в ходе которого допускается применение технических средств фиксации. Однако вопрос о том, может ли БПЛА рассматриваться в качестве технического средства либо же он подпадает под правовой режим воздушного судна, остается дискуссионным.

С точки зрения действующего законодательства, беспилотное воздушное судно вне зависимости от его массы формально подчиняется общим правилам использования воздушного пространства. Это налагает на сотрудников органов внутренних дел, применяющих БПЛА, обязанность по соблюдению требований ФАП-138, включая необходимость получения разрешений на использование воздушного пространства, что в условиях оперативной работы при осмотре места ДТП представляется затруднительным.

В связи с этим рядом авторов высказывается обоснованное мнение о необходимости разграничения статуса БПЛА в зависимости от целей их использования. Для следственных действий целесообразно рассматривать БПЛА в качестве технико-криминалистического средства, а не воздушного судна, что позволит снизить административные барьеры при их применении [4, с. 146]. Соответственно, лицо, управляющее аппаратом, должно определяться не как командир воздушного судна (с возложением соответствующих прав и обязанностей), а как специалист, применяющий техническое средство в рамках следственного действия.

Эффективность применения БПЛА при осмотре места ДТП напрямую зависит от уровня профессиональной подготовки операторов. В настоящее время в системе МВД России отсутствует единая программа подготовки специалистов по управлению беспилотными летательными аппаратами для нужд следствия и экспертизы. Подготовка, как правило, осуществляется либо в рамках повышения квалификации на коммерческой основе, либо силами самих подразделений без единого методического обеспечения.

Как справедливо отмечает Г. А. Грищенко, формирование кадрового потенциала в сфере эксплуатации БПЛА должно носить опережающий характер и включать не только обучение навыкам пилотирования, но и освоение методов фото- и видеофиксации, трехмерного моделирования места происшествия, а также основ работы с геоинформационными системами [5, с. 133]. Кроме того, подготовка должна учитывать специфику работы в различных погодно-климатических условиях, а также в условиях сложной городской застройки и интенсивного движения транспорта.

Важным аспектом является правовое закрепление статуса оператора БПЛА в структуре органов внутренних дел. Представляется целесообразным введение должности «специалист-оператор беспилотного летательного аппарата» с соответствующими квалификационными требованиями, а также разработка ведомственного порядка применения БПЛА при производстве следственных действий. Указанные меры позволят унифицировать подходы к использованию беспилотных технологий и повысить доказательственное значение получаемых материалов.

Анализ нормативной базы и экспертной практики позволяет выделить следующие системные проблемы, препятствующие широкому внедрению БПЛА в деятельность по осмотру места ДТП:

1. Отсутствие единого понятийного аппарата, легальное определение БПЛА и разграничение его правового режима в зависимости от массы и целей использования требуют корректировки. Предлагается в ведомственных нормативных актах МВД России закрепить понятие «беспилотное технико-криминалистическое средство», выведя его из-под действия общих авиационных правил при проведении неотложных следственных действий.

2. Неопределенность статуса оператора, лицо, управляющее БПЛА в ходе осмотра места происшествия, должно обладать статусом специалиста (ст. 58 УПК РФ) с возложением на него обязанностей по обеспечению безопасности полета и сохранности доказательственной информации. Моментом возникновения прав и обязанностей оператора следует считать начало подготовки к взлету.

3. Проблема воздушного пространства в городских условиях, применение БПЛА в черте городов сопряжено с необходимостью получения разрешений на использование воздушного пространства, что не всегда возможно в условиях неотложности. Решением могло бы стать введение упрощенного порядка уведомительного характера для органов внутренних дел при проведении следственных действий с установлением зон, где полеты БПЛА запрещены (вблизи аэродромов, режимных объектов и т. п.).

4. Кадровое обеспечение, требуется разработка и утверждение типовой программы профессиональной подготовки операторов БПЛА для подразделений МВД России, включающей как теоретическую, так и практическую части. Подготовка должна осуществляться на базе существующих образовательных организаций системы МВД с привлечением специалистов в области беспилотной авиации.

Как обосновывалось нами ранее, для широкого внедрения БПЛА в следственную практику необходимо обеспечить следователей специализированным оборудованием, внедрить программы обучения работе с беспилотными технологиями, а также разработать единые методики их применения, что позволит оптимизировать расследование дорожных происшествий [6, с. 66]. Интеграция беспилотных технологий в практику осмотра мест дорожно-транспортных происшествий представляет собой фундаментальный шаг в модернизации криминалистической деятельности и повышении эффективности расследования [7, с. 217]. Как отмечает Д. Ч. Ковальчис, применение беспилотных летательных аппаратов позволяет сотрудникам правоохранительных органов оперативно оценивать обстановку на месте происшествия, определять план осмотра и координировать взаимодействие различных подразделений при решении проблемных вопросов [9, с. 243]. Как обоснованно отмечают В. Н. Чаплыгина и В. Ф. Васюков, осмотр места ДТП с применением БПЛА является комплексным следственным действием, сочетающим процессуальные, тактические и технические аспекты. Эффективность такого осмотра напрямую зависит от надлежащей организации всех этапов – от подготовки и планирования до обработки цифровых данных и их процессуального оформления [10, с. 43].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что применение беспилотных летательных аппаратов при осмотре места дорожно-транспортного происшествия имеет неоспоримые преимущества с точки зрения полноты и объективности фиксации обстановки. Однако правовая база, регламентирующая использование БПЛА в деятельности органов внутренних дел, требует дальнейшего совершенствования.

В качестве первоочередных мер целесообразно:

– разработать и принять ведомственный нормативный акт, определяющий порядок применения БПЛА при производстве следственных действий, включая осмотр места ДТП;

– внести изменения в ведомственные квалификационные требования, установив должность «специалист-оператор беспилотного летательного аппарата»;

– создать на базе образовательных организаций МВД России центры подготовки операторов БПЛА с единой учебной программой;

– инициировать внесение изменений в воздушное законодательство, предусматривающих упрощенный порядок использования воздушного пространства для

нужд правоохранительных органов при проведении неотложных следственных действий.

Реализация указанных предложений позволит повысить эффективность раскрытия и расследования преступлений, связанных с дорожно-транспортными происшествиями, и обеспечить надлежащее качество доказательственной базы.

---

1. Пудовкин А. А. Особенности проведения осмотра места происшествия, местности в труднодоступных местах и при дорожно-транспортном происшествии с помощью применения беспилотных летательных аппаратов / А. А. Пудовкин, Д. В. Теткин, Д. В. Бондарев // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 3. С. 104–111.
2. Прокофьева Е. В. Возможности применения беспилотных летательных аппаратов при осмотре места происшествия по факту ДТП / Е. В. Прокофьева, Р. А. Мерзликин, В. А. Гаужаева // Мировые тенденции и перспективы развития науки в эпоху перемен: от теории к практике: Материалы I Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 30 января 2023 года. Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Манускрипт», 2023. С. 305–306.
3. Легчилкин А. В. Фотографирование и видеосъемка мест происшествий с использованием беспилотных летательных аппаратов // Следственная деятельность: наука, образование, практика. 2021. № 1. С. 285–289.
4. Полетыкин Д. А. Правовое регулирование использования беспилотных летательных аппаратов в Российской Федерации: текущее состояние и перспективы развития // Юридическая наука. 2023. № 9. С. 143–153.
5. Анисимов А. П. Правовое регулирование использования беспилотных воздушных судов (квадрокоптеров): дискуссионные вопросы / А. П. Анисимов, Ж. Б. Иванова // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2017. № 4(49). С. 64–70.
6. Мазур Е. С. Современные технико-криминалистические средства, применяемые при проведении поисковых следственных действий / Е. С. Мазур, А. В. Шалакин // Правовые проблемы укрепления Российской государственности: сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции, Томск, 26–28 января 2017 года. Том Часть 74. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2017. С. 146–148.
7. Грищенко Г. А. Правовое регулирование беспилотных летательных аппаратов: российский подход и мировая практика // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12(64). С. 129–136.
8. Бадиков Д. А. Некоторые особенности фиксации осмотра места дорожно-транспортных преступлений с использованием БПЛА / Д. А. Бадиков, А. И. Сучков // Правопорядок: история, теория, практика. 2026. № 1(48). С. 62–66.
9. Поваляев Э. А. Технологии БПЛА в криминалистическом осмотре места ДТП: анализ возможностей и эффективности // Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра, Донецк, 05–07 ноября 2025 года. Донецк: Донецкий государственный университет, 2025. С. 215–217.
10. Ковальчис Д. Ч. Проблемные аспекты применения следователем аэрофотосъемки и программ компьютерного моделирования при проведении осмотра места дорожно-транспортного происшествия // Следственная деятельность: наука, образование, практика. 2022. № 2. С. 240–243.

11. Чаплыгина В. Н. Тактические особенности осмотра места дорожно-транспортного происшествия с использованием беспилотных летательных аппаратов / В. Н. Чаплыгина, В. Ф. Васюков // Безопасность дорожного движения. 2025. № 3(38). С. 43–48.

1. Pudovkin A. A. Osobennosti provedeniya osmotra mesta proisshestviya, mestnosti v trudnodostupny`x mestax i pri dorozhno-transportnom proisshestvii s pomoshh`yu primeneniya bespilotny`x letatel`ny`x apparatov / A. A. Pudovkin, D. V. Tetkin, D. V. Bondarev // Izvestiya Tul`skogo gosudarstvennogo universiteta. E`konomicheskie i yuridicheskie nauki. 2022. № 3. S. 104–111.
2. Prokof`eva E. V. Vozmozhnosti primeneniya bespilotny`x letatel`ny`x apparatov pri osmotre mesta proisshestviya po faktu DTP / E. V. Prokof`eva, R. A. Merzlikin, V. A. Gauzhaeva // Mirovy`e tendencii i perspektivy` razvitiya nauki v e`poxu peremen: ot teorii k praktike: Materialy` I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Rostov-na-Donu, 30 yanvarya 2023 goda. Rostov-na-Donu: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost`yu «Izdatel`stvo Manuskript», 2023. S. 305–306.
3. Legchilkin A. V. Fotografirovanie i videos``emka mest proisshestvij s ispol`zovaniem bespilotny`x letatel`ny`x apparatov // Sledstvennaya deyatel`nost`: nauka, obrazovanie, praktika. 2021. № 1. S. 285–289.
4. Polety`kin D. A. Pravovoe regulirovanie ispol`zovaniya bespilotny`x letatel`ny`x apparatov v Rossijskoj Federacii: tekushhee sostoyanie i perspektivy` razvitiya // Yuridicheskaya nauka. 2023. № 9. S. 143–153.
5. Anisimov A. P. Pravovoe regulirovanie ispol`zovaniya bespilotny`x vozdushny`x sudov (kvadrokopterov): diskussionny`e voprosy` / A. P. Anisimov, Zh. B. Ivanova // Vestnik Instituta zakonodatel`stva Respubliki Kazaxstan. 2017. № 4(49). S. 64–70.
6. Mazur E. S. Sovremenny`e texniko-kriminalisticheskie sredstva, primenyaemy`e pri provedenii poiskovy`x sledstvenny`x dejstvij / E. S. Mazur, A. V. Shalakin // Pravovy`e problemy` ukrepleniya Rossijskoj gosudarstvennosti: sbornik statej po itogam Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Tomsk, 26–28 yanvarya 2017 goda. Tom Chast` 74. Tomsk: Nacional`ny`j issledovatel`skij Tomskij gosudarstvenny`j universitet, 2017. S. 146–148.
7. Grishhenko G. A. Pravovoe regulirovanie bespilotny`x letatel`ny`x apparatov: rossijskij podxod i mirovaya praktika // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA). 2019. № 12(64). S. 129–136.
8. Badikov D. A. Nekotory`e osobennosti fiksacii osmotra mesta dorozhno-transportny`x prestuplenij s ispol`zovaniem BPLA / D. A. Badikov, A. I. Suchkov // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2026. № 1(48). S. 62–66.
9. Povalyaev E`. A. Texnologii BPLA v kriminalisticheskom osmotre mesta DTP: analiz vozmozhnostej i e`ffektivnosti // Doneczkie chteniya – 2025: obrazovanie, nauka, innovacii, kul`tura i vy`zovy` sovremennosti: Materialy` X Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashhennoj 60-letiyu sozdaniya Doneczkogo nauchnogo centra, Doneczk, 05–07 noyabrya 2025 goda. Doneczk: Doneczkij gosudarstvenny`j universitet, 2025. S. 215–217.
10. Koval`chis D. Ch. Problemny`e aspekty` primeneniya sledovatelem ae`rofotos``emki i programm komp`yuternogo modelirovaniya pri provedenii osmotra mesta dorozhno-transportnogo proisshestviya // Sledstvennaya deyatel`nost`: nauka, obrazovanie, praktika. 2022. № 2. S. 240–243.
11. Chaply`gina V. N. Takticheskie osobennosti osmotra mesta dorozhno-transportnogo proisshestviya s ispol`zovaniem bespilotny`x letatel`ny`x apparatov / V. N. Chaply`gina, V. F. Vasyukov // Bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya. 2025. № 3(38). S. 43–48.

Информация об авторе

Андрей Игоревич Сучков. Старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного следствия в ОВД, кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Information about the author

Andrei I. Suchkov. Senior Teacher of the Chair of Criminalistics and Preliminary Investigation by Internal Affairs Bodies, Candidate of sciences (Law).
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 13.05.2026; одобрена после рецензирования 10.06.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was received in the editorial office on 13.05.2026; approved after review on 10.06.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 343.98

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ВОЗДУШНЫХ СУДОВ ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ

Терехова Екатерина Михайловна[1], Смирнов Иван Михайлович[2]
[1,2]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

[1]ekaterina_m_terehova@mail.ru
[2]kadyj@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе анализа единых статистических данных авторы делают вывод о современном состоянии преступности в дорожно-транспортной сфере. Обращается внимание на необходимость повышения эффективности раскрытия и расследования преступлений, совершенных при нарушении правил безопасности движения автотранспорта. Одним из условий совершенствования данной деятельности является надлежащий сбор криминалистически значимой информации на первоначальном этапе расследования. Отмечается проблематика в производстве осмотра места дорожно-транспортного происшествия, отчасти обусловленная сложной дорожной инфраструктурой. По мнению авторов, действенной мерой ее нивелирования выступает расширение внедрения и использования беспилотных воздушных судов в оперативно-служебной деятельности. Обосновывается потенциал применения таких технических устройств, детерминированный их функциональными возможностями. На основе анализа правовой базы, состояния использования беспилотных воздушных судов специализированными подразделениями в ежедневной деятельности, научной литературы, опросов практических сотрудников делается вывод об актуализирующейся потребности правоохранительных органов в квалифицированных специалистах, обладающих соответствующими навыками по применению таких технических достижений; о формировании современных научно обоснованных и апробированных методических рекомендаций; о разработке, внедрении и реализации соответствующих дополнительных образовательных программ в образовательных учреждениях Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: преступления, связанные с нарушением правил безопасности дорожного движения, осмотр места происшествия, беспилотное воздушное судно, методические рекомендации.

Для цитирования: Терехова Е. М., Смирнов И. М. Вопросы современной практики применения беспилотных воздушных судов при осмотре места дорожно-транспортного происшествия // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 303–312.

ISSUES OF MODERN PRACTICE OF USING UNMANNED AIRCRAFT DURING THE INSPECTION OF THE SCENE OF A TRAFFIC ACCIDENT

Ekaterina M. Terekhova[1], Ivan M. Smirnov[2]
[1, 2]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

[1]ekaterina_m_terehova@mail.ru
[2]kadyj@yandex.ru

Annotation. The authors draw conclusions based on the analysis of unified statistical data about the current state of crime in the road transport sector. Attention is drawn to the need to improve the efficiency of solving and investigating crimes committed in violation of traffic safety regulations. One of the conditions for improving this activity is the proper collection of criminologically significant information at the initial stage of investigation. The article highlights the challenges in conducting a road accident scene inspection, which are partly due to the complex road infrastructure. According to the authors, an effective measure to mitigate this problem is to expand the use of unmanned aerial vehicles in operational and service activities. The potential of using such technical devices is justified based on their functional capabilities. Based on an analysis of the legal framework, the state of use of unmanned aerial vehicles by specialized units in their daily activities, scientific literature, and surveys of practical employees, it is concluded that law enforcement agencies are in need of qualified specialists with the appropriate skills to apply such technical achievements; to develop modern, scientifically grounded, and tested methodological recommendations; and to develop, implement, and deliver relevant additional educational programs in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Keywords: crimes related to traffic safety violations, examination of the scene of an accident, unmanned aerial vehicle, methodological recommendations.

For citation: Terekhova E. M., Smirnov I. M. Issues of modern practice of using unmanned aircraft during the inspection of the scene of a traffic accident // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanova. 2026. № 2(107). P. 303–312.

Обеспечение безопасности дорожного движения (далее – БДД) является одной из приоритетных задач государственной политики в сфере транспорта и охраны правопорядка, что подчеркнуто в соответствующей Стратегии[1]. Реализация последней как ключевого ориентира в данной деятельности отмечена президентом Российской Федерации В. В. Путиным на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России[2]. Так, за 2025 год по сведениям Научного центра БДД МВД России зафиксировано более 128 тысяч дорожно-транспортных происшествий с пострадавшими, что на 2,5 % ниже показателя 2024 года[3]. При этом демонстрируемая тенденция не снижает общего уровня аварийности, который остается стабильно высоким, свидетельствуя о наибольшей криминогенности дорожно-транспортной сферы, что негативно отражается на динамике преступлений, связанных с нарушением правил безопасности движения автотранспорта.

Несмотря на комплекс принимаемых мер организационно-правового и профилактического характера, существующая система обеспечения БДД сталкивается с рядом проблем. К ним возможно отнести недостаточную оперативность реагирования на изменяющуюся дорожно-транспортную обстановку, высокую нагрузку на сотрудников Госавтоинспекции, а также ограниченную технологизацию применяемых средств фиксации происшествий, фактически находящуюся десятилетие на том же исключительном уровне [1, с. 110].

[1] Об утверждении Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Рос. Федерации от 14 ноября 2025 г. № 841. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[2] Владимир Путин выступил на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России. Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/comminity_meetings/79255 (дата обращения 10.03.2026).

[3] Отчет о количестве ДТП с пострадавшими за 2024–2025 гг. Единая межведомственная информационно-статистическая система. Государственная статистика. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/36234 (дата обращения 10.03.2026).

При этом последняя оказывает непосредственное влияние на результативность расследования дорожно-транспортных преступных нарушений. В этой связи повышение качества и скорости сбора криминалистически значимой информации посредством применения современных технологичных решений может в целом повысить эффективность расследования и в частности решить такие проблемы, как временные задержки движения, заторовые ситуации, ускорение ликвидации последствий самого дорожно-транспортного происшествия в безопасных для всех участников условиях.

В этих целях научно-техническое и научно-методическое обеспечение расследования преступлений, характеризуемое «освоением и внедрением в криминалистическую практику технических средств, методик их применения и тактических рекомендаций по собиранию и исследованию с их использованием доказательств» [2, с. 17], выступая неотъемлемыми элементами криминалистического обеспечения, по существу и непосредственно, влияют на повышение эффективности деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

В настоящей статье обратим внимание на осмотр места происшествия, являющийся одним из основополагающих следственных действий, направленных на получение криминалистически значимой информации на первоначальном этапе расследования преступных нарушений правил безопасности движения автотранспорта. В условиях интенсивного транспортного потока, высокой плотности застройки, особенно в мегаполисах, осложняющейся дорожной инфраструктуры, традиционные методы осмотра, опирающиеся на линейные замеры и схематические изображения, а также применяемые средства, зачастую не в полной мере точно отражают сложившуюся при дорожно-транспортном происшествии (далее – ДТП) обстановку [3, с. 39], что негативно влияет на следственную практику.

В этом контексте перспективным направлением повышения эффективности работы как следственно-оперативной группы в ходе производства осмотра места происшествия, так и сотрудника Госавтоинспекции при составлении протокола осмотра места ДТП и соответствующей схемы выступает применение беспилотных воздушных судов. Такое предложение, по результатам исследований поддерживается 80 % практических сотрудников [4, с. 110].

Законодательное определение беспилотного воздушного судна содержит в себе весьма расширенные признаки такого устройства: воздушное судно, которое управляется, контролируется в полете пилотом, находящимся вне его борта[1]. В доктрине к дефиниции БВС авторы подходят более основательно. Так, Д. С. Зинченко и А. С. Нерубенко понимают под ним «искусственно созданное, многофункциональное устройство, перемещаемое в воздушном пространстве в отсутствие экипажного состава (пилота) на борту и способное выполнять определенные задачи посредством дистанционного радиоуправления оператором (диспетчерским центром) либо в автономном режиме (с помощью встроенного программного обеспечения)» [5, с. 43]. Данное определение, на наш взгляд, наиболее полно отражает конфигуративные особенности БВС, влияющие на их функциональные возможности. В настоящей статье нами анализируются БВС вертолетного (коптерного) типа [6, с. 24], наиболее подходящие для реализации целей оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел.

Рассмотрим некоторые аспекты потенциала расширения внедрения и использования БВС в ежедневной практической деятельности по производству осмотра места происшествия. Одним из них выступает возможность решения задачи фотовидеофиксации независимо от времени суток, особенно при оснащении БВС дополнительным осветительным оборудованием и высокоточными средствами фиксации, например оптическим лазерным дальномером, фиксирующим и измеряющим объекты. Использова-

[1] Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ние таких систем дает возможность одновременно охватывать большие территории, снимая труднодоступные объекты дорожной инфраструктуры и получать качественные материалы, что в полной мере позволяет задокументировать обстановку на месте происшествия. Данные функциональные возможности БВС неоднократно положительно оценивалось в криминалистических исследованиях, особенно относительно производства осмотров на открытых участках [7, с. 48; 8, с. 686; 9, с. 199].

В то же время существенным преимуществом БВС выступает запечатление участка проезжей части с определением его координат; транспортных средств и их взаимного расположения на местности без смещений и искажений от рельефа и наклона камеры; следовой картины. Полученные таким образом точные сведения из видео- и фотосъемок в комплексе с данными о координатах позволяют создать (с помощью предустановленной программы к устройству) ортофотоплан[1] места дорожно-транспортного происшествия, а также его цифровую трехмерную модель, что отвечает высоким требованиям четкости и достоверности. Помимо этого, благодаря применению современных методов фиксации многократное изучение и углубленный анализ следовой информации могут быть реализованы без повторного выезда на место происшествия [10, с. 255].

Однако для обладания качеством допустимости полученных таким образом доказательств необходимо, чтобы используемые БВС стояли не только на балансе правоохранительных органов, но и их применение осуществлялось квалифицированными специалистами в соответствии с научно обоснованными методическими рекомендациями. Значительным шагом в данном направлении выступило создание в 2022 году на базе центра информационных технологий, связи и защиты информации территориальных органов МВД России подразделений по применению и эксплуатации робототехнических комплексов и беспилотных воздушных судов. В задачи этих подразделений входит использование и обслуживание подобных технических средств для проведения неотложных следственных действий, а также оперативно-розыскных мероприятий. В соответствии со штатным расписанием кадровый состав данных подразделений состоит из руководителя полетами, оператора, инженера, техника и внешнего пилота (п. 12.61 приказа)[2]. Из этого можно сделать вывод о том, что складывается надлежащая правовая база для правомерного применения БВС в целях получения криминалистически значимой информации в ходе расследования.

При этом согласно требованиям законодательства Российской Федерации[3] для осуществления полетов БВС необходим соответствующий план и разрешение на использование воздушного пространства. Исключением является их применение при пресечении и раскрытии преступлений с условием безопасного использования воздушного пространства и незамедлительного сообщения в органы Единой системы организации воздушного движения Российской Федерации. Таким образом, допустимо применение БВС в ходе осмотра места дорожно-транспортного происшествия по преступлениям, совершенным ввиду нарушения правил безопасного движения автотранспорта, производящегося в целях их раскрытия и дальнейшего расследования. Однако вопрос об оперативности такого использования остается не до конца разрешенным, поскольку ведомственная система централизованной координации полетов не сформирована.

---

[1] Ортофотоплан – геопривязанное изображение местности, очищенное от искажений рельефа и наклона камеры. Аэрофотосъемка. URL: http://www.fly-photo.ru/ortophotoplan.htm (дата обращения 10.03.2026).

[2] Об утверждении Положения о Департаменте информационных технологий, связи и защиты информации Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 15 июня 2021 г. № 444. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации»: постановление Правительства Рос. Федерации от 11 марта 2010 г. № 138. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Вместе с тем анализ правоприменительной практики, проведенный И. В. Тишутиной и П. А. Кононовым в рамках комплексного изучения материалов проверок и уголовных дел данной категории, свидетельствует о единичных случаях использования таких устройств в ходе осмотров мест происшествия при ДТП. Причинами сложившегося положения, как показывают результаты их исследования, является дефицит квалифицированных специалистов, обладающих навыками эксплуатации БВС, отсутствие у сотрудников практического опыта их применения, а также неразработанность соответствующего методического обеспечения [4, с. 31].

Так, в периодической научной литературе в целях разрешения указанных сложностей и обоснования увеличения частоты использования и расширения доступности БВС представлены предложения о возложении дополнительных функций по пилотированию беспилотных аппаратов на сотрудников экспертно-криминалистических подразделений (далее – ЭКП), уже задействованных на месте происшествия в качестве специалистов [10, с. 119]. При этом в современных условиях организации деятельности ЭКП данный подход нам представляется иррациональным, поскольку управление БВС зачастую требует привлечения дополнительных ресурсов (например, помощи для обеспечения взлета и посадки [11, с. 164]), что неизбежно отвлечет специалиста-криминалиста от выполнения его основных процессуальных обязанностей по поиску, выявлению и изъятию следов. По этой причине при оформлении целостной системы специализированных подразделений по применению и эксплуатации робототехнических комплексов и беспилотных воздушных судов нам видится целесообразным привлекать их представителей в качестве отдельных специалистов, обладающих навыками и умениями в использовании БВС, к производству следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Наряду с анализом проблематики повседневного и оправданного использования указанных технических достижений нами в целом рассматривается программно-целевая концепция организации и регламентации системы научно-технического обеспечения судопроизводства, которую обосновывал в своих трудах выдающийся отечественный ученый-криминалист А. Ф. Волынский. Согласно его предложениям, аргументируется «создание альтернативной государственной системы судебно-экспертных учреждений (для правоохранительных органов)», в которой с опорой на опыт деятельности следователей-криминалистов Следственного комитета России необходимо «организовать аналогичную форму использования специальных знаний в других правоохранительных министерствах и ведомствах» [12, с. 59; 13, с. 37]. В контексте привлечения специалистов, управляющих БВС, такой подход позволит обеспечить непосредственно на местах наиболее эффективную форму организации их участия в производстве следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, а также осуществлять и поддерживать на должном уровне их подготовку и переподготовку.

Таким образом, следует констатировать значительный потенциал интеграции беспилотных воздушных судов в практику расследования дорожно-транспортных происшествий, обусловленных нарушениями правил безопасности движения. Применение данных технических средств не ограничивается лишь функцией оперативного и удаленного получения криминалистически значимой информации; оно открывает возможности для их трансформации в высокоточные графические материалы, которые отличаются детальной репрезентацией топографических и пространственных характеристик места происшествия. Более того, использование беспилотных систем выступает ключевым фактором обеспечения безопасности участников осмотра места дорожно-транспортного происшествия, что приобретает особую актуальность в условиях образования заторов и на участках с высокой интенсивностью потока автотранспорта. Ввиду этого актуализируется потребность в своевременной разработке научно обоснованных методических рекомендаций, регламентирующих применение БВС при производ-

стве отдельных следственных действий, а также в создании специализированной программы профессиональной подготовки специалистов соответствующего профиля.

При этом такие рекомендации должны содержать четкие алгоритмы действий сотрудника по подготовке летательного аппарата к работе, применению криминалистических приемов панорамной и детальной съемки, а также по процессуальному оформлению полученных результатов (носителей информации, фототаблиц, схем). В специализированной литературе ученые также уделяют пристальное внимание данному вопросу, и обобщение их научно-практических рекомендаций позволяет дифференцировать алгоритмы применения БВС при производстве следственных действий на два основных этапа: подготовительный и рабочий [14, с. 60; 15, с. 53, 17, с. 195]. Так, подготовительные мероприятия носят преимущественно организационно-технический характер (проверка целостности, уровня заряда аккумуляторов и работоспособности всех систем). Рекомендации рабочего этапа главным образом учитывают специфику осматриваемой территории, характеристики дорожного покрытия, масштаб разрушений и необходимость применения дополнительного навесного оборудования.

Кроме того, по нашему убеждению, разрабатываемые рекомендации должны учитывать современные реалии, а именно необходимость предварительной проверки района предполагаемого осмотра на предмет работы средств радиоэлектронной борьбы (РЭБ). Наличие активных систем радиоэлектронного подавления является критическим фактором, ограничивающим возможность применения БВС, поскольку их воздействие напрямую влияет на устойчивость связи, управляемость и функциональность летательного аппарата. На эти же функциональные возможности таких устройств не меньше влияют метеорологические условия, в которых их возможно применять с наибольшей эффективностью и знания о надлежащей оценке которых необходимы оператору устройства. При этом очевидно, что современная практика использования БВС Вооруженными Силами Российской Федерации в достаточной мере наработана и апробирована. Ее достижения, несомненно, должны быть внедрены и реализованы в деятельности правоохранительных органов для выполнения оперативно-служебных задач.

Вместе с этим работа в данном направлении активно ведется. Так, с 2023 года на базе Академии управления МВД России [16, с. 41] ее коллективом разработана дополнительная профессиональная программа по освоению беспилотных летательных аппаратов и робототехнических комплексов сотрудниками органов внутренних дел[1] и успешно осуществляется подготовка и переподготовка соответствующих специалистов. В курс ее изучения входят следующие положения: правовые и организационные основы применения БВС в России, а также международный опыт; их технические и оперативные особенности работы; методы и технологии эксплуатации; основы обеспечения безопасности при использовании устройства – его технического состояния и личные меры для управляющего оператора; инновационные подходы в обучении с опорой на практическую составляющую; роль профессиональных навыков, знаний и умений в служебной деятельности.

Анализ данной программы показывает, что компетенции, которыми должен обладать оператор БВС, безусловно, определяют его процессуальный статус как специалиста и его участие в производстве осмотра места происшествия, особенно дорожно-транспортного, является необходимым. В таких обстоятельствах представляется целесообразным распространить аналогичную Академии МВД России практику по осу-

[1] Дополнительная профессиональная программа «Повышение квалификации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, выполняющих оперативно-служебные задачи в особых условиях с применением беспилотных воздушных судов коптерного типа с максимальной взлетной массой 30 кг и менее» / сост. А. В. Сальников, Д. Ф. Теут, Н. С. Ерощенко. Москва: ФКУ НПО «СТиС» МВД России, 2023. 32 с.

ществлению дополнительного обучения действующих и вновь прибывших сотрудников соответствующих территориальных подразделений МВД в ведомственных образовательных учреждениях.

Данное предложение по своему существу, направленное на подготовку кадрового состава, обеспечивает деятельность по раскрытию и расследованию преступлений, совершенных при нарушении правил дорожного движения, такими специалистами, которые способны реализовывать свои компетенции в условиях постоянной готовности. Однако уровень их вовлеченности в практическую деятельность правоохранительных органов остается невысоким, что, как нами уже отмечалось, непосредственно влияет на ее эффективность. При этом не возникает сомнений в целесообразности и обоснованности применения БВС в процессе производства осмотра местности, особенно места дорожно-транспортного происшествия.

Таким образом, применение БВС в оперативно-служебной деятельности правоохранительных органов необходимо расширять до уровня «ежедневного использования».

---

1. Былинин И. А. К вопросу применения беспилотных летательных аппаратов в целях фиксации правонарушений в области обеспечения безопасности дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2021. № 3(88). С. 107–114.
2. Волынский А. Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: учебное пособие. М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2016. 195 с.
3. Васюков В. Ф. Тактические особенности проведения осмотра места происшествия с использованием беспилотных летательных аппаратов // Актуальные вопросы расследования преступлений в условиях развития цифровых технологий: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 20-летию кафедры криминалистики и кафедры уголовного процесса, Уфа, 17 октября 2025 года. Уфа: Уфимский юридический институт МВД РФ, 2025. С. 37–41.
4. Тишутина И. В., Кононов П. А. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, связанных с нарушением правил безопасности движения. Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательский дом «Юрлитинформ», 2025. 184 с.
5. Зинченко Д. С., Нерубенко А. С. Беспилотные воздушные судна в деятельности органов внутренних дел: современное состояние и перспективы развития // Вестник БелЮИ МВД России. 2024. № 2. С. 42–49.
6. Измайлова Д. З., Кива В. В., Инютин Е. Д. Безопасность полетов и беспилотные воздушные суда / Экология и безопасность жизнедеятельности: сборник статей XX Международной научно-практической конференции, Пенза, 14–15 декабря 2020 года. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2020. С. 86–90.
7. Бахтеев Д. В. Тактика использования дронов при осмотре места происшествия // Технологии XXI века в юриспруденции: материалы Четвертой международной научно-практической конференции. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2022. С. 47–51.
8. Торопов С. А., Пономарев А.В. Возможности использования БВС при проведении следственных действий // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях: сборник статей. Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2024. С. 684–689.
9. Флоря Д. Ф., Малыхин И. В., Шутова Е. Н. К вопросу о применении технико-криминалистических средств при расследовании преступлений // Белгородские криминалистические чтения: сборник научных трудов, Белгород, 28 апреля 2023 года / Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина. Том 9.

Белгород: Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И. Д. Путилина, 2023. С. 198–201.
10. Налимов Ю. Д. Фиксация хода и результатов осмотра места происшествия при использовании беспилотного воздушного судна // Актуальные проблемы правовых, экономических и гуманитарных наук: Сборник статей научно-представительских мероприятий, Москва, 01 января – 01 2025 года. Москва: ИП Колупаева Е. В., 2025. С. 253–256.
11. Гаужаева В. А., Иноземцев С. В. Применение беспилотных летательных аппаратов при проведении первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий // Право и управление. 2023. № 3. С. 117–120.
12. Лозовский Д. Н., Лозовская Н. Н., Ульянова И. Р. Использование беспилотных летательных аппаратов в процессе расследования преступлений: вопросы теории и практики // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 3(98). С. 162–165.
13. Волынский А. Ф. Криминалистика и судебная экспертиза: уроки истории – ориентиры на будущее // Судебные экспертизы в уголовном процессе: теория и практика: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 19 октября 2023 года. Москва: Московская академия следственного комитета, 2024. С. 53–61.
14. Волынский А. Ф. Научно-техническое обеспечение уголовного судопроизводства: привычные проблемы и возможности их решения // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: Сборник научных статей. Орел: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Орловский юридический институт Министерства внутренних дел России имени В. В. Лукьянова», 2024. С. 37–46.
15. Дронова О. Б., Смагоринский Б. П., Храмова Е. С. Элементы полезной и целевой нагрузки беспилотных летательных аппаратов, обеспечивающих технико-криминалистическое сопровождение расследования преступлений // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики: Сборник научных статей VIII Международной научной конференции. Могилев, 2022. С. 59–63.
16. Прокофьева Е. В., Агаркова Т. К., Семиноженко А. И. Методологические основы применения беспилотных летательных аппаратов для обследования открытых участков местности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 1(71). С. 50–55.
17. Шеховцова Л. С., Налимов Ю. Д. Правовые и криминалистические аспекты использования беспилотного воздушного судна при производстве осмотра места происшествия // Криминологический журнал. 2025. № 2. С. 192–198.
18. Баранов В. В., Голиков Д. В. К вопросу о подготовке руководителей подразделений (отделов, отделений, групп) применения и эксплуатации робототехнических комплексов и беспилотных воздушных судов территориальных органов МВД России на региональном и районном уровнях в Академии управления МВД России // Академическая мысль. 2025. № 1(30). С. 40–45.

1. By`linin I. A. K voprosu primeneniya bespilotny`x letatel`ny`x apparatov v celyax fiksacii pravonarushenij v oblasti obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2021. № 3(88). S. 107–114.
2. Voly`nskij A. F. Kriminalisticheskoe obespechenie raskry`tiya i rassledovaniya prestuplenij: uchebnoe posobie. M.: Moskovskij universitet MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotya, 2016. 195 s.

3. Vasyukov V. F. Takticheskie osobennosti provedeniya osmotra mesta proisshestviya s ispol`zovaniem bespilotny`x letatel`ny`x apparatov // Aktual`ny`e voprosy` rassledovaniya prestuplenij v usloviyax razvitiya cifrovy`x texnologij: Materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashhennoj 20-letiyu kafedry` kriminalistiki i kafedry` ugolovnogo processa, Ufa, 17 oktyabrya 2025 goda. Ufa: Ufimskij yuridicheskij institut MVD RF, 2025. S. 37–41.
4. Tishutina I. V., Kononov P. A. Kriminalisticheskoe obespechenie rassledovaniya prestuplenij, svyazanny`x s narusheniem pravil bezopasnosti dvizheniya. Moskva: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost`yu Izdatel`skij dom «Yurlitinform», 2025. 184 s.
5. Zinchenko D. S., Nerubenko A. S. Bespilotny`e vozdushny`e sudna v deyatel`nosti organov vnutrennix del: sovremennoe sostoyanie i perspektivy` razvitiya // Vestnik BelYuI MVD Rossii. 2024. № 2. S. 42–49.
6. Izmajlova D. Z., Kiva V. V., Inyutin E. D. Bezopasnost` poletov i bespilotny`e vozdushny`e suda / E`kologiya i bezopasnost` zhiznedeyatel`nosti: sbornik statej XX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Penza, 14–15 dekabrya 2020 goda. Penza: Penzenskij gosudarstvenny`j agrarny`j universitet, 2020. S. 86–90.
7. Baxteev D. V. Taktika ispol`zovaniya dronov pri osmotre mesta proisshestviya // Texnologii XXI veka v yurisprudencii: materialy` Chetvertoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Ekaterinburg: Ural`skij gosudarstvenny`j yuridicheskij universitet, 2022. S. 47–51.
8. Toropov S. A., Ponomarev A.V. Vozmozhnosti ispol`zovaniya BVS pri provedenii sledstvenny`x dejstvij // Voprosy` sudebnoj deyatel`nosti i pravoprimeneniya v sovremenny`x usloviyax: Sbornik statej. Simferopol`: OOO «Izdatel`stvo Tipografiya «Arial», 2024. S. 684–689.
9. Florya D. F., Maly`xin I. V., Shutova E. N. K voprosu o primenenii texniko-kriminalisticheskix sredstv pri rassledovanii prestuplenij // Belgorodskie kriminalisticheskie chteniya: sbornik nauchny`x trudov, Belgorod, 28 aprelya 2023 goda / Belgorodskij yuridicheskij institut MVD Rossii imeni I. D. Putilina. Tom 9. Belgorod: Belgorodskij yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii imeni I. D. Putilina, 2023. S. 198–201.
10. Nalimov Yu. D. Fiksaciya xoda i rezul`tatov osmotra mesta proisshestviya pri ispol`zovanii bespilotnogo vozdushnogo sudna // Aktual`ny`e problemy` pravovy`x, e`konomicheskix i gumanitarny`x nauk: Sbornik statej nauchno-predstavitel`skix meropriyatij, Moskva, 01 yanvarya – 01 2025 goda. Moskva: IP Kolupaeva E. V., 2025. S. 253–256.
11. Gauzhaeva V. A., Inozemcev S. V. Primenenie bespilotny`x letatel`ny`x apparatov pri provedenii pervonachal`ny`x sledstvenny`x dejstvij i operativno-rozy`skny`x meropriyatij // Pravo i upravlenie. 2023. № 3. S. 117–120.
12. Lozovskij D. N., Lozovskaya N. N., Ul`yanova I. R. Ispol`zovanie bespilotny`x letatel`ny`x apparatov v processe rassledovaniya prestuplenij: voprosy` teorii i praktiki // Yurist``-Pravoved``. 2021. № 3(98). S. 162–165.
13. Voly`nskij A. F. Kriminalistika i sudebnaya e`kspertiza: uroki istorii – orientiry` na budushhee // Sudebny`e e`kspertizy` v ugolovnom processe: teoriya i praktika: Materialy` II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 19 oktyabrya 2023 goda. Moskva: Moskovskaya akademiya sledstvennogo komiteta, 2024. S. 53–61.
14. Voly`nskij A. F. Nauchno-texnicheskoe obespechenie ugolovnogo sudoproizvodstva: privy`chny`e problemy` i vozmozhnosti ix resheniya // Ugolovno-processual`ny`e i kriminalisticheskie problemy` bor`by` s prestupnost`yu: Sbornik nauchny`x statej. Orel: Federal`noe gosudarstvennoe kazennoe obrazovatel`noe uchrezhdenie vy`sshego professional`nogo obrazovaniya «Orlovskij yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennix del Rossii imeni V. V. Luk`yanova», 2024. S. 37–46.

15. Dronova O. B., Smagorinskij B. P., Xramova E. S. E`lementy` poleznoj i celevoj nagruzki bespilotny`x letatel`ny`x apparatov, obespechivayushhix texniko-kriminalisticheskoe soprovozhdenie rassledovaniya prestuplenij // Aktual`ny`e problemy` ugolovnogo processa i kriminalistiki: Sbornik nauchny`x statej VIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Mogilev, 2022. S. 59–63.
16. Prokof`eva E. V., Agarkova T. K., Seminozhenko A. I. Metodologicheskie osnovy` primeneniya bespilotny`x letatel`ny`x apparatov dlya obsledovaniya otkry`ty`x uchastkov mestnosti // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 1(71). S. 50–55.
17. Shexovczova L. S., Nalimov Yu. D. Pravovy`e i kriminalisticheskie aspekty` ispol`zovaniya bespilotnogo vozdushnogo sudna pri proizvodstve osmotra mesta proisshestviya // Kriminologicheskij zhurnal. 2025. № 2. S. 192–198.
18. Baranov V. V., Golikov D. V. K voprosu o podgotovke rukovoditelej podrazdelenij (otdelov, otdelenij, grupp) primeneniya i e`kspluatacii robototexnicheskix kompleksov i bespilotny`x vozdushny`x sudov territorial`ny`x organov MVD Rossii na regional`nom i rajonnom urovnyax v Akademii upravleniya MVD Rossii // Akademicheskaya my`sl`. 2025. № 1(30). S. 40–45.

Информация об авторах

Екатерина Михайловна Терехова. Преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Иван Михайлович Смирнов. Доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности, кандидат исторических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Information about the authors

Ekaterina M. Terekhova. Teacher of the Chair of Criminal Law and Criminology, Candidate of sciences (Law).
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Ivan M. Smirnov. Assistant Professor Chair of Operational and Investigative Activities, Candidate of Sciences (History).
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 22.05.2026; одобрена после рецензирования 10.06.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was received in the editorial office on 22.05.2026; approved after review on 10.06.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 343.985

«ЩИТ ИЗ МОЛЧАНИЯ»: РЕЖИМ НЕРАЗГЛАШЕНИЯ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Тимофеев Сергей Владимирович
Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия

tsv.1981@mail.ru

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ правового института неразглашения сведений об оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) в Российской Федерации. Исследуются теоретические основы режима «оперативной тайны», ее содержание, субъектный состав обязанных лиц и правовые последствия нарушений. Особое внимание уделяется сравнительно-правовому аспекту: рассматриваются подходы к охране конфиденциальной информации в правоохранительной сфере в международной практике (на примере США, стран Совета Европы). Рассматривается соответствие российских норм международным стандартам в области прав человека, в частности баланс между необходимостью сохранения тайны для эффективного правосудия и правами обвиняемого на справедливое судебное разбирательство. Делается вывод о системообразующей роли принципа неразглашения и его значении как гарантии эффективности ОРД и обеспечения защиты основных прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, конфиденциальность, разглашение сведений, оперативная тайна, правовые последствия, эффективность оперативно-розыскной деятельности, защита прав граждан.

Для цитирования: Тимофеев С. В. «Щит из молчания»: режим неразглашения как системообразующий элемент оперативно-розыскной деятельности // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 313–321.

«A SHIELD OF SILENCE»: NON-DISCLOSURE AS A SYSTEMATIC ELEMENT OF OPERATIVE-SEARCH ACTIVITIES

Sergey V. Timofeev
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russia

tsv.1981@mail.ru

Annotation. This article provides a comprehensive analysis of the legal framework for non-disclosure of information on operational-search activities (hereinafter referred to as OSA) in the Russian Federation. It examines the theoretical foundations of the «operational secrecy» regime, its content, the composition of obligated entities, and the legal consequences of violations. Particular attention is given to the comparative legal aspect: approaches to protecting confidential information in law enforcement in international practice (using the United States and Council of Europe as examples) are examined. An analysis is provided of Russian norms' compliance with international human rights

standards, in particular, the balance between the need to maintain secrecy for effective justice and the accused's right to a fair trial. A conclusion is drawn about the systemically important role of the principle of non-disclosure and its importance as a guarantee of the effectiveness of OSA and the protection of fundamental rights.

Keywords: operational-search activities, confidentiality, disclosure of information, operational secrecy, legal consequences, effectiveness of operational-search activities, protection of citizens' rights.

For citation: Timofeev S. V. «A shield of silence»: non-disclosure as a systematic element of operative-search activities // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 2(107). P. 313–321.

Оперативно-розыскная деятельность, будучи особым видом правоохранительной деятельности, нацелена на защиту общества от преступных посягательств и по своей правовой природе неотделима от режима конфиденциальности и мер, предотвращающих разглашение получаемых сведений. Использование сил, методов и средств ОРД в сочетании с современными возможностями компьютерной криминалистики обеспечивает повышение эффективности решения задач ОРД и повышает качество оперативного сопровождения расследования уголовных дел [1, с. 175–176].

Эффективность решения задач оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) на практике напрямую коррелирует с соблюдением базового принципа – конспирации, который, в свою очередь, обеспечивается особыми мерами, обусловленными особым порядком предоставления результатов ОРД[1].

Теоретическими аспектами соблюдения принципа конспирации при осуществлении ОРД занимались такие видные ученые, как В. М. Атмажитов, В. Г. Бобров, Н. В. Павличенко, М. Л. Якуба и другие. Ряд авторов указывает на то, что одной из сложных и исключительно важных проблем науки оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) является теоретическая разработка вопросов конспирации.

Понятие «принцип» (от лат. principium – основа, первоначало) означает первоначало, руководящая идея, основное правило поведения [2]; основное исходное положение какой-либо научной системы, теории, политического устройства [3]. Под принципами конспирации необходимо понимать основополагающие идеи (категории), позволяющие познать сущность деятельности и служащие «теоретическим обобщением того наиболее типичного, что выражает саму суть явления» [4]. Приведенное положение – базовое при исследовании наиболее важных аспектов принципов конспирации при осуществлении ОРД.

Принципы конспирации напрямую связаны с практической деятельностью оперативных подразделений органов, осуществляющих ОРД, и они не являются научной абстракцией, выдуманной пытливым умом ученого.

По мнению Н. В. Павличенко, принципы конспирации воплощаются, становятся реальностью, а точнее сказать, претворяются в жизнь через практическую деятельность. Именно в связи с тем, что принципы отражают устойчивые особенности отношений, сложившихся в практической деятельности оперативных подразделений, а также в связи с тем, что эти отношения характеризуются константностью

[1] Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказы МВД России, Министерства обороны Рос. Федерации, ФСБ России, Федеральной службы охраны Рос. Федерации, Федеральной таможенной службы, Службы внешней разведки Рос. Федерации, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы Рос. Федерации по контролю за оборотом наркотиков, Следственного комитета Рос. Федерации от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

(стабильностью), можно говорить об объективности принципов конспирации. В свою очередь, принципы конспирации носят субъективный характер, так как они вырабатываются, формулируются и обобщаются человеком (ученым), занимающимся их разработкой (до момента закрепления в нормативном правовом акте), или являются продуктом сознательного творчества законодателя, т. е. ученый либо законодатель формулирует объективно существующие принципы конспирации [5, с. 81].

Существует мнение, что принцип становится таковым только после его закрепления в нормативном акте. Если согласиться с тем, что никакие идеи сами по себе не могут регулировать правовые действия и правовые отношения до тех пор, пока они не обретут государственно-властного, а поэтому и общеобязательного характера, т. е. до тех пор, пока они не станут правовыми нормами, то придется признать, что ОРД в целом и конспирация в частности не имели своих принципов до 1992 года – года издания Закона Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации». Такой подход представляется не совсем верным.

Совершенно справедливо в этом отношении высказался М. Л. Якуба, который, изучая аналогичную проблему применительно к уголовному процессу, пришел к следующему выводу: «Если та или иная идея не получила в законе выражения, то это не значит, что она отвергнута законодателем, возможная причина этого может заключаться в том, что она не проверена практикой или недостаточно разработана» [6, с. 67].

В целом соглашаясь с данным высказыванием, необходимо отметить, что принципы конспирации давно и успешно применяются в оперативно-розыскной практике, так как история разведывательной деятельности насчитывает тысячелетия (в этом проявляется объективность принципов конспирации).

В свою очередь, они недостаточно разработаны в связи с тем, что ОРД как наука сформировалась лишь в середине XX века. Кроме того, причиной сложившейся ситуации является, на наш взгляд, отсутствие у законодателя достаточного опыта нормативного регулирования ОРД с учетом развития современных технологий передачи информации. В этом контексте справедлива точка зрения Д. Ф. Флори, который отметил, что «в современном мире расширение областей применения информационных технологий, которые являются фактором развития экономики и совершенствования функционирования общественных и государственных институтов, одновременно порождает новые проявления транснациональной преступности» [7, с. 119].

Недопустимость разглашения сведений об осуществлении ОРД является не просто тактическим приемом, а фундаментальным правовым принципом, закрепленным в ст. 5, 12 и 12.1 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД)[1]. Его значение выходит за рамки ведомственных интересов, затрагивая основы национальной безопасности, эффективность уголовного преследования и защиту фундаментальных прав человека.

Особого внимания заслуживает Федеральный закон от 10 января 2021 г. № 515-ФЗ, который в продолжение развития института защиты сведений об осуществлении оперативно-розыскной деятельности ввел четкие требования разглашения сведений, изложенных в запросах органов, осуществляющих ОРД. Так, ст. 12.1 ФЗ об ОРД закреплено, что сведения, содержащиеся в запросах, направляемых гражданам и организациям в процессе осуществления ОРД, не подлежат разглашению, о чем указывается в соответствующем запросе.

[1] Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон Рос. Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Указанные сведения могут быть преданы гласности лишь с разрешения должностного лица органа, осуществляющего ОРД, и только в том объеме, в каком им будет признано это допустимым, если того требуют служебные интересы.

Запрет на предание гласности сведений об осуществлении ОРД не распространяется на сведения, которые:

– оглашены в открытом судебном заседании либо преданы гласности в ходе досудебного производства с разрешения следователя, дознавателя;

– изложены в заявлениях, жалобах и иных документах при оспаривании решений или действий органов (должностных лиц), осуществляющих оперативно-розыскную деятельность;

– распространены органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, следователем, дознавателем, прокурором или судом в средствах массовой информации, информационно-телекоммуникационной сети Интернет или иным публичным способом[1].

Данная норма, закрепленная ФЗ об ОРД, представляет собой новацию, формализующую и поощряющую контакты оперативных аппаратов с общественными институтами. Ее анализ позволяет выделить несколько ключевых аспектов.

Во-первых, статья 12.1 ФЗ об ОРД носит декларативно-поощрительный характер. Она не устанавливает жестких обязанностей для сторон, а создает правовую основу и стимулы для взаимодействия. Основная цель, как следует из текста закона, – повышение эффективности ОРД и профилактики преступлений за счет использования потенциала общественных структур. Это попытка законодателя легализовать и развить практику социального партнерства в сфере оперативно-розыскной деятельности, традиционно закрытой от общества.

Во-вторых, закон четко определяет субъекты взаимодействия. Со стороны государства – это исключительно органы, осуществляющие ОРД, перечисленные в ст. 13 ФЗ Об ОРД. Это не любые правоохранительные органы, а именно оперативные подразделения. Со стороны общества – институты гражданского общества и граждане. К институтам можно отнести общественные палаты, правозащитные и ветеранские организации, казачьи общества, народные дружины, религиозные группы и т. д. Важно, что статья прямо не включает коммерческие организации.

В-третьих, статья 12.1 ФЗ об ОРД предлагает неисчерпывающий перечень форм, которые можно разделить на две группы:

– информационно-аналитические: получение информации о преступлениях и угрозах; проведение совместных аналитических и социологических исследований. Это основной канал, по которому от общества может поступать «сигнальная» информация;

– профилактическо-воспитательные: участие в профилактике преступлений, в т. ч. экстремистской и террористической направленности; правовое воспитание. Здесь акцент смещается на влияние государства, на общество для формирования правосознания.

В отечественной правовой доктрине принцип неразглашения тесно связан с концепцией «оперативной тайны».

Как отмечает А. Ю. Шумилов, оперативная тайна – это «охраняемый законом режим конфиденциальности сведений о силах, средствах, источниках, методах, пла-

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемых лицах и об осуществлении оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2020 г. № 515-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нах и результатах ОРД, разглашение которых может причинить ущерб ее эффективности, безопасности государства, жизни и здоровью людей» [8, с. 145].

Данный режим обеспечивается совокупностью правовых норм, образующих институт защиты служебной информации ограниченного распространения.

Содержание охраняемых сведений определено как прямыми нормами ФЗ об ОРД, так и смежным законодательством. В частности, к ним относятся:

– данные о лицах, внедренных в преступную среду, штатных негласных сотрудниках и, что наиболее важно, конфидентах – лицах, оказывающих содействие на конфиденциальной основе (п. 4 ст. 5, ст. 18 ФЗ об ОРД);

– информация о методах, тактике и технических средствах осуществления ОРД (ст. 1, 6 ФЗ об ОРД)[1];

– организационно-штатная структура оперативных подразделений регулируется ведомственными актами и Законом Российской Федерации «О государственной тайне»[2].

Сведения, полученные в результате оперативно-розыскных мероприятий, до момента их процессуального оформления и представления в качестве доказательств (ч. 2 ст. 89 УПК РФ)[3].

Как подчеркивает В. С. Овчинский, до этой стадии информация носит «ориентирующий» характер и ее преждевременное обнародование может сорвать оперативную комбинацию [9, с. 78].

Круг субъектов, на которых возложена обязанность сохранения тайны, широк: сотрудники органов, осуществляющих ОРД; следователи, прокуроры и судьи, допущенные к таким сведениям; иные лица, которым они стали известны в связи со служебной деятельностью. Особый статус имеют конфиденты, чья безопасность напрямую зависит от соблюдения этого принципа.

Российское уголовное законодательство устанавливает строгую ответственность за нарушение режима оперативной тайны. Так, статьей 311 УК РФ предусмотрена ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении участников уголовного процесса, что напрямую коррелирует с защитой лиц, сотрудничающих с оперативными аппаратами[4]. Статья 320 УК РФ аналогичным образом защищает информацию о мерах безопасности в отношении сотрудников правоохранительных органов.

В случаях, когда разглашение является частью злоупотребления должностными полномочиями, могут применяться статьи 285, 286 УК РФ.

Самым тяжким преступлением по нашему уголовному законодательству считается государственная измена – ст. 275 УК РФ, когда данные, составляющие государственную тайну, уходят к иностранцам. За такое могут наказать не только по уголовной статье, но и применить дисциплинарное наказание – вплоть до увольнения. Кроме того, предусмотрена и гражданско-правовая ответственность с правом потерпевшего требовать возмещения вреда. Такая система наказаний показывает, насколько серьезно российский законодатель относится к охране конфиденциальной информации в сфере ОРД.

---

[1] Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон Рос. Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О государственной тайне: Закон закон Рос. Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

За рубежом тоже понимают, что защищать такие сведения нужно, но подход немного другой с акцентом на правах обвиняемого. Например, Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) в целом допускает специальные методы расследования и не требует раскрывать источники в целях безопасности. Однако он всегда проверяет, не подрывает ли режим секретности справедливость процесса, базовые права из 6-й статьи Конвенции по правам человека.

Особенно остро стоит проблема «слепых доказательств», когда защита не может ни опровергнуть источник, ни поставить под сомнение законность сбора информации. ЕСПЧ разрешает ограничить права защиты, но только если это действительно необходимо, соразмерно цели и есть процедурные механизмы, которые это компенсируют, например, когда судья сам на особых основаниях проверяет секретные материалы [10, с. 103].

В США, кстати, для защиты источников работает «привилегия на сохранение тайны информатора» (она сложилась через судебные прецеденты). Но она не абсолютна, так как суд может заставить раскрыть информацию, если без этого не доказать невиновность или если информатор дал ложные показания. Американский подход смещен в сторону права на перекрестный допрос – это закреплено в Шестой поправке к Конституции [11].

В России при нашем жестком режиме неразглашения возникает похожая дилемма. Как увязать эффективность негласных методов с состязательностью и правом на защиту, предусмотренных ст. 15, 16 УПК? Действующее оперативно-розыскное законодательство, безусловно, описывает, как легализовать результаты оперативки для использования в доказывании (ст. 11, 12), но сама процедура проверки судом закрытых источников остается за ширмой.

Согласно пункту 5 части 2 статьи 75 УПК, любые доказательства, добытые с нарушением закона, считаются недопустимыми. Вот только до сих пор спорят, что именно считать нарушением, когда речь идет о сохранении тайны при передаче материалов в суд.

Интересную мысль высказывает С. В. Зуев. По его словам, наша практика пытается найти баланс. Судья имеет право и даже обязан изучить материалы с государственной тайной в закрытом заседании – проверить, законно ли их получили, но не раскрывать саму тайну защите [12, с. 56]. И такая модель уже близка к разумному компромиссу, но процедурные гарантии все равно нужно дорабатывать, чтобы человека не осудили исключительно на базе непроверяемых «анонимных» доказательств.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что принцип недопустимости разглашения сведений об ОРД является универсальным и необходимым элементом правового регулирования деятельности органов, осуществляющих ОРД при осуществлении деятельности, связанной с борьбой с преступностью как в России, так и за рубежом. Его цель трояка: обеспечить эффективность оперативно-розыскных мер, гарантировать безопасность участников процесса и защитить государственные интересы.

Международный опыт (практика ЕСПЧ, США, Германии, Франции, Казахстана) демонстрирует, что абсолютный приоритет тайны не является безусловным. Ключевым вызовом для любой правовой системы является нахождение справедливого баланса между необходимостью конфиденциальности и фундаментальными правами обвиняемого, прежде всего правом на справедливое судебное разбирательство, включающее право оспаривать доказательства.

В правовом поле Германии, Франции и Казахстана институт сохранения тайны в уголовном процессе существует, но реализуется он по-разному. Если во Франции и Казахстане принцип прямо прописан в законах (французский кодекс охраняет

«секрет следствия», а казахстанский выделяет особый класс «негласных» действий), то в Германии он действует скорее как устоявшаяся и охраняемая практика – несмотря на отсутствие прямых указаний в букве закона.

Во Франции для защиты данных работает единая, охватывающая все стадии система «тайны следствия». На практике предписания строги. Так, с материалами работают по специальному разрешению, а за их утечку предусмотрена уголовная ответственность, что обусловлено необходимостью гарантировать добросовестность расследования и принцип презумпции невиновности.

В Казахстане суть «оперативной тайны» заключается в защите негласных следственных действий, заключающейся в защите сведений о методах их проведения, негласном аудио- и видеоконтроле и помощниках, привлекаемых на конфиденциальной основе, которые защищены и отнесены к сведениям, составляющим государственную тайну. Их законность контролируется на всех этапах – от санкционирования прокурором до судебного надзора[1], а нарушение этой тайны также преследуется по закону.

Российское законодательство создало развитую систему защиты оперативной тайны с серьезными санкциями за ее нарушение. Для дальнейшего совершенствования и полного соответствия международным стандартам целесообразно продолжать развитие и детализировать в уголовно-процессуальном законодательстве процедурные механизмы защиты сведений, составляющих государственную тайну, с соблюдением базового принципа – права на обжалование каждого процессуального действия.

Кроме того, полагаем, что строгое законодательное определение пределов, при которых право на тайну источника информации может быть ограничено в интересах правосудия (например, при наличии обоснованных подозрений в фабрикации доказательств).

Таким образом, полагаем, что положения, закрепленные в статье 12.1 ФЗ об ОРД, – значимый шаг к большей открытости оперативно-розыскной деятельности и это является следствием попытки институционализировать стихийные связи между силовыми структурами и обществом, предлагая легальные каналы для информационного обмена.

Только такой сбалансированный подход позволит сохранить оперативно-розыскную деятельность как эффективный инструмент противодействия преступности, не поступаясь при этом верховенством права и принципами справедливого правосудия.

1. Самоделкин А. С. Использование данных геопространственной разведки (GEOINT) при осуществлении оперативно-розыскной деятельности: вопросы теории и практики / А. С. Самоделкин, С. В. Тимофеев // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2025. № 4(36). С. 174–185.
2. Философский словарь. М.: Политическая литература, 1986. С. 382.
3. Словарь современного русского литературного языка. М.: Академия наук СССР. 1961. С. 638.
4. Добровольская Т. Н. Принципы советского уголовного процесса (вопросы теории и практики). М.: Юрид. лит., 1971. С. 6.
5. Павличенко Н. В. Принципы конспирации оперативно-розыскной деятельности // Полицейское право. 2005. № 3(3). С. 81–83. EDN RAMNWP.
6. Якуб М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном процессе. М., 1981. С. 66–68.
7. Флоря Д. Ф. Проблемы проведения отдельных оперативно-розыскных мероприятий при получении компьютерной информации // Научный вестник

[1] Конституция Республики Казахстан. Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 14.02.2026).

Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2018. № 2(75). С. 119–122.
8. Шумилов А.Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности: учебник. М.: ИНФРА-М. 2022. 288 с.
9. Овчинский В. С. Оперативно-розыскная информация: теория и практика использования. М.: Норма, 2020. 256 с.
10. Устинов, А. В. Право на справедливое судебное разбирательство и использование результатов оперативно-розыскной деятельности: по материалам практики ЕСПЧ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 5. С. 102–112.
11. LaFave W. R., Israel J. H., King N. J., Kerr O. S. Criminal Procedure / W. R. LaFave, J. H. Israel, N. J. King, O.S. Kerr. – 6th ed. – St. Paul: West Academic Publishing, 2017. 1472 p.: URL: https://archive.org/details/criminalprocedur0003lafa_s8g6 (дата обращения: 15.01.2026).
12. Зуев С. В. Конфиденциальность в уголовном судопроизводстве: оперативная тайна и право на защиту // Российский юридический журнал. 2021. № 3(138). С. 56–65.

1. Samodelkin A. S. Ispol`zovanie danny`x geoprostranstvennoj razvedki (GEOINT) pri osushhestvlenii operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti: voprosy` teorii i praktiki / A. S. Samodelkin, S. V. Timofeev // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2025. № 4(36). S. 174–185.
2. Filosofskij slovar`. M.: Politicheskaya literatura, 1986. S. 382.
3. Slovar` sovremennogo russkogo literaturnogo yazy`ka. M.: Akademiya nauk SSSR. 1961. S. 638.
4. Dobrovol`skaya T. N. Principy` sovetskogo ugolovnogo processa (voprosy` teorii i praktiki). M.: Yurid. lit., 1971. S. 6.
5. Pavlichenko N. V. Principy` konspiracii operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti // Policejskoe pravo. 2005. № 3(3). S. 81–83. EDN RAMNWP.
6. Yakub M. L. Processual`naya forma v sovetskom ugolovnom processe. M., 1981. S. 66–68.
7. Florya D. F. Problemy` provedeniya otdel`ny`x operativno-rozy`skny`x meropriyatij pri poluchenii komp`yuternoj informacii // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2018. № 2(75). S. 119–122.
8. Shumilov A.Yu. Kurs osnov operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti: uchebnik. M.: INFRA-M. 2022. 288 s.
9. Ovchinskij V. S. Operativno-rozy`sknaya informaciya: teoriya i praktika ispol`zovaniya. M.: Norma, 2020. 256 s.
10. Ustinov, A. V. Pravo na spravedlivoe sudebnoe razbiratel`stvo i ispol`zovanie rezul`tatov operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti: po materialam praktiki ESPCh // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya. 2019. № 5. S. 102–112.
11. LaFave W. R., Israel J. H., King N. J., Kerr O. S. Criminal Procedure / W. R. LaFave, J. H. Israel, N. J. King, O.S. Kerr. – 6th ed. – St. Paul: West Academic Publishing, 2017. 1472 p.: URL: https://archive.org/details/criminalprocedur0003lafa_s8g6 (data obrashheniya: 15.01.2026).
12. Zuev S. V. Konfidencial`nost` v ugolovnom sudoproizvodstve: operativnaya tajna i pravo na zashhitu // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2021. № 3(138). S. 56–65.

Информация об авторе

Сергей Владимирович Тимофеев. Доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники в ОВД, кандидат юридических наук, доцент.

Восточно-Сибирский институт МВД России.
664074, Российская Федерация, Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Information about the author

Sergey V. Timofeev. Candidate of sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Operational Investigative Activities and Special Equipment in Internal Affairs Bodies, Associate Professor.
East Siberian Institute of the MIA of Russia.
664071, Russian Federation. Irkutsk, Lermontova Str., 110.

Статья поступила в редакцию 09.04.2026; одобрена после рецензирования 15.05.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was received in the editorial office on 09.04.2026; approved after review on 15.05.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 343.9

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С УЧАСТИЕМ ВИНОВНЫХ ЛИЦ, СКРЫВШИХСЯ С МЕСТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Тишков Сергей Александрович[1], Малыхин Игорь Валентинович[2]
[1]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия
[2] Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина

[1]stishkov@list.ru
[2]ig3222666@yandex.ru

Аннотация. В данной статье на основании результатов анализа, имеющегося в криминалистике, рассмотрена возможная модель криминалистической характеристики дорожно-транспортного преступления с участием виновных лиц, скрывшихся с места преступления, и ее базовые элементы. Отмечено, что особенности криминалистической характеристики преступлений данного вида связаны с личностью субъекта, совершившего дорожно-транспортное преступление; способом действий виновного лица по сокрытию факта преступления или своей причастности к нему и их негативными последствиями для типичной следовой картины преступления.

Ключевые слова: расследование преступлений, дорожно-транспортные преступления, криминалистическая характеристика преступлений, противодействие расследованию, сокрытие факта преступления, оставление места преступления.

Для цитирования: Тишков С. А., Малыхин И. В. К вопросу о криминалистической характеристике дорожно-транспортных преступлений с участием виновных лиц, скрывшихся с места преступления // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 324–330.

TO THE QUESTION OF CRIMINALISTIC CHARACTERIZATION OF ROAD TRAFFIC CRIMES INVOLVING PERPETRATORS LEFT THE CRIME

Sergey A. Tishkov[1], Igor V. Malykhin[2]
[1]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
[2]Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin

[1]stishkov@list.ru
[2]ig3222666@yandex.ru

Annotation. This article, based on the results of analysis available in forensic medicine, examines a possible model of forensic characteristics of road traffic crimes involving criminals who have escaped from the scene of crime and its main elements. It is noted that the criminal characteristics of this type of crime are related to the person who committed a traffic offence; the methods used by the offender to conceal the fact of having committed an offence or his participation in it; and their negative consequences for typical subsequent persons up to the level of crime.

Keywords: crime investigation, road traffic crimes, criminalistic characteristic of crimes, countering crime investigation, concealment of the fact of the crime, hit-and-run driving.

For citation: Tishkov S. A., Malykhin I. V. To the question of criminalistic characteristics of road traffic crimes involving perpetrators left the crime scene // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 2(107). P. 322–330.

Качественное и всестороннее расследование дорожно-транспортных преступлений (далее – ДТП), совершенных в условиях неочевидности, является одним из важных направлений деятельности ОВД Российской Федерации (далее – ОВД). Рационально адаптированное применение актуальных криминалистических методик и имеющихся специальных знаний при расследовании ДТП данного вида является неотъемлемым фактором, указывающим на подготовленность сотрудников ОВД к борьбе с преступностью в целом.

Согласно официальной статистике, ДТП с участием виновных лиц, скрывшихся с места преступления, зачастую приводят к тяжким последствиям. Так, по данным «Научного центра безопасности дорожного движения МВД России», в 2024 году в 5,822 случаев водители оставляли место наезда на пешеходов (23,7 % от количества наездов на пешеходов, совершенных по вине водителей транспортных средств). В результате данных противоправных действий погибли 229 человек, что составляет 14,7 % от числа пешеходов, погибших по вине водителей[1] (Рис. 1).

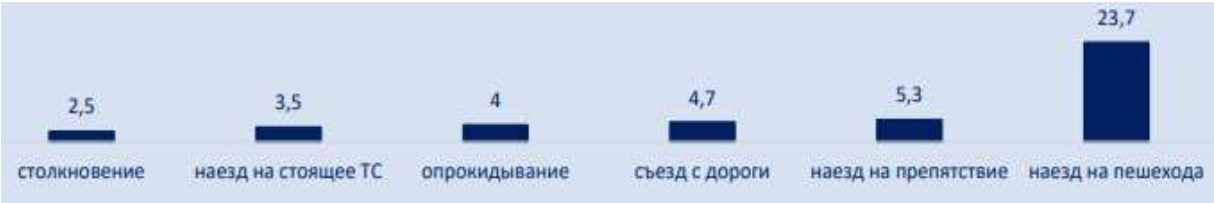

Рис. 1. Удельный вес ДТП, при которых виновные водители оставляли место происшествия (от количества ДТП конкретного вида)[2]

Таким образом, рассматриваемый вид преступления отличается высокой степенью общественной опасности и, как правило, сопряжен с оставлением в опасности пострадавших лиц [1]. Активное противодействие расследованию, выражающееся в оставлении места автоаварии или уничтожении материальных следов, может привести к нарушению принципа неотвратимости наказания за противоправные деяния.

Приведенные факты обуславливают актуальность дальнейшего совершенствования имеющихся методик расследования данного вида преступлений.

Основным методическим принципом, применяемым при расследовании ДТП, является создание системы криминалистически значимой информации, позволяющей смоделировать преступное событие на основе первоначально собранных доказательств произошедшего события, обеспечить розыск скрывшихся лиц и формирование доказательственной базы расследования путем проведения следственных действий и обращения к использованию специальных знаний.

[1] Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2024 году. URL: https://media.mvd.ru/files/embed/11400230 (дата обращения: 14.12.2025).
[2] Там же.

Несомненно, представить методику расследования того или иного вида преступлений без такой информационно-методической основы, как криминалистическая характеристика преступления, не представляется возможным.

Криминалистическая характеристика преступления является информационным порталом, который позволяет построить ретроспективную картину конкретного преступления. Для создания подобной картины она должна содержать совокупность элементов, соответствующую видовым признакам расследуемого преступления.

В отечественной науке исследованию криминалистической характеристики преступлений посвящено много научных трудов. В частности, авторские определения данного понятия формулировали такие известные ученые-криминалисты, как Р. С. Белкин [2], В. А. Образцов [3, с. 94–104], И. А. Возгрин [4, с. 190], А. Н. Колесниченко [5, с. 4–5].

Л. А. Сергеев определил криминалистическую характеристику преступления как «систему элементов, включающую в себя: способы совершения преступления; условия и особенности обстановки, в которых оно совершается; обстоятельства, связанные с непосредственными объектами посягательств, с субъектами и субъективной стороной преступлений; связи деяний конкретного вида с другими преступлениями и уголовно ненаказуемыми действиями, сходными с данными преступлениями по некоторым объективным признакам; взаимосвязи между указанными группами обстоятельств» [6, с. 4–5].

В последующем понятие криминалистической характеристики преступления в научных трудах неоднократно интерпретировалось и толковалось в зависимости от точки зрения авторов, рассматривающих ее в призме общетеоретических исследований или методики расследования отдельных видов преступлений.

До настоящего времени ученые-криминалисты продолжают исследовать различные аспекты криминалистической характеристики преступления, что открывает поле для научной дискуссии [7; 8; 9; 10].

Анализируя точки зрения различных авторов, можно сделать вывод о том, что в обобщенный структурный состав криминалистической характеристики преступлений должны входить элементы, содержащие криминалистически значимые данные о способе и/или механизме совершения преступления; характерных следах на месте преступления; обстановке совершения преступления; лице, совершившем преступление; предмете преступного посягательства; личности потерпевшего и т. д.

При этом в зависимости от вида (рода) преступления криминалистическая характеристика преступлений, в том числе и ДТП с участием виновных лиц, скрывшихся с места преступления, обладает качественным своеобразием и выраженной спецификой ее элементов.

Рассматривая структурный состав криминалистической характеристики ДТП, Л. Я. Драпкин и В. Н. Карагодин предлагают включить в него следующие элементы: «обстановку (статические и динамические условия внешней материальной среды); объективные и субъективные условия, влияющие на восприятие участниками опасной ситуации; механизм автодорожного происшествия; сведения о свойствах личности участников дорожного происшествия» [11].

Данная точка зрения близка позиции ряда ученых, по мнению которых, криминалистическая характеристика дорожно-транспортного преступления «представляет совокупность взаимосвязанных общих и индивидуальных сведений об обстановке и механизме совершения преступления, причинах и условиях, способствующих наступлению опасной дорожной ситуации, личностных качествах ее участников». При этом отмечено, что в имеющихся методиках расследования ДТП роль криминалистической характеристики пока неоправданно незначительна [12, с. 69].

Анализируя взгляды ученых на структуру криминалистической характеристики ДТП, можно констатировать, что наиболее спорным и самым обсуждаемым вопросом является факт наличия или отсутствия в характеристике рассматриваемого вида преступления такого элемента, как способ совершения преступления.

Несомненно, способ совершения преступления как система действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления является фундаментальным элементом структуры типовой криминалистической характеристики преступлений.

Вместе с тем дорожно-транспортные преступления относятся к преступлениям, совершаемым по неосторожности. Поэтому говорить о формировании в сознании субъекта, совершившего ДТП, алгоритма действий по подготовке к совершению преступления нецелесообразно. Очевидность подобного факта приводит к выводу о дискуссионности попыток включения способа совершения преступления в традиционном понимании в структурный состав криминалистической характеристики ДТП как преступлений, совершаемых с неосторожной формой вины.

Поэтому, по нашему мнению, применительно к расследованию ДТП с участием виновных лиц, скрывшихся с места преступления, способ совершения дорожно-транспортного преступления может рассматриваться только в контексте специфики поведения виновного лица и иных участников в послеаварийной обстановке.

Дорожно-транспортное преступление является событием, находящим свое проявление в закономерностях взаимодействия транспортных средств и иных объектов в результате действия физических сил в совокупности с особенностями и психофизиологическим состоянием участников данного события. Под действием данных факторов формируется и развивается процесс события ДТП, который в большей степени характеризуется механизмом данного противоправного деяния.

Поэтому, по нашему мнению, механизм ДТП как «пространственно-временное взаимодействие материальных тел и физических лиц, в ходе которого возникают качественные изменения взаимодействующих объектов, отражающиеся в материальных и идеальных следах, а также формируется причинная связь между способом действий и наступившими последствиями» [13] является доминирующим элементом криминалистической характеристики данного вида преступления, без познания которого невозможно установить всех обстоятельств совершенного преступления.

Схожую точку зрения выражает В. В. Абрамочкин, определяющий механизм ДТП как «систему временных, динамичных и иных связей отдельных этапов, обстоятельств и факторов, формирующих следы на взаимодействующих объектах на всех стадиях развития и обусловленных видом дорожно-транспортного преступления» [14, с. 28].

Несомненно, на механизм дорожно-транспортного преступления влияет большое количество внешних факторов и параметров взаимосвязанной системы «водитель – автомобиль – дорога/окружающая среда» [12, с. 71], сочетание которых в различной последовательности образует динамику ДТП.

А. Н. Дудниченко предлагает под механизмом дорожно-транспортного преступления понимать «процесс формирования и развития аварийной ситуации, характеризующийся стадийностью и находящийся в причинно-следственной связи с определенными нарушениями правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, кульминацией которого явилось ДТП» [15, с. 141].

Данное определение во многом связано с позицией А. Г. Алексеева, который выделяет в механизме ДТП наличие нескольких стадий развития события, каждая из которых является логическим продолжением предыдущей и, в свою очередь, предопределяет развитие последующей [16, с. 23].

Выделение в механизме ДТП стадий развития события обусловлено возможностью применения системно-структурного анализа, который позволит изучить событие преступления более подробно.

Необходимо отметить, что в большинстве существующих методик расследования «в механизме ДТП выделяются три фазы: начальная (предаварийная), кульминационная и финальная (конечная)» [14, с. 71].

Начальная (предаварийная) стадия характеризуется возникновением факторов, нарушающих функциональное равновесие и вынуждающих водителя к принятию мер для обеспечения безопасности дорожного движения. Она начинается с момента образования критической ситуации и продолжается до начала кинетического взаимодействия объектов, вовлеченных в ДТП.

После этого наступает кульминационная стадия, в ходе которой динамический процесс развития события получает материальное выражение в образуемых на месте совершения дорожно-транспортного преступления следах. В пространственно-временном соотношении данная стадия длится от момента столкновения объектов, вовлеченных в ДТП, до момента угасания всех инерционных сил, действовавших на объекты после взаимного соприкосновения, и полного прекращения движения.

Заключительной в механизме дорожно-транспортного преступления является послеаварийная стадия. Данная стадия во многом связана с действиями виновного лица после момента полного прекращения взаимодействия участвующих в событии ДТП объектов, выражающимися в принятии мер по устранению последствий аварии и осуществлению самостоятельных действий по обеспечению безопасности дорожного движения или, наоборот, в действиях по оставлению места преступления и сокрытию следов совершенного преступного деяния.

Таким образом, на послеаварийной стадии может проявляться специфическое поведение виновных в ДТП лиц, имеющее выраженный противоправный характер. Поскольку действия по оставлению места ДТП совершаются виновным лицом с прямым умыслом, то они могут рассматриваться как форма активного противодействия установлению истины с целью избежать уголовной ответственности за содеянное.

По нашему мнению, именно данная стадия, в ходе которой виновное лицо умышленно принимает меры к сокрытию преступления и оставляет место преступления, определяет специфику рассматриваемых преступлений.

Поэтому мы поддерживаем мнение К. С. Латыповой о том, что в структуре криминалистической характеристики ДТП с участием виновных лиц, скрывшихся с места преступления, способ сокрытия может рассматриваться как самостоятельный элемент структуры криминалистической характеристики преступлений данного вида. При этом действия виновного лица должны быть исследованы в совокупности с иными элементами, характеризующими поведение преступника [17, с. 84].

Механизм дорожно-транспортного преступления имеет тесную корреляционную связь с обстановкой совершения ДТП.

Профессор Р. С. Белкин справедливо утверждал, что «всякое событие преступления обязательно отражается в окружающей среде, элементами которой являются не только материальные образования – вещи, предметы. Среда, в которой преступник совершает изменения, это не нечто монолитное, не один объект, а комплекс объектов, процессов, явлений» [18].

Анализируя элементы структурного состава криминалистической характеристики ДТП, необходимо отметить, что обстановка совершения данного вида преступления определяется как один из ее центральных элементов и имеет прямую связь с механизмом данного вида преступления. Она является многоэлементной системой и объединяет статическую (техническое обустройство дороги, средства регулирования и организации движения, ограждения, газоны, окружение проезжей части – жилые здания, зеленые насаждения и т. п.) и динамическую составляющие.

При этом именно транспортное средство, которым управляло виновное лицо, является ключевым элементом динамической составляющей ДТП, т. к. несет на себе значительное количество материально-выраженных следов, характеризующих контактное взаимодействие, обоснованное механизмом ДТП. Удаление из следовой картины места ДТП такого важного элемента будет иметь существенные негативные последствия для объективной фиксации обстановки преступления.

Поэтому считаем возможным предположить, что своеобразие механизма ДТП рассматриваемого вида и обстановки на месте преступления в определенной мере зависит от личностных качеств его участников и особенно виновного лица, выражающихся в специфике его поведения в послеаварийной обстановке. Например, скрываясь с места

преступления на транспортном средстве, которым лицо управляло в момент совершения данного преступного деяния, оно тем самым предпринимает попытку исключить данный объект из числа важных доказательств его причастности к содеянному [19, с. 77]. Таким образом виновным лицом вносятся существенные изменения в обстановку места дорожно-транспортного преступления и предпринимаются попытки сокрытия участия своего транспортного средства в совершении ДТП.

Оставляя место ДТП без транспортного средства, виновное лицо создает условия для ложного алиби, например сообщив заведомо ложную информацию о факте угона транспортного средства. Поэтому личность преступника является не менее важным элементом структурного состава криминалистической характеристики дорожно-транспортного преступления рассматриваемого вида.

Анализ эмпирических материалов, проведенный И. С. Лаврентьевой, показывает, что среди лиц, оставивших место ДТП, преобладают мужчины (89 % случаев), относящиеся к возрастной группе 20–45 лет (70 %) [20]. Зачастую виновниками ДТП являются лица, склонные к нарушению правил дорожного движения. Данный факт непроизвольно указывает на психологические особенности субъекта, позволяющие ему допустить совершение дорожно-транспортного преступления. Водители, долгое время реализующие управление транспортным средством, в том числе и личным, могут сознательно допускать критические моменты при управлении, полагаясь на свою опытность в совокупности с психологической устойчивостью, но при этом могут неумышленно не учесть внешние факторы, в критических условиях приводящие к ДТП.

Основываясь на вышесказанном, считаем возможным предложить рассматривать структуру криминалистической характеристики дорожно-транспортного преступления с участием виновных лиц, скрывшихся с места преступления, в виде информационной системы, имеющей устойчивые корреляционные связи элементов, содержащих структурированные данные о механизме дорожно-транспортного преступления; обстановке на месте совершения дорожно-транспортного преступления; личности субъекта, совершившего дорожно-транспортное преступление; способе действий виновного лица по сокрытию факта преступления или своей причастности к нему и их негативных последствиях для типичной следовой картины преступления.

При этом каждый элемент имеет важное значение для организации расследования. Анализируя их содержание, следователь познает механизм преступления, что позволяет ему в дальнейшем выдвинуть обоснованные следственные версии совершенного преступления; установить объекты получения необходимой розыскной информации и векторы проведения розыскных мероприятий по установлению виновного лица, скрывшегося с места ДТП; определить алгоритм проведения следственных действий с учетом характерных особенностей данного вида преступления.

Доминирующее значение в построении ретроспективной картины расследуемого события имеют корреляционные связи элементов криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений.

Подводя итоги, можно отметить, что криминалистическая характеристика дорожно-транспортного преступления с участием виновных лиц, скрывшихся с места преступления, обладает ярко выраженной спецификой, обусловленной противоправными действиями виновного лица на послеаварийной стадии. В данной следственной ситуации поведение виновного лица является активным противодействием расследованию путем изменения обстановки и следовой картины места преступления.

---

1. Зубенко Е. В. Криминалистическая характеристика дорожно-транспортных преступлений, сопряженных с оставлением потерпевших в опасности. Академическая мысль. 2018. № 1(2). С. 19–23.
2. Белкин Р., Быховский И., Дулов А. Модное увлечение или новое слово в науке? (Еще раз о криминалистической характеристике преступлений) // Социалистическая законность. 1987. № 9. С. 56–58.
3. Танасевич В. Г., Образцов В. Г. О криминалистической характеристике преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. 1976. Вып. 25. С. 94–104.

4. Возгрин И. А. Криминалистическая методика расследования преступлений. Минск, 1983. 215 с.
5. Колесниченко А. Н., Коновалова В. Е. Криминалистическая характеристика преступлений: учебное пособие. Харьков, 1985. 93 с.
6. Сергеев Л. А. Расследование и предупреждение хищений, совершаемых при производстве строительных работ: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1966. 46 с.
7. Морозова Н. В. Использование данных об элементах криминалистической характеристики в борьбе с кражами и угонами транспортных средств // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2019. № 2(79). С. 66–69.
8. Тишков С. А. Особенности криминалистической характеристики преступлений, связанных с изменением идентификационного номера автотранспортного средства, совершаемых на территории Центрального федерального округа Российской Федерации // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 3(33). С. 179-183.
9. Сучков А. И. Особенности криминалистической характеристики спровоцированных дорожно-транспортных преступлений // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 3(37). С. 30–38.
10. Гареева Э. В., Габдуллин Т. Р. Механизм дорожно-транспортных преступлений, совершенных водителями в состоянии опьянения, в системе элементов криминалистической характеристики преступлений // Евразийский юридический журнал. 2017. № 3(106). С. 248–249.
11. Драпкин Л. Я., Карагодин В. Н. Криминалистика: учебник для бакалавров. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011. 766 с.
12. Волчецкая Т. С., Ренер Н. А., Попов Е. А. Региональные особенности криминалистической характеристики ДТП (по материалам ГИБДД Калининградской области) // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. 2015. Вып. 9. С. 68–75.
13. Великородный П. Г. Идентификационное исследование способа совершения преступления в целях поиска преступника / отв. ред. В. Я. Колдин. Астрахань: АГТУ, 2001. 141 с.
14. Абрамочкин В. В. Расследование дорожно-транспортных преступлений: учеб. пособие. М.: Щит-М, 2010. 240 с.
15. Дудниченко А. Н. К вопросу о соотношении понятий «криминалистическая характеристика», «механизм преступления» и «механизм дорожно-транспортного происшествия» при расследовании преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 1(88). С. 138–143.
16. Алексеев А. Г. Методика расследования дорожно-транспортных преступлений, совершенных в условиях неочевидности: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 187 с.
17. Латыпова К. С. Способ сокрытия дорожно-транспортного преступления, связанного с наездом на пешехода как элемент криминалистической характеристики // Гуманитарные науки и образование в Сибири. 2014. № 4(16). С. 82–87.
18. Белкин Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики: учеб. пособие. М., 1970. 130 с.
19. Миронов А. М., Тишков С. А. Оставление места дорожно-транспортного преступления как активный способ противодействия расследованию // Проблемы противодействия преступности в сфере дорожного движения: всерос. сб. науч. тр. Орел, 2016. С. 76–80.

20. Лаврентьева И. С. Методика расследования оставления места дорожно-транспортного происшествия (по материалам Северо-Западного региона): автореф. дисс. … канд. юрид. н. Санкт-Петербург, 2003. 23 с.

1. Zubenko E. V. Kriminalisticheskaya xarakteristika dorozhno-transportny`x prestuplenij, sopryazhenny`x s ostavleniem poterpevshix v opasnosti. Akademicheskaya my`sl`. 2018 № 1(2). S. 19–23.
2. Belkin R., By`xovskij I., Dulov A. Modnoe uvlechenie ili novoe slovo v nauke? (Eshhe raz o kriminalisticheskoj xarakteristike prestuplenij) // Socialisticheskaya zakonnost`. 1987. № 9. S. 56–58.
3. Tanasevich V. G., Obrazczov V. G. O kriminalisticheskoj xarakteristike prestuplenij // Voprosy` bor`by` s prestupnost`yu. 1976. Vy`p. 25. S. 94–104.
4. Vozgrin I. A. Kriminalisticheskaya metodika rassledovaniya prestuplenij. Minsk, 1983. 215 s.
5. Kolesnichenko A. N., Konovalova V. E. Kriminalisticheskaya xarakteristika prestuplenij: uchebnoe posobie. Xar`kov, 1985. 93 s.
6. Sergeev L. A. Rassledovanie i preduprezhdenie xishhenij, sovershaemy`x pri proizvodstve stroitel`ny`x rabot: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. M., 1966. 46 s.
7. Morozova N. V. Ispol`zovanie danny`x ob e`lementax kriminalisticheskoj xarakteristiki v bor`be s krazhami i ugonami transportny`x sredstv // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2019. № 2(79). S. 66–69.
8. Tishkov S. A. Osobennosti kriminalisticheskoj xarakteristiki prestuplenij, svyazanny`x s izmeneniem identifikacionnogo nomera avtotransportnogo sredstva, sovershaemy`x na territorii Central`nogo federal`nogo okruga Rossijskoj Federacii // Srednerusskij vestnik obshhestvenny`x nauk. 2014. № 3(33). S. 179–183.
9. Suchkov A. I. Osobennosti kriminalisticheskoj xarakteristiki sprovocirovanny`x dorozhno-transportny`x prestuplenij // Sibirskie ugolovno-processual`ny`e i kriminalisticheskie chteniya. 2022. № 3(37). C. 30–38.
10. Gareeva E`. V., Gabdullin T. R. Mexanizm dorozhno-transportny`x prestuplenij, sovershenny`x voditelyami v sostoyanii op`yaneniya, v sisteme e`lementov kriminalisticheskoj xarakteristiki prestuplenij // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2017. № 3(106). C. 248–249.
11. Drapkin L. Ya., Karagodin V. N. Kriminalistika: uchebnik dlya bakalavrov. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2011. 766 s.
12. Volcheczkaya T. S., Rener N. A., Popov E. A. Regional`ny`e osobennosti kriminalisticheskoj xarakteristiki DTP (po materialam GIBDD Kaliningradskoj oblasti) // Vestnik Baltijskogo federal`nogo universiteta imeni I. Kanta. 2015. Vy`p. 9. S. 68–75.
13. Velikorodny`j P. G. Identifikacionnoe issledovanie sposoba sovershenia prestupleniya v celyax poiska prestupnika / otv. red. V. Ya. Koldin. Astraxan`: AGTU, 2001. 141 s.
14. Abramochkin V. V. Rassledovanie dorozhno-transportny`x prestuplenij: ucheb. posobie. M.: Shhit-M, 2010. 240 s.
15. Dudnichenko A. N. K voprosu o sootnoshenii ponyatij «kriminalisticheskaya xarakteristika», «mexanizm prestupleniya» i «mexanizm dorozhno-transportnogo proisshestviya» pri rassledovanii prestuplenij, svyazanny`x c narusheniem pravil dorozhnogo dvizheniya i e`kspluatacii transportny`x sredstv // Yurist``-Pravoved``. 2019. № 1(88). S. 138–143.
16. Alekseev A. G. Metodika rassledovaniya dorozhno-transportny`x prestuplenij, sovershenny`x v usloviyax neochevidnosti: dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2001. 187 s.

17. Laty`pova K. S. Sposob sokry`tiya dorozhno-transportnogo prestupleniya, svyazannogo s naezdom na peshexoda kak e`lement kriminalisticheskoj xarakteristiki // Gumanitarny`e nauki i obrazovanie v Sibiri. 2014. № 4(16). S. 82–87.
18. Belkin R. S. Leninskaya teoriya otrazheniya i metodologicheskie problemy` sovetskoj kriminalistiki: ucheb. posobie. M., 1970. 130 s.
19. Mironov A. M., Tishkov S. A. Ostavlenie mesta dorozhno-transportnogo prestupleniya kak aktivny`j sposob protivodejstviya rassledovaniyu // Problemy` protivodejstviya prestupnosti v sfere dorozhnogo dvizheniya: vseros. sb. nauch. tr. Orel, 2016. S. 76–80.
20. Lavrent`eva I. S. Metodika rassledovaniya ostavleniya mesta dorozhno-transportnogo proisshestviya (po materialam Severo-Zapadnogo regiona): avtoref. diss. … kand. yurid. n. Sankt-Peterburg, 2003. 23 s.

Информация об авторах

Сергей Александрович Тишков. Заместитель начальника кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, кандидат политических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Игорь Валентинович Малыхин. Старший преподаватель кафедры криминалистики.

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина.

308024, г. Белгород, ул. Горького, 71.

Information about the authors

Sergey A. Tishkov. Deputy Head of Chair of Criminalistics and Preliminary Investigation by Internal Affairs Bodies, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Igor V. Malykhin. Senior Teacher of the Chair of Criminalistics.

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia.

308024, Russia, Belgorod, Gor'kogo Str., 71.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 02.06.2026; одобрена после рецензирования 15.06.2026; принята к публикации 13.07.2026.

The article was received in the editorial office on 02.06.2026; approved after review on 015.06.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 343.102

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Тучков Андрей Юрьевич
Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова

andreytuchkoff@gmail.com

Аннотация. В работе исследуются особенности оперативно-розыскной деятельности в условиях цифровой трансформации общества. Анализируются новые вызовы, с которыми сталкиваются правоохранительные органы: рост киберпреступности, использование преступниками шифрования и анонимизирующих технологий, транснациональный характер угроз, сложность сбора и фиксации цифровых доказательств. Рассмотрены современные инструменты, повышающие эффективность действий правоохранительных органов: технологии обработки больших объемов данных, искусственный интеллект, системы распознавания лиц, методы Open Source Intelligence (сбор и анализ информации из общедоступных источников), распределенное видеонаблюдение.

Ключевые слова: цифровизация, киберпреступность, цифровые следы, этика применения технологий, анализ цифровых данных, сбор цифровых доказательств, международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя – профессора кафедры криминалистики Волгоградской академии МВД России доктора юридических наук, профессора Замылина Е. И.

Для цитирования: Тучков А. Ю. Оперативно-розыскная деятельность в цифровой среде // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 331–339.

OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES IN THE DIGITAL ENVIRON-MENT

Andrey Y. Tuchkov
Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov

andreytuchkoff@gmail.com

Annotation. The paper examines the features of operational investigative activities in the context of the digital transformation of society. The article analyzes new challenges faced by law enforcement agencies: the growth of cybercrime, the use of encryption and anonymizing technologies by criminals, the transnational nature of threats, the complexity of collecting and recording digital evidence. Modern tools that increase the effectiveness of law enforcement actions are considered: Big Data technologies, artificial intelligence, facial recognition systems, OSINT methods, distributed video surveillance.

Keywords: digitalization, cybercrime, digital footprints, ethics of technology application, digital data analysis, digital evidence collection, international cooperation in the fight against cybercrime.

For citation: Tuchkov A. Y. Operational investigative activities in the digital environment // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation. 2026. № 2(107). P. 331–339.

Современный этап общественного развития отличается активной цифровизацией практически всех сфер. Распространение интернета, мобильных устройств и цифровых сервисов меняет условия, в которых осуществляется оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД). Цифровые технологии дают новые возможности для борьбы с преступностью, но одновременно порождают и новые виды угроз, с которыми раньше сталкиваться не приходилось.

Правовое регулирование оперативно-розыскной деятельности строится по многоуровневому принципу. Конституция РФ находится на вершине иерархии. Базовый отраслевой закон – Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»[1] – определяет цели, задачи, принципы и порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий. Уголовный кодекс РФ задает содержательные ориентиры через описание составов преступлений. Уголовно-процессуальный кодекс регулирует использование результатов ОРД в доказывании.

Принципы ОРД перечислены в ст. 3 указанного Федерального закона. В цифровой среде они не утратили значения, но способы их реализации меняются. Возьмем принцип конспирации. Сегодня это не только сохранение в тайне методов работы оперативных подразделений. Это еще и защита информационных систем от кибератак, предотвращение утечек данных, противодействие попыткам деанонимизировать сотрудников [1, с. 156–159].

Развитие цифровых технологий привело к появлению новых видов преступлений, которых ранее просто не существовало. Кибермошенничество, фишинг, распространение вредоносного программного обеспечения, торговля наркотиками и оружием через даркнет, финансовые пирамиды с использованием криптовалют – все это требует от оперативных подразделений иных компетенций и инструментов. Преступники активно применяют шифрование, анонимные сети (Tor, I2P), криптовалюты (Bitcoin, Monero), мессенджеры со сквозным шифрованием (Telegram, Signal), что объективно затрудняет выявление и задержание.

Отдельную сложность представляют преступления, связанные с утечкой персональных данных, взломом корпоративных сетей, атаками на критическую информационную инфраструктуру. Статистика за 2023 год фиксирует более 670 тысяч преступлений в сфере компьютерной информации (ст. 272–274 УК РФ) – на 25 % больше, чем годом ранее (и это только зарегистрированные). Раскрываемость остается относительно низкой. Причины: высокая латентность и сложность сбора доказательств.

В Брянской области масштаб цифровых угроз тоже растет. В 2024 году сотрудники Управления по борьбе с экономическими преступлениями и противодействию коррупции Управления Министерства внутренних дел и Управления федеральной службы безопасности России по Брянской области выявили факт получения незаконного вознаграждения в 6 млн рублей одним из руководителей регионального департамента [2, с. 35] – взятка за обеспечение заключения прямых договоров поставки лекарственных препаратов без конкурсов в рамках национального проекта. Преступление зафиксировано по цифровым следам: переписка в мессенджерах, транзакции в криптовалюте, данные с камер видеонаблюдения. По итогам совместных мероприятий возбуждено 6 уголовных дел по дополнительным фактам получения незаконных вознаграждений на сумму 6,6 млн рублей двумя должностными лицами Брянской области.

[1] Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон Рос. Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Еще один пример – дело о производстве фальсифицированных макаронных изделий под видом известного товарного знака. В 2024 году оперативники выявили этническую организованную группу, организовавшую производство контрафакта в складском помещении на территории Брянска [2, с. 37]. Ключевую роль в раскрытии сыграл анализ цифровых финансовых потоков, отслеживание онлайн-рекламы, использование систем распознавания лиц. У задержанных изъяли производственную линию и более 10,5 тыс. пачек готовой продукции. Фигуранты осуждены к условным срокам – от 1 года до 2 лет 6 месяцев [2, с. 37–38].

Оперативные подразделения внедряют новые технологии, чтобы противостоять цифровым угрозам. Анализ больших данных (Big Data) позволяет выявлять закономерности в совершении преступлений, прогнозировать действия преступников, определять потенциальные угрозы. Алгоритмы машинного обучения анализируют транзакции банковских карт, IP-адреса, геолокацию, выявляют подозрительные паттерны, связанные с отмыванием денег или финансированием терроризма [3, с. 156–157].

Искусственный интеллект применяется для автоматизации рутинных операций: обработки видеозаписей с камер наблюдения, распознавания лиц и номерных знаков, анализа переписки в соцсетях и мессенджерах. В Брянской области внедрены системы видеофиксации с функцией распознавания лиц, с помощью которых удалось добиться следующих результатов: в 2023 году раскрыто 9 убийств прошлых лет – в 3 раза больше, чем в 2022-м [2, с. 34]. Среди резонансных дел – расследование преступлений, связанных с похищениями и убийствами, совершенными членами банды «саранские».

Интеграция ведомственных баз данных в единую информационно-аналитическую систему дает возможность оперативно сопоставлять информацию из разных источников. Данные государственной автоинспекции о перемещении транспортных средств сопоставляются со сведениями сотовых операторов о местоположении абонентов, информация налоговой службы – с финансовыми транзакциями. Это особенно важно при расследовании экономических преступлений, в частности хищений бюджетных средств. В 2024 году по материалам Управления экономической безопасности и противодействия коррупции (УЭБ и ПК) УМВД возбуждены уголовные дела по ч. 4 ст. 159 УК РФ в отношении трех представителей крестьянско-фермерского хозяйства Навлинского района. Они создали фиктивные затраты на производственную деятельность по разведению крупного рогатого скота и похитили из бюджета более 14 млн рублей в виде субсидий, выделенных в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка».

Внедрение цифровых технологий в ОРД при всех преимуществах порождает комплекс проблем. Правовые, технические, кадровые, этические – все они взаимосвязаны. Основная сложность: законодательство не успевает за технологиями. В нормативных актах нет четких правил использования искусственного интеллекта, анализа больших данных, блокчейна, систем распознавания лиц. Н. В. Павличенко обращает внимание на то, что отсутствие законодательно закрепленных определений «цифровых следов», «киберпреступлений», «искусственного интеллекта в ОРД» порождает правовую неопределенность и затрудняет единообразное применение норм [4, с. 134–137]. Без четкой терминологии любые попытки унификации правоприменения остаются малоэффективными.

Проблемы доказывания в уголовном процессе никуда не делись. Цифровые доказательства – переписка в мессенджерах, логи серверов, транзакции в криптовалюте – требуют особых процедур фиксации и аутентификации. Простой скриншот переписки не станет доказательством, если не подтверждена принадлежность аккаунта конкретному лицу, если не исключено редактирование данных, если временные метки не соответствуют реальному времени событий. По мнению В. В. Демченко, отсутствие единых стандартов сбора и хранения электронных доказательств ведет к тому, что данные, со-

бранные оперативниками, следователи и эксперты не всегда могут корректно интерпретировать. Доказательственная ценность падает [5, с. 112–115]. С этим, к сожалению, приходится сталкиваться регулярно.

Современные технологии, используемые в ОРД, имеют серьезные ограничения. Сквозное шифрование в мессенджерах (Signal, Telegram) и анонимные сети (Tor) делают перехват информации практически невозможным без физического доступа к устройству фигуранта. Virtual Private Network (виртуальная частная сеть) и прокси скрывают реальное местоположение. Криптовалюты (Bitcoin, Monero) обеспечивают анонимность финансовых операций. Добавьте к этому скорость исчезновения цифровых следов: преступники могут удаленно уничтожить данные с серверов или устройств за секунды, особенно если используют облачные хранилища с функцией автоудаления. Сами технические средства, задействованные в ОРД, – камеры видеонаблюдения, ведомственные базы данных – уязвимы для хакерских атак. Утечка информации из таких источников ставит под угрозу безопасность оперативных сотрудников и раскрывает методы работы.

Эффективность цифровой ОРД напрямую зависит от квалификации кадров. Дефицит специалистов с компетенциями в сфере компьютерных технологий: многие оперативники не владеют навыками цифровой криминалистики, не умеют анализировать сетевые протоколы. Образовательные программы вузов МВД обновляются медленно – не успевают за фишингом, дипфейками, криптомошенничеством. О. А. Вагин и В. С. Овчинский добавляют к этому человеческий фактор: опытные сотрудники старшего поколения нередко сопротивляются новым технологиям, предпочитая традиционные методы [1, с. 203–206]. Конкуренция с частным сектором усугубляет ситуацию. Высококвалифицированные специалисты в сфере информационных технологий (IT-специалисты) уходят в коммерческие компании – там зарплаты и условия труда несопоставимы с государственной службой.

Использование цифровых инструментов в ОРД затрагивает фундаментальные права граждан. Это порождает серьезные этические дилеммы. Массовый сбор данных – метаинформация о звонках, интернет-активность, геолокация – может обернуться необоснованным вмешательством в частную жизнь невиновных. С точки зрения А. Ю. Забелова, чрезмерная автоматизация принятия решений с использованием искусственного интеллекта (далее – ИИ) повышает риск дискриминации. Алгоритмы, обученные на исторических данных, могут воспроизводить существующие предубеждения – скажем, чаще «метить» жителей определенных районов как потенциальных преступников [6, с. 69–70]. Еще одна проблема – провокации и подстрекательство. Внедрение в онлайн-сообщества порой балансирует на грани провокации преступлений, особенно когда сотрудник сам инициирует незаконные действия. Автоматизация снижает роль человеческого контроля, что повышает вероятность ошибок, например ложных срабатываний алгоритмов распознавания лиц. Доступ к мощным средствам сбора данных создает возможности для злоупотреблений: шантаж, продажа информации, несанкционированная слежка.

Даже когда технологии есть, их внедрение сталкивается с практическими трудностями. Финансовые ограничения: дорогостоящее оборудование для обработки Big Data, системы распознавания лиц, специализированное программное обеспечение (ПО) для анализа трафика – все это требует серьезных вложений. Несовместимость информационных систем разных ведомств (МВД, ФСБ, банков) мешает интеграции баз данных и оперативному обмену информацией. Бюрократия тоже не способствует скорости: санкционирование доступа к переписке в соцсетях занимает много времени, а киберпреступления развиваются стремительно. Отсутствие единых методик расследования киберпреступлений ведет к разрозненности действий подразделений. И это лишь часть того, с чем приходится сталкиваться на практике.

В Брянской области эти проблемы также имеют место. В 2023 году при расследовании хищения бюджетных средств (14 млн рублей) оперативники столкнулись с фальсификацией электронных подписей и бухгалтерских отчетов. Потребовалась длительная экспертиза, которая выявила использование программ для имитации подписей. В деле о сбыте наркотиков через Telegram преступники применяли многоуровневое шифрование и меняли аккаунты каждые 2–3 дня [2, с. 36]. Раскрыть схему удалось только благодаря взаимодействию с провайдером, предоставившим данные об IP-адресах. При расследовании фишинговой атаки на клиентов местных банков выяснилось, что серверы злоумышленников находятся в юрисдикции, не сотрудничающей с РФ. Оперативно получить логи не удалось, раскрытие затянулось на несколько месяцев [2, с. 37].

Цифровая трансформация ОРД требует комплексного подхода. Нужно менять законодательство, модернизировать техническую базу, поднимать квалификацию кадров, создавать гарантии защиты прав граждан. Без этого эффективность борьбы с киберпреступностью останется низкой, а риски злоупотреблений – высокими.

Перспективы развития цифровой ОРД ученые связывают с адаптацией к новым технологическим реалиям, совершенствованием правовых механизмов, развитием аналитических инструментов, подготовкой кадров. Цифровизация диктует необходимость обновления законодательной базы. В. В. Семенчук и В. Б. Батоев настаивают: нужна концепция развития ОРД в цифровой сфере, которая охватит правовые основы, информационно-аналитическое, материально-техническое и кадровое обеспечение [7, с. 133–134]. Цифровизация, по их мнению, обусловила резкий рост преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а значит, нужны скоординированные усилия по обеспечению безопасности [7, с. 135].

Технологии Big Data, нейросети, предиктивная аналитика открывают новые возможности. А. Л. Осипенко указывает: алгоритмы могут обнаруживать манипулирование информационными потоками, применять технологии дезинформирования, определять психологическое состояние участников сетевого общения, прогнозировать криминальную активность [8, с. 44]. П. И. Иванов рассматривает цифровые технологии как дискретную систему, основанную на способах кодирования и трансляции данных для решения оперативно-тактических задач [9, с. 24]. Оперативно-розыскная наука, по его мнению, должна разрабатывать теоретические модели, базирующиеся на глубоком изучении цифровой среды и киберпреступности [9, с. 25].

Подготовка специалистов, способных работать с цифровыми технологиями, становится критически важной. П. И. Иванов говорит о необходимости фундаментальной подготовки и непрерывного обновления компетенций сотрудников [9, с. 26]. Глобализация преступности требует усиления межрегионального и международного взаимодействия. В. В. Семенчук и В. Б. Батоев среди мер, повышающих эффективность, называют межрегиональное и международное сотрудничество оперативных подразделений [10, с. 93–94].

При внедрении цифровых технологий важно сохранять баланс между эффективностью ОРД и защитой прав граждан. В. В. Демченко подчеркивает необходимость четкого соблюдения прав и свобод человека, открытого взаимодействия с общественностью и международными партнерами [5, с. 178–180]. Некоторые авторы предлагают разработать частную теорию цифровой ОРД как самостоятельную отрасль знаний, которая систематизирует подходы к использованию цифровых технологий в противодействии преступлениям, совершаемым в цифровой среде [11, с. 255–256].

К числу потенциальных проблем относится риск алгоритмических ошибок и ложных срабатываний систем анализа данных [12, с. 197–198]. Алгоритмы могут давать сбои из-за неполноты данных или предвзятости обучающих выборок – отсюда ошибочные выводы и необоснованные подозрения. Указывается на необходимость обеспечения аутентичности цифровых доказательств и соблюдения процессуальных

норм для их признания в суде [12, с. 201–203]. Цифровые следы легко модифицируются, поэтому нужны строгие стандарты фиксации и верификации. Обращается внимание на возможность злоупотребления технологиями как со стороны преступников, так и со стороны сотрудников правоохранительных органов (провокации, нарушение конфиденциальности) [12, с. 205–207; 4, с. 215–217]. Автоматизация сбора информации повышает риск неправомерного использования данных, если не предусмотрены надежные механизмы контроля.

Для развития цифровой ОРД необходим комплексный подход. Речь идет о правовом регулировании, технологическом обновлении, подготовке кадров, международном сотрудничестве, этическом контроле. Ученые сходятся во мнении: успешная трансформация возможна только при гармоничном сочетании технологических инноваций с традиционными методами работы и учетом социальных рисков.

Оперативно-розыскная деятельность в условиях цифровой трансформации сталкивается с новыми вызовами, но одновременно получает мощные инструменты. Цифровизация привела к появлению новых видов преступлений: кибермошенничество, распространение экстремистских материалов, онлайн-терроризм. Преступники активно используют шифрование, анонимизирующие сервисы, децентрализованные платформы, криптовалюты – все это усложняет сбор доказательств и отслеживание цифровых следов [12, с. 45–47; 13, с. 112–115]. Но и у правоохранителей появляются эффективные инструменты. Среди них – технологии Big Data и нейросети, позволяющие анализировать большие объемы данных [3, с. 158–159]. Системы распознавания лиц и голоса помогают отождествлять личность [2, с. 34]. Методы OSINT (сбор информации из открытых источников) дают ценные сведения [14, с. 68–69]. Системы распределенного видеонаблюдения с аналитикой позволяют отслеживать события в режиме реального времени [3, с. 157]. Мониторинг сетевых ресурсов и изучение материалов, связанных с деятельностью преступных сообществ, также помогают в раскрытии преступлений [13, с. 405–408; 14, с. 66].

Достижение баланса между эффективностью раскрытия преступлений и защитой прав граждан остается одной из центральных проблем современной ОРД. Как этого добиться? Нужно четкое правовое регулирование – пробелы в регламентации мониторинга интернета, киберразведки, использования отдельных методов сбора информации пока сохраняются[2]. А. Ю. Шумилов предлагает выстраивать регулирование на четырех уровнях: конституционном, международном, законодательном, подзаконном [15, с. 87–89]. Требуется внедрение технологий с этическими ограничениями. Массовый мониторинг и анализ данных могут вести к необоснованному ограничению конституционных прав, а алгоритмические ошибки – к ложным срабатываниям [8, с. 44; 16, с. 57–58]. Ученые говорят о необходимости этических норм для ИИ в сфере общественной безопасности, чтобы избежать дискриминации и предвзятости алгоритмов [16, с. 59]. Впрочем, вопрос о том, кто и как должен разрабатывать такие нормы, остается открытым.

Кроме того, необходимо повышение профессионализма сотрудников. В условиях цифровой трансформации критически важна работа с системами искусственного интеллекта [17, с. 284–285; 18, с. 174–175]. Требуется усиление механизмов контроля. Для предотвращения злоупотреблений нужна прозрачность правоприменения и взаимодействие с гражданским обществом [5, с. 182–184]. Это особенно важно в контексте международного характера современной преступности, требующего тесного сотрудничества между странами [10, с. 94].

Совершенствование ОРД – это не только вопрос эффективности правоохранительной системы. Это показатель зрелости правового государства, способного защищать интересы общества без ущемления прав отдельных граждан [12, с. 231–233; 5, с. 190–191]. Успешная цифровая трансформация ОРД возможна только при ком-

плексном подходе. Речь идет о технологическом развитии (внедрение ИИ, Big Data, систем распознавания), о совершенствовании законодательства (закрепление понятий «цифровые следы», «киберпреступление», «искусственный интеллект в ОРД»), об ethical контроле (предотвращение дискриминации, защита приватности), о повышении квалификации кадров (обучение киберкриминалистике, анализу сетевых протоколов), о развитии межведомственного и международного сотрудничества [5, с. 188–189; 18, с. 176–177].

В условиях цифровой трансформации особенно важно, чтобы ОРД оставалась эффективным инструментом противодействия преступности, но действовала строго в рамках закона и с учетом этических норм. Представляется, что только такой подход позволяет обеспечить безопасность граждан, сохранить доверие к правоохранительным органам и укрепить основы правового государства.

---

1. Овчинский В. С., Вагин О. А. Конспирация в оперативно-розыскной деятельности: теория и практика. М.: Норма, 2021. 320 с.
2. Семенчук В. В., Батоев В. Б. Цифровые угрозы и оперативно-розыскное противодействие им // Оперативно-розыскная работа. 2024. № 1. С. 33–38.
3. Кубасов И. А., Лекарь Л. А. Внедрение перспективных систем мониторинга и анализа больших данных, полученных в сети интернет, для обеспечения деятельности оперативных подразделений МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 3(67). С. 154–161.
4. Павличенко Н. В. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности: монография. М.: Юстицинформ, 2022. 280 с.
5. Демченко В. В. Цифровая трансформация ОРД: вызовы и ответы. М.: Академия МВД, 2025. 196 с.
6. Забелов А. Ю. Этические проблемы оперативно-розыскной деятельности // Право и безопасность. 2022. № 2. С. 67–72.
7. Семенчук В. В., Батоев В. Б. Предпосылки формирования концепции развития оперативно-розыскной деятельности в цифровой сфере (Часть 1) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3(66). С. 132–136.
8. Осипенко А. Л. Оперативно-розыскная деятельность в информационном обществе: адаптация к условиям цифровой реальности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 4(75). С. 38–46.
9. Иванов П. И. Оперативно-розыскная деятельность в условиях цифровой реальности: ее научное обеспечение // Вестник МВД России. 2023. № 4. С. 22–27.
10. Семенчук В. В., Батоев В. Б. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью: современные вызовы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. № 5. С. 91–96.
11. Лапунова Ю. А., Бегунов А. Ю. Полемика о концептуальных основах цифровой оперативно-розыскной деятельности / Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире: сборник научных трудов / под ред. В. С. Овчинского. М.: ИНФРА М, 2021. С. 253–260.
12. Андреев А. В. Цифровая трансформация оперативно-розыскной деятельности: теоретические основы и перспективы развития. М.: Юстицинформ, 2024. 248 с.
13. Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире: сборник научных трудов / под ред. В. С. Овчинского. М.: ИНФРА-М. 2021. 630 с.
14. Батоев В. Б. О технологии поиска по открытым источникам «OSINT» в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2(100). С. 66–71.
15. Шумилов А. Ю. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности. М.: Проспект. 2023. 416 с.

16. Смирнов М. П. Этические аспекты применения ИИ в оперативно-розыскной деятельности // Право и безопасность. 2024. № 3. С. 55–60.
17. Ховавко С. М. Влияние фактора цифровизации на оперативно-розыскную деятельность органов внутренних дел // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9(75). № 4. С. 283–286.
18. Шаров В. И. «Цифровая оперативно-розыскная деятельность» и цифровизация противодействия преступлениям // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3(107). С. 171–178.

1. Ovchinskij V. S., Vagin O. A. Konspiraciya v operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti: teoriya i praktika. M.: Norma, 2021. 320 s.
2. Semenchuk V. V., Batoev V. B. Cifrovy`e ugrozy` i operativno-rozy`sknoe protivodejstvie im // Operativno-rozy`sknaya rabota. 2024. № 1. S. 33–38.
3. Kubasov I. A., Lekar` L. A. Vnedrenie perspektivny`x sistem monitoringa i analiza bol`shix danny`x, poluchenny`x v seti internet, dlya obespecheniya deyatel`nosti operativny`x podrazdelenij MVD Rossii // Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. 2023. № 3(67). S. 154–161.
4. Pavlichenko N. V. Pravovy`e osnovy` operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti: monografiya. M.: Yusticinform, 2022. 280 s.
5. Demchenko V. V. Cifrovaya transformaciya ORD: vy`zovy` i otvety`. M.: Akademiya MVD, 2025. 196 s.
6. Zabelov A. Yu. E`ticheskie problemy` operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti // Pravo i bezopasnost`. 2022. № 2. S. 67–72.
7. Semenchuk V. V., Batoev V. B. Predposy`lki formirovaniya koncepcii razvitiya operativno-razy`sknoj deyatel`nosti v cifrovoj sfere (Chast` 1) // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2023. № 3(66). S. 132–136.
8. Osipenko A. L. Operativno-rozy`sknaya deyatel`nost` v informacionnom obshhestve: adaptaciya k usloviyam cifrovoj real`nosti // Nauchny`j vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2019. № 4(75). S. 38–46.
9. Ivanov P. I. Operativno-rozy`sknaya deyatel`nost` v usloviyax cifrovoj real`nosti: ee nauchnoe obespechenie // Vestnik MVD Rossii. 2023. № 4. S. 22–27.
10. Semenchuk V. V., Batoev V. B. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v bor`be s kiberprestupnost`yu: sovremenny`e vy`zovy` // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya. 2024. № 5. S. 91–96.
11. Lapunova Yu. A., Begunov A. Yu. Polemika o konceptual`ny`x osnovax cifrovoj operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti / Operativno-rozy`sknaya deyatel`nost` v cifrovom mire: sbornik nauchny`x trudov / pod red. V. S. Ovchinskogo. M.: INFRA M, 2021. S. 253–260.
12. Andreev A. V. Cifrovaya transformaciya operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti: teoreticheskie osnovy` i perspektivy` razvitiya. M.: Yusticinform, 2024. 248 s.
13. Operativno-rozy`sknaya deyatel`nost` v cifrovom mire: sbornik nauchny`x trudov / pod red. V. S. Ovchinskogo. M.: INFRA-M. 2021. 630 s.
14. Batoev V. B. O texnologii poiska po otkry`ty`m istochnikam «OSINT» v operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 2(100). S. 66–71.
15. Shumilov A. Yu. Pravovy`e osnovy` operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti. M.: Prospekt. 2023. 416 s.
16. Smirnov M. P. E`ticheskie aspekty` primeneniya II v operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti // Pravo i bezopasnost`. 2024. № 3. S. 55–60.

17. Xovavko S. M. Vliyanie faktora cifrovizacii na operativno-rozy`sknuyu deyatel`nost` organov vnutrennix del // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2023. T. 9(75). № 4. S. 283–286.
18. Sharov V. I. «Cifrovaya operativno-rozy`sknaya deyatel`nost`» i cifrovizaciya protivodejstviya prestupleniyam // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2025. № 3(107). S. 171–178.

Информация об авторе

Андрей Юрьевич Тучков. Начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники, кандидат юридических наук.

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова

241050, Россия, г. Брянск, пер. Советский, 2а.

Information about the author

Andrey Y. Tuchkov. Head of Chair of Operational and Investigative Activities and Special Equipment, Candidate of sciences (Law).

Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov.

241050, Russia, Bryansk, Sovetsky lane, 2a.

Статья поступила в редакцию 30.03.2026; одобрена после рецензирования 15.04.2026; принята к публикации 13.07.2026.

The article was received in the editorial office on 30.03.2026; approved after review on 15.04.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 343.1

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТ В КОНТЕКСТЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Ушаков Андрей Юрьевич[1], Мельникова Екатерина Федоровна[3], Чаплыгина Виктория Николаевна[3]
[1]Нижегородский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, Нижний Новгород, Россия
[2]Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия
[3]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

[1]ushakov.ay@skspba.ru
[2]efmelnikowa@yandex.ru
[3]victory-75@yandex.ru

Аннотация. В последние годы криптовалюты стали неотъемлемой частью глобальной финансовой системы, предлагая новые возможности для инвестиций, трансграничных переводов и децентрализованных финансовых операций. Их анонимность и децентрализованный характер создали значительные вызовы для правоохранительных органов, стремящихся эффективно расследовать преступления, связанные с криптовалютами. Правовое регулирование криптовалют в контексте расследования преступлений обусловливает в первую очередь необходимость обеспечения безопасности и борьбы с преступностью в неразрывном тандеме с развитием инновационных финансовых технологий. Предложенный авторами в настоящей работе материал дает осведомленность о правовых нормах, регулирующих использование криптовалют на территории Российской Федерации, и направлен главным образом на адаптацию правоохранительной системы к новым вызовам для обеспечения эффективного противодействия финансовым преступлениям в цифровой среде.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровая валюта, инновационные финансовые технологии, расследование преступлений, майнинг, криптокошелек.

Для цитирования: Ушаков А. Ю., Мельникова Е. Ф., Чаплыгина В. Н. Современное состояние правового регулирования криптовалют в контексте расследования преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 340–347.

THE CURRENT STATE OF LEGAL REGULATION OF CRYPTOCURRENCIES IN THE CONTEXT OF CRIME INVESTIGATION

Andrej Yu. Ushakov[1], Ekaterina F. Mel`nikova[2], Viktoriya N. Chaply`gina[3]
[1]Nizhny Novgorod Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee, Nizhny Novgorod, Russia
[2]Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhny Novgorod, Russia
[3]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Oryol, Russia

[1]ushakov.ay@skspba.ru
[2]efmelnikowa@yandex.ru
[3]victory-75@yandex.ru

Annotation. In recent years, cryptocurrencies have become an integral part of the global financial system, offering new opportunities for investment, cross-border transfers, and decentralized financial transactions. Their anonymity and decentralized nature have created significant challenges for law enforcement agencies seeking to effectively investigate crimes related to cryptocurrencies. The legal regulation of cryptocurrencies in the context of crime investigation determines, first of all, the need to ensure security and combat crime, in inseparable tandem with the development of innovative financial technologies. The material proposed by the authors in this paper provides awareness of the legal norms governing the use of cryptocurrencies in the Russian Federation, and is primarily aimed at adapting the law enforcement system to new challenges to ensure effective counteraction to financial crimes in the digital environment.

Keywords: cryptocurrency, digital currency, innovative financial technologies, crime investigation, mining, crypto wallet.

For citation: Ushakov A. Yu., Melnikova E. F., Chaplygina V. N. The current state of legal regulation of cryptocurrencies in the context of crime investigation // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2026. № 2(107). P. 340–347.

Современные процессы цифровизации финансовой сферы поспособствовали возникновению принципиально новых форм экономических отношений, одной из которых является использование цифровых валют.

Анонимность, децентрализация и трансграничность, нематериальная природа и киберпространство при обороте цифровых валют существенно осложняют контроль со стороны государственных органов, создавая условия для совершения преступлений с ее использованием. Оборот оружия, наркотиков, торговля людьми, преступления в сфере экономики не обходятся без цифровой валюты. Кроме того, в отличие от ряда нормативных актов (например, закона о ЦФА) или налогового законодательства, Уголовный кодекс прямо не предусматривает криптовалюту как объект уголовного преследования. Как указывалось в пояснительной записке к законопроекту, цифровая валюта признается имуществом для целей финансового мониторинга, но в УК РФ понятие цифровой валюты как отдельного объекта отсутствует.

Действие ст. 187 УК РФ (о неправомерном обороте средств платежей) распространено на электронные платежи, но прямых указаний на цифровую валюту в ней нет.

Законодательная неурегулированность, экспериментальность периодов правовой природы криптовалюты в настоящее время порождают большие сложности при расследовании преступлений с ее использованием, и этим самым обусловливает актуальность настоящей работы.

Криптовалюта зародилась с появления биткоина в Японии в 2008 году. Ее основателем стал некий человек под псевдонимом Сатоси Никамото, личность которого не раскрыта до настоящего времени. Крипт (с греч.) – тайный, скрытый [1, с. 9]. Само название говорит о том, что ее придумали для того, чтобы скрывать сведения о транзакциях, делая это в обход Центрального банка и записывая сведения в специальный электронный реестр – блокчейн. Разновидности криптовалюты включают [2, с. 24]:

- криптомонеты (coins): децентрализованные валюты с собственной блокчейн-системой – прежде всего Bitcoin, Ethereum и другие «альткойны» (Litecoin, Ripple, Cardano и т. д.). Их курс определяется рынком, и они используются для расчетов и инвестиций;

• приватные (анонимные) монеты: криптовалюты с повышенной конфиденциальностью транзакций (например, Monero, Zcash). Их алгоритмы скрывают адреса отправителя/получателя и суммы, что усложняет отслеживание;

• стейблкоины: цифровые валюты, привязанные к фиатным активам (обычно доллару США) для стабильности курса. Пример – Tether (USDT), курс которого в теории жестко закреплен за USD. Такие монеты часто применяются для быстрых переводов без волатильности криптовалют;

• токены: цифровые активы, эмитируемые на базе чужих блокчейнов (обычно на Ethereum). Бывают utility-токены (для доступа к сервисам), security-токены (регулируемые как ценные бумаги) и др. По закону токен – это цифровое право, например право требования или право участия в капитале.

Также стоит упомянуть о цифровом рубле – планируемом национальном ЦВЦБ (CBDC). Это национальный цифровой актив, подконтрольный Банку России. Он по своей природе не является «преступной криптовалютой», поскольку все транзакции можно отслеживать государству. Международные принципы создания информационного общества и подходы к его созданию определены Окинавской хартией глобального информационного общества (2000 год), Декларацией принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» (2003 год), Планом действий Тунисского обязательства (2005 год). В российском законодательстве основные тенденции цифровизации определяются Стратегией информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы[1], приоритетным направлением которой является создание условий для развития электронного взаимодействия участников экономической деятельности, в том числе финансовых организаций и государственных органов, где безналичные расчеты должны играть ключевую роль. Однако валюта до настоящего времени не является легальным платежом по экономическим сделкам, в отличие от ряда других стран, таких как Япония, Великобритания [3, с. 23].

Российское законодательство относит криптовалюту к имущественному обороту. Федеральный закон № 259-ФЗ от 31.07.2020 (далее – ФЗ № 259-ФЗ) прямо указывает, что «для целей настоящего Федерального закона цифровая валюта признается имуществом»[2].

Цифровая валюта также не приравнена к цифровым финансовым активам (ч. 2 ст. 1 Закона № 259-ФЗ). Так, Федеральный закон от 11.03.2024 № 45-ФЗ устанавливает возможность проведения внешнеторговых сделок с использованием цифровых финансовых активов (ЦФА) в качестве средства платежа. Однако российским юридическим лицам запрещено принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые ими (им) товары. Данный запрет не зависит от территории, на которой осуществляется покупка (продажа) товара [см. 4; 5; 6, с. 234]. Кроме того, российским резидентам запрещено принимать криптовалюту в качестве оплаты за товары и услуги. В результате, криптовалюту можно купить, хранить и владеть, уплачивая 13 % налога, но нельзя считать ее средством платежа. Государство неслучайно запрещает сделки с криптовалютой, потому как все операции с ней весьма латентны для контролирующих органов и это приводит к тому, что ее используют при совершении преступлений.

---

[1] О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента Рос. Федерации от 9 мая 2017 г. № 30. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В преступных схемах криптовалютные операции часто проходят через инструменты сокрытия данных о транзакциях – «стирку»: искажение происхождения за счет миксинга и дробления транзакций. Например, после получения «грязных» биткоинов они могут быть отправлены через цепочку обменников и миксеров (сервисов миксинга), где транзакции перемешиваются. По выходе из «прачечной» сумма поступает на новые адреса без явной связи с первоначальным источником[1].

Вопросы противодействия отмыванию преступных доходов (ПОД/ФТ) регулируются Федеральным законом № 115-ФЗ (далее – ФЗ № 115-ФЗ)[2]. Юридически цифровая валюта для целей этого закона также признается имуществом. Следовательно, все операции с криптовалютой формально подпадают под нормы ФЗ № 115-ФЗ: организации и лица, вовлеченные в оборот цифровых финансовых активов (ЦФА) и цифровой валюты, относятся к субъектам финансового мониторинга. Закон ФЗ № 115-ФЗ был дополнен понятиями и обязанностями на крипторынке: операторы информационных систем выпуска и обмена ЦФА включены в перечень контролируемых лиц.

Банк России и Росфинмониторинг вводят специальные меры для криптосферы: так, с 2024 года предусмотрено обязательное подключение майнеров и операторов майнинг-пулов к системе отчетности Росфинмониторинга. Росфинмониторинг выпустил информационное сообщение, согласно которому лица, осуществляющие майнинг цифровой валюты (в т. ч. участники пулов), должны зарегистрироваться и сообщать об адресах полученных монет. Кроме того, с июня 2025 года вступают в силу поправки (ФЗ № 41-ФЗ) к ФЗ № 115-ФЗ, дающие Росфинмониторингу право приостанавливать сомнительные денежные переводы. Это должно позволить органам власти блокировать схемы с «подставными» счетами. Банк России и Минфин также усиливают KYC-практики: например, в мае 2025 года вступил в силу ФЗ № 9-ФЗ, предписывающий банкам более внимательно проверять операции по токенизированным картам, чтобы исключить снятие наличных третьими лицами [7, с. 155].

Законодатель, понимая, что для правоохранительного блока вопросы, обусловленные появлением криптовалюты в процессе уголовного преследования, плохо урегулированы, не оставляет их без внимания, пытаясь подвергнуть их урегулированию. Это можно увидеть в следующем:

1) 24 июля 2024 года в Госдуме был принят законопроект, который так и не вступил в силу, № 341257-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций на финансовом рынке», которым могли быть внесены следующие изменения[3]:

– цифровая валюта признавалась бы имуществом для целей Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов;

– определялись действия следователя и дознавателя в случаях, если при предварительном расследовании выявляется цифровая валюта, подлежащая изъятию и признанию вещественным доказательством. Изъятие может происходить по двум сценариям в зависимости от типа хранения криптовалюты;

– устанавливалось, что следователи смогут изымать сами материальные устройства, на которых хранится цифровая валюта или код доступа к ней, а также переводить криптовалюту на адрес-идентификатор, «позволяющий обеспечить ее сохран-

[1] О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федер. закон Рос. Федерации от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[2] Там же.
[3] Госдума одобрила законопроекты о криптовалютах в первом чтении. URL: https://pravo.ru/news/254298 (дата обращения: 10.04.2026).

ность». В пояснительной записке подчеркивается, что выбор способа изъятия криптовалюты будет зависеть от ситуации и конкретного вида криптовалюты, но возможно осуществление обеих мер. Криптовалюта хранится в офлайне с помощью специальных аппаратных устройств (так называемых холодных кошельков, например USB-устройств), или в мобильных приложениях, или на веб-кошельках (горячие кошельки);

– определялось, что «изъятие осуществляется с участием специалиста, который определяет в том числе выбор необходимых мер для обеспечения сохранности с учетом особенностей цифровой валюты»;

2) 10 февраля 2026 года Госдума приняла в третьем чтении законопроект № 902782[1], который признал цифровую валюту имуществом в целях уголовного производства. Это позволило квалифицировать хищение криптовалюты как кражу или мошенничество; рассматривать ее как предмет взятки или средство легализации преступных доходов; налагать арест и конфискацию криптоактивов в рамках уголовных дел, то есть подверглись урегулированию позиции, которые рассматривались, но не были приняты вышеуказанным законопроектом;

3) 25 февраля 2026 года стало известно о разработке Банком России и Минфином законопроекта «О цифровой валюте и цифровых правах», который должен заложить основы регулирования крипторынка в России[2]. Основные нормы регулирования должны заработать к 1 июля 2026 года. Законопроект планируется внести в Госдуму в марте и принять в весеннюю сессию. Данным актом с 2027 года планируется ввести уголовную ответственность за нелегальную деятельность посредников на рынке криптовалют, а к 1 июля 2027 года должны быть созданы условия для функционирования компаний, которые будут осуществлять «организацию обращения цифровых валют».

Таким образом, как мы видим, законодатель стремится урегулировать рынок обращения криптовалюты через комплекс мер, направленных на усиление контроля, создание институциональной модели рынка, защиту прав инвесторов и борьбу с нелегальной деятельностью. Однако сказать сегодня, что все требуемые позиции в отношении оборота криптовалюты на территории РФ подверглись урегулированию, нельзя. В настоящее время только лишь начинает формироваться базис, необходимый для становления платформы, способной системно и грамотно подвергать регулированию все возникающие в отношении оборота криптовалюты вопросы, в том числе и те, которые возникают у правоохранительных органов, стремящихся эффективно расследовать преступления, связанные с криптовалютами.

Подводя итог, можно отметить, что в условиях глобализации и интеграции финансовых рынков Россия не может оставаться в стороне от процессов, связанных с криптовалютами. Отсутствие комплексного и системного подхода к регулированию этой сферы может привести к негативным последствиям, включая рост нелегальной деятельности, финансовые риски для инвесторов и угрозу национальной безопасности.

Законодательство стремится урегулировать рынок криптовалют через комплекс мер, направленных на установление контроля, создание институциональной модели, защиту прав инвесторов и борьбу с незаконными операциями. Однако на сегодняшний день многие аспекты оборота криптовалют остаются недостаточно урегулированными.

Формирование правовой базы для регулирования криптовалют является ключевым элементом создания надежной и устойчивой платформы, способной эффективно

---

[1] Криптовалютное регулирование в России – анализ изменений и перспектив на 2026 год. URL: https://zakon.ru/blog/2026/02/11/kriptovalyutnoe_regulirovanie_v_rossii_-_analiz_izmenenij_i_perspektiv_na_2026_god (дата обращения: 10.04.2026).

[2] В России летом введут регулирование криптовалют. Как это будет. URL: https://ru.tradingview.com/news/rbc_crypto:be734090d67b8:0 (дата обращения: 10.04.2026).

решать возникающие вопросы. Это включает в себя разработку нормативно-правовых актов, создание специализированных органов и внедрение современных технологий для мониторинга и анализа криптовалютных операций [8, с. 29].

Особое внимание следует уделить взаимодействию с правоохранительными органами, которые играют важную роль в расследовании преступлений, связанных с криптовалютами. Эффективное сотрудничество между регуляторами и правоохранительными структурами позволит обеспечить высокий уровень защиты интересов государства и граждан.

---

1. Ерохов В. И., Васюков В. Ф. Использование криптовалюты в преступных целях: некоторые вопросы противодействия // Современная наука. 2020. № 2. С. 5–6.
2. Анатомия терминов. 400 словообразовательных элементов из латыни и греческого: учебный словарь-справочник. М.: НЦ ЭНАС. Быков А. А., 2007.
3. Русанов Г. А. Противодействие легализации (отмыванию) преступных доходов: учебник для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 157 с.
4. Чаплыгина А. Д. Использование блокчейн-технологии в современном уголовном судопроизводстве: миф или реальность? // В сборнике: Актуальные вопросы расследования преступлений в условиях развития цифровых технологий. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 20-летию кафедры криминалистики и кафедры уголовного процесса. Уфа, 2025. С. 305–310.
5. Акимова Е. А. Блокчейн технологии и криптовалюты // Образование. Наука. Производство: сборник докладов XV Международного молодежного форума, Белгород, 23–24 октября 2023 года. Белгород: Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова, 2023. С. 22–25.
6. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под общей редакцией А. И. Бастрыкина; под научной редакцией А. И. Чучаева. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 468 с.
7. Боровиков В. Б. Уголовное право. Особенная часть: учебник для среднего профессионального образования / В. Б. Боровиков, А. А. Смердов; под редакцией В. Б. Боровикова. 7-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 479 с.
8. Бочарова Е. А. Криптовалюта: понятие, основные виды // Лучшая научная статья 2019: сборник статей XXVIX Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 30 октября 2019 года. Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2019. С. 26–29.
9. Васюков В. Ф., Титов, А. А. Процессуальные и тактические проблемы изъятия электронных носителей и копирования информации при расследовании преступлений с использованием криптовалюты // Российский следователь. 2023. № 2. С. 23–27.

1. Eroxov V. I., Vasyukov V. F. Ispol`zovanie kriptovalyuty` v prestupny`x celyax: nekotory`e voprosy` protivodejstviya // Sovremennaya nauka. 2020. № 2. S. 5–6.
2. Anatomiya terminov. 400 slovoobrazovatel`ny`x e`lementov iz laty`ni i grecheskogo: uchebny`j slovar`-spravochnik. M.: NCz E`NAS. By`kov A. A., 2007.
3. Rusanov G. A. Protivodejstvie legalizacii (otmy`vaniyu) prestupny`x doxodov: uchebnik dlya vuzov. Moskva: Izdatel`stvo Yurajt, 2025. 157 s.
4. Chaply`gina A. D. Ispol`zovanie blokchejn-texnologii v sovremennom ugolovnom sudoproizvodstve: mif ili real`nost`? // V sbornike: Aktual`ny`e voprosy` rassledovaniya prestuplenij v usloviyax razvitiya cifrovy`x texnologij. Materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashhennoj 20-letiyu kafedry` kriminalistiki i kafedry` ugolovnogo processa. Ufa, 2025. S. 305–310.
5. Akimova E. A. Blokchejn texnologii i kriptovalyuty` // Obrazovanie. Nauka. Proizvodstvo: sbornik dokladov XV Mezhdunarodnogo molodezhnogo foruma, Belgorod,

23–24 oktyabrya 2023 goda. Belgorod: Belgorodskij gosudarstvenny`j texnologicheskij universitet imeni V. G. Shuxova, 2023. S. 22–25.
6. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast`: uchebnik dlya vuzov / pod obshhej redakciej A. I. Bastry`kina; pod nauchnoj redakciej A. I. Chuchaeva. Moskva: Izdatel`stvo Yurajt, 2025. 468 s.
7. Borovikov V. B. Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast`: uchebnik dlya srednego professional`nogo obrazovaniya / V. B. Borovikov, A. A. Smerdov; pod redakciej V. B. Borovikova. 7-e izd., pererab. i dop. Moskva: Izdatel`stvo Yurajt, 2025. 479 s.
8. Bocharova E. A. Kriptovalyuta: ponyatie, osnovny`e vidy` // Luchshaya nauchnaya stat`ya 2019: sbornik statej XXVIX Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel`skogo konkursa, Penza, 30 oktyabrya 2019 goda. Penza: «Nauka i Prosveshhenie» (IP Gulyaev G.Yu.), 2019. S. 26–29.
9. Vasyukov V. F., Titov, A. A. Processual`ny`e i takticheskie problemy` iz``yatiya e`lektronny`x nositelej i kopirovaniya informacii pri rassledovanii prestuplenij s ispol`zovaniem kriptovalyuty` // Rossijskij sledovatel`. 2023. № 2. S. 23–27.

Информация об авторах

Андрей Юрьевич Ушаков. Заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовного процесса, доцент кафедры уголовного права и процесса, кандидат юридических наук, доцент.

Нижегородский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета.

603104, Россия, г. Нижний Новгород, Краснозвездная ул., 5.

Екатерина Федоровна Мельникова. Доцент кафедры предварительного расследования, кандидат юридических наук, доцент.

Нижегородска академия МВД России.

603950, Россия, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

Виктория Николаевна Чаплыгина. Начальник кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, кандидат юридических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the authors

Andrey Yu. Ushakov. Head of the Chair of Criminal Law, Criminology and Criminal Procedure, Assistant Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Candidate of sciences (Law), Associate Professor.

Nizhny Novgorod Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee.

603104, Russia, Nizhny Novgorod, Krasnozvezdnaya Str., 5.

Ekaterina F. Melnikova. Assistant Professor of the Chair of Preliminary Investigation, Candidate of sciences (Law), Associate Professor.

Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia, Nizhny Novgorod, Russia.

603950, Russia, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoe Shosse, 3.

Victoriya N. Chaplygima. Head of the Chair of Criminalistics and Preliminary Investigation by Internal Affairs Bodies, Candidate of sciences (Law), Associate professor.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 19.05.2026; одобрена после рецензирования 10.06.2026; принята к публикации 13.07.2026.
The article was received in the editorial office on 19.05.2026; approved after review on 10.06.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 343.98

СТАНОВЛЕНИЕ ОПЫТА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШЕННЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Цинова Марина Владимировна[1], Баранова Юлия Владимировна[2]
[1, 2]Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, Брянск, Россия

[1]mtsinovv@mail.ru
[2]barbariskay@mail.ru

Аннотация. Исследование преступлений, совершенных в области информационно-коммуникационных технологий, выявляет их осуществление в беспрепятственном информационном пространстве, лишенном физических ограничений, что часто сводит их вне рамок национального законодательства. Подобные деяния носят обобщающий характер, затрагивая не отдельные государства или союзы, а интересы всего человечества, что делает борьбу с ними приоритетом на глобальном уровне. В статье рассматривается зарождение и развитие взаимодействия и обмена опытом между государствами по преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий; этапы формирования юридической основы международного сотрудничества в сфере противодействия преступлениям указанной категории.

Ключевые слова: преступления, интернет, мошенничество, технологии, цифровое пространство, киберпреступность, киберпреступления, информационная безопасность.

Для цитирования: Цинова М. В., Баранова Ю. В. Становление опыта зарубежных стран по предупреждению и противодействию преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 348–356.

DEVELOPING THE EXPERIENCE OF FOREIGN COUNTRIES IN PREVENTING AND COUNTERING CRIMES COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

Marina V. Tsinova[1], Yulia V. Baranova[2]
[1, 2]Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russia named after V. V. Lukyanov, Bryansk, Russia

[1]mtsinovv@mail.ru
[2]barbariskay@mail.ru

Annotation. The study of crimes committed in the field of information and communication technologies reveals that they are carried out in an unrestricted information space that lacks physical limitations, which often places them outside the scope

of national legislation. These crimes are of a general nature, affecting not individual states or alliances, but the interests of humanity as a whole, making them a priority at the global level. The article examines the emergence and development of interaction and exchange of experience between states in the field of crimes committed using information and telecommunication technologies, as well as the stages of forming the legal basis for international cooperation in countering these crimes.

Keywords: crimes, Internet, fraud, technology, digital space, cybercrime, cybercrimes, information security.

For citation: Tsinova M. V., Baranova Yu. V. The Formation of the Experience of Foreign countries in Preventing and Countering Crimes Committed using Information and Telecommunication Technologies // Scientific Bulletin of the Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 2(107). P. 348–356.

Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации прежде всего подразумевает охрану государственных интересов от всевозможных опасностей как исходящих извне, так и возникающих внутри страны. В свете стремительного прогресса информационного общества и увеличения числа правонарушений, осуществляемых посредством информационно-телекоммуникационных систем, актуальность обеспечения безопасности информационного пространства страны стала более значимой [1]. Хотя законодательные меры по борьбе с киберпреступностью и помогают сдерживать их распространение, постоянный рост числа подобных деяний свидетельствует об их ограниченной действенности.

Во всех сферах общественной жизни, включая трансграничную деятельность, широко применяются информационные технологии. Это обуславливает необходимость всемирной стандартизации и юридического контроля в цифровой среде, в том числе и на международном уровне.

Борьба с преступностью на международной арене прошла большой эволюционный путь и представляет собой ключевой аспект уголовной политики, формируемой и реализуемой на мировом, региональном и национальном уровнях [2]. Данная работа реализуется на основании международных соглашений (договорной аспект), а также при содействии и координировании с международными институтами и организациями (институциональный аспект).

В сфере борьбы с преступностью международное взаимоотношение между государствами разворачивается по нескольким ключевым направлениям.

Во-первых, это согласование юридических норм и правовых механизмов для эффективного противодействия преступным деяниям.

Во-вторых, важную роль играет обмен научной информацией и аналитическими данными, способствующий укреплению совместных усилий мирового сообщества в данной области.

В-третьих, государства оказывают друг другу экспертную и техническую поддержку, помогая развивать национальные системы противодействия преступности.

В-четвертых, осуществляется выдача преступников и оказание взаимной правовой помощи в рамках уголовных расследований.

В середине девятнадцатого века международное сотрудничество в сфере противодействия стало ощутимой необходимостью для государства. Ключевым фактором явилось проведение в 1872 году в Лондоне Первого международного тюремного конгресса, который выразил заинтересованность в объединении усилий и «оказался поворотным пунктом в международных встречах не столько потому, что заседания были заранее тщательно подготовлены ведущими теоретиками и практиками более чем из 20 суверенных государств, сколько потому, что это была первая международная конфе-

ренция, которая собрала вместе представителей правительств, а также ученых и администраторов судебно-исправительной системы» [3][1].

Конгрессы Организации Объединенных Наций (далее – ООН) выступили отправной точкой в создании международной нормативной базы по борьбе с преступностью. Именно эти собрания послужили основой для последующей разработки и утверждения глобальных договоренностей и стандартов, предназначенных для пресечения преступных действий в мировом масштабе. Их «можно характеризовать как принятые на международном уровне нормы, принципы и рекомендации в области специального предупреждения преступлений, деятельности системы уголовной юстиции, межгосударственного сотрудничества в борьбе с преступностью….»[2].

В рамках работы Организации Объединенных Наций для борьбы с преступностью был создан обширный набор законов и нормативов, главной целью которых является предупреждение и прекращение противозаконных действий, а также обеспечение уголовного правосудия [4].

С 1872 по 2015 год, раз в пятилетие, проводились Конгрессы, задачей которых было обсуждение и вынесение решений о дальнейшем улучшении методов предотвращения и прекращения преступной деятельности в различных сферах. Значительное влияние на развитие международных связей в аспекте данной проблематики оказал XI Конгресс, прошедший в Бангкоке в 2005 году. Данное событие явилось переломным в укреплении связей между государствами, ознаменованным принятием декларации «Взаимодействие и ответные меры: стратегические союзы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия». Организация данной встречи выразила желание стран-участниц к дальнейшему расширению международного сотрудничества в борьбе с преступными деяниями, включая киберпреступления, отмывание незаконно полученных средств, террористическую деятельность, нелегальную торговлю культурными ценностями и другие преступления. До настоящего момента Конгресс не уделял столь серьезного внимания вопросам борьбы с преступлениями в киберпространстве. Прежде, когда подобные правонарушения казались менее приоритетными, практические меры оставались в стороне [2].

Одним из важных международных документов в области безопасности информационного пространства является Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 55/63[3], в котором подчеркивается, что перед лицом растущей угрозы преступного использования информационных технологий государствам необходимо значительно усилить координацию своих действий и укрепить взаимное сотрудничество. Чтобы эффективно противостоять киберпреступности, государства обязаны принимать определенные меры безопасности. Необходимо обеспечить, чтобы национальное законодательство и принимаемые действия не позволяли киберпреступникам уходить от правосудия, находя убежище в различных юрисдикциях. Правоохранительные органы разных государств должны активно сотрудничать и согласовывать свои действия в процессе расследования и судебного преследования трансграничных преступлений, совершаемых с применением информационных технологий. Кроме того, странам следует обмениваться знаниями и данными о проблемах, с которыми они сталкиваются в борьбе с преступной деятельностью в сфере информационных технологий. Для результативного

[1] Alper B. S., Boren J. F. with a Forew by Clifford W. Crime: International Agenda. Concern and Action in the Prevention of Crime and Treatment of Offenders, 1946–1972. United Nations. Toronto – London, 1972. P. 24.

[2] XII Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Сальвадор. Бразилия. 12–19 апреля 2010 года. URL: https://undocs.org/ru/A/ CONF.213/9 (дата обращения: 29.12.2025).

[3] Борьба с преступным использованием информационных технологий: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 55/63 от 22 января 2001 г. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n00/563/19/pdf/n0056319.pdf (дата обращения: 26.01.2026).

противодействия преступлениям в сфере информационных технологий служащим правоохранительных структур необходимо обладать специализированными навыками и современным оборудованием. Законодательство должно обеспечивать защиту конфиденциальности, сохранности и доступности информации и компьютерных сетей от нелегального проникновения, а также определять наказания за незаконные действия в этой области. Необходимо, чтобы правовые нормы обеспечивали безопасное сохранение электронных улик, значимых для уголовных дел, и гарантировали быстрый доступ к ним. Инструменты международного сотрудничества в юридической сфере должны помогать оперативным расследованиям преступлений, совершаемых с применением информационных технологий, а еще быстрому сбору и обмену нужными доказательствами [5].

XII Конгресс Организации Объединенных Наций, посвященный вопросам предотвращения преступности и уголовного правосудия, состоялся в бразильском городе Сальвадор с 12 по 19 апреля 2010 года. На основе предложений и рекомендаций, утвержденных Генеральной Ассамблеей ООН в резолюции 62/1734, мероприятие стало ключевым этапом в обсуждении проблем, связанных с раскрытием и расследованием преступлений, а также противодействием киберпреступности. Особое внимание было уделено транснациональному характеру таких преступлений, сложностям в сборе статистических данных о совершенных правонарушениях и оценке причиненного ущерба. В ходе конгресса также были пересмотрены и актуализированы глобальные стратегии борьбы с киберпреступностью и транснациональными организованными преступными группировками. Участники в ходе дискуссии отметили, что установление и расследование данных преступлений в существенной степени зависят от «своевременности и эффективности взаимодействия между государственными органами разных стран, поскольку следы киберпреступлений во многих случаях уничтожаются автоматически через короткий промежуток времени»[1].

Ввиду ухудшения криминальной ситуации акцент перемещается на усиление мер по предотвращению противоправных действий. В контексте роста преступности приоритетом становится разработка и внедрение эффективных стратегий, направленных на профилактику правонарушений. В 2013 году в качестве реакции на это Управлением Объединенных Наций по наркотикам и преступности (далее – УНП ООН) был запущен исследовательский проект. Результатом данной работы стало формирование международно-правовой дефиниции киберпреступности, составление перечня деяний, классифицируемых как таковые, а также создание портрета среднестатистического киберпреступника. Отдельный акцент был сделан на роли и воздействии организованной преступности в указанной области.

Генеральный секретарь ООН в одном из своих докладов «Предупреждение, защита и международное сотрудничество в области борьбы с использованием новых информационных технологий для надругательства над детьми и (или) их эксплуатации» (2014 год) напрямую связывает влияние новых информационно-телекоммуникационных технологий на усугубляющуюся ситуацию с насилием над детьми и их эксплуатацией [4].

Проблемы международно-правового регулирования в области противодействия преступности активно обсуждаются. Некоторые государства считают, что существующие нормы утратили свою актуальность и не демонстрируют реальной эффективности. Также отмечается незначительное воздействие законодательства других стран в сфере защиты информационных технологий. В то же время другие полагают, что из-за отсутствия действенных международных пактов, регулирующих ки-

[1] Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Сальвадор. Бразилия. 12–19 апреля 2010 года. URL: https://undocs.org/ru/A/ CONF.213/9 (дата обращения: 29.12.2025).

бербезопасность, государства вынуждены непрерывно вносить изменения в свои правовые акты, приспосабливаясь к постоянно меняющимся вызовам как внутри страны, так и за ее пределами.

В 2016 году Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646[1], определила стратегические цели и основные направления обеспечения информационной безопасности, в которой ключевая задача – ограждение критически важных интересов индивидуума, социума и страны от опасностей, возникающих в результате использования информационных технологий в военно-политической сфере. Речь идет о действиях, идущих вразрез с нормами международного права, включая враждебные акты и агрессию, нацеленные на ослабление суверенитета, нарушение границ государств и создание риска для глобального мира, безопасности и стратегической устойчивости [2].

Ключевыми областями поддержания информационной безопасности в рамках стратегической стабильности и паритетного стратегического сотрудничества выступают:

– обеспечение суверенитета Российской Федерации в информационной среде за счет проведения автономной и независимой стратегии, ориентированной на достижение национальных целей в области информационной безопасности;

– участие в создании глобальной системы информационной безопасности, направленной на сдерживание применения цифровых технологий в целях, нарушающих нормы международного права, включая военные и политические амбиции, а также терроризм, экстремизм, преступные действия и иные незаконные практики;

– разработка международно-правовых инструментов, учитывающих особенности информационных технологий, с целью недопущения и мирного разрешения споров между государствами в сфере информационного пространства;

– содействие в международных структурах позиции России, основанной на принципах равноправия и взаимной выгоды, при котором все участники информационной сферы получают равный доступ к сотрудничеству и современному развитию;

– формирование и совершенствование внутренней системы управления российской частью интернет-пространства.

В рамках подготовки к XIV Конгрессу ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Бангкок, 22–24 января 2019 г.)[2] в рамках Азиатско-тихоокеанского регионального совещания был рассмотрен целый ряд вопросов, при этом акцент был сделан на международное взаимодействие и техническую поддержку в среде предотвращения и противодействия преступности во всех ее проявлениях. Акцент был сделан на борьбе с терроризмом во всех его формах, а также на новых видах преступных деяний. Рассмотрели актуальные тенденции в преступной среде, включая применение информационно-коммуникационных технологий как для совершения преступлений, так и для борьбы с ними.

Ежегодный мировой объем финансирования, отмываемого и узаконивающегося через различные преступные схемы, по данным исследования Организации Объединенных Наций, ежегодный объем глобальных финансовых средств, подвергаемых легализации и отмыванию вследствие разнообразных преступных деяний, оценивается в диапазоне от 2 до 5 процентов мирового валового внутреннего продукта. В денежном эквиваленте эта сумма варьируется от 800 миллиардов до 2 триллионов долларов США.

---

[1] Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Азиатско-тихоокеанское региональное совещание по подготовке к четырнадцатому Конгрессу Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Бангкок, 22–24 января 2019 года. URL: https://undocs.org/ pdf?symbol=ru/A/CONF.234/RPM.1/L.2 (дата обращения: 22.12.2025).

Несмотря на сложившуюся проблемную ситуацию, до настоящего времени отсутствуют ключевые международные соглашения, которые могут стать отправной точкой для создания правовых норм и законов, противодействующих преступной деятельности, осуществляемой с использованием современных информационных и коммуникационных средств, и предотвращать ее возникновение. Такой подход позволит сформировать эффективную систему защиты от киберпреступности, адаптированную к реалиям цифровой эпохи. Внедрение подобных мер укрепит безопасность информационного пространства и снизит риски, связанные с использованием технологий в криминальных целях.

Несмотря на ежегодное увеличение доли киберпреступлений в общей структуре преступности, на конгрессе по противодействию преступности лишь инициативно предлагался вопрос по разработке единых стандартов расследования цифровых преступлений и использованию искусственного интеллекта в этой сфере. Но обсуждения в ООН закончились без конкретных решений.

Кроме того, как отсутствовали основополагающие международные соглашения, которые могли бы стать базисом для разработки законов и правил, направленных на борьбу с преступлениями, совершаемыми посредством информационных и телекоммуникационных средств, так и остались без конструктивных предложений.

ООН намерена наладить партнерские отношения в ключевых сферах, акцентируя внимание на значимых вопросах, таких как укрепление законности и совершенствование системы уголовного правосудия. Среди приоритетов – международное сотрудничество в борьбе с транснациональной преступностью. Также важным направлением является эффективное предупреждение преступлений, совершаемых с использованием современных технологий. Особое внимание уделено положению преступников и жертв, их правам в рамках судебного разбирательства.

Эффективное раскрытие преступлений, где использованы передовые технологии, неразрывно связано с уровнем профессионализма сотрудников правоохранительных органов и их подготовкой, а также с компетентным ведением судебных процессов по подобным делам.

ООН считает, что при реализации необходимых шагов возможно уменьшить число киберпреступлений, включая преступления, совершаемые криминальными организациями.

Согласно оценкам международных организаций, вслед за созданием правовой базы требуется проектирование и реализация в практической деятельности соответствующих методических рекомендаций. Так, специалисты Глобальной программы противодействия отмыванию денег Управления ООН по наркотикам и преступности разработали и внедрили интерактивный образовательный курс, целью которого является обнаружение и расследование преступлений, осуществляемых путем информационно-коммуникационных технологий. Этот курс призван повысить квалификацию специалистов, занимающихся борьбой с киберпреступностью. В этих методических указаниях представлена информация о тактике злоумышленников, способах и инструментах надзора за ними, а также о процессе проведения расследований. Данные рекомендации доступны для использования всем странам, включая те, которые не являются членами Управления ООН по наркотикам и преступности. Методические материалы созданы и предназначены для экспертов, занимающихся борьбой с преступлениями этой категории в различных географических точках. Рекомендации по обучению направлены на совершенствование профессиональных навыков работников правоохранительных органов, прокуратуры и судебной системы. Это необходимо для углубленного понимания методов, используемых преступниками в киберсреде, поиска источников информации, а также налаживания сотрудничества в процессе изучения международной судебной практики по подобным делам.

По мнению экспертов из УНП ООН, важную функцию выполняет организация и проведение конференций, а также практических воркшопов. Проведение подобных мероприятий на международном уровне облегчает коммуникацию и обмен техниче-

скими знаниями, касающимися шести основных направлений в борьбе с киберпреступностью.

Современные средства коммуникации, включая социальные сети, также рассматриваются в контексте их роли и вовлеченности в усиление мер по противодействию преступлениям в интернете [6, 7, 8]. Эти платформы становятся частью обсуждения, когда речь заходит о методах предотвращения онлайн-преступлений [5].

В ходе таких занятий анализируется и формируется ясное представление о разных способах совершения противоправных действий, применяемых злоумышленниками приемах, категориях преступлений, где задействованы цифровые инструменты.

Ставится цель разработки и изучения сочетания действий, направленных на повышение эффективности функционирования системы уголовного судопроизводства при рассмотрении дел, связанных с аналогичными правонарушениями.

Проведенный анализ показывает, что ввиду постоянного увеличения числа случаев мошенничества, реализуемых посредством информационно-телекоммуникационных технологий, многообразия схем и методов злоумышленников, на сегодняшний день не существует унифицированного подхода к решению данной проблемы [9].

Действующая система правового регулирования в области борьбы с киберпреступностью, к сожалению, не соответствует масштабу совершаемых правонарушений. Требуется согласованное действие международного сообщества в целях формирования и применения единых стандартов, предназначенных для недопущения и пресечения преступной деятельности, осуществляемой с использованием передовых информационных технологий.

Следует отметить, что на международной арене уже предприняты определенные шаги для формирования юридической основы международного сотрудничества в сфере противодействия преступлениям указанной категории. Однако требуются дальнейшие усилия для гармонизации законодательства и обмена опытом между странами.

Понимание этих недостатков приводит к развитию партнерства. Так, в 2024–2025 годах российские компании подписали соглашения в Африке, на Ближнем Востоке и в Центральной Азии, а в июне 2025 года Cyberus Foundation заключила партнерство с компанией Al-Adid Business в Катаре и начала проект по подготовке специалистов в сфере кибербезопасности.

Пути совместного решения начали определяться в апреле 2025 года, когда Россия заключила соглашение о совместных действиях в области защиты от киберугроз в рамках ОДКБ.

---

1. Безверхов А. Г., Григорян Г. Р. Корыстные преступления против собственности в условиях цифровой трансформации // Российская Юстиция. 2021. № 1. С. 16–17.
2. Основы кибербезопасности: учебник / А. О. Авсентьев, С. А. Винокуров, М. М. Жуков [и др.]. М.: ГУРЛС МВД России. 2024. 408 с.
3. Alper B. S., Boren J. F. with a Forew by Clifford W. Crime: International Agenda. Concern and Action in the Prevention of Crime and Treatment of Offenders, 1946–1972. UnitedNations. Toronto–London, 1972. P. 24.
4. Овчинский В. С. Основы борьбы с киберпреступностью и кибертерроризмом: хрестоматия / сост. В. С. Овчинский. Москва: Норма, 2017. 516 с.
5. Аносов А. В. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий: учебное пособие: в 2 ч. М.: Академия управления МВД России, 2019. Ч. 1. С. 99.
6. Давыдов С. И., Наливайко Е. О. О необходимости введения в научный оборот оперативно-розыскной категории «дистанционное мошенничество» // Оперативно-

розыскная деятельность в цифровом мире: сборник научных трудов / под ред. В. С. Овчинского. Москва: ИНФА-М, 2021. С. 201–211.
7. Гайдин А. И., Пидусов Е. А., Головчанский А. В. Особенности расследования преступлений, совершаемых в сети интернет с использованием средств анонимизации : методические рекомендации. Воронеж: Воронежский институт МВД России. 2021. 42 с.
8. Аксенова Л. Ю., Бондарева М. В. К вопросу о способе мошенничества с использованием средств сотовой связи // Законодательство. М.: Гарант. 2014. № 5. С. 48–55.
9. Краснова Л. Б. Криминалистически значимые особенности новейших информационных технологий // Научный журнал «Эпомен». 2020. № 41. С. 327.

1. Bezverxov A. G., Grigoryan G. R. Kory`stny`e prestupleniya protiv sobstvennosti v usloviyax cifrovoj transformacii // Rossijskaya Yusticiya. 2021. № 1. S. 16–17.
2. Osnovy` kiberbezopasnosti: uchebnik / A. O. Avsent`ev, S. A. Vinokurov, M. M. Zhukov [i dr.]. M.: GURLS MVD Rossii. 2024. 408 s.
3. Alper V. S., Boren J. F. with a Forew bu Clifford W. Crime: International Agenda. Concegn apd Action in the Prevention of Crime and Treatment of Offenders, 1946–1972. UpitedNations. Togonto–London, 1972. P. 24.
4. Ovchinskij V. S. Osnovy` bor`by` s kiberprestupnost`yu i kiberterrorizmom: xrestomatiya / sost. V. S. Ovchinskij. Moskva: Norma, 2017. 516 s.
5. Anosov A. V. Deyatel`nost` organov vnutrennix del po bor`be s prestupleniyami, sovershenny`mi s ispol`zovaniem informacionny`x, kommunikacionny`x i vy`sokix texnologij: uchebnoe posobie: v 2 ch. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2019. Ch. 1. S. 99.
6. Davy`dov S. I., Nalivajko E. O. O neobxodimosti vvedeniya v nauchny`j oborot operativno-rozy`sknoj kategorii «distancionnoe moshennichestvo» // Operativno-rozy`sknaya deyatel`nost` v cifrovom mire: sbornik nauchny`x trudov / pod red. V. S. Ovchinskogo. Moskva: INFA-M, 2021. S. 201–211.
7. Gajdin A. I., Pidusov E. A., Golovchanskij A. V. Osobennosti rassledovaniya prestuplenij, sovershaemy`x v seti internet s ispol`zovaniem sredstv anonimizacii: metodicheskie rekomendacii. Voronezh: Voronezhskij institut MVD Rossii. 2021. 42 s.
8. Aksenova L. Yu., Bondareva M. V. K voprosu o sposobe moshennichestva s ispol`zovaniem sredstv sotovoj svyazi // Zakonodatel`stvo. M.: Garant. 2014. № 5. S. 48–55.
9. Krasnova L. B. Kriminalisticheski znachimy`e osobennosti novejshix informacionny`x texnologij // Nauchny`j zhurnal «E`pomen». 2020. № 41. S. 327.

Информация об авторах

Марина Владимировна Цинова. Доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники. Кандидат юридических наук.

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

241050, Россия, г. Брянск, пер. 2-ой Советский, 2А.

Юлия Владимировна Баранова. Старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники.

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

241050, Россия, г. Брянск, пер. 2-ой Советский, 2А.

Information about the authors

Marina V. Tsinova. Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment, Candidate of sciences (Law).

Bryansk Branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov.

241050, Bryansk, 2-y Sovetsky Lane, Bldg. 2a.

Yulia V. Baranova. Senior Lecturer of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment.

Bryansk Branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov.

241050, Bryansk, 2-y Sovetsky Lane, Bldg. 2a.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 05.06.2026; одобрена после рецензирования 10.06.2026; принята к публикации 13.07.2026.

The article was received in the editorial office on 05.06.2026; approved after review on 10.06.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 343.13

ПОНЯТИЕ ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Шаров Денис Васильевич
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

denis_sharov@icloud.com

Аннотация. В статье на основе разработанной автором единой теории интересов предлагается понятие законных интересов в уголовном судопроизводстве. Избранный подход позволяет не только очертить то множество объективных интересов, которые будут являться законными в уголовном судопроизводстве, но и классифицировать данные интересы в зависимости от юридической силы нормативно-правового акта, содержащего регламентирующие их уголовно-процессуальные нормы.

Ключевые слова: законный интерес, понятие законного интереса, уголовное судопроизводство, источники уголовно-процессуального права, классификация законных интересов.

Для цитирования: Шаров Д. В. Понятие законных интересов в уголовном судопроизводстве // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 357–362.

ON THE CONCEPT OF LEGAL INTERESTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Denis V. Sharov
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia

denis_sharov@icloud.com

Annotation. This article, based on the author's unified theory of interests, proposes a concept of legal interests in criminal proceedings. This approach allows us not only to outline the range of objective interests that will be considered legal in criminal proceedings but also to classify these interests based on the legal force of the legal act containing the criminal procedural rules governing them.

Keywords: legal interest, concept of legal interest, criminal proceedings, sources of criminal procedure law, classification of legal interests.

For citation: Sharov D. V. On the concept of legal interests in criminal proceedings // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 2(107). P. 357–362.

Законные интересы в праве уже длительное время привлекают внимание ученых как в рамках общей теории права, так и применительно к отраслевым юридическим наукам. Изучение общетеоретического понятия законных интересов в праве позволяет сделать вывод, что в настоящее время в доктрине существуют два глобальных направления исследования данной категории. Одно из них рассматривает законные интересы как объективные интересы, так или иначе регулируемые нормами права (Р. Е. Гукасян [1, с. 116], Г. В. Мальцев [2, с. 368], Д. М. Чечот [3, с. 35–43] и др.),

в то время как другое видит в законных интересах явление, прямо не нашедшее своего отражения в праве, но в целом соответствующее ему (А. В. Малько [4, с. 58], Н. И. Матузов [5, с. 215], В. В. Субочев [6, с. 92–93] и др.)[1].

В свою очередь, предложенная нами единая теория интересов, безусловно, является дальнейшим развитием первой научной парадигмы и понимает под законными интересам объективные интересы, регламентированные нормами права[2].

Соответственно, применительно к уголовному судопроизводству законными интересами будут являться объективные интересы, регламентированные нормами уголовно-процессуального права.

При этом очевидно, что нормы уголовно-процессуального права – это далеко не только нормы уголовно-процессуального закона. Это также нормы иных источников права (например, Конституции РФ, УК РФ, ГПК РФ и др.) в той мере, в какой они регулируют порядок уголовного судопроизводства. В этой связи мы можем говорить о системе источников уголовно-процессуального права.

Вместе с тем попытка определить источники уголовно-процессуального права уводит нас в теоретическую дискуссию, касающуюся источников права в целом. Поэтому, не вдаваясь в имеющиеся научные споры, мы будем придерживаться наиболее общих и устоявшихся положений, определяющих как сами источники уголовно-процессуального права, так и их иерархическую структуру. Это позволит не только очертить то множество объективных интересов, которые будут являться законными в уголовном судопроизводстве, но и классифицировать данные интересы в зависимости от юридической силы нормативно-правового акта, содержащего регламентирующие их уголовно-процессуальные нормы.

Под источником уголовно-процессуального права мы будем понимать официальные формы выражения и закрепления правовых норм, регламентирующих порядок уголовного судопроизводства [7, с. 176]. Появление указанных норм всегда связано с государством. При этом следует отдавать отчет, что само государство при их принятии зачастую испытывает на себе внешнее вмешательство со стороны международных акторов (международных организаций, наднациональных судебных органов, иностранных государств, неправительственных организаций и др.), которое в различные периоды его истории может быть большим или меньшим[3]. Вместе с тем даже при таком вмешательстве, когда государство, по сути, перестает быть фактическим творцом собственных уголовно-процессуальных норм, оно все равно остается формальным законодателем в сфере уголовного судопроизводства [8, с. 148]. Таким образом, в любом случае все источники уголовно-процессуального права либо непосредственно исходят от государства, либо легитимируются им.

Главенствующее место в системе источников уголовно-процессуального права занимает Конституция Российской Федерации. Она имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции РФ (ч. 1 ст. 15).

Это означает, что законные интересы, обеспеченные конституционными нормами, имеют безусловный приоритет перед законными интересами, регламентированными нормами иных источников уголовно-процессуального права.

---

[1] Шаров Д. В. Единая теория интересов в праве. М.: Юрлитинформ, 2026.

[2] Шаров Д. В. Единая теория интересов в праве: основные положения // Вестник Московского университета МВД России. 2026. № 1.

[3] Головко Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. М.: Издательский дом «Городец». 2022. С. 73–145.

Среди законных интересов в уголовном судопроизводстве, регламентированных нормами Конституции РФ, можно назвать такие интересы государства, как недопущение пыток, насилия, другого жесткого или унижающего человеческое достоинство обращения или наказания (ч. 2 ст. 21); обеспечение любого лица квалифицированной юридической помощью (ч. 1 ст. 48); обеспечение потерпевшим от преступлений компенсации причиненного ущерба (ст. 52) и др.

Как правило, все подобные интересы находят свое отражение и дальнейшее развитие в нормах УПК РФ, поэтому вопрос о прямом действии закрепляющих их конституционных норм обычно не встает. Вместе с тем в ряде случае Конституция РФ может применяться в уголовном судопроизводстве в качестве акта прямого действия[1].

Следующим по значимости источником уголовно-процессуального права являются общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации.

При этом очевидно, что говорить о каком-то прямом регулировании уголовного судопроизводства в данном случае не приходится, поскольку нормы международного права действуют в уголовном судопроизводстве только в той мере, в какой они легитимированы (ратифицированы) государством. Сделанное утверждение распространятся в том числе и на международно-правовые акты фундаментального уровня, например о правах человека.

Российская Федерация не только легитимирует указанные нормы международного права, но и определяет их место среди остальных источников уголовно-процессуального права (ч. 4 ст. 15, ст. 79 Конституции РФ). Анализ данных конституционных положений позволяет сделать вывод, что нормы международного права имеют приоритет над федеральным законодательством, но находятся в подчиненном положении по отношению к Конституции РФ.

Основным источником уголовно-процессуального права является федеральное законодательство, состоящее из федеральных конституционных законов и федеральных законов. При этом согласно ч. 3 ст. 76 Конституции РФ федеральные законы не могут противоречить федеральным конституционным законам. Иными словами, федеральные конституционные законы имеют приоритет над обычными федеральными законами. Следовательно, законные интересы, урегулированные федеральными конституционными законами, в случае их коллизии с законными интересами, регламентированными обычными федеральными законами, будут иметь приоритет над последними.

Среди обычных федеральных законов, содержащих нормы уголовно-процессуального права, безусловно, ведущую роль играет Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, представляющий собой кодифицированный на уровне федерального закона нормативно-правовой акт, регулирующий порядок производства по уголовным делам. По своему содержанию и значению УПК РФ является основным источником уголовно-процессуального права в том числе с точки зрения удельного веса в уголовно-процессуальном регулировании.

Помимо прочего, это подтверждается тем, что в самом уголовно-процессуальном законе нашел закрепление законный интерес государства, направленный на установление приоритета УПК РФ перед иными федеральными законами. Так, согласно ч. 1 ст. 7 УПК РФ участники уголовного судопроизводства не вправе применять федеральный закон, противоречащий настоящему Кодексу. В случае если суд установит в ходе производства по делу несоответствие федерального закона или иного норматив-

[1] О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федрации от 31 октября 1995 г. № 8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ного правового акта УПК РФ, то он обязан принять решение в соответствии с настоящим Кодексом (ч. 2 ст. 7 УПК РФ)[1].

Следовательно, законные интересы, затрагивающие порядок уголовного судопроизводства и урегулированные УПК РФ, в случае их коллизии с законными интересами, затрагивающими порядок уголовного судопроизводства и регламентированными иными федеральными законами, будут иметь приоритет над последними.

Также следует отметить, что при определении источников уголовно-процессуального права нужно исходить из того, что уголовно-процессуальное законодательство – это предмет исключительного ведения Российской Федерации (п. «о» ст. 71 Конституции РФ). Следовательно, законы субъектов Российской Федерации не могут регулировать законные интересы в уголовном судопроизводстве.

Отдельным, остро дискуссионным вопросом является значение для уголовного судопроизводства решений высших судов Российской Федерации и прежде всего постановления Конституционного Суда РФ, однако по общему правилу судебные акты к источникам уголовно-процессуального права напрямую не причисляются.

В заключение следует отметить, что законными интересами в уголовном судопроизводстве являются объективные интересы, регламентированные нормами уголовно-процессуального права.

В зависимости от юридической силы нормативно-правового акта, регламентирующего законные интересы в уголовном судопроизводстве, последние подразделяются:

– на законные интересы, регламентированные Конституцией Российской Федерации;

– законные интересы, регламентированные общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации;

– на законные интересы, регламентированные федеральными конституционными законами Российской Федерации;

– на законные интересы, регламентированные уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации;

– на законные интересы, регламентированные иными федеральными законами Российской Федерации.

Предложенная иерархия источников уголовно-процессуального права, в свою очередь, позволяет классифицировать законные интересы в уголовном судопроизводстве в зависимости от юридической силы нормативно-правовых актов, содержащих регулирующие их уголовно-процессуальные нормы.

Это означает, например, что законные интересы, обеспеченные конституционными нормами, имеют безусловный приоритет перед законными интересами, реализуемыми нормами иных источников уголовно-процессуального права. Или законные интересы, урегулированные федеральными конституционными законами, в случае их коллизии с законными интересами, регламентированными обычными федеральными законами, будут также иметь приоритет над последними и др.

Представляется, что выбор законодателем формы нормативно-правового акта, регламентирующего соответствующие законные интересы в уголовном судопроизводстве, по общему правилу определяется значимостью последних для государства и общества в целом. Чем выше значение интереса, тем в более юридически сильном источнике уголовно-процессуального права он закреплен.

---

[1] По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 29 июня 2004 г. № 13-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

При этом довольно распространенной является ситуация, когда одни и те же законные интересы могут быть закреплены нормами, содержащимися сразу в нескольких источниках уголовно-процессуального права, так называемые сквозные законные интересы. Например, законный интерес, направленный на недопущение пыток, сначала был сформулирован в ст. 5 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., затем нашел отражение в ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966 г., после чего был зафиксирован в ч. 2 ст. 21 Конституции РФ, а также дополнительно регламентирован в ч. 2 ст. 9 УПК РФ с отражением специфики уголовно-процессуальной деятельности и др.

1. Гукасян Р. Е. Правовые и охраняемые законом интересы // Советское государство и право. 1973. № 7.
2. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011.
3. Чечот Д. М. Субъективное право и формы его защиты. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968.
4. Малько А. В. Законные интересы советских граждан: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1985.
5. Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия: Теоретические вопросы субъективного права. Саратов, 1972.
6. Субочев В. В. Теория законных интересов: дис. … докт. юрид. наук. Тамбов, 2009.
7. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л. В. Головко; Московский гос. ун-т имени М. В. Ломоносова, юридический фак., каф. уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора. 4-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2025.
8. Головко Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. М.: Издательский дом «Городец», 2022.

1. Gukasyan R. E. Pravovy`e i oxranyaemy`e zakonom interesy` // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1973. № 7.
2. Mal`cev G. V. Social`ny`e osnovaniya prava. M.: Norma: INFRA-M, 2011.
3. Chechot D. M. Sub``ektivnoe pravo i formy` ego zashhity`. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1968.
4. Mal`ko A. V. Zakonny`e interesy` sovetskix grazhdan: dis. … kand. yurid. nauk. Saratov, 1985.
5. Matuzov N. I. Lichnost`. Prava. Demokratiya: Teoreticheskie voprosy` sub``ektivnogo prava. Saratov, 1972.
6. Subochev V. V. Teoriya zakonny`x interesov: dis. … dokt. yurid. nauk. Tambov, 2009.
7. Kurs ugolovnogo processa / Pod red. d.yu.n., prof. L. V. Golovko; Moskovskij gos. un-t imeni M. V. Lomonosova, yuridicheskij fak., kaf. ugolovnogo processa, pravosudiya i prokurorskogo nadzora. 4-e izd., ispr. i dop. M.: Statut, 2025.
8. Golovko L. V. Gosudarstvo i ego ugolovnoe sudoproizvodstvo: monografiya. M.: Izdatel`skij dom «Gorodecz», 2022.

Информация об авторе

Денис Васильевич Шаров. Доцент кафедры предварительного расследования, кандидат юридических наук, доцент.
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя.
117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Information about the author

Denis V. Sharov. Assistant Professorof the Chair of Preliminary Investigation, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Y. Kikot.

117437, Russia, Moscow, Academika Volgina Str., 15.

Статья поступила в редакцию 12.05.2026; одобрена после рецензирования 20.05.2026; принята к публикации 13.07.2026.

The article was received in the editorial office on 12.05.2026; approved after review on 20.05.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 343.1

СНИЖЕНИЕ АКТУАЛЬНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СТ. 105.1 УПК РФ В УСЛОВИЯХ ГУМАНИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ПРИЧИНЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Швырков Владислав Владимирович[1], Андреева Алина Валерьевна[2]
[1, 2] Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

[1]shvurkov@yandex.ru
[2]alina_andreeva_21@list.ru

Аннотация. В настоящее время уголовно-процессуальное законодательство имеет достаточное количество мер процессуального принуждения, в частности мер пресечения, которые предоставляют должностным лицам альтернативность действий в каждой конкретной сложившейся следственной ситуации. В научном исследовании авторы изучают аспект существования «реальной» альтернативы мер пресечения в условиях современного развития уголовного судопроизводства на примере запрета определенных действий. Определяются актуальные проблемы, которые препятствуют полноценной реализации вышеуказанной меры пресечения; предлагается внесение изменений как в законодательном, так и в правоприменительном аспекте, что позволит встать на путь возвращения актуальности запрета определенных действий в условиях гуманизации уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: мера пресечения, запрет определенных действий, гуманизация,уголовное преследование, право на защиту, следователь.

Для цитирования: Швырков В. В., Андреева А. В. Снижение актуальности применения ст. 105.1 УПК РФ в условиях гуманизации уголовного судопроизводства: причины и перспективы // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 363-372.

DECREASE IN THE RELEVANCE OF THE APPLICATION OF ARTICLE 105.1 OF THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE IN THE CONTEXT OF THE HUMANIZATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS: CAUSES AND PROSPECTS

Vladislav V. Shvyrkov[1], Alina V. Andreeva[2]
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

[1]shvurkov@yandex.ru
[2]alina_andreeva_21@list.ru

Annotation. Currently criminal procedure legislation has a sufficient number of procedural coercive measures, in particular preventive measures, which present officials with an alternative to actions in each specific current investigative situation. In this scientific study, the authors have a question about the existence of a «real» alternative to choosing preventive measures in the context of the modern development of criminal proceedings on the example of the prohibition of certain actions. The authors indicate actual problems that impede the full implementation of the above preventive measure, and also propose

amendments both in the legislative and law enforcement aspects, which will modernize and embark on the path of returning the relevance of the prohibition of certain actions in the context of the humanization of the criminal procedure legislation of the Russian Federation.

Keywords: preventive measure, prohibition of certain actions, humanization, criminal prosecution, right to the protection, investigator.

For citation: Shvyrkov V. V., Andreeva A. V. Decrease in the relevance of the application of article 105.1 of the code of criminal procedure in the context of the humanization of criminal proceedings: causes and prospects // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 2(107). P. 363–372.

Современное общество постоянно сталкивается с таким явлением, как преступления. Согласно положениям уголовно-процессуального закона в целях доказывания объективных, а также субъективных обстоятельств, предусмотренных каждым конкретным составом преступления, которое содержится в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, уполномоченные на то органы производят процедуру предварительного расследования, которое может осуществляться в форме предварительного следствия, а также дознания. Согласно статистическим данным, приведенным МВД России по состоянию на январь-декабрь 2026 года, на территории Российской Федерации было зарегистрировано 1 771 174 преступлений, из которых раскрыто 854 121. Также стоит упомянуть и тот факт, что среди всех преступлений количество тяжких и особо тяжких составов преступлений составляет 627 894, из которых раскрыто 276 259[1].

При вышеуказанных статистических данных возникает вопрос о надлежащем обеспечении хода расследования преступлений с соблюдением установленных законом разумных сроков предварительного расследования, а также объективности расследования совершенных общественно опасных деяний. В частности, существуют уголовные дела одной и той же категории, например связанные с расследованием незаконного оборота наркотических средств. Данная категория уголовных дел представляет собой расследование тяжких и особо тяжких составов преступлений, часто совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Однако исходя из вышеизложенного, следователь должен обращать внимание на субъективные обстоятельства, в частности: на характеристику личности подозреваемого, наличие у него устойчивых социальных связей, отсутствие цели сбыта и иные, требующие внимания обстоятельства [1, с. 6]. Одним из инструментов, имеющихся в распоряжении следователя, а также дознавателя, которыми они вправе обеспечить ход расследования уголовного дела, является возможность избрания меры пресечения. По смыслу Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) мера пресечения является инструментом следователя, дознавателя, суда, которая при наличии к тому достаточных фактических, а также юридических оснований может быть в отношении лица, которое является подозреваемым или обвиняемым по уголовному делу в целях обеспечения надлежащего производства уголовного преследования, а также исключения возможности воспрепятствования данным лицом ходу расследования различными способами, которые, в частности, перечислены в статье 97 УПК РФ[2]. Всего законом предусмотрено восемь мер пресечения, среди которых четыре избираются по решению

[1] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2025 года. URL: https://мвд.рф/reports/item/77848182 (дата обращения: 05.03.2026).

[2] Уголовно-процессуальный кодекс: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

следователя, оставшиеся – по судебному решению. Меры пресечения предназначены в первую очередь для наиболее правильного осуществления предварительного расследования, а также для выполнения следователем деятельности по обеспечению личной безопасности, а также безопасности граждан, пресечению совершения преступлений и их предупреждению, охране прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства [2, с. 72].

Стоит отметить, что меры пресечения, предусматривают определенные ограничения, призванные обеспечить надлежащее поведение подозреваемого, обвиняемого, а также ход расследования. Каждая из мер предусматривает отличные друг от друга основания их применения, а также ограничения. В частности, стоит отметить, что ограничения, предусмотренные мерами пресечения, можно условно разделить по качественному признаку, иначе трактуя, от лояльных до более строгих. Так, проанализировав положения главы 13 УПК РФ, можно сделать вывод о том, что наиболее строгой мерой пресечения в настоящее время является заключение под стражу, предусмотренное статье 108 УПК РФ. Согласно статистике, приведенной Судебным департаментом при Верховном суде РФ, за первое полугодие 2025 года в суды общей юрисдикции в ходе досудебного производства поступило 52 626 ходатайств об избрании меры пресечения, из которых 45 425 ходатайств об избрании заключения под стражу, 4427 – домашнего ареста, 26 – залога, 2748 – запрета определенных действий[1]. В связи с вышеизложенным можно сделать вывод о том, что, если следователь прибегает к ограничению прав и свобод лица, в отношении которого ведется уголовное преследование, путем избрания меры по судебному решению в целях обеспечения невмешательства в объективность расследования, чаще всего подается ходатайство об избрании наиболее строгой меры пресечения.

В научных исследованиях различных авторов приводится мнение о том, что в настоящее время уголовно-процессуальное законодательство РФ принимает вектор гуманизации – более строгого соблюдения прав и свобод граждан, уменьшения их необоснованного ограничения, исключения привлечения к уголовной ответственности невиновных лиц [3, с. 195]. Об этом свидетельствуют законодательные изменения, которые вводят значительные изменения в векторе гуманизации уголовного судопроизводства, охраны прав и свобод лиц, которые являются участниками уголовного процесса в различных формах. Так, одними из недавних изменений являются принятые Федеральным законом от 28.02.2025 № 13-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Данным законом введены ограничения избрания самой строгой меры пресечения в отношении ограниченного круга лиц, например беременных женщин. Также одним из нововведений, свидетельствующих о решительных шагах законодателя в целях реализации гуманности уголовного процесса, является исключение преступлений категории средней тяжести из общего перечня преступлений, при которых применяется мера пресечения в отношении подозреваемых. Теперь правоохранительным органам необходимо учитывать качественную характеристику совершенного преступления, а именно наличие насильственного способа его совершения[2].

С целью введения большей альтернативности действий для уполномоченных лиц, осуществляющих уголовное преследование, в частности применения менее строгих мер пресечения, Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ «О внесении изме-

[1] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2025 года. URL:https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9291 (дата обращения: 05.03.2026).
[2] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 28 февраля 2025 г. № 13-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» была введена новая мера пресечения – запрет определенных действий[1].

Дефиниция запрета определенных действий представлена в ст. 105.1 УПК РФ и предусматривает под собой одну из мер пресечения, избираемых по судебному решению в соответствии с ходатайством уполномоченного на то законом должностного лица. Предполагает во всех случаях обязанность подозреваемого, обвиняемого являться в установленное следователем время и место. Также существуют определенные запреты, которые могут быть избраны как все вместе, так и раздельно несколько. В необходимых случаях может быть избран только один запрет. Данные запреты предполагают ограничения конституционных прав граждан, которые являются более мягкими по отношению к домашнему аресту, а также заключению под стражу. Среди запретов имеются такие, как посещение определенных мест, покидание места жительства в определенное судом время, общение с установленным в суде кругом лиц, запрет на использование почтовых отправлений, а также пользование средствами связи и интернетом. В определенных случаях, когда это трактуется обстоятельствами уголовного дела, а также инкриминируемым подозреваемому, обвиняемому составом преступления, может быть введен запрет на управление транспортным средством.

Законодательный смысл вышеуказанной меры пресечения является весьма логичным, соответствует вектору гуманизации уголовного преследования в системе российского законодательства. В частности, необходимо упомянуть, что в пояснительной записке к законопроекту, предполагающем введение вышеуказанной меры пресечения, отмечается, что авторы преследовали своей целью введение альтернативы содержанию под стражей, укрепление тенденции на развитие аспекта гуманизации уголовно-процессуального законодательства. Также ими отмечается, что применение новой меры позволит сохранить средства федерального бюджета, которые затрачиваются на содержание лиц, находящихся в следственных изоляторах по решению суда[2].

По мнению Н. И. Пурцеладзе, введение запрета определенных действий как новой уголовно-процессуальной меры пресечения является «не чем иным, как очередной попыткой законодателя оптимизировать применение мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества» [4, с. 327]. Однако закономерным остается вопрос редкости применения вышеуказанной меры пресечения согласно статистическим данным, приведенными Судебным департаментом при Верховном суде РФ, в том числе и по отношению к наиболее строгой мере пресечения – заключению под стражу. Необходимо рассмотреть более подробно юридические и фактические причины низкой популярности избрания указанной меры пресечения органами предварительного следствия с целью внесения конкретных предложений по их реализации.

Одним из юридических аргументов неизбрания запрета определенных действий является «мягкость» вышеуказанной меры, а также порядок ее избрания. Так, для избрания вышеуказанной меры пресечения должностному лицу, к примеру следователю, необходимо собрать наиболее полный перечень материалов, включающих в себя протоколы следственных и процессуальных действий, а также иные документы, которые подтверждают приведенные в постановлении о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий основания. Стоит

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста: Федер. закон Рос. Федерации от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста). URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/900722-6 (дата обращения: 05.03.2026).

отметить, что, исходя из положений, предусмотренных ст. 16, которые регламентируют право на защиту подозреваемого и обвиняемого, одной форм реализации права на защиту является ознакомление подозреваемого или обвиняемого, а также его защитника с материалами, которые предоставляются в суд следователем в обоснование своего ходатайства, что может повлиять на тактику проведения следственных действий и способствовать выстраиванию линии защиты обвиняемого по уголовному делу, в частности с использованием методов незаконного противодействия предварительному расследованию.

Однако при недостаточности обоснованности в каждом конкретном случае предоставленного следователем ходатайства по результатам его рассмотрения в соответствии с внутренним убеждением судья может принять решение об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий, однако не в том объеме, в котором ходатайствовал следователь, что может также привести к затягиванию досудебного производства по уголовному делу, а также незаконному воспрепятствованию деятельности следователя.

В связи с приведенными выше аргументами возникает необходимость проведения законодательного изменения положения ст. 105.1, касающиеся ее основной дефиниции и дополнить ее ограничениями, предусмотренными ст. 102 УПК РФ, которые будут избраны не посредством добровольной подписки подозреваемого или обвиняемого, а по постановлению суда независимо от того, какие запреты будут удовлетворены в судебном порядке. Таким образом, необходимо дополнить ч. 1 ст. 105.1 УПК РФ формулировкой, которая соответствует п. 1 ч. 1 ст. 102 УПК РФ, а именно о запрете покидать место пребывания или жительства без уведомления об этом следователя в установленном законом порядке. Стоит уточнить, что в контексте данной формулировки предполагается запрет покидать субъект РФ, в котором проживает или пребывает подозреваемый (к примеру, город, район или область). Такое дополнение внесет большую правовую ответственность для подозреваемого, обвиняемого в рамках исполнения меры пресечения, при этом не делая данную меру более строгой.

Также необходимо отметить практические проблемы реализации запрета определенных действий, которые встречаются в деятельности сотрудников органов предварительного расследования, а также уголовно-исполнительных инспекций. По мнению, А. С. Александрова [5, с. 11], такая обязанность, как своевременная явка по вызовам дознавателя, следователя или в суд, ограничивает возможность осуществления контроля со стороны уголовно-исполнительной инспекции в связи с отсутствием в данном положении должностного лица уголовно-исполнительной инспекции, в чьи полномочия входит контроль за подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых избрана мера пресечения в виде запрета определенных действий. Мы согласны с доводами вышеупомянутого автора ввиду того, что в ч. 11 ст. 105.1 УПК РФ установлено: федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий правоприменительный функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения наказаний в отношении осужденных, является субъектом контроля исполнения данной меры пресечения, в связи с чем требуется законодательное возложение взаимной обязанности лиц, в отношении которых избрана данная мера пресечения по явке в соответствующие органы исполнительной власти. Такое требование привело бы к более ответственному подходу к соблюдению ограничений, предусмотренных ст. 105.1 УПК РФ, а также к конкретизации правовых отношений подозреваемого как подучетного лица с контролирующим органом. Также следует актуализировать правовое положение сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН), в соответствии с нормативно-правовой регламентацией служебной деятельности обязанными осуществлять контроль за лицами, в отношении которых избрана мера пресечения по судебному решению, в частности запрет определенных действий.

Еще одной из проблем является контроль за фактическим исполнением подозреваемым или обвиняемым требований, предусмотренных п. 1–6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. При этом избрание таких запретов, как общение с определенным лицами, отправление и получение почтово-телеграфных отправлений, а также использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет, может быть осложнено ввиду различных факторов. В частности, нарушение вышеуказанных запретов может быть осуществлено через третьих лиц, таких как сожители, родственники, близкие друзья, а также иные лица. При проживании в одном помещении совместно с иными лицами суд не вправе подвергнуть ограничению данных лиц в соответствии с п. 3–5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ в связи с тем, что это является прямым нарушением положений ст. 2, 23, 29 Конституции РФ, так как ограничение данных прав судебным решением в отношении иных лиц не соответствует целям уголовно-процессуального законодательства, является их нарушением. Этим могут активно пользоваться лица, которым запрещены данные действия судебным решением, например посредством оформления сим-карты на другое лицо, пользования мобильным устройствами иных лиц, а также привязанными к ним аккаунтами в мессенджерах и социальных сетях, осуществления общения по адресу, которое проблематично привязать к конкретному лицу, а также использование в условиях цифровизации современного общества приложений Virtual Private Network – «виртуальная частная сеть» (VPN), SIP-телефонии.

В случаях применения запрета на покидание места жительства или пребывания в определенное время, а также на посещение конкретных мест все же возможно осуществлять контроль путем применения специальных технических средств, таких как трекеры, электронные браслеты, камеры видеонаблюдения, а также посредством проверки уголовно-исполнительными органами в определенные периоды времени по месту жительства или пребывания лица, к которому применена такая мера пресечения. Спорным же является аспект реализации контроля за исполнением запрета на управление транспортным средством, предусмотренным п. 6 ч. 6 ст. 105 УПК РФ. В таких случаях идентифицировать факт управления транспортным средством при помощи трекера, а также электронного браслета не представляется возможным. Также необходимо учитывать материально-техническое обеспечение соответствующих органов в каждом конкретном случае ввиду того, что технические средства обеспечения данной меры пресечения могут отсутствовать.

При всех вышеуказанных проблемных аспектах реализации запрета определенных действий нельзя не согласиться с мнением Я. Ю. Сидорова, который считает, что «нормы о запрете таких действий, как использование информационно-телекоммуникационной сети Интернет, нельзя назвать мертвыми нормами права (то есть теми нормами, которые не работают и не могут быть применимы)» [6, с. 179]. Согласно его точке зрения, в сложившейся ситуации данная мера пресечения может применяться, однако необходимо учитывать не только тяжесть деяния, а также обстоятельства, которые будут способствовать полному и своевременному контролю за их исполнением с минимальным вмешательством контролирующих органов. Минимальное вмешательство органов предварительного расследования и уголовно-исполнительной системы позволит выполнять служебные обязанности правоохранительными органами более эффективно. Кроме того, М. Л. Перевозчиков считает, что это будет в полной мере соответствовать «экономии принуждения», которая является требованием, относящимся к процессу выбора мер уголовно-процессуального принуждения и заключается в выборе меры пресечения «по пути наименьшего принудительного воздействия [7, с. 342]. Такой подход даст возможность понимать под запретом определенные действия как одну из перспективных мер процессуального принуждения.

Немаловажным остается аспект выполнения в полной мере судами требования, предусмотренного ч. 7 ст. 105.1 УПК РФ, которое гласит об указании в постановлении об избрании меры пресечения в виде запрете определенных действий условий их исполнения в полном объеме. Подобный пример выполнения данных требований содержится в Апелляционном постановлении № 22К-921/2025 от 25 сентября 2025 г. по делу № 3/14-49/2025, вынесенном Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики, согласно которому лицу, к которому применены запреты, предусмотренные пп. 1, 3, 4, 5, судом было предписано конкретное место пребывания. Был указан адрес, который нельзя покидать в установленное судом время, а именно с 22 часов 00 минут по 06 часов 00 минут, также было определено в целях недостаточности трактовки, что запрет на общение распространяется на свидетелей по уголовному делу. Следовательно, в случае введения в статус свидетелей новых лиц данный запрет будет распространять свое действие также и на них. Также было установлено, что запрещено использовать все виды информационно-телекоммуникационных сетей и средств связи, что не позволит допустить применение технологий, которые потенциально могут не иметь своего определения «информационно-телекоммуникационная сеть», однако иметь присущие таковой качества. Также был определен орган, осуществляющий контроль и наделение последнего правом использования технических средств в целях обеспечения исполнения данной меры пресечения. Данное постановление является примером наиболее полного установления условий исполнения меры пресечения[1].

Однако в судебной практике встречались случаи, которые не в полной мере отвечают вышеуказанным требованиям. В частности, примером может послужить Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 11.02.2021 по делу № 77-304/2021[2]. Согласно данному постановлению судом общей юрисдикции первой инстанции было удовлетворено ходатайство следователя об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий. Судом первой инстанции в своем решении было допущено нарушение требований ч. 7 ст. 105.1 УПК РФ, а именно отсутствовало указание на конкретное место исполнения наказания при избрании запрета на покидание места жительства, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, что является существенным нарушением и предоставляет возможность воспрепятствования ходу производства предварительного расследования уполномоченными органами. В связи с чем требуется более подробное законодательное разъяснение положений о применении запрета определенных действий, а также трактовки условий, которые необходимо судам указывать в своем постановлении.

В заключение необходимо сказать о том, что в настоящее время гуманизация уголовного судопроизводства, а также экономия средств уголовно-процессуального принуждения являются одними из приоритетных направлений в рамках осуществления деятельности по расследованию уголовных дел в современном обществе РФ. Введение такой меры пресечения, как запрет определенных действий, является важным шагом к реализации вышеупомянутых тенденций совершенствования уголовно-процессуального законодательства, а также соответствует перспективе видения уголовно-процессуальной деятельности законодателем [8, с. 266]. Вместе с тем на данном этапе развития законодательство, регламентирующее деятельность по расследованию преступлений, содержит приведенные в научном исследовании недочеты, которые, по нашему

[1] Апелляционное постановление № 22К-921/2025 от 25 сентября 2025 г. по делу № 3/14-49/2025. Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации». URL: https://sudact.ru/regular/doc/NYeBht0WpiUW (дата обращения: 06.03.2026).

[2] Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 11.02.2021 по делу № 77-304/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

мнению, исправимы. В частности, необходимо внести законодательные изменения, которые уточнят пробелы в реализации запрета определенных действий обобщить практику ее применения и внести рекомендации судебным органам, а также органам предварительного расследования о применении данной меры пресечения. Необходимо также упомянуть, что модернизации требует практическая составляющая реализации запрета определенных действий, а также контроля за его исполнением.

---

1. Александрова М. В. Методические основы расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ // Актуальные проблемы юриспруденции: сборник статей по материалам III международной научно-практической конференции. Том 3(3): Ассоциация научных сотрудников «Сибирская академическая книга», 2017. С. 6–11.
2. Проказин Д. Л. Вопросы совместной деятельности следователя и сотрудников полиции / Д. Л. Проказин, Е. А. Семенов // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. К 30-летию принятия Конституции РФ. В 2-х частях, Орел, 12–13 октября 2023 года / Редколлегия: К. В. Муравьев [и др.]. Том Часть 2. Орел: Орловский юридический институт МВД Росии имени В. В. Лукьянова, 2023. С. 71–75.
3. Ляхов Ю. А. Гуманизация уголовного процесса – генеральная задача российского уголовного судопроизводства // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 1(17). С. 194–197.
4. Пурцеладзе Н. И. Запрет определенных действий – новая мера пресечения: «за» и «против» // Органы народовластия на Костромской земле. Опыт прошлого и перспективы будущего (к 25-летию Конституции Российской Федерации, Костромской областной Думы и Думы города Костромы): сборник трудов XV Всероссийских декабрьских юридических чтений в Костроме. Всероссийская научно-практическая конференция, Кострома, 10–11 декабря 2018 года / Ответственные редакторы Г. Г. Бриль, В. В. Груздев. Кострома: Костромской государственный университет, 2019. С. 325–329.
5. Александров А. С. Некоторые проблемы исполнения мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: материалы XXIII Всероссийской научно-практической конференции, Новокузнецк, 18–19 октября 2023 года. Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2023. С. 10–13.
6. Сидоров Я. Ю. Проблематика применения запрета определенных действий как меры пресечения // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2024. № 8. С. 177–180.
7. Перевозчиков М. Л. Экономия принуждения при выборе меры пресечения в уголовно-процессуальной политике // Вестник науки. 2023. Т. 3, № 10(67). С. 334–355.
8. Шафоростова И. А. Запрет определенных действий в системе мер пресечения / И. А. Шафоростова, С. Ю. Клевцова // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: сборник статей всероссийских научно-практических конференций, Орел, 28 марта – 03 2025 года. Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 2025. С. 263–267.

1. Aleksandrova M. V. Metodicheskie osnovy` rassledovaniya prestuplenij, svyazanny`x s nezakonny`m oborotom narkoticheskix sredstv i psixotropny`x veshhestv // Aktual`ny`e problemy` yurisprudencii: Sbornik statej po materialam III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Tom 3(3): Associaciya nauchny`x sotrudnikov «Sibirskaya akademicheskaya kniga», 2017. S. 6–11.
2. Prokazin D. L. Voprosy` sovmestnoj deyatel`nosti sledovatelya i sotrudnikov policii / D. L. Prokazin, E. A. Semenov // Sovremennoe ugolovno-processual`noe pravo – uroki istorii i problemy` dal`nejshego reformirovaniya: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. K 30-letiyu prinyatiya Konstitucii RF. V 2-x chastyax, Orel, 12–13 oktyabrya 2023 goda / Redkollegiya: K. V. Murav`ev [i dr.]. Tom Chast` 2. Orel: Orlovskij yuridicheskij institut MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova, 2023. S. 71–75.
3. Lyaxov Yu. A. Gumanizaciya ugolovnogo processa – general`naya zadacha rossijskogo ugolovnogo sudoproizvodstva // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2021. № 1(17). S. 194–197.
4. Purceladze N. I. Zapret opredelenny`x dejstvij – novaya mera presecheniya: «za» i «protiv» // Organy` narodovlastiya na Kostromskoj zemle. Opy`t proshlogo i perspektivy` budushhego (k 25-letiyu Konstitucii Rossijskoj Federacii, Kostromskoj oblastnoj Dumy` i Dumy` goroda Kostromy`): sbornik trudov XV Vserossijskix dekabr`skix yuridicheskix chtenij v Kostrome. Vserossijskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya, Kostroma, 10–11 dekabrya 2018 goda / Otvetstvenny`e redaktory` G. G. Bril`, V. V. Gruzdev. Kostroma: Kostromskoj gosudarstvenny`j universitet, 2019. S. 325–329.
5. Aleksandrov A. S. Nekotory`e problemy` ispolneniya mer presecheniya v vide domashnego aresta i zapreta opredelenny`x dejstvij // Ugolovno-ispolnitel`naya sistema segodnya: vzaimodejstvie nauki i praktiki: materialy` XXIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Novokuzneczk, 18–19 oktyabrya 2023 goda. Novokuzneczk: Kuzbasskij institut Federal`noj sluzhby` ispolneniya nakazanij, 2023. S. 10–13.
6. Sidorov Ya. Yu. Problematika primeneniya zapreta opredelenny`x dejstvij kak mery` presecheniya // Sovremennaya nauka: aktual`ny`e problemy` teorii i praktiki. Seriya: E`konomika i pravo. 2024. № 8. S. 177–180.
7. Perevozchikov M. L. E`konomiya prinuzhdeniya pri vy`bore mery` presecheniya v ugolovno-processual`noj politike // Vestnik nauki. 2023. T. 3, № 10(67). S. 334–355.
8. Shaforostova I. A. Zapret opredelenny`x dejstvij v sisteme mer presecheniya / I. A. Shaforostova, S. Yu. Klevczova // Ugolovno-processual`ny`e i kriminalisticheskie problemy` bor`by` s prestupnost`yu: sbornik statej vserossijskix nauchno-prakticheskix konferencij, Oryol, 28 marta – 03 2025 goda. Orel: Orlovskij yuridicheskij institut MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova, 2025. S. 263–267.

Информация об авторах

Владислав Владимирович Швырков. Научный сотрудник научно-исследовательского отделения.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Алина Валерьевна Андреева. Старший научный сотрудник научно-исследовательского отделения.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the authors

Vladislav V. Shvyrkov. Researcher at the Research Department.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Alina V. Andreeva. Senior Researcher at the Research Department.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 18.05.2026; одобрена после рецензирования 25.05.2026; принята к публикации 13.07.2026.

The article was received in the editorial office on 18.05.2026; approved after review on 25.05.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 343.6

ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА: ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Шмендель Сергей Михайлович
Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, Брянск, Россия

sshmendel@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются актуальные проблемы уголовной ответственности за доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ) в условиях цифровизации общества. Анализируются сложности квалификации данного состава преступления, связанные с отсутствием четкого определения ключевых понятий, влиянием кибербуллинга и других форм онлайн-травли, а также с разграничением от смежных составов. Особое внимание уделяется изменениям в законодательстве 2017 года, которые ввели статьи 110.1 и 110.2 УК РФ, и их практической реализации. Автор предлагает пути совершенствования правового регулирования для повышения эффективности противодействия таким преступлениям.

Ключевые слова: доведение до самоубийства, кибербуллинг, квалификация преступлений, суицид, цифровизация.

Для цитирования: Шмендель С. М. Доведение до самоубийства: влияние цифровизации и проблемы квалификации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 373–380.

DRIVING TO SUICIDE: QUALIFICATION ISSUES AND THE IMPACT OF DIGITALIZATION

Sergey M. Shmendel
Bryansk Branch of the Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Bryansk, Russia

sshmendel@mail.ru

Annotation. The article examines the current issues of criminal liability for suicide-inducing behavior (Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation) in the context of the digitalization of society. It analyzes the difficulties in qualifying this crime, which are related to the lack of a clear definition of key concepts, the influence of cyberbullying and other forms of online harassment, and the differentiation from related crimes. Special attention is given to the changes in the legislation in 2017, which introduced Articles 110.1 and 110.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, and their practical implementation. The author suggests ways to improve legal regulation in order to increase the effectiveness of countering such crimes.

Keywords: incitement to suicide, cyberbullying, criminal qualification, suicide, digitalization.

For citation: Shmendel S. M. Driving to suicide: qualification issues and the impact of digitalization // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute The Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 2(107). P. 373–380.

Конституция РФ провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, а государство возлагает на себя обязанность защищать жизнь и безопасность граждан [1, с. 11]. Одним из наиболее сложных с точки зрения квалификации составов преступлений является доведение до самоубийства [2, с. 4] (ст. 110 УК РФ), что подтверждается судебной практикой[1]. Особую актуальность проблема приобретает в эпоху цифровизации, когда появляются новые способы совершения таких деяний, например с использованием интернета и социальных сетей [3, с. 32].

Актуальность рассматриваемого вопроса обусловлена нижеследующими факторами:

1. Рост числа суицидов среди несовершеннолетних. По данным Всемирной организации здравоохранения, Россия входит в число стран с высоким уровнем подростковых самоубийств. В группе риска находятся подростки 15–19 лет, особенно те, кто подвергается травле в интернете.

2. Развитие цифровых технологий. Кибербуллинг, онлайн-манипуляции и пропаганда суицидального поведения через соцсети создают новые вызовы для правоприменительной практики.

3. Пробелы в законодательстве. Отсутствие четких определений («самоубийство», «доведение», «склонение») и сложности разграничения смежных составов (ст. 105, 110, 110.1, 110.2 УК РФ).

4. Недостаточная проработанность методик расследования. Доказывание причинной связи между действиями виновного и суицидом потерпевшего остается сложной задачей.

5. Трансформация форм девиантного поведения. Появление новых видов онлайн-манипуляций, включая «группы смерти» и суицидальные игры (например, «Синий кит»), требует адаптации уголовного законодательства.

Статья 110 УК РФ предусматривает ответственность за доведение лица до самоубийства или покушения на него путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства. В 2017 году в Уголовный кодекс были внесены изменения, добавившие статьи 110.1 (склонение к самоубийству или содействие ему) и 110.2 (организация деятельности, направленной на побуждение к самоубийству) [4, с. 14][2]. Эти новеллы направлены на противодействие распространению практик, связанных с суицидом, особенно среди несовершеннолетних.

Эволюция нормы: 1) УК РСФСР 1922 года. Ответственность наступала только за содействие самоубийству несовершеннолетнего или невменяемого лица; 2) УК РСФСР 1926 года. Расширен перечень способов (жестокое обращение), но потерпевшим признавалось лицо, находившееся в материальной или иной зависимости; 3) УК РСФСР 1960 года. Добавлен признак «систематическое унижение личного достоинства», но субъект оставался ограниченным (зависимость потерпевшего); 4) УК РФ 1996 года. Существенные изменения: добавлены угрозы, субъект стал общим (не требуется зависимость потерпевшего); 5) изменения 2017 года. Криминализированы склонение и содействие самоубийству (ст. 110.1), а также организация деятельности, побуждающей к суициду (ст. 110.2).

---

[1] Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Рос. Федерации. Статистика по уголовным делам. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 08.03.2026).

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, основными тенденциями, обусловленными эволюционированием вышеуказанной нормы, стали: расширение круга субъектов (от зависимых лиц к общему субъекту); увеличение способов совершения преступления; усиление ответственности за деяния, направленные на несовершеннолетних; адаптация норм к цифровым угрозам (включение интернет-контента в квалифицирующие признаки).

При анализе зарубежного права следует отметить, что в ряде стран (Германия, Великобритания, США) ответственность за доведение до самоубийства регулируется более детально. Например, в Великобритании действует закон о «помощи в самоубийстве» (*Suicide Act 1961*), который криминализирует не только прямое содействие, но и публикацию инструкций по суициду. В США отдельные штаты вводят ответственность за кибербуллинг, приведший к суициду.

В действующем законодательстве отсутствует легальное определение понятия «самоубийство», что затрудняет применение нормы. В науке предлагается рассматривать его как осознанное намерение лишить себя жизни под влиянием психотравмирующей ситуации или иных обстоятельств [1, с. 5].

Подходы к определению. Так, в Толковом словаре В. И. Даля под самоубийством понимается «лишение самого себя жизни». Энциклопедическое определение подразумевает «преднамеренное лишение себя жизни, как правило, самостоятельное и добровольное». Уголовно-правовое понимание предполагает «умышленное причинение смерти самому себе». Е. Г. Ермолаева дает следующее определение самоубийству: это «вид девиантного поведения человека, представляющий собой осознанное намерение лишить себя жизни, совершенное самим потерпевшим под воздействием психотравмирующей ситуации или иных обстоятельств, побудивших человека на совершение самоубийства» [1, с. 7].

Также дискуссионным остается вопрос о форме вины при доведении до самоубийства. Некоторые авторы считают, что деяние может совершаться как с прямым, так и с косвенным умыслом, другие – что оно возможно и по неосторожности, если действия виновного с высокой вероятностью могли привести к суициду.

Проблемы: отсутствие единого подхода к трактовке «систематичности» (сколько эпизодов достаточно для квалификации?); неоднозначность понятия «угроза» (какие виды угроз охватываются нормой?); сложность доказывания причинно-следственной связи между действиями виновного и суицидом; необходимость учета цифровых следов (переписка, посты, лайки) как доказательств.

Предложения по уточнению понятий: 1) закрепить в примечании к ст. 110 УК РФ определение «самоубийства» как «осознанного, добровольного лишения себя жизни под воздействием внешних факторов (угроз, унижений, манипуляций)»; 2) разработать критерии «систематичности» для унижения достоинства (например, не менее трех эпизодов в течение месяца); 3) ввести понятие «онлайн-угрозы» для учета цифровых форм давления.

Объект преступления – жизнь человека. Дополнительными объектами могут выступать честь, достоинство и здоровье потерпевшего[1].

Объективная сторона включает три способа совершения деяния.

1. Угрозы (психическое воздействие, побуждающее к самоубийству). Могут включать угрозы убийством, причинением вреда здоровью, лишением материальной помощи и т. д.

2. Жестокое обращение (действия или бездействие, причиняющие физические или психические страдания). Не обязательно систематическое, но должно быть доказано, что именно оно привело к суициду.

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Систематическое унижение человеческого достоинства (ряд тождественных действий, например: оскорбления, клевета, травля).

Состав является материальным: преступление считается оконченным с момента совершения самоубийства или покушения на него.

Субъект преступления – вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет.

Субъективная сторона характеризуется виной. Вопрос о форме вины (умышленная или неосторожная) остается дискуссионным.

Просматриваются некоторые спорные моменты. Прямой умысел. Некоторые ученые (Н. И. Загородников, С. В. Бородин) считают, что при наличии прямого умысла деяние следует квалифицировать как убийство (ст. 105 УК РФ). Аргумент: если виновный целенаправленно добивался смерти потерпевшего, то фактически он совершает убийство опосредованным способом – через принуждение жертвы к суициду.

Косвенный умысел. Другие авторы (А. З. Авакян, Ю. А. Уколова) настаивают, что потерпевший сам принимает решение о суициде, поэтому квалификация по ст. 110 УК РФ оправдана. При косвенном умысле виновный осознает возможность самоубийства, но относится к этому безразлично, продолжая свои действия.

Неосторожность. Некоторые исследователи (Н. А. Сафонова) допускают возможность неосторожной формы вины, когда виновный не предвидел, но должен был предвидеть риск суицида. Например, при систематическом унижении без явных угроз.

Рассматривая критерии разграничения, подчеркнем, что при прямом умысле виновный целенаправленно создает условия для суицида; активно побуждает жертву к самоубийству; получает выгоду от смерти потерпевшего. При косвенном умысле виновный не желает смерти жертвы, но допускает ее как возможный исход; продолжает противоправные действия, несмотря на риск суицида. При неосторожности виновный не предвидит возможности самоубийства, но должен был и мог предвидеть такой исход (например, при травле подростка).

В ст. 110 УК РФ теперь предусмотрено ужесточение наказания за деяния, совершенные в информационно-телекоммуникационных сетях, включая интернет (ч. 2 п. «д»). Однако на практике возникает сложность в разграничении доведения до самоубийства и склонения к нему, особенно когда используются онлайн-методы [5, с. 45].

Прямые угрозы в мессенджерах и соцсетях (*WhatsApp, Telegram, ВКонтакте*): угрозы убийством или причинением вреда здоровью (ст. 119 УК РФ и ст. 110 УК РФ); шантаж распространением компромата (ст. 163 УК РФ).

Систематическое унижение через фейковые аккаунты: оскорбления, насмешки, распространение ложной информации; создание «групп травли» с участием нескольких лиц.

Манипуляции через онлайн-игры и стриминговые платформы: принуждение к выполнению опасных заданий под угрозой блокировки аккаунта; психологическое давление в игровых чатах.

«Группы смерти» и суицидальные игры («Синий кит» и аналоги): поэтапное вовлечение через задания, ведущие к суицидальному поведению; использование техник нейролингвистического программирования и гипнотического воздействия.

Вирусное распространение травлящего контента, включая репосты оскорбительные мемы, фотожабы и организация онлайн-голосований с уничижительными формулировками.

В современной цифровой среде наблюдается устойчивый феномен вирусного распространения травлящего контента, который проявляется в двух ключевых формах:

1) массовые репосты оскорбительных мемов и фотожаб, характеризующиеся визуальной деформацией образа конкретного лица (утрирование черт внешности, наложение непристойных или уничижительных элементов); использованием стереотипизированных нарративов и гиперболизации поведенческих особенностей жертвы; сопровож-

дением изображений уничижительными подписями, стигматизирующими ярлыками или провокационными комментариями; тиражированием через тематические паблики, групповые чаты и личные аккаунты с применением хештегов для расширения охвата;

2) организация онлайн-голосований с уничижительными формулировками, включающая создание рейтингов и опросов с дискриминационными номинациями («Кто хуже всех выглядит?», «Кто самый нелепый?»); использование провокационных формулировок вариантов ответов, направленных на унижение достоинства участников или третьих лиц; механизмы вовлечения через упоминания (теги) потенциальных жертв или их окружения; элементы геймификации (начисление баллов, награды за репосты), стимулирующие распространение контента.

Распространение такого контента подчиняется законам цифровой эпидемиологии и усиливается за счет эмоционального триггера – уничижительный характер материалов провоцирует яркие реакции (насмешка, гнев, отвращение), повышая вероятность репостов; эффекта социального доказательства – большое количество лайков и перепостов воспринимается как одобрение сообщества, снижая моральные барьеры к участию; алгоритмической поддержки социальных сетей – системы рекомендаций продвигают контент с высокой вовлеченностью независимо от его этической составляющей; минимальных когнитивных затрат – визуальный формат мемов и простота участия в опросах способствуют мгновенной реакции пользователей.

Данный феномен влечет за собой комплекс негативных последствий. Для жертвы – репутационный ущерб, социальная изоляция, психологические травмы (тревожность, депрессия), снижение академической или профессиональной продуктивности; для общества – нормализация травли как формы коммуникации, снижение порога эмпатии, формирование токсичной онлайн-культуры; для платформ – репутационные и юридические риски из-за несоблюдения норм о защите персональных данных и противодействии кибербуллингу.

Кроме того, травлящий контент часто сохраняет формальную оригинальность и проходит положительную проверку в системах, нацеленных на обеспечение безопасности в данной области благодаря техническим модификациям изображений (изменение цветовой гаммы, наложение фильтров, обрезка), создающим уникальную цифровую сигнатуру; лингвистической вариативности текстов (перефразирование, синонимизация, изменение синтаксической структуры без потери уничижительного подтекста); отсутствию у алгоритмов семантического анализа, способного распознавать дискриминационные коннотации.

Таким образом, вирусное распространение травлящего контента представляет собой комплексную проблему, требующую междисциплинарного подхода, – от совершенствования технологий модерации до уточнения нормативно-правовой базы в сфере цифровой безопасности.

Выделяются следующие проблемы доказывания в цифровой среде. Анонимность преступников. Использование «виртуальной частной сети» – Virtual Private Network (VPN), свободного и открытого программного обеспечения для реализации «луковой маршрутизации» – The Onion Router (TOR), фейковых аккаунтов, затрудняющих установление личности. Уничтожение цифровых следов. Автоматическое удаление сообщений (например, в *Telegram*), очистка кэша, использование самоуничтожающихся файлов. Сложность экспертизы. Требуется анализ больших объемов данных (переписка, метаданные, уникальные идентификаторы – Internet Protocol address (IP-адрес), которые присваиваются каждому устройству, подключенному к интернету или локальной сети), что требует специальных технических знаний. Трансграничность. Серверы могут находиться в других странах, что осложняет международное взаимодействие.

К методам сбора доказательств в делах, связанных с доведением до самоубийства и распространением травлящего контента, можно отнести следующие действия: изъятие электронных устройств потерпевшего и подозреваемого с последующим созданием бинарных копий носителей для обеспечения неизменности исходных данных, что гарантирует сохранение оригинальности цифровых артефактов и возможность их независимой проверки; запрос данных у операторов связи и социальных сетей, включая IP-адреса, логины, историю входов, временные метки сеансов, метаданные сообщений, что позволяет сформировать хронологически точную и юридически значимую цепочку событий; компьютерно-техническая экспертиза, в том числе восстановление удаленных файлов, анализ активности в системе, исследование кэша браузера и теневых копий; мониторинг онлайн-сообществ на предмет пропаганды суицидального поведения с фиксацией уникального адреса ресурса в интернете – Uniform Resource Locator (URL-адрес), скриншотов и идентификаторов аккаунтов и временных меток, при этом собранные материалы документируются в виде оригинальных отчетов с описанием контекста.

Основные трудности, возникающие при квалификации и судебной практике. Установление причинной связи. Необходимо доказать, что самоубийство или покушение на него стали результатом действий виновного, а не иных обстоятельств (стресс, психическое заболевание и т. д.) [2, с. 5].

Пример из практики: в деле № 1-23/2020 (Приморский край) суд оправдал обвиняемого, поскольку экспертиза показала, что у потерпевшего была диагностирована депрессия, а действия обвиняемого не являлись единственной причиной суицида[1].

Разграничение с убийством (ст. 105 УК РФ). При убийстве виновный непосредственно причиняет смерть, а при доведении до самоубийства потерпевший сам лишает себя жизни под воздействием виновного [6, с. 92].

Критерий: наличие или отсутствие физического воздействия. Если жертва была вынуждена совершить суицид под угрозой немедленной расправы, это убийство [7, с. 122].

Отграничение от склонения к самоубийству (ст. 110.1 УК РФ). Понятия «доведение», «склонение» и «содействие» имеют схожие признаки. Доведение (ст. 110): систематическое давление (угрозы, унижения). Склонение (ст. 110.1): единичные, но интенсивные воздействия (уговоры, подкуп, обман) [8, с. 101].

Квалификация действий организаторов «групп смерти». Если действия содержат признаки пропаганды суицида, применяется ст. 110.2 УК РФ.

Выделяются следующие типичные ошибки следствия: недооценка роли цифровых доказательств; неверное определение формы вины (прямой/косвенный умысел); игнорирование психиатрического статуса потерпевшего.

Предлагаются следующие действия по совершенствованию законодательства.

Закрепить легальные определения: «самоубийство» как осознанное лишение себя жизни под влиянием внешних факторов; «систематичность» – не менее трех эпизодов в течение месяца; «онлайн-угрозы» – угрозы, переданные через интернет, мессенджеры, соцсети [9, с. 54].

Уточнить форму вины в ст. 110 УК РФ: прямо указать на возможность косвенного умысла и неосторожности; ввести квалифицирующий признак для прямого умысла (усиление наказания).

Дополнить ст. 110 УК РФ пунктом о групповых формах травли: учесть случаи коллективного кибербуллинга (например, «группы травли» в соцсетях) [10, с. 47].

---

[1] Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Рос. Федерации. Статистика по уголовным делам. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 08.03.2026).

Создать межведомственный механизм мониторинга соцсетей: автоматизированный поиск суицидального контента; оперативное взаимодействие МВД, Роскомнадзора и компаний в сфере информационных технологий.

Организационные меры: обучение следователей методам цифровой криминалистики; разработка методических рекомендаций по расследованию онлайн-травли; расширение программ психологической помощи для жертв кибербуллинга.

Подводя итоги, можно заключить следующее, доведение до самоубийства остается одним из наиболее сложных составов преступлений, требующих дальнейшего совершенствования правового регулирования. Цифровая трансформация общества создала новые вызовы, которые необходимо учитывать при квалификации таких деяний. Системный подход к изучению проблемы, включая междисциплинарное взаимодействие юристов, психологов и специалистов в сфере информационных технологий, может повысить эффективность противодействия этим преступлениям.

Ключевые направления совершенствования состоят в уточнении понятийного аппарата в УК РФ; адаптации норм к цифровым угрозам; усилении межведомственного взаимодействия; развитии методик расследования онлайн-преступлений.

Только комплексный подход позволит снизить количество суицидов, спровоцированных противоправными действиями третьих лиц, и обеспечить эффективную защиту права на жизнь.

---

1. Ермолаева Е. Г. Уголовно-правовая охрана жизни человека: проблемы теории и практики. М.: Проспект, 2021. 248 с.
2. Загородников Н. И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1961. 278 с.
3. Бородин С. В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. М.: Юристъ, 1994. 176 с.
4. Авакян А. З. Проблемы квалификации доведения до самоубийства // Уголовное право. 2019. № 3. С. 12–18.
5. Уколова Ю. А. Формы вины при доведении до самоубийства // Законность. 2020. № 5. С. 44–47.
6. Сафонова Н. А. Доведение до самоубийства: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 89–95.
7. Доведение до самоубийства: проблемы теории и практики / Под ред. В. Д. Иванова. СПб.: Питер, 2022. 312 с.
8. Психологические аспекты суицидального поведения подростков / Под ред. А. В. Петровского. М.: Академия, 2020. 184 с.
9. Цифровые технологии и преступность: уголовно-правовой анализ / Под ред. И. М. Рассолова. М.: Проспект, 2021. 276 с.
10. Кибербуллинг как форма девиантного поведения в цифровой среде // Вопросы психологии. 2022. № 3. С. 45–52.

1. Ermolaeva E. G. Ugolovno-pravovaya oxrana zhizni cheloveka: problemy` teorii i praktiki. M.: Prospekt, 2021. 248 s.
2. Zagorodnikov N. I. Prestupleniya protiv zhizni po sovetskomu ugolovnomu pravu. M.: Gosyurizdat, 1961. 278 s.
3. Borodin S. V. Otvetstvennost` za ubijstvo: kvalifikaciya i nakazanie po rossijskomu pravu. M.: Yurist``, 1994. 176 s.
4. Avakyan A. Z. Problemy` kvalifikacii dovedeniya do samoubijstva // Ugolovnoe pravo. 2019. № 3. S. 12–18.

5. Ukolova Yu. A. Formy` viny` pri dovedenii do samoubijstva // Zakonnost`. 2020. № 5. S. 44–47.
6. Safonova N. A. Dovedenie do samoubijstva: ugolovno-pravovaya xarakteristika i problemy` kvalifikacii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2021. № 4. S. 89–95.
7. Dovedenie do samoubijstva: problemy` teorii i praktiki / Pod red. V. D. Ivanova. SPb.: Piter, 2022. 312 s.
8. Psixologicheskie aspekty` suicidal`nogo povedeniya podrostkov / Pod red. A. V. Petrovskogo. M.: Akademiya, 2020. 184 s.
9. Cifrovy`e texnologii i prestupnost`: ugolovno-pravovoj analiz / Pod red. I. M. Rassolova. M.: Prospekt, 2021. 276 s.
10. Kiberbulling kak forma deviantnogo povedeniya v cifrovoj srede // Voprosy` psixologii. 2022. № 3. S. 45–52.

Информация об авторе

Сергей Михайлович Шмендель. Старший преподаватель кафедры криминалистики и уголовно-правовых дисциплин.

Брянский филиала Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

241050, Россия, г. Брянск, 2-ой Советский переулок, 2а.

Information about the author

Sergey M. Shmendel. Senior Teacher of the Chair of Criminalistics and Criminal Law Disciplines.

Bryansk Branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov.

241050, Bryansk, 2-y Sovetsky Lane, Bldg. 2a.

Статья поступила в редакцию 15.05.2026; одобрена после рецензирования 20.05.2026; принята к публикации 13.07.2026.

The article was received in the editorial office on 15.05.2026; approved after review on 20.05.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 343.98

КВАЛИФИКАЦИЯ И РАССЛЕДОВАНИЕ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Шуваева Мария Сергеевна[1], Морозова Наталия Владимировна[2]
[1]Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия
[2]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

[1]7629200@mail.ru
[2]morozova_nv1982@mail.ru

Аннотация. В рамках статьи осуществлен анализ проблемных вопросов квалификации и расследования ятрогенных преступлений. Обоснован вывод о необходимости закрепления на законодательном уровне легального определения указанных криминальных деяний, а также их систематизации в рамках действующего УК РФ. Среди существующих проблем выявлены такие, как отсутствие у следователя (дознавателя) необходимых специальных знаний; недостаточная компетентность и корпоративная солидарность экспертов, проводящих соответствующие исследования, с представителями медицинских учреждений, где работали лица, совершившие ятрогенные преступления; отсутствие единообразных тактических приемов производства некоторых следственных и иных процессуальных действий. Авторами предложен комплекс мер, направленных на разрешение обозначенных проблем.

Ключевые слова: ятрогенные преступления, медицинский работник, пациент, расследование, уголовная ответственность, квалификация, расследование.

Для цитирования: Шуваева М. С., Морозова Н. В. Квалификация и расследование ятрогенных преступлений: проблемы и пути решения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 381–388.

IATROGENIC CRIME QUALIFICATION AND INVESTIGATION: PROBLEMS, SOLUTION

Maria S. Shuvaeva[1], Natalia V. Morozova[2]
[1]Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia
[2]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

[1]7629200@mail.ru
[2]morozova_nv1982@mail.ru

Annotation. within the framework, an analysis of problematic issues of qualification and investigation of iatrogenic crimes was carried out. The conclusion is justified about the need to consolidate at the legislative level the legal definition of these criminal acts, as well as their systematization within the framework of the current Criminal Code of the Russian Federation.

Among the existing problems, the following were investigated: the investigator did not have the necessary special knowledge, insufficient competence and corporate solidarity

of experts conducting relevant research with representatives of medical institutions where persons who committed iatrogenic crimes worked, and the lack of uniform tactical methods for the production of some investigative actions. The author proposed a set of measures aimed at resolving the indicated problems.

Keywords: iatrogenic crimes, medical professional, patient, investigation, criminal liability, qualification, investigation.

For citation: Shuvaeva M. S., Morozova N. V. Iatrogenic crime qualification and investigation: problems, solution // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2026. № 2(107). P. 381–388.

Принципы обеспечения права на охрану здоровья закреплены в Конституции Российской Федерации[1], Федеральном законе от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[2], в их число входит право на охрану жизни и здоровья, а также приоритет доступности и качества медицинской помощи. Однако, несмотря на законодательно задекларированные гарантии, число лиц, не оказывающих должного доверия к профессиональной медицине, имеет высокие показатели. Этому есть подтверждение: согласно исследованию, проведенному Всероссийским центром изучения общественного мнения совместно с Центром социального проектирования «Платформа», 41 % россиян либо не доверяет поставленному диагнозу, либо перепроверяет назначения у другого врача[3].

Сложившийся негативный тренд, демонстрирующий высокий уровень недоверия граждан к официальной медицине, свидетельствует о недостаточной обеспеченности прав граждан в этой сфере. Указанная проблема решается законодателем путем закрепления различных видов юридической ответственности, в том числе уголовной, к которой привлекаются медицинские работники за ряд нарушений, совершаемых ими в ходе профессиональной деятельности. Так, например, Ч., являясь фельдшером скорой медицинской помощи одного из районных субъектов, расположенного в Республике Коми, выехала на вызов к больному Л. После осмотра последнего Ч. объективно осознавала тяжесть состояния пациента, поскольку он был болен лейкозом и находился в критическом состоянии. Вместе с тем Ч., умышленно игнорируя данное обстоятельство, понимая, что Л. не может принять меры для своего спасения из-за старости и болезни, не осуществила необходимых шагов для немедленной госпитализации пациента и его транспортировки в стационар, хотя не имела никаких препятствий для этого. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы следствием неоказания своевременной помощи больному Л. явился его летальный исход. Приговором суда Ч. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ст. 125 УК РФ[4].

Согласно Международной классификации болезней 10-го пересмотра (далее по тексту – МКБ-10) любое нежелательное или неблагоприятное последствие профилактических, диагностических и лечебных вмешательств, которые приводят к нарушению функций организма, ограничению привычной деятельности, инвалидизации

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федер. Закон Рос. Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Более 40 % россиян заявили о недоверии врачам. РБК. URL: https://www.rbc.ru /society/11/12/2019/5df089c29a79479c2d976fb1 (дата обращения 02.12.2025).

[4] Приговор по Делу №1-49/2022, рассмотренному Емвинским судебным участком Княжпогостского района Республики Коми. URL: https: //sudact.ru (дата обращения: 18.11.2025).

или смерти, осложнение медицинских мероприятий, развившееся в результате как ошибочных, так и правильных действий, именуется ятрогенией[1].

Окунувшись в терминологический аспект происхождения данного понятия, можно увидеть, что в буквальном смысле, понятие ятрогении сформировано из двух греческих слов «iatros», переводимого как «врач», и «gennes», переводимого как «порождаемый» [1, с. 162], а официально указанный термин впервые был введен в медицинский лексикон немецким психиатром и неврологом Освальдом Бумке. В настоящее время данное понятие используется как в медицинской, так и в правовой сфере, в частности для определения таких криминальных деяний, которые совершаются специальными субъектами – медицинскими работниками, именуются в научной литературе ятрогенными.

Отметим, что действующее уголовное законодательство не предусматривает отдельной главы, где бы были сосредоточены исследуемые криминальные деяния. Анализ его содержания показывает, что составы ятрогенных преступлений можно условно разделить на две группы: совершаемые непосредственно медицинскими работниками и те, которые опосредованно относятся к ятрогенным, то есть могут быть совершены и иными субъектами. Представляется, что к первой категории могут быть отнесены следующие составы: ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118, ст. 120, ч. 4 ст. 122, 124, 128, 293 УК РФ; ко второй: ч. 1 ст. 105, п. «м» ч. 2 ст. 105, ст. 111, 112, 115, 123, 153, 235 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ). Так, например, врач-травматолог С. ненадлежащим образом оценила состояние больного М., хотя при должном осуществлении своих профессиональных обязанностей могла это сделать. Преступная самонадеянность врача во время осуществления процедуры торакоцентеза больному привела к дефекту оказания медицинской помощи и общественно опасным последствиям в виде вреда, опасного для жизни человека. По приговору суда С. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 118 УК РФ[2].

Изучение оперативной обстановки за 2023–2025 гг. позволяет сделать вывод о сложившейся тенденции роста исследуемых преступлений в среднем на 4,7 %[3], что подтверждается и данными бюро СМЭ, отражающими увеличение числа проводимых комиссионных судебно-медицинских экспертиз по так называемым «врачебным» делам»[4].

Очевидно, что для обеспечения прав и законных интересов потерпевших, вред которым причинен в результате совершения ятрогенных преступлений, необходимо принятие установленных законом мер по всестороннему, полному и объективному расследованию указанных криминальных деяний, которые в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ) подследственны следователям и дознавателям органов исполнительной власти РФ.

Вместе с тем как в теории, так и на практике до настоящего времени существует ряд неразрешенных вопросов в части квалификации и расследования преступлений ятрогенной направленности, что обуславливает актуальность проблем, рассматриваемых в рамках настоящего исследования.

Прежде всего, отметим отсутствие легального определения ятрогенных преступлений. Анализ научной литературы также позволяет констатировать разнообразие то-

---

[1] Международная классификация болезней МКБ-10. URL: http://www.mkb10.ru (дата обращения 03.12.2025).

[2] Приговор по Делу № 1-24/2020, рассмотренному Эрзинским районным судом Республики Тыва. URL: https: //sudact.ru (дата обращения: 18.121.2025).

[3] Статистические данные ФГКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России». Форма «1-ЕГС». URL: https://xn-b1aew.xn-p1ai/folder/101762/item/15304733 (дата обращения: 10.10.2025).

[4] Справочно-информационные данные ФГБУ «РЦСМЭ» Минздрава России. URL: https://rc-sme.ru› (дата обращения 12.11.2025).

чек зрения на содержание данного понятия. Так, например, С. И. Улезько определяет ятрогенные преступления как «…опасные, противоправные, наказуемые деяния в сфере профилактики, диагностики или лечения человека, совершаемые медицинскими работниками, повлекшие по их неосторожности нарушение функций организма, ограничение привычной деятельности, инвалидизацию или смерть» [2, с. 50]. Однако В. Н. Чапыгиной такое определение представляется неточным, поскольку в данном случае не учитывается умышленная форма вины, а также отсутствует указание на иные последствия, которые могут возникнуть в результате противоправных действий врача [3, с. 214]. Более расширительное толкование данного понятия дает М. В. Тузлукова, вкладывая в его содержание как умышленные, так и неосторожные общественно опасные деяния медицинских работников [4, с. 122].

Изложенная проблема, оставаясь нерешенной, вызывает теоретические и правоприменительные сложности, поскольку разное понимание содержания и видов рассматриваемых преступных деяний может вызвать неверное толкование соответствующих норм законодательства, что нельзя назвать допустимым. Видится, что для решения поставленной проблемы необходимо на законодательном уровне оперативно решить вопрос закрепления официального понятия ятрогенных преступлений. В связи с чем предлагается следующая авторская дефиниция:

«…ятрогенные преступления – это умышленные или неосторожные общественно опасные деяния медицинских работников, нарушающие основные принципы и условия оказания медицинской помощи, установленные Конституцией РФ и иными законодательными актами России, совершаемые при исполнении своих профессиональных или служебных обязанностей и ставящие под угрозу здоровье или причиняющие вред жизни, здоровью и иным законным правам и интересам пациента».

Некоторые исследователи (А. И. Алексеев, Ю. А. Рябинин и др.) подчеркивают необходимость принятия специального законодательного акта, регулирующего порядок привлечения медицинских работников к уголовной ответственности в связи с тем, что считают важным учесть специфику данной профессии, ввести механизмы защиты добросовестных врачей и исключить предвзятое отношение к ним со стороны правосудия [5, с. 90]. Полагаем, что принятие такого акта, безусловно, является ближайшей перспективой развития законодательства в этой сфере. Начальным же шагом на этом пути считаем целесообразным проведение систематизации имеющихся ятрогенных преступлений в рамках действующего УК РФ.

Привлечение медицинских работников к уголовной ответственности требует не только одной лишь констатации факта нанесения вреда пациенту. Важно установить наличие вины конкретного лица и учитывать данный фактор при назначении наказания за совершенное ятрогенное преступление. В этой связи предлагается внести изменения в уголовное законодательство, предусматривающие дифференцированный подход к наказанию в зависимости от тяжести последствий и степени вины. Например, врачи, совершившие ошибку впервые и выразившие готовность компенсировать ущерб, могли бы избежать строгого наказания, тогда как повторные нарушения или грубые злоупотребления должны повлечь серьезные санкции.

Очевидно, что для расследования ятрогенных преступлений критически важное значение имеет своевременное получение необходимой медицинской документации. Именно ее всестороннее исследование позволяет установить взаимосвязь между произведенными действиями (бездействиями) отдельных медицинских работников и наступившими негативными последствиями для пациента. Оперативность в этом вопросе особенно важна на начальном этапе формирования доказательственной базы.

При этом может возникнуть ряд практических проблем, одна из которых заключается в недостаточной квалификации следователя (дознавателя) в сфере медицины, поскольку в соответствующей документации преобладает специальная терминология,

без понимания которой невозможно дать объективную оценку сложившейся ситуации. Для решения данного вопроса видится необходимым в каждом случае привлекать к участию независимых специалистов, обладающих специальными познаниями в соответствующих направлениях медицины, которые могли бы оказать содействие лицу, производящему расследование, в беспристрастной оценке полученных доказательств и дать необходимые разъяснения.

Еще одна проблема связана с направлением запросов в медицинские учреждения. В соответствии с положениями ст. 13 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» сведения, полученные при медицинском обследовании и лечении пациента, составляют врачебную тайну. Для получения необходимой информации с предоставлением подтверждающих документов необходимо обязательное согласие пациента или его законного представителя. Исключением является проведение расследования по уже возбужденному уголовному делу.

Если уголовное дело еще не возбуждено, видится, что следователь (дознаватель) должен предпринять незамедлительные действия по получению соответствующего разрешения от пострадавшего пациента или его законного представителя, поскольку затягивание процесса предоставления необходимой медицинской документации способно привести к фальсификации путем частичного или полного изменения содержания документа либо уничтожению информации, имеющей важное доказательственное значение [6, с. 243].

Так, например, при рассмотрении уголовного дела Симоновским районным судом города Москвы в судебном заседании было установлено, что результаты производства трех независимых судебно-медицинских экспертиз выявили факт частичной подделки истории болезни Марии Максимовой, проходившей лечение в отделении радиохирургии Российского онкологического научного центра имени Н. Н. Блохина и скончавшейся в сентябре 2020 года. В истории болезни Максимовой имелись изменения первоначального текста». Общее количество приписок и исправлений: 14 отрывков на 29 страницах истории болезни[1].

Считаем также целесообразным предложить создание специализированного курса для следователей и дознавателей с целью повышения их профессионального уровня с углубленным изучением основ оказания медицинской помощи разным категориям больных, в том числе порядку проведения соответствующих манипуляций, дозировкам лекарств и пр. Полагаем, что осведомленность следователя (дознавателя) в этих вопросах позволит грамотно сформировать доказательственную базу, что, безусловно, скажется на эффективности расследования уголовного дела в целом.

Ключевым доказательством по уголовным делам ятрогенной направленности, как правило, является заключение судебно-медицинской экспертизы (в части установления причин смерти, наличия, локализации, механизма образования телесных повреждений, установления степени их тяжести). Вместе с тем проведенный анализ материалов правоприменительной практики, а также исследования других авторов показывают, что зачастую качество проводимых экспертиз не отвечает необходимым требованиям. Так, например, И. П. Иванов, справедливо подчеркивая важность высокого профессионализма судебно-медицинских экспертов, участвующих в расследовании и судебном рассмотрении дел о причинении вреда пациентам врачами, выступает за улучшение образования и подготовку специалистов данного профиля, считая необходимым обучение таким предметам, как психология и социология [7, с. 57]. На недостаточную эффективность современной системы назначения и проведения судебно-медицинских экспертиз обращает внимание и В. Н. Чаплыгина [8, с. 40]. Е. С. Кашепова также утверждает,

[1] Подделка медицинской документации стала обычной практикой врачей статья. URL: https://www.insur-info.ru/press/66896 (дата обращения 10.12.2025).

что узкая специализация и низкая осведомленность экспертов мешают правильной оценке ситуации и влияют на принятие неверных решений судами [9, с. 74].

В качестве причин сложившейся ситуации чаще всего выступают недостаточная подготовка экспертов, отсутствие единых стандартов и методик их проведения, что приводит к ошибкам экспертов и сомнениям лица, производящего расследование, в обоснованности их выводов [10, с. 114]. Для решения этой проблемы полагаем необходимым создание единой системы подготовки судебно-медицинских экспертов и введение обязательных сертификационных экзаменов. Это обеспечит более высокое качество экспертизы, повысит доверие к ее результатам, минимизирует риски ошибок в расследовании ятрогенных преступлений.

Важно отметить и сложившуюся негативную практику «корпоративной солидарности» экспертов, производящих соответствующие исследования. Некоторые авторы отмечают, что экспертные заключения подвержены тенденции «обеления» тех медицинских работников, в отношении деяний которых проводится расследование. Синдром поддержания «чести мундира» порой преобладает над интересами законности [11, с. 173].

В этой связи считаем целесообразным создание специальных групп, в которые необходимо включать следователя (дознавателя), специалиста-криминалиста и эксперта, которые занимались бы расследованием конкретных ятрогенных преступлений, руководствуясь специальными методиками и принципом законности. Полагаем, что это позволит исключить коррупционную составляющую, сократит временные затраты и в конечном итоге будет способствовать объективности и всесторонности расследования.

В заключение отметим, что рамки данной статьи не позволяют рассмотреть все имеющиеся проблемные аспекты квалификации и расследования преступлений ятрогенной направленности. Однако считаем, что реализация предложенных нами мер напрямую скажется на результативности данного взаимосвязанного процесса.

---

1. Рудов Д. Н., Новикова Е. А. Зарубежный опыт толкования преступлений в медицинской сфере // В сборнике: Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью. Сборник статей всероссийских научно-практических конференций. Орел. 2025. С. 161–166.
2. Улезько С. И. Понятие ятрогенных преступлений // Общество и право. 2018. № 2. С. 49–50.
3. Чаплыгина В. Н. Терминологический подход к понятиям «врачебная ошибка» и «ятрогения» при расследовании ятрогенных преступлений // В сборнике: Уголовная ответственность медицинских работников: вопросы теории и практики. Сборник статей по материалам Всероссийского научно-практического круглого стола. Под общей редакцией Е. Н. Рахмановой. 2017. С. 211–215.
4. Тузлукова М. В. Причины и условия, способствующие совершению ятрогенных преступлений // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2014. № 1. С. 122.
5. Алексеев А. И., Рябинин Ю. А. Уголовная ответственность медицинских работников за профессиональные правонарушения // Медицинское право. 2023. № 3. С. 89–94.
6. Иванова Я. И. Особенности следообразования и способы сокрытия следов преступлений, совершаемых медицинскими работниками в сфере родовспоможения // Вопросы российского и международного права. 2016. № 3. С. 243.
7. Иванов И. П. Судебно-медицинская экспертиза и ее значение в раскрытии преступлений. Монография. СПб.: Питер, 2022.

8. Чаплыгина В. Н. Базовые проблемы назначения и проведения судебно-медицинских экспертиз при расследовании ятрогенных преступлений // Юристъ-Правоведъ. 2017. № 3(82). С. 36–41.
9. Кашепова Е. С. Практическое руководство по проведению судебных экспертиз в медицине. Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2023. С. 74.
10. Морозова Н. В. Некоторые проблемы формирования методики расследования преступлений, совершаемых в сфере защиты конституционных прав граждан при ненадлежащем оказании медицинской помощи // Право и образование. 2016. № 9. С. 114–121.
11. Подольный Н. А. Ятрогенные преступления: уголовно-правовой, криминологический и криминалистический аспекты: монография. М.: Юрлитинформ, 2020.

1. Rudov D. N., Novikova E. A. Zarubezhny`j opy`t tolkovaniya prestuplenij v medicinskoj sfere // V sbornike: Ugolovno-processual`ny`e i kriminalisticheskie problemy` bor`by` s prestupnost`yu. Sbornik statej vserossijskix nauchno-prakticheskix konferencij. Orel. 2025. S. 161–166.
2. Ulez`ko S. I. Ponyatie yatrogenny`x prestuplenij // Obshhestvo i pravo. 2018. № 2. S. 49–50.
3. Chaply`gina V. N. Terminologicheskij podxod k ponyatiyam «vrachebnaya oshibka» i «yatrogeniya» pri rassledovanii yatrogenny`x prestuplenij // V sbornike: Ugolovnaya otvetstvennost` medicinskix rabotnikov: voprosy` teorii i praktiki. Sbornik statej po materialam Vserossijskogo nauchno-prakticheskogo kruglogo stola. Pod obshhej redakciej E. N. Raxmanovoj. 2017. S. 211–215.
4. Tuzlukova M. V. Prichiny` i usloviya, sposobstvuyushhie sovershheniyu yatrogenny`x prestuplenij // Vestnik RGGU. Seriya «E`konomika. Upravlenie. Pravo». 2014. № 1. S. 122.
5. Alekseev A. I., Ryabinin Yu. A. Ugolovnaya otvetstvennost` medicinskix rabotnikov za professional`ny`e pravonarusheniya // Medicinskoe pravo. 2023. № 3. S. 89–94.
6. Ivanova Ya. I. Osobennosti sledoobrazovaniya i sposoby` sokry`tiya sledov prestuplenij, sovershaemy`x medicinskimi rabotnikami v sfere rodovspomozheniya // Voprosy` rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2016. № 3. S. 243.
7. Ivanov I. P. Sudebno-medicinskaya e`kspertiza i eyo znachenie v raskry`tii prestuplenij. Monografiya. SPb.: Piter, 2022.
8. Chaply`gina V. N. Bazovy`e problemy` naznacheniya i provedeniya sudebno-medicinskix e`kspertiz pri rassledovanii yatrogenny`x prestuplenij // Yurist``-Pravoved``. 2017. № 3(82). S. 36–41.
9. Kashepova E. S. Prakticheskoe rukovodstvo po provedeniyu sudebny`x e`kspertiz v medicine. Novosibirsk: Sibirskoe universitetskoe izdatel`stvo, 2023. S. 74.
10. Morozova N. V. Nekotory`e problemy` formirovaniya metodiki rassledovaniya prestuplenij, sovershaemy`x v sfere zashhity` konstitucionny`x prav grazhdan pri nenadlezhashhem okazanii medicinskoj pomoshhi // Pravo i obrazovanie. 2016. № 9. S. 114–121.
11. Podol`ny`j N. A. Yatrogenny`e prestupleniya: ugolovno-pravovoj, kriminologicheskij i kriminalisticheskij aspekty`: monografiya. M.: Yurlitinform, 2020.

Информация об авторах

Мария Сергеевна Шуваева. Доцент кафедры криминалистики, кандидат юридических наук, доцент.
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя.
117997, Москва, ул. Академика Волгина д. 12.

Наталия Владимировна Морозова. Доцент кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, кандидат юридических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Information about the authors

Maria S. Shuvaeva. Assistant Professor of the Chair of Criminalistics, Candidate of Sciences (Law).

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

117437, Russia, Moscow, Akademika Volgina Str., 12.

Natalia V. Morozova. Assistant Professor of the Chair of Criminalistics and Preliminary Investigation by Internal Affairs Bodies, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russia, Oryol, Ignatova Str., 2.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 19.05.2026; одобрена после рецензирования 25.05.2026; принята к публикации 13.07.2026.

The article was received in the editorial office on 19.05.2026; approved after review on 25.05.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 340

ПРИЗНАКИ И ОСНОВАНИЯ ПРИЗНАНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЯ ЗЛОСТНЫМ УКЛОНЕНИЕМ ОТ ОТБЫВАНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ

Шурухнов Николай Григорьевич
Всероссийский государственный университет юстиции, Тула, Россия
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Москва, Россия

matros49@mail.ru

Аннотация. В статье проводится краткое сравнение со ссылкой на поселение, которое предусматривалось в царской России Уложением о наказаниях уголовных и исправительных, Уголовным уложением 1903 года и регламентировалось Уставом о ссыльных 1909 года. Обращается внимание на данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о количестве ограничений свободы, назначенных в качестве основного и дополнительного наказания, числе лиц, привлеченных к уголовной ответственности за злостное уклонение от ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного наказания. Рассматривается содержание двух ситуаций – комбинированной и единичной, составляющих основания признания лица, злостно уклоняющимся от исполнения наказания в виде ограничения свободы, назначенного к принудительным работам или к лишению свободы. Приводятся нарушения порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы, взыскания, объявленные нарушителю в определенном законом порядке и в указанные сроки; формулируется компетенция уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России, призванных осуществлять надзор и контроль над осужденными.

Ключевые слова: ограничение свободы, корреляции, злостное уклонение от исполнения наказания.

Для цитирования: Шурухнов Н. Г. Признаки и основания признания правонарушения злостным уклонением от отбывания дополнительного наказания в виде ограничения свободы // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 389–397.

SIGNS AND GROUNDS FOR RECOGNIZING AN OFFENSE AS MALICIOUS EVASION FROM SERVING AN ADDITIONAL SENTENCE AS RESTRICTION OF FREEDOM

Nikolai G. Shurukhnov
All-Russian State University of Justice, Tula, Russia.
Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia.

matros49@mail.ru

Annotation. The article makes a brief comparison with reference to the settlement, which was provided for in tsarist Russia by the Code of Criminal Penalties and correctional, by the Criminal Code of 1903 and regulated by the Charter on exiles in 1909. Attention is drawn to the data of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation on the number of restrictions on freedom imposed as the main and additional punishment, the number of persons prosecuted for malicious evasion of restriction of freedom imposed as an additional punishment. The content of two situations is considered – combined and single, constituting the grounds for recognizing a person as maliciously evading the execution of punishment in the form of restriction of freedom, assigned to forced labor or imprisonment. Violations of the procedure and conditions for serving a sentence in the form of restriction of freedom, penalties announced to the violator in the manner prescribed by law are given and within the specified time frame, the competence of the criminal executive inspections of the Federal Penitentiary Service of Russia is given, designed to exercise supervision and control over convicts.

Keywords: restriction of liberty, correlation, wilful evasion of punishment.

For citation: Shurukhnov N. G. Signs and grounds for recognizing an offense as malicious evasion from serving an additional sentence as restriction of freedom // Scientific Bulletin of the V. V. Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 2(107). P. 389–397.

В Уголовный кодекс Российской Федерации в 1996 году был включен сравнительно новый вид уголовного наказания «Ограничение свободы» (ст. 53). Его, к примеру, в определенной мере, можно сравнивать с таким наказанием, как лишение всех прав состояния и ссылка на поселение в местности, к тому предназначенные. Оно предусматривалось Уложением о наказаниях уголовных и исправительных, в редакции 1885 года [1][1]. А статья вторая Уголовного уложения 1903 года [2] предусматривала смертную казнь; заключение в исправительный дом, крепость, тюрьму; арест; денежную пеню; *ссылку на поселение*.

Уставом о ссыльных 1909 года [3][2] ссылки, назначаемые приговорами судов за преступления, подразделялись на два вида как: 1) ссылка в каторжные работы и 2) ссылка на поселение в местность, определенную законом на основании представления министра юстиции и внутренних дел. Для бродяг устанавливалось правило: при отбытии наказания в исправительном арестантском отделении или в тюрьме они направлялись в Якутскую область. Названный устав 1909 года подразделял ссыльных на *каторжных, ссыльно-поселенцев* и *бродяг*. При этом водворяемые в Якутскую область бродяги причислялись к ссыльно-поселенцам.

В соответствии со ст. 17 Устава о ссыльных «<…> ссылка на поселеніе назначается без срока. Приговоренные ссылаются въ предназначеныя для того мѣстности, опредѣляемыя на каждое трехлѣтіе, въ законодательном порядкѣ, по представленію

[1] В статье 17 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных говорилось: «Опредѣляемыя закономъ наказанія уголовныя суть слѣдующія: I. Лишеніе всѣхъ правъ состоянія и смертная казнь; II. Лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ каторжныя работы (а); III. Лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка на поселеніе въ мѣстности, къ тому предназначенныя (б)». Примечание к данной статье гласило: «Распредѣленіе по губерніям и областямъ приговоренныхъ къ поселенію устанавливается на каждое трехлѣтіе Высочайше утвержденными положеніями Совѣта Министровъ, по представленію Министровъ Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ».

[2] В примечании 2 указывалось: «Постановленія сего Устава применяются к осужденнымъ на основании Уголовного Уложения (изд. 1907 г.), а также к осужденным за контрабанду, съ соблюденіемъ правиль, изложенных: в Уголовномъ Уложеніи (изд. 1909 г.). ст. 1, прим.; 1 в, прим. 1 и 2; 17, прим.; 18, прим. 1–3; 19, прим, 1; 20, прим. 1; 21, прим.; 23, прим.; 34, прим. 1 и 2; 35, прим.; 55, прим. 1; 60, прим.), въ Уставъ Уголовного Судопроизводства (ст. 1032, прим. 2 и 3 по Прод. 1906 г.) и въ Уставъ Таможенномъ (ст. 1047 и прим., по Прод. 1906 г.). по принадлежности».

Министровъ Юстиціи и Внутренніх Дѣлъ» [3]. Однако ст. 33 устава содержала положение со льготой для ссыльно-поселенцев. В нем говорилось: «<…> приговоренные къ ссылкѣ на поселеніе, по истеченіи десяти лѣтъ онаго, въ случаѣ одобрительнаго ихъ поведенія, могутъ бытъ освобождены отъ поселенія» [3].

В соответствии с уголовным законодательством Российской Федерации (ст. 53 УК РФ) «<…> ограничение свободы назначается на срок от двух месяцев до четырех в качестве основного вида наказания за преступления небольшой тяжести и преступления средней тяжести[1], а также на срок от шести месяцев до двух лет в качестве дополнительного вида наказания к принудительным работам или к лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса»[2] (ч. 2 ст. 53 УК РФ).

Используя статистику Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [4], данные практики реализации норм, прописанных в ст. 53 УК РФ и некоторых статьях УИК РФ, отметим, что на должностных лиц уголовно-исполнительных инспекций (УИИ)[3] возложен надзор и контроль над исполнением данного вида наказаний. Результаты деятельности дознавателей органов внутренних дел представлены в таблице 1.

Таблица 1

Статистические данные реализации норм в 2020–2024 гг.

	2020	**2021**	**2022**	**2023**	**2024**
Ограничение свободы, назначенное в качестве основного наказания	20,099	20,060	21,574	23,453	23,181
Ограничение свободы, назначенное в качестве дополнительного наказания	6,919	7,207	7,390	7,676	7,212
Осуждено лиц за злостное уклонение от ограничения свободы (ч. 1 ст. 314 УК РФ), в процентах по отношению к дополнительному наказанию	206 (2,9 %)	501 (6,9 %)	431 (5,8 %)	443 (5,7 %)	388 (5,3 %)

Из нее видно, что, несмотря на гуманизацию законодательства, введение уголовно-правовых мер, не связанных с лишением свободы, создание приемлемых условий их исполнения, осужденные нередко нарушают порядок, установленный для ограничения свободы, назначенного в виде дополнительного наказания. К тому же иногда их правонарушения являются злостными, что влечет привлечение к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 314 УК РФ. При этом в обязанностях должностных лиц уголовно-исполнительных инспекций и дознавателей органов внутренних дел – обоснованное, законное, безупречное принятие решений, исключающих незаконное вторжение в права и свободы человека и гражданина, гарантированные Конституцией Российской Федерации.

[1] Ограничение свободы в качестве основного наказания назначается, к примеру, по ч. 2 ст. 175 УК РФ «Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем».

[2] Например, по ч. 2 ст. 228 УК РФ «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества» ограничение свободы назначается в качестве дополнительного наказания.

[3] В практической деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации существуют филиалы, межрайонные подразделения УИИ ГУФСИН, УФСИН, ОФСИН России.

В решении обозначенных вопросов первостепенную роль играет законное установление злостного уклонения лица от отбывания наказания в виде ограничения свободы. Другими словами, всякий раз требуется установить, что конкретный гражданин является злостным «уклонистом», нарушил запреты, установленные законодательством, и должен предстать перед судом.

Статья 53 УК РФ дает перечень условий, сопровождающих исполнение ограничений свободы [5, с. 113–121]. Они составляют систему отдельных запретов: уходить из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток; посещать определенные места[1], расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования; выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования; посещать места проведения массовых и иных мероприятий[2] и не участвовать в указанных мероприятиях; изменять место жительства или пребывания[3], место работы и (или) учебы без согласия УИИ в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Кроме перечисленного, законодатель установил и обязанность являться в уголовно-исполнительную инспекцию, осуществляющую надзор над отбыванием осужденным наказания в виде ограничения свободы, от одного до четырех раз в месяц для регистрации. При нарушении запретов, обязанностей, совершении противоправных действий, указанных в законе, на осужденного уполномоченными лицами УИИ (ФУИИ) последовательно (в определенные сроки) налагаются взыскания в виде предупреждения и предостережения.

Для установления основания именовать осужденного злостно уклоняющимся от отбывания наказания в виде ограничения свободы мы приняли решение провести дополнительный анализ содержания ст. 53 УК РФ, ст. 47.1, 50, 58 УИК РФ, «Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы»[4], регламентирующих порядок и условия исполнения наказания в виде ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного. Установить компетенцию должностных лиц уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России по обеспечению организации учета, надзора и контроля за осужденными, установления информационно-технических средств, актуализирующих их правовую деятельность по отслеживанию поведения осужденного. Определить регламент их деятельности по проверке фактов нарушения осужденными условий и порядка отбывания представляемого вида наказания и наложению взысканий в виде предупреждения и предостережения, сориентироваться в сроках действия взысканий. На основании проведенного анализа и полученных сведений сформировали две ситуации, обстоятельная оценка содержания которых позволит именовать осужденного злостно уклоняющимся от отбывания наказания и определить новое, предусмотренное ч. 1 ст. 314 УК РФ.

Ситуация первая – комплексная, обозначающая ряд условий, наличие которых составляет основание для возбуждения уголовного дела по признакам ч. 1 ст. 314

---

[1] В Постановлении Пленума Верховного Суда от 22 декабря 2015 г. № 58 говорится: «При установлении ограничения на посещение определенных мест суду следует указывать признаки таких мест (например, мест общественного питания, в которых разрешено потребление алкогольной продукции, детских учреждений)».

[2] «Ограничение в виде запрета на посещение мест проведения массовых мероприятий и участие в них может касаться как всех массовых мероприятий, так и тех из них, посещение которых и участие в которых, по мнению суда, будут препятствовать достижению целей наказания. Массовыми являются, например, общественно-политические (собрания, митинги, уличные шествия, демонстрации и др.), культурно-зрелищные (фестивали, профессиональные праздники, народные гуляния и др.) и спортивные (олимпиады, спартакиады, универсиады, соревнования по различным видам спорта и др. мероприятия)».

[3] Установление судом осужденному ограничений на изменение места жительства или пребывания без согласия УИИ (ФУИИ), а также выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования является обязательным.

[4] Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы: приказ Минюста России от 11 октября 2010 г. № 258. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

УК РФ. Ее содержание в обязательном порядке включает неоднократное противоправное поведение осужденного и законную, соответствующую норме УИК РФ реакцию на каждое из них должностных лиц УИИ. Названное поведение будет считаться противоправным, если:

а) осужденный допустил указанное в законе нарушение порядка и условий отбывания ограничения свободы;

б) на него было наложено взыскание в виде предупреждения. Оно должно выноситься уполномоченным лицом УИИ (ФУИИ)[1] в письменной форме с утверждением начальником данного органа объявлением осужденному под подпись (приказ Минюста от 11.10.2010 № 258);

б) это же лицо в течение одного года после объявленного предупреждения допустило нарушение порядка и условий отбывания рассматриваемого наказания;

в) к нему уполномоченными сотрудниками УИИ (ФУИИ) была применена мера взыскания в виде официального предостережения о недопустимости нарушения установленных судом ограничений. Документ также должен утверждаться начальником УИИ и объявляться осужденному под подпись;

г) осужденный, допустивший нарушение порядка и условий отбывания наказания в течение одного года после применения к нему взыскания в виде официального предостережения о недопустимости нарушения установленных судом ограничений, признается злостно уклоняющимся от отбывания наказания в виде ограничения свободы (ч. 4 ст. 58 УИК РФ). Он является субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314 УК РФ.

Нарушениями порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы (о которых говорилось выше) в соответствии с ч. 1 ст. 58 УИК РФ являются:

а) неявка без уважительных причин осужденного в уголовно-исполнительную инспекцию для постановки на учет. Как вариант такое правонарушение может быть связано с желанием осужденного уйти от опеки уполномоченных служащих УИИ, уйти в «тень», как говорят сами правонарушители. Удобным считается случай, когда осужденный, изменив адрес проживания, будучи направленным в другую (территориальную, межтерриториальную) УИИ, в компетенцию которой входит надзор над отбыванием им наказания в виде ограничения свободы, не прибывает на регистрацию;

б) несоблюдение без уважительных причин осужденным установленных судом ограничений, обозначенных ст. 53 УК РФ и перечисленных нами выше;

в) неявка осужденного в уголовно-исполнительную инспекцию по вызову без уважительных причин для дачи устных или письменных объяснений по вопросам, связанным с отбыванием им наказания. В соответствии с приказом Минюста от 11.10.2010 № 258 вызов осужденного в инспекцию осуществляется путем направления уведомления о дате явки в инспекцию с документами, удостоверяющими личность. Дата явки определяется с учетом объективных обстоятельств (расстояния, наличия транспортных возможностей, природно-климатических условий, времени года, выходных, праздничных дней). Уведомление также передается посредством телефонной, электронной и иной связи (при наличии сведений о телефонном номере осужденного, электронной почте).

Уведомление при посещении осужденного сотрудником инспекции вручается под подпись непосредственно ему, а при его отсутствии – лицам, проживающим совместно с ним при их согласии также под подпись. При отказе принять уведомление или расписаться за получение сотрудник инспекции делает соответствующую отметку

[1] Об утверждении Положения об уголовно-исполнительных инспекциях и норматива их штатной численности: постановление Правительства Рос. Федерации от 16 июня 1997 г. № 729. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

на уведомлении. В случае неявки осужденного в инспекцию после его официального информирования (приглашения) принимается решение о его приводе в инспекцию на основании постановления. При исполнении привода осужденному под подпись объявляется постановление. При отказе от подписи составляется акт;

г) неявка без уважительных причин осужденного в уголовно-исполнительную инспекцию для регистрации;

д) нарушение общественного порядка, за которое осужденный был привлечен к административной ответственности;

е) неуведомление уголовно-исполнительной инспекции (не позднее семи дней) об изменении места работы и (или) учебы в случаях, когда судом не установлено ограничение на изменение места работы и (или) учебы без согласия уголовно-исполнительной инспекции (ч. 3 ст. 20 УИК РФ, п. «е» ч. 1 ст. 58 УИК РФ).

Схема 1

Лицо является субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314 УК РФ, если:
1. Нарушило порядок исполнения наказания в виде ограничения свободы (ст. 53 УК РФ)
2. Подверглось (за допущенное нарушение) взысканию в виде предупреждения (ч. 2 ст. 58 УИК РФ)
3. В течение одного года после наложенного взыскания (предупреждения) вновь нарушило порядок и условия отбывания наказания в виде ограничения свободы
4. Вновь подверглось наказанию в виде официального предостережения о недопустимости нарушения ограничений, установленных судом
5. Лицо допустило нарушение порядка и условий отбывания наказания в течение одного года после применения к нему взыскания в виде официального предостережения о недопустимости нарушения установленных ограничений
Нарушения порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы (ч. 1. ст. 58 УИК РФ):
а) неявка без уважительных причин осужденного в уголовно-исполнительную инспекцию для постановки на учет
б) несоблюдение без уважительных причин осужденным установленных судом ограничений, обозначенных ст. 53 УК РФ
в) неявка осужденного в уголовно-исполнительную инспекцию по вызову без уважительных причин для дачи устных или письменных объяснений по вопросам, связанным с отбыванием им наказания
г) нарушение общественного порядка, за которое осужденный был привлечен к административной ответственности
д) неуведомление уголовно-исполнительной инспекции (не позднее семи дней) об изменении места работы и (или) учебы в случаях, когда судом не установлено ограничение на изменение места работы и (или) учебы без согласия уголовно-исполнительной инспекции (ч. 3 ст. 20 УИК РФ, п. «е» ч. 1 ст. 58 УИК РФ)

В качестве промежуточного вывода еще раз укажем, что осужденный будет признан злостно уклоняющимся от отбывания дополнительного наказания в виде ограничения свободы, если представленная комбинированная ситуация (она станет проверочной) будет включать в свое содержание пять далее перечисленных обстоятельств о том, что он:

1) нарушил одно из условий отбывания наказания, перечисленных в ч. 1 ст. 58 УИК РФ (п. а), б), в), г), д), представленных на схеме 1;

2) был официально обоснованно предупрежден (получил взыскание)[1] уполномоченным лицом УИИ (ФУИИ) (если в течение года со дня наложения взыскания не будет применено новое взыскание, осужденный считается не имеющим взыскания, а наложенное взыскание – погашенным (п. 54));

3) после этого в течение года вновь допустил одно из нарушений, указанных в ч. 1 ст. 58 УИК РФ (п. а), б), в), г), д) схемы 1;

4) был официально предостережен о недопустимости подобного поведения уполномоченным лицом УИИ (ФУИИ);

5) после полученного предостережения вновь в течение одного года нарушил установленные правила отбывания ограничения свободы.

Документы об установлении данного факта вместе с сообщением о преступлении уполномоченные лица УИС (ФУИС) передают в орган внутренних дел для последующего принятия решения о возбуждении уголовного дела по признакам ч. 1 ст. 314 УК РФ.

Ситуация вторая по своему наполнению информацией является единичной, безусловной – достаточно одного нарушения порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы, чтобы лицо было признано злостно уклоняющимся от отбывания наказания в виде ограничения свободы. Российский законодатель сосредоточил внимание правоприменителей на трех правонарушениях, допущенных осужденным, если он:

1) отказался исполнить решение должностного лица УИИ применить в отношении себя технические средства надзора и контроля[2]. В соответствии с ч. 4 ст. 53 УК РФ надзор за осужденным, отбывающим ограничение свободы, осуществляется порядком, предусматриваемым уголовно-исполнительным законодательством РФ и издаваемыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами уполномоченных федеральным органом исполнительной власти. В данном случае речь идет об Инструкции, объявленной приказом Минюста РФ от 11.10.2010[3].

2) в ней сказано: «Для обеспечения надзора, предупреждения преступлений и в целях получения необходимой информации о поведении осужденных инспекция <…> принимает решение об использовании аудиовизуальных, электронных и иных средств надзора и контроля» (п. 27);

3) скрылся с места жительства и место его нахождения не установлено в течение более 30 дней;

4) не прибыл в уголовно-исполнительную инспекцию по месту жительства в соответствии с предписанием (п. «г» ч. 4 ст. 58 УИК РФ). В соответствии с ч. 3 ст. 47.1 УИК РФ предписание вручается администрацией исправительного учреждения, где осужденный отбывал основное наказание, в нем намечается путь проезда (он осуществляется самостоятельно за счет средств федерального бюджета), время явки в УИИ по месту жительства для постановки на учет.

---

[1] О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

[2] Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых уголовно-исполнительными инспекциями для обеспечения надзора за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы: постановление Правительства Рос. Федерации от 31 марта 2010 г. № 198. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

[3] Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы: приказ Минюста России от 11 октября 2010 г. № 258. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

Схема 2

Лицо является субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314 УК РФ, если:
1. Отказалось применить в отношении себя технические средства надзора и контроля (п. «б» ч. 4 ст. 58 УИК РФ)
2. Скрылось с места жительства, и его нахождение не установлено в течение более 30 дней (п. «в» ч. 4 ст. 58 УИК РФ)
3. Не прибыло в уголовно-исполнительную инспекцию УИИ (ФУИИ) в соответствии с предписанием исправительного учреждения о выезде к месту отбывания ограничения свободы по определенному маршруту с указанием времени явки (п. «г» ч. 4 ст. 58 УИК РФ, ч. 3 ст. 47.1 УИК РФ)

В качестве краткого подведения итога к данной статье заострим внимание на следующих положениях:

1. Разрешение представленных в тексте двух различных по содержанию ситуаций не будет сказываться на специфике квалификации преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314 УК РФ. Однако комплексы уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных средств будут разниться. Наибольший их объем в сочетании с розыскной деятельностью дознавателя, взаимодействием с должностными лицами оперативно-розыскных подразделений ФСИН России, уголовно-исполнительных инспекций потребуется при установлении места нахождения осужденного, когда он скрылся с места жительства.

2. Обоснованное принятие уголовно-исполнительной инспекцией решения об использовании аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля к осужденным позволяет получать своевременную информацию об их поведении при отбывании ограничения свободы (существует система электронного мониторинга подконтрольных лиц) [10, с. 201–215].

3. В 2023 году под контролем систем электронного мониторинга подконтрольных лиц находились 22,5 тыс. осужденных к ограничению свободы [6, с. 201–215; 7]. Это позволяет осуществить значительный объем профилактической работы, предупреждая правонарушения при отбывании наказания в виде ограничения свободы (в 2023 году таких предупреждений в общей сложности было 7 тыс.).

1. Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Изданіе 1885 г. // Сводъ Законовъ Россійской Имперіи. Том XV.
2. Новое Уголовное Уложеніе. Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. Съ приложеніемъ Предметнаго Алфавитнаго Указателя. С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Изданіе Каменноостровскаго Юридическаго Книжнаго Магазина. В. П. Анисимова. 1903.
3. Уставъ о ссыльныхъ // Сводъ Законовъ Россійской Имперіи. Томъ XIV, Изданіе 1909 г.
4. Судебный департамент. Данные судебной статистики. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074 (дата обращения: 24.01.2026).
5. Шурухнов Н. Г. Классификация уголовно-правовых признаков ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного к лишению свободы, и особенности установления злостного уклонения от отбывания данного вида наказания при производстве дознания // Экономика. Право. Общество. 2025. № 4(44). С. 113–121.
6. Шурухнов Н. Г. Электронный мониторинг лиц, обязанных исполнять ограничение свободы: правовые и информационно-технические вопросы // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Тула: Тульский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2026. С. 201–215.

7. РЭА особого назначения: системы электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПЛ). СЭТА (Современная электроника и технологии автоматизации). URL: https://www.cta.ru/articles/soel/ 2025/se-2025-2/181097 (дата обращения: 12.02.2026).

1. Ulozhenie o nakazaniyax`` ugolovny`x`` i ispravitel`ny`x``. Izdanie 1885 g. // Svod`` Zakonov`` Rossijskoj Imperii. Tom XV.
2. Novoe Ugolovnoe Ulozhenie. Vy`sochajshe utverzhdennoe 22 marta 1903 g. S`` prilozheniem`` Predmetnago Alfavitnago Ukazatelya. S.-PETERBURGЪ. Izdanie Kamennoostrovskago Yuridicheskago Knizhnago Magazina. V. P. Anisimova. 1903.
3. Ustav`` o ssy`l`ny`x`` // Svod`` Zakonov`` Rossijskoj Imperii. Tom`` XIV, Izdanie 1909 g.
4. Sudebny`j departament. Danny`e sudebnoj statistiki. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=2074 (data obrashheniya: 24.01.2026).
5. Shuruxnov N. G. Klassifikaciya ugolovno-pravovy`x priznakov ogranicheniya svobody`, naznachennogo v kachestve dopolnitel`nogo k lisheniyu svobody`, i osobennosti ustanovleniya zlostnogo ukloneniya ot otby`vaniya dannogo vida nakazaniya pri proizvodstve doznaniya // E`konomika. Pravo. Obshhestvo. 2025. № 4(44). S. 113–121.
6. Shuruxnov N. G. E`lektronny`j monitoring licz, obyazanny`x ispolnyat` ogranichenie svobody`: pravovy`e i informacionno-texnicheskie voprosy` // Aktual`ny`e problemy` bor`by` s prestupleniyami i iny`mi pravonarusheniyami: materialy` Vseros. nauch.-prakt. konf. Tula: Tul`skij institut (filial) VGUYu (RPA Minyusta Rossii), 2026. S. 201–215.
7. RE`A osobogo naznacheniya: sistemy` e`lektronnogo monitoringa podkontrol`ny`x licz (SE`MPL). SE`TA (Sovremennaya e`lektronika i texnologii avtomatizacii). URL: https://www.cta.ru/articles/soel/ 2025/se-2025-2/181097/ (data obrashheniya: 12.02.2026).

Информация об авторе

Николай Григорьевич Шурухнов. Профессор кафедры организации правоохранительной и правозащитной деятельности Тульского института (филиала) (РПА Минюста России). Ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор.

Всероссийский государственный университет юстиции; Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний.

300026, Россия, г. Тула, пр. Ленина, 104.

Information about the author

Nikolaj G. Shurukhnov. Professor of the Chair of Organization of Law Enforcement and Human Rights Activities of the Tula Institute (branch) (RPA of the Ministry of Justice of Russia). Leading researcher of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow. Doctor of Law, Professor.

All-Russian State University of Justice; Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

300026, Russia, Tula, Lenin Avenue, 104.

Статья поступила в редакцию 10.05.2026; одобрена после рецензирования 15.05.2026; принята к публикации 13.07.2026.

The article was received in the editorial office on 10.05.2026; approved after review on 15.05.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
№ 2(107) 2026 г.
Научная статья
УДК 343.1

СТРАТЕГИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ И ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Яшин Василий Николаевич
Тульский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет (РПА Минюста России)», Тула, Россия

6021111@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются положения в качестве концептуальной основы, необходимой в качестве ориентира при совершенствовании уголовно-процессуального закона. Отмечается отсутствие в законе нормы, определяющей функции, цели и задачи уголовного судопроизводства, а также то, что отдельные основополагающие идеи, возведенные в ранг принципов, носят декларативный характер и имеют массив исключений, что нивелирует их значение по отношению к рядовым положениям закона. В этой связи автором формулируется ряд предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства. Особо обращается внимание на то, что у теоретиков и практиков накоплены значительные знания и опыт, которые могут способствовать эффективному решению этой задачи, если субъекты законотворческой деятельности начнут их учитывать и использовать при реформировании закона.

Ключевые слова: концепция, уголовное судопроизводство, принципы уголовного судопроизводства, метод уголовно-процессуального права, публичность.

Для цитирования: Яшин В. Н. Стратегия реформирования и дальнейшего развития уголовно-процессуального законодательства // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 2(107). С. 400–404.

STRATEGY FOR THE REFORM AND FURTHER DEVELOPMENT OF CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION

Vasily N. Yashin
Tula Institute (branch) of All-Russian State University of Justice, Tula, Russia

6021111@inbox.ru

Annotation. This article examines provisions defined as a conceptual framework necessary for guiding improvements to criminal procedure law. It notes the absence of a norm defining the function, purpose, and objectives of criminal proceedings, as well as the fact that certain fundamental ideas, elevated to the rank of principles, are declarative in nature and subject to numerous exceptions, which negates their significance relative to the standard provisions of the law. In this regard, the author formulates a number of proposals for improving criminal procedure legislation. Particular attention is drawn to the fact that theorists and practitioners have accumulated significant knowledge and experience that can contribute to the effective resolution of this problem if lawmakers begin to consider and utilize them when reforming the law.

***Keywords*:** concept, criminal proceedings, principles of criminal proceedings, method of criminal procedural law, publicity.

For citation: Yashin V. N. Modernization of the Institution of Termination of a Criminal Case and Criminal Prosecution in Russian Criminal Proceedings // Scientific Bulletin of the V. V. Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. № 2(107). P. 398–404.

Как верно отмечают специалисты, одной из важнейших тенденций развития российского законодательства в настоящее время является высокая интенсивность законотворческой деятельности. Причем эта тенденция только нарастает. Не является исключением и уголовно-процессуальное законодательство. Справедливости ради стоит отметить, что необходимость этого не вызывает особых нареканий ни у теоретиков, ни у практиков. В течение срока своего действия Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) претерпевал изменения и дополнения, которые порой кардинально меняли его сущность и содержание. Однако проблемой современного законотворческого процесса в данной сфере остается то, что изменения, вносимые в УПК РФ, порой носили фрагментарный характер, зачастую были лишены логичности и какой-либо системности [1, с. 106], а главное, не имели под собой глубокого научного анализа и не учитывали мнение практиков.

При этом следует согласиться с позицией специалистов, полагающих, что к настоящему моменту УПК РФ уже утратил единство, стал донельзя эклектичным [2, с. 55], а поэтому уже не дадут должного результата и радикальные меры, предлагаемые отдельными юристами, в частности наложение моратория на принятие поправок в действующие законы [3].

В этой связи представляется правильной мысль о необходимости выработки четкой стратегии переформатирования и дальнейшего развития уголовно-процессуального законодательства, и только после этого приступить к внесению поправок и дополнений в УПК РФ.

Как верно отмечает А. В. Победкин, в настоящее время законодатель, не имея внятной концепции реформирования уголовно-процессуального закона, находится в состоянии блуждания. Это порождает ситуацию, когда правоприменитель не только не успевает сориентироваться в перманентных изменениях закона, но не имеет возможности опереться на практические наработки [4, с. 74].

Аналогичного мнения придерживаются и разработчики Концепции уголовной политики в Российской Федерации, полагающие, что частое и несистемное изменение процессуального законодательства приводит к тому, что соответствующие новеллы не успевают освоить даже высококвалифицированные судьи, следователи и адвокаты [6].

Однако проект указанной Концепции грешил множеством частных нестержневых идей, может быть, именно поэтому она и не получила дальнейшего развития.

Второй попыткой в этом направлении можно считать организованную Минюстом России на базе Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации научную конференцию, посвященную вопросам формирования уголовно-правовой политики в условиях гуманизации уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Помимо известных ученых в области уголовно-правовой сферы, в работе конференции приняли участие представители Государственной Думы и Федерального Собрания Российской Федерации, сотрудники, аппарата Совета Безопасности Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации.

Участники мероприятия обсудили основные вопросы подготовки проекта Концепции, указав, что в данном документе в качестве одной из задач уголовно-правовой

политики должна быть обозначена криминологически обоснованная гуманизация уголовного законодательства.

Представляется, что смещение вектора развития уголовной политики с репрессивной модели на демократическую должно осуществляться постепенно и основываться на лучших достижениях отечественной и зарубежной науки и практики.

Как верно отмечают в своих работах отдельные авторы, гуманизация уголовного процесса должна сочетаться с незыблемостью судебной власти, повышением авторитета органов предварительного расследования и органов надзора. А уголовная политика, определяющая сущность и содержание уголовного процесса, ни в коей мере не должна абстрагироваться от системы общечеловеческих ценностей [7, с. 109].

Такие ценности никогда не уходили из жизни россиян, а приверженность им на современном этапе развития подтверждена на самом высоком уровне. В частности, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации базовые, формировавшиеся на протяжении столетий отечественной истории духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, нормы морали и нравственности закреплены в качестве приоритетных основ российского общества, позволяющих сохранять и укреплять суверенитет Российской Федерации.

К традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся, прежде всего, жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Потому Конституция Российской Федерации (ч. 3 ст. 55), предусматривая в качестве высшей ценности человека его права и свободы, тем не менее допускает их ограничение в целях защиты так называемых незыблемых, «абсолютных» ценностей – основы конституционного строя, нравственность, здоровье, права и свободы других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства [8, с. 112].

Если строить уголовно-процессуальный закон России на «абсолютных» ценностях, то именно эти ценности он и должен защищать, а значит этот постулат должен приобрести императивный характер, т. е. быть закрепленным в УПК РФ.

Предусмотренный для этого в действующем УПК РФ Раздел I «Основные положения», к сожалению, такую задачу не выполняет. Данный раздел в настоящее время не содержит положения вышеприведенного постулата, а те, которые в нем закреплены, либо носят отрывочный характер, либо пестрят пробелами.

В качестве недостатков действующей редакции анализируемого раздела УПК РФ следует указать, что из положений, которые можно трактовать как действительно основные, есть возможность назвать лишь попытку систематизации источников уголовно-процессуального права и принципы уголовного судопроизводства. Совершенно очевидно, что этого явно недостаточно, а кроме того, эти положения либо отрывочны, либо отличаются пробельностью.

В частности, относительно системы нормативных правовых актов, регламентирующих уголовное судопроизводство, предусмотренной ст. 1 УПК РФ, следует отметить, что в научной литературе неоднократно отмечалось отсутствие в данной норме полного перечня и четкой иерархии источников уголовно-процессуального права.

Представляется, что, учитывая позицию Конституционного Суда Российской Федерации, изложенную в одном из его постановлений, ч. 1 ст. 1 УПК РФ следует изложить в следующей редакции: «Порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается Конституцией РФ; международными договорами РФ; общепризнанными нормами и принципами международного права; федеральными конституционными законами; федеральными законами, улучшающими положение участни-

ков уголовного судопроизводства; настоящим кодексом; иными федеральными законами».

Кроме этого, необходимо наконец на законодательном уровне определить значение для уголовно-процессуального права предписаний, содержащихся в постановлениях Правительства РФ и нормативных правовых актах федеральных органов исполнительной власти, к которым неоднократно отсылает правоприменителя действующий УПК РФ (ч. 4 ст. 282, ч. 5 ст. 39, ч. 3, 4 ст. 81, ч. 3 ст. 811, ч. 11 ст. 1051, ч. 3 ст. 106, ч. 6 ст. 115, ч. 11 ст. 110, ч. 11 ст. 1152, ч. 9 ст. 208, ч. 4 ст. 421, ч. 4 ст. 4742 и др.).

Представляется также необходимым в анализируемом разделе предусмотреть положения, закрепляющие метод уголовно-процессуального регулирования.

Полагаем верной позицию, в соответствии с которой «<…> уголовно-процессуальное регулирование носит властный, преимущественно императивный характер <…>. В содержании регулятивной функции уголовно-процессуального права проявляется его публично-правовая природа» [9, с. 25].

Исходя из этого, подчеркнем, что действия должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, должны определяться исключительно предписаниями закона и обстоятельствами, установленными по уголовному делу и ни в коем случае не носить диспозитивный характер. И именно метод уголовно-процессуального регулирования должен лечь в основу обеспечения реализации указанных положений.

При этом публичность нельзя сводить только к положениям ч. 2 и 3 ст. 21 УПК РФ, исчерпывающимся обязанностью компетентных должностных лиц в каждом случае обнаружения признаков преступления принять предусмотренные законом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления, независимо от волеизъявления потерпевшего.

Учитывая то, что предназначением уголовного процесса является защита государства и общества от преступных проявлений, публичность как основное его проявление следует рассматривать в качестве одной из его функций.

В этой связи в основных положениях УПК РФ (раздел I) в качестве одной из функций уголовного процесса необходимо предусмотреть публичность. Положения же, обозначенные в ст. 6 УПК РФ «Назначение уголовного судопроизводства» (защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, и т. п.), следует рассматривать как следствие публичности, т. е. одной из функций уголовного процесса.

Очередным недостатком анализируемого раздела является отсутствие в нем нормы, закрепляющей цели и задачи отечественного уголовного судопроизводства.

А между тем в условиях публичности отечественного уголовного судопроизводства для законодателя, реформирующего данную отрасль права, цели и задачи уголовного процесса должны являться одним из ориентиров, определяющих пределы и направления совершенствования закона. Для государственных органов и должностных лиц, осуществляющих эту деятельность, в свою очередь, таковые должны являться основой правильного исполнения законодательных предписаний, а в случае необходимости – его интерпретирования и применения аналогии. Как справедливо отмечают некоторые специалисты, «всякая деятельность, не имеющая перед собой конкретной цели, бессмысленна» [10, с. 20].

И если даже согласиться с процессуалистами, отождествляющими назначение уголовного процесса, зафиксированное в ст. 6 УПК РФ, с целями [11, с. 24; 12, с. 22], то относительно задач уголовного процесса этого сделать не представляется возможным.

И тем не менее цели и задачи неразрывно связаны, образуя единое целое – целеполагание уголовно-процессуальной деятельности. Решая задачи, компетентное должностное лицо, осуществляющее уголовное судопроизводство, движется в направлении цели.

Поэтому, несмотря на неопределенность задач уголовного процесса с точки зрения правового регулирования, они вытекают из содержания целей и обобщенно составляют устоявшуюся формулу: быстрое и полное раскрытие преступления, назначение справедливого наказания, восстановление прав потерпевшего, воспитание и профилактика [13, с. 392].

В этой связи представляется необходимым дополнить ст. 6 УПК РФ ч. 3, закрепив в ней положения о задачах уголовного судопроизводства.

Существенным недостатком анализируемого раздела УПК является и то, что предусмотренные в нем формулировки и система принципов уголовного судопроизводства не в полной мере соответствуют их концептуальному статусу, а превратились, по сути, в ординарные, регулятивные нормы. В результате этого они не оказывают должного влияния на законотворческий процесс, как следствие принимаемые поправки в уголовно-процессуальный закон зачастую не соответствуют закрепленным в нем же принципам.

Основной причиной этого видится предусмотренная в действующем законе допустимость исключений из положений, возведенных в ранг принципов. Однако представляется, что принцип не может иметь исключений, ибо, если основополагающая идея действует не всегда, ее нельзя считать таковой. В противном случае принцип не является сдерживающим фактором ни для законодателя, ни тем более для правоприменителя, а посему приобретает декларативный характер и становится бесполезным.

Между тем предназначение, социальная, политическая и правовая сущность любой отрасли права, в том числе и уголовно-процессуальной, определяются заложенными в нее основополагающими идеями, то есть принципами.

Резюмируя изложенное, можно констатировать, чтобы в какой-то мере обеспечить стабильность действия основополагающих идей (принципов) отечественного уголовного судопроизводства, а также их взаимосвязанную и взаимообусловленную систему, целесообразно предусмотреть особый, относительно усложненный порядок внесения изменений и дополнений в нормы УПК РФ, закрепляющие данные положения. Более того, учитывая, что законодатель утратил должное уважение к принципам уголовного судопроизводства, следует согласиться с процессуалистами, которые говорят о необходимости прохождения экспертизы на соответствие принципам всем законопроектам, предусматривающим внесение изменений в УПК РФ [14, с. 141].

Кроме этого, в разделе УПК РФ, посвященном основным положениям уголовного процесса, должны найти отражение нормы, закрепляющие функции уголовного судопроизводства, методы уголовно-процессуального регулирования, а также цели и задачи уголовного судопроизводства.

---

1. Галимова М. А., Галимов О. Х., Галимова А. О. Становление и развитие уголовно-процессуального закона России: история формирования // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 1(50). С. 106–113.
2. Победкин А. В. О генезисе, структуре и содержании основных положений уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Актуальные проблемы организации правоохранительной и правозащитной деятельности: мат. Всероссийской научно-практической конференции (Тула, 26 января 2018 г.). Тула: Тул. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2018. С. 45–54.
3. Кучерена А. Г. Правосудие – и никаких сделок // Российская газета: 01.мвд.рф. URL: https://01.мвд.рф/news/item/3016335/ (дата обращения 28.10.2025).

4. Победкин А. В. Уголовно-процессуальное законодательство России: идейное содержание, форма, качество // Судебная власть и уголовный процесс. 2023. № 1. С. 73–85.
5. Воскобитова Л. А. Адвокатура – за баланс интересов // Адвокатская газета. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/reformirovanie-ugolovnogo-zakonodatelstva-dolzhno-byt-tselesoobraznym/ (дата обращения: 10.10.2025).
6. Кондрат И. Н. Концепция уголовной политики и совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 3(30). С. 105–109.
7. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Победкин А. В. Содержание уголовно-процессуального закона как выражение объективной социальной потребности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 3(26). С. 110–118.
9. Берова Д. М. Основы теории функционализма в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2011. 47 с.
10. Васильев О. Л. Цели и задачи предварительного расследования и его форм // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2002. № 3. С. 20–43.
11. Володина Л. М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. М., 2006. 362 с.
12. Евлоев Р. М. Процессуальные гарантии защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений (стадия предварительного расследования): дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2005. 210 с.
13. Наумов К. А. Цели и задачи (назначение) уголовного процесса // Сибирское юридическое обозрение. Том 17. № 3. 2020. С. 386–393.
14. Победкин А. В. Принципы уголовного судопроизводства: быть, но какими? // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. [в 2 т.] Том 1. (Тула, 25 января 2025 года) / отв. ред. В. Н. Яшин. Тула: Тул. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2025. С. 134–143.

1. Galimova M. A., Galimov O. X., Galimova A. O. Stanovlenie i razvitie ugolovno-processual`nogo zakona Rossii: istoriya formirovaniya // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 1(50). S. 106–113.
2. Pobedkin A. V. O genezise, strukture i soderzhanii osnovny`x polozhenij ugolovno-processual`nogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Aktual`ny`e problemy` organizacii pravooxranitel`noj i pravozashhitnoj deyatel`nosti: mat. Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Tula, 26 yanvarya 2018 g.). Tula: Tul. in-t (filial) VGUYu (RPA Minyusta Rossii), 2018. S. 45–54.
3. Kucherena A. G. Pravosudie – i nikakix sdelok // Rossijskaya gazeta: 01.mvd.rf. URL: https://01.mvd.rf/news/item/3016335/ (data obrashheniya 28.10.2025).
4. Pobedkin A. V. Ugolovno-processual`noe zakonodatel`stvo Rossii: idejnoe soderzhanie, forma, kachestvo // Sudebnaya vlast` i ugolovny`j process. 2023. № 1. S. 73–85.
5. Voskobitova L. A. Advokatura – za balans interesov // Advokatskaya gazeta. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/reformirovanie-ugolovnogo-zakonodatelstva-dolzhno-byt-tselesoobraznym/ (data obrashheniya: 10.10.2025).
6. Kondrat I. N. Koncepciya ugolovnoj politiki i sovershenstvovanie ugolovnogo i ugolovno-processual`nogo zakonodatel`stva // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2013. № 3(30). S. 105–109.

7. O Strategii nacional`noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta Ros. Federacii ot 2 iyulya 2021 g. № 400. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».
8. Pobedkin A. V. Soderzhanie ugolovno-processual`nogo zakona kak vy`razhenie ob``ektivnoj social`noj potrebnosti // Biblioteka kriminalista. Nauchny`j zhurnal. 2016. № 3(26). S. 110–118.
9. Berova D. M. Osnovy` teorii funkcionalizma v ugolovnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. … d-ra yurid. nauk. Krasnodar, 2011. 47 s.
10. Vasil`ev O. L. Celi i zadachi predvaritel`nogo rassledovaniya i ego form // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11: Pravo. 2002. № 3. S. 20–43.
11. Volodina L. M. Problemy` ugolovnogo processa: zakon, teoriya, praktika. M., 2006. 362 s.
12. Evloev R. M. Processual`ny`e garantii zashhity` prav i zakonny`x interesov licz, poterpevshix ot prestuplenij (stadiya predvaritel`nogo rassledovaniya): dis. … kand. yurid. nauk. SPb., 2005. 210 s.
13. Naumov K. A. Celi i zadachi (naznachenie) ugolovnogo processa // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. Tom 17. № 3. 2020. S. 386–393.
14. Pobedkin A. V. Principy` ugolovnogo sudoproizvodstva: by`t`, no kakimi? // Aktual`ny`e problemy` bor`by` s prestupleniyami i iny`mi pravonarusheniyami: materialy` Vserossijskoj nauch.-prakt. konf. [v 2 t.] Tom 1. (Tula, 25 yanvarya 2025 goda) / otv. red. V. N. Yashin. Tula: Tul. in-t (filial) VGUYu (RPA Minyusta Rossii), 2025. S. 134–143.

Информация об авторе

Василий Николаевич Яшин. Заведующий кафедрой уголовного права и процесса кандидат юридических наук, доцент.

Тульский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет (РПА Минюста России)».

300026, Россия, г. Тула, пр-т Ленина, 104.

Information about author

Vasily N. Yashin. Head of the Department of Criminal Law and Procedure, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Tula Institute (branch) of All-Russian State University of Justice.

300026, Russia, Tula, Lenin Avenue, 104.

Статья поступила в редакцию 10.04.2026; одобрена после рецензирования 15.05.2026; принята к публикации 13.07.2026.

The article was received in the editorial office on 10.04.2026; approved after review on 15.05.2026; accepted for publication on 13.07.2026.

ТРЕБОВАНИЯ,
предъявляемые к статьям, представляемым для опубликования
в журнале «Научный вестник Орловского юридического института
МВД России имени В. В. Лукьянова»

В целях ускорения прохождения рукописей к принятию к опубликованию в журнале просим соблюдать следующие требования.

Содержание статей должно отражать современные проблемы права и государства, их исторический аспект, актуальные вопросы юриспруденции. Тематика научных статей, принимаемых к опубликованию в журнале, должна соответствовать отрасли «Юридические науки» по специальностям: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

К рассмотрению не принимаются **рукописи, опубликованные в других изданиях**. Если рукопись статьи одновременно направлена в другое издание либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

В статье не должно быть **сведений ограниченного распространения**, ответственность за соблюдение режима секретности возлагается на автора и должностных лиц, осуществляющих контроль за соблюдением режима секретности, в соответствии с законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России.

Статья представляется в **бумажном и электронном варианте.** В бумажном – на одной стороне листов формата А4 (210х297 мм), заверенном подписью автора(ов). Электронная версия статьи в виде файла MS Word должна соответствовать распечатке и иметь в названии файла фамилию автора, например: Ivanov.docx, Ivanov-Petrov.docx.

Объем статьи вместе со сведениями об авторах, списком используемой литературы и ключевыми словами должен соответствовать 24–26 тыс. знаков, считая пробелы, с учетом рисунков, графиков и таблиц. Основной текст рукописи набирается через 1 интервал гарнитурой PT Astra Serif (12-й кегль) без знаков ручного переноса, неразрывных и двойных пробелов. Все поля на страницах должны быть одинаковы и равны 2,5 см. Абзацный отступ – 1,25 см.

В статье должен быть указан номер по Универсальной десятичной классификации **(УДК)** и **шифр научной специальности**, соответствующий тематике статьи.

Название статьи набирается на русском и английском языках полужирным шрифтом, **ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ,** без абзацного отступа и центрируется относительно полосы набора.

Информация об авторе на русском и английском языках включают: Ф.И.О., ученую степень, ученое звание, занимаемую должность, место работы (в именительном падеже) и электронный адрес.

Статья должна быть снабжена **аннотацией** на русском и английском языках с объемом 500–1000 знаков, включая пробелы. В аннотации должна быть четко сформулирована основная идея статьи (она должна содержать характеристику темы исследования, раскрывать актуальность, степень разработки, теоретико-методологическое и практическое значение темы, цель работы и ее результаты).

Статья также должна содержать **список ключевых слов** на русском и английском языках (шесть-десять основных слов (словосочетаний) статьи, характеризующих проблематику статьи, через запятую).

Статья авторов – адъюнктов (аспирантов) должна содержать **благодарность** научному руководителю с указанием занимаемой должности, места работы, ученой степени, ученого звания и Ф.И.О.

Размещение **таблиц, рисунков, диаграмм, схем и другого иллюстративного материала** на страницах с альбомной (горизонтальной) ориентацией не допускается. Графики, диаграммы не должны иметь сплошную (в т. ч. цветную) заливку.

Рисунки и таблицы (размер используемого шрифта – 12 пунктов) должны быть в черно-белом или полутоновом исполнении размещены в тексте после абзацев, содержащих ссылки на них (см. таблицу 1).

Таблица 1
Заголовок таблицы

Текст	Текст	Текст	Текст	Текст

Схемы должны иметь общую группировку всех объектов, входящих в них, быть центрированы относительно полосы набора.

Размеры и разрешение рисунков должны обеспечивать их дальнейшее качественное полиграфическое воспроизведение.

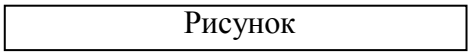

Рис. 1. Название рисунка.

При использовании в тексте **аббревиатур** необходимо приводить их расшифровку, а в скобках – аббревиатуру с последующим использованием ее без расшифровки. Например, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ).

К рассмотрению принимаются статьи, имеющие **оригинальность не менее 60%.** Текст статьи проверяются системой специализированного программного обеспечения («Антиплагиат»). По решению редакционной коллегии статья может быть рекомендована к опубликованию в журнале и в том случае, если оригинальность статьи ниже установленного порогового значения.

Цитаты и заимствования текста из научных источников должны сопровождаться соответствующими **ссылками**, которые оформляются арабскими цифрами в квадратных скобках с указанием через запятую страницы, на которой размещается цитируемый текст, например: «По мнению П. А. Лупинской, ...» [1, с. 100].

Ссылки должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ Р 7.05.-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Каждый используемый научный источник указывается в списке литературы **один раз в порядке упоминания** в тексте.

При повторном использовании данного источника в квадратных скобках указывается тот же порядковый номер из списка литературы. Указание в списке литературы источников, на которые нет ссылок в тексте, не допускается.

Список литературы, как правило, должен содержать от 8 до 20 источников.

Обязательная версия списка литературы на латинице размещается в статье сразу за списком русскоязычных (исходных) ссылок и подготавливается автором(ами) статьи из русскоязычных ссылок независимо от того, имеются ли иностранные источники. На сайте http://translit.ru можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу, выбрав стандарт BGN.

Ссылки на нормативные акты, иные официальные документы и электронные источники информации, сведения об анкетировании и т. п. указываются в виде постраничных сносок с нумерацией на каждой странице.

Ссылки должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ Р 7.05.-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Статья должна быть обязательно **подписана автором (соавторами)** следующим образом: «Своей подписью подтверждаю, что материал вычитан, цифры, факты сверил с первоисточником. Ранее статья нигде не публиковалась.

Я безвозмездно предоставляю редакции журнала права на опубликование моей статьи, в том числе на неограниченное ее распространение любым способом, включая создание ее электронного варианта, с целью доведения статьи до всеобщего сведения».

Авторам-адъюнктам дополнительно следует указать: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее указываются: дата, Ф.И.О. руководителя, его подпись.

При наличии **соавторов** необходимо указать, что ими внесен равный вклад в написание статьи, или указать объем вклада каждого соавтора, а также отметить заявление об отсутствии конфликта интересов.

К статье прилагаются:

краткий отчет о проверке статьи на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения, сформированный программой;

для научных статей адъюнктов, аспирантов, магистрантов – отзыв научного руководителя.

Образец оформления статьи размещен на веб-сайте по адресу: https://орюи.мвд.рф/Nauka/nauchnij-zhurnal-instituta

Уважаемые читатели и авторы!

Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать, сокращать объем статей и принимать решение о включении их в журнал. Отклоненные материалы не возвращаются. Научные материалы, оформленные с нарушением требований или поступившие после контрольного срока, могут быть опубликованы в последующих номерах журнала. Ответственность за достоверность фактов, библиографических ссылок и правильность цитирования несут авторы статей.